

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

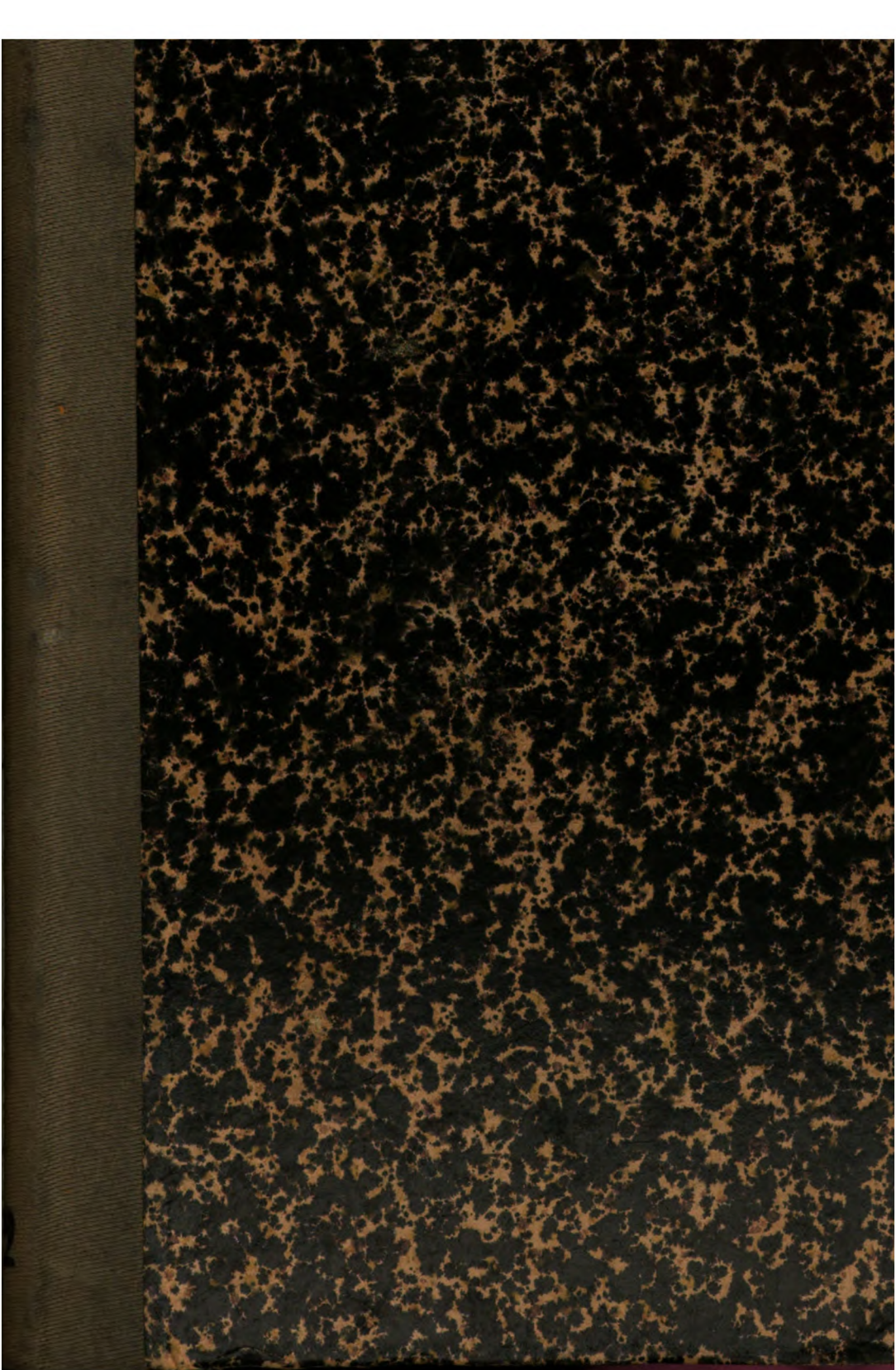
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav 2.36.4 ($\frac{1869}{9}$)

ПРОВ. 10
1940

ПОБЕРЕЖНО
1955 г.

НОЯ 1947

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ДѢЛО

СЕНТЯБРЬ.

3
1869
9

СОДЕРЖАНИЕ.

- I. ВЪ РАЗВРОДЪ. Романъ въ двухъ частяхъ.
(Гл. V—IX) А. МИХАЙЛОВА.
- II. МЕЖДУ МОЛОТОМЪ И НАКОВАЛЬНОЙ.
Романъ. (Окончаніе) ФР. ШПИЛЬГАГЕНА.
- III. * Стихотвореніе С. А—ДИНА.
- IV. ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ.
(Статья первая) С. С. ШАНКОВА.
- V. ПОЪЗДКА ЛЬВА. (изъ Фрейлиграта). Сти-
хотвореніе П. И. ВЕЙНБЕРГА.
- VI. ОПЫТЫ ПРЕВРАЩЕНІЯ НОВЫХЪ ЛЮДЕЙ
ВЪ СТАРЫХЪ. (Парагвай) ЭЛИ РЕКЛЮ.
- VII. ЗОЛОТО. (Изъ Т. Гуда). Стихотвореніе Д. Д. МИНАЕВА.
- VIII. ОВЩИНА И ЕЯ ЖИЗНЬ ВЪ РУССКОМЪ
ОСТРОГѢ. Записки, веденныя въ тюрьмѣ.
(Гл. III—IV). Н. СЕМИЛУЖИНСКАГО.
- IX. РОКОВЫЕ КОНТРАСТЫ. (Изъ Барри Кор-
нуэля). Стихотвореніе Д. Д. МИНАЕВА.
- X. ЖИЗНЬ (Изъ Лонгфело). Стихотвореніе Д. СВІЯЖСКАГО.
- XI. ПЕРЕДЪ МОГИЛОЙ. Стихотвореніе А. Ш.

См. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ХІІ. ЛЮДИ СОРОКОВЫХЪ И ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ. И Ш.

(Люди сороковыхъ годовъ. Романъ Писемскаго, «Заря» 1869 г.).

ХІІІ. НОВЫЯ КНИГИ.

Голосъ изъ земства. А. Кошелева. Москва 1869 г. — Исторія цивилизаціи Германіи. І. Шерра, переводъ съ 3-го изданія А. Невѣдомскаго и Д. Писарева. Спб. 1869 г.—Римскіе папы, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Соч. Леопольда Ранке, переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1869 г. 2 тома . . . Н. В. ШЕЛГУНОВА.

Психо-физиологическіе этюды А. Ваза, профессора логики въ эбердинскомъ университетѣ. Пер. съ англ. Ф. Резенера. Изд. «Русской книжной торговли». Спб. 1869 г.

ХІV. ЖУРНАЛИСТИКА 1869 ГОДА ОК—РЦА.

(Новые романы старыхъ романистовъ. Статья первая.)

ХV. ОРГАНИЗАЦІЯ ТРУДА АМИ.

(Les associations ouvrières en Angleterre (trades-unions), Par M. le comte de Paris. Paris, in—8°, 1869.).

ХVІ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА. ЖАКА ЛЕФРЕНА.

Контрастъ между Англіей и континентальной Европой.—Способность англичанъ вести общее дѣло.—Сила общественнаго мнѣнія въ Англии ломаетъ старыя традиціи.—Затруднительное положеніе католическаго духовенства въ Ирландіи вслѣдствіе церковнаго билля.—Эпидемія пропаганды.—Широкіе размѣры дѣятельности партій секуляристовъ.—Ея успѣхи.—Замѣчательный ораторъ и политическій дѣятель Брадло.—Борьба шабашниковъ съ лигеями воскресенья.—Противодѣйствіе со стороны общественнаго мнѣнія пуризму читателей воскреснаго дня.—Отраженіе въ Англии событій европейскаго континента.—Демократизированіе англійской палаты общинъ.—Сближеніе англійскихъ высшихъ классовъ съ рабочими.—Ужасное устройство рабочихъ домовъ.—Дѣтубійство и самоубійство въ виду безвыходной нищеты.—Мудрые епископы.—Переполохъ бонапартистовъ.—Статья Бичеръ-Стоу о Байронѣ.—Паденіе вѣры въ Индіи.

ХVІІ. ЧТО ДѢЛАЮТЪ И ЧТО МОГУТЪ ДѢЛАТЬ ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ОБЩЕСТВА И ИХЪ ИЗДАНІЯ? . . . Н. ТИМАШЕВА.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О”

въ 1870 году.

Издание журнала «ДЪЛО» будетъ продолжаться въ 1870 году на прежнихъ основаніяхъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р.
съ пересылкой 15 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургъ . . 15 р.

На полгода:

безъ пересылки и доставки . . . 7 р. 50 к.
съ пересылкой иногородн. . . . 8 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургъ . . 8 р. 25 к.

Подписка адресуется въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“—(адресъ ея извѣстенъ Почтамту). Въ книжный магазинъ М. О. Вольфа (въ Гостинномъ Дворѣ № 18, 19 и 20). Въ Москвѣ: въ книжные магазины И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ въ д. Алексѣева) и М. М. Черенина (на Рождественкѣ въ д. Торлецкаго.)

Примѣчаніе. По новому десяти-процентному почтовому тарифу, объявленному на 1870 годъ для ежемѣсячныхъ журналовъ, Редакція уплачиваетъ Почтамту за пересылку «Дѣла» 1 р. 40 к., а 10 коп. при подпискѣ на годъ и 25 к. на полгода считается на расходы по упаковкѣ и доставкѣ книгъ въ Газетную Экспедицію.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(по Троицкому переулку, домъ Гассе № 13.)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАВІЯ:

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Съ рисунками. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Два тома около 70-ти печатн. листовъ. Цѣна безъ перес. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. Т. Гексли. Изд. второе. Перев. съ англійскаго съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ перес. 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Ц. трехъ выпускамъ безъ перес. 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.

Отъ земли до луны. Ж. Верна. Перев. съ французскаго. Ц. безъ перес. 1 р. съ перес. 1 20 к.

Книгопродавцамъ и подписчикамъ на журналъ «ДѢЛО» дѣлается уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ.

ПРАВИЛА

И

ПРОГРАММЫ

Для поступленія въ высшія и среднія учебныя заведенія гражданскаго, военнаго и морскаго вѣдомствъ на 1869—70 годъ. **Изданіе второе**, исправленное и дополненное на основаніи данныхъ, сообщенныхъ и опубликованныхъ начальствами учебныхъ заведеній. Цѣна 75 к. сер.

Требовать непременно второе исправленное изданіе.

У всѣхъ книгопродавцевъ.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1869.

ТИПОГРАФІА А. МОРГЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕТРУДКѢ, ДОМЪ ГАССЯ.

24443

²
Ръкоп. 236.4 ($\frac{1869}{9}$)
✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 сентября 1869 года.

1272

ВЪ РАЗВРОДЪ.

(Изъ исторіи нашей семьи.)

У.

Наказаніе преступниковъ.

Чуланъ на чердакѣ имѣлъ шесть шаговъ въ длину и четыре въ ширину. Хламъ, наваленный въ углу, пара гвоздей, станокъ отъ пилы, зазубрившійся рубанокъ, суповой горшокъ съ отбитымъ краемъ и тому подобныя вещи показывали, что сюда когда-то сваливались негодные къ употребленію предметы. Нѣсколько гвоздей, вбитыхъ въ стѣну, и двѣ протянутыя подъ потолкомъ бичевки говорили, что здѣсь вѣшалось бѣлье. Бичевки были тонки, ихъ было только двѣ — ясно, что здѣсь вѣшалась только мелочь, въ родѣ кружевныхъ манишекъ, батистовыхъ платковъ и тому подобныхъ небольшихъ, но дорогихъ вещей. Въ чуланъ вела дверь съ чердака, замыкавшаяся висячимъ замкомъ; въ противоположной сторонѣ было слуховое полукруглое окно. Два изъ небольшихъ трехугольныхъ стеколъ въ окнѣ были разбиты и въ нихъ подуваль вѣтерокъ. На полу, въ углу около окна, лежало нѣчто въ родѣ стараго матраца и жесткой подушки; подушка была смята и, казалось, что на ней еще очень недавно кто-то спалъ. Когда я немного поуспокоился и сталъ осматривать чуланъ, я увидалъ на полу кружку съ водой и краюху чернаго хлѣба. Это было приготовлено для меня.

Кромѣ этихъ вещей, хлама и бичевокъ я замѣтилъ на стѣнѣ надъ самымъ матрацомъ, между какими-то арифметическими выкладками, надпись: «мая навекъ.» Надпись была сдѣлана такъ близко отъ полу, что ее было можно сдѣлать только лежа. Буквы были написаны неумѣлою, невѣрною рукою, какъ писалъ лавочные счета Василій. Я догадался, что это писалъ онъ, вспомнивъ только теперь, что этотъ чуланъ былъ единственнымъ собственнымъ угломъ Василья въ лѣтнее время. Уголъ былъ непривлекателенъ и, вѣроятно, въ жары здѣсь была страшная духота. Зимой же здѣсь нельзя было спать отъ холода, и Василій въ зимнюю пору валялся, какъ собака, на полу въ передней, гдѣ ему приходилось подниматься съ пѣтухами до свѣта, чтобы успѣть прибрать жалкія лохмотья, служившія ему и ложемъ, и покрываломъ. По большей части онъ спалъ, даже не раздѣваясь, такъ какъ въ передней дуло, и, сверхъ того, Бубновъ нерѣдко звалъ къ себѣ доньщика даже ночью во время своихъ ночныхъ занятій. Такое положеніе въ домѣ навлекло на Василья вѣчные упреки и брань за то, что его одежда всегда покрыта пылью, а лицо выглядитъ заспаннымъ. «Чортъ его знаетъ, говорилъ Бубновъ, онъ точно въ грязи съ свиньями валяется и на ходу спитъ.»

Постоявъ около надписи, я отошелъ къ окну; къ сожалѣнію, изъ него не было ничего видно, кромѣ неба и верхушекъ деревъ нашего сада. Улицы не было видно, она отдѣлялась отъ чердака этимъ садомъ; да если бы окно и выходило на улицу, то и тогда я увидалъ бы немного; оно было далеко отъ края крыши и не открывалось, такъ что я не могъ бы просунуть въ него голову. Я походилъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ на матрацъ, чутко прислушиваясь, не идетъ ли кто вибуди. Но въ домѣ, повидимому, все замерло, по крайней мѣрѣ, до меня не долетало ни единого звука. Прошло довольно много времени, когда послышался глухой шумъ: мнѣ показалось, что къ воротамъ нашего дома подѣхали дрожки, потомъ вторыя, и черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ смутные звуки бѣготни — всѣ эти звуки были глухи, разлѣвались какъ будто на очень большомъ разстояніи. Мнѣ казлось, что кто-то поднимается на лѣстницу, но это было такъ далеко! Я притаилъ дыханіе и

ждалъ, не ко мнѣ ли идутъ. Нѣтъ, шумъ шаговъ затихъ. Мнѣ стало казаться, что обо мнѣ забыли. Эта мысль испугала меня: я началъ представлять себѣ, что меня оставятъ здѣсь навсегда, что я умру съ голоду. Повидимому, это была ни съ чѣмъ несообразная, чисто-дѣтская мысль, но я помню годы, когда я былъ уже далеко не ребенкомъ и когда мнѣ пришлось снова сидѣть въ такомъ же узкомъ и сверхъ того сыромъ углу, гдѣ вмѣсто полукруглаго окна были четыре грязныя стекла съ желѣзными рѣшетками, куда не долетало даже смутныхъ звуковъ живущаго на свободѣ міра, и тогда опять мнѣ казалось, что меня забыли, и мое сердце сжималось отъ ужаса. Забыть, вычеркнуть человѣка изъ списка живыхъ—это такъ легко! Кто станетъ справляться, куда онъ изчезъ, а если кто нибудь и вздумаетъ справиться, то къ чему это поведетъ? Отвѣтять: пропалъ безъ вѣсти, умеръ,—и конецъ. Отвѣтять это такимъ леденящимъ тономъ, съ такимъ зловѣщимъ взглядомъ, что упадетъ всякая охота справляться, и любопытные люди, труся за самихъ себя, за свою собственную безопасность, перестанутъ мѣшаться не въ свое дѣло. О, мой ребяческій страхъ, какъ долго я смѣялся надъ тобою,—но потомъ, черезъ долгіе годы, я сталъ серьезнѣе относиться къ тебѣ и зналъ, что можетъ наступить пора, когда ты снова воскреснешь въ моей душѣ, бросая меня и въ жаръ, и въ холодъ.

Въ ужасѣ я началъ плакать и стучать въ дверь и въ стѣну,—никто не откликнулся. Тоненькія стѣны, по которымъ я билъ кулаками и ногами, издавали жидкіе звуки; эти звуки замирали на чердакѣ и не доходили до дяди, самого ближайшаго моего сосѣда. Я началъ стучать въ полъ, но оказалось, что онъ былъ очень тонокъ и насланъ въ одну доску по балкамъ, на значительномъ разстояніи отъ земляной насыпи чердака; достучаться до чего нибудь, дать знать о себѣ кому нибудь было трудно. Не больше пользы принесли и мои крики: чердакъ, какъ я сказалъ, выходилъ окномъ въ садъ, гдѣ теперь не было никого. Утомленный безплодными криками и вознею, я сѣлъ на матрацъ и началъ ѣсть. Меня уже давно томилъ голодъ. Половина хлѣба была съѣдена, половина воды была выпита. Я на нѣсколько времени успокоился. Потомъ во мнѣ снова начало пробуждаться

чувство нетерпѣнія и злобы. Оно все росло и росло съ каждой минутой и стало наконецъ нестерпимымъ. Заливаясь горькими слезами, я со злостью, съ яростью сталъ колотить объ полъ руками и ногами. Мнѣ хотѣлось или разбить свою тюрьму или разбиться самому. Никогда ненаказываемый до этой поры, я вдругъ былъ подвергнутъ такому тяжелому для меня испытанію и не могъ покориться. Я легче бы перенесъ сѣченье. Я не боялся физической боли, привыкнувъ къ ушибамъ и порѣзамъ, но потерять свободу, мнѣ, привыкшему къ волѣ, было нестерпимо трудно. Довольно долго продолжалась моя безпомощная, дикая злоба. Но подъ вліаніемъ физической боли и усталости мало-по-малу она стала утихать, на смѣну ей появились размышленія о томъ, что моя мать, можетъ быть, умерла. До меня смутно долетали звуки подѣвжающихъ къ воротамъ и уѣзжающихъ обратно дрожекъ. Кто это ѣздитъ и зачѣмъ? Не служатъ ли теперь панихиду по моей матери? Что я буду дѣлать безъ нея? Оставитъ ли меня Бубновъ здѣсь или возьметъ къ себѣ? Не вступится ли за меня дядя? Неужели и онъ забылъ обо мнѣ и не спроситъ, гдѣ я? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ не являлось отвѣта, я лежалъ въ полузабытѣи, изрѣдка открывая глаза и осматриваясь, гдѣ я. Эта дремота продолжалась довольно долго. Въ чуланѣ между тѣмъ становилось все темнѣе и темнѣе. Мысли о матери, о моей будущей судьбѣ начали разсѣиваться передъ ужасомъ настоящаго: я, всегда смѣлый, начиналъ трусить. Тревожно смотрѣлъ я, уже совершенно очнувшись, въ окно и видѣлъ, какъ позолотились съ одной стороны края облаковъ, какъ они становились все ярче и ярче и потомъ стали блѣднѣть, а сами облака стали превращаться изъ ослѣпительно бѣлыхъ и легкихъ въ тяжелыя, свинцовыя тучи, клубившіяся и разстилавшіяся по небу подобно дыму. Я напряженно слѣдилъ за послѣдними бѣлыми мѣстами облаковъ, за ихъ послѣдними золотистыми краями и, кажется, готовъ былъ плакать, молиться, чтобы удержать хоть на минуту эти послѣдніе отблески дня и солнца. Какъ я дорожилъ въ эту минуту свѣтомъ! Но вотъ погасла и послѣдняя золотая тонкая змѣйка, исчезло послѣднее бѣлое облачко, и сѣрыя тучи поплыли однообразною, сгущающеюся массой. Я оглядѣлся въ комнатѣ: на полу, на стѣнахъ

и въ углахъ около окна былъ уже легкій сумракъ; свѣтлѣе былъ тотъ конецъ чулана, гдѣ была дверь, но мало-по-малу потемнѣлъ и онъ. Въ чуланѣ стало дѣлаться холоднѣе. Я сѣлъ въ уголь и не шевелился, прислушиваясь къ каждому звуку: около меня, за стѣной слышалось, что кто-то скребетъ доски, — я пошевелился, застучалъ кулакомъ, закричалъ, — шорохъ утихъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ начался снова и снова затихъ при моемъ движеніи. Несмотря на страхъ, я занялся этимъ явленіемъ на нѣсколько времени и инстинктивно былъ радъ, что на свѣтѣ есть хоть мышь, которая бонится меня даже теперь. Миѣ было пріятно пугать ее. Но скоро мое вниманіе было отвлечено новыми звуками: въ крышу надо мной, а потомъ подъ окномъ начали звонко ударять крупныя капли дождя. Сначала это были рѣдкіе, отчетливо отдѣлявшіеся звуки; потомъ они стали чаще слѣдовать одинъ за другимъ; наконецъ полились быстро, торопливо, какъ бы перебивая, какъ бы стараясь заглушить другъ друга. Миѣ казалось, что эти ручьи то злобно и бѣшено спорили и воевали между собой; то чудилось, что они, уставъ враждовать, сливались въ одинъ дружный и грозный потокъ, заливавшій землю. Удивительно дѣйствуютъ эти, въ сущности, однообразныя, равномерно усиливающіеся, равномерно утихающіе звуки! Никакая колыбельная пѣсня няни, никакое баюканье въ люлькѣ не можетъ такъ успокоить волненіе человѣка, такъ усыпить его взмученную душу, какъ эти монотонныя переливы ливня. Сперва они меня раздражали; потомъ я какъ будто привыкъ къ нимъ; наконецъ я напряженно прислушивался къ нимъ, какъ къ пѣнію, и ничего уже не слышалъ, кромѣ нихъ. Миѣ грезилась необозримая, облитая солнцемъ земля съ высокими горами, съ обширными равнинами, съ темными лѣсами, съ грозными скалами, омываемыми неугомоннымъ моремъ, и среди этой волшебной страны какіе-то невѣдомые миѣ люди, казалось, влекли меня за собою и пѣли вокругъ меня странныя; то тревожныя, то усыпляющія пѣсни. Сотни ихъ разнообразныхъ голосовъ, сотни ихъ разнообразныхъ пѣсенъ слились мало-по-малу въ одну мелодію, такую мучительно-грустную, хватающую за сердце, но въ тоже время такую сладкую, что миѣ хотѣлось бы долго, долго наслаждаться ею, то улыбаясь, то плача вѣстѣ съ ними. И вдругъ,

среди этихъ яркихъ сновидѣній, раздался страшный пронзительный и долгій плачь, точно кто-то душилъ ребенка, — я проснулся: по чердаку кто-то пронесся мягкими, легкими, будто босыми ногами и снова не было слышно ни дѣтскаго плача, ни торопливыхъ шаговъ, а только равномерно, монотонно, то усиливаясь, то ослабѣвая, лилъ дождь, и мнѣ снова снились знакомые люди, поющiе передо мной свою пѣсню.

Не знаю, въ которомъ часу я проснулся, но, кажется, было очень рано.

Воздухъ теперь былъ теплѣе на чердакѣ, чѣмъ наканунѣ вечеромъ. Я лежалъ, чувствуя боль въ головѣ и шеѣ, такъ какъ у меня подъ головою была жесткая и неловкая подушка. На лѣстницѣ послышались шаги. Я насторожилъ уши. Я слышалъ, какъ шаги приближались къ чердаку. Я слышалъ, какъ отворилась дверь на чердакъ, какъ потомъ она замкнулась снова и какъ по мягкому земляному полу кто-то приближался къ дверямъ чулана, — наконецъ ключъ щелкнулъ въ замкѣ у двери чулана. Передо мной появился Бубновъ. Онъ былъ неупознаваемъ. Его лицо совсѣмъ пожелтѣло; глаза были воспалены; на лбу и на шеѣ натянулись толстыя, тревожно бившiяся жилы. Онъ молча заперъ за собой дверь на крючекъ и подошелъ ко мнѣ. Онъ взялъ меня одною рукою за руку выше локтя, и я мгновенно увидалъ, что въ другой его рукѣ былъ пучекъ прутьевъ. Я сдѣлалъ попытку освободиться, но онъ сдавилъ мою руку. Эта первая боль пробудила во мнѣ чисто—животную злобу, и я съ быстротою молнiи впился зубами въ его руку, стараясь отпихнуть его свободною рукой. Онъ выпустилъ меня на мгновение и тотчасъ же схватилъ меня за плечо.

— Волченокъ! прошепталъ онъ, трясъ меня изо всей силы. — Брата убилъ!.. Каинъ!.. Первое мое дитя... убилъ!..

Онъ не говорилъ, а хрипѣлъ удушливымъ голосомъ. Я чувствовалъ, что его желѣзные пальцы конвульсивно сжимались на моемъ плечѣ. Я напрасно бился; его пальцы точно врѣзались въ мое тѣло и занѣмѣли на мнѣ. Онъ взялъ меня за шею и наклонилъ мою голову. Черезъ минуту она была стиснута между его костлявыми ногами. Я еще разъ попробовалъ освободиться, но онъ еще крѣпче сдавилъ ногами мою голову и въ

тоже время я почувствовалъ, что съ меня срывалась нижняя одежда.

— Убью тебя... убью! дрожащимъ голосомъ шепталъ онъ, и я почувствовалъ первый ударъ, проскользнувшій по моему тѣлу, какъ прикосновеніе раскаленнаго желѣза. Бубновъ сѣкъ артистически, продергивая по тѣлу розгами. Я впервые испыталъ эту жгучую, острую боль, мнѣ казалось, что изъ меня вырѣзали куски мяса.

Не знаю, долго ли продолжалось сѣченіе. Очнувшись, я увидалъ, что я, полураздѣтый, растрепанный, лежу на полу поперегъ матраца, а у окна, спиною ко мнѣ, стоитъ Бубновъ. Его лихорадочно подергивало. Я хотѣлъ пошевелиться, прикрыть свое обнаженное тѣло одеждою, но почувствовалъ боль и вскрикнулъ. Бубновъ очнулся; онъ обернулся ко мнѣ съ быстротою звѣря, слышавшаго новые крики еще не вполне задушенной имъ жертвы.

— Не смѣй ревѣть! проговорилъ онъ мнѣ въ ярости.— Не смѣй! Тебя убить бы стоило... Убийца!.. Сына моего убилъ!..

По желтымъ щекамъ Бубнова катились крупныя, одинокія слезы. Онъ былъ и страшенъ, и жалокъ.

— Лежи здѣсь... Помни, что я тебя буду пороть за каждую мелочь... Ты заплатишь мнѣ за брата...

Я съ ужасомъ слушалъ отчима: онъ походилъ на помѣшаннаго. Животная, необузданная разсудкомъ скорбь о сынѣ, задушевномъ при рожденіи; звѣрское желаніе убить виновника этой смерти, послѣдній проблескъ самообладанія, заставлявшій воздержаться отъ совершенія преступленія; дикая ярость на врага за то, что онъ живъ и смѣетъ издавать слабые крики протестующей противъ насилія жизни,—все эти чувства мѣшались въ потрясенной душѣ Бубнова. Кто зналъ всю его прошлую жизнь, кто зналъ, какъ онъ отчаявался имѣть когда нибудь дѣтей, какъ лихорадочно онъ ждалъ рожденія перваго ребенка, только тотъ могъ понять, что испытывалъ этотъ животное-страстный, суровый человекъ. Сверхъ того Бубновъ былъ алченъ, былъ скрюгою въ душѣ и зналъ, что его сынъ долженъ былъ закрѣпить за его фамиліей часть имѣнія моей матери, часть моего имѣнія. И грязные помыслы, и чистыя чув-

ства, все это смѣшалось теперь для Бубнова въ одно: сынъ былъ его идиоломъ прежде своего появленія на свѣтъ, и вдругъ, это божество умираетъ, задыхается при рожденіи. Отчего? Кто былъ причиною этой смерти? Ясно, что то лицо, которое было причиною обморока матери. Это лицо—былъ я. Значитъ я убійца своего брата, я Каинъ, убившій невиннаго Авеля. Но вслѣдствіе какого поступка съ моей стороны упала мать въ обморокъ? Чѣмъ былъ вызванъ этотъ поступокъ? Объ этомъ не спрашивали ни ее, ни меня. Да и зачѣмъ? Не все ли равно для Бубновыхъ, какимъ способомъ, вслѣдствіе чего я убилъ брата: «умышленный или неумышленный проступокъ—все-таки проступокъ и долженъ быть наказанъ. Искать причины проступка—это было бы слишкомъ долго и въ концѣ концовъ привело бы къ прародителю человѣчества, какъ къ первой причинѣ всѣхъ проступковъ. Да впрочемъ, при трезвомъ обсужденіи дѣла, едва ли и самъ прародитель могъ бы быть признанъ виновникомъ въ своемъ проступкѣ, — причины грѣха лежали, можетъ быть, еще глубже». Это была бубновская философія, наказывавшая послѣдняго уличеннаго на мѣстѣ преступника. Какъ часто я слышалъ ее, какъ неизгладимо врѣзалась она въ мою память! Голодъ ли, холодъ ли, угнетенія ли довели человѣка до преступленія, что за дѣло имъ, сытымъ Бубновымъ, до этихъ причинъ, когда украденъ кусокъ ихъ мяса, частица ихъ золота, на которое они промѣняли свою человѣческую душу!

Черезъ часъ Бубновъ снова зашелъ ко мнѣ, принесъ мнѣ фуражку, шинельку и велѣлъ мнѣ одѣться. Я одѣлся съ трудомъ, такъ какъ у моихъ панталонъ отлетѣли пуговицы и они сами были разорваны около пояса. Кое-какъ справившись съ своимъ туалетомъ, я вышелъ съ отчимомъ изъ дома, гдѣ всѣ еще спали, и онъ свезъ меня въ квартиру своей матери. Дорогой я впалъ въ безпамятство.

Въ домѣ Марфы Трофимовны пролежалъ я безъ памяти, между жизнью и смертью, около трехъ недѣль. Въ это время и моя мать лежала больна и не могла навѣстить меня. Дядя посѣщалъ меня каждый день, онъ просиживалъ ночи у моей постели, нахмуривъ брови и опустивъ на грудь свою полусѣдую голову. Старуха Бубнова и Бубновъ сотни разъ совѣтывали ему

не слишкомъ долго сидѣть у меня, такъ какъ мнѣ было нужно спокойствіе, но дядя отвѣчалъ мнѣ, что я буду такъ же спокоенъ, какъ теперь, если около меня соберется весь флотъ. Онъ былъ правъ, я никого не замѣчалъ, ничего не слышалъ, и, даже очнувшись, бредилъ чердакомъ, убитымъ братомъ, увѣряя всѣхъ, что я слышалъ его голосъ, слышалъ, какъ онъ плакалъ, что его убили и не дали ему пожить. Напрасно увѣрялъ меня дядя, что и чердакъ и голосъ брата—все это игра моего воображенія, что братъ родился мертвымъ, что я съ самой минуты его рожденья былъ увезенъ къ Марфѣ Трофимовнѣ и не сидѣлъ ни на какомъ чердакѣ,—я стоялъ на своемъ и утверждалъ, что слышалъ голосъ брата. Дядя въ волненіи хмурилъ брови и приглаживалъ виски, полагая, что я снова начинаю бредить. Я снова впадалъ въ забытѣе.

Помню я день, когда мнѣ стало совсѣмъ легко, когда мнѣ было такъ сладко почувствовать, что я здоровъ, что я живъ. У моей постели по-прежнему сидѣлъ ласкавшій меня дядя. Онъ не позволялъ мнѣ говорить и не соглашался поднять шторы, заславяшія отъ меня свѣтъ яркаго дня. Я чувствовалъ, что за этими плотными шторами сверкаютъ живые лучи солнца; я жадно всматривался въ одну золотистую полоску, проскользнувшую какъ-то случайно въ этотъ полумракъ. Эта одинокая полоска была лучемъ надежды, она говорила мнѣ, что скоро, скоро увижу я солнце, людей, уличное движеніе. Дядя молчаливо слѣдилъ за мною добрыми, любовными глазами. Намъ обоимъ было такъ хорошо, точно я послѣ труднаго и опаснаго плаванія, обреченный на гибель, неожиданно вернулся къ моему милому старичку и онъ, не желая нарушать сладости первой минуты свиданія, запрещалъ мнѣ говорить объ ужасахъ прошлаго и хотѣлъ молча налюбоваться чертами милого ему лица. Изрѣдка по его щекамъ скатывались слезы на полусѣдые усы и тотчасъ же онъ старался улыбнуться и принять бодрый видъ. Иногда онъ невольно пожималъ мнѣ руку и, серьезнымъ, добрымъ голосомъ, шепталъ мнѣ:

— Молодецъ! молодецъ! Трудную, очень трудную болѣзнь перенесъ.

Я смѣялся, слыша эту незаслуженную похвалу.

— Ну, не смѣйся, не велико! Начальство запретило, бормоталъ онъ.

Въ это время дверь тихо отворилась и въ комнату вошла Марфа Трофимовна.

— Ну что? спросила она.

— Спасенъ, теперь совсѣмъ спасенъ! весело отвѣтилъ дядя. Въ эту минуту онъ, кажется, пересталъ ненавидѣть даже ее. Я закрылъ глаза.

— Что онъ спитъ? спросила она.

Дядя взглянулъ на меня и сказалъ:

— Да, уснулъ!

Я въ эту минуту тайкомъ пожалъ ему руку: я ненавидѣлъ Бубнову.

Она вздохнула.

— Пересталъ онъ бредить? спросила она.

— Пересталъ.

Послѣдовалъ новый вздохъ,

— Какой странный былъ этотъ бредъ. *C'est horrible!* Мальчикъ понимаетъ, вѣроятно, что онъ убилъ своего несчастнаго брата, драматическимъ тономъ проговорила Марфа Трофимовна. — Я не могу теперь безъ содроганія смотрѣть на этого ребенка, мнѣ тотчасъ же представляется несчастное, убитое имъ дитя!

Дядя встрепелся и закрутилъ хохолъ, пригладивъ виски.

— Ну, сударыня, грѣхъ и стыдъ обвинять чистаго младенца въ убійствѣ! прозвнесъ онъ, потрясеннымъ отъ негодованія голосомъ.

— Я не обвиняю его, но говорю, что онъ самъ должно быть чувствуетъ это, пожала она плечами.

— А вамъ все-таки грѣхъ и стыдъ говорить это! Вы извините мою грубость. Я старый матросъ, сударыня. Я видѣлъ, какъ бѣдняки, отцы семейства, въ морѣ тонули, я видѣлъ, какъ шальные пули пришибали на мѣстѣ полную силъ молодежь, я, сударыня, видѣлъ, какъ ливнями сбывхъ стариковъ стегали, — да, сударыня, я видѣлъ и это, своими глазами видѣлъ, — а у меня сердце поворачивается, когда я слышу, что вы, женщина, обвиняете дитя въ убійствѣ! Каково же должно быть это его юному, нѣжному сердцу, если онъ услышитъ ваши слова?

Каково будетъ это его матери, если до нея дойдутъ ваши рѣчи? Вамъ и грѣшно и стыдно! Вы—женщина!

Дядя говорилъ тѣмъ искреннимъ, хватающимъ за сердце голосомъ, который всегда вырывался изъ его груди въ минуты волненія. Марфа Трофимовна еще разъ пожала плечами.

— Но вѣдь не легче для его матери и потеря несчастнаго ребенка, убитаго имъ, сказала она.—Я думаю, ей долженъ быть такъ же дорогъ и тотъ погибшій младенецъ, какъ этотъ погубившій его.

Я лежалъ, закрывъ глаза, въ какомъ-то нѣмомъ ужасѣ и оцѣпенѣніи: вокругъ меня былъ мракъ, призракъ убитаго младенца снова носился предо мной, его плачъ рѣзко раздавался въ моихъ ушахъ. Мнѣ хотѣлось оправдаться передъ всѣми, хотѣлось отогнать этотъ призракъ. Но никому, кромѣ дяди, не смѣлъ я говорить о братѣ; дядя же считалъ всѣ мои рѣчи объ этомъ предметѣ послѣдними остатками бреда и каждый разъ тревожился за мое здоровье при этихъ объясненіяхъ.

Какъ только вышла изъ комнаты Марфа Трофимовна, я снова открылъ глаза и заговорилъ о братѣ.

— Птица, птица, перебилъ меня дядя въ волненіи,—ничего этого не было. Все это пустяки! Сумасбродная баба бредитъ. Спи! Ты еще нездоровъ.

— Пойми ты меня, дядя, увѣрялъ я его,—что я на чердакѣ...

— Ну, ну, мы опять на чердакъ заходимъ, замахалъ рукою дядя, съ усмѣшкой на лицѣ и съ нѣкоторымъ страхомъ въ душѣ.—Будемъ лучше лежать на постели и ждать, когда мы въ состояніи будемъ ходить по садамъ. Потерпи, птица, потерпи еще немного, и мы скоро съ тобой не будемъ ни на какіе чердаки забираться. И на что намъ чердаки нужны? Что въ нихъ? Плевка они не стоятъ!

— Да ты не шути, дядя! молилъ я его, чувствуя, что онъ считаетъ мои слова бредомъ.

— Тсъ! Спать, спать! Начальство спать велитъ! шутливо проговорилъ онъ густымъ басомъ и погрозилъ мнѣ пальцемъ.

Я покачалъ головою и со вздохомъ опять закрылъ глаза: опять тотъ же мракъ, опять тотъ же призракъ брата носился

надо мною, опять въ ухахъ раздавался его плачь. Долго, долго суждено было этому призраку никогда нежившаго чловѣка тревожить мою дѣтскую душу.

Черезъ два мѣсяца меня перевезли домой. Я выросъ во время болѣзни, но былъ худъ и слабъ. Иногда я пробовалъ подвнать кресло и не могъ; я съ удивленіемъ и любопытствомъ разсматривалъ свои руки: это были одиѣ кости, обтянутыя кожей. Но перемѣна во мнѣ была все-таки не такъ значительна, какъ перемѣна въ моей матери. Мать едва бродила. Она была блѣдна, упала духомъ. Оставаясь одна, она выглядѣла апатично. Въ выраженіи ея лица было что-то сухое и сосредоточенное. Она стала очень нетерпѣлива и раздражительна въ сношеніяхъ съ прислугой. Она подчасъ спокойно и равнодушно, почти небрежно и холодно выносила мои ласки, отчасти изъ желанія не навлекать на себя и на меня подозрѣній и непріятностей со стороны мужа и свекрови, отчасти изъ смутнаго чувства невольнаго отвращенія ко мнѣ, какъ къ существу, вызвавшему и напоминающему недавнія несчастія. Да, это чувство закралось въ ея измученную душу. Иногда же мать дѣлалась болѣзненно, мучительно нѣжною со мною, точно стараясь загладить все, что я перенесъ. О, если бы она знала все, что перенесла моя дѣтская душа! Она, вѣрно, еще теплѣе отнеслась бы ко мнѣ и забыла бы мой невольный проступокъ. Бывали минуты, когда мать начинала плакать, вспоминая о своемъ умершемъ ребенкѣ, и горько роптала за его смерть. Но вслѣдъ за этимъ ропотомъ, она испуганно говорила, что Богъ отнимаетъ дѣтей за грѣхи ихъ родителей, и молилась. Ея набожность, пугливая, напряженная, возростала съ каждымъ днемъ.

Среди этого натянутого, мучительнаго положенія представлялась тысяча случаевъ коснуться того или другого больного мѣста и раны постоянно раскрывались. Я смотрѣлъ волченкомъ изъ-за угла; старуха Бубнова, указывая на меня гостямъ, что-то шептала имъ и по судорожному подергиванью ея жирныхъ плечъ, я понималъ, что она называетъ меня убійцей брата. Бубновъ иногда мимоходомъ дергалъ меня за ухо, если замѣчалъ, что я начиналъ рѣзвиться.

— Я мамашѣ пожалуюсь! угрожалъ я.

— А, второго моего ребенка уморить хочешь! шипѣлъ онъ, и на его лицѣ выражалось нѣчто зловѣщее.

Я мгновенно притихалъ, понявъ, что у меня будетъ еще братъ, и боялся ступить лишній шагъ. Большею частію я сидѣлъ у дяди въ мезонинѣ. Дядя тоже хмурился. Уже никогда не восхищался онъ теперь умомъ Бубнова и видимо тяготился жизнію въ нашемъ домѣ. Но среди всего этого натянутого положенія, всѣ какъ будто сговорились не упоминать двухъ именъ—имени моей няни и имени Василья. Этихъ людей уже не было въ нашемъ домѣ. Ихъ, кажется, не было и на свѣтѣ, по крайней мѣрѣ люди старались не произносить этихъ именъ и какъ будто вычеркнули, хотѣли вычеркнуть ихъ изъ списка живыхъ.

Уже приближалась зима, когда эти имена вдругъ должны были припомниться многимъ, припомниться въ видѣ страшнаго призрака. Это было осенью, ночью. Тяжело это время для угрюмыхъ злодѣевъ; тяжело оно и для ихъ измученныхъ жертвъ. Холодный, рѣзкій вѣтеръ порывисто дуетъ постоянно съ моря, дико востъ въ обезлиственныхъ деревьяхъ, въ дымовыхъ трубахъ, въ снастяхъ кораблей, въ каждой щелкѣ, въ каждомъ отверстіи. Неугомонное, почернѣвшее подъ свинцовыми тучами море реветъ, не умолкая, яростно бьется мутными волнами въ берегъ, брызжетъ бѣлою пѣною, какъ бы стараясь затопить землю и снести съ нея все, созданное людьми. Мелкій, частый и холодный дождь все льетъ, и льетъ и пробираетъ до костей. Стѣны домовъ отсырѣли и покрылись темными пятнами. Мрачнѣе прежняго выглядятъ сѣрыя и красныя громады укрѣпленій съ мѣрно-шагающими, промокнувшими до костей часовыми, съ торчащими изъ каждаго отверстія пушками. Изрѣдка появляющееся солнце бросаетъ на землю косые, какъ бы кровавые лучи и почти не грѣетъ. Гнилой воздухъ грозитъ гриппами, тифами, лихорадками, горячками, смертью. На улицахъ жутко. Онѣ пусты или наполнены пьяными матросами, пришедшими изъ плаванія и шатающимися отъ кабака къ кабаку, отъ одного притона разврата къ другому. Изъ этихъ кабаковъ и притоновъ несутся дикія пѣсни, напоминающія не столько о

веселыи, сколько о близкой дракѣ. Прохожіе кутаются въ шинели, идутъ скорыми шагами, молча, съ озабоченными или сердитыми лицами; видно, что ихъ выгнала изъ теплой комнаты только необходимость или нужда. Въ эту минуту хочется сидѣть дома, у сверкающаго огонька, въ дружномъ кружкѣ; хочется успокоить разстроенные нервы, разогнать хандру. Но гдѣ присѣсть и успокоиться тому, у кого дома—адъ крошечный, или у кого нѣтъ ни одного близкаго любящаго существа, или у кого, наконецъ, просто нѣтъ своего угла? Проводить время въ одиночествѣ? Но подъ этотъ свистъ вѣтра, подъ этотъ вой моря, въ этотъ пробирающій до дрожи холодъ невеселыя мысли приходятъ въ голову. Невольно являются тѣмъ тѣхъ людей, которые вслѣдствіе нашихъ проступковъ, или вслѣдствіе своей злобы загубили нашу жизнь, отравили наше спокойствіе, отогнали нашъ сонъ. Макбету не даетъ покоя убитый имъ Банко; Гамлета преслѣдуетъ мысль объ отомщеніи преступному дядѣ, но у обоихъ «зарѣзанъ сонъ». Въ этомъ положеніи, въ эту пору одни измученные люди бросаются въ воду; въ эту пору другіе изстрадавшіеся люди идутъ съ ножомъ въ жилища своихъ враговъ или караулятъ ихъ въ темную ночь на большой дорогѣ. Отмстить или умереть дѣлается задачей жизни этихъ изстрадавшихся людей.

Такою-то порою, около полуночи, когда всѣ въ домѣ спали, Бубновъ, по своему обыкновенію, прошелъ заниматься въ свой кабинетъ. Входя въ комнату, онъ былъ пораженъ какимъ-то страннымъ, едва слышнымъ шорохомъ. Онъ подозрительно обвелъ глазами комнату, но все было на своихъ мѣстахъ, все было пусто, тяжелыя занавѣсы крупными складками спускались у оконъ до самого полу. Онъ сѣлъ писать.

Бубновъ былъ не трусъ, не былъ онъ и суевѣренъ, но въ этотъ вечеръ его томилъ невольный, почти бессознательный страхъ. Этотъ подозрительный шорохъ, слышанный имъ при входѣ въ комнату, не выходилъ у него изъ головы. Пописавъ нѣсколько минутъ, Бубновъ оставилъ перо, подошелъ къ окну, приподнял занавѣсъ и осмотрѣлъ мѣсто. Окно было плохо заперто, но подъ занавѣсами не было никого. Бубновъ заперъ раму на задвижку и на минуту прислушался. Въ комнатѣ была

мертвая тишина и только вѣтеръ завывалъ въ саду. Осмотрѣвъ другое окно, заглянувъ подъ диванъ и не найдя ничего, Бубновъ пожалъ плечами и сѣлъ снова. Работа однако не шла впередъ. Онъ задумался. Что ему вспоминалось въ эти минуты ночного, одинокого раздумья — волновали ли его душу ненавидимые призраки-обличители или возникали въ его головѣ воспоминанія о тяжелыхъ сценахъ, — неизвѣстно. Но ему не работалось. Машинально, точно ему снова послышался проклятый шорохъ, онъ всталъ, чтобы осмотрѣть еще разъ комнату, и въ тоже мгновенье отскочилъ въ сторону: около его бока блеснула сталь, задѣвшая его за руку. Не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ желѣзная рука Бубнова уже сжимала, какъ въ тискахъ, чью-то слабую руку, вооруженную ножомъ. Ножъ со звономъ упалъ на полъ. Бубновъ торопливо крикнулъ. Въ комнату вошелъ нашъ новый заспанный деньщикъ, давно дремавшій въ одеждѣ на полу передней.

— Кучера и дворника! законически пропизнесъ Бубновъ.

Деньщикъ посмотрѣлъ на барина и на неожиданнаго ночного посѣтителя отупѣвшими глазами.

— Чего осовѣлъ, болванъ! угрюмо проговорилъ Бубновъ.

Деньщикъ бросился за прислугой.

— На грабежъ пуститься задумалъ, шипѣлъ Бубновъ, сдавливая руки ночного гостя. — Не удалось домашнимъ ворышкой сдѣлаться, въ разбойники пошелъ. Силу бы прежде нагулялъ!

Блѣдное, худое и маленькое существо, опустивъ молодое, еще не опушенное усами лицо на впалую, чахоточную грудь, не произнесло ни одного слова. На этомъ лицѣ не отражалось даже чувства нестерпимой боли, а эта боль должна была ощущаться въ сдавленныхъ до излома костей рукахъ. Въ комнату черезъ пять минутъ явилась прислуга.

— Вяжите его! скомандовалъ Бубновъ людямъ.

Болѣзненнаго, блѣднаго человѣчка связали. Онъ не сопротивлялся.

— Никому въ домѣ ни слова объ этомъ! погрозилъ Бубновъ слугамъ. — Если барыня хоть чтонибудь узнаетъ, — запорю!

Деньщикъ и крѣпостные люди сурово молчали. На ихъ лицахъ не было слѣдовъ злобы на преступника. Имъ было, по-

видимому, просто странно видѣть въ родѣ отважнаго убійцы этого тщедушнаго, нзрѣдка-вздрагивавшаго всѣмъ тѣломъ чело-вѣчка, непронизосившаго ни слова, недѣлавшаго никакихъ усилій для сопротивленія, непомышлявшаго вымолвить какую нибудь мольбу о прощеніи. Бубновъ, холодный, угрюмый и молчаливый, наскоро одѣлся и пошелъ за людьми, которые по-вели преступника.

Во всѣ слѣдующіе дни Бубновъ былъ пасмурнѣе обыкновеннаго и шептался съ своею матерью. Она, въ качествѣ пятаго городского колеса, должна была узнать отъ кронштадскихъ вѣстовщиковъ о ночномъ происшествіи въ домѣ ея сына, и потому нужно было пригрозить ей, чтобы она не смѣла ничего рассказывать объ этомъ у насъ въ семьѣ. Моя мать, давно привыкшая къ угрюмому характеру мужа, была однако въ эти дни поражена выраженіемъ его лица и спросила, что съ нимъ. Онъ односложно отвѣтилъ: «ничего!» и вышелъ изъ ея комнаты.

Рѣдко кто запомнить такое простое и несложное дѣло, какъ дѣло Василья, покусившагося убить Бубнова. Онъ не запирался, не путалъ никого, не просилъ ни о чемъ. Онъ рассказалъ подробно, съ убійственнымъ хладнокровіемъ, что онъ давно задумалъ сдѣлать это «дѣло» и все не рѣшался, до послѣдняго времени, когда случайно услыхалъ въ лавкѣ, что у насъ будутъ на слѣдующій день вставлять окна. Это ничтожное само по себѣ обстоятельство сразу заставило его рѣшиться совершить задуманное «дѣло», такъ какъ при вставленныхъ окнахъ было бы трудно попасть въ домъ. Еще хладнокровнѣе рассказалъ преступникъ, какъ онъ забрался въ нашъ садъ, какъ влѣзъ въ окно еще утромъ, когда оно по обыкновенію было открыто деньщикомъ на полчаса для освѣженія воздуха въ кабинетъ, какъ просидѣлъ весь день въ гардеробной комнатѣ, смежной съ кабинетомъ Бубнова, какъ потомъ хотѣлъ спрятаться за занавѣсы, но отказался отъ этого намѣренія, услыжавъ шаги Бубнова. Далѣе преступникъ сказалъ, что ему больше нечего рассказывать, что онъ во всемъ повинился.

— Обокрасть думалъ? говорили ему.

— Убить хотѣлъ, лаконически отвѣчалъ онъ.

— Что тебя побудило къ преступленію? допрашивали его.

— Ихъ высокоблагородіе знаютъ, еще односложнѣе отвѣчалъ онъ, взглянувъ на Бубнова своими потухшими, стеклянными глазами.

— Какъ не звать! насмѣшливо и злобно замѣтилъ Бубновъ, отворачиваясь отъ него.—Онъ у меня нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ крѣпостную дѣвку развратилъ, вѣроятно желая сдѣлать ее своей сообщницей. Потомъ, когда его за развратное поведеніе выпороли, онъ здумалъ убить меня и ограбить.

Худой и больной человѣчекъ не спускалъ съ Бубнова своего тусклаго взгляда. Въ этомъ взглядѣ было много убійственнаго, гробового спокойствія. Онъ угадали, что онъ вѣрно не твердо рѣшился на убійство и почувствовалъ раскаяніе въ минуту совершенія преступленія.

— Его высокоблагородіе знаетъ, почему я не убилъ его, отвѣтилъ преступникъ.

Бубнова обозлила необходимость отвѣчать за преступника и онъ замѣтилъ, что преступникъ можетъ говорить и самъ. Снимающіе допросъ обратились къ преступнику съ вопросомъ, почему онъ съ такимъ упорствомъ не хочетъ говорить самъ за себя.

— Его высокоблагородіе знаетъ все лучше, отвѣтилъ онъ равнодушно, какъ будто считая Бубнова своимъ сообщникомъ.

— Я знаю только одно, что ты зарѣзалъ бы меня и теперь, яростно произнесъ Бубновъ.—Говори, мерзавецъ!

— Зарѣзалъ-бы! отвѣтилъ преступникъ и по его тѣлу впервые въ этотъ день пробѣжала та нервная дрожь, которую замѣтили наши люди, заставъ его въ комнатѣ барина. На мгновеніе его тусклые и безжизненные глаза сверкнули яркимъ огнемъ и потухли снова. Онъ только безсознательно потерялъ рукою свою впалую грудь, точно ее сдавило въ эту минуту еще болѣе. Слово грубой брани на мигъ пробудило въ немъ жизнь. Такъ вздрагиваетъ раненный человѣкъ, лежащій безъ чувствъ, если прикоснуться къ его ранѣ. Но это минутная вспышка: за нею наступаетъ еще болѣе полное безмятежество.

Не добившись ничего отъ преступника, допрашивающіе все узнали стъ самого Бубнова. Преступнику осталось только согла-

ситься, что Бубновъ говорилъ правду и подтвердить еще разъ, что его высокоблагородіе все знаетъ лучше его самого. Бубновъ впервые въ жизни почувствовалъ нѣчто въ родѣ ужаса, какъ будто онъ самъ совершилъ преступленіе, какъ будто допрашивали именно его, а не эту тѣнь человѣка, готовую скоро, безотвѣтно и безслѣдно исчезнуть со свѣту.

Прошло нѣсколько времени, шла зима; въ нашемъ домѣ все было уныло, похоронно. Только однажды я замѣтилъ, что прислуга какъ-то особенно перешептывалась между собою, что Бубновъ какъ-то необыкновенно хмурился, что дядя не могъ посидѣть пяти минутъ на одномъ мѣстѣ и все ходилъ изъ угла въ уголъ, взбивая волосы и бормоча что-то себѣ подъ носъ. Со всею силою дѣтскаго любопытства я старался узнать, что случилось у насъ въ домѣ, но никто не давалъ мнѣ отвѣта. Тревожно провелъ я ночь послѣ этого дня. Меня томилъ какой-то страхъ, точно я ожидалъ какого-то собирающагося надъ нами несчастія. На слѣдующій день прислуга перешептывалась еще болѣе, ежеминутно сходясь вмѣстѣ на черной лѣстницѣ. Я около полудня вышелъ побѣгать по двору и прошмыгнулъ въ дворницкую къ своему пріятелю Гаврюшкѣ, — сыну дворника.

— А вы, Владиміръ Михайловичъ, ничего не слышали? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я.

— То-то! отвѣтилъ Гаврюшка. Вамъ не велѣно сказывать. Строго на строго запретили... Сегодня вишь Василья наказывали.

— Какъ! За что? воскликнулъ я, блѣднѣя.

— Сквозь строй провели, объяснилъ Гаврюшка. — Барина Григорья Давидовича убить хотѣлъ... Народу, бабъ видимо невидимо набралось за валикъ... Васька блѣдный такой былъ... Исполосовали совѣмъ... Такъ на телѣжкѣ какъ пласть и увезли... А ничего не кричалъ... Словечка не вымолвилъ... Меня тятка тоже выпоротъ пообѣщала, что я убѣгъ туды...

Я въ остоленѣніи слушалъ этотъ разговоръ мальчугана и ужъ не пошелъ играть съ нимъ въ снѣжки. Я быстро воротился домой. Меня била лихорадка. Образъ Василья, проходля-

щаго сквозь строй, преслѣдовалъ меня, какъ будто я самъ былъ зрителемъ этой страшной картины. Только черезъ нѣсколько дней я успокоился. А кругомъ меня тянулась та же самая, похоронная жизнь.

Я спалъ въ комнатѣ дяди, учился у него, читалъ съ нимъ книги безъ разбора, иногда я уставалъ и дядя читалъ мнѣ вслухъ разныя путешествія и исторіи. Я порядочно овладѣлъ французскимъ языкомъ, на которомъ прежде я умѣлъ вести только самые несложные разговоры. Но за то я навсегда испортилъ свое французское произношеніе. Не мало успѣховъ сдѣлалъ я и въ нѣмецкомъ языкѣ. Наши разговоры въ это время вертѣлись постоянно на толкахъ о далекихъ странахъ и о жизни отдаленныхъ по времени или пространству народовъ. Разговоры о нашемъ домѣ, о близкихъ намъ лицахъ мы избѣгали; намъ тайно хотѣлось, чтобы и этого дома и многихъ изъ этихъ лицъ не существовало на свѣтѣ. Такъ въ домѣ, гдѣ не слишкомъ давно умеръ челоуѣкъ, мужъ бросилъ жену, любимый другъ измѣнилъ своему другу или вообще совершалась какая нибудь нравственная утрата, всѣ говорятъ о постороннихъ предметахъ, касаются всевозможныхъ вопросовъ и не касаются только одного изъ нихъ—главнаго. Иногда у дяди срывалась съ языка брань на Бубновыхъ, но онъ спѣшилъ переменить разговоръ и лаконически замѣчалъ: «а чортъ съ ними!» Я тоже мысленно посылая ихъ къ чорту и стараясь не говорить о нихъ. Я необыкновенно поздоровѣлъ и сталъ не по лѣтамъ серьезенъ. Мое воображеніе развилось при чтеніи о лишеніяхъ, встрѣчаемыхъ путешественниками, о пыткахъ, перенесенныхъ разными народами и историческими героями. Невеселая жизнь, притѣсненія, постоянное одиночество или бѣсѣды съ такимъ идеалистомъ, какъ дядя, навели меня на мысль, что и меня ждутъ впереди страданія, что я долженъ приготовиться къ нимъ, и я, экзальтированный до крайности, сталъ развивать въ себѣ физическія силы и пробовать свою выносливость. Меня радовало, если мнѣ удавалось поднять что нибудь тяжелое или справиться въ борьбѣ съ Гаврюшкой. Помню, что я однажды въ эту зиму взялъ горячій уголь въ руки и держалъ его до тѣхъ поръ, пока онъ остылъ.

моихъ глазъ градомъ катились слезы, моя ладонь болѣла очень долго, но я былъ радъ и торжествовалъ въ душѣ, вспоминая разсказъ объ Іоаниѣ Гуссѣ. Меня стали особенно привлекать такія зрѣлища, какъ рѣзаніе куръ, и хотя мнѣ было очень жалко бѣдныхъ хохлушекъ, но я не убѣгалъ и смотрѣлъ до конца на ихъ казнь, помня, что дядя разсказывалъ о многихъ людяхъ, падающихъ въ обморокъ при видѣ крови.

А въ семьѣ не было никакихъ перемиръ, никакихъ радостей. Бубновъ былъ молчаливъ и пасмуренъ и иногда ѣдко жаловался на враговъ, сознавая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что ему готовы насолить всѣ, что они только ищутъ для этого удобныхъ случаевъ. Мать хворала, была все въ той же апатіи; у нея скоро долженъ былъ родиться ребенокъ и потому она почти нигде не выѣзжала. Дядя брюзжалъ и начиналъ говорить, что въ этомъ домѣ просто адъ, что на немъ какое-то проклятіе лежитъ. Бубновы, повидимому, все еще тосковали о моемъ умершемъ братѣ. Но въ дѣйствительности, можетъ быть, ихъ смущалъ не призракъ этого никогда нежившаго на свѣтѣ ребенка, а тревожили живые, загубленные во цвѣтѣ силъ люди—эта крѣпостная дѣвушка, вѣчная труженица, вѣрная раба, недосыпавшая ночей, неотдыхавшая днемъ, и этотъ закабаленный, сдѣлавшійся вещью человекъ, томившійся тоскою по родинѣ, изнывшій подъ розгами и линьками, валявшійся на полу, какъ песъ, — эти люди, оторванные отъ семьи и наказанные за то, что и они въ праздникъ своей жизни, въ годы кипучей юности, когда сердце такъ страстно ищетъ любви и ласки, ставъ по волѣ господъ бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ, глядя на семейныя радости своихъ баръ, смѣли полюбить другъ друга и на минуту забыть свое горе. Можетъ быть, тревожилъ Бубновыхъ и тотъ неродившійся ребенокъ, который, подобно моему брату, долженъ былъ явиться на свѣтъ почти въ эту же пору: родился онъ или вмѣстѣ съ моимъ братомъ сошелъ въ могилу, какъ новый обличитель земныхъ прегрѣшеній — этого никто не зналъ, кромѣ Бубновыхъ. Никто не зналъ и того, какъ вынесъ я эту жизнь, какая злоба кипѣла во мнѣ, какія недѣтскія проклятія посылалъ я Бубнову, какъ горячо я клялся, стоя на колѣняхъ, отомстить ему

за бѣдныхъ монахъ любимцевъ, какъ искренно давалъ я обѣтъ никогда, никогда не притѣснять никого. И какъ часто обращался я къ Богу съ этими страстными дѣтскими клятвами! Мнѣ не пришлось отомстить врагу этихъ бѣдныхъ людей, мнѣ не пришлось подставить за нихъ свою грудь, но я хотѣлъ бы, положивъ руку на сердце, смѣло сказать, что я сдержалъ послѣднее свое обѣщаніе и ухожу въ могилу, не унося на себѣ проклятій этой темной и забитой толпы, проливающей за насъ свой потъ и свою кровь. Я ошибался во многомъ, я многое понялъ слишкомъ поздно, но ни разу никто не могъ сказать, что я притѣсняю ближняго; здѣсь я былъ на сторожѣ, во всеоружіи и зорко слѣдилъ за собою.

VI.

Капитанъ Хлонко высаживается на берегъ, я слѣдую за нимъ.

Видя наше незавидное положеніе, возмущаясь до глубины души всѣмъ, происходящимъ вокругъ, капитанъ все чаще и чаще сталъ толковать о необходимости своего переѣзда изъ дома Бубнова, тѣмъ болѣе, что Бубновъ и его мать относились къ нему далеко не любезно и довели свою небрежность и невнимательность въ обращеніи съ нимъ до послѣдней степени.

На одномъ изъ семейныхъ вечеровъ, старуха Бубнова очень безцеремонно замѣтила при капитанѣ:

— Ахъ, я не выношу моряковъ стараго закала. Ils sont insupportables! Это что-то вѣчно пьющее, какъ бочка. Нашъ милѣйшій Карлъ Францовичъ Гейгъ составляетъ единственное счастливое исключеніе.

Дядю это задѣло за живое.

— Не знаю про какихъ моряковъ вы говорите. Но вы забываете, сударыня, что Рикорды, Головинны, Бестужевы въ наше время служили или начали свое поприще, серьезно замѣтилъ дядя, гордо поднимая голову.

Бубновъ злобно усмѣхнулся.

— Такъ вы и Бестужевыми гордитесь, вотъ какъ!

— Горжусь, отъ всей души горжусь, не сморгнувъ отвѣтилъ дядя.— Это люди были! Они могли увлекаться, но никогда не могли сдѣлаться мелкими барышниками, идущими въ плаваніе изъ-за лишняго гроша, везущими на продажу контрабандное тряпье, разсчитывающими, какъ-бы ловчѣе съэкономить и утянуть матросскій грошъ.

— Такъ вамъ пожалуй нравится и увлеченіе Бестужевыхъ? Я этого и не зналъ, шипѣлъ Бубновъ, у котораго уже натягивались и тревожно билась жиля на лбу.

— Не увлеченіе; оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ разговоромъ о старомъ флотѣ, твердо и горячо возразилъ дядя.— Объ ихъ увлеченіи я не стану разговаривать съ вами. Да и они расплачиваются за него, а лежачихъ бьютъ только подлецы. Но какъ за честныхъ моряковъ, я всегда стану за нихъ грудью и всегда громко, хоть на площади, повторю за Николаемъ Бестужевымъ все, что онъ написалъ о морской жизни. Онъ понималъ морскую жизнь, какъ братство, какъ семью, и зналъ, что первый раздоръ между моряками будетъ первымъ шагомъ къ гибели флота.

Эти рѣчи были слишкомъ смѣлы для того времени. Въ нашей гостинной смолкли разговоры. Всѣмъ стало какъ-то неловко, почти страшно. Но дядя не унялся. Онъ всталъ и снова обратился къ Бубнову.

— Я понимаю, Григорій Даниловичъ, сказалъ онъ,— что вы не можете хвалить этихъ людей. Вы служите и хотите составить себѣ карьеру. Это ваша цѣль и я ничего не могу сказать противъ этого. Но не имѣя смѣлости высказывать прямо и откровенно своихъ мнѣній, не мѣшайте по крайней мѣрѣ другимъ, не спорьте съ ними, если они говорятъ правду. Вы знаете, что я не служу, не связанъ ничѣмъ, и знаете тоже, что я правъ. И вамъ ли говорить о флотѣ? Вы гдѣ-то на сушѣ, у камелька пригрѣлись, съ берега смотрите, какъ другіе идутъ на борьбу съ бурями—какой же вы морякъ!

Дядя вышелъ въ другую комнату.

— Непріятно, что капитанъ говоритъ у васъ въ домѣ такія вещи, замѣтилъ адмиралъ Гейгъ. Этотъ туповатый, выстрижен-

ный подъ гребенку и по-солдатски вытянутый нѣмецъ былъ посаженнымъ отцемъ и покровителемъ Бубнова, находясь когда-то въ близкихъ отношеніяхъ къ Марьѣ Трофимовнѣ.

Бубновъ пожалъ плечами.

— Что вы станете дѣлать съ этими чудаками! Впрочемъ, я надѣюсь, что дѣла скоро перемѣнятся.

— Вѣдь мало ли что можетъ случиться: онъ скажетъ что нибудь, а тамъ узнаютъ,—вопросъ: кто его слушалъ, зачѣмъ не заявили, какъ отнеслись къ его словамъ?

Гейгъ озабоченно обводилъ общество бессмысленнымъ взглядомъ струсившаго тупоумія. Казалось, онъ спрашивалъ: ужь не донесетъ ли изъ васъ, господа, кто нибудь?

— Да, намъ надо разѣхаться, хмуро промолвилъ Бубновъ и перемѣнилъ разговоръ.

Но Гейгъ не ободрялся и покачивалъ головой, о чемъ-то размышляя. На прощаньи онъ еще разъ напомнилъ Бубнову о дядѣ.

— Вы поторопитесь... Мало ли что можетъ случиться.—Я ни за кого, я даже за себя не отвѣчаю... Вспомните, какое мы время недавно пережили: холера, Польша!..

Гейгъ многозначительно поднималъ вверхъ указательный палецъ правой руки.

Бубновъ успокоилъ его.

Дядя мозолилъ Бубновымъ глаза и раздражалъ ихъ своимъ яснымъ спокойствіемъ, являясь безмолвнымъ обвинителемъ ихъ дрянности. Онъ понималъ, что онъ лишній въ ихъ домѣ, что ему будетъ легче не видать этой семейной жизни, но медлилъ переѣздомъ, надѣясь взять меня съ собою. Мы обжились съ нимъ въ мезонинѣ и болѣе прежняго любили другъ друга. Ему было жаль оставить меня на жертву. Онъ попробовалъ замѣтить, что пора начать серьезно учить меня.

— Да, я его скоро отдамъ въ школу, отвѣтилъ ему на это Бубновъ.

Мы сидѣли всѣ въ столовой и пили чай.

— Я думаю, лучше бы его отдать въ Петербургъ въ школу, замѣтилъ дядя.

— На полный пансіонъ отдавать его еще рано, а я думаю

прежде приготовить его здѣсь въ гимназію и потомъ отослать въ Петербургъ.

— И готовить тамъ удобнѣе, возразилъ дядя. — Впрочемъ онъ знаетъ почти все, что нужно для вступительнаго экзамена даже во второй классъ. У попа развѣ придется законъ Божій подучить, ну да это недолго вы зубрить. Я могъ бы взять все на себя и переѣхать съ нимъ на время въ Петербургъ.

— Гдѣ же вамъ, капитанъ, возитесь съ нимъ! И сверхъ того вы слишкомъ сильно балуете его, а теперь съ нимъ нужна строгость и строгость. Вы меня извините за откровенность, но я долженъ вамъ замѣтить, что и теперь вліяніе вашей излишней доброты очень дурно отражается на его характерѣ.

Дядя вскипятился.

— Извините, я дѣтей притѣснять не считаю возможнымъ и не могу, сердитымъ басомъ отвѣчалъ онъ, расправляя усы. — Я старый матросъ, я не сморгну подъ пулей, не побѣдию передъ непріателемъ, но воевать съ дѣтьми, съ беззащитными, у меня силы не хватитъ. — тутъ я самъ слабъ, какъ ребенокъ.

Бубновъ сидѣлъ хладнокрасно, положивъ ногу на ногу, и, покуривая сигару, ироническимъ тономъ возразилъ дядѣ:

— Очень жаль, капитанъ, что вы превращаетесь въ этихъ случаяхъ въ малолѣтка, такъ какъ съ дѣтьми-то и не должно быть ребенкомъ, а нужно собрать все свое благоразуміе, всю свою опытность, чтобы не испортить ихъ на всю остальную часть ихъ жизни. Потакая капризамъ и прихотямъ ребенка, родители и вообще старшіе разчищаютъ имъ путь къ каторгѣ.

— Я думаю къ ней гораздо ближе тѣ, которыхъ только били и никогда не умѣли ласкать въ дѣтствѣ, сурово замѣтилъ дядя.

Бубновъ пропустилъ безъ отвѣта замѣчаніе капитана и продолжалъ развивать свою мысль:

— Сегодня онъ неумышленно, по глупости, сдѣлается причиной чужого несчастія или смерти...

Мать вздрогнула при этихъ словахъ.

— Завтра, продолжалъ Бубновъ наставительнымъ тономъ, — онъ причинитъ то же несчастіе, но причинитъ его съ полнымъ сознаніемъ, потому что онъ не привыкъ подчиняться никакимъ условіямъ, кромѣ своей разнузданной вольной волюшки...

— Ну-съ, а я того мнѣнія держусь, что, тираня ребенка, вы со всѣми своими мудрыми правилами озлобляете его и дѣлаете негодлемъ, произнесъ дядя.

Бубновъ улыбнулся и, отпивъ глотокъ чаю, насмѣшливо промолвилъ:

— Вы, капитанъ, всегда горячитесь. У васъ очень пылкая кровь! Кто же станетъ говорить, что тиранить ребенка полезно? Это такъ же дурно, какъ и баловать его. Но вы забыли одно: я вамъ говорилъ, что вы, капитанъ, положительно балуете его, а вы говорите, что тиранить его еще хуже. Но не можете ли вы мнѣ сказать, кто именно здѣсь тиранить ребенка?

Бубновъ, постукивая по полу ногой, произнесъ послѣднія слова такимъ холоднымъ и твердымъ тономъ, что моя мать испугалась и поспѣшила виѣшаться въ разговоръ.

— Полно, Гриша! Конечно дядя не думалъ, что ты можешь тиранить Володю, сказала она.—Но ты знаешь, что мнѣ самой иногда кажется, что ты слишкомъ... слишкомъ... жестко, то есть не то чтобы жестко, а слишкомъ... слишкомъ... равнодушно обращаешься съ нимъ.

Мать робѣла и путалась, подыскивая выраженія.

Бубновъ сострадательно покачалъ головой.

— Ну, тутъ и ты и капитанъ должны винить только себя, серьезно замѣтилъ онъ.—Вы до того обабили мальчика, что нужно иногда быть съ нимъ строже, чѣмъ съ другими дѣтьми. Чѣмъ меньше будете вы потакать ему, тѣмъ легче будетъ мнѣ исправить его.

Дядя встрепенулся и заерзалъ пальцами по усамъ.

— О, если только я служу причиной вашей суровости въ отношеніи Володи, то я готовъ уступить вамъ мѣсто, сказалъ онъ съ искреннимъ чувствомъ.—Я здѣсь пассажиръ, вы капитанъ этого корабля. Вы можете прямо отдать приказъ мнѣ не выходить изъ моей каюты, а нѣтъ такъ можете меня и просто на берегъ высадить... Впрочемъ я и самъ объ этомъ подумывалъ.

— Если я васъ хорошо понимаю, то вы говорите о своемъ переѣздѣ? сухо и вскользь спросилъ Бубновъ, допивъ чѣй и передавая стаканъ моей матери.

— Кажется, я говорю ясно и сомнѣній тутъ быть не можетъ.

— Пожалуйста не клади мнѣ такъ много сахара, замѣтилъ Бубновъ моей матери и потомъ обратился къ дядѣ:—Ну, капитанъ, покуда вашъ переѣздъ не нуженъ. Намъ очень пріятно, что вами, а не кѣмъ нибудь другимъ заняты лишнія комнаты въ нашемъ домѣ.

Мать была обижена за дядю этимъ небрежнымъ тономъ своего мужа и съ грустью промолвила:

— Дядя, какъ тебѣ не стыдно считать себя лишнимъ у насъ!

— Мало-ли что бываетъ, мало-ли что бываетъ, дитя! проговорилъ онъ взволнованнымъ и горлчичьимъ голосомъ. — Бываютъ случаи, что живыхъ людей прямо за бортъ выбрасываютъ въ море, такъ таки безъ всякихъ церемоній прямо въ море...

— Фи, дядя! вздрогнула мать, отвернувшись въ сторону. Ее возмутила промелькнувшая въ ея воображеніи картина.

— Да, да, дитя, и повидимому дорогихъ, близкихъ людей выбрасываютъ. Говорятъ, лучше нѣсколькими пожертвовать, только бы самимъ спастись. Правда, иногда и остальные, принеся эту кровавую жертву, гибнутъ, — гибнутъ, обремененные еще однимъ лишнимъ, несмываемымъ грѣхомъ братоубійства, — но вѣдь они спастись думали!

Дядя развелъ руками и всталъ. Онъ былъ взволнованъ, держался особенно прямо и гордо.

— Дай Богъ, чтобы вы были правы, думая, что для спасенія этого ребенка нужно выбросить меня изъ родной семьи, торжественно обратился онъ къ Бубнову. — Дай Богъ! Если же вы ошибаетесь, если вы даже не убѣждены въ пользѣ своего поступка, если для Володи будетъ еще хуже послѣ моего удаленія отъ близкихъ моему сердцу, — то да проститъ васъ Богъ за то, что вы отравили лишнимъ горемъ и безъ того невеселую жизнь стараго матроса...

Дядя едва говорилъ, въ его голосѣ слышались слезы. Мать испѣшно встала и подошла къ нему съ утѣшеніемъ на губахъ.

— Ничего, дитя, ничего! проговорилъ онъ ласково, потцовски погладивъ ее по головѣ рукою, и тихо вышелъ, отстранивъ ее съ дороги, не давъ ей обычнаго поцѣлуя.

Мать съ глубокимъ упрекомъ во взглядѣ посмотрѣла на мужа. Онъ безстрастно докуривалъ сигару.

— Старый чудакъ! проговорилъ онъ.—Какъ всё эти старые отставные холостяки быстро превращаются въ бабъ!

— Ты его огорчилъ! произнесла мать.

— Конечно, какъ же не огорчиться человѣку, когда ему говорятъ, что онъ своею добротой портитъ ребенка, насмѣшливо промолвилъ Бубновъ.—А какъ ты думаешь, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, и въ его голосѣ зазвучала рѣзкость,— какъ ты думаешь, не въ правѣ ли огорчиться тотъ, кому говорятъ, безъ всякихъ церемоній, безъ всякихъ основаній на это, что онъ тиранитъ ребенка, притѣсняетъ беззащитнаго? Но тотъ, кому не сказали ничего обиднаго, разрюмился, и его жалѣютъ, а тотъ, кого хотѣли глубоко оскорбить, молчитъ и его же обвиняютъ за жестокость. Это образецъ вашей женской логики и непосредственнаго чувства.

Мать сробѣла и сконфузилась.

— Не сердись, Гриша, мнѣ право жаль дядю! проговорила она покорно.

— Да кто же тебѣ говорить, что мнѣ не жаль его? Мнѣ всёхъ дураковъ жаль. Но мнѣ еще болѣе жаль Владиміра. Дядя отжилъ, а твой сынъ только еще начинаетъ жить.

— Милый мой, умный, люби его! припала мать къ плечу мужа.

— Ребенокъ! проговорилъ онъ и приласкалъ ее, какъ малое дитя.

На слѣдующій день дядя объявилъ мнѣ, что онъ скоро переѣзжаетъ отъ насъ. Я сказалъ, что уйду, убѣгу за нимъ.

— Полно, птица моя, промолвилъ старикъ, лаская меня. — Нужно перенести все, покуда уляжется буря и станетъ дуть попутный вѣтеръ. Пройдетъ еще годъ и ты тоже переѣдешь съ этого корабля. Я старъ, я слабъ, я не могу долѣе жить здѣсь. Ну а ты молодъ—крѣпись! Когда нибудь, скоро, будемъ жить вмѣстѣ.

Я кусалъ губы, чтобы затантъ слезы.

— Дядя, останься у насъ еще, голубчикъ! умолялъ я его.

— Птица, птица моя, развѣ я радъ, что я уѣзжаю? Меня

не хотять болѣе держать здѣсь. А развѣ мнѣ легко жить противъ ихъ воли въ ихъ домѣ? Моя шея ужь не умѣетъ гнуться... Да она и прежде не умѣла гнуться, махнулъ онъ рукою.

Дядя ходилъ по комнатамъ въ суровой задумчивости

— Боротся я съ ними, съ этими хитрыми людьми не умѣю, говорилъ онъ.—Я съ моремъ, съ бурей, съ открытыми врагами всю жизнь боролся. Крѣпни паруса, мачты долой, стой съ фитилемъ у пушки,—вотъ что я понимаю, вотъ что я умѣю дѣлать; а подь чужимъ флагомъ плыть, тайныя вылазки дѣлать, сонныхъ людей въ плѣнъ брать—не приходилось, во всю жизнь не приходилось! Дай Богъ, чтобы и тебѣ не пришлось научиться этой наукѣ. Погибнешь въ открытомъ бою, примешь ударъ съ оружіемъ въ рукѣ, стоя лицомъ къ лицу съ врагами—честь и слава тебѣ. Начнешь тайкомъ подкапываться подь враговъ, — самого, можетъ быть, въ подкопѣ завалить землей; начнешь прикидываться другомъ враговъ — они же тебя соннаго зарѣжутъ! Смѣлѣй пди прямою дорогою и всему смотри въ глаза: и радости, и горю, и людскимъ неправдамъ! кровь холодѣетъ отъ нихъ, волосъ дыбомъ становится,—за то крѣпче, честнѣе станешь.

Дня черезъ три дядя объявилъ Бубнову, что онъ нашелъ квартиру въ Петербургѣ.

— Капитанъ, для чего вы такъ торопитесь? спросилъ Бубновъ.—Правда, ваши три комнаты понадобятся намъ мѣсяца черезъ два подь дѣтскія, но куда вы можете спокойно располагать ими.

— Въ томъ-то и дѣло, что не могу спокойно располагать ими, отвѣтилъ дядя, дѣлая удареніе на словѣ «спокойно.»—Да и вамъ лучше будетъ, когда въ домѣ убавится однимъ лишнимъ колесомъ.

— Капитанъ, мнѣ хотѣлось бы разстаться съ вами безъ ссоры, многозначительнымъ тономъ замѣтилъ Бубновъ.

— Не знаю, какъ вы хотите разстаться со мною, грустно сказалъ дядя,—но, видитъ Богъ, что я-то никакъ, ни съ ссорой, ни безъ ссоры, не хотѣлъ разстаться съ Марусей и Володей,—ну а вотъ все-таки расстаюсь!

Бубновъ нахмурилъ брови.

— Вы опять хотите представить меня человѣкомъ, который

угнетаетъ не только младенцевъ, но даже и стариковъ, въ родѣ васъ, насильно усмѣхнулся онъ.

— Меня угнетать нельзя, гордо отвѣтилъ дядя.—Если мое сердце болитъ за Марусю и за Володю, то вѣдь мало ли отъ чего болѣло оно въ жизни! Ихъ, особенно Володю, мнѣ жаль, а лично мнѣ вы ничего не можете сдѣлать. Я уже успѣлъ, слава Богу, перерости васъ, и могу смотрѣть на людей вашихъ лѣтъ, какъ на мальчиковъ, обрывающихъ крылья у бабочекъ...

Бубновъ пожалъ плечами.

— Будетъ время, торжественно продолжалъ дядя, пристально глядя на Бубнова, плехо скрывавшаго свое нетерпѣніе и раздраженіе,—будетъ время, когда вы увидите, что мнѣ вы ничего не успѣли сдѣлать, и что всѣ ваши теперешніе поступки отзовутся только на васъ. Дай вамъ Богъ встрѣтить также ясно и спокойно свою старость, свою смерть, какъ встрѣчаю ихъ я: передо мной въ часы моихъ молитвъ не являются ни загубленные мною люди, ни кровавыя тѣни тайно убитыхъ мною враговъ.

— Капитанъ! яростно воскликнулъ Бубновъ, сдѣлавъ шагъ къ дядѣ.

Дядя спокойно и ясно посмотрѣлъ на него, тихо покачавъ головою.

— Развѣ васъ обижаетъ, что я желаю вамъ въ старости не знать угрызений совѣсти? ровнымъ голосомъ произнесъ онъ.

Бубновъ въ кровь закусилъ губы и скороговоркой проговорилъ:

— Прощайте!

Онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, откуда не торопился выйти дядя. Казалось, въ эту минуту побѣда осталась за дядей и онъ покидалъ поле битвы, просто изъ состраданія къ ничтожному, гнусному врагу, обратившемуся въ бѣгство.

Моя мать очень долго плакала, узнавъ о скоромъ переѣздѣ дяди. Бубновъ старался утѣшить ее и доказывалъ, что все это дѣлается къ лучшему, что это нужно для полноты нашего счастья. Счастіе! это слово какъ-то странно звучало теперь для матери. Она не знала, гдѣ это счастье, въ чемъ оно заключается, какъ оно, невѣдомое ей, можетъ быть полнѣе безъ дяди.

Любимая мечта минувшихъ дней, оно давнымъ давно не манило мою мать радужными и яркими призраками, къ которымъ когда-то стремилась она. Нѣжный и страстный любовникъ-мужъ, вѣчно смѣющийся и рѣзвый красавецъ-сынъ, безмятежный и полный старческой красоты отецъ семейства—дядя, жизнь гдѣ нибудь въ Италиі, въ Малороссіи, подъ сверкающимъ и теплымъ небомъ,—все это разбилось теперь въ дребезги подъ молотомъ будничной, грубой и непривѣтной жизни, не оставивъ въ больной душѣ даже уголка для созданія новаго идеала счастья. Мать тупо старалась приловчиться къ хозяйству, тревожиться изъ-за несметенной паутины въ углу, ссориться изъ-за опоздавашаго получасомъ завтрака, утомляться изъ-за чищенья ягодъ для варенья — и, къ несчастію, все это не клеилось въ ея рукахъ, не волновало ее, не занимало ея времени. А время тянулось убійственно медленно и каждый звукъ маятника словно говорилъ, что безцѣльному дню безцѣльной жизни и конца не будетъ. Мать иногда брала романъ,—она такъ любила романы въ былые дни!—и читала, читала, — потому книга выпадала изъ рукъ на колѣни...

— Что вы это читаете? спрашивала старуха Бубнова.

— Не знаю, бессознательно отвѣчала мать.

— Какъ не знаете? Вотъ мило! смѣялась Марфа Трофимовна.

Vous êtes distraite!

На щекахъ матери пятнами вспыхивалъ стыдливый румянецъ.

— Да... то есть я взяла книгу... объ хозяйствѣ задумалась, мѣшалась она и, отложивъ книгу въ сторону, шла въ людскую, звала горничную и дѣлала выговоръ, что пыль не сметена съ мебели.

Нѣтъ, не пыль отвлекала ея вниманіе отъ книги, терзала ея душу.

Противъ всѣхъ моихъ ожиданій, мнѣ стало не хуже жить безъ дяди. Правда, я чувствовала какую-то пустоту вокругъ себя, какой-то холодъ, но острой, жгучей боли во мнѣ не пробуждало ничто. Казалось, изъ дому вынесли дорогого для меня покойника и всѣ прежніе враги, не сдѣлавшись моими друзьями, забыли обо мнѣ, перестали меня преслѣдовать, какъ неопаснаго непріятеля, неимѣющаго сильнаго союзника. Это не

было слѣдствіемъ уваженія къ чужой скорби, но просто слѣдствіемъ презрѣнія къ ничтожеству непріятельскихъ силъ. Я ходилъ въ школу, сидѣлъ въ своей, бывшей дядиной, комнатѣ, появлялся въ семьѣ только во время обѣдовъ, чаю, завтраковъ, наслаждался подъ часъ довольно холодными и сдержанными ласками матери, но и то только въ отсутствіи моего отчима и старухи Бубновой. Меня старались не замѣчать. Все было направлено въ эту пору къ спокойствію матери, все дышало приготовлениями къ величайшему торжеству въ домѣ—къ рожденію бубновскаго наслѣдника. Наконецъ настала этотъ торжественный, давно ожидаемый день. Я былъ удаленъ отъ моей матери, чтобы снова не погубить другого брата.

— Ахъ, ради Бога, скажите этому несчастному мальчику, чтобы онъ не бѣгалъ по лѣстницѣ, молила Марфа Трофимовна, обращаясь къ прислугѣ.

— Скажи ему, что я его веревками перевяжу, добавлялъ Бубновъ, посылая ко мнѣ деньщика.

Но ненужно было никакихъ угрозъ для того, чтобы я сидѣлъ смиренно въ эти дни. Я снова вспомнилъ теперь, какъ слышкомъ годъ тому назадъ я былъ причиной смерти моего брата, какъ я мучился на чердакѣ. По какому-то инстинктивному желанію посмотрѣть на мѣсто своихъ первыхъ мученій, я пошелъ на чердакъ. Тамъ все было по-старому, тѣ-же выбитыя два стекла, тотъ же хламъ въ углу, тѣ-же бичевки подъ потолкомъ и таже яркая, еще несмытая ни людьми, ни временемъ надпись: «мая навекъ.» А гдѣ же та рука, которая чертила въ минуту юной любви эти слова? Гдѣ та цвѣтущая дѣвушка, которая дала обѣтъ этой вѣчной любви? Мнѣ вспомнилось утро, когда Василій, какъ бы прошелъ передъ моими глазами сквозь строй, и мнѣ стало жутко; изъ глазъ полились слезы... А тамъ внизу, быть можетъ, шли въ эту минуту первыя радости отца и матери, услыхавшихъ первый крикъ новорожденнаго младенца. Я сталъ на колѣни и тихо началъ молиться: «Господи, спаси маму, дядю, брата, Настю, всѣхъ, всѣхъ добрыхъ и бѣдныхъ людей!» Я перечислялъ всѣ имена знакомыхъ мнѣ лицъ и не молился только за Бубнова и за его мать. Я ненавидѣлъ ихъ всѣми силами страстной дѣтской души.

Черезъ нѣсколько дней позвали меня къ матери. Мать была одна.

— Посмотри на своего брата, сказала она.

Я на ципочкахъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ мой братъ, и осторожно приподнялъ надъ нимъ кисею. Передо мной лежалъ спеленатый, какъ куколка, ребенокъ съ краснымъ, неуклюжимъ лицомъ.

Мнѣ очень хотѣлось поцѣловать его, но я не смѣлъ; я боялся, что онъ проснется и заплачетъ, что объ этомъ узнають Бубновы, и что меня снова обвинять въ покушеніи на убійство. Осторожно опустивъ кисею, я отошелъ отъ брата. Моя мать, тревожно слѣдившая за каждымъ моимъ движеніемъ, кажется, удивилась, что я не поцѣловалъ его, но ничего не сказала мнѣ на счетъ этого.

— Люби Мишу! промолвила она. — Онъ маленькій, не обижай его.

— Я буду его любить, въ смущеніи отвѣтилъ я; мнѣ показалось, что и мать сомнѣвается въ моей способности любить брата.

Она вздохнула.

— Ну ступай, промолвила она.

Я пошелъ.

— Ты даже не поцѣловалъ и меня, замѣтила она мнѣ съ упрекомъ.

Я вернулся и, потупивъ глаза, поцѣловалъ ея руку.

— Какой ты нынче странный! произнесла она. — Здоровъ ли ты?

— Я здоровъ.

— Такъ что же съ тобой?

— Ничего!

— Ты мнѣ скажи, если кто нибудь обидѣлъ тебя...

Я, насупивъ брови, молчалъ. Моя мать вздохнула и снова промолвила мнѣ:

— Ступай!

Я вышелъ снова на ципочкахъ, осторожно.

Съ этого дня моя мать начала слѣдить за моими отношеніями къ брату и замѣчала, что я не цѣлую его, что я не играю съ нимъ, — это убѣдило ее, что я не люблю брата. Старуха Буб-

нова, съ своей стороны, въ качествѣ пятого колеса нашей семейной машины, отъ бездѣля производила свои наблюденія и сообщала матери, что братъ меня не любитъ, что у него есть, какъ у чистаго ангела, отвращеніе ко мнѣ. Дѣйствительно, братъ не любилъ меня: онъ шелъ ко всѣмъ на руки, но я не смѣлъ протянуть ему своихъ рукъ и онъ не тянулся ко мнѣ. Онъ подставлялъ свои губы для поцѣлуевъ всѣмъ, за исключеніемъ меня, потому что я никогда не рѣшался поцѣловать его. Онъ отворачивался отъ меня, какъ отъ неинтереснаго собесѣдника, и лѣзъ къ комунибудь, кто смѣлъ взять его на руки и нянчиться съ нимъ. Меня тяготили эти натянутыя отношенія, и я радовался возможности не быть въ одной комнатѣ съ моимъ маленькимъ братомъ. Ему было около года. Я въ эту пору уже мечталъ о скоромъ поступленіи въ гимназію, когда въ одинъ прекрасный день у меня сдѣлалась корь. Я слегъ въ постель. Дня черезъ три начались признаки той же болѣзни и у брата. Онъ заразился ею отъ меня.

Бубновъ былъ въ отчаяніи, хотя болѣзнь была незначительна.

— Этотъ ребенокъ, говорилъ онъ про меня, — рѣшительно вносить несчастіе въ нашу семью. На немъ точно проклятіе какое-то лежитъ!

Мать содрогнулась отъ этихъ словъ. Она вспомнила слова своего отца: «не Богъ, а дѣти тебѣ покажутъ, что значитъ идти въ разбродъ съ честнымъ отцемъ.» Запуганная окончательно мужемъ и его матерью, болѣзненная, нервная, дошедшая до набожности не вслѣдствіе инстинктивнаго стремленія къ высшему заступнику несчастныхъ, а вслѣдствіе страха передъ невѣдомымъ, грознымъ мстителемъ за наши ошибки, она теперь суевѣрно, съ лихорадочнымъ ужасомъ смотрѣла на меня, какъ на живой бичъ карающаго, гнѣвнаго Бога, посланный ей въ наказаніе за грѣхи. Она по цѣлымъ часамъ, стоя на колѣняхъ, молилась за спасеніе другого, невиннаго ребенка, призывала гнѣвъ божій только на себя одну и наконецъ рѣшилась удалить меня изъ дома тотчасъ послѣ моего выздоровленія. Я поправился довольно скоро.

— Молись, молись за брата, говорила мнѣ мать. — Ты опять можешь сдѣлаться невольнымъ виновникомъ смерти второго брата.

та. Это потому, что ты никого не любишь, что ты капризный, упрямый и злопамятный ребенокъ...

— Мама, мама, если бы ты знала, что я вынесъ, что я видѣлъ! не выдержалъ я и зарыдалъ передъ нею. Я мучился, сознавая, что съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе теряю ея любовь.

— Всѣ должны безропотно нести свой крестъ! сухо замѣтила она, уже не трогалась моими слезами.— Терпѣнія, смиренія у тебя нѣтъ! Молись, чтобъ Богъ смягчилъ твое жесткое сердце.

Она говорила глухо и черство, какъ говорятъ схимники, пророчасіе гибель грѣшному міру. Въ ея голосѣ было что-то рѣзкое, сухое и безсердечное. Глаза ея горѣли, но были сухи, какъ ея запекшіяся губы, какъ все ея лицо. Изрѣдка голосъ ея обрывался и слышался удушливый, напоминающій о смерти кашель.

— Богъ съ тобой, поѣзжай, шептала она, отправляя меня.— Молись больше, тебѣ нужна молитва.

Я покидалъ родительскій домъ съ сухими глазами, но съ жгучею, тайною болью. Я, повидимому, разлюбилъ мать и никогда не любилъ брата, но между тѣмъ я тревожно искалъ на лицѣ матери хотя единаго проблеска ласковой улыбки, я упалъ бы въ слезахъ къ ея ногамъ, если бы я могъ хоть на минуту подмѣтнуть на ея лицѣ этотъ желанный лучъ любви: но ея лицо было сурово, какъ могила, схоронившая навсегда всѣ радости, всѣ надежды и хранящая только слѣды страданія, ужаса и смерти. Въ ночь передъ своимъ отъѣздомъ я на ципочкахъ пробрался въ комнату брата и наклонился надъ его колыбелью. Долго я разсматривалъ это чистое и милое младенческое личико съ полуоткрытыми губками. Здѣсь мысленно я давалъ обѣты быть вѣчно, вѣчно защитникомъ брата и не покидать его никогда. Тихо склонился я къ его дѣтской головкѣ и осторожно поцѣловалъ его. Мнѣ казалось, что это дитя улыбнулось въ отвѣтъ на мой первый поцѣлуй. Мнѣ хотѣлось разбудить его, взять его на руки, покрыть поцѣлуями, сказать, что я не злой, что я не врагъ ему, что я никогда не убивалъ его брата, что я подставляю за него свою грудь. Дитя, что поняло бы ты изъ этихъ смѣтныхъ и отрывочныхъ рѣчей болѣзненнаго и страст-

наго мальчика? Или, можетъ быть, ты поддалось бы его искренней ласкѣ и прильнуло бы своими дѣтскими губками къ этимъ губамъ, никогда до сихъ поръ нецѣловавшимъ тебя?...

Двери родного дома затворились за мной.

Передо мной открывалась новая дорога: выброшенный изъ своей старой семьи, изъ своего стараго гнѣзда, я вступалъ въ столицу, въ центръ общественной жизни, гдѣ мнѣ нужно было учиться, чтобы имѣть силы и средства сдѣлаться членомъ, помощникомъ, слугой моей новой семьи — общества.

— Ну, братъ, теперь мы оба на берегу! говорилъ мнѣ мой милѣйшій дядя, Петръ Акимовичъ, встрѣчая меня въ своей петербургской квартирѣ. — Поплывемъ дальше.

VII.

Въ мирномъ жилищѣ стараго холостика.

Дядя занималъ двѣ комнаты отъ жильцевъ. Кромѣ дяди въ этой же квартирѣ жили два холостые чиновника, одинъ коммисаріатскій, другой почтамтскій, да занимала маленькую комнату тридцатилѣтняя дѣвица Фуфайкина, вскрикивавшая и потуплявшая глаза при встрѣчахъ въ корридорѣ съ дядею и двумя чиновниками. Хозяйка, шведка, вѣчно страдавшая флюсомъ, жалась съ своимъ больнымъ чахоточнымъ мужемъ за шпирями въ кухнѣ. Комнаты у дяди были недурны; онъ обставилъ въ нихъ совершенно по холостому. Входя къ нему, можно было сразу угадать, что здѣсь живетъ холостякъ пожилыхъ лѣтъ. На стѣнахъ висѣли картины довольно свободнаго содержанія, изображавшія барыню въ ночномъ костюмѣ, спасаемую молодымъ человѣкомъ во время пожара, гречанку съ непозволительно открытой грудью и томными глазами, двухъ католическихъ монахинь, воюющихъ въ кельѣ передъ лежащимъ на полу и схватившимся за бока отъ смѣху юношей. Всѣ эти картины были ярко раскрашены и обдѣланы въ рамки изъ насыпной стальной бумаги, — рамки были очевидно домашняго издѣлія. Въ углу кабинета, гдѣ за

ширмами помѣщалась кровать, около широкаго турецкаго дивана стоялъ особаго рода табачный столъ, какихъ теперь уже почти не существуетъ. Середина этого стола состояла изъ шестигольнаго, выложеннаго свинцомъ и наполненнаго табакомъ ящика; вокругъ ящика, въ краяхъ были сдѣланы круглыя отверстія для чубуковъ. Въ то время еще курился «Жуковъ». Чубуковъ здѣсь было множество, одни красовались въ голубыхъ съ бѣлыми гирляндами бисерныхъ чехлахъ, другіе были украшены затѣйливо вырѣзанными янтарями. У окна стоялъ письменный столъ, на которомъ вмѣсто письменныхъ принадлежностей видѣлись обрѣзки стальной и синей матовой бумаги, картоны и бордюры, тутъ же стояла чашка съ крахмаломъ, лежали трехугольники, линейки и перочинные ножи. Подъ столомъ покоилась, почивая мирнымъ сномъ на кожаной подушкѣ, «Сучка», лягавая собака, державшаяся преимущественно для подаванія туфель, для стоекъ надъ сухаремъ, для разыгрыванія роли умершей и тому подобныхъ штукъ. На охоту она ходила рѣдко и то не съ дядею, а съ кѣмъ нибудь изъ его многочисленныхъ друзей. Но это обстоятельство нисколько не мѣшало дядѣ повѣсить на стѣну крестообразно два ружья надъ головою «стурчанки», подъ которою висѣли пороховница, дробовикъ и пистолетница. Всѣ эти вещи, отлично отполированныя и блестящія дѣвственною чистотой, придавали очень милый видъ и стѣнѣ, и «стурчанкѣ». По другую сторону дивана помѣщалась этажерка съ книгами. Тотчасъ же послѣ моего пріѣзда нѣкоторыя книги почему-то исчезли съ этажерки. Точно также исчезли со стѣны, висѣвшія надъ этажеркой, двѣ картинки. Черезъ нѣсколько времени я отыскалъ и эти книги, и эти картинки, наскоро засунутыя дядею за его кровать. Но, къ моему удивленію, содержаніе картинокъ, снятыхъ со стѣны, и гравюръ, украшавшихъ книги, осталось для меня совершенно непомятымъ. Я не могъ сообразить, почему дядя спряталъ ихъ, и заключилъ только одно, что на нихъ, повидимому, изображена какая-то иностранная баня. Кромѣ всего этого у дяди повсюду лежало множество рамокъ, коробочекъ, шкатулочекъ; онѣ ясно показывали, что онъ посвящаетъ свои досуги клеенію различныхъ картонныхъ бездѣлушекъ. Клеенье рамокъ и коробочекъ, украшавшихся мелкими вырѣ-

заными картинками комическаго содержанія, было тогда въ такой же модѣ, какъ передъ крымской войной занятіе потишманіей, а въ настоящее время пыльной работой. Скука изобрѣтательна на игрушки. Такъ какъ въ описываемое мною время вся жизнь дяди была сплошнымъ досугомъ, и такъ какъ вѣчно влѣсть невозможно, то онъ и старался проводить возможно большее количество времени за чаемъ, кофе, обѣдомъ; извѣстное число часовъ онъ убивалъ на прогулку, на обученіе собаки, на ея кормленіе; иногда онъ шелъ куда нибудь подальше завтракать въ трактиръ, чтобы убить утро. У него явились трактирные знакомые; явились знакомые по собакѣ; то есть они брали его собаку на охоту или онъ бралъ ихъ собакъ на племя. И какъ просто завязались эти знакомства! Идетъ бывало дядя съ своею «Сучкою» по Невскому проспекту или по Морской; вдругъ его нагоняетъ и останавливаетъ незнакомый господинъ.

— Извините! Это ваша собака? спрашиваетъ прилично одѣтый незнакомецъ.

— Моя, отвѣчаетъ не безъ гордости дядя.

— Не продадите ли вы ее?

— Нѣтъ-съ. Я самъ радъ, что успѣлъ ее приобрести.

— Благородный песъ! У меня есть одинъ точно такой-же.

Вотъ бы поддержать племя!

— Г-мъ, кашляетъ многозначительно дядя.

— Если вы позволите, вашъ адресъ!

Дядя даетъ подробный адресъ своей квартиры и спрашиваетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь говорить.

— Петръ Григорьевичъ Ефимовъ, отвѣчаетъ незнакомецъ.

— Скажите, не встрѣчалъ ли я васъ въ Лондонѣ? задумывается дядя.

— Очень можетъ быть, я былъ при посольствѣ.

— Ба! такъ мы старые знакомые!

Ефимовъ и дядя въ восторгѣ. Оказывается, что они оба страстно любятъ собакъ, оба холосты, оба путешествовали, оба принадлежать къ числу совершенно свободныхъ и живущихъ на свои небольшіе капиталы людей. Затѣмъ дѣло обставилось долгими переговорами, визитами другъ къ другу и тому подобными церемоніями, занимавшими довольно большое количество

часовъ. Послѣ всего этого Еремкинъ и дядя дѣлались пріятелями.

Ежедневно проводилъ дядя извѣстный промежутокъ времени въ разговорахъ съ хозяйкою. Выйдетъ бывало онъ будто бы случайно въ корридоръ изъ своей комнаты, а она въ это время проходить въ кухню изъ комнаты почтамтскаго чиновника, Матвѣя Трифоновча Семкина, — ну и начинается бесѣда:

— А что, Христина Карловна, какъ ваши зубы? спрашиваетъ дядя.

— Ахъ, бѣдные мои зубы, ахъ, несчастные мои зубы! Опять флюсъ! восклицаетъ хозяйка.

— Не хорошо, не хорошо! Вы бы къ доктору сходили.

— Лавочникъ теперь взялся лечить. Кладетъ онъ заговоренный пруть отъ вѣтника и лицомъ къ мѣсяцу велитъ становиться и растирать, растирать щеку.

— Ну и трете?

— Нѣтъ, не тру.

— Ай, ай, ай, что же вы запускаете болѣзнь? съ упрекомъ качаетъ головой дядя.

— Да мѣсяца теперь нѣтъ!

— Да! вотъ оно что! задумывается дядя. — Ну, нечего дѣлать, съ Богомъ спорить не станешь, — подождите.

— Вотъ и жду! А ужъ какъ болятъ, какъ болятъ!

— Ну, а мужъ-то что? спрашивается дядя о мужѣ хозяйки.

— Все лежитъ, все лежитъ. Кашлялъ сегодня, всю ночь кашлялъ!

— Лечиться, лечиться ему надо!

— Тутъ доктора не помогутъ: теперь ледъ по Невѣ идетъ, вотъ онъ и хвараетъ.

— Ну, авось скоро установится.... А не слышали, что Невата не встала?

— Нѣтъ, лавочникъ говорилъ, что еще не встала.... Я пойду, тамъ у меня котлеты.... Рубить надо....

— Ступайте, ступайте съ Богомъ.

Хозяйка идетъ въ кухню. Дядя задумчиво стоитъ у дверей и потомъ кричитъ ей въ слѣдъ:

— А что Дормидонъ Дормидонычъ не возвращался?

— Нѣтъ еще! Богъ его знаетъ, запоздалъ что то, откли-
кается хозяйка.

— Дѣла, вѣрно; ревизія какая нибудь! разсуждаетъ дядя и задумывается о Дормидонѣ Дормидоновичѣ Тюпинѣ, и о ревизіи въ комиссаріатѣ, и о своемъ свободномъ времени, которое надо употребить съ пользою, то есть на клееніе корбочекъ и рамокъ.

Конечно, при такомъ образѣ жизни, корбочки и рамки клеились довольно медленно и дядя, тайно радуясь множеству занятій, иногда жаловался, что у него нѣтъ времени докленить ту или другую вещь. Застѣвъ за работу, онъ углублялся въ нее со всею свойственною ему философскою серьезностью и обдуманностью. Но не прошло и часу, какъ въ корридорѣ раздавался осторожный звонокъ.

— Дормидонъ Дормидонычъ вѣрно изъ должности идетъ, мысленно разсуждалъ дядя. — Скоро и Володька прибѣжитъ. Надо велѣть накрывать на столъ.

Оставивъ работу, онъ отправлялся въ корридоръ и ощупью пробирался въ кухню.

— Ахъ! раздавался подъ самымъ его ухомъ болѣзненный крикъ Антониды Павловны Фуфайкиной.

— Виновать-съ! вскрикивалъ въ свою очередь дядя. — Вѣроятно на ногу-съ наступилъ. Темно здѣсь.

— Нѣтъ-съ, слышался застѣвчивый шопотъ. — Я такъ.

— А то, знаете, у кого мозоли, такъ это чортъ побери какая боль, если наступятъ! разсуждалъ дядя.

— Что вы говорите! сконфуженно шептала дрожащая дѣвица Фуфайкина и удалялась въ свою коморку.

Въ это время въ корридорѣ весело и рѣзко снова звенѣлъ колокольчикъ, шаловливо подергиваемый нетерпѣливой дѣтскою рукой. Дядя бѣжалъ отъ кухонныхъ дверей къ входнымъ дверямъ и уже издали кричалъ:

— Слышу, слышу, Володька!

— Ахъ! раздавался испуганный крикъ и мимо дяди, какъ летучая мышь, шурша накрахмаленнымъ платьемъ, прошмыгнула въ свою коморку дѣвица Фуфайкина.

— Фу, какъ испугала, чортъ побери! И когда это она опять

въ корридоръ успѣла выйти? разсуждалъ дядя, отыскивая крючекъ у двери.

Черезъ минуту въ прискокку я летѣлъ въ комнату и кричалъ:

— Обѣдать, обѣдать, дядя! Проголодался, какъ собака! А у тебя еще и не накрыто. Давай я самъ накрою столъ.

Бросивъ книги на полъ, я бѣжалъ въ кухню, хваталъ тарелки, ножи, вилки, снова мчался въ комнату дяди, снова неся въ кухню, подпрыгивалъ, шалилъ, а дядя, весь раскраснѣвшійся, едва переводя духъ, возился у стола. Наконецъ мы сѣли обѣдать.

— Ну, что ученье? спрашивалъ дядя.

Это было уже мѣсяца черезъ два послѣ моего поступленія въ гимназію.

— Ничего, идетъ. Только скучно, дядя.

— Ну, братъ, корень ученія....

— Что ты толкуешь! Научился же я у тебя говорить по-французски и по-нѣмецки безъ скуки. А тутъ ковыряешь, ковыряешь столы, покуда учитель тянетъ: *mein Vater ist gut und dein Vater ist gut, meine Mutter ist gut und deine Mutter ist gut.* Иногда просто вздремнешь.

— Не хорошо, птица!

— А зачѣмъ они скверно учатъ?

— Значить лучше не умѣютъ! серьезно замѣтилъ дядя въ отвѣтъ на мою первую жалобу на учителей.—А ты все-таки учишь!

— Ну, а ты что наклеилъ?

— Какая тутъ клейка! «Сучка» сегодня что-то прихворнула. А тутъ пришла наша Христина Карловна, жалуется на зубную боль, поболталъ съ нею, — гляжу и Дормидонъ Дормидонычъ идетъ. Ну, думаю, теперь и Володька скоро вернется. А ты тутъ, какъ тутъ! Что это только съ Фуфайкиной: какъ не выйдешь, она, какъ бѣльмо на глазу, въ корридорѣ—и ахаетъ!

Дядя всталъ, чтобы велѣть подать слѣдующее кушанье, и вышелъ въ корридоръ: у самыхъ нашихъ дверей раздастся пронзительное «ахъ».

— Тьфу ты, проклятая! прошепталъ дядя, возвращаясь въ комнату.

Я ходоталъ до слезъ.

— Да что она у васъ все ахаетъ? сердито спросилъ дядя у хозяйки, подававшей кушанье.

— Она—барышня, мужчишь боится.

— Да за какимъ же дьяволомъ она все въ корридоръ выходитъ?

— Ахъ, какой вы! покачала головой хозяйка, выходя изъ комнаты.

— Не понимаю! рѣшительно ничего тутъ не понимаю! рассуждалъ дядя.

Окончивъ обѣдъ, дядя по обыкновенію легъ отдыхать. Я сѣлъ за уроки и пошгрывалъ, между прочимъ, съ «Сучкой», валяясь на мягкомъ турецкомъ диванѣ.

— Ты, Володька, сладкаго не хочешь ли. Тутъ въ шкапу на нижней полкѣ есть пастыла, говорилъ изъ-за ширмъ дядя, поворачиваясь на другой бокъ.

— Проснешься, вмѣстѣ поѣдимъ! откликнулся я съ дивана, обогрѣвшись на этомъ мягкомъ ложѣ.

— Да, я и теперь не сплю. Что-то бессонница нынче мучаетъ. Ворочаешься, ворочаешься, а сна все нѣтъ. Старость, братъ, видно, подходитъ. Вотъ и кости ломить.... Тьфу, ты проклятая, опять ахнула! проворчалъ дядя, услышавъ за стѣной испуганный крикъ Фуфайкиной. Это вѣрно Матвѣй Трифоновъ прѣшелъ.

Черезъ четверть часа дядя начиналъ присвистывать и выводить различные трубные звуки горломъ. Его храпу подтягивала и «Сучка», жалобно таякая во снѣ. Подучивая уроки, я думалъ въ это время: «вѣрно письмо будетъ, что «Сучка» во снѣ лаетъ». Уроки, уже были приготовлены, когда въ кабинетъ шумно вошла хозяйка и опустила на подъ дрова. Полудремотно, въ полумракѣ я смотрѣлъ, какъ она укладывала въ печь полѣнья, какъ потомъ они начинали медленно разгораться и трещать, выбрасывая яркія искры. «Вѣрно гости будутъ», думалось мнѣ. За ширмами раздавался скрипъ кровати: это потягивался, проснувшійся дядя.

— Печь затопили, мадамъ? спрашиваетъ она.

— Да.

— Ну и хорошо. Теперь чайку напьемся около огонька. А что Дормидонъ Дормидонычъ не ушелъ?

— Дома.

— И Матвѣй Трифонычъ у себя?

— Сейчасъ встали. Соснули немного.

— Ну, пойду погляжу, что они дѣлають. А ты, Володька, зажги свѣчи.

Еще черезъ нѣсколько минутъ въ комнату возвратился дяля и за нимъ неслышными шагами двигались два чиновника: толстый и лысый, вѣчно улыбающійся и вѣчно конфузящійся Дормидонъ Дормидонычъ Тюпинъ и худой и мрачный, вѣчно занимающійся богословскими вопросами Матвѣй Трифонычъ Семкинъ.

Недавно одинъ ученый замѣтилъ между прочимъ, что портняжное ремесло ведетъ къ трусости и воровству, а занятіе сапожниковъ развиваетъ мудрствованіе и революціонныя идеи. Не думайте, что я заговорилъ объ этомъ для того, чтобы предложить обществу ходить безъ сапогъ. Давать такіе совѣты, значило бы посягать на здоровье общества. Я просто хочу дополнить эти выводы, хотя и не знаю, можно ли теперь серьезно дѣлать ихъ, но если можно, то я предлагаю вопросъ: не зависѣли ли характеры Семкина и Тюпина отъ рода ихъ занятій? Тюпинъ изъ бѣдныхъ, армейскихъ офицеровъ попалъ въ мелкіе комиссаріатскіе чиновники и, постоянно распекаемый начальствомъ, зорко слѣдящимъ, не думаетъ ли онъ не по чину взять взятку, слѣдующую высшимъ, очень легко могъ привыкнуть конфузиться при всякомъ разговорѣ, предчувствуя вездѣ близость распеканій. Также легко могъ онъ привыкнуть къ постояннымъ улыбочкамъ, имѣя ежедневно передъ глазами тузовъ подрядчиковъ изъ рода самодуровъ, которые любятъ только пресмыкающихся. Хотя Тюпину, какъ мелкой сошкѣ и не перенадало взятокъ отъ этихъ тузовъ, но тѣмъ не менѣе отъ нихъ отчасти зависѣла его судьба, такъ какъ они имѣли вліяніе на начальство, и не поддѣльваться къ нимъ, не улыбаться передъ ними заскивающей улыбочкой было невозможно. Есть еще болѣе вѣроятія въ предположеніи о вліяніи службы на характеръ Семкина. Почтамтъ, какъ извѣстно, всегда давалъ самый

большой процентъ мистиковъ и массоновъ. Рѣдкость распеканій со стороны начальства, невѣщивающагося въ малонитересную раздачу писемъ, и напротивъ того, возможность ежедневно распекать отъ скуки публику, несущую и получающую письма и посылки; почти механическій трудъ раздачи корреспонденціи, оставляющій въ праздности умственные способности; можетъ быть, размышленія о тайнахъ писемъ, летящихъ со вѣхъ концовъ свѣта,—все это могло способствовать развитію нѣкотораго свободомыслія и стремленія пофилософствовать о судьбахъ человѣчества или впасть въ мистицизмъ и заняться разрѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ. Я не пишу серьезныхъ изслѣдованій, и потому предоставляю разрѣшить эти вопросы болѣе глубокимъ умамъ. Для меня важно только одно то, что Семкинъ и Тюпинъ были характерныя личности того времени.

— Къ огоньку, къ огоньку, радушнымъ тономъ говорилъ дядя своимъ гостямъ.

Гости, одѣтые по домашнему въ равные и замасленные халаты, усѣлись къ огню и ирачный старецъ, Матвѣй Трифоновичъ обратился ко мнѣ съ своимъ обычнымъ вопросомъ:

— Благополучно ли изволил окончить труды дневные?

— Я приготовилъ уроки, отвѣтилъ я.

— И возблагодарили Всеблагого за ниспосланныя на вашу долю силы?

Я молчалъ.

— Всеблагого надо благодарить. Ниспосылаетъ онъ каждой своей твари нужную ей силу и совершаетъ она въ послышной работѣ, покрытая потомъ, путь свой во славу Всеблагого, Всещедрого духа.

— Какъ? Что? Кто смѣетъ о религіи толковать? А, это вы, Матвѣй Трифоновичъ! Какъ живете? Шелъ я къ Дормидону Дормидоничу. Хозяйка говорить: у сосѣда въ гостяхъ. А! холостой? спрашиваю.—Холостой, говорить.—Ладно, говорю, что за церемоніи! Иду. Позвольте, гдѣ же хозяинъ?

Эти слова, соскакивавшія съ языка неожиданнаго гостя, какъ горный потокъ съ камней, были произнесены совершенно незнакомою мнѣ и дядѣ личностью, внезапно появившеюся въ кабинетѣ. Трудно было предвидѣть, какъ коротко суждено намъ

познакомиться съ этимъ человѣкомъ. Неизвѣстная личность имѣла длиннѣйшіе и ужасающіе черные усы, торчавшіе въ обѣ стороны и доходившіе до плечъ, подвязанную черной косыной руку и потертый, блестящій саломъ, военный мундиръ. Дормидонъ Дормидоновичъ сконфузился; улыбнулся и заерзалъ на стулѣ, обращаясь къ дядѣ съ извиненіемъ за своего знакомого, но тотъ перебилъ Тюниша.

— Имѣлъ удовольствіе видѣть капитана на охотѣ. Варили кашу, отрывисто произнесъ незнакомецъ, глядя на дядю, вышедшаго изъ-за ширинъ. А вы меня знаете? спросилъ онъ надменнымъ тономъ.

— Не имѣю этой чести, отвѣтилъ въ смущеніи дядя.

— Сашка Ярышкинъ, на я удареніе! гордо произнесъ отставной офицеръ, закручивая концы усомъ и шѣряя дядю глазами, будто желая узнать, не провалится ли дядя подъ землю отъ изумленія, услышавъ эту фамилію.

Но дядя, къ сожалѣнію, ничего не слышалъ объ Ярышкинѣ, а потому и не провалился подъ землю.

— Очень пріятно познакомиться, проговорилъ онъ. — Но къ несчастію, до сихъ поръ не имѣлъ чести слышать вашей фамиліи.

— Что? Не слышали? Удивительно! Непостижимо! Сашка Ярышкинъ, Сашка Ярышкинъ! Да меня весь Петербургъ знаетъ, вся Россія знаетъ отъ горъ могучаго Кавказа до нашихъ восточныхъ береговъ.

Дядя сконфузился за свое незнаніе.

— Извините, пробормоталъ онъ. — Но я постоянно проводилъ жизнь на морѣ, пріѣзжалъ...

— Да, да, конечно! Скитальческая жизнь. Вдали отъ родины. Море, заговорилъ покровительственнымъ тономъ Ярышкинъ, какъ бы оправдывая дядю за его невѣденіе. Я самъ въ нѣкоторомъ родѣ былъ изгнанникомъ страны родной. Былъ сосланъ, Десять лѣтъ на Кавказѣ... подъ пулями.

— Скажите пожалуйста! скорбно воскликнулъ дядя.

Въ это время подали чай, ромъ, сливки, сухари и пастилу. Дормидонъ Дормидоновичъ съ соболѣзнованіемъ, какъ мокрая курица, посмотрѣлъ на эти яства и попробовалъ встать съ мѣста.

— Я ужь пойду-съ къ себѣ, жалобно произнесъ онъ съ печальной улыбкой. — Гостя надо принять.

— Помидуйте, зачѣмъ же? началъ дядя. — Если господину Ярышкину...

— Ярышкину, на я удареніе! грозно произнесъ ототавной кавказецъ. — Я дворянинъ. Происхожу не отъ какого нибудь арыжки. Яръ былъ, гдѣ отличились мои предки. Ярышкиными и наименовались съ тѣхъ поръ.

— Извините, пробормоталъ сконфуженный дядя и обратился къ Тюпину. — Я попрошу васъ, Дормидонъ Дормидонычъ, остаться у меня и мнѣ будетъ пріятно угостить господина Ярышкина.

Тюпинъ вздохнулъ и отеръ салфеткою потъ съ своего лба и затылка.

— Благодарю! произнесъ небрежно Ярышкинъ и, осматривая комнату ястребными глазами, подошелъ ко мнѣ.

— Учиться? спросилъ онъ.

— Учусь, отвѣтилъ я.

— Военнымъ будете?

— Статскимъ.

— Баба!

Ярышкинъ повернулся на каблукахъ, присѣлъ къ чайному столу и небрежно рывался на турецкомъ диванѣ, захвативъ самый большой пзъ чубуковъ и пуская въ присутствующихъ клубы дыма.

— Позвольте спросить, если это не будетъ нескромностью, за что были на Кавказъ переведены? спросилъ дядя, разливая чай.

— Не переведенъ; сосланъ! пустилъ клубъ дыма Ярышкинъ.

— Да, сосланы, поправился дядя — За что же?

— За благородство души!

Дядя такъ и замеръ отъ удивленія, держа въ воздухѣ подвѣтый чайникъ.

— Благородство души и неукротимость! повторилъ кавказецъ. — Я неукротимъ! Вы меня не знаете! Я неукротимъ! Ссора—баць въ рожу! Уважай мое дворянское достоинство! Скандаль—я тутъ, какъ тутъ: кто правъ? кто виноватъ? — баць, баць, вотъ вамъ! Не смѣйте скандалить! Благородство души—

это у насъ врожденное. Мы старые дворяне. Вы помните Трегубскаго?

— Не имѣлъ...

— Ну, толстое брюхо, коротенькія ножки, всегда въ синемъ фракѣ, свѣтлыя пуговицы, песочнаго цвѣта брюки, бѣлый жилетъ, въ Измайловскомъ полку, около Троицы...

Я удивлялся въ душѣ, какъ это можетъ человѣкъ такъ скоро говорить, точно дробь выбиваетъ на барабанѣ или горохъ сыпетъ.

— Не имѣлъ чести знать, повторилъ дядя.

— Какая тутъ честь! Подлецъ былъ! Дворянинъ, въ корпусѣ воспитанъ и—подлецъ! Оплеуха — гривна. Бросай пятакъ-ртомъ ловить. Въ дураки играетъ: выиграетъ — рубль, проиграетъ —opleуха. Всему Петербургу извѣстенъ! пояснялъ отставной офицеръ, описывая своимъ яркимъ языкомъ Трегубскаго. Не могъ я богопротивной рожи видѣть. Увижу—въ рыло, гривну въ зубы и баста! Узналъ мою руку, шельма! Увидить, — нѣтъ, говорить, не дамъ себя бить за гривну, давай двѣ. Въ екатерингофскій праздникъ вымазалъ дегтемъ, вывалялъ въ пуху, въ перьяхъ, арбузную корку на голову, на лошадь рыломъ къ хвосту — маршъ о натюрель на гулянье! Ну тамъ бо мондъ, сеобы, сановники. Какъ? Что? Кто штуку выкинулъ? Генералъ-губернаторъ говоритъ: это вѣрно Сашка Ярышкинъ! Гляжу — скачутъ. Допросъ. Не запраюсь. Я сдѣлалъ. Этотъ подлецъ дворянское достоинство роняетъ, посмѣянiю долженъ быть преданъ. По благородству души постушмъ. На гауптвахту! Повинуюсь. День сижу, два сижу—клопы, вонь, скука! Водки! Пью! День пью, другой пью, — силъ нѣтъ! Трахъ! Окно высадишь, офицера обругаешь! Какъ? Что?—подъ судъ! На Кавказъ! Ъду!

— Удивительная исторiя! изумился дядя.

— Покорности нѣтъ Всеблагому и Все... началъ Семкинъ.

— Что? грозно перебилъ Кавказецъ, сверкая глазами.

— Я вполне съ капитаномъ-съ согласенъ: исторiя вышла удивительная, боязливо пробормоталъ струсившій Семкинъ.

Кавказецъ подлил въ чай рому.

— То-то! гнѣвно проговорилъ онъ.—А вы знаете, что такое Кавказъ? А? Горы и черкесы, черкесы и горы! Тамъ стрѣ-

ляютъ, тутъ стрѣляютъ, внизу стрѣляютъ, вверху стрѣляютъ, куда ни повернись—вездѣ стрѣляютъ. Стоимъ это мы—передъ нами пропасть, верста глубины, внизу потокъ, орѣшники съ корнями вырываетъ какъ щепки. За пропастью сакли—непріатели. Взять ихъ! говоритъ начальство. Повинуемся. Къ врагамъ рукой подать, пойдешь—на мѣсяцъ пути хватить. Идемъ въ обходъ! Вздбираемся, леземъ на горы, на утесы, выше, выше, на самую верхушку. Холодъ, дождь, снѣгъ, зубъ на зубъ не попадаетъ, ноги отвалились, лихорадка, солдаты мрутъ, такъ пдутъ и мрутъ, вдутъ и мрутъ. Стой! Стали. Руби лѣсъ! Рубимъ. Дѣлай гроба! Дѣлаемъ. У кого лихорадка, тотъ и дѣлай гробъ, помретъ — хлопотъ меньше. Стоимъ недѣлю, другую. Чортъ поберн, лихорадкѣ конца нѣтъ,—а тутъ недалеко мирные. Начальство отдаетъ приказъ: разбить мирныхъ! Нападаемъ — разнесли! Конецъ. Идемъ назадъ, рапортуемъ—столько-то убитыхъ, столько-то раненыхъ,—двадцать георгіевъ за храбрость! Уважаю!

Дядя въ изумленіи покачивалъ головою во все время этого правдоподобнаго разсказа. Кавказецъ, подливъ еще рому и осушивъ стаканъ, затянулся трубкою и пускалъ густые клубы дыма, выдѣлывая изъ нихъ кольца въ воздухѣ. Я забылъ даже и настѣлу и весь превратился въ слухъ.

— Удивительно! вздохнулъ дядя.—Но какъ же это вы на мирныхъ-то шли? спросилъ онъ не столько изъ недовѣрія къ разсказу, сколько изъ сожалѣнія къ мирнымъ.

— Что-о? Мирные? Да вы чего имъ въ зубы-то смотрите? А? Мирные! Бестіанцы! съ негодованіемъ воскликнулъ кавказецъ, стуча кулакомъ по столу.—Придется плохо—ну и въ мирные, отлегло — они къ своимъ. То, се, пято, десято — снюхаются—глядь! мирные на насъ вылазку устраниваютъ. Утромъ въ крѣпостцѣ все развѣдаетъ, со всѣми переговорить, все вы-смотреть шельмецъ, — ночью на насъ идетъ. Лазутчики! Благородный человекъ этого не допуститъ. Бей ихъ, вѣшай! А то мирные, чортъ возьми! Насолили же мы имъ. Ночь, тьма, глазъ выколи, заберемъ къ нимъ, все захватимъ — сотню быковъ, чанъ въ десять бочекъ съ виномъ, вырытый изъ земли—концы въ воду. Они съ жалобой—начальство говорятъ: ищите, если что найдете, я не потерплю насилія! Фью! ищи, — най-

дешь послѣ дождичка въ четвергъ! Вино выпили, чайъ въ куски, быковъ — трахъ, трахъ! располосовали подъ сѣдла — все благополучно!

— Богочитанія въ васъ мало, рискнулъ заговорить Матвѣй Трифоновъ своимъ гробовымъ голосомъ. — Легко вы на все смотрите, Александръ Семеновичъ, а между тѣмъ не знаемъ мы грѣшныя, гдѣ насъ самихъ можетъ постичь милосердіе и гнѣвъ Всевышняго и Всеблагого духа.

— Что? бояться? Чего бояться? Подавайте мнѣ сюда враговъ! Сколько ихъ? Со всеми управлюсь! Рѣжь, вѣшай и баста! проговорилъ уже нетвердымъ голосомъ кавказецъ.

— Захочетъ Всеблагой—и справитесь, не захочетъ—и падете во прахъ передъ дуновеніемъ его. Всѣ мы земля и въ землю отыдемъ! пзрекъ торжественнымъ и глухимъ тономъ Семкивъ.

— Это истинно-съ, подтвердилъ шепотомъ Тюпинъ, отирая салфеткою потъ съ своего краснаго лба и жирнаго затылка. И, какъ подумаешь, какими путями Провидѣніе до раскаянья доводитъ грѣшниковъ, такъ это даже удивительно. Вотъ хоть бы игра—можно сказать, что это грѣшное и богопротивное дѣло, а между тѣмъ сколь многихъ оно привело къ познанію истиннаго Бога и просвѣтленію души. По истинѣ пути Господни исповѣдны и мудрость его велика, какъ говорить Матвѣй Трифоновъ.

— Да неужели же вы думаете, что игра способствуетъ вѣрѣ? усумнился дядя.—Это что-то странно, Дормидонъ Дормидоновичъ.

— Враки! Надувай и выиграешь! пробормоталъ въ дремотѣ захмѣлѣвшій кавказецъ.

— Нѣтъ-съ. Это вы слишкомъ легко судите. Могу-съ васъ увѣрить въ противномъ. Ей Богу-съ! завѣрялъ Тюпинъ.—Это вамъ и Матвѣй Трифоновъ могутъ засвидѣтельствовать. Могу васъ завѣрить и по собственному опыту, что многіе игроки, настоящіе игроки, не только въ различныя примѣты, но и въ Бога вѣрять начали, если до прежде того этой вѣры не имѣли.

— Странно, очень странно! удивлялся дядя.—Признаться сказать, мнѣ еще не приходилось задумываться надъ этимъ вопросомъ. Съ игроками не сходился...

— Такъ-съ. А вотъ я вамъ могу разказать одну по истинѣ поучительную исторію. Ее и Матвѣй Трифоночъ знаетъ. Если вы позволите-съ?..

— Пожалуйста, разкажете, намъ торопиться некуда. Ты, Володька, можешь на мою постель лечь, обратился ко мнѣ дядя.

— Я, дядя, не хочу еще спать, отвѣтилъ я, заинтересованный общаніемъ Тюпина разказать исторію.

Тюпинъ налилъ себѣ рому въ чай, снова вытеръ салфеткой лобъ и затылокъ и началъ разказывать.

У Тюпина былъ неисчерпаемый источникъ разказовъ. Онъ разказывалъ длинно, обстоятельно, входя въ мельчайшія подробности дѣла и постоянно ссылаясь на авторитетъ Матвѣя Трифоноча. Теперь дѣло шло о какомъ-то плохомъ шулерѣ изъ армейскихъ офицеровъ стараго времени, обыгранномъ на Нижегородской ярмаркѣ. Пронгравъ казенныя деньги, онъ остался безъ гроша и рѣшился заложить ризу съ образа, давъ клятву, если онъ отыграется, сдѣлать еще лучшую ризу на образъ. Случай помогъ офицеру, подвернулся подъ руку какой-то купчикъ, который и былъ обыгранъ.

— Съ этого времени, окончилъ Тюпинъ,—онъ и въ Бога и въ святыхъ сталъ вѣрить и бывало играетъ, можетъ быть и не чисто, а ужъ на праздникъ не забудетъ лампаду зажечь или тамъ молебень въ Николинъ день отслужить. А все потому, что понималъ онъ, что не выигралъ онъ въ этотъ разъ и вся его фамилія лишилась бы дворянскаго достоинства за растраченныя имъ казенныя деньги.

— Странно, очень странно! удивлялся дядя.—Я до сихъ поръ имѣлъ случай замѣтить только вліяніе морскихъ кораблекрушеній на обращеніе заблудшихъ на путь истины.

— Ну да, это ужъ извѣстно-съ; кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился, говоритъ поговорка, произнесъ Тюпинъ.

— Государи мои, да вѣдь и игра тоже крушеніе на морѣ житейскомъ, вдохнулъ Семкинъ.

— Да, крушеніе! замѣтилъ дядя.—Впрочемъ, чего не бываетъ съ человѣкомъ, какихъ переворотовъ не происходитъ съ нимъ.

Иная женщина молодая, здоровая, смотритъ на все легко, порхаешь, какъ птичка, и вдругъ, глядишь, опустились у нея крылушки, тоска на нее напала, молится, ѣстится... Крушение!

Я понималъ, о комъ вспоминаетъ дядя. И каждый разсказъ, каждый случай будилъ въ немъ эти тяжелыя воспоминавія.

— Да-съ, государи мои, тоже многое и отъ порчи бываетъ, заключилъ Тюпинъ.—Вотъ зналъ я тоже одну чухонку...

Новый разсказъ завлекъ вниманіе слушателей. Изъ него къ величайшему моему ужасу я узналъ, что во многихъ домахъ водятся привидѣнія и домовые. Фактъ былъ несомнѣнный, такъ какъ Тюпинъ прямо указывалъ на эти отверженныя Богомъ дома; одинъ изъ нихъ находился въ Конюшенной, другой въ Садовой близъ церкви Покрова, третій на Измайловскомъ проспектѣ, большой, желтый каменный домъ, гдѣ жили одни черкесы и то потому, что они домовыхъ не боятся. Но всѣ эти разсказы о киданьи домовыми известки съ печей, о танцующей мебели, о сапогѣ, влетѣвшемъ въ священную воду во время молебна, были ничто въ сравненіи съ послѣднимъ разсказомъ Тюпина о «дикихъ въ Коломнѣ». Эти несчастные дикіе были дѣти одной чухонки, брошенной обольстившимъ ее бариномъ. Жила она у церкви Покрова, въ угольномъ деревянномъ домѣ и держала тамъ своихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, до восемнадцати лѣтъ, какъ звѣрей, безъ одежды, безъ сношеній со всѣмъ остальнымъ міромъ. Только случай помогъ имъ однажды пробраться на галерею и обратить на себя вниманіе жильцовъ. Они не умѣли говорить по-человѣчески и визжали, увидавъ людей, отбиваясь отъ нихъ, когда ихъ хотѣли увезти изъ дому. Во все время этого разсказа, я то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, дрожа отъ каждаго шороха, точно меня самого готовился кто-то запереть въ отдѣльную каморку и превратить въ дикаго. Кто помнитъ жизнь того времени, тотъ вѣроятно и слышалъ эти разсказы и интересовался ими никакъ ни меньше, чѣмъ современное общество интересовалось дѣломъ госпожи Шлегель. Но разница между интересомъ тѣхъ исторій и интересомъ исторіи госпожи Шлегель заключалась въ томъ, что послѣдняя исторія была напечатана въ газетахъ, передавалась громко въ обществѣ, а тѣ

исторіи, несмотря на свой частный характеръ, передавались таинственно, въ тѣсныхъ дружескихъ кружкахъ, какъ нѣчто омазное, подрывающее вѣру во что-то, довѣріе къ кому-то. Казалось, рассказчики и слушатели боялись, что кто-нибудь посторонній услышитъ ихъ и схватитъ, какъ причастныхъ къ дѣлу. Трудно себѣ представить теперь, какими необычайными подробностями, какими сверхъестественными эффектами обставлялись эти подспудныя исторіи и какъ долго волновали они сердца средняго класса петербургскаго общества.

Когда Тюпинъ окончилъ рассказъ «о дикихъ въ Коломиѣ», было уже довольно поздно и гости почувствовали, что пора разойтись по своимъ комнатамъ.

Кавказецъ, сквозь сонъ потягивавшій во время рассказовъ ромъ, докурилъ, кажется, десятую трубку и внезапно обратился къ поднявшемуся съ мѣста Тюпину:

— Объясниться надо! пробормоталъ онъ заплетающимся языкомъ. — Моя несчастная тетка просила...

И безъ того красный Дормидонъ Дормидоновичъ покраснѣлъ еще болѣе и скороговоркою перебилъ кавказца, въ смущеніи присѣвъ и ерзая на стулѣ.

— Не могу-съ, ей Богу не могу-съ въ настоящую минуту! заговорилъ онъ сконфуженнымъ голосомъ. — Нѣ при деньгахъ-съ!

— Однако ея положеніе, ея дѣти? Вы человѣкъ? Человѣкъ ли вы, спрашиваю я васъ? приставалъ кавказецъ, съ трудомъ поднимаясь съ дивана.

— Ей Богу-съ, въ настоящую минуту я не при деньгахъ, шепталъ Дормидонъ Дормидоновичъ. Онъ, кажется, желалъ въ эту минуту провалиться сквозь землю.

— Позвольте, вмѣшался дядя — Тутъ рѣчь идетъ о деньгахъ. Дормидонъ Дормидонычъ мой другъ и я, кажется, не сдѣлаю нескромности, спросивъ, о какихъ деньгахъ вы говорите. Можетъ быть, долгъ...

— Долгъ, именно долгъ честнаго и благороднаго человѣка помочь ближнему! торжественно произнесъ кавказецъ, придерживаясь за стулъ. Я не стыжусь бѣдности моихъ родственниковъ. Я благородный человѣкъ. Несчастная тетка, вдова, пятеро дѣтей, несчастныя обстоятельства, нужда...

— Скажите, чего вы желаете? спросилъ дядя.

— Помощи! Помощи надо. Извлечь изъ пропасти нищеты. Квартира—болото. Комнаты—прахъ и заустѣніе. Дѣти—нагота и голодъ. Мужъ умеръ, хоронитъ нечѣмъ. Все продали. Тетка—женщина. Слабость и стыдливость—нигдѣ не можетъ достать средствъ.

— Ахъ, горькая участь, горькая участь! прошепталъ дядя.

— Какъ племянникъ, какъ родственникъ, забочусь, бьюсь. Самъ лишень средствъ и возможности...

— Вы не сердитесь на меня, если я предложу вамъ для передачи небольшую сумму денегъ, началъ дядя.

— Товарищъ по оружію, честный человѣкъ! пробормоталъ кавказецъ.—Руку!

Дядя протянулъ кавказцу руку и деньги. Кавказецъ пожалъ первую и спряталъ послѣднія въ карманъ.

— Несчастныя малютки, вы будете завтра сыты, передъ вами загорится огонь и согрѣетъ васъ, какъ эта теплая рука дворянина! проговорилъ онъ торжественнымъ тономъ, потрясая руку дяди.—Я самъ дворянинъ... Пропливалъ кровь, пули, враги... Отечество оставило безъ куска хлѣба... Подобенъ Самсону...

— Провидѣніе! пробормоталъ Матвѣй Трифоновъ

— Я тронуть, тронуть! бормоталъ кавказецъ, проводя рукой около глазъ, и сталъ прощаться.

Семкинъ и Тюпинъ тоже распрощались и ушли въ свои комнаты, проводивъ предварительно кавказца.

— Ну, Володька, засидѣлись мы нынче, проговорилъ дядя.— Сейчасъ устроимъ твою постель и на боковую. Мягко ли тебѣ здѣсь спать на диванѣ?

— Отлично, дядя, отвѣтилъ я.

— Ну спи съ Богомъ. Не у всѣхъ дѣтей, птица, есть и такая постель. Иные лежатъ и на голыхъ доскахъ, голодные и холодные... У меня вотъ изъ головы не выходитъ тетка этого Ярышкина. Шутка ли: ни гроша денегъ и пятеро дѣтей! Мало мы всѣ о ближнихъ думаемъ, помогаемъ имъ только тогда, когда ихъ крикъ мѣшаетъ нашему сну, когда ихъ раны наши

глаза намозолятъ... А онъ странный человѣкъ, очень странный. Подвыпилъ немного. Ну, да кто не грѣшнѣтъ... Спи!

Крѣпко и сладко уснулъ я, хотя меня сначала и пугали воспоминанія о домовыхъ, о заколдованномъ сапогѣ, о дикихъ въ Коломнѣ, и тому подобныхъ ужасахъ.

— А вѣдь Фуфайкина опять ахаетъ! покачалъ головой дядя, укладываясь за ширмами въ свою постель. Вѣрно Дормидона Дормидоновича въ корридорѣ встрѣтила.

Рано утромъ я шелъ, не торопясь въ гимназію терпѣть скуку и зѣвать надъ переводами вѣчныхъ «*mein Haus ist gros und dein Garten ist klein*», «*ma mère est bonne et ton père est vieux*»... Гораздо болѣе интересовали меня размышленія о томъ, какія новыя личности попадутся мнѣ вечеромъ въ квартирѣ дяди и какіе новыя исторіи и анекдоты услышу я отъ нихъ.

VIII.

Старое время и старые люди.

— Вотъ, птица, и Рождество подкатило на парусахъ, говорилъ мнѣ дядя въ послѣдніе дни рождественскаго поста.

Сначала мы хотѣли на рождественскіе праздники ѣхать въ Кронштадтъ. Но потомъ отложили поѣздку, такъ какъ Бубновъ написалъ дядѣ, что во-первыхъ Миша не такъ здоровъ и ему нужно спокойствіе, а во-вторыхъ поѣздка по морю въ трескучіе морозы можетъ повредить моему здоровью, уложить меня въ Кронштадтѣ въ постель и помѣшать ходу моихъ занятій. Очевидно, мы были лишними въ родномъ гнѣздѣ.

— Завтра, птица, намъ надо пораньше на Сѣнную собраться, провизію надо закупить, продолжалъ дядя.—Запишемъ-ка, что намъ нужно купить.

Дядя усѣлся передъ чайнымъ столомъ, я вскарабкался на диванъ съ ногами и обнялъ старика за шею, смотря черезъ его плечо на бумагу.

— Десять гусей и трехъ индюшекъ, записывалъ дядя.—Двадцать пять паръ куръ.

— Дядя, неужели мы все это съѣдимъ?

Дядя отложилъ въ сторону карандашъ и обратился ко мнѣ лицомъ.

— А ты думаешь, не съѣдимъ? усмѣхнулся онъ.

— Не съѣдимъ! положительнымъ тономъ отвѣтилъ я.

— Ну, а если другіе помогутъ, если помогутъ тѣ, у которыхъ нѣтъ и куска хлѣба,—тогда съѣдимъ или нѣтъ.

— Ну тогда-то съѣдимъ!

Дядя снова взялся за карандашъ.

— Два пуда муки, пудъ гречневыхъ крупъ. На пять платьевъ ситцу...

Дядя остановился.

— Какъ ты думаешь, птица, обратился онъ ко мнѣ съ серьезнымъ видомъ, почесывая карандашомъ кончикъ носа,—что купить Христинѣ Карловнѣ: ситцу на платье и шалевый платокъ или на салонъ матеріи?

— На салонъ, дядя; у нея салонъ худой прехудой! сообразилъ я.

— Да, да, совсѣмъ худой. Ну такъ на салонъ!—Дядя сталъ записывать и снова оставилъ карандашъ.—А вѣдь у нея, птица, кажется, совсѣмъ нѣтъ платка-то? Вотъ и зубы у нея прошли; пожалуй, куда нибудь соберется въ гости на праздникахъ, а платка-то и нѣтъ.

— Да, платка у нея точно что нѣтъ, задумался я.

Дядя тоже задумался, покусывая карандашъ.

— Ну такъ знаешь-ли что? Купимъ мы ей и матеріи на салонъ и платокъ.

— Ну да ужъ купимъ, дядя! рѣшилъ я.

— Да и то сказать, иначе и сдѣлать нельзя, рассуждалъ онъ.—Ну я подарю на салонъ, а ты-то такъ просто, что-ли, ее поздравить? Сухая ложка ротъ дереть. Увидить, что ты объ ней не подумалъ передъ праздникомъ, и скажетъ, что у тебя черствое сердце, что ты ее и порадовать не хотѣлъ. Такъ рѣшено, птица: на салонъ матеріи и платокъ. Платокъ на твой счетъ...

— А развѣ у меня есть деньги, дядя? полюбопытствовалъ я, зная, что у меня нѣтъ ни гроша въ карманѣ.

Дядя засмѣлся.

— Погляди-ка въ письменномъ столѣ, въ правомъ ящикѣ, сказалъ онъ съ лукавымъ видомъ.

Я побѣжалъ къ письменному столу, открылъ ящикъ, и замеръ отъ удивленія на мѣстѣ: онъ былъ полонъ пачками ассигнацій, подъ которыми лежали какіе-то очень цѣнные, но неизвѣстные мнѣ въ ту пору и потому неинтересные для меня билеты. Старикъ съ любопытствомъ слѣдилъ за мною.

— Дядя, это все мое? воскликнулъ я, указывая на деньги.

— Твое, птица, твое.

— Откуда же?

— Отъ меня.

Я подошелъ къ дядѣ, не вполне понимая его слова.

— Да, птица, это все твое, потому что и я самъ — твой. Есть люди, птица, которые не любятъ тебя, не любятъ они и меня, не подозрѣвая, что у меня есть деньги. Люди вѣдь все больше за деньги другъ друга любятъ. Они, можетъ быть, ограбятъ тебя, приберутъ и твое наследственное имѣніе и твои деньги. Но ты не ропщи на нихъ и не завидуй тѣмъ, кому они передадутъ твое состояніе. На твой вѣкъ и безъ того станеть! Съ излишкомъ станеть! Ты видишь, мы живемъ не богато, комнатъ у насъ немного, мебелишка простая, старая, устриць да шампанскаго у насъ нѣтъ, баловъ мы не даемъ, лошадей не держимъ, пѣшкомъ ходимъ. Но если бы ты захотѣлъ, птица ты моя, такъ возилъ бы я тебя на ворономъ рысакѣ въ гимназію, завелъ бы для тебя отдѣльныя комнаты и отдѣльнаго камердинера, стали бы около тебя лизоблюды вертѣться...

Дядя остановился и поглядѣлъ на меня серьезнымъ и испытующимъ взглядомъ. Я молчалъ и ждалъ, что онъ скажетъ далѣе. Я еще не понималъ всей прелести роскоши, не завидовалъ еще никому, не хотѣлъ еще никого перещеголять и затмить своимъ блескомъ, и потому равнодушно глядѣлъ на картину возможной переменъ въ образѣ нашей жизни. Лицо дяди начало свѣтлѣть.

— Но если бы ты захотѣлъ этой жизни, продолжалъ онъ, — то завтра мы не поѣхали бы на Сѣнную покупать гусей, куръ,

муки, ситцевыхъ платьевъ, салоповъ и платковъ. Не побѣхали бы мы съ тобою послѣ завтра въ Коломну и въ Измайловскій полкъ въ бѣдныя конуры голодныхъ людей, гдѣ тебя, птица, встрѣтятъ малыя, полунагія дѣти и ихъ больныя матери, какъ встрѣтили когда-то удрученныя горемъ, угнетенныя врагами люди родившагося въ міръ Христа. Я не кощунствую, дитя! Да, каждый, несущій половину своего состоянія бѣдному брату, есть одинъ изъ лучей того великаго солнца, которое согрѣло міръ и назвалось Христомъ. Только отъ него слышали богатые, что никогда не войдутъ они въ царствіе небесное, и что все оно есть наслѣдіе нищихъ. Если бы мы перемѣнили образъ жизни, птица, мы не стали бы давать бѣднякамъ денегъ на воспитаніе дѣтей, не выросли бы эти дѣти честными и образованными людьми и не нашли бы они ни силъ, ни средствъ бороться съ такими подлецами, какъ твой отчимъ. Мы сами, птица ты моя, живя въ роскоши, въ довольствѣ, не видя нищеты, не заходя въ ея жилище, окруженныя лестью и рабскою угодливіестью, очерствѣли бы и стали бы, подобно Бубнову, угнетать бѣдняковъ, живя на ихъ трудовыя деньги. Но помни, вѣчно помни, птица, что бѣдняки обогатили когда-то нашихъ предковъ, что мы, раздавая деньги, отдаемъ только старые долги. И когда ты вырастешь, когда ты узнаешь все, тогда вспомни, что далеко, далеко живутъ еще болѣе бѣдные люди, чѣмъ тѣ, которыхъ ты скоро увидишь,—и эти люди кормятъ теперь твою мать, твоего отчима и твоего брата. Можетъ быть, они перейдутъ къ тебѣ, помоги имъ и не бери ни единого гроша отъ этихъ голодныхъ и угнетенныхъ людей. Твои деньги, твои средства покуда здѣсь, у меня, потому они будутъ въ твоихъ собственныхъ рабочихъ рукахъ. На мои деньги ты выучишься и подготовишься къ жизни, а потомъ проживешь своимъ трудомъ честно и спокійно, какъ жилъ я.

Я обнялъ дядю со слезами на глазахъ и увѣрялъ его, что я буду честно жить. Я рассказалъ ему, что я клялся уже жить честно и не притѣснять бѣдныхъ, клялся въ то время, когда засѣкали Василья.

Лицо дяди мгновенно омрачилось.

— Его кровь на нихъ лежитъ, угрюмо проговорилъ онъ.—Я

сдѣлалъ все, чтобы спасти его и Настю. Я много хлопоталъ и кланялся въ ту пору...

Онъ задумался и началъ ходить по комнатѣ, взбивая хохолъ.

— Крестьянамъ волю нужно дать, рабовъ не должно держать. Это будетъ въ твое время. Это будетъ ваше дѣло, шепталъ онъ взволнованнымъ и пророческимъ голосомъ.—Мы можемъ только гроши подавать. Мы сами рабы, въ рабскихъ понятіяхъ выросли...

Онъ еще тревожище шагаль по кабинету.

— Я сказалъ, что кровь Василья на Бубновѣ, угрюмо шепталъ онъ.—Я лгалъ. Она и на мнѣ лежитъ. Видитъ Богъ, что я не предвидѣлъ, не въ силахъ былъ предвидѣть этого!.. Когда-то, птица, имѣнье, крестьяне, Настя—все принадлежало мнѣ... Я не торговалъ людьми, я не притѣснялъ ихъ, но я считалъ себя въ правѣ передать ихъ своей сестрѣ и ея дочери,—твоей матери. Твоя мать была такая добрая, у нея имъ было такъ легко жить!.. Добрая, да слабая,—ну и поддалась чужому влиянію, поддалась и позволила загубить Настю, а за нею погибъ и Василій .. А кто виновать? Кто отдалъ ножъ въ руки ребенка? Я, я, старый дуракъ, старый грѣхпроводникъ! Вотъ я всегда-то такъ поступаю, задвинъ умомъ крѣпокъ.

Я подошелъ къ дядѣ съ лаской и сталъ ходить рядомъ съ нимъ.

— Никогда никому не дари и не продавай крестьянъ. Старайся лучше пріобрѣсти ихъ, отрывисто говорилъ онъ.—Твой вѣкъ дологъ и ты увидишь великія времена. Люди долго грѣшатъ, но когда нибудь грянетъ громъ и они покаются.

Дядя присѣлъ на диванъ, я помѣстился, какъ въ былые годы дѣтства, у его ногъ на скамейку, и онъ началъ мнѣ рассказывать странныя вещи. Въ этотъ вечеръ я впервые услышалъ о Радищевѣ, о Новиковѣ, о тайномъ обществѣ, о дѣйствіяхъ въ рославльскомъ уѣздѣ нѣсколькихъ передовыхъ дворянъ во время голода въ смоленской губерніи въ двадцатомъ году и тому подобныхъ людяхъ и событіяхъ.

Далеко за полночь продолжалась наша бесѣда. Сильно билось мое дѣтское сердце отъ пламенныхъ и живыхъ рассказовъ дяди.

— Вотъ какъ надо жить, птица, заключилъ онъ рассказъ.— Теперь не такіе люди живутъ, теперь бубновское время настало. Всѣ идутъ врозь, всѣ о себѣ только думаютъ.

Онъ всталъ и впервые благоговѣнно и торжественно благословилъ меня передъ отходомъ ко сну. По его щекамъ катились одинокія слезы. Я невольно поцѣловалъ его руку. Этотъ человѣкъ казался мнѣ въ эту минуту, несмотря на всѣ его добродушныя ошибки, такимъ честнымъ, такимъ безупречнымъ существомъ, какимъ всею душою хотѣлось сдѣлаться и мнѣ. Въ тѣ годы я еще не могъ понять, почему дядя, несмотря на свою доброту, несмотря на свою честность, не умѣетъ ничего сдѣлать и постоянно попадаетъ въ просакъ.!

Рано утромъ мы отправились за покупками, весело болтая и поминутно припоминая, чего бы купить еще. Нагрузивъ одни сани закупленными товарами, наложивъ и въ свои сани множество провизіи, мы отправились домой. Цѣлый день у насъ продолжалась возня надъ дѣлежемъ и укладкою провизіи въ разныя корзинки, на которыхъ дядя велѣлъ мнѣ написать карандашемъ различныя фамиліи, чтобы не спутаться при развозкѣ этихъ вещей. Утомленные, но веселые, наскоро пообѣдавъ, наскоро напившись чаю, мы улеглись пораньше спать, и на слѣдующій день отправились въ Коломну, къ знакомымъ дядѣ бѣднякамъ. Трудно описать впечатлѣніе, произведенное на меня этими визитами. Тутъ были страданія и бѣдность, ярко бросавшаяся въ глаза своими лохмотьями и грязью и до сихъ поръ неизвѣстная мнѣ; сырой и пропитанный прѣлымъ запахомъ гнили воздухъ; тряпье, наваленное вмѣсто постелей; изнуренность лицъ и то убійственная покорность судьбѣ, царствовавшая преимущественно въ семействахъ чиновничьихъ вдовъ, отысканныхъ дядею въ Измайловскомъ полку, то рѣзкое озлобленіе, замѣчавшееся въ сиротствующихъ семействахъ мастеровыхъ, жившихъ около бердовскихъ заводовъ. Вдовы чиновниковъ выглядѣли черносалопницами, рассказывали о посѣщеніяхъ ревизоровъ, о выдачахъ изъ комитетовъ трехрублевой помощи, благословляли аристократическихъ покровителей, выдающихъ имъ по полтиннику въ мѣсяцъ въ видѣ пенсіи; вдовы мастеровыхъ злобно жаловались, что имъ ни откуда никто

не выдаетъ пособій, что ихъ никуда не принимаютъ въ услуженіе, такъ какъ у нихъ дѣти, и рассказывали возмутительныя вещи о томъ, какъ ихъ надувають при расчетахъ за ихъ труды, стирку бѣлья, мытье половъ, щипанье пакли. Рассказы о содержаніи въ полиціи за нищенство, о нищенскомъ комитетѣ, о тюрьмахъ; пребываніе среди этого омута маленькихъ гимназистовъ, воспитывавшихся на дядины деньги; искреннія благодарности, расточаемыя дядѣ; его ласковое обращеніе съ дѣтьми бѣдняковъ; его распросы о ходѣ ихъ ученія; его веселое и добродушное согласіе выпить чуть-ли не въ десятый разъ цикорнаго кофе; его бодрость и шутливость, сразу дѣлавшія его членомъ этихъ семействъ и другомъ ихъ дѣтей,—все это такъ разнообразно и сильно подѣйствовало на меня, что я находилъ въ какомъ-то чадѣ и плохо понималъ, плохо отвѣчалъ, слыша благословенія себѣ и совѣты любить такого дядю, какъ мой.

— Ну, птица, видѣлъ ты, какъ живутъ бѣдные? говорилъ дядя, возвращаясь со мною домой.—Теперь не будешь думать, что я скуплюсь и живу скрягой, и не захочешь другой жизни. Погоди немного, будешь почаще ходить къ этимъ людямъ, подружись съ ихъ дѣтьми и тогда станешь плевать на роскошь. Все прахъ и суета, и только честность и любовь къ людямъ имѣютъ цѣну.... Жаль, что я не могу помочь многимъ. По грошамъ помогать не хочу, это жалкая помощь. Ну, а чтобы серьезно помогать всѣмъ,—нужны не мои средства. Что я дѣлаю — это капля въ морѣ. А между тѣмъ это море сразу бы можно высушить... Эхъ, люди, люди!

Дядя вздохнулъ, махнувъ рукою, и присѣлъ къ письменному столу.

— Ну, а теперь за работу. Надо доклеить еще коробочку для мадамъ Фридрихъ. Она женщина не бѣдная, ее не удивишь подаркомъ. Ну, а нѣмки любятъ разные Arbeitskasten'ы. Да къ тому же это и не купленное, а наши труды, — вдвое больше удовольствія ей принесетъ. Чувствительный, славный народъ эти нѣмцы!

Дядя усѣлся за окончаніе затѣливой рабочей шкатулки, гдѣ были устроены различныя отдѣленія для катушекъ, для вязательныхъ спиць, для иглокъ и тому подобныхъ принадлежно-

стей женскихъ работъ. Я занялся отрѣзываніемъ бордюровъ и цвѣтной бумаги по данной мѣркѣ и намазываніемъ ихъ крахмаломъ. Наши занятія были прерваны на нѣсколько минутъ неожиданнымъ посѣщеніемъ Ярышкина. Онъ въ послѣднее время являлся довольно часто къ дядѣ за деньгами, и почти постоянно отъ него несло водкою. Теперь онъ едва стоялъ на ногахъ.

— Капитанъ, извините! Не въ своемъ видѣ! заговорилъ онъ заплетающимся языкомъ. — Надо принять во вниманіе! Благородство души и бѣдственное положеніе родныхъ. Передъ такимъ праздникомъ! Не выдержалъ. Съ горя! Тетка слабая женщина, безъ всякихъ средствъ... Больныя дѣти... Голодъ.

Дядя порылся въ кошелекъ.

— Вотъ вамъ покуда рубль, а завтра я пришлю вашей теткѣ пособіе черезъ Дормидона Дормидоновича, промолвилъ онъ, подавая кавказцу рубль ассигнаціями.

— Что-о? Вы меня подозрѣваете? крикнулъ грознымъ, но прерывающимся голосомъ Ярышкинъ.

— Я никогда не подозрѣваю подобныхъ вамъ благородныхъ людей, съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ дядя — Но вы сами говорите, что вы не въ своемъ видѣ. У васъ могутъ вытащить деньги, а пословица говоритъ: не вводи вора во грѣхъ.

— Капитанъ, руку! Вы честный человекъ. Вы понимаете благородныхъ людей! торжественно произнесъ кавказецъ, пожимая дядѣ руку.

— Вамъ нужно отдохнуть и успокоиться, проговорилъ дядя.

— Да, вы правы. Моя душа потрясена, потрясена! Прощайте, другъ и благодѣтель несчастныхъ!

Ярышкинъ еще разъ пожалъ руку дяди и, шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

— Дядя, зачѣмъ ты даешь ему денегъ? Онъ ихъ пропьетъ, сказалъ я, когда кавказецъ удалился.

— Ну, птица, не разорить насъ рубль или два въ мѣсяцъ, добродушно проговорилъ дядя. — Онъ тоже несчастливъ, хотя, конечно, своеобразно, весьма своеобразно несчастливъ, — ну, да вѣдь несчастье не въ одномъ видѣ, а въ тысячѣ видахъ является.

— А ты видѣлъ ого тетку?

— Нѣтъ, но Доридонъ Доридоновичъ говоритъ, что она не богата. Ей нужно нѣсколько помочь, хотя я и не могу совершенно улучшить ея положеніе въ настоящую минуту. Нельзя взъ-за нея лишать помощи тѣхъ, которые уже надѣются на меня. Когданибудь послѣ, какъ они поправятся, загляну и къ ней. Средства, средствъ, цѣнца, у меня не достаетъ, а то всѣмъ бы, кажется, помогъ.

Дядя тяжело вздохнулъ, и снова принялся за работу.

Я задумался. Мнѣ казалось, что дядю надуваетъ кавказецъ, и что ему помогать не слѣдуетъ. Меня начинали теперь занимать новые вопросы. Я въ этотъ день увидалъ бѣдность и впервые понялъ, что не одни слуги страдаютъ на свѣтѣ, что въ каждомъ углу города гнѣздятся люди, неимѣющіе куска хлѣба и такъ же подавленные, какъ и какойнибудь Василій или какаянибудь Настя. Но кто же виноватъ въ этомъ? Какъ облегчить ихъ участь? спрашивалъ я себя и не находилъ въ своемъ умѣ отвѣтовъ.

Было уже довольно поздно, на улицѣ было почти темно, когда къ нашему дому подкатилъ экипажъ, нѣчто въ родѣ зимней повозки, и на улицѣ раздался громкій крикъ:

— Гошъ! гошъ!

— Господинъ Фридрихъ! господинъ Фридрихъ! крикнулъ мнѣ дядя и, поспѣшно накрывъ салфеткою нашу работу, побѣжалъ къ дверямъ.

Черезъ минуту, переваливаясь на коротенькихъ, толстыхъ и почти не сгибавшихся, какъ бревна, ногахъ, вошелъ въ комнату мужчина необъятной толщины и средняго роста. Его добродушное, розоватаго цвѣта лицо, съ нѣжною атласистою кожею, окаймлялось густыми, мягкими какъ шелкъ, совершенно сѣдыми волосами. Въ нихъ не было ни одного темнаго волоса, ихъ цвѣтъ отъ корней до конца былъ бѣлъ и блестящъ, какъ яркое, полированное серебро.

— А, душенька, наконецъ-то я увидалъ васъ! дружески проговорилъ онъ почти чистымъ русскимъ языкомъ, обращаясь ко мнѣ.

Онъ протянулъ мнѣ мягкую и широкую руку, поцѣловавъ

меня въ губы. Такъ же поцѣловался онъ и съ дядей, назвавъ его Хлопченькой.

— А меня Вилгельмина послала, голубчикъ. Боялась, что забудешь канунъ Рождества.

— Какъ же можно забыть, это день ея рожденья, сказалъ дядя.

— Ну да, да! А потому она велѣла спросить, поѣдешь ли ты въ Кронштадтъ.

— Нѣтъ, не думаю, но если ой надо, я съѣзжу!

— За комъ лѣшимъ? засмѣялся господинъ Фридрихъ.— Не то, не то я хотѣлъ тебя просить. Если не поѣдешь, такъ переѣзжай къ намъ въ Екатерингофъ, или по крайней мѣрѣ отдай своего юношу къ намъ на праздники. У насъ, знаешь, тамъ барыньки, мальчики—чудо!—Фридрихъ сложилъ три пальца, поднесъ ихъ къ своимъ полнымъ губамъ и причмокнулъ.—И мы, старики, тряхнемъ стариной. А? Гросфатера? Экосезъ? Минуэтъ? Батанье съ горъ? Этакую какую нибудь пупочку скатить? А? что скажетъ про это капитанъ?

Фридрихъ дружески похлопалъ дядю по брюху. Онъ весь сіялъ и въ его масляныхъ глазкахъ засверкалъ тотъ огонекъ, который должно быть горѣлъ въ былые дни очень яркимъ и слишкомъ скоро сжигающимъ чужія сердца пламенемъ.

— А что, чортъ побори, я закачусь опять къ вамъ по прошлогоднему, засмѣялся дядя.

— Дардедамъ Дардедамыча тоже пригласимъ, проговорилъ Фридрихъ и самъ весело засмѣялся, радуясь, что такъ наивно съострилъ, исковеркавъ имя Тюпина. Къ моему удивленію дядя тоже засмѣялся отъ этой чисто-нѣмецкой остроты.

— Драдедамъ Драдедамычъ будетъ у насъ на своемъ мѣстѣ, такъ въ дамахъ недостатка не будетъ. Ну, а ужъ гдѣ дамы, тамъ и Драдемы Драдедамовичи должны быть, продолжалъ пояснять Фридрихъ свою остроту, и опять въ его масляныхъ глазкахъ засверкалъ отблескъ стараго пламени.—А я вывче, Хлопченька, окончательно скажу пасъ.

— Да вы, Карлъ Карловичъ, который годъ пасовать собираетесь? спросилъ дядя. Онъ говорилъ Фридриху большую частью *см.*

— Ну, нынче окончательный конецъ!

Фридрихъ наклонился къ уху дяди, пошепталъ что-то, оба печально покачали головами, дядя сказалъ: «плохо!» и потомъ оба залились смѣхомъ. Глазки Фридриха такъ и бѣгали, такъ и сверкали. Черезъ минуту онъ уже прощался съ нами и, торопливо ерзая по полу толстыми, неспябающимися ногами, съ перевалкой вышелъ изъ комнаты, ласково поцѣловавъ меня на прощаньи.

— А какую я тутъ, голубчикъ, мамзель на лѣстницѣ встрѣтилъ! проговорилъ онъ дядѣ въ корридорѣ и причмокнулъ свои три сложенные вмѣстѣ пухлые пальца.

За тѣмъ я услышалъ, какъ Фридрихъ поцѣловался съ дядей, назвалъ его еще разъ голубчикомъ и Хлопчевкой и уѣхалъ, предварительно погладивъ свою лошадку, жирную и выхоленную, какъ любой купеческій ребенокъ.

— Вотъ, птица, передъ тобой сейчасъ стоялъ, можетъ быть, лучший петербургскій музыкантъ и, во всякомъ случаѣ, вполне честный и добрый простякъ, заговорилъ дядя съ свойственною ему восторженностью, проводивъ Фридриха и усаживаясь за продолженіе прерванной работы.

Я до сихъ поръ только мелькомъ слышалъ о Фридрихѣ и удивлялся, что онъ такой великій человекъ.

— Да, его исторія—поучительная исторія, продолжалъ дядя, наклеивая бордюры на коробку.—Родился онъ гдѣ-то должно быть около Риги и, можетъ быть, около кабака. Его отецъ былъ бродячій арфистъ. Получивъ плохое образование, шляясь съ отцемъ изъ трактира въ трактиръ, обходя съ фуражкой слушателей музыки за подавнѣемъ, росъ онъ среди разврата и учился у отца играть на арфѣ. Карлуша былъ юноша и красавецъ, онъ игралъ на арфѣ съ глубокимъ чувствомъ, онъ появлялся съ арфой на публичныхъ гуляньяхъ и въ трактирахъ.... Ты, дитя, не знаешь еще, что такое развратъ, но когда ты это узнаешь, то поймешь, надъ какой бездной стоялъ въ это время Фридрихъ. Быть можетъ, онъ и погибъ бы, если бы судьба не привела его въ Петербургъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ одну молоденькую дѣвушку. Одни говорятъ, что она жила у однихъ господъ чѣмъ-то въ родѣ гувернантки, другіе говорятъ, что она

просто пѣла въ трактирахъ. Она была сирота, не имѣла ни гроша за душой, но была хороша собою. Фридрихъ влюбился въ нее. Черезъ полгода они поженились. Это было около 1812 года, когда въ Петербургѣ шли кутежи и попойки купеческой молодежи и маменькиныхъ сынковъ, ожидавшихъ со страхомъ прихода Наполеона въ нашу столицу. Никогда еще не бросались въ Петербургѣ такъ безумно деньги, никогда еще не бывало въ немъ такихъ оргій, какъ въ эту пору всеобщаго переполоха. Многие недалёковидные богачи спѣшили прожить весело послѣдніе дни жизни и убитъ послѣднюю копѣйку, чтобъ она не досталась врагу. Въ Красненькомъ Кабачкѣ стонъ стоялъ, и днемъ и ночью неслись туда тройки, гремѣла тамъ музыка, шли танцы, раздавались пѣсни, часто слышались крики опьянѣвшихъ и дерущихся людей, верѣдко совершались страшныя и кровавыя преступленія. Страшенъ разбогатѣвшій и необразованный человѣкъ передъ приближеніемъ опасности. Въ эту-то пору, въ это-то мѣсто разврата попали Фридрихъ и его жена, оба молодые, оба красивые собою. Если бы они не были честными людьми, если бы онъ не былъ истиннымъ артистомъ, они наши бы себѣ состояніе. Золото горстями сыпали купцы въ передникъ Вильгельмины Фридрихъ; женщины отдавали свои кольца, свои часы и цѣпочки Карлушѣ за одну улыбку.... Но, дитя, молодые Фридрихи по прежнему оставались честны и по прежнему любили другъ друга и свое искусство. Имъ было тяжело въ этомъ омутѣ, и молодой Фридрихъ всячески добивался возможности попасть въ число театральныя музыкантовъ. Наконецъ, его мечта сбылась.... Онъ имѣлъ счастье играть передъ разными вліятельными лицами, былъ обласканъ и черезъ два, три года красавецъ Карлуша былъ моднымъ петербургскимъ учителемъ музыки. Аристократки наперерывъ приглашали его въ учителя къ своимъ взрослымъ дочерямъ. Арфа вошла въ моду и много графинь и княгинь, теперь уже постарѣвшихъ и посѣдѣвшихъ, развили и свои музыкальныя способности и свой музыкальный вкусъ подъ руководствомъ этого бродячаго арфиста.... Никто никогда не зналъ, какою дорогою цѣною, какими тяжелыми лишеніями купилъ свое счастье этотъ курчавый и бѣлокурый, какъ рафаэлевскій херувимъ, музыкантъ, никто не

видалъ у него пасмурнаго лица и только эта серебряная сѣдина, рано украсившая его голову, можетъ подчасъ заставить человѣка подумать, что бѣдняку не легко досталось его счастье. Войдя въ моду, сдѣлавшись другомъ значительныхъ, первенствующихъ въ государствѣ лицъ, Фридрихъ не измѣнился и зажилъ простою, честною жизнію артиста, у котораго открытъ и кошелекъ, и домъ для каждаго, кто ищетъ отдыха и забвенія невзгодъ.... Жизнь у насъ тяжела, она многихъ выбрасываетъ за бортъ, многихъ гонитъ за правду, для многихъ оказывается мачихой, и имъ нуженъ отдыхъ. Для этихъ людей Фридрихъ—неоцѣнимое сокровище.... Ну да ты увидишь, какъ онъ живетъ. Погоди, птица, мы еще повеселимся!

Дядя доклеилъ коробку, полюбовался ею, потомъ поставилъ ее сушить и послалъ меня пригласить Тюпина и Семкина къ чаю. Мирно проговоривъ до полуночи, наши гости разошлись, а я легъ спать въ сладкихъ грезахъ о завтрашнемъ днѣ.

На слѣдующій день у насъ начались сборы. Дядя бралъ съ собою небольшой мѣшокъ съ бѣльемъ и платьемъ для меня. Я сѣзидилъ за конфетами для госножи Фридрихъ и по дорогѣ захватилъ съ запискою отъ дяди къ ювелиру, гдѣ взялъ небольшое, довольно красивое кольцо для салфетки, сдѣланное въ видѣ змѣи. Собравшись въ путь, дядя позвалъ хозяйку и вручилъ ей подарки, сказавъ, что она можетъ безъ насъ принимать гостей въ нашей гостиной. Христина Карловна до того растерялась, что заговорила по-шведски, на что дядя отвѣтилъ очень серьезно: «gut, gut!» Захвативъ мѣшокъ съ бѣльемъ, коробку, конфеты и змѣю для салфетки, мы понеслись по направленію къ Екатерингофу.

Здѣсь въ теченіе многихъ лѣтъ жилъ Фридрихъ, занимая домъ комнатъ въ десять. У дома, когда мы подъѣзжали къ нему, уже стояли сани и карета. За стеклами оконъ мелькали чьи-то розовыя, молодыя лица. Мы еще не успѣли расплатиться съ извозникомъ, какъ двери подъезда распахнулись и въ нихъ появилась сіяющая физиономія Фридриха. Онъ былъ безъ фуражки, въ своемъ неизмѣнномъ широкомъ, долгополомъ сюртукѣ, въ неразлучномъ съ нимъ бѣломъ батистовомъ галстукѣ, съ бирюзовыма большими запонками на груди рубашки.

— Хлопченька, Хлопченька, здравствуй! весело проговорилъ онъ, цѣлуя дядю и меня.—Ничего не оставилъ въ саниахъ, голубчикъ?

— Нѣтъ, все захватилъ, отвѣтилъ дядя.

— Ну пойдемъ, пойдемъ. Озябъ, я думаю.

— Я-то не озябъ, а вотъ вы все молодитеъ, на морозъ въ сюртукѣ выходите съ открытой головой.

— Привыкъ, голубчикъ, привыкъ. Прежде и босикомъ бѣгалъ.

Фридрихъ засуетился около меня, разматывая съ моей шеи шарфъ.

— Сюда, сюда, въ мужскіе апартаменты, говорилъ онъ, вводя меня въ свѣтлую и блестящую чистотой комнату. Здѣсь, душенька, гребенка есть, щеточка, приформитесь, а потомъ пойду васъ знакомить съ обществомъ. Есть вамъ пара, гимназистикъ. Славный мальчуганъ.

Фридрихъ говорилъ какимъ-то мягкимъ, женственнымъ голосомъ и охорашивалъ меня, какъ заботливая мать охорашиваетъ своего ребенка. Можетъ быть, этимъ ласкающимъ, закрадывающимся въ душу голосомъ приголубливалъ онъ въ былыя времена женщинъ... Окончивъ приглашванье волосъ и чищенье одежды, я пошелъ за хозяиномъ черезъ гостиную въ залъ. И гостинная, и залъ и всѣ другія комнаты въ домѣ Фридриха были обиты свѣтлыми обоями, были украшены простыми бѣлыми и легкими занавѣсами изъ кисеи и филе; на окнахъ и въ углахъ стояло множество вазелеяныхъ, чистыхъ и свѣжихъ цвѣтовъ; старинная и немного тяжеловатая, но удобная и прочная мебель съ свѣтлою обивкой, состояла большею частію изъ дивановъ и креселъ, стульевъ было немного; во всѣхъ комнатахъ, за исключеніемъ зала, несмотря на торжественный день, съ пола не были сняты дорожки, проложенныя отъ однихъ дверей къ другимъ; подъ нѣкоторыми изъ столовъ лежали красныя и выхолонныя собаки польской породы, сѣрыя съ коричневыми пятнами и волнистой шерстью. Входя въ залъ, я былъ изумленъ шумнымъ смѣхомъ, пестротой и разнообразіемъ одеждъ и лицъ. Старухи и совсѣмъ молоденькія дѣвушки, ста-

ряки и юноши, нѣмцы и русскіе мѣшались здѣсь въ одну общую дружескую семью.

— Моего голубчика Хлопченьки племянникъ, громко проговорилъ Фридрихъ, обращаясь къ гостямъ. Славный парнюга! А вы, барышни, зачѣмъ же это на него такими лисыми глазами смотрите? Ай, ай, ай, не хорошо! Красавецъ? Такъ-то такъ, только не про васъ онъ здѣсь, для него вонъ тутъ въ уголку есть дружокъ.

Въ кружкѣ дѣвушекъ раздался легкій смѣхъ. Фридрихъ подвел меня къ худенькому и блѣдному мальчику почти такихъ же лѣтъ, какъ я. Онъ сидѣлъ за [большимъ томомъ иллюстрированной нѣмецкой газеты и разсматривалъ картины.

— Это Гриша Макаровъ, а это Володя Теплицынъ, а я вашъ покорнѣйшій слуга Карлушка Фридрихъ, проговорилъ хозяинъ.— За тѣмъ имѣю честь кланяться и желаю вамъ недолго смотрѣть другъ на друга козлами.

И я, и Макаровъ не могли не улыбнуться и невольно протянули другъ другу руки. Черезъ четверть часа Макаровъ мнѣ показывалъ виды разныхъ городовъ въ нѣмецкой газетѣ, а я сообщалъ ему свои свѣденія объ этихъ городахъ. Прошло еще съ четверть часа и къ намъ присѣли двѣ пятнадцати-лѣтнія дѣвушки, заинтересовавшіяся и картинками, и моими рассказами. Оживленная бесѣда и споры завязались быстро. Прошло съ часъ времени, когда я обернулся назадъ, чтобы оглядѣть залу: за мной въ комнатѣ ходила, говорила и спорила пестрая толпа людей, среди которыхъ, шаркая тяжелыми на подъемъ ногами и переваливаясь, сновалъ неутомимый хозяинъ.

— А которая же мадамъ Фридрихъ? спросилъ я у Макарова.

— Ея здѣсь нѣтъ. Она стряпаетъ, отвѣтилъ онъ.

— Развѣ у нихъ нѣтъ прислуги?

— Есть, но она всегда готовитъ сама, прислуга только помогаетъ ей. Ее до двухъ часовъ никто не увидитъ изъ гостей и только вашъ дядя, да господинъ Вальденрейхъ смѣютъ войти къ ней въ кухню въ это время.

— А кто этотъ Вальденрейхъ?

— Вонъ онъ. Высокій черноволосый. Онъ нѣмецкій актеръ.

— Актеры! изумился я.—Такъ здѣсь и актеры есть.

— Ха, ха, ха, засмѣялась одна изъ дѣвушекъ, спдѣвшихъ съ нами.—Чему же вы удивились? И мой папа актеръ.

— И на сценѣ они играютъ? снанивничаль я.

— Играютъ.

— А мой отецъ музыкантъ, замѣтила другая дѣвушка —Вотъ вечеромъ концертъ сюриризомъ устроить за чаемъ.

У меня замерло сердце. Я впервые стоялъ лицомъ къ лицу съ людьми, успѣвшими прославиться въ обществѣ своими талантами, я впервые готовился услышать искусныхъ музыкантовъ, вѣроятно игравшихъ не однихъ «голубковъ», которыми когда-то услаждала мой дѣтскій слухъ моя бѣдная мать. Въ минуту этихъ размысленій двери столовой распахнулись и въ нихъ появился хозяинъ.

— Прошу къ столу! обратился онъ къ гостямъ.

Всѣ поднялся съ своихъ мѣстъ. Въ столовой сверкалъ хрусталемъ, фарфоромъ, серебристо-бѣлыми салфетками и тонкою скатертью большой столъ. У одного изъ его угловъ, опершись о спинку стула, стояла невысокаго роста, очень полная и разгорѣвшаяся отъ кухоннаго жара женщина лѣтъ сорока пяти. Въ ея темныхъ волосахъ, пробравныхъ по мужски на боку, пробивалась легкая сѣдина. На ней было гладкое палеваго цвѣта ситцевое платье и черный шелковый передникъ; талъя, несмотря на толщину, была еще стройна и затянута въ корсетъ. Женщина стояла прямо, съ серьезнымъ лицомъ, принявъ немного театрално величественную и надменную позу. Хозяинъ первый подошелъ къ ней и поцѣловалъ ея руку. Его примѣру послѣдовали и гости. Она подставляла свою руку съ величіемъ царицы, не трогаясь съ мѣста и не наклоняя головы. Я подошелъ къ ней послѣднимъ. Она подняла мою голову и поцѣловала меня въ лобъ.

— Я очень люблю вашего дядю, проговорила она.—Онъ добрый человекъ, будьте и вы такимъ.

Она еще разъ наклонилась ко мнѣ и еще разъ поцѣловала меня въ лобъ.

— Садитесь, господа. Откупленныхъ мѣстъ только два, за-

мѣтила она, взявъ за руку меня и Макарова и посадивъ насъ около себя.

— Устала, мамочка? спросилъ Фридрихъ жену, когда всѣ усѣлись за столъ.

— Я же каждый день стряпаю, спокойно и не безъ гордости отвѣтила она и велѣла подавать кушанья.

— Ну, господа, обѣдъ будетъ не роскошный, но за то все чисто, вкусно и здорово приготовлено, проговорилъ хозяинъ.

Онъ не хвасталъ; обѣдъ дѣйствительно былъ и вкусенъ и состоялъ изъ здоровыхъ, чисто и отлично приготовленныхъ блюдъ. Меня болѣе всего удивило отсутствіе всякой суетливости и обращеній съ приказаніями къ бывшей въ комнатѣ прислугѣ, состоявшей изъ двухъ молоденькихъ дѣвушекъ. Какъ я замѣтилъ, госпожа Фридрихъ объяснялась съ ними глазами и бровями, выразительно и строго указывая имъ на пустыя тарелки и опорожненныя блюда. Бесѣда гостей не прерывалась ни на минуту. Обѣдъ кончился тостомъ за здоровье хозяевъ. За этимъ тостомъ Фридрихъ поднялся съ мѣста и громко сказалъ.

— Теперь еще тостъ: да любить молодежь другъ друга, какъ въ наше время она любила.

— Будутъ работать и любить будутъ, безапелляціоннымъ тономъ замѣтила хозяйка, осушая рюмку.

Всѣ шумно встали изъ-за стола и снова поцѣловали руку по прежнему стоявшей въ царственномъ величій хозяйкѣ, потрудившейся надъ приготовленьемъ обѣда. Около часу прошло за питьемъ кофе; нѣкоторые изъ гостей стариковъ удалились отдохнуть въ отведенныя имъ комнаты. Молодежь занялась ѣдою сладкаго и, кажется, нетерпѣливо ожидала чего-то.

— А что, господа, не худо бы на горы! наконецъ возгласилъ хозяинъ.

Всѣ подвинулись съ мѣстъ, всѣ зашумѣли, всѣ бросились въ переднюю за теплою одеждой. Здѣсь уже стояла на стражѣ у дверей хозяйка и осматривала каждаго изъ гостей.

— Шею, шею закройте! Иначе не пуццу! Что? Шарфа нѣтъ? У меня ихъ десять. Спросите у горничной, говорила она то тому, то другому повелительнымъ тономъ.

— А вы, Вильгельмина Федоровна, не идете съ нами? при- ставала къ ней молодежь.

— Изъ окна посмотрю на васъ, отвѣчала она.

Черезъ полчаса мы всё съ хохотомъ и криками бѣжали по лѣстницамъ небольшихъ ледяныхъ горъ, устроенныхъ въ саду при домѣ Фридриха. Самъ Фридрихъ, одѣтый по прежнему въ свой просторный скюртукъ и только повязавшій шерстянымъ шарфомъ горло, суетился болѣе всѣхъ. Онъ отлично катался съ горъ. За недостаткомъ саней нѣкоторые рьяные катальщики проносились по льду на рогожахъ, заѣзжали въ снѣговья насыпи на края горъ и вылѣзали изъ снѣгу, всё покрытые бѣлымъ, со сѣхавшими на затылокъ или на глаза фуражками. Болѣе всѣхъ отличался Дормидонъ Дормидонычъ. Весь красный, запыхавшійся, покрытый потомъ, онъ то и дѣло валялся въ снѣгъ, унося съ собою и дамъ, большею частію немолодыхъ, ненаходившихъ лучшихъ кавалеровъ или боявшихся ввѣрить свою участь слишкомъ юнымъ и неопытнымъ рукамъ.

— Драдедамъ Драдедамычъ, съ вами опять несчастіе! весело крикнулъ Фридрихъ, видя увязнувшего и карабкающагося въ снѣгу Тюпина.

— Санки-съ виноваты и тутъ, знаете, язвина во льду, оправдывался Тюпинъ, подируя платкомъ свое мокрое отъ поту и отъ снѣгу красное лице.—Надо бы, знаете ли, какъ нибудь это сравнять. А то я...

— Берегитесь! раздалось сверху.

Окончательно растерявшійся Тюпинъ отскочилъ въ сторону, наткнулся на грудь снѣгу и неожиданно погрузился въ нее, какъ въ кресло.

— Что устали развѣ? снова кривнулъ ему Фридрихъ.

— Нѣтъ-съ! Это я такъ! отозвался Дормидонъ Дормидонычъ, сидя въ снѣгу съ ангельски-невинною улыбкою.

— Птица, ты не простудись! словилъ меня за рукавъ дядя на лѣстницѣ.

— Вотъ вздумалъ! вырвался я изъ его рукъ и стрѣлой у- чался на верхъ.

Дядя и Вальдепрейхъ тоже катали дамъ, но оба исполняли это съ неподражаемою серьезностію и особенною граціей. Валь-

дейрейхъ— одно изъ честиѣйшихъ и безупречнѣйшихъ существъ, встрѣченныхъ мною въ мирѣ—имѣлъ особенную способность никогда ничего не понимать сразу и вѣчно обдумывать каждый поступокъ, каждое дѣло, каждое слово. Если ему начинали что нибудь рассказывать, то онъ тотчасъ же глубокомысленно и протяжно восклицалъ:

— А—а, батюшка мой!

За тѣмъ онъ быстро прибавлялъ:

— Этого не можетъ быть!

И васъ можно было поздравить, что вы до тѣхъ поръ не отдѣляетесь отъ Вальденрейха, покуда не опшете ему всѣхъ мельчайшихъ подробностей, всѣхъ ничтожнѣйшихъ обстоятельствъ исторіи, одежды и фязіономіи дѣйствующихъ лицъ, мѣстности, гдѣ она случилась, часа, въ который она началась, и минуты, въ которую она кончилась. Все это Вальденрейхъ умѣлъ вытянуть изъ разсказа неотступными приставаніями и допросами, все это онъ очень медленно и очень глубокомысленно принималъ въ соображеніе, каждое усвоенное свѣденіе онъ сопровождалъ многозначительнымъ прицелкиваніемъ языкомъ, или выражавшимъ удивленіе постукиваніемъ зубами, или наконецъ приговариваніемъ: та, та, та! какъ бы выражавшимъ, что Вальденрейхъ начинаетъ наконецъ постигать «суть» дѣла. Это былъ скептикъ по натурѣ. Не менѣе глубокомысленно обдумывалъ онъ, какъ нужно скатить ту или другую даму, какъ она должна сѣсть, какъ она должна подобрать платья.

— Фрицинька, ты циркуль бы взяла, а то ошибешься, кричалъ ему Фридрихъ.

— Аа! Убить можно, если неосмотрителенъ будешь! отвѣчалъ серьезнымъ тономъ Вальденрейхъ и съ еще болѣе серьезнымъ видомъ летѣлъ съ горы. Въ эти минуты его серьезность могла разсѣять до слезъ самаго мрачнаго ипохондрика.

Уже было почти совсѣмъ темно, когда въ одномъ изъ оконъ отворилась форточка и госпожа Фридрихъ кривнула.

— Карлъ, пора къ чаю!

Опять въ столовой былъ накрытъ столъ, опять хозяйка сидѣла за работою, разливая чай.

— Ну, весело катались? спросила она у меня.

— Ахъ, очень весело! воскликнулъ я радостнымъ тономъ, сіяя отъ восторга. Я первый разъ еще катался съ горъ. У насъ дома не дѣлали горъ.

— Это здорово. Вотъ выучитесь на конькахъ кататься, то же грудь развиваетъ и ноги.

— Я попрошу дя...

Я не кончилъ фразы и насторожилъ уши. Въ залѣ торжественно полились звуки музыки. Четыре солиста играли бетховенскій квартетъ. Всѣ гости мгновенно смолкли. Хозяйка оставила чай и, вытянувшись въ струнку, слушала музыку. Я никогда до сихъ поръ не слышалъ такой игры и сразу понялъ, что я вообще не слышалъ музыки, а слышалъ только жалкое, бездушное и деревянное брячанье фортепьянныхъ кляшекъ и фортепьянныхъ струнъ. Я очнулся подъ шумъ рукоплесканій и увидалъ, какъ хозяйка со свойственною ей царскою снисходительностью благодарилъ артистовъ за принесенное ей удовольствіе ихъ мастерской игрою. Гости между тѣмъ окружили хозяйку и приставали къ нему съ какими-то просьбами.

— Ну, тряхну стариной, улыбнулся онъ и вышелъ изъ столовой; черезъ минуту онъ явился въ комнату съ арфой.

Въ столовой опять воцарилась тишина и среди этой тишины полились мѣрные, гармоническіе, чистые и сладкіе звуки. Казалось, это льется горный потокъ, дождь, слезы. Я слушалъ, слушалъ, впиваясь глазами въ пальцы Фридриха, то быстро перебѣгавшіе, то какъ бы замиравшіе на струнахъ. Эти каскады яркихъ, яркихъ звуковъ, эти едва слышные, подобные падающимъ каплямъ дождя, вопли струнъ вдругъ унесли меня далеко, далеко въ тотъ темный и узкій чуланъ на чердакѣ, гдѣ когда-то я прислушивался къ звукамъ дождя и засыпалъ, убаюканный ими. Кровь припла къ моей головѣ, на глаза навернулись слезы, я невольно облокотился на столъ и положилъ голову на обѣ руки. Я ощущалъ, какъ подъ пальцами въ моихъ вискахъ сильно билась кровь. А звуки становились все спокойнѣе и спокойнѣе, тише и тише и наконецъ замерли совсѣмъ. Такъ бушуетъ, клокочетъ, то тише, то сильнѣе, потомъ успокоивается, наконецъ совсѣмъ замираетъ въ едва слышномъ звукѣ горе, радость, жизнь.

Всѣ гости остались довольны игрою Фридриха. Онъ унесъ свою арфу и, возвратившись въ комнату, пригласилъ молодежь и стариковъ играть въ фанты. Въ залѣ составился большой кружокъ. Дѣло заключалось въ томъ, что одинъ изъ играющихъ долженъ былъ отыскивать кольцо, быстро передававшееся изъ рукъ въ руки. Тотъ, у кого оно находилось, обязывался поцѣловать нашедшаго кольцо и стать на его мѣсто. Первый, неуспѣвшій, по своей неловкости, занять мѣста и потому обреченный отыскивать кольцо, былъ Дормидонъ Дормидонычъ. Вслѣдствіе этого игра приняла сразу самый комическій характеръ. Дормидонъ Дормидонычъ, пыхтя и краснѣя, совался изъ стороны въ сторону, подекакивалъ къ самымъ хорошенькимъ дѣвушкамъ, осматривалъ ихъ руки и съ самымъ плачевнымъ видомъ убѣждался, что кольцо не у нихъ. Наконецъ ему удалось найти кольцо у одной дѣвушки. Онъ предварительно вытеръ губы и осторожно поцѣловалъ ее въ щеку, сіяя отъ радости. Кольцо снова заходило по рукамъ, но, къ величайшему изумленію общества, оно снова застряло въ рукахъ Дормидона Дормидоныча.

— Что же вы не передаете кольцо? шепотомъ спросилъ его сосѣдъ.

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же-съ! въ смущеніи отвѣтилъ Тюпинъ, отводя въ сторону стыдливые глаза, и зажалъ покрѣпче кольцо.

Дѣло въ томъ, что ему хотѣлось, чтобы отыскивающая кольцо особа еще разъ прикоснулась къ его губамъ. Но она настойчиво искала кольцо у другихъ и не обращала ни малѣйшаго вниманія на Тюпина. Волей-неволей ему пришлось передать кольцо. Оно заходило снова по рукамъ. Я сначала совсѣмъ не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что дѣвушка, ходившая въ кругу, большею частію оставалась около того мѣста, гдѣ сидѣлъ я. Вслѣдствіе этого я былъ захваченъ ею врасплохъ и долженъ былъ поцѣловать ее. Я думалъ, что я никогда не отыщу кольца, но къ моему удивленію оно было сразу найдено мною и найдено именно у той же дѣвушки, которая за минуту взяла его у меня. Второй нашъ поцѣлуй былъ такъ звонокъ, что мы и за нами все общество не могло удержаться отъ смѣха. Довольно долго продолжалась эта игра. За нею начался польскій, потомъ ужинъ, послѣ котораго хозяйка

посоветовала мнѣ и Макарову лечь спать. Остальные гости продолжали танцевать.

Долго я и Макаровъ, помѣщенные на одну широкую постель, не могли уснуть и болтали подъ звуки, доносившейся до насъ музыки. Когда и какъ мы уснули, не знаю, но мы уже были вполне знакомы другъ съ другомъ и даже одѣлались друзьями. Конечно ни я, ни Макаровъ не подозрѣвали въ то время, что дружба, заключенная на такомъ безпечно веселомъ, на такомъ мѣщански-добродушномъ вечерѣ, спугнется внезапною грозой болѣе крупныхъ событій и наконецъ мгновенно замретъ подъ пушкетнымъ выстрѣломъ... Теперь все еще было вполне свѣтло и если въ обществѣ болѣли какія нибудь раны, бушевали какія нибудь страсти, то эта буря шумѣла далеко отъ мирныхъ жилищъ средняго класса столичныхъ жителей, къ которому принадлежали разные Фридрихи, Семкины, Тюпины, Вальденрейхи и тому подобныя личности.

Отпировавъ подобнымъ образомъ три дня, Фридрихи устроили на четвертый пикникъ въ складчину, на пятый отправились всей компаніей на балъ къ однимъ знакомымъ, на шестой были на обѣдѣ и на вечеринкѣ у другихъ знакомыхъ и только второго января поздно вечеромъ возвратились я и дядя домой, куда я и не заглядывалъ во все это время, и гдѣ дядя появлялся только на два, на три часа. Входя въ корридоръ нашего жилища, я услышалъ испуганное «ахъ!» Фуфайкиной, увидѣлъ тутъ же краснаго и сконфуженнаго Дорвидона Дорвидоныча и понялъ, что шумные праздники кончились, что снова наступаетъ наша мирная и однообразная жизнь. Надо признаться, что я порядочно усталъ въ эти десять дней; но нельзя отрицать и того, что они долго, долго ярко блестѣли въ моихъ воспоминаніяхъ и вызывали мою улыбку то тѣми, то другими изъ своихъ комическихъ происшествій. Пошлой и печальной стороны этой жизни я еще не понималъ.

У Фридриховъ тоже шла теперь, какъ я узналъ отъ дяди, совершенно тихая будничная жизнь. Вильгельмина Федоровна стряпала, пила, читала газеты и книги; Карлъ Карловичъ давалъ уроки, игралъ въ театрѣ, хлопоталъ на концертахъ, то-

же читалъ книги и газеты и только въ воскресные дни Фридрихи принимали у себя двухъ, трехъ короткихъ друзей.

Позже я узналъ, что Фридрихъ не былъ никогда хорошимъ музыкантомъ, хотя и былъ артистомъ въ душѣ и игралъ съ чувствомъ. У него недоставало музыкальнаго образованія, техники. Успѣхи его въ обществѣ объяснялись неимѣниемъ соперниковъ и особенною ловкостью Фридриха, его искательностью и даже склонностью къ интригамъ. Многие обвиняли его за это, какъ дурного человѣка, и звали «интригантомъ». Другіе оправдывали его и указывали примѣрамъ, что эти качества присущи каждому артисту. Мнѣ кажется, что и тѣ и другіе судьи ошибались. Но натурѣ самъ Фридрихъ былъ простой малый и добрый человѣкъ; любовь же его къ искусству не могла имѣть ничего общаго со страстью къ интригамъ и умѣньемъ льстить и угождать знати, какъ не имѣетъ ничего общаго съ этими рабскими качествами любовь къ наукѣ, къ ремеслу, къ промышленности. Но дѣло въ томъ, что Фридриха постигла та же участь, которая такъ часто выпадала на долю артистовъ и всѣхъ вообще людей, страстно преданныхъ той или другой отрасли человѣческой дѣятельности. У насъ въ тѣ отдаленныя времена музыкальное дѣло зависѣло большею частію отъ людей, не имѣвшихъ съ нимъ ничего общаго, несмыслившихъ ни іоты въ музыкѣ. Чтобъ добиться чего нибудь для успѣховъ своего любимаго дѣла, нужно было изгибаться кольцомъ и интриговать, иначе успѣхъ могъ остаться за первымъ барабанщикомъ, а неудача выпала бы на долю перваго скрипача. Фридрихъ рано понялъ это, рано привыкъ въ Красномъ кабацкѣ обращаться съ самодурами и завоевалъ себѣ хорошее положеніе угодливостью, мягкостью и льстивостью въ обращеніи съ вліятельными лицами. Этотъ успѣхъ далъ ему возможность способствовать успѣхамъ новыхъ музыкантовъ, для которыхъ онъ устраивалъ концерты, продавалъ по дорогой цѣнѣ билеты на эти концерты у своихъ знакомыхъ артистовъ и всѣми средствами вербовалъ въ поклонники музыкальнаго искусства даже такихъ личностей, которыя не сразу отличали звуки скрипки отъ звуковъ флейты.

— Купчикъ-голубчикъ! весело потирая руки, говаривалъ

Фридрихъ про одного разжившагося подрядчика. —Только музыку шампанскихъ пробокъ понимаетъ, а все-таки за кресло въ первомъ ряду сто рублей платить! И за то спасибо.

Долгое время его дѣятельность приносила пользу и давала денежные средства музыкантамъ и одному изъ музыкальскихъ обществъ. Долгое время не зналъ онъ ни отдыха, ни покоя и быстро, переваливаясь съ боку на бокъ, носился, несмотря на толстую фигуру, по концертнымъ заламъ, ублажая высокопоставленныхъ милостивцевъ и покровителей музыки. Среди этихъ хлопотъ нерѣдко добивался онъ желаемого, при помощи тогдашнихъ аристократическихъ дамъ, смотрѣвшихъ равнодушно на ловкаго и сладкорѣчиваго красавца артиста съ масляными и сверкающими глазами. Эти-то нѣжныя, слишкомъ нѣжныя отношенія Фридриха къ его богатымъ ученицамъ вносили въ его семейную жизнь страшныя бури. Вильгельмина Федоровна никакъ не могла помириться съ тою мыслью, что ея Карлъ замѣняетъ ей и дѣлала ему сцены, провожая его въ театръ и на уроки, дрожа отъ холода въ санихъ и справляясь по часамъ, не пробылъ ли онъ гдѣ нибудь лишнихъ пяти минутъ. Но нѣкогда страшныя грозовыя тучи разсѣялись съ годами и превратились въ легкія облака, иногда на минуту затмѣвавшія кроткій свѣтъ семейной жизни Фридриховъ. Посѣдѣли волосы и потухли масляные глазки Карла Карловича и сталъ онъ пробавляться только невинными шуточками и намеками легонькаго свойства; увидела Вильгельмина Федоровна, что ревновать къ кому нибудь мужа просто не стоитъ и успокоилась. Если же когда нибудь и пробуждалось уснувшее чувство ревности, то оно вносило такой комическій элементъ въ ихъ жизнь, что трудно было удержаться отъ улыбки, слыша упреки одной стороны и оправданія другой. Эта чета, когда я познакомился съ нею, была окружена многочисленною толпою знакомыхъ или, лучше сказать, друзей, такъ какъ знакомыми были Фридриху чуть ли не всѣ петербургскіе жители. Друзья Фридриховъ состояли большею частью изъ артистовъ и людей, несдѣлавшихъ себѣ карьеры. Чинovníкъ, неумѣвшій брать взятокъ; холостякъ, ненашедшій по душѣ невѣсты; офицеръ, невынесшій военной службы и вышедшій въ отставку; небогатая женщина, успѣвшая заработать

кусокъ хлѣба трудомъ, но отстранившаяся отъ развращеннаго или сплетничающаго общества; молодой, кончившій курсъ въ университетѣ, купеческій сынокъ, бросившій отцовскую торговлю, заплатившій зажиточныя отцомъ у кредиторовъ деньги и оставшійся съ небольшими средствами; студентъ или гимназистъ, забытый семьей и перебивающійся уроками, всѣ эти недовольные обществомъ или утомленные борьбой люди шли въ домъ Фридриховъ и были ихъ друзьями. Но небогатые, такъ или иначе добывающіе трудомъ свой хлѣбъ, они не бѣгали къ Фридрихамъ ежедневно съ визитами, со сплетнями, съ жалобами, съ интригами. Нѣтъ, наработавшись въ своихъ углахъ, натерпѣвшись всякихъ невзгодъ, они собирались на отдыхъ въ мирный загородный домъ на три, на четыре дня и, стряхнувъ съ себя всѣ заботы, какъ городскую пыль, безопасно пировали, веселились, шумѣли, пили, ѣли и спали. Иногда здѣсь устраивались неожиданныя, но счастливыя свадьбы, до устройства которыхъ Фридрихъ былъ страшный охотникъ. Порой здѣсь разыгрывались траги-комическія сцены отчаянія какого нибудь простодушнаго Дормидона Дормидоновича, ухаживавшаго за шестнадцати-лѣтней дѣвушкой и внезапно узнаваемаго о ея бракосочетаніи съ другимъ, болѣе юнымъ поклонникомъ ея красоты. Какъ бы ни были похожи на перемежающуюся лихорадку пиры у Фридриховъ, но въ нихъ было много шумной веселости и вѣшной привлекательности. Явись они при нормальномъ состояніи общества и ими было бы можно только восхищаться. Но они являлись вслѣдствіе той же духоты, того же гнета, той же бездѣятельности общества, вслѣдствіе которыхъ въ то время совершались оргіи, бились зеркала въ трактирахъ другими людьми. Теперь трудно представить себѣ ту глухую и душную жизнь, которую перестрадало наше поколѣніе. Для меня эти пиры въ тѣ годы были обаятельную прелесть. Я и Макаровъ—онъ сталъ ходить къ намъ по воскреснымъ днямъ—во весь великій постъ мечтали о наступленіи Святой недѣли. Настала и пронеслась и эта праздничная недѣля въ шумныхъ пирахъ у Фридриховъ; настало за нею и время ученія и повтореній всей выдолбленной въ теченіе года школьной премудрости.

Съ сильнѣйшею скукой отправлялся я въ понедѣльникъ на

Фоминной недѣлѣ въ гимназію, у меня болѣла голова, нервы были разстроены. Въ классѣ мнѣ стало еще хуже и, возвратившись домой, я поскорѣе улегся спать. Мнѣ уже не приходилось вставать съ дивана впродолженіи двухъ мѣсяцевъ. Докторъ объявилъ, что у меня очень опасная скарлатина. Дядя не спалъ ночей и возился со мною до разстройства своего собственнаго здоровья. Написалъ онъ въ Кронштадтъ о моей болѣзни и получилъ неутѣшительный отвѣтъ: оказалось, что и моя мать больна и не можетъ выѣхать въ Петербургъ. Когда мнѣ стало лучше, дядя поѣхалъ къ моей матери. Она едва ходила, у нея уже развилась чахотка. Поговоривъ съ нею и Бубновымъ, дядя увидалъ, что мои родные не желаютъ моего переселѣнія къ нимъ на лѣто и рѣшился взять двѣ комнаты у Фридлиховъ на время каникулъ. Мы перебрались въ Екатеринбургъ. Первое время я былъ слабъ и страдалъ глухотой, но скоро свѣжій воздухъ, здоровая пища и добрый уходъ Вильгельмины Федоровны совершенно укрѣпили меня и я былъ въ состояніи раздѣлять съ Фридлихами и ихъ друзьями ихъ обычныя лѣтнія удовольствія.

Вѣроятно многіе еще помнятъ лѣтнюю жизнь Фридлиховъ въ Екатеринбургѣ и ужъ конечно никто изъ старыхъ петербургскихъ охотниковъ не забудетъ прекрасныхъ собакъ польской породы, сопровождавшихъ Фридлиха и толпу его друзей на охоту въ окрестностяхъ Екатерингофа.

Рано на зарѣ нѣсколько челноковъ, высмоленныхъ и окрашенныхъ черною краскою съ свѣтло-зелеными бортами, неслось по направленію къ Круглому и сосѣднимъ съ нимъ островамъ. Въ челнокахъ помѣщались дамы и мужчины, старики и дѣти, собаки и погребцы съ провизіей, ружья и удочки, палатки и кожаные матрацы. Крики: «гопъ, гопъ! кушъ! причаливай правѣй!» оглашали воздухъ. Фридлихъ, запыхавшійся, но вѣчно неутомимый, переносилъ поклажу на берегъ, иногда переносилъ туда и дамъ, что доставляло ему неизъяснимое удовольствіе. Мой дядя, наряженный въ охотничьи сапоги и недотрогивавшійся до ружья, укрѣплялъ вѣстѣ съ Вальденрейхомъ палатки, не довѣряя никому этого требующаго точности и обдуманности дѣла. Затѣмъ слѣдовало ужение рыбы дамами, мужчины шли за

дичью. Потомъ разводился огонь, варился картофель, яйца, рыба, готовился чай, подъ наблюдениемъ госпожи Фридрихъ, и начинался завтракъ. Шумъ и толки объ успѣхахъ, планы на вечернюю охоту и ловлю рыбы, рассказы о встрѣчахъ съ знакомыми охотниками, визиты этихъ охотниковъ, все это занимало не мало времени. А тамъ опять слѣдовала охота, начиналось ужение рыбы; мелкій народъ, въ родѣ меня, занимался заготовлениемъ червей, стрѣльбою въ цѣль изъ луковъ и игрою въ горѣлки. Наконецъ между женщинами заводился таинственный шепотъ и меня ставили караулить отъ мужчинъ извѣстную мѣстность берега, прикрытую кустарниками. — черезъ минуту до меня начинали доноситься всплескиванья воды и звонкій хохотъ дѣвушекъ и женщинъ: тамъ шло купанье. Во мнѣ пробуждалась зависть и я, подговоривъ дядю, бѣжалъ съ другими мальчуганами за небольшой мысъ острова, гдѣ, наскоро раздѣвшись, тоже бросался въ воду. Дядя оставался по срединѣ мыса охранителемъ женщинъ отъ прихода мужчинъ и избавителемъ мальчиковъ отъ вторженія женщинъ.

Поздно вечеромъ, послѣ обѣда и ужина, одна часть охотниковъ отвозилась на екатерингофскій берегъ, другая часть размѣщалась по палаткамъ и проводила иногда по три, по четыре ночи на островѣ, никогда не оставаясь здѣсь только на праздники, когда на острова наваливалъ разный сбродъ, больше пьющій всдку, чѣмъ наслаждающійся охотою и рыбной ловлей. Воскресные посѣтители острововъ состояли большею частью изъ севатскихъ, таможенныхъ и управскихъ чиновниковъ, сапожныхъ мастеровъ, портныхъ и тому подобнаго всѣми неправдами зашибающаго копѣйку люда; будничные — то есть наши знакомые — принадлежали почти исключительно къ артистическому міру, къ актерамъ, музыкантамъ и отчасти состояли изъ отщепенцевъ общества, о которыхъ я упоминалъ выше. Весь этотъ народъ жилъ въ Екатеринбургѣ, въ Емельяновкѣ, въ Тентелевой, въ Волюнкиной деревняхъ. Въ то время на Кругломъ и на смѣжныхъ съ нимъ островахъ еще не было недостатка въ дичи; бекасы и турухтаны не переводились, въ половинѣ августа появлялся дупель, въ сентябрѣ шли стоянки на утокъ. Не худо ловилась и рыба. Потому-то лѣтнимъ удовольствиямъ

не было конца вплоть до поздней осени и все охотничье и рыболовное общество совершенно забывало, что вблизи стоит душный и чопорный городъ съ его взяточничествомъ, стѣсненіями, интригами, сплетнями, щегольствомъ и житьемъ на чужія деньги.

Какъ быстрый, свѣтлый сонъ промелькнула для меня эта счастливая пора, и я только тогда вспомнилъ о зимѣ и гимназій, когда къ Фридрихамъ явился въ гости Макаровъ.

— Какъ, ты уже пріѣхалъ? изумился я, увидавъ его.

— Да вѣдь послѣ завтра начинаются классы, отвѣтилъ онъ.

Я призадумался. Но черезъ минуту я пересталъ думать о классахъ и ученій и сталъ восторженно рассказывать своему другу, какъ я провелъ лѣто. Онъ хмуро слушалъ меня и, кажется, не раздѣлялъ моего восторга.

— Ну, а ты веселился въ Орлѣ? спросилъ я.

— Какое веселье! Мать все хвораетъ, жалуются, раздражительна стала, проговорилъ онъ. — Ъздили въ Воронежъ на богомолье. Хотѣли въ Кіевъ, да рассчитали, что дорого за усердіе заплатить придется...

— Развѣ вы бѣдны?

Макаровъ посмотрѣлъ на меня удивленными глазами.

— Мы-то? по провинціальному переспросилъ онъ. — У меня съ братьями до семидесяти тысячъ капитала.

— А на поѣздку въ Кіевъ денегъ пожалѣли?

Макаровъ усмѣхнулся.

— Хотимъ вѣрно, чтобы восемьдесятъ было...

Онъ былъ видимо недоволенъ кѣмъ-то, но кѣмъ—этого онъ не сказалъ. Я не сталъ спрашивать, зная, что онъ скрытенъ и несообщителенъ. Болѣзненный, худенькій, съ узенькими глазами, смотрѣвшими немного исподлобья, съ тонкими и блѣдными губами, съ нѣсколько выдвинутой впередъ, какъ бы всматривающейся во что-то головой, онъ сразу производилъ на встрѣчнаго такое впечатлѣніе, что отъ него трудно было ждать дѣтской откровенности или беззачнаго смѣха.

IX.

Сплошной рядъ неожиданныхъ и разнообразныхъ событій.

Такъ шло время моего пребыванія у дяди, мало чѣмъ отличаясь отъ перваго года моей петербургской жизни. Мнѣ уже шелъ шестнадцатый годъ. По прежнему шли пиры у Фридриховъ, такъ же застѣчиво краснѣлъ, умильно улыбался и нѣжно увивался за всѣми дѣвцами Дормидонъ Дормидовичъ, вызывая всеобщій смѣхъ своею неловкостью, и по прежнему не везло ему въ его улаживаніяхъ. Чаше прежняго посѣщала насъ кавказецъ, рисуя еще болѣе яркими чертами бѣдственное положеніе своей тетки. Антонида Павловна Фуфайкина продолжала пугаться и ахать въ корридорѣ и наконецъ начала вызывать серьезныя опасенія въ дядѣ.

— Знаешь, я начинаю бояться, говорилъ онъ мнѣ съ глубоко-мысленнымъ видомъ. — У нея, кажется, тутъ не ладно, указывалъ онъ на свой лобъ. — Не случилось бы какой бѣды. Вѣдь этакъ вдругъ ни съ того, ни съ сего бросится... Ты вотъ все дурачишься, въ корридоръ выбѣгаешь, не заплатишься бы потомъ... Объ этомъ надо подумать и принять мѣры.

Я смѣялся и увѣрялъ дядю, что ничего не случится, что у Фуфайкиной, вѣроятно, такая привычка пугаться и ахать. Наша пугливая сосѣдка съ нѣкотораго времени очень серьезно начала занимать меня и Макарова. Сначала мы просто выбѣгали въ воскресные дни въ корридоръ, чтобы услышать ея крикъ и вдоволь нахохотаться; потомъ мы стали наблюдать и подсматривать за ней и замѣтили, что особенно вліяютъ ея вскрикиванья на Дормидона Дормидовича. Встрѣчаясь съ нею, онъ пускался въ длинныя извиненія, заикаясь отъ смущенія, и выражалъ соболѣзнованіе къ ея одинокому беззащитному положенію. Антонида Павловна потупляла глаза и со вздохомъ немного въ носъ произносила:

— Ахъ, я такъ несчастна!

— Извѣстно-съ, вы дѣвица, начиналъ храбриться Тюпинъ. — Я-съ, кажется, миліона не взялъ бы, чтобы быть дѣвцей. Это ужъ самое послѣднее дѣло!

«Дѣло», № 9.

— Ахъ, вы меня обяжаете!

— Помилуйте-съ, конфузился Тюпинъ.

— Ахъ, нѣтъ!

— Извините-съ, я ей Богу-съ! лепеталъ окончательно сконфуженный Дормидонъ Дормидоновичъ.—Простите...

Я и Макаровъ выбѣгали въ эту минуту откуда нибудь изъ засады и пугливая пара, вскрикивая, исчезала въ свои комнаты, сопровождаемая нашимъ беззащитнымъ смѣхомъ.

Среди этой безпечной и веселой жизни въ обществѣ пожилыхъ холостяковъ случилось мнѣ испытывать и скуку, и заботы. Скуку навѣвала на меня гимназія; заботы вызывало желаніе прогулять классы. Для достиженія послѣдней цѣли были къ мнѣ услугамъ головныя боли, подвязанныя на два, на три часа щеки и разстройство желудка. Находясь очень часто въ утренніе часы въ такомъ болѣзненномъ состояніи, я не имѣлъ возможности хорошо учиться и долженъ былъ засидѣться въ классѣ на третій годъ. Снова потерявъ надежду перейти въ слѣдующій классъ, я немного упалъ духомъ. Конечно, болѣе всего заботило меня не мое будущее, а то, что скажутъ Бубновы, узнавъ о моей неудачѣ. Еще болѣе безнадежно взглянулъ на дѣло нашъ директоръ и объявилъ мнѣ, что мои родные сдѣлаютъ лучше, если возьмутъ меня изъ гимназіи до репетицій, такъ какъ въ противномъ случаѣ меня не оставятъ на третій годъ во второмъ классѣ и просто на просто исключать. Легко ему было толковать! Не такъ легко было мнѣ оставить училище, имѣя семью, поморщившуюся при извѣстіи и о моей первой школьной неудачѣ. Въ одинъ изъ апрѣльскихъ дней я рѣшился заявить о своихъ тревогахъ дядѣ, сказавъ, что я боюсь опять «провалиться». Онъ встрѣтилъ это извѣстіе съ собственнымъ ему философскимъ хладнокровіемъ.

— Ну что-жь третій годъ въ классѣ, такъ третій! промолвилъ онъ.— Я самъ былъ обойденъ два раза чиномъ. И вѣдь если бы меня не обошли, такъ я бы теперь адмираломъ, чортъ возьми, былъ! Вотъ оно что! Да это братъ все пустое, если человѣкъ сознаетъ свою правоту. Негодяю, поллецу, дармоѣду вотъ тому должно быть досадно, что ихъ не повышаютъ, что къ нимъ никакой аттенціи не имѣютъ. А вотъ я и не тужу.

Что мнѣ въ адмиральствѣ? Сытъ я, уважаемъ всѣми, кругъ знакомства большой имѣю и всякому подлецу прямо въ глаза гляжу. Не моего усердія не хватило для достиженія высшихъ чиновъ, а справедливости у другихъ людей не нашлось въ душѣ. Ну а это не мнѣ, а имъ стыдъ и срамъ.

Это разсужденіе нисколько не поправляло дѣла и было не утѣшительно для меня. Напротивъ того, въ немъ было что-то такое, что безъ вѣдома дяди глубоко уязвило мое сердце. Я въ тайнѣ почувствовалъ, что я не могу такъ хладнокровно относиться къ своимъ неудачамъ, что я не могу свалить ихъ причину на другихъ. Не безъ краски на лицѣ, я объяснилъ дядѣ, что всѣ его слова справедливы, что онъ и безъ адмиральскаго чина счастливъ, но что меня не только не переведутъ въ слѣдующій классъ, а даже и изъ гимназіи исключать. Все это выразилъ я въ длинной, предлинной и запутанной рѣчи, смутившись окончательно.

— Аа! изумился дядя, выслушавъ меня до конца, и взѣрошилъ хохоль.—Въ чистую значить отставку. Ну это еще рано, очень рано! Служить бы еще надо, непременно надо. А то отставной гимназистъ—слишкомъ малый чинъ! Конечно есть еще меньшіе чины, только отъ этого-то чина такъ лѣнью и пахнетъ. Неудобно всю жизнь этотъ запахъ слышать, весьма неудобно!

Я въ это время началъ очень прилежно раскапывать замаску у стеколя и искоса поглядывалъ на дядю, избѣгая встрѣчи съ его взглядами. Онъ ходилъ большими шагами по комнатѣ, взбивая свой хохоль и приглаживая виски. Онъ видимо сознавалъ необходимость распечь меня и никакъ не умѣлъ взяться за это дѣло.

— Какъ же тутъ быть? спросилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

Я, ничего не отвѣчая, продолжалъ ковырять замаску.

— Если и оставятъ, то съ твоимъ слабымъ здоровьемъ трудно учиться, разсуждалъ онъ.—Въ такомъ болѣзненномъ состояніи лучше бросить науку, отказаться отъ нея. Что-жь, вотъ мужики и грамоты не знаютъ, Конечно, ихъ за то каждый и надуваетъ, ими за то всѣ и помыкають... Но вѣдь что же станешь дѣлать съ своимъ здоровьемъ, если оно не позволяетъ учи-

тѣся. И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Духъ бодръ, да плоть немощна, говоритъ пословица.

Я стиснулъ губы и чувствовалъ, что мои щеки и уши пылали, какъ въ огнѣ. Дядя не замѣчалъ моего волненія.

— Я теперь здоровѣе сталъ, началъ я сквозь зубы и нахмурилъ брови.

— Ну вотъ еще! возразилъ дядя, продолжая шагать по комнатѣ — Давно ли болѣли зубы? Кажется, въ день рожденія господина Фридриха? Да, да, именно въ этотъ день, какі сейчасъ помню. Все утро промучался бѣдняга и едва могъ послѣ ѣхать къ нимъ на обѣдъ. Голова тоже болѣла. Когда бишь? Да, вспомнилъ, въ день именинъ госпожи...

Я не выдержалъ, по моимъ щекамъ катились крупныя слезы.

— Ты, дядя, не говори объ этомъ!.. Я... я... буду здоровъ, прошепталъ я, отвернувшись въ сторону и кусая ногти.

— Гмъ, гмъ! Не говорить объ этомъ? Странно, очень странно! задумчиво разсуждалъ онъ и, увидавъ мои слезы, вдругъ перемѣнилъ тонъ. Въ его голосѣ уже послышалась веселость. — Объясниться съ директоромъ надо. А то такъ ни съ того, ни съ сего нельзя выходить въ отставку. По военному они поступаютъ, чортъ побери! Впрочемъ, вѣроятно тутъ какое нибудь недоразумѣніе! Я, птица, объяснюсь. Это все ничего. Не тужи!

— Вотъ подрядчика Сивкова сына оставили на третій годъ, плачевно и съ негодованіемъ въ голосѣ разсуждалъ я.

— Ну значить и тебя оставятъ, съ увѣренностью замѣтилъ дядя. — Это ложная тревога, чтобы войско не дремало. Военная хитрость. Объяснюсь и оставятъ. Я думаю завтра идти. Какъ ты полагаешь? Вѣдь чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Къ Бубнову и писать не будемъ.

— Разумѣется, поспѣшилъ я согласиться съ дядей.

— Ну, а на будущій годъ, птица, я возьму изъ гимназій учителей. Учи уроки подъ ихъ руководствомъ. Баста гулять! дружески похлопалъ дядя меня по плечу. — Бодрѣй гляди. Я все улажу! Нечего хмуриться. Еще захвораешь, пожалуй, а мы, братъ, скоро на рыбную ловлю отправимся. Ишь, весна-то какъ катитъ на вѣхъ парусахъ. Поди-ка скоро и ледъ взломастъ. Поснивлъ онъ словно больной въ чахоткѣ... Эхъ, что-то Ма-

руська! Плоха она была, какъ въ послѣдній разъ ее видѣлъ! Загубили бѣднягу.

Дядя сдѣлался грустнымъ и снова зашагалъ по комнатѣ. Поблагодаривъ его, я пошелъ спать. Успокоенный имъ и обрадованный извѣстіемъ о скоромъ наступленіи рыболовнаго сезона, я уснулъ спокойно. На слѣдующій день рано утромъ мы отправились къ директору. Дядя прошелъ къ нему на квартиру, я остался въ корридорѣ ожидать результатовъ объясненія.

Съ свойственными дядѣ ловкостью и умѣньемъ вести дипломатическіе переговоры появился онъ передъ начальникомъ гимназій, и дружески отъ всей души пожалъ руку послѣдняго.

— Миѣ нужно съ вами переговорить, господинъ директоръ, началъ дядя, развязно подвигая себѣ стулъ.

Нашъ директоръ, Германъ, былъ довольно добродушнымъ обрусѣвшимъ нѣмцемъ. Онъ отлично зналъ различные древніе языки и очень тупо понималъ самыя простыя вещи изъ обыденной жизни. Сдѣлавшись директоромъ, онъ продолжалъ рыться въ старыхъ книгахъ подобно кроту, отыскивая подъ землею слѣды древней, исчезнувшей жизни, но совершенно не понималъ, какія обязанности налагало на него его званіе. Понялъ онъ только одно, что съ этимъ званіемъ, какъ съ званіемъ древняго римскаго сенатора, соединяется не мало значенія и потому старался держаться передъ простыми смертными съ официальной, невозмутимою важностью. Эта натянутая важность такъ тяготила его, что онъ или старался поскорѣй отдѣлаться отъ посѣтителей или просто отсылалъ ихъ къ инспектору, управлявшему всѣмъ. Только по этой важности директорской физиономіи люди догадывались, что передъ ними стоитъ лицо значительное; не будь этой важности и они прошли бы мимо добродушнаго старикашки, даже не уступивъ ему дороги. Но никакой важный и сухой видъ человѣка не могъ поразить моего дядю, обращавшаго очень мало вниманія на лица и платья людей. Не поразило его и директорское величіе. Онъ усѣлся на стулъ и готовъ былъ начать дружескія рѣчи. Директоръ не безъ изумленія взглянулъ на него и, не перемѣняя своего натянутого официального положенія, остался стоять, надѣясь черезъ минуту

освободиться и отъ своего посятителя, и отъ своей ненавистой парадной важности.

— Я слышалъ, что вы хотите исключить моего племянника. Тутъ вышло маленькое недоразумѣніе, началъ дядя.

— Я тутъ не вижу именно никакого недоразумѣнія, сухо отвѣтилъ директоръ и началъ протирать стекла своихъ очковъ, вѣроятно вслѣдствіе непривычки стоять безъ дѣла.—Вашего родственника на законномъ основаніи исключаютъ. Онъ на третій годъ въ классѣ засидѣлся. А это именно...

Директоръ, постоянно прибѣгая къ помощи своего «именно», говорилъ такимъ русскимъ языкомъ, что даже и этотъ живой языкъ казался въ его устахъ какимъ-то мертвымъ языкомъ давно отжившаго народа. Дядя конечно не могъ не почувствовать, какъ тяжело объясняться этому доброму нѣмцу и поспѣшилъ перебить его и вывести изъ затрудненія

— Помилуйте! воскликнулъ онъ.—Да вы присядьте пожалуйста, любезно пригласилъ дядя директора сѣсть, какъ могъ это сдѣлать только самый радушный хозяинъ.

Директоръ важно пожалъ плечами и, кажется, не вполне сознавая, какъ должно ему поступить въ данномъ случаѣ, не уронивъ своего сана, сѣлъ на край кресла, вытянувшись въ струнку и величественно положивъ одну руку на столъ.

— Помилуйте, за что же исключать? продолжалъ дядя.—Да Богъ съ нимъ, пусть онъ сидитъ хоть пять лѣтъ въ одномъ классѣ.

— Именно этого нельзя! Мы законами руководствоваться обязаны и именно въ этомъ...

— Да какой же тутъ можетъ быть законъ? снова перебилъ дядя, облегчая директору объясненіе.—Какое дѣло закону, скоро ли выучится мой племянникъ или нѣтъ? Если ужъ я, его родственникъ и попечитель, не сѣтую, что онъ сидитъ такъ долго въ классѣ, то и пусть его сидитъ. И можетъ ли законъ опредѣлять, во сколько времени выучится мой племянникъ? Вѣдь законъ-съ съ нимъ не знакомъ! Хе, хе, хе!

Дядя взѣрошилъ самодовольно усы, оставшіеся въ восторгѣ отъ своего остроумія. Директоръ захопалъ глазами; какъ хлопанье крыльями у пѣтуха является предвѣстіемъ пѣнія, такъ у

директора хлопанье глазами было яснымъ признакомъ того, что онъ собирается много говорить, и что ему довольно трудно исполнять это желаніе.

— Но вы изволите забывать, что въ одномъ классѣ три года сидя, онъ именно изъ лѣтъ выйдетъ и маленькихъ дѣтей, которые съ нимъ на одной скамейкѣ сидятъ, портить будетъ.

Директоръ остановился и въ упоръ началъ смотрѣть на дядю, пораженный своею сообразительностью и умѣньемъ вполне точно и толково выражаться по-русски.

— Такъ-съ, такъ-съ! живо заговорилъ дядя.—Но вѣдь вы примите въ соображеніе то, что мой племянникъ изъ лѣтъ не вышелъ. Выйди онъ изъ лѣтъ, — а! это другое дѣло. Нельзя, никакъ нельзя оставить женатаго болвана учиться рядомъ съ невинными дѣтьми. Но вѣдь мой Володька изъ лѣтъ не вышелъ. Ну, значитъ это уладилось! вздохнулъ широкимъ вздохомъ дядя, точно у него камень съ груди свалился, и протянулъ руку. Но директоръ съ оступѣвшимъ видомъ снова заморгалъ глазами, составляя мысленно новую рѣчь, и слегка помахалъ рукою въ воздухъ. Казалось, онъ хотѣлъ сказать этимъ жестомъ: «погодите, погодите протягивать руку, я еще не все сказалъ».

— Вы опять изволили забывать, началъ онъ черезъ минуту, — что кромѣ лѣтъ есть еще именно другія условія, исключать учениковъ заставляющія. Они лѣнивы и мѣшаютъ другимъ ученикамъ, заградивъ имъ дорогу въ наукѣ. У насъ комплектъ назначенъ и на мѣсто, гдѣ лѣнтай сидитъ, не можетъ прилежный поступить, потому именно...

— Позвольте-съ, позвольте-съ, господинъ директоръ! съ негодованіемъ вскочилъ со стула дядя.—Да вѣдь гимназія съ дворянами устроена. Она для дворянъ существуетъ. Въ ней за свои деньги дворяне учатся. Такъ какъ же это комплектъ? За свои деньги я не могу найти мѣста своему родственнику или сыну? Ну-съ, а если у дворянъ вдругъ народится больше комплекта дѣтей, что вы тогда станете дѣлать съ этими сверхкомплектными поросятами?

Директоръ пожалъ плечами и тоже всталъ.

— Извините, началъ онъ, сухо откланиваясь.

Но дядя въ пылу негодованія успѣлъ уже захватить его за пуговицу видмундира.

— Нѣтъ-съ, вы разрѣшите мнѣ этотъ вопросъ, почти кричалъ капитанъ.—Я говорю, если всѣ дворяне переженятся, если у дворянъ народится слишкомъ много дѣтей, если всѣ эти дѣти отлично выдержатъ экзамены, если за нихъ за всѣхъ представлять деньги, а въ гимназін будетъ полный комплектъ,—что же тогда будетъ?

Директоръ сердито заморгалъ глазами.

— Тогда ихъ не примутъ, именно не примутъ, раздражительно отвѣтилъ онъ, теряя послѣдніе слѣды официального хладнокровія.

— Вы шутите!

— Мнѣ кажется именно, что вы изволите шутить. Эти простыя вещи каждый человѣкъ понимать долженъ.

— Ну нѣтъ-съ, это не простыя вещи, очевь не простыя.

— Я васъ попросилъ бы оставить пуговицу, замѣтилъ директоръ.

— Гдѣ пуговица? съ изумленіемъ спросилъ дядя.

— Именно у васъ въ рукахъ.

— А чортъ ее возьми! почти оттолкнулъ директора капитанъ.—Привычка-съ! Виноватъ!

Директоръ, быстро хлопая глазами, принялъ совсѣмъ суровый и важный видъ.

— Я вамъ еще замѣтить долженъ, началъ онъ,—что вашъ родственникъ кромѣ лѣни очень дурную нравственность оказываетъ, онъ...

— Ну ужъ это-то неправда! загорячился дядя, перобивая его.

— Что же вы думаете, что я во лжи прибѣгаю? обидѣлся директоръ.—Онъ именно два раза за куреніе табаку пошманъ былъ.

— Аа! повеселѣлъ дядя.—Вотъ всегда я говорилъ, что онъ весь въ меня, весь въ меня, чортъ побери! Вы не можете себѣ представить, господинъ директоръ, какой я лѣнтій былъ и всегда за куреніе табаку попадался. И вѣдь бывало, какъ съумѣю провести всякую бестію изъ начальства.

Дядя совсѣмъ развеселился и снова сдѣлался любезнымъ.

— Вы забываете именно, что я, началъ директоръ обижен-нымъ тономъ, опять теряя официальную невозмутимость...

— Помилуйте, развѣ я сказалъ что нибудь обидное для васъ? Я про наше корпусное начальство говорю, какъ я его наду-валъ. И вѣдь какія я выдумывалъ штуки, дружески говорилъ капитанъ. — Вообразите себѣ, придетъ это въ...

— И вы все это именно своему родственнику рассказывали?

— Какъ же, какъ же! Иногда засидимся мы это, знаете, съ нимъ вечеромъ, вспомню я старину и рассказываю...

— Скажите, живы у него родители?

Дядя съ грустью вздохнулъ.

— Отецъ умеръ. Мать жива, за вторымъ замужемъ, больная, несчастная!

— Именно несчастная! покачалъ головою директоръ.—Имен-но се мнѣ жаль...

— А вы развѣ знавали ее? Въ институтѣ, можетъ быть...

— Не имѣлъ этого удовольствія...

— Странно, странно!..

— Вы меня извините, у меня дѣла...

— Позвольте...

Но директоръ поклонился и вышелъ. Ему вѣроятно впервые пришлось такъ долго пробыть въ парадной одеждѣ и воображаю, какъ легко вздохнулъ бѣдняга, надѣвъ свой шлафрокъ и чер-ную бархатную шестигольную шапочку съ золотой вѣстью, постоянно согрѣвавшую его старческую голову.

Дядя вышелъ ко мнѣ не столько хмурымъ, сколько озадачен-нымъ и сбитымъ съ толку.

— Странно, очень странно! говорилъ онъ, пожимая плечами и выходя со мною изъ гимназіи.—Кажется, директоръ добрый че-ловѣкъ и мать твою жалѣетъ, хоть и самъ говоритъ, что не знаетъ ее, а тебя не хочетъ оставить. И что это за законъ такой: за свои деньги не имѣешь права учить ребенка и даже если прилежный онъ, да въ комплектъ не попалъ, такъ и сиди безъ образованья. Ничего не понимаю, рѣшительно ничего! И вѣдь какъ я тонко обо всемъ этомъ съ нимъ рассуждалъ, а нѣтъ, такъ подлець, уперся на своемъ и хоть ты ему колъ на головѣ тѣши. А вѣдь я у него чуть пуговицу не оторвалъ! за-

хоталъ дядя и началъ разсказывать мнѣ, какъ онъ по привычкѣ захватилъ пуговицу директорскаго вицмундвиря.

Несмотря на веселость дяди, я хмурился и сильно побаивался моего выхода изъ гимназіи. Больше всего страшило меня то обстоятельство, что непріятная вѣсть можетъ разстроить и безъ того мою все прихварывающую мать. Я попросилъ дядю не писать ничего, а съѣздить въ Кронштадтъ для объясненія съ Бубновымъ. Дядя согласился и замѣтилъ, что нужно только подождать начала навигаціи, такъ какъ по льду опасно ѣхать въ эту пору. Вечеръ въ этотъ день я провелъ не весело. Впервые начало возникать во мнѣ недовольство собою. До сихъ поръ я судилъ только о поступкахъ другихъ людей, негодовалъ только на нихъ и ни разу не подумалъ провѣрить себя, явиться своимъ судькою. Можетъ быть, и теперь я не взглянулъ бы на свои дѣйствія, если бы моему воображенію не представилась яркая картина болѣзни моей матери и того горя, съ которымъ встрѣтитъ она извѣстіе о моемъ исключеніи изъ гимназіи. Мысль, что это извѣстіе можетъ убить мою мать, начала преслѣдовать меня, какъ роковая и неотразимая тѣнь. Ни шутки дяди, ни встрѣча въ корридорѣ съ Дормидономъ Дормидоновичемъ и Фуфайкиной не развлекали меня. На слѣдующій день я уже не пошелъ въ гимназію и это противное зданіе, откуда я еще такъ недавно стремился убѣжать, вдругъ стало такъ 'дорого, такъ мило для меня, что я, кажется, отдалъ бы все за возможность идти туда. Мнѣ представлялось, что тамъ идутъ репетитѣи, что мои товарищи получаютъ отличные баллы, что ихъ переведутъ въ слѣдующій классъ, что они незамѣтно дождутся выпуска изъ гимназіи и сдѣлаются умными образованными людьми, а я... Что со мной будетъ? что изъ меня выйдетъ? что скажетъ Бубновъ? какъ перенесетъ это моя мать? Съ чисто-дѣтскою наивностью я въ то время полагалъ, что для меня уже нѣтъ никакого исхода, и что съ исключеніемъ изъ гимназіи связывается гибель всего моего будущаго счастія. Съ давнихъ поръ я привыкъ слышать, что образованные и служащіе люди выходятъ только изъ гимназій и корпусовъ и эти учебныя заведенія казались мнѣ какими-то святилищами, откуда выдаются патенты на право гражданства и служеніе отечеству.

Дядя покачивалъ головою, видя, что я тоскую, замѣчая, что у меня красные глаза. День показался мнѣ невыносимо долгимъ и къ вечеру тоска приняла еще большіе размѣры. Я уже плакалъ не украдкою, а даже при дядѣ.

— Ну съѣздивъ куданибудь, разсѣмся, говорилъ онъ, ласкалъ меня.

— Никуда я теперь не поѣду! Мнѣ глаза къ людямъ показать стыдно, отвѣчалъ я. — Что теперь со мной будетъ?

— Не захворай опять! Все обойдется, устроимъ какъ нибудь! Учителей возьмемъ.

Дядя еще утѣшалъ меня, когда къ намъ вошла наша хозяйка и сказала ему, что его спрашиваетъ какая-то дама. Дядя взумился и велѣлъ просить неожиданную посѣтительницу въ гостиную, самъ же началъ оправлять свою одежду и приглаживать волосы.

— Постичь не могу, кто бы это могъ быть, бормоталъ онъ, немного волнуясь и направляясь изъ кабинета въ другую комнату.

Тамъ уже ждала его женщина лѣтъ тридцати двухъ, довольно плохо одѣтая, хотя и не безъ претензій на моду. Ея полное лицо было довольно бѣло, щеки были довольно румяны и вообще она еще не могла назваться отцвѣтшимъ существомъ. Ея черные, масляные глазки, нелишенные мелкаго и, если возможно такъ выразиться, откровеннаго лукавства, зорко смотрѣли и быстро перебѣгали съ предмета на предметъ, словно высматривая добычу.

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? обратился къ ней дядя, вѣжливо расшаркиваясь передъ нею.

— Благодѣтель! Вдова корнета Елкина, Матрена Марковна. Не имѣла до сихъ поръ случая благодарить васъ лично. Не потрафилось встрѣтиться. Только въ молитвахъ приносила за васъ благословія, довольно жеманно и чопорно заговорила посѣтительница, хотя этотъ тонъ какъ-то не вязался съ отрывистыми фразами ея рѣчей. Повидимому, ея тонъ былъ искусственный, принятый на случай, а отрывочность ея фразъ была обычнымъ способомъ выразиться и немного припахивала кухонною сварливостью, рыночнымъ сплетничаньемъ, вообще привычкою тараторить.

— Если не ошибаюсь, я вижу тетушку господина Ярышкина, началъ дядя, приглашая посѣнительницу сѣсть.

— Злодѣй, злодѣй! Онъ изъ меня душеньку мою вымоталъ! Вы меня извините, не могу не плакать. Обнаковенно я слабая женщина, заговорила такъ же отрывочно и тѣмъ же тономъ Елкина, отирая сухіе глаза.—Если бы не онъ, никогда не рѣшилась бы придти къ незнакомому мужчине. Я вдова... Заступничества нищу... Какъ къ родному, какъ къ покровителю прибѣгаю къ вамъ.

— Приказывайте-съ, чѣмъ могу служить? промолвилъ дядя, какъ истинный дамскій угодникъ.

— Я вамъ все по порядку... Вы видите, я женщина не старая, въ соку, провизнесла Елкина и быстро потушила глаза.— Я вдова, у меня дѣти, я беззащитна. Когда онъ пріѣхалъ, я была рада. Все же мужчина и никакой марали не можетъ быть, такъ какъ онъ родной племянникъ мнѣ, покойной сестрицы Пелагеи Марковны сынъ. Вотъ поселился онъ у меня и вижу я, что онъ пьетъ. Пьетъ и буйствуетъ. Тянетъ съ меня послѣдній грошъ, послѣднія тряпки.

— Боже мой, Боже мой, кто бы могъ это подумать! воскликнулъ дядя.—Онъ такъ жалѣлъ васъ!

— Жалѣлъ! Онъ кровопивецъ мой, тирранъ, тирранъ! воскликнула Елкина съ азартомъ.—Ну-съ, силъ моихъ не стало, говорю я ему: выѣзжай. Не выѣду, говоритъ. Хорошо-съ, я въ полицію. Велѣли ему выѣхать. Только вы себѣ представьте. Выѣхалъ онъ и начинаетъ ходить, каждый день ходить ко мнѣ и ночуетъ, ходить и ночуетъ.

— Ну вы бы его не пускали.

— Нельзя-съ. Я женщина, у меня дѣти, а онъ мужчина. Только отворишь двери, — онъ тутъ, какъ тутъ, входитъ, садится и буйствуетъ. Садится и буйствуетъ!

— Ну вы бы къ полиціи опять обратились.

— Обратилась. Спрашиваютъ: избилъ онъ кого нибудь? Никого, говорю не избилъ. Говорятъ: укралъ онъ у васъ что нибудь? Ничего не воровалъ, говорю. Такъ чего же вамъ надо? спрашиваютъ. Чтобы онъ ко мнѣ не ходилъ, объясняю, подлиску съ него возьмите. Этого, говорятъ, нельзя, такихъ за-

коновъ нѣтъ. Онъ ходитъ, какъ родной. Не родной онъ мнѣ, а тирранъ, тирранъ, говорю.

— Ну-съ.

— Ну вотъ и ходитъ и до сихъ поръ ходитъ. Вы, говорить, тетенька, душу свою спасаете тѣмъ, что меня призрѣваете, вамъ за это на небесахъ отплатится. Каково? На небесахъ отплатится! Да здѣсь-то я мученица, мученица.

— Что же тутъ дѣлать? развелъ дядя руками.

— Заступничества вашего прошу, благодѣтель мой. Спаси себя прошу.

— Я ужъ и не знаю, какъ тутъ быть? размышлялъ дядя.

— Не можете ли вы когонибудь попросить, полиціймейстера, что ли? Житья мнѣ нѣтъ. Я женщина слабая, мнѣ ходу не дадутъ. А вы мужчина, человѣкъ заслуженный, васъ, можетъ быть, послушаютъ.

— Я похлопочу, постараюсь чтонибудь сдѣлать, говорилъ дядя.—Но это такое странное, необыкновенное дѣло... Первый разъ въ жизни слышу, чтобы человѣкъ въ своемъ домѣ не могъ избавиться отъ непрошеннаго посѣтителя.

— Да просто небывалое дѣло! Вѣдь я переѣзжать пробовала...

— Ну и что же?

— Переѣхала, пошла на рынокъ, ворочаюсь домой, а мой соколъ сидитъ и пьянехонекъ!

Дядя только руками развелъ.

— Все потому, что я женщина, что у меня мужчины нѣтъ. Живи-ка у меня хоть вотъ такой человѣкъ, какъ вы, такъ мой тирранъ и глазъ бы ко мнѣ не показалъ, порога бы моего за версту обѣгалъ.

Дядя задумался.

— Я на васъ, благодѣтель мой, всю надежду возлагаю, начала снова Елкина.—Я знаю вашу доброту, ваше мягкое сердце. Тоже слухомъ земля полнится, слышала, что вы отецъ сиротамъ, защита слабымъ.

— Я попрошу васъ навѣдаться ко мнѣ, а я между тѣмъ переговорю кое съ кѣмъ. Авось чтонибудь удастся сдѣлать.

Елкина еще разъ упомянула о добродушии дяди, замѣтила вскользь, что ему должно быть тяжело жить безсемейною жиз-

нию, сказала съ глубокимъ вздохомъ, что она знаетъ по опыту, каково вдовствовать или быть холостымъ, и, прося позволенія навѣдаться черезъ нѣсколько дней о своемъ дѣлѣ, ушла.

— Вотъ тоже несчастная женщина! говорилъ дядя, возвращаясь въ кабинетъ.—И кто могъ подумать, что нашъ кавказецъ такой подлецъ. Все о любви къ роднымъ толковалъ, а самъ измучалъ, истерзалъ беззащитную вдову. Это надо довести до свѣденія высшихъ лицъ. Что жъ вѣдь я не какой нибудь подъячій, я могу и до губернатора дойти. Если понадобится, буду хлопотать о высылкѣ его изъ города. Нельзя же позволять людямъ такъ воляничать. Этакъ никому житья не будетъ.

Я почти не слушалъ дядю и не принималъ никакого участія въ его новыхъ тревогахъ. Мое горе давило меня и заглушало всѣ посторонніе интересы. Прошло дня два. Я ходилъ, какъ человѣкъ, потерявшій что-то и немнѣющей силъ отдѣлаться отъ мысли объ этой потерѣ. Сколько ни старался дядя утѣшать меня, это ему не удавалось. Не весело было и ему самому. На третій день послѣ объясненія съ директоромъ, оставивъ меня за книгою, онъ справился немного разсѣяться къ одному изъ своихъ отставныхъ товарищей по службѣ. Входя въ его квартиру, онъ услышалъ свою фамилію.

— А вотъ и я хоть не чортъ, а легкокъ на поминѣ, промолвилъ онъ, здороваясь съ пріятелемъ и его гостемъ, молодымъ морякомъ Марковымъ.

— А! вы еще не уѣхали? удивился Марковъ.

— Нѣтъ, я рѣшилъ ѣхать, когда ледъ разойдется, отвѣчалъ дядя, не сообразивъ, что Марковъ никакъ не могъ знать о его намѣреніи ѣхать въ Кронштадтъ.

— Значить племянника одного отправили?

— Нѣтъ, и онъ здѣсь. Что ему тамъ дѣлать?

Марковъ съ изумленіемъ взглянулъ на дядю и потомъ на хозяина.

— Я думаю, ему бы пріятно было исполнить сыновній долгъ, проговорилъ онъ нерѣшительнымъ тономъ.

— Что такое? Какой сыновній долгъ? тревожно спросилъ дядя.

Хозяинъ тихо покачалъ головой Маркову и обратился къ дядѣ.

— Ты вѣроятно ничего не знаешь, началъ онъ съ видимою осторожностью.

— Что? объ чемъ?

— Извините, промолвилъ Марковъ,—я право затрудняюсь... Непріятно передавать печальныя новости... Дѣло въ томъ, что ваша племянница...

У дяди дрогнули усы.

— Ну? глухо прошепталъ онъ.

Офицеры переглянулись между собою, словно спрашивая другъ у друга, что дѣлать.

— Она больна...

Дядя тяжело опустился на стулъ и схватился руками за голову.

— Умерла! прошепталъ онъ потрясеннымъ голосомъ и на его полусѣдые усы потекли крупныя слезы.

— Ради Бога успокойся!... Эхъ, какой же ты слабеха!.. Она жива... но больна... опасно больна, уговаривалъ его хозяинъ, какъ будто не досказывая чего-то.

Дядя вскочилъ и схватилъ фуражку.

— Куда же ты? Теперь нельзя ѣхать... Не ѣзди... Зачѣмъ спѣшить...

Но дядя уже не слушалъ болѣе; въ его ухахъ звучала только одна фраза, что Маруся еще не умерла; въ его умѣ вертѣлась только одна мысль о возможности попасть къ Марусѣ во время и онъ бѣжалъ по городской грязи, какъ восемнадцатилѣтній юноша.

— Ёдемъ, ёдемъ! крикнулъ онъ мнѣ бросающимъ въ дрожь голосомъ, вбѣгая въ комнату.—Маруся... твоя мать... больна... умираетъ... Марусенька!

Онъ безъ силъ опустился на диванъ и закрылъ лицо руками. Его старая, сѣдая голова дрожала. Я совершенно растерялся. Я не плакалъ. Во мнѣ словно что-то оборвалось. Я бѣгалъ изъ угла въ уголъ, надѣвалъ не то, что нужно, торопился, но вещи падали изъ рукъ. Дядя тоже то выбѣгалъ къ хозяйкѣ, то совалъ что-то въ дорожный мѣшокъ и не могъ справиться съ дѣломъ. Въ эту минуту въ нашу комнату вошелъ Дормидонъ Дормидоновичъ. Онъ былъ сконфуженъ и неловокъ болѣе обыкновеннаго.

— Я слышу, вы въ Кронштадтъ собираетесь, началъ онъ робкимъ голосомъ съ заискивающей улыбкой.—Я вотъ все не

рѣшался сообщить вамъ... и опоздалъ... Хотѣлъ звать васъ на свадьбу...

— Только о свадьбахъ и думаете. Какъ бы чужой вѣкъ заѣсть... Женщину уложить въ могилу! со злобою пробормоталъ дядя, утискивая что-то кулакомъ въ мѣшокъ.

— Что это вы, Петръ Акимовичъ, какія слова говорите... Я и мухи-то не убью, пусть ее летаетъ, коли ее Богъ создалъ, въ смущеніи оправдывался Тюпинъ.

— Всѣ вы хороши! проговорилъ сквозь зубы дядя.

— Я бы отложилъ до мая для васъ... Только Антонида Павловна говоритъ, что въ маѣ бывають несчастныя свадьбы, объяснял Тюпинъ несмѣлымъ тономъ.

— Да убивайтесь вы къ чорту съ вашими свадьбами! обернулся къ нему дядя.—Тутъ человѣкъ умираетъ, а онъ свадьбою въ глаза тычетъ?

Дормидонъ Дормидоновичъ словно пустилъ корни въ полъ и замеръ на мѣстѣ. Дядя накинулъ на себя теплую одежду и пошелъ изъ комнаты. Я послѣдовалъ за нимъ.

— Скоты, право скоты, бормоталъ дядя, выходя на улицу.—Туда же о женитьбѣ думаютъ. Мало несчастныхъ людей показалось, еще дюжину наплодить хотятъ... Примѣры, кажется, передъ глазами. Сами видятъ, какъ гибнуть люди... Ахъ, Маруська, Маруська!.. Пospѣемъ ли? И выдалась же погода такая... Вотъ и твой отецъ отъ этой погоды умеръ... Кажется, весь свѣтъ объѣздивъ, а подлѣе города не выдалъ, чѣмъ этотъ Петербургъ... Охъ, Господи, что-то теперь съ Марусей дѣлается! На крыльяхъ бы, кажется, полетѣлъ.

Мы наняли экипажъ до Ораніенбаума, такъ какъ напрямикъ въ Кронштадтъ было невозможно ѣхать. Санной дороги до Ораніенбаума тоже не было. Съ петергофскаго шоссе исчезли послѣдніе слѣды снѣгу и оставалась только одна весенняя грязь. Мы тащились почти всю ночь до Ораніенбаума.

— Вотъ если бы Лаврентій былъ живъ, разомъ бы доставилъ насъ въ Кронштадтъ, говорилъ дядя, отыскивая повозку въ Ораніенбаумъ.

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ).

МЕЖДУ МОЛОТОМЪ И НАКОВАЛЬНОЙ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА XIX.

За блаженными днями, число которыхъ опредѣлить я не могу, — да и кто же считаетъ такіе дни, — слѣдовали другіе, безпокойные и мрачные.

Всѣ мы были въ Берлинѣ: коммерціи совѣтникъ, моя невѣста, фрейленъ Дуффъ и я; коммерціи совѣтникъ жилъ съ дамами въ отелѣ, а я въ своей старой кельѣ, около развалинъ, гдѣ присутствіе мое въ то время было нужнѣе, чѣмъ когда-либо, только не въ глазахъ Герминіи, которая смѣясь утверждала, что если эти развалины стояли ужь такъ долго, то могли бы стоять и еще дольше. Я былъ другого мнѣнія. Дѣйствительно, нельзя было терять ни минуты. Послѣ долгихъ уговоровъ и переговоровъ я, наконецъ, склонилъ коммерціи совѣтника въ пользу моего любимаго прозета. Планъ построекъ давно былъ готовъ у меня въ головѣ, а при помощи хорошаго архитектора онъ явился и на бумагѣ. Дѣла было и менѣе и болѣе, чѣмъ я думалъ; но мы условились, что главное окончимъ все къ осени, и зимою будемъ уже работать въ новомъ зданіи, конечно, если не встрѣтятся затрудненія въ необходимыхъ денежныхъ средствахъ. Относительно этого послѣдняго пункта я находился въ нѣкоторомъ сомнѣніи, — разумѣется, не по своей винѣ,

такъ какъ, несмотря на всѣ мои старанія, мнѣ не удалось довести коммерціи совѣтника до откровеннаго объясненія истиннаго положенія его дѣлъ. До сихъ поръ не могу я вспомнить безъ чувства непріятнаго стыда о своихъ безконечныхъ спорахъ съ нимъ по этимъ вопросамъ, послѣ которыхъ я уходилъ отъ него то подъ впечатлѣніемъ сладкихъ надеждъ, то съ тяжелымъ безпокойствомъ на душѣ. Могъ ли онъ располагать необходимыми средствами? Конечно могъ, и смѣшно было даже сомнѣваться въ этомъ! Зрѣло ли онъ обсудилъ рѣшеніе такого вопроса? Еще бы! Неужели его считаютъ за старика, обратившагося въ дѣтство, который не знаетъ, чего хочетъ? Это былъ крайне непріятный вопросъ; но что же было дѣлать, избѣжать его не представлялось возможности, и я вывелъ заключеніе, что старикъ теперь не былъ уже прежнимъ человекомъ, и рѣшительно не могъ руководить въ одно время сотнями крупныхъ и трудныхъ предпріятій. Иногда онъ точно сознавалъ пережѣву, происшедшую въ немъ, но въ такія минуты онъ обвинялъ не себя, а время, за то, что оно стало другимъ и что нельзя приводить въ исполненіе старыхъ теорій. Къ старымъ теоріямъ ему слѣдовало бы присоединить и старую опытность и плутни! Развѣ онъ не былъ баловнемъ судьбы, пиратомъ на большомъ морѣ торговли, импровизованнымъ рыцаремъ на длинномъ пути въ золотое Эльдorado, игрокомъ на зеленомъ полѣ случая, который часто ставитъ мѣдные гроши вмѣсто червонцевъ, и съ помощью счастья и времени загребаешь червонцы вмѣсто мѣдныхъ грошей. И дѣйствительно, настало другое время, что сознавалъ и онъ, и счастье покинуло его. Онъ не отрицалъ, что потерпѣлъ большія потери, но никогда не хотѣлъ признаться, какъ дѣйствительно были онѣ велики. Внезапная пережѣна цѣнъ на хлѣбъ страшно понизила стоимость громадныхъ запасовъ, лежавшихъ у него въ магазинахъ и амбарахъ въ X*; кромѣ того не сбылись надежды его на Церендорфъ, о которомъ молодой принцъ, казалось, пересталъ и думать, такъ какъ отецъ его все еще былъ опасно болѣнъ и лежалъ въ своей резиденціи Прора, и за которое фонъ-Гранофъ не давалъ ничего, хотя прежде очень желалъ пріобрѣсти его. Последнее произошло, какъ я подозрѣвалъ, по прояскамъ юстипра-

та; онъ хорошо зналъ дѣла коммерціи совѣтника, и злоупотребилъ этимъ знаніемъ во вредъ своему кліенту. Къ этимъ неудачамъ прибавились и другія невзгоды. Длинный и извилистый водяной путь въ Х* между островомъ и континентомъ такъ испортился вслѣдствіе грубой безпечности со стороны правительства, что по немъ могли ходить только плоскодонныя суда, и ему грозила опасность совершеннаго обмѣленія. Это почти погубило торговлю города, находившуюся преимущественно въ рукахъ коммерціи совѣтника; громадныя гавани, по большой части устроенныя на его счетъ, его амбары и другія заведенія потеряли цѣну, или совсѣмъ стали бесполезны. Вся торговля мало-по-малу переходила въ Ш*, который находился въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ; а съ тѣхъ поръ какъ Ш* соединился желѣзной дорогой съ столицей, Х* никакъ не могъ конкурировать съ счастливымъ сосѣдомъ. Коммерціи совѣтникъ выходилъ изъ себя всякій разъ, какъ касались этой темы, и говорилъ, что желѣзная дорога—дьявольское изобрѣтеніе, и что грѣшно и стыдно требовать отъ него, чтобы онъ поддерживалъ на свои собственныя деньги чортова дѣло, разоряющее его. Когда я доказывалъ ему, что ножъ, которымъ наносятъ рану, можно употребить и для того, чтобы излечить ее, что изъ этого нововведенія онъ долженъ извлечь пользу, и что онъ находится въ счастливомъ положеніи и имѣетъ возможность извлечь ее, если рѣшительно примется за исполненіе моего плана—расширить нашу фабрику,—онъ съ жаромъ ухватывался за эту мысль, минуту тому назадъ, казавшуюся ему столь ужасной, а на слѣдующій день опять пѣлъ старую пѣсню.

Да, это было тяжелое время, и густая тѣнь, которую оно бросало, до сихъ поръ въ воспоминаніи моемъ заслоняетъ солнечный свѣтъ, все-таки свѣтившій мнѣ въ то время.

Съ какой радостью вспоминаю я свое возвращеніе на фабрику, походившее, какъ двѣ капли воды, на торжественное шествіе. Какъ пришлось кстати, при перемѣнѣ моихъ обстоятельствъ, что я всегда былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ своими товарищами по ремеслу, и не пропускалъ случая быть имъ полезнымъ и помогать имъ совѣтомъ и дѣломъ. Никогда никакого отличіе, никакой

успѣхъ — а впоследствии въ моей жизни ихъ было не мало — не возбуждалъ во мнѣ такой гордости, какъ сознаніе и увѣренность, что между всѣми этими людьми съ жесткими, мозолистыми руками, съ лицами серьезными вследствие труда, и увы! часто исваженными отъ безпокойства и заботы, не было ни единого человѣка, который позавидовалъ бы моей счастливой судьбѣ, и не порадовался бы отъ души моему счастью. Какъ теперь, вижу передъ собою глаза — и они свѣтились мнѣ какъ звѣзды въ темныя ночи — добродушные, веселые отъ душевнаго удовольствія, и глаза эти сочувственно смотрѣли на малайца, когда онъ шелъ рядомъ съ директоромъ по различнымъ мастерскимъ, и частнымъ образомъ, за просто, рекомендовался имъ новымъ хозяиномъ. До сихъ поръ будто слышу я ура, провозглашенное ими, когда на другой день я официально собралъ ихъ всѣхъ, и держалъ имъ рѣчь, въ которой въ немногихъ словахъ высказалъ все, чѣмъ была переполнена моя душа. А когда троекратное ура смогло, какъ громко мастеръ Роландъ прибавилъ къ своей рѣчи любимое выраженіе свое: „Не робѣй!“ какъ крикнулъ послѣ этого добрякъ Клаусъ новое ура, подхваченное опять нашими товарищами и это „ура“ было несравненно могучѣе и длиннѣе первыхъ! Какъ смѣюсь я и теперь, вспоминая, въ какое пришелъ смущеніе, когда черезъ часъ явились ко мнѣ представляться всѣ служащіе въ техническомъ бюро, въ бѣлыхъ галстукахъ и перчаткахъ, и ораторъ ихъ, господинъ Виндфангъ, сравнилъ меня съ калифомъ багдадскимъ, который долгое время бродилъ незамѣченнымъ и неузнаннымъ между своими подданными, и наконецъ вступилъ въ обязанности, принадлежащія ему по праву и достоинству.

Да, это были хорошія и пріятныя воспоминанія, тѣмъ болѣе хорошія и пріятныя, что послѣдующіе года принесли съ собою не разочарованіе въ обѣщаніяхъ, данныхъ тогда отъ полноты сердечной, а полное исполненіе. До сихъ поръ, смотря на рабочихъ фабрики, вижу я по большей части тѣ же милыя тогдашнія лица, которыя конечно съ годами стали не моложе, но тѣмъ не менѣе мнѣ дороги. А тѣхъ, которыхъ я теперь не вижу, за небольшими исключеніями, отняла у меня соперница, называющаяся смертью.

— Что это за несчастіе имѣть женихомъ человѣка, у котораго въ головѣ только и есть, что трубы, да желѣзныя полосы, да другія противныя вещи! говорила Герминія,—и что это опять за скверныя морщины на лбу—долой ихъ! и она провела рукою мнѣ по лбу и по глазамъ;—если бы я знала это, я никогда не влюбилась бы въ тебя, чудовище!—И она бросилась ко мнѣ на шею и прошептала на ухо: — скажи ужь прямо, что ты любишь своихъ старыхъ, противныхъ работниковъ болѣе, чѣмъ меня, чтобы я знала, какъ мнѣ поступать.

— Сегодня тебѣ надо обойти со мной по фабрику и быть милой и ласковой съ противными работниками, и въ особенности милой и ласковой со мной.

— Къ чему это послѣднее, сударь?

— Къ тому, чтобы они видѣли, какъ я счастлива.

— А что имъ въ этомъ?

— Очень многое!

— Да, что же?

— Увѣренность, что когда они придутъ ко мнѣ съ своими нуждами, они найдутъ человѣка, готоваго имъ помочь, по мѣрѣ возможности.

— Ты самый курьезный человѣкъ, какого я только встрѣчала. Когда же мы пойдемъ?

— Сейчасъ!

И мы пошли по всѣмъ отдѣленіямъ фабрики, и Герминія съ удивленіемъ смотрѣла большими глазами и часто прижималась къ моей рукѣ, но тѣмъ не менѣе была очень мила и любезна съ рабочими, но нѣсколько холодна и горда съ служащими въ техническомъ бюро—такъ горда и холодна, что рѣчь, которую господинъ Виндфангъ выучилъ уже за недѣлю передъ тѣмъ, стала у него поперегъ горла.

— Зачѣмъ ты такъ безжалостно обошлась съ бѣдными молодыми людьми? спросилъ я.

— Бѣдными молодыми людьми? отвѣчала Герминія, капризно сжавъ губки,—они мнѣ вовсе не показались бѣдными, а господинъ

Виндфангъ, или какъ его тамъ зовутъ, настоящій фатъ. Я не общалась бытъ любезной съ нимъ и съ подобными ему.

— Но вѣдь они наши же и принадлежатъ намъ.

— Никто не принадлежитъ намъ; мы принадлежимъ другъ другу, ты мнѣ и я тебѣ, и это замѣтъ себѣ разъ навсегда, гадкій ты человѣкъ!

Я засмѣялся, но тѣмъ не менѣе задумался надъ странностью въ характерѣ моей невѣсты, замѣченной уже мною не въ первый разъ. Она принимала фразу, что мы принадлежимъ другъ другу во всемъ, совершенно буквально, и если дѣлала исключенія, то только для вида и въ пользу людей, дѣйствительно нуждавшихся въ помощи, и къ которымъ она могла снизойти, какъ царица къ своимъ подданнымъ. Къ такимъ людямъ она относилась хотя гордо, но съ обворожительною любезностью.

Я никогда не забуду какъ, во время поѣздки нашей въ первые счастливые дни по острову, мы зашли въ хижину вдовы рыбака, въ уединенной прибрежной деревушкѣ, столь памятную мнѣ со времени моего бѣгства; Герминія сидѣла у старушки, гладила ея морщинистыя, старыя руки, обтирала слезы съ загорѣлыхъ щекъ и утѣшала ее, что сынъ ея можетъ еще вернуться; рассказывала ей исторію, какія приходили ей въ голову: о матросахъ, возвращающихся послѣ десяти, двадцати лѣтъ богатыми людьми, и чтобы въ ожиданіи скорого прибытія ея сына, она приняла насъ, ея Георга и ее, вмѣсто дѣтей, и что мы съумѣемъ успокоить ея старость. Точно также, когда мы пріѣхали въ X*, она сверхъ моего ожиданія была очень любезна съ моей сестрой, только-что оправившейся послѣ своихъ седьмыхъ родовъ. Она обдарила сподрядъ всѣхъ некрасивыхъ и непривлекательныхъ дѣтей ея золовки, вызвалась крестить новорожденнаго и даже не смѣялась надъ неуклюжими любезностями и наклонностями зятя.

— Бѣдняги, сказала она, — семь человѣкъ дѣтей и такая крошечная квартира и такой маленькій отецъ. Какъ это могъ ты вырасти такимъ великаномъ въ этой маленькой квартирѣ, Георгъ, и не продавить потолка своей жесткой головой! И отецъ твой былъ такой же большой и съ такой же жесткой головой! Теперь меня не

удивляетъ, что вы съ нимъ не могли ужиться въ одной скорлупѣ. Намъ надо позаботиться объ нихъ, не забудь это!

И Клаусъ и Кристель и ихъ четыре сына, къ которымъ вскорѣ ожидали въ прибавокъ пятого, тоже заслужили ея расположеніе, хотя по другой причинѣ. Она не полѣнилась взойти въ верхній этажъ и выслушать отъ Кристель тайну высшего искусства стирки и глаженья бѣлья, а отъ Клауса длинный перечень всѣхъ добродѣтелей его жены.

— Если бы я даже не считала обязанностію быть ласковой съ Клаусомъ, сказала она,— за то, что онъ былъ постоянно вѣрнымъ твоимъ другомъ, то теперь онъ все-таки заслужилъ бы мое расположеніе за свое обожаніе хорошенькой, толстой жены. Вотъ, Георгъ, ты можешь взять съ него примѣръ. Для него жизнь начинается съ той только минуты, какъ волны прибили къ берегу его Кристель, которая, вѣроятно, уже и тогда была такая же толстая, бѣлая и аппетитная, и если она умретъ раньше его, онъ ляжетъ и тоже умретъ. Такъ точно сдѣлаю и я, если ты умрешь! прибавила она, взглянувъ на меня съ сжатыми зубами и гнѣвно-надвинутыми бровями.

Да, относительно бѣдныхъ и всѣхъ зависящихъ отъ нея дѣйствительно или только повидимому, эта гордая дѣвушка могла быть добра и снисходительна, но прежде всего люди, которымъ она высказывала расположеніе не должны были имѣть правъ на мое сердце, наполнять которое она хотѣла одна. Самое легкое подозрѣніе, что кто нибудь кромѣ нея, можетъ овладѣть мною, наполнял ее страхомъ; при живости своего характера, она не могла долго скрывать своей тревоги, которая сопровождалась всегда или мрачнымъ гнѣвомъ или горячими, страстными слезами. Но могъ ли я, столь любимый прелестной гордой дѣвушкой, жаловаться на то, что было только слѣдствіемъ чрезмѣрной ея любви ко мнѣ. Нѣтъ, нѣтъ, перо мое не напишетъ ни одного жалобнаго слова относительно этой эпохи моей жизни, ни слова! точно также какъ не промозносили ни слова и вы, мои добрые, благородные друзья, хотя вы любили меня и очень любили и молча отошли въ сто-

рону, для того, чтобы какойнибудь неосторожный взоръ не замѣтилъ въ вашихъ глазахъ жалобы на когонибудь изъ насъ.

Герминія чувствовала это, знала это, и когда Паула и докторъ Снелліусъ приходили слишкомъ рѣдко, она говорила съ пылающими щеками:

— Мнѣ слѣдовало бы стыдиться, что я отнимаю тебя отъ друзей твоихъ, а ихъ отъ тебя; это скверно, не честно, я это знаю; я знаю это, но, Георгъ, не могу поступать иначе; не могу отдать крошекъ, падающихъ со стола нашей любви. Ахъ, если бы я могла жить съ тобою на необитаемомъ островѣ, гдѣнибудь далеко на океанѣ, и чтобы когданибудь сдѣлалось землетрясеніе и островъ ушелъ бы подъ воду, такъ что никто бы не зналъ даже и мѣста, гдѣ мы были счастливы! А здѣсь мы между людьми, о которыхъ тебѣ надо заботиться, которые интересуются тобою, и, которыми и ты интересуешься, для которыхъ ты долженъ работать и, еще хуже, которые, не имѣя ни малѣйшихъ правъ ни на тебя, ни на насъ, находятъ жестокое удовольствіе бѣгать къ намъ, говорить съ нами, смотрѣть на насъ, какъ будто мы живемъ на свѣтѣ только для этого! Я съ ужасомъ думаю объ Х*. и о любопытныхъ фізіономіяхъ тамошнихъ жителей. Никто изъ нихъ не пропуститъ замѣчательнаго зрѣлища, какъ большой, умный Георгъ будетъ вѣнчаться съ маленькой, глупой Герминіей. А небесныя слезы обѣихъ Элеоноръ, изъ которыхъ одной ты измѣнилъ, чудовище! или слезы радости Дуффочки, когда она услышитъ изъ благочестивыхъ устъ пастора то, что она знаетъ уже лѣтъ восемь, девять! Ахъ, это ужасно! Не лучше ли намъ пойти здѣсь въ какуюнибудь церковь и чтобы въ сумеркахъ насъ обвинчалъ какойнибудь пасторъ, который бы видѣлъ насъ въ первый разъ, — и что до меня касается, то и въ послѣдній, — а въ свидѣтели возьмемъ какихънибудь стариковъ и старушекъ, случайно зашедшихъ туда, и которые, встрѣтивъ насъ на другой день на улицѣ, не узнали бы?

Не могу сказать, чтобы это желаніе Герминіи хотя скольконибудь ужасало меня. Напротивъ того, но тесть мой чувствовалъ, что онъ обязанъ, какъ онъ говорилъ, какъ первый гражданинъ

города X*, вѣнчать единственное дитя свое въ этомъ городѣ. Убѣжденія своего онъ держался съ такимъ упорствомъ, что мы вынуждены были подчиниться его желанію. И, надо сказать, что день свадьбы вовсе не былъ такъ ужасенъ, какъ онъ намъ казался.

Конечно рѣчь добраго пастора, который былъ уже старикомъ и въ то время, какъ конфирмовалъ меня, была очень длинна и неясна, церковь св. Николая была по прежнему мрачна и непріютна, а сотни глазъ, направленные на насъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто бы насъ вели на казнь, не дѣлали ее отъ того пріютнѣе; большой обѣдъ въ виллѣ коммерціи совѣтника былъ чрезвычайно великолѣпнъ и торжественъ, а тосты, провозглашенные за обѣдомъ, нѣсколько тупы и безцвѣтны—всего этого я не отрицаю. Но за то это была та самая церковь, на паперти которой я вывидывалъ столько штукъ, не боясь сломать себѣ шею; та церковь, чрезъ слуховыя окна которой я часто съ наслажденіемъ смотрѣлъ на поля, море и голубую даль; а въ числѣ равнодушныхъ лицъ, глазѣвшихъ на наше вѣнчаніе, были люди, безъ которыхъ я не хотѣлъ бы провести этотъ день; наконецъ, день былъ лѣтній, прелестный, небо ясно, старый городъ казался моложе отъ солнечнаго освѣщенія, вычищенные мундиры Ленца и Фольяна, сдерживавшихъ въ предѣлахъ приличія собравшихся передъ церковью уличныхъ мальчишекъ, имѣли видъ новыхъ; въ гавани, на изукрашенных корабляхъ восточнымъ вѣтромъ развивались пестрые флаги; на безконечномъ морѣ весело играли маленькія волны, а съ другой стороны острова блестѣли низкіе бѣлые меловые берега, а на островѣ лежалъ Церендорфъ, куда мы отправились, когда яркое солнышко окрасило пурпуровыми полосками бѣлыя облака.

Нѣтъ, нѣтъ! день былъ очарователенъ и воспоминаніе о немъ останется священнымъ на всю мою жизнь!

ГЛАВА XX.

Кажется, что мечта молодой четы жить насколько возможно уединенно, нигдѣ не можетъ лучше осуществиться, какъ въ боль-

шомъ населенномъ городѣ, если пребываніе на необитаемомъ островѣ почему либо окажется невозможнымъ. Такая жизнь зависитъ отъ умѣнья устроить и въ городѣ островъ, береговъ котораго не коснутся волны общественной жизни. Достичь этого умѣнья вовсе не такъ трудно, потому что свѣтъ весьма часто совсѣмъ не интересуется своими членами, и, напротивъ того, трудность этого умѣнья всего чаще заключается въ томъ, чтобы самимъ не интересоваться свѣтомъ.

Относительно перваго у меня была довольно богатая опытность. Дѣйствительно, свѣтъ слишкомъ мало интересовался молодымъ кузнецомъ, когда онъ жилъ во дворѣ между развалинами, и прилежно изучалъ свое ремесло. Онъ совершенно походилъ на вѣтряную мельницу, безъ затѣй молвшую хлѣбъ, всыпанный въ нее; она ни къ кому не шла и къ ней никто не шелъ. Потомъ дѣло приняло конечно совершенно другой оборотъ: на дворѣ ее было болѣе развалинъ. Развалины или были разобраны или обратились въ красивыя зданія; стѣна, раздѣлявшая старый дворъ отъ новаго, была уничтожена и старая фабрика соединилась съ новой въ одно громадное зданіе дѣятельности и трудолюбія. Это была большая перемѣна, о которой много говорили въ нѣкоторыхъ кружкахъ, одни дружески привѣтствовали ее, другіе злобно критиковали, но вообще она менѣе возбуждала толковъ, чѣмъ перемѣна, совершившаяся со мною.

Изъ некрасивой куколки совершенно обыкновеннаго кузнеца развилась блестящая бабочка повелителя-хозяина этого большого, новаго заведенія, и эта счастливая бабочка была зятемъ милліонера, мужемъ молодой женщины, пикантная красота которой возбуждала всюду зависть женщинъ, восторги мужчинъ и вниманіе всѣхъ. Такое странное превращеніе производитъ нѣкоторое впечатлѣніе и на утомленный свѣтъ, въ особенности если такой удивительный человѣкъ, о прошломъ котораго, кромѣ того, рассказывались различныя, почти невѣроятныя вещи, — старается избѣгнуть вниманія, обращеннаго на него со всѣхъ сторонъ.

Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Церендорфѣ мы воротились въ городъ, гдѣ наняли недорогую, но хорошенькую, просторную квартиру, противъ которой я, съ своей стороны, ничего не

могъ сказать, кромѣ развѣ того, что она была нѣсколько далеко отъ фабрики; но которая Герминія, съ дѣтства привыкшей жить въ отдѣльныхъ домахъ, окончательно не понравилась. Желая сдѣлать удовольствіе Герминіи, я рѣшился втайнѣ отъ нея, съ помощію вѣрнаго архитектора и пользуясь старымъ планомъ, обратиться домикъ, въ которомъ я прежде жилъ, въ прелестнѣйшую маленькую виллу. Мнѣ пришлось употребить все свое искусство, чтобы хранить тайну въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и я почувствовалъ чисто-дѣтскую радость, когда зимою, пріѣхавъ на время одинъ изъ Церендорфа, куда ѣздила со мною Герминія, нашелъ, что все готово по моему желанію. На радостяхъ я обнялъ добраго архитектора, выказавшаго въ отдѣлкѣ очень много вкуса, и заранѣе благословлялъ тотъ день, когда мнѣ можно будетъ перевести Герминію изъ противной ей городской квартиры въ этотъ маленькій рай.

Но скоро мнѣ пришлось испытать, что, не узнавши броду, не слѣдуетъ соваться въ воду.

— Ахъ ты милый мальчикъ, сказала Герминія, когда я съ торжествомъ показывалъ ей свое произведеніе въ день ея возвращенія;—ахъ ты милый мальчикъ! все это очень мило и хорошо, и когданибудь лѣтомъ, когда намъ придется быть въ городѣ, а не въ Церендорфѣ, нѣсколько недѣль, или мѣсяцевъ, то эта квартира будетъ какъ разъ кстати. Но теперь, зимою.... нѣтъ Георгъ, право она никуда не годится! Меня морозъ пробираетъ по кожѣ, какъ я только подумаю объ этомъ. А кромѣ того высокія зданія тутъ вокругъ, высокія трубы, точно будто ежеминутно грозящія свалиться намъ на голову—а одна въ самомъ дѣлѣ покачнулась, посмотри-ка хорошенько—я ни одной ночи не проспала бы здѣсь покойно. А ты и безъ того совсѣмъ влюбленъ въ эту копотъ и страшный шумъ, окружающій насъ теперь, такъ что у меня не выходитъ изъ головы мысль, что они совсѣмъ околдуютъ тебя и превратятъ въ какоенибудь чудовище. Нѣтъ, тебѣ слѣдуетъ жить больше съ людьми, въ обществѣ, тебѣ надо, наконецъ, начать пользоваться жизнью,—ты, бѣдный труженикъ! Въ нашей старой квартирѣ это удобнѣе, и въ ней мы проживемъ зиму. Кромѣ

того, вѣдь за нее ужъ заплачено, а намъ надо быть экономными, вѣдь мы только начинаемъ еще устраиваться. Развѣ я не слышала это изъ вашихъ собственныхъ высочайшихъ устъ, сударь? Ну, теперь наклоните ко мнѣ ваши высочайшія уста и поцѣлуйте меня, и дѣло кончено.

Конечно дѣло было кончено; развѣ я и въ этомъ случаѣ не думалъ больше о Герминіи, чѣмъ о себѣ! И если она дѣйствительно желала дѣлать поѣздки съ нашего необитаемаго острова въ море свѣтской жизни, то конечно не я сталъ бы отговаривать ее. Я очень хорошо понималъ, что въ настоящемъ своемъ положеніи ношу на себѣ нѣкоторыя свѣтскія обязанности, если не для собственнаго своего удовольствія, то для пользы своего дѣла, и что въ этомъ отношеніи мнѣ надо многому поучиться.

Поэтому я безъ сожалѣнія вернулся въ нашу городскую квартиру и въ тотъ же день за обѣдомъ былъ составленъ, среди веселыхъ шутокъ, реэстръ вліятельныхъ особъ, съ которыми мы, какъ говорила Герминія, должны сдѣлать пробу нашего свѣтскаго таланта.

Я не ждалъ особенныхъ послѣдствій отъ этой пробы. Конечно всюду насъ приняли чрезвычайно любезно; я, съ своей стороны, употреблялъ всевозможныя старанія—и, какъ мнѣ казалось, весьма успѣшно,—быть любезнымъ и свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ и пріятнымъ хозяиномъ дома, а Герминія нечего было стараться быть въ обществѣ самой любезной изъ любезныхъ. Сколько могъ судить я, какъ недавно женившійся, то относительно этого пункта мнѣнія не расходились. Мужчины восхищались ея манерами, ея обращеніемъ и всѣмъ, чѣмъ можно еще восхищаться въ молодой прелестной женщинѣ; и если восторги дамъ и не были такъ искренни, за то они выражались съ такимъ энтузіазмомъ, что затруднили бы относительно отвѣта на постоянно и громко-высказываемыя мнѣ на ухо пріятныя вещи о моей женѣ и не такую безтолковую голову, какъ моя.

— Отчего это ты такъ всегда любезна? сказалъ я разъ, когда мы воротились съ какого-то вечера и Герминія ходила еще въ нарядномъ платьѣ, по своему обыкновенію, взадъ и впередъ по

комнатѣ, или садилась за рояль и брала акорды, а я сидѣлъ на качающемся креслѣ и курилъ старую свою сигару.

Она встала передо мною, и представила мнѣ въ лицахъ въ карикатурномъ видѣ все общество, съ которымъ мы провели вечеръ. Передо мною появился тайный коммерціи совѣтникъ Цилеръ, нашъ банкиръ, постоянно искоса поглядывающій на три орденскія ленточки въ своей петличкѣ, которыми наградили его три княжескія фамиліи за оказанный имъ кредитъ; вошла, шумя атласнымъ платьемъ тайная коммерціи совѣтница, поднявъ плоскій носъ къ люстрѣ, освѣщавшей брилліантовое ожерелье, украшавшее ея полную грудь; за полной мамашей плыла старшая дочь, утопая въ газѣхъ и эссбукетѣхъ и воспоминаніяхъ о трехъ княжескихъ балахъ вышеупомянутыхъ фамилій. Являлся и директоръ желѣзной дороги Швеле, который не говорилъ передъ ужиномъ, чтобы не прійти въ волненіе, во время ужина потому, что не было времени, а послѣ ужина вѣроятно потому, что не могъ. А за нимъ двѣ умныя дочери хозяина дома Бостельмана — богатаго поставщика строительнаго матерьяла — между которыми Герминія просидѣла нѣкоторое время, и изъ которыхъ одна говорила постоянно о Гейне, а другая такъ же упорно и съ такимъ же энтузіазмомъ о Ленау.

— Гейне—Ленау; Ленау—Гейне! Хоть съ ума сойти! вскричала Герминія;—и это надо находить занимательнымъ. Неужели вы рѣшаетесь утверждать, что это пріятно, сударь?

— Я ничего подобнаго не утверждаю, сударыня!

— Въ самомъ дѣлѣ! зачѣмъ же вы таскаете вашу бѣдную маленькую жену къ этимъ ужаснымъ людямъ, и лишаете ее очаровательныхъ вечеровъ, которые она могла бы провести съ своимъ чудовищемъ мужемъ? Развѣ это хорошо? Развѣ это любовь, въ которой вы клялись мнѣ въ церкви св. Николая передъ всѣмъ народомъ? Гейне—Ленау; Ленау—Гейне! ха! ха!

Я засмѣялся, но потомъ вдругъ сталъ серьезенъ, потому что на языкѣ у меня вертѣлось замѣчаніе, что, можетъ быть, нетрудно доказать, что тяжело жить съ немыми людьми, въ особенности если съ тѣми, кого любишь, нельзя жить.

Гдѣ же были тѣ милые люди, о которыхъ я въ ту минутку думалъ?

Добрая фрейленъ Дуффъ, дорогая пріятельница Герминіи, была у своихъ родственниковъ въ Саксоніи. Она поѣхала туда на короткое время—не болѣе, какъ на семь недѣль! Изъ семи недѣль вышло столько же мѣсяцевъ. Гдѣ была Паула? За нѣсколько сотъ миль, подъ другимъ небомъ, гдѣ ей вѣроятно было очень пріятно. чего она вполне заслуживала. Прошло уже пять мѣсяцевъ, какъ Паула уѣхала въ Италію съ своей матерью, съ младшимъ братомъ Оскаромъ и, разумѣется, въ сопровожденіи старика Эусмильха.

— Надо было прокатиться, сказалъ докторъ Снелліусъ.—Что же дѣлать, сударь? Это было необходимо. Такая художница, какъ Паула, не можетъ сдѣлаться художницей здѣсь, въ этомъ маленькомъ, крошечномъ, узкомъ, туманномъ мірѣ. Солнце, свѣтъ, воздухъ! вотъ чего ей недостаетъ; Венеція, Римъ, Неаполь, Капри—почемъ я знаю—я никогда не былъ тамъ, да никогда и не буду, и не зачѣмъ мнѣ быть тамъ; ну, а она знаетъ, что ей тамъ дѣлать, и мы увидимъ и узнаемъ это, и оцупаемъ на слѣдующей выставкѣ, когда толпа хлынетъ къ ея картинамъ, какъ къ чуду. И ея матери, этому ангелу въ образѣ женщины, будетъ полезно пребываніе въ тепломъ климатѣ, ну и мальчику, Оскару, тоже! Такому крокодилу давно пора въ воду. Только въ водѣ можно выучиться плавать, сударь! только въ водѣ, даже если онъ по происхожденію крокодилъ, то есть, если есть природный такой замѣчательный талантъ, какъ у этого мальчика. Конечно, это будетъ стоить чертовскихъ денегъ, но, благодаря Бога, теперь у нея есть средства; и эту поѣздку въ сущности можно назвать золотой жатвой, которая принесетъ имъ плодовъ самъ сто или самъ тысячу. Конечно она сначала беспокоилась относительно этого пункта, но я уговорилъ ее, и она пишетъ мнѣ въ послѣднемъ своемъ письмѣ—гдѣ это у меня письмо? мнѣ хотѣлось прочесть вамъ это мѣсто—ну все равно, въ слѣдующій разъ напомните мнѣ—однимъ словомъ, она пишетъ, что такъ счастлива, такъ счастлива, что и меня, старика, это совсѣмъ осчастливило. Дай Богъ ей счастья!

Такъ говорилъ мнѣ добрый докторъ, когда Паула уѣхала въ

началъ октября, въ то время, какъ я поѣхалъ по дѣламъ фабрики въ Ш*, куда со мною ѣздила и Герминія.

— Видите ли что, говорилъ докторъ, — въ подобныхъ обстоятельствахъ надо пользоваться случаями, какъ дѣлаетъ природа, когда она, напримѣръ, отдѣляетъ тѣло отъ души, парализируя мозгъ или сердце, въ то время, какъ субъектъ спитъ, или когда вслѣдствіе продолжительной болѣзни, связь между тѣмъ и другимъ уже достаточно ослабла, такъ что разрывъ ея представляется не столь болѣзненнымъ, но даже желательнымъ. Бѣдной Паулѣ, можетъ быть, было бы тяжело разстаться съ вами, если бы, разставшись, ей прямо пришлось отправиться на желѣзную дорогу; но васъ тутъ не было, а какое между вами разстояніе, двадцать ли миль или двѣсти, это въ сущности все равно.

Отдѣляетъ тѣло отъ души! Это былъ одинъ изъ фізіологическихъ примѣровъ, которыми докторъ любилъ украшать свои рѣчи; но онъ сильно задѣлъ меня. Тѣло отъ души! Я пристально посмотрѣлъ въ глаза доктору, а онъ быстро понизилъ голосъ октавы на двѣ, и продолжалъ совершенно равнодушно:

— Кромѣ того, что поѣздка эта принесетъ пользу дорогимъ путешественникамъ, оставшимся мальчикамъ также полезна временная разлука. Надо было когда нибудь Бенно и Курту перестать держаться за юбку сестры. Молодымъ людямъ надобно учиться самимъ о себѣ думать и заботиться, и стоять на своихъ собственныхъ ногахъ. Я это испыталъ на себѣ. Если бы старіеъ отецъ мой послалъ меня въ Гейдельбергъ или въ Боннъ, вмѣсто того, чтобы держать меня впродолженіи четырехъ лѣтъ въ тѣни своей церкви, въ старомъ, гниломъ суперинтендантскомъ домѣ, я лучше расправилъ бы свои крылья и не сдѣлался бы чудакомъ, какъ теперь; *poia bene*: вотъ тогда человѣкъ, называющійся въ угоду своимъ предкамъ, умершимъ двѣсти-лѣтъ тому назадъ, Виллибрордомъ — собственно надо бы называться Виллибрордомъ — имѣлъ бы возможность быть чѣмъ нибудь инымъ, а не чудакомъ.

Мнѣ нивогда не пришлось видѣть письма, въ которомъ Паула писала доктору, какъ она счастлива на чужбинѣ. На слѣдующій разъ онъ забылъ его, а я, между тѣмъ, привыкъ, что докторъ

постоянно хотѣлъ показать мнѣ письма, писанныя ему Паулой изъ Венеціи, изъ Рима, изъ Неаполя, и точно также постоянно оставлять ихъ дома.

Не знаю почему я приходилъ въ смущеніе всякій разъ, какъ докторъ начиналъ эти бесполезныя отыскиванья писемъ Паулы, и я всегда какъ можно скорѣе наводилъ его на другой предметъ разговора. Не то, чтобы я сомнѣвался въ счастіи, испытываемомъ Паулою! Вѣдь письма короткія и рѣдкія, получаемыя мною или Герминіей отъ Паулы, говорили тоже самое, но я все-таки не зналъ источника этого счастія, а въ письмахъ, къ кому бы они ни писались, ко мнѣ или Герминіи, я узнавалъ то тамъ, то сямъ только слѣды дорогихъ чертъ Паулы, и чѣмъ разлука продолжалась долѣе, тѣмъ посланія становились короче и рѣже и стали наконецъ также коротки, какъ посѣщенія доктора.

— Да это и быть не можетъ иначе, сказалъ докторъ, когда я однажды дружески упрекнулъ его относительно послѣдняго пункта; — подобная вамъ молодая чета похожа на молодое растеніе, которое процвѣтаетъ всего лучше, когда его ставятъ подъ стеклянный колпакъ и по возможности рѣдко дотрогиваются до него. Люди называютъ любовь богиней, я, съ своей стороны, вижу въ ней бога, строгаго, недоступнаго бога, ревниво защищающаго свой авторитетъ, который не желаетъ видѣть подлѣ себя другихъ боговъ и безжалостно губить товарищей, встрѣчающихся ему въ его благословенной землѣ, кто бы они ни были: любезныя астарты, или отвратительныя фицлинусли. И вѣроятно онъ поступаетъ совершенно справедливо; вѣдь человѣческое сердце вещь чрезвычайна упорная и ему надо страшно много времени, чтобы выучиться читать хоть азбуку.

Докторъ говорилъ и это и все подобное дружескимъ тономъ — тѣмъ самымъ тономъ, какимъ онъ обыкновенно говорилъ съ своими больными, и вообще былъ добръ и внимателенъ въ Герминіи еще болѣе, чѣмъ ко мнѣ. Между нимъ и Герминіей установились странныя отношенія. Герминія, по живости своего характера, не скрывала сначала нерасположенія своего къ моимъ старымъ друзьямъ, почему часто подсмѣивалась надъ странными манерами доктора,

и подсмѣивалась даже въ его присутствіи. Но докторъ, вообще пронызывающій дерзкихъ, кто бы они ни были, самыми острыми стрѣлами, и не легко прощающій своимъ врагамъ, никогда ни при какомъ случаѣ не дѣлалъ употребленія своего опаснаго оружія противъ Герминіи. Эта-то постоянная ровная кротость, не всегда вѣроятно легко дававшаяся ему, наконецъ тронула и покорила Герминію, хотя, можетъ быть, въ душѣ она и возмущалась этимъ. Очень можетъ быть, что такой перемиѣ помогло еще и то обстоятельство, что въ послѣднее время она принимала доктора не только какъ своего друга, но и какъ своего врача.

— А вѣдь какой онъ добрый, сказала какъ-то Герминія, задумчиво смотря на дверь, въ которую только-что вышелъ мой причудливый другъ.

— Здоровье жены вашей не хуже, чѣмъ всякой другой женщины въ ея положеніи, говорилъ мнѣ докторъ, 'видя мое безпокойство относительно здоровья Герминіи,—одного только ей недостааетъ: она съ дѣтства привыкла къ сильному движенію и чистому воздуху, а его-то здѣсь, въ узкомъ гнѣздѣ, и не найдешь.

— Я съ удовольствіемъ поѣхалъ бы съ нею въ Церендорфъ, сказалъ я, — но теперь, зимою, мнѣ невозможно отлучиться отсюда?

— Если нельзя, такъ и говорить нечего, отвѣчалъ докторъ.— Надо подумать, какъ помочь горю. Нравственное движеніе замѣняетъ иногда въ нѣкоторой мѣрѣ тѣлесное. Жаль, что женѣ вашей такъ скоро надоѣла свѣтская жизнь. Сходите когданибудь въ театръ, ну хоть въ оперу. Вѣдь жена ваша такая любительница музыки.

— Я не хочу больше ѣздить въ оперу, сказала Герминія послѣ того, какъ мы были разъ въ театрѣ,—пѣвцы поютъ скверно, а играютъ еще того хуже. Что это была за Церлина сегодня? А донъ-Жуанъ! Господи! Если бы ты былъ такой деревянкой, долго бы тебѣ пришлось дожидаться меня! И къ тому же какое самодовольствіе! Мазетто, право, былъ лучше всѣхъ.

— Ну попробуйте не въ оперу, а въ драматическій театръ, сказалъ докторъ.

Я пристально посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Вотъ ужъ недѣля какъ вернулась Беллини, продолжалъ докторъ и направилъ свои круглые очки на меня.

Мои глаза и круглыя стекла смотрѣли нѣкоторое время другъ на друга.

— Жена ваша не знаетъ, что фрейленъ Беллини и другая извѣстная особа—одно и тоже лицо? снова началъ докторъ.

— Нѣтъ, сказалъ я.

— И вы развѣ не скажете ей этого? Не скажете того, что знаю я, вашъ другъ, и что знаютъ другіе, не друзья ваши?

— Это дѣло совершенно особаго рода, докторъ!

— Много есть дѣлъ особаго рода—въ особенности между молодыми супругами.

— Которыя однакожъ лучше держать про себя.

— Не всегда, сказала докторъ.—То, что можно сказать, всегда слѣдуетъ сказать, и есть весьма мало вещей, которыя бы молодой мужъ не могъ сказать своей женѣ. Въ рѣчкѣ, тихо текущей между песчаными берегами къ своему устью, остается на днѣ каждый камень; въ молодой же потокъ, радостно несущійся съ горъ, можно бросить какой угодно обломокъ скалы—онъ несетъ и разбиваетъ все своими свѣжими силами. Подумайте объ этомъ, дорогой другъ!

Я думалъ объ этомъ, но никакъ не могъ рѣшиться послѣдовать совѣту доктора. Молчать меня заставляла не трусость, а скорѣе стыдъ, который я не могъ преодолѣть, и страхъ, весьма объяснимый болѣзненнымъ видомъ Герминіи, и положеніемъ, въ какомъ она находилась тогда. Тѣмъ не менѣе нѣсколько разъ признаніе вертѣлось у меня на языкѣ, и снова боязливо скрывалось въ сердцѣ, которое безпокойно билось, когда я почти въ каждомъ номерѣ газетъ встрѣчалъ извѣстное имя, и Герминія разъ или два мимоходомъ сказала:

— Однако надо же какъ нибудь посмотрѣть намъ Беллини, объ ней теперь такъ много говорить.

Да, о фрейленъ Беллини говорили много. Въ салонахъ спрашивали: „Что вы беллинистъ или анти-беллинистъ? Беллини,

это чудо что такое! Эта Беллини дрянь!“ говорили газеты. Я не зналъ, кто изъ нихъ правъ, да и знать не хотѣлъ, и **былъ** очень доволенъ, что Герминія не выражала любопытства **больше** моего, пока наконецъ разъ, когда на вопросъ ея: **свободенъ** ли я вечеромъ, я отвѣтилъ утвердительно, — она удивила меня **словами**:

— Ну такъ мы сегодня вечеромъ наконецъ-то посмотримъ **Беллини**.

— Какъ хочешь, сказалъ я съ рѣшимостью человѣка, сознающаго, что судьба сильнѣе его.

И мы отправились въ театръ и видѣли Беллини Юліей въ безсмертной трагедіи Шекспира. Не могу сказать, чтобы я чувствовалъ желаніе примкнуть къ публикѣ, сыпавшей со всѣхъ сторонъ театра громы рукоплесканій на артистку, или къ недовольнымъ, которые посвистывали то тамъ, то сямъ, но тотчасъ же заглушались новымъ взрывомъ аплодисментовъ. Не могу тоже утверждать, чтобы я дошелъ въ продолженіи вечера до какого нибудь опредѣленнаго мнѣнія объ артисткѣ. Хотя я пристально смотрѣлъ на сцену, но мало видѣлъ, потому что задумался о прошедшихъ дняхъ, отъ души желая, чтобы и этотъ вечеръ можно было поскорѣ причислить къ нимъ же. Я помню очень хорошо, что когда я разъ опомнился отъ этой задумчивости, я увидѣлъ, что Герминія смотреть на меня съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ лица; но она посмѣялась только надъ моимъ равнодушіемъ, когда мы поѣхали домой, и объявила, что для нея вопросъ рѣшенный, быть ли беллинистомъ или анти-беллинистомъ.

— Чѣмъ же быть? спросилъ я, закуривая сигару.

— И еще ты хочешь курить, злодѣй! Какъ ты думаешь, отправился ли бы Ромео, если бы въ карманѣ у него рядомъ со стеклянкой была сигара? Курите на здоровье, милый Ромео, Юлія же идетъ спать.

Въ тотъ вечеръ мнѣ пришлось въ первый разъ курить одному, не видя подлѣ себя Герминіи, и я никогда до тѣхъ поръ не возился такъ долго съ сигарой. „Докторъ былъ правъ, разсуждалъ я самъ съ собою, поправляя въ каминѣ уголь, и со вздохомъ уса-

живаясь въ креслѣ, — онъ совершенно правъ, надо выждать благопріятной минуты.“

Но какъ бы тамъ ни было, а прошла недѣля, прошли двѣ, а благопріятной минуты все не случалось. Да я и не спѣшилъ, потому что Герминія не выражала болѣе желанія отправляться въ театръ. Она все прихварывала, и докторъ приходилъ чаще обыкновеннаго.

— Сказали ли вы теперь женѣ вашей, кто такая Беллини? спросилъ онъ меня разъ.

— Нѣтъ.

— А она знаетъ.

— Не можетъ быть.

— Она знаетъ, даю вамъ слово.

— Она говорила вамъ?

— Нѣтъ.

— Такъ какъ же?

— Такъ же! У врача, любезный Георгъ, острый слухъ, а у врача, который имѣетъ возможность быть другомъ дома, чему слѣдовало бы быть всегда, слухъ еще острѣе. Это слышно между словъ, и я могу только повторить вамъ: я слышалъ между словъ вашей жены, что она знаетъ, что Беллини—это Констанція фонъ-Церенъ, и знаетъ еще болѣе. Все ли, вѣрно ли она знаетъ, это можетъ сказать только тотъ, кто сообщилъ ей объ этомъ.

— А кто бы это былъ?

— Общій другъ нашъ Артуръ.

— Артуръ мѣсяца два какъ не былъ въ городѣ.

— Наша почта съ удивительною точностью передаетъ всѣ письма, поручаемыя ей, даже безъимянные.

— Но скажите же ради Бога, какая цѣль могла тутъ быть у Артура.

— Местъ сладостна, сказалъ докторъ.

— Въ такомъ случаѣ она и глупа, потому что...

— Да она и бываетъ глупа.

— Потому что живетъ теперь почти исключительно на деньги моего тестя, за Артура я еще вчера заплатилъ значительную сумму.

— Все это пустяки, любезный Георгъ, не пригорюнивайтесь, вы вѣдь человѣкъ твердый, а изъ-за этого право нечего приходить въ отчаяніе. Не надо только принимать это дѣло серьезнѣе, чѣмъ оно есть; перемелется, мука будетъ, а вы человѣкъ ловкій.

ГЛАВА XXI.

И въ этомъ добрый докторъ былъ правъ, гораздо болѣе правъ, чѣмъ онъ думалъ.

Мнѣ пришлось прокладывать себѣ дорогу безъ достаточнаго опыта по громадной промышленной области, едва извѣстной намъ, нѣмцамъ. Я раздѣлялъ судьбу съ своими конкурентами, которые, хотя и были люди опытные по другимъ отраслямъ промышленности, въ постройкѣ локомотивовъ были такіе же новички, какъ и я. Мнѣ казалось, что знаніе частью можно замѣнить прилежаніемъ, а съ этой стороны я былъ въ себѣ увѣренъ. Кромѣ того я чувствовалъ, что хотя лежавшая на мнѣ тяжесть была не легка, но что я могу взять себѣ на плечи еще гораздо большую. Но человѣкъ, несущій тяжесть, долженъ, по крайней мѣрѣ, ясно видѣть путь, по которому ему надо идти, а иначе сила и терпѣніе не избавятъ его отъ спотыканій или даже отъ паденья. Такъ было и тутъ. Я встрѣчалъ во всѣхъ своихъ планахъ, распоряженіяхъ и рѣшеніяхъ задержку и остановку, потому что всюду долженъ былъ сначала обращаться къ тому, кто стоялъ за мною, на кого я долженъ былъ опираться, и который часто не оказывался на мѣстѣ въ критическія минуты.

Именно не оказывался въ полномъ значеніи слова.

Коммерціи совѣтникъ всегда былъ человѣкомъ дѣятельнымъ, что было необходимо при его множествѣ дѣлъ, ведущихся въ различныхъ мѣстахъ, и при его правилѣ, что дѣло можно вести хорошо только лично.

— Я, какъ Цезарь, говорилъ онъ въ отервенной бесѣдѣ за бутылкою вина, — или какъ тамъ его звали, для котораго состав-

ляло одно: прійти, увидѣть и побѣдить. Поѣздки мои мнѣ еще ничего не стоили. Прійти, увидѣть и побѣдить — надо только умѣть!

Ну, теперь онъ болѣе прежняго приходилъ и пріѣзжалъ; сегодня въ X*, завтра въ III*, потомъ снова тутъ, а на другой день летѣлъ вихремъ въ Церендорфъ, гдѣ уже слѣдующее письмо мое не заставало его, потому что снова онъ уѣзжалъ въ III* или Богъ знаетъ куда. Теперь я едѣлалъ грустное открытіе, что его всего труднѣе было найти именно тогда, когда онъ былъ всего нужнѣе, и что именно тогда онъ всего тщательнѣе замѣталъ за собою слѣдъ. Была ли это игра въ прятки, которую онъ любилъ примѣшивать въ разговорахъ, и которую вздумалъ примѣнять теперь и въ дѣла, или чтонибудь хуже?

Да, коммерціи совѣтникъ ходилъ и ѣздилъ достаточно; но относительно побѣды нельзя было сказать того же самаго, и видѣлъ онъ тоже не такъ. Голубые глаза его часто бывали теперь подернуты туманной, водянистой пленкой, и хотя говорилъ онъ по прежнему хвастливо, но никакъ не походилъ уже на побѣдителя. Впечатлѣніе, произведенное имъ на меня въ тотъ день, какъ мы свидѣлись съ нимъ въ Церендорфѣ, что онъ сталъ старикомъ, съ каждымъ свиданіемъ усиливалось самымъ грустнымъ образомъ, и не у меня одного. Пережѣна, происшедшая въ немъ, поражала и дѣловыхъ друзей его.

— Вашъ тестъ сталъ страшно раздражителенъ въ послѣднее время, говорилъ банкиръ Цилеръ;— коммерціи совѣтнику не мѣшало бы быть поспокойнѣе, замѣчалъ мимоходомъ директоръ желѣзной дороги Швеле;— мой уважаемый постоялецъ, господинъ коммерціи совѣтникъ, изволять быть сегодня не въ духѣ, шепталъ мнѣ на ухо хозяинъ отеля, въ которомъ онъ обыкновенно останавливался — онъ никогда не жилъ у насъ;—и даже бельеры втихомолку пожимали плечами, когда старикъ, сидя за бутылкой, съ бѣшенствомъ бранилъ ихъ за какойнибудь недосмотръ.

Нѣтъ, старикъ съ мутными, прищуренными глазами и манерами обращенія, вовсе не привлекательными для его лѣтъ, не походилъ на побѣдителя, да и не былъ побѣдителемъ.

Отъ тѣхъ поръ, какъ мы породнились, онъ, сколько мнѣ было извѣстно, не одержалъ ни одной побѣды. Для Креза Х—а, конечно, не было побѣдой то, что ему пришлось ликвидировать свою знаменитую хлѣбную торговлю, и что даже послѣ этого „отступленія въ порядкѣ“, какъ онъ называлъ ликвидацію, наши финансовыя дѣла не пришли въ порядокъ. Напротивъ того, у насъ болѣе, чѣмъ когда либо, недоставало наличныхъ средствъ, недоставало настолько, что мнѣ приходилось выносить на себѣ непріятности одну за другою, и я часто бывалъ близокъ къ отчаянію. Кроме того, что, вслѣдствіе вѣчной неизвѣстности, въ которой держалъ меня мой тесть, я постоянно былъ стѣсненъ въ своихъ фабричныхъ операціяхъ,—я еще ощущалъ тяжелое чувство, отъ того, что не могъ ввести въ положеніе своихъ работниковъ ни одного изъ тѣхъ улучшеній, о которыхъ въ былые дни, полные надеждъ, мы такъ много толковали, запивая пріятныя бесѣды стаканами грога. Хозяинъ, самъ незнающій, какимъ образомъ исполнить онъ завтра свои обязательства, не въ состояніи доставить большей самостоятельности своимъ рабочимъ, къ которой его не обязываетъ ни одна строчка контракта, а обязываетъ только голосъ, говорящій въ его сердцѣ за нуждающихся и утѣсненныхъ людей. Да, было время, — и я вспоминаю о немъ, какъ объ ужасномъ сновидѣніи, — когда я чувствовалъ, что закрываю свое сердце отъ крика нужды, даже отъ боязливо-произнесенной жалобы, когда примѣръ моихъ конкурентовъ, на одинъ грошъ убавившихъ поденную плату рабочимъ, казался мнѣ достойнымъ подражанія. Я помню, что тогда для меня весь міръ какъ бы покрылся темнымъ покрываломъ, мнѣ не нравилась болѣе ни ѣда, ни питье; я въ бессонницѣ ворочался на постели, какъ будто на совѣсти у меня было убійство, я искалъ уединенія, и когда встрѣчалъ на улицѣ какого нибудь знакомаго, то нахлобучивалъ шляпу на глаза и переходилъ на другую сторону. Однажды, когда на душѣ у меня стало совершенно невыносимо, я пошелъ къ другу, какъ человѣкъ преслѣдуемый страшною болью бросается къ врачу, и вылилъ въ его вѣрную душу свое переполненное сердце. Онъ слушалъ несчастнаго, почти доведеннаго до отчаянія, съ тѣмъ выраженіемъ лица, какое я постоянно замѣ-

часть у него, когда онъ сидѣлъ у постели больного и потѣхъ сказалъ:

— Я видѣлъ это, любезный Георгъ, слѣдовательно тутъ нѣтъ ничего выше соображенія человѣческаго и въ чемъ бы можно было отчаяваться, потому что, при необходимомъ терпѣннн и выдержкѣ, ошибку эту можно еще поправить. Кто хочетъ удержать свободу своихъ дѣйствій, тотъ не долженъ принимать къ первой попавшейся точкѣ, до которой другіе прикасаются своей нечистой и нечестной пятерней. Состояніе, нажитое темными путями, какъ состояніе вашего теста, не можетъ быть сохранено чистыми руками. Кто хочетъ остаться свободнымъ въ процессѣ наковальни противъ молота—безпричастнымъ никто не можетъ остаться—тотъ не долженъ рѣшительно становиться на одну какую-либо сторону. Вы въ нѣкоторомъ отношеніи поступили такъ. Тестъ вашъ рыцарь молота, а вы—вы зять его, то есть первый послѣ него, какъ бы вы не возставали противъ этой печальной истины. И, другъ мой, судя по положенію дѣлъ, я вижу выходъ изъ этой путаницы только одинъ, а именно: возможно скорое окончаніе процесса передъ высшей инстанціей экономическаго закона, для того, чтобы вы снова стали свободнымъ человѣкомъ, каковымъ были прежде. Можетъ быть, это покажется вамъ жестокимъ и страшнымъ, но, любезный другъ, вы простите ученику Гиппократу, что онъ держится ученія своего учителя: *Quod medicamenta non sanant, ferrum sanat; quod ferrum non sanat, ignis.*

Высшая инстанція, указанная докторомъ, приняла методу Гиппократу къ моему дѣлу скорѣе, чѣмъ ожидалъ даже самъ докторъ.

Когда коммерціи совѣтникъ постоянно жаловался мнѣ, какъ трудно ему именно теперь рѣшиться на такіе большіе расходы, необходимыя для фабрики, я безъ устали просилъ его рѣшиться наконецъ на продажу Церендорфа. Одному Богу извѣстно, какъ трудно мнѣ было просить объ этомъ! Я привязался къ Церендорфу болѣе, чѣмъ думалъ. Тамъ не было клочка земли, неизслѣдованнаго мною, тамъ не было ни одного деревца, ни одного кустика, котораго бы я не любилъ. Надежда съѣздить хоть на одинъ день въ Церендорфъ облегчала мнѣ всякую работу и заставляла меня забывать неприят-

ности. Мечта, что на старости лѣтъ я поселился въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствительно былъ молодъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни, была самой лучшей, самой дорогой мечтой моею; и Герминія, сколько мнѣ было извѣстно, думала точно также. Вѣдь и она тамъ лелѣяла мечту своей любви, и тамъ мечта ея осуществилась! Когда отецъ ея возбудилъ въ ней подозрѣніе, что я изобрѣтатель проекта продажи Церендорфа, развѣ она не сердилась на меня? Развѣ я не вздохнулъ свободнѣе, а она не вскрикнула отъ радости, когда внезапная болѣзнь стараго принца прервала на половинѣ начатые переговоры? А теперь уже дѣйствительно мнѣ приходилось быть причиною продажи нашего сокровища! Не мнѣ, а обстоятельствамъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ я, — обстоятельствамъ, созданнымъ не мною, и за которыя мнѣ не приходилось отвѣчать, но которыя оставлять въ такомъ положеніи я не могъ безъ того, чтобы дѣйствительно не принять на себя за нихъ отвѣтственность. Это я ясно сознавалъ, и потому не давалъ покоя моему тестю.

И странное дѣло! теперь онъ упорно отказывался исполнить мои требованія, какъ будто планъ этотъ созрѣлъ не въ его головѣ! Неужели онъ дѣйствительно боялся не особенно лестныхъ догадокъ? Или считалъ возможнымъ удержать имѣніе? Боялся ли онъ насмѣшекъ людей, которымъ говорилъ, что ликвидируетъ хлѣбныя дѣла потому только, что усталъ и хочетъ на старости лѣтъ удалиться къ себѣ въ помѣстье? Или это было просто упрямство деспота и старческое упорство — я не могъ опредѣлить этого тогда, да и до сихъ поръ положительно сказать не могу. Можетъ быть, чаша минуетъ насъ, утѣшалъ я себя, — и дѣла его лучше, чѣмъ я предполагаю; можетъ быть, на старости онъ сталъ скрягой и прячетъ накопленные сокровища, потому что невѣроятно, чтобы у него не было денегъ, какъ онъ говоритъ; куда же онъ у него дѣвались?

— Тестю вашему не посчастливилось сегодня, сказалъ мнѣ разъ возвращавшійся съ биржи банкиръ Цилеръ, встрѣчая меня на улицѣ.

— Какъ такъ, господинъ тайный совѣтникъ?

— Ему пришлось заплатить сегодня сто тысячъ талеровъ за ошиб-

ку по счету за спиртъ. Во всякомъ случаѣ, странная ошибка для такого опытнаго дѣльца.

Сто тысячъ талеровъ въ такую минуту, когда я не зналъ, гдѣ достать тысячу талеровъ, и въ дѣлѣ, о которомъ онъ мнѣ никогда не говорилъ, и которое было совершенно внѣ круга его прежнихъ предпріятій! Я не могъ скрыть вполнѣ страха, внутреннего мнѣ этимъ извѣстіемъ, и тайный коммерціи совѣтникъ вѣроятно замѣтилъ это, потому что сказалъ, улыбаясь:

— Ну, для тестя вашего вѣдь это пустяки. Честь имѣю кляняться, вамъ покорнѣйшій слуга.

Я не раздѣлялъ его мнѣнія, и потому тотчасъ же написалъ въ X*, прося убѣдительно дать мнѣ знать, справедливо ли извѣстіе, полученное мною однакожь изъ вѣрнаго источника, и требуя вмѣстѣ съ тѣмъ, наконецъ, разъяснить мнѣ отношенія, въ которыхъ я, какъ честный человѣкъ, не могу долѣе оставаться.

Въ отвѣтъ я получилъ длинное письмо съ жалобами на недостатокъ довѣрія, на судьбу старика, брошеннаго своими дѣтьми, съ похвалой своею пятидесятилѣтнею дѣятельностью, своимъ счастьемъ. Вслѣдъ затѣмъ шло требованіе написать, во всякомъ случаѣ, принцу, и спросить его, точно ли онъ еще хочетъ купить Церендорфъ.

Я оставилъ безъ вниманія все содержаніе письма, за исключеніемъ единственнаго опредѣленнаго требованія. Я тотчасъ же написалъ молодому принцу, все еще бывшему въ Прора у своего больного отца, и получилъ отвѣтъ его собственной рукой, что онъ и безъ того хотѣлъ пріѣхать въ Берлинъ, что немедля исполнить это намѣреніе, и въ пятницу вечеромъ въ пять часовъ онъ будетъ чрезвычайно радъ видѣть меня у себя во дворцѣ, гдѣ мы и поговоримъ основательно о нашихъ дѣлахъ.

Итакъ продажа должна была совершиться! Тяжело стало у меня на сердцѣ, но я поборолъ тяжелое впечатлѣніе, и сказалъ вмѣстѣ съ докторомъ: что не излечивается лекарствомъ и желѣзомъ, то надо излечивать огнемъ.

Въ этотъ и грустномъ и рѣшительномъ настроеніи отправился я въ назначенный день и часъ во дворецъ принца.

ГЛАВА XXII.

Принцъ принялъ меня съ предупредительностью, которую можно было назвать сердечною. Онъ пріѣхалъ за полчаса до моего прихода, и повѣдка въ холодный зимній день, кажется, принесла ему большую пользу; онъ былъ такъ свѣжъ, такъ румянъ, какимъ я никогда не видалъ его. Въ движеніяхъ его явилась гибкость, въ разговорѣ живость, такъ что я съ трудомъ узнавалъ въ этомъ человѣкѣ—утомленнаго мечтателя стараго охотничьяго замка въ Россофѣ. Я не могъ утерпѣть, чтобы не поздравить его съ этой пережвѣной, которую я приписалъ его поправившемуся здоровью. Казалось, онъ радъ былъ слышать это и сказалъ, что пора ему развязаться съ болѣзнями дѣтства.

— Я всегда воображалъ, говорилъ онъ,—что сдѣлаюсь человекомъ, въ свое время, и вотъ, кажется, время это наступило. Дай Богъ, чтобы жизнь принца, отца моего, подольше сохранилась! Но, по мнѣнію многихъ, дни его сочтены. Отъ меня имѣютъ право требовать, чтобы событіе, встрѣчающееся въ судьбѣ тысячи людей, не застало меня неподготовленнымъ.

Принцъ чрезвычайно серьезно произнесъ эти послѣднія слова. Ходя взадъ и впередъ по гостиной, онъ остановился передъ портретомъ молодого, очень красиваго человѣка, въ богатомъ причудливомъ костюмѣ.

— Странно, сказалъ принцъ, — какъ играетъ нами судьба! Видите, это портретъ принца моего отца, когда ему было двадцать восемь лѣтъ. Онъ былъ въ этомъ костюмѣ на придворномъ маскарадѣ и произвелъ страшный фуроръ; покойная королева пожелала имѣть его портретъ въ этомъ костюмѣ. Это копія съ оригинала. Не находите ли вы...

Онъ вдругъ остановился и сказалъ, сядя въ кресло и знакомъ приглашая и меня садиться:

— Но я пріѣхалъ не для того, чтобы говорить съ вами о себѣ и своихъ дѣлахъ. Ваши дѣла очень измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами не видались. Какъ сударь! Вы, однакожъ,

большой дипломатъ, слушаете, какъ я рассказываю вамъ турусы на колесахъ, и дѣлаю вамъ разныя добродѣтельныя предложенія и, ни словомъ, ни выраженіемъ лица, не показываюте мнѣ, такъ сказать, что вы перевалили черезъ гору, у подножья которой я полагаю, что вы еще стоите. Какъ, вѣроятно, смѣялись вы надо мной! А бѣдный Церенъ! Онъ сдѣлалъ видъ, будто удивленъ не менѣе меня, но, мнѣ кажется, онъ очень хорошо зналъ положеніе дѣлъ, и поэтому прежде я считалъ его за дурака, а теперь сильно подозреваю, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шлутъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы кто нибудь избавилъ меня отъ него, онъ мнѣ часто въ тягость, а выгнать его мнѣ не хочется. Я было подумалъ, что когда вы мнѣ продадите Церендорфъ, я сдѣлаю его управляющимъ, или отдамъ ему имѣніе въ аренду; но потомъ мнѣ казалось, что вамъ это не понравится. Правъ ли я былъ?

— Совершенно, ваше сіятельство, отвѣчалъ я.— Артуръ ужъ никакъ негодится для такого дѣла. У него въ рукахъ погибнетъ все, что создано тамъ такъ хорошо и такъ полезно, и съ такими большими затратами. Признаюсь вамъ, принцъ, что если бы намѣреніе ваше было серьезно,—а я убѣжденъ, что это пришло вамъ въ голову только по добротѣ вашей,—то еще теперь, въ послѣднюю минуту, я попытался бы удержать Церендорфъ въ рукахъ моего тестя, какъ ни желалъ бы я продать его именно вамъ.

— Конечно намѣреніе это не серьезно, сказалъ принцъ,—но почему вы отдаете мнѣ такое лестное предпочтеніе? Вы знаете, что для меня теперь не такъ важно приобрести это помѣстье, какъ было весною, и что поэтому вамъ нелегко будетъ сговориться со мною.

— Все легче, чѣмъ съ господиножъ фонъ-Гранофонъ, сказалъ я. Приятная улыбка появилась на тонкихъ губахъ принца.

— Кажется, вы правы, сказалъ онъ.— Гранофъ—это лисица, несмотря на фізіономію бульдога. Онъ нѣсколько разъ щупалъ меня черезъ Церена и юстицрата, и вывѣдывалъ намѣренія мои относительно Церендорфа. Кажется, онъ хочетъ отстранить всѣхъ конкурентовъ, чтобы остаться одному, и потомъ въ критическую минуту, которую конечно укажетъ ему юстицратъ, приобрести хоро-

шее имѣние за грошъ. Нѣтъ, право, вы не попадете въ грязныя лапы этого процальги, если только я имѣю возможность спасти васъ.

— Благодарю васъ, принцъ! сказалъ я.

— Мнѣ слѣдуетъ благодарить васъ, отвѣчалъ принцъ, — что вы слова даете мнѣ случай заплатить вамъ старый долгъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы написали мнѣ, я все думаю о вашихъ дѣлахъ, впрочемъ, можно сказать, что я никогда не упустилъ ихъ изъ вида, благодаря доброжелательнымъ друзьямъ вашего тестя. Вы, можетъ быть, сами не знаете, какъ много говорятъ о немъ въ нашихъ мѣстахъ, и какъ онъ упалъ во мнѣніи людей. Я говорю это съ сожалѣніемъ, и говорю только потому, что считаю обязанностію сказать вамъ, какъ человѣку, котораго это всего ближе касается, и сказать именно то, что другіе не имѣютъ духу сообщить вамъ, или не хотятъ говорить изъ недоброжелательства. Мнѣ кажется, что кредитъ коммерціи совѣтника сильно пошатнулся; рассказываютъ, что въ послѣднее время онъ понесъ страшныя потери; онъ игралъ на биржѣ, и взялся за разныя рискованныя предпріятія... я такъ слышалъ. Увѣряю васъ, что его считаютъ полупомѣшаннымъ и почти раззорившимся, а многіе убѣждены, что старикъ вѣчно былъ такимъ, какъ онъ теперь, и что если представляется дуракомъ и раззорившимся, то все это старыя штуки, которыя ему всегда удавались. Что вы объ этомъ думаете?

Я считалъ долгомъ своимъ откровенно отвѣчать на дружескія слова принца, и потому описалъ ему подробно и насколько могъ хорошо, странное положеніе, въ какомъ я нахожусь относительно коммерціи совѣтника, его прятки и штуки со мною, и выразилъ свое мнѣніе, что теперь онъ еще не раззоренъ, какъ увѣряютъ его враги, но что если онъ будетъ продолжать такъ, то непременно раззорится.

Принцъ внимательно слушалъ меня, и иногда прерывалъ вопросами, доказывавшими не Богъ знаетъ какое знаніе дѣла, но за то полными остротъ и сарказмовъ. Послѣ этого мы возвратились къ прежнему предмету разговора, къ продажѣ Церендорфа, и сговорились относительно у главныхъ условій. Въ это время старый

сѣдой слуга, котораго я видѣлъ уже въ Россофѣ, вошелъ и, остановясь въ дверяхъ, мигнулъ принцу.

— А, сказалъ принцъ, — развѣ ужь такъ поздно? Какъ это скучно. Мнѣ надо отправляться въ театръ; ея королевское высочество, принцесса, моя покровительница, узнавъ о моемъ приѣздѣ, послала мнѣ сказать, чтобы я явился къ ней въ ложу, что она желаетъ говорить со мною и узнать отъ меня о здоровьѣ принца, моего отца. Но нельзя ли соединить пріятное съ полезнымъ. Хорошо было бы узнать, когда у меня будутъ деньги; Гензель — банкиръ принца — навѣрное тоже будетъ въ театрѣ. Я знаю, что онъ, какъ любитель пѣвцовъ, актеровъ, или лучше сказать актрисъ, пѣвицъ и танцовщицъ, не пропускаетъ первыхъ представлений. Можно будетъ найти свободную минуту и поговорить съ нимъ. Всего лучше, еслибъ и вы были тамъ; въ такомъ случаѣ, мы сегодня вечеромъ сговорились бы относительно всѣхъ условій, а завтра утромъ составили бы контрактъ у моего нотаріуса. Что вы на это скажете?

— Сегодня вечеромъ я свободенъ! сказалъ я.

— Рѣшительное слово для молодого супруга! сказалъ принцъ, смѣясь. — Въ крайнемъ же случаѣ, привезите вашу супругу съ собою. Я такъ давно желалъ познакомиться съ нею. Въ Россофѣ я не могъ исполнить этого желанія, потому что поклялся всѣми святыми не выѣзжать за черту своихъ владѣній. Ну, что же вы скажете? Вы, кажется, смутились? Нѣтъ, сударь, теперь не прежнія времена; теперь вы безъ всякихъ опасеній можете представить принца Прора порядочной женщиной.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, ваше сіятельство, сказалъ я, — но все-таки жена моя... право я не знаю...

— А, понимаю, сказалъ принцъ, — жена ваша не совсѣмъ здорова. Ну, вы тамъ увидите. Такъ, au revoir, если можно, то приѣзжайте съ вашей супругой.

Принцъ смѣясь протянулъ мнѣ руку; я не сказалъ ни „да“, ни „нѣтъ“, потому что не могъ сказать ни того, ни другого.

— Что за непріятное положеніе человѣка, который не знаетъ, слѣдуетъ ли ему говорить да ли нѣтъ, думалъ я, идя къ себѣ

домой по почти уже темнымъ улицамъ; положеніе, къ которому я не привыкъ, да и не долженъ привыкать.

Думая такимъ образомъ, я хотѣлъ перейти черезъ улицу на противоположный уголъ, гдѣ, при свѣтѣ фонаря, я замѣтилъ афишу; но я тотчасъ же повернулъ назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, шепталъ я, — нечего искать поддержки своей трусости; это трусость и останется всегда трусостью.

Такимъ образомъ пришелъ я домой, гдѣ нетерпѣливо ждала меня Герминія. Я сказалъ ей, что увижусь съ принцемъ, но не сказалъ, о чемъ мы будемъ говорить, совѣмъ не сообразивъ, что утайка такой вещи, которая скоро должна рѣшиться, приведетъ только къ тому, что усилить ея тайное безпокойство. Это стало мнѣ ясно, когда я взглянулъ на ея глаза, съ любопытствомъ устремленные на меня. Неужели слѣдовало мнѣ сказать ей сразу все, что до сихъ поръ я такъ тщательно скрывалъ отъ нея? Въ головѣ у меня какъ-то помутилось, а сердце сжалось отъ страха. Мнѣ хотѣлось выйти изъ этого положенія, какъ хочется выйти человѣку изъ комнаты, гдѣ онъ боится задохнуться, и такъ какъ въ такомъ случаѣ человѣкъ бросается куда ни попало, даже изъ окна, то и я сказалъ, точно заученный урокъ:

— Принцъ желаетъ видѣть меня въ театрѣ; ему надо кое-что сообщить мнѣ, чего не слѣдуетъ откладывать до слѣдующаго дня. Кромѣ того онъ выразилъ желаніе, чтобы и ты, если возможно, пріѣхала въ театръ. Онъ былъ очень любезенъ со мною, и я настолько ему обязанъ, что мнѣ хотѣлось бы оказать ему вниманіе, если только ты поможешь мнѣ.

— А, вѣдь она играетъ сегодня! сказала Герминія, и губы ея задрожали, а брови мрачно нахмурились.

— Что мнѣ до этого, что намъ до этого, Герминія?

Я раскрылъ объятія и Герминія лежала у меня на груди. Вся такъ долго сдерживаемая страсть сразу вырвалась наружу; она рыдала, хотела, и со слезами и со смѣхомъ восклицала:

— Да, да, что намъ до этого, что намъ до этого!

Ея милое личико, въ послѣднее время такъ часто разстроенное

и блѣдное, просіяло отъ счастья и оживленія; мнѣ казалось, что я никогда не видалъ ее такой хорошенькой.

— Ты произведешь фуроръ, шута сказалъ я.

— Я и хочу произвести фуроръ! вскричала она, — да и мудро ли быть хорошенькой, если такъ счастлива!

И она снова бросилась ко мнѣ въ объятія, и поспѣшно пошла къ себѣ въ уборную, откуда вышла въ простомъ, изящномъ туалетѣ.

— Какъ ты думаешь, могу я такъ показаться принцу? лукаво сказала она.

— Всѣмъ королямъ въ мѣрѣ!

— Несмотря ни на что? спросила она съ очаровательною живостью.

— Несмотря ни на что!

Дорога въ театръ была близка; тѣмъ не менѣе, я успѣлъ, отправляясь туда, сказать ей все, о чемъ говорилъ съ принцемъ, о продажѣ Церендорфа и о необходимости этой продажи. И прелестная Герминія соглашалась со всѣмъ, со всѣмъ. Да, докторъ былъ правъ: молодой мужъ можетъ высказать все своей молодой женѣ; но и я былъ правъ, думая, что надо найти удобную минуту.

Мы приѣхали въ театръ. Принцъ предупредилъ меня, что въ ложѣ, взятой имъ, есть еще мѣста, что было очень кстати, потому что всѣ мѣста были разобраны. Давалась новая пьеса молодого писателя, о которомъ много говорилось тогда, но въ этой пьесѣ Констанція не участвовала, какъ я увидѣлъ, пробѣжавъ афишу. Мы пришли не поздно, тѣмъ не менѣе, партеръ и верхнія мѣста были уже полны, и ложи стали тоже наполняться. Принца еще не было, онъ явился, когда оркестръ игралъ уже нѣкоторое время, и явился въ сопровожденіи какого-то офицера, котораго представилъ намъ, какъ своего двоюроднаго брата, графа Шлахтензе. Принцъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, а на шеѣ у него блестѣлъ на голубой лентѣ какой-то иностранный брилліантовый орденъ. Онъ былъ очень красивъ, милъ и чрезвычайно любезенъ съ Герминіей, передъ которой онъ извинился въ томъ, что опоздалъ, потомъ занялъ мѣсто подлѣ нея, и продолжалъ болтать до тѣхъ

поръ, пока ея высочество, приказавшая ему явиться, не показалась у себя въ ложѣ.

Подполковникъ графъ Шлахтензе, оставленный своимъ двоюроднымъ братомъ въ такомъ странномъ положеніи, кажется, не зналъ, что ему дѣлать съ нами, пока наконецъ не попалъ на блестящую мысль предложить мнѣ бинокль, отъ котораго я отказался. Тогда онъ приставилъ его къ своимъ графскимъ очамъ и смотрѣлъ на противоположную ложу до тѣхъ поръ, пока и я невольно не обратилъ своего вниманія туда же. Я увидѣлъ прямо противъ насъ даму, обернувшуюся въ эту минуту къ господину, сидѣвшему за ней, въ которой я, съ перваго же взгляда, узналъ Констанцію. Не знаю, какое впечатлѣніе произвела бы она на меня, еслибъ я только-что не объяснился съ Герминіей, но все-таки сердце у меня забилося, когда я замѣтилъ, что и Герминія повернула туда же свой бинокль. Но я радостно вздохнулъ и прошепталъ: „Слава Богу!“ когда она отняла бинокль отъ глазъ, и обернулась ко мнѣ, улыбаясь невыразимо лукаво. Когда поднялся занавѣсъ, она стала смотрѣть на сцену, не взглянувъ болѣе ни разу на Констанцію, образъ которой такъ часто носился въ послѣднее время въ ея разстроенномъ воображеніи. Констанція же, съ своей стороны, казалось, мало интересовалась тѣмъ, что происходило на сценѣ. Я видѣлъ, что бинокль ея былъ постоянно направленъ на насъ, когда она не говорила съ своимъ кавалеромъ, сѣвшимъ теперь рядомъ съ нею, въ которомъ я узналъ актера фонъ-Зоммера, называвшагося Ленцомъ, и не оборачивалась назадъ къ двумъ мужчинамъ, тоже молодымъ, разфранченнымъ и съ аристократическими манерами, очевидно пріѣхавшими вмѣстѣ съ нею. Ясно, что разговоръ шелъ объ насъ и, кажется, не совершенно въ местномъ духѣ, ибо я не разъ замѣчалъ, какъ блѣдное лицо господина Ленца искажалось въ отвратительную улыбку, а другіе спутники его, не сводя съ насъ взоровъ, иногда нагло хохотали.

Вслѣдствіе ли любопытства, возбужденнаго въ хорошенькой актрисѣ и ея спутникахъ дамой, сидѣвшей напротивъ нихъ, или вслѣдствіе красоты Герминіи, но публика въ антрактахъ слѣдовала данному примѣру, и это непріятное для насъ любопытство

еще болѣе увеличилось, когда возвратился принцъ и снова сѣлъ на кресло рядомъ съ Герминіей. Внизу, въ партерѣ публики вставала, чтобы лучше видѣть, шепталась и смотрѣла то на Герминію, то на Констанцію, очевидно дѣлая сравненіе между двумя, каждой въ своемъ родѣ, хорошенькими женщинами. Безъ сомнѣнія, принцъ тоже замѣтилъ Констанцію; но я тщетно искалъ въ лицѣ его малѣйшаго слѣда впечатлѣнія, произведеннаго на него этой несчастной встрѣчей. Онъ не напрасно вертѣлся съ дѣтства въ кружкахъ, гдѣ первымъ правиломъ считается строго слѣдить за своимъ лицомъ. Онъ смѣялся и шутилъ съ Герминіей повидимому совершенно непринужденно, называлъ ей по именамъ знатныхъ особъ изъ своихъ знакомыхъ въ литерной ложѣ, потомъ снова обращался къ своему двоюродному брату и ко мнѣ, и дѣлалъ видъ, какъ будто бы ему очень весело.

Тотже самое повторилось и во второй антрактѣ, и кромѣ того къ намъ въ ложу вошелъ камергеръ ея высочества, чтобы спросить принца отъ имени принцессы, кто такая дама, красота и милость которой совершенно очаровали ея высочество.

Когда камергеръ ушелъ, принцъ, смѣясь, сообщилъ намъ это, прибавивъ, что не мудрено, если ея высочество пожелаетъ говорить съ нами, и что, въ такомъ случаѣ, я могу надѣяться на званіе коммерціи совѣтника или на четвертый классъ.

Признаюсь, хотя я не вполнѣ вѣрилъ въ несчастье, грозившее мнѣ, но мнѣ все болѣе и болѣе чудилось, что въ жаркомъ залѣ носится какая-то серьезная бѣда. Кромѣ того я замѣтилъ, какъ взволновали и утомили Герминію жаръ, разговоры и вниманіе, предметомъ котораго она была, и потому, взглядомъ давъ ей знакъ, я обратился вначалѣ третьяго антракта къ принцу съ просьбою позволить намъ уѣхать, тѣмъ болѣе, что банкира Гензеля въ театрѣ не оказалось, и дѣло наше не могло быть рѣшено. Принцъ тотчасъ же всталъ и предложилъ Герминіи руку, чтобы самому провести ее по корридору, куда въ то время изъ душевной залы во всѣ двери выходила толпа.

Когда принцъ простился съ нами, толпа тотчасъ же насъ раздѣлила, и въ ту же минуту мимо меня прошла Констанція подъ

руку съ Ленцомъ и въ сопровожденіи двухъ другихъ ея кавалеровъ—польскихъ дворянъ, какъ я узналъ впоследствии. Она поклонилась мнѣ, какъ короткая знакомая, но подъ видомъ короткости проглядывала насмѣшка, а блѣдное лицо ея спутника ни на минуту не обернулось къ намъ; глаза его, казалось, искали кого-то, и выраженіе ихъ было чрезвычайно непріятное. Онъ торопливо протискивался съ своей дамой въ ту сторону, куда пошелъ принцъ. Потомъ замелькали другія лица, и я потерялъ Констанцію и Ленца изъ вида. Герминія, занятая одѣваньемъ, къ счастью не видала Констанціи; она просила меня какъ можно скорѣе вывести ее на воздухъ. Мы сошли нѣсколько ступеней, какъ вдругъ за нами начался шумъ въ корридорѣ. Герминія остановилась и почти безъ чувствъ повисла у меня на рукѣ. Въ это время шумъ наверху еще болѣе усилился. Слышались смѣшанные голоса, и надъ этимъ говоромъ преобладали иногда возгласы театральныхъ чиновниковъ, старавшихся вѣроятно водворить порядокъ. Какой-то господинъ торопливо шелъ мимо меня. Я спросилъ его:

— Что тамъ такое?

— Актеръ Ленцъ грубо оскорбилъ принца Прора.

Господинъ этотъ прошелъ мимо.

Я посмотрѣлъ на Герминію, она не слыхала ничего; ей не слѣдовало слышать, ее надо было удалить прежде, чѣмъ она придетъ въ себя. Я снесъ ее съ лѣстницы, посадилъ въ карету и повезъ домой, куда она доѣхала, хотя еще слабой, но уже пришедшей въ себя. Дома она просила не беспокоиться о ней, говорила, что вечеръ былъ очаровательный, и она тысячу разъ благодаритъ меня за него, а что теперь она ляжетъ спать, но что мнѣ надо непременно вернуться въ театръ, чтобы принцъ никакъ не подумалъ, что она держитъ меня въ рукахъ.

Я сдѣлалъ видъ, что какъ будто только уступая ея желанію отправляюсь въ театръ. Но въ сущности, я еще раньше твердо рѣшился на это. Что если справедливо то, что сказали мнѣ на лѣстницѣ, а могъ ли я сомнѣваться въ этомъ? Такимъ образомъ несчастіе, рисовавшееся въ моемъ воображеніи въ душномъ театрѣ, уже разразилось. Я вспомнилъ сцену въ лѣсу Церендорфа много лѣтъ тому

назадъ, когда мальчикъ предпочиталъ лучше умереть, чѣмъ потерпѣть прикосновеніе моея руки, прикосновеніе, которому былъ бы свидѣтелемъ только мѣсяцъ на небѣ! Могъ ли мужчина быть другого мнѣнія? Не употребить ли онъ всѣ усилія, чтобы отомстить за оскорбленіе, нанесенное ему, принцу Прора, въ присутствіи столькихъ людей?

ГЛАВА XXIII.

Когда я вышелъ изъ дома, мнѣ пришло въ голову, что, послѣ всего случившагося, принцъ врядъ ли могъ оставаться еще въ театрѣ. Поэтому, я направился къ его дворцу. Было около девяти часовъ; погода стояла суровая, несмотря на то, что было уже начало марта; снѣгъ, развѣваемый вѣтромъ, падалъ хлопьями и кружился на перекресткахъ; пѣшеходы проходили съ поднятыми воротниками и наклоненными головами, и мнѣ невольно припомнился вечеръ прошедшаго года, когда я увидѣлъ несчастную при желтомъ свѣтѣ фонаря у крыльца дворца, куда я подходилъ теперь, задыхаясь отъ быстрой ходьбы. Для мести, горѣвшей тогда въ ея черныхъ глазахъ, и дышавшей на ея устахъ, для мести, на которую она тщетно уговаривала меня тогда, обѣщаясь заплатить за нее самой высокой цѣной, какой только женщина можетъ заплатить—для сладкой, страшной мести она нашла наконецъ человѣка!

Во мнѣ шевелилось сознание, что все это должно было случиться, что тутъ дѣйствовала судьба, которой не могъ бы воспрепятствовать ни я, ни кто другой; я спрашивалъ себя, что привело меня сюда, и что мнѣ тутъ надо? и не могъ найти на это отвѣта, даже и тогда, когда стоялъ уже въ каменныхъ сѣняхъ и умолялъ стараго слугу, отворившаго мнѣ двери, впустить меня къ принцу.

— Мнѣ нивого не велѣно принимать, сказалъ старикъ.

Онъ казался очень смущеннымъ, голосъ его дрожалъ, когда онъ говорилъ это, а морщинистая рука тряслась.

Въ эту минуту отворилась дверь въ комнату, гдѣ принималъ меня въ тотъ день принцъ; изъ нея вышелъ графъ Шлахтензе, и прошелъ мимо насъ съ тѣмъ же бессмысленнымъ взглядомъ, какой я замѣтилъ у него въ театрѣ. Безъ сомнѣнія, ему теперь не зачѣмъ было стараться, какъ прежде, обращать на меня вниманіе, и потому онъ дѣйствительно не замѣтилъ меня. Итакъ, то, чего я боялся, чего мнѣ слѣдовало бояться—случилось! Я не могъ болѣе сдерживать себя, и, не обращая вниманія на стараго слугу, удерживавшаго меня, я бросился въ дверь, откуда вышелъ графъ Шлахтензе и, пройдя большую прихожую, вошелъ во вторую комнату, гдѣ въ открытую дверь увидѣлъ принца за письменнымъ столомъ.

— Пошлите это къ господину Гартвигу, скорѣй! сказалъ онъ, не оборачиваясь и подавая лѣвой рукой письмо, а на правую склоняя голову.

— Я пришелъ самъ, сказалъ я, взявъ письмо у него изъ руки, которую и удержалъ въ своихъ.

Рука была холодная, а лицо, повернувшееся ко мнѣ, блѣдно, смертельно блѣдно; только на правой щекѣ горѣло пятно, какъ будто его выжгла рука палача.

— Вы тутъ? съ удивленіемъ спросилъ онъ. — Ну и отлично, такъ я могу тотчасъ же сказать вамъ, что писалъ въ письмѣ, которое прошу спрятать: это письменное повтореніе того, что мы порѣшили съ вами сегодня, и прибавленіе, что я прошу отца моего, принца, во всякомъ случаѣ исполнить наше условіе, во всякомъ случаѣ!

Я все еще держалъ его за руку, и тщетно искалъ словъ. Я объяснялъ себѣ теперь участіе, внушаемое мнѣ этимъ человѣкомъ, и этотъ человѣкъ сталъ жертвою отвратительнаго коварства! Этотъ человѣкъ, охраненный отъ искушеній благородствомъ и добрымъ сердцемъ, попалъ теперь въ петлю, до которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ дотронулась его смѣлая юношеская нога!

И когда, наконецъ, я въ состояніи былъ говорить, я высказалъ

ему это, и сказалъ кромѣ того, что не могу вынести той мысли, что нѣтъ никакого средства выпутаться изъ этой петли?

— Садитесь, сказалъ принцъ, поднявшись съ своего мѣста и, подводя меня къ камину, гдѣ пріятно мигалъ огонекъ, указалъ мнѣ на кресло и самъ сѣлъ противъ меня.

— Развѣ я не говорилъ, что вы оригиналь? Вѣдь только человѣку, сохранившемуся до тридцати лѣтъ, съ скромной дѣтской душой, т. е. оригиналу, можетъ придти въ голову идея спросить у принца Прора, не можетъ ли онъ носить въ продолженіи всей своей жизни позоръ, нанесенный ему въ присутствіи нѣсколькихъ десятковъ свидѣтелей.

Онъ сказалъ это дружески и стараясь улыбнуться, но блѣдныя губы его только искривились, а красное пятно на щекѣ загорѣлось еще ярче.

— Я не ребенокъ, принцъ, сказалъ я; — но можетъ быть, живя одиноко, какъ я жилъ, я мало понимаю свѣтъ, его обычаи, нравы и правила. Я знаю только, что въ сердцѣ у меня слышится... крикъ, что этого не должно быть. И неужели, если крикъ этотъ безслѣдно раздастся на житейской аренѣ, дѣло должно совершиться? Неужели оно дѣйствительно должно совершиться по правиламъ той чести, которой я не понимаю?

— Да, оно должно совершиться, отвѣчалъ принцъ, — я тоже думалъ объ этомъ—не ради себя, но ради тѣхъ, для которыхъ мнѣ хотѣлось бы сдѣлать что нибудь; оно должно совершиться.

— А ваше положеніе? снова началъ я.

— Не ограждаетъ меня, отвѣчалъ принцъ улыбаясь, какъ улыбается учитель, выслушивающій разсужденія ученика.—Я не владѣтельный принцъ, хотя предки мои были владѣтельные. Я такой же дворянинъ, какъ и всякій другой, подчиненъ тѣмъ же законамъ, и противникъ мой тоже дворянинъ. Родъ Зоммеръ-Брахенфельдовъ, отъ котораго онъ происходитъ по прямой линіи—древній родъ, почти такой же древній, какъ и мой.

— Но какъ извѣстный прощальга, какъ искатель приключеній, неужели этотъ человѣкъ не лишенъ права стоять передъ дуломъ пистолета принца Проры?

— Не думаю, отвѣчалъ принцъ, съ той же дружеской улыбкой. — Безъ сомнѣнія, этотъ господинъ просто искатель приключеній, но въ Ирландіи я видѣлъ человѣка, законнаго потомка королей, который пасъ свиней, а въ Парижѣ въ одноиъ изъ *Café chantant*—потомка герцогскаго рода, который пѣлъ подъ гитару неприличныя пѣсни передъ публикой блузниковъ и гризетокъ. Сравнительно съ ними актеръ королевскаго театра личность весьма почтенная. А развѣ самъ я не былъ прощальгой? И почему знать, что вышло бы изъ меня, еслибъ семейный совѣтъ дѣйствительно лишилъ меня наслѣдства, и, вручивъ мнѣ какую нибудь сумму, пустилъ бы меня по свѣту. Какъ бы сумма эта ни была велика, она не долго удержалась бы у меня, и тогда... нѣтъ, нѣтъ, съ какой стороны ни возьмешь, я не имѣю ни права, ни даже предлога не драться, даже еслибъ я и искалъ предлога, но я его не ищу.

Принцъ замолчалъ. На дворѣ холодный вѣтеръ несея по улицамъ, ревѣлъ и бился о дворець, какъ голодный волкъ объ овчарню, а тутъ въ комнатѣ свѣтъ лампъ пріятно падалъ на мраморныя столы, на роскошную мебель, а въ каминѣ такъ пріятно трещалъ и вспыхивалъ огонекъ. Окруженный роскошью, освѣщенный пріятнымъ свѣтомъ, передъ огонькомъ своего камелька сидѣлъ владѣтель этого дома, и даже не искалъ предлога не драться съ искателемъ приключеній, которому вѣроятно нечего было болѣе терять, какъ только свою безпутную жизнь.

— И не ищу предлога, еще разъ повторилъ принцъ, — и кажется еслибы нашелъ самый убѣдительнѣйшій, то отстранилъ бы его. Я не хочу говорить о томъ, что мнѣ кажется совершенно невозможнымъ жить съ сознаниемъ этого стыда... настолько невозможнымъ, какъ бы пришлось мнѣ сохранить свою жизнь надувательствомъ... но, и кромѣ того, во мнѣ явилось чувство, что это рокъ, разразившійся надо мною, и что напрасно противиться этому року!

Тоже самое чувствовалось и мнѣ. То, что случилось теперь, подготовлялось давно, давно, оно видѣлось уже въ звѣздахъ, на осенней небѣ, въ ту ночь, когда молодой принцъ пробирался къ своей возлюбленной по церендорфскому парку. Я сидѣлъ тамъ,

сжимая въ рукахъ пылавшую голову, и думалъ въ ту ночь, что мнѣ слѣдовало бы охранять ее. А она и тогда уже не хотѣла быть охраняемой, и тогда думала только о боярской измѣнѣ, и тогда была уже развратной, и если вѣрить словамъ добраго Ганса, то скорѣе сама измѣнила своему возлюбленному, чѣмъ пала жертвою его измѣны, и, несмотря на это, преслѣдовала теперь, какъ фурию, своимъ мстѣмъ человѣка, виноватаго передъ нею развѣ только въ томъ, что онъ былъ первымъ, если только былъ первымъ.

Всѣ эти мысли, толпившіяся у меня въ головѣ, я высказалъ вслухъ, въ то время, какъ принцъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и наконецъ остановился передо мною и, положивъ мнѣ руку на плечо, сказалъ:

— Ахъ вы добрая душа: какъ честно чувствуете вы, и какъ сваливаете долгъ еще не уплоченный мною, и который мнѣ такъ хотѣлось бы уплатить, пока еще не поздно. Можетъ быть, я отчасти уплачу его тѣмъ, что для васъ сдѣлаю то, чего не сдѣлалъ бы ни для кого другого: а именно, оправдаюсь передъ вами въ роли, какую игралъ во всемъ этомъ несчастномъ происшествіи. Можетъ быть, я и обязанъ сдѣлать это, а мнѣ хотѣлось бы исполнить всѣ свои обязательства. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы на свѣтѣ былъ человѣкъ, который зналъ бы, въ случаѣ смерти принца Карла Прора, какъ онъ умеръ и, въ сущности, зачѣмъ онъ умеръ.

Онъ махнулъ рукою и продолжалъ спокойно, устремивъ кроткіе глаза свои въ каминъ, гдѣ пламя мало-по-малу потухало:

— Вы думаете, Констанція никогда не любила ни меня и никого другого; что она не можетъ любить, и потому никогда не можетъ быть жертвою измѣны. Вы хотѣли этимъ оправдать меня; но это не такъ. Нынче весною въ Россофѣ я сказалъ вамъ не всю правду, потому что тайна, играющая тутъ роль, не моя. Теперь я вамъ скажу ее, и при этомъ прошу только объ одномъ, чтобы вы никому не говорили ее, никому, пока я живъ и пока живъ принцъ, мой отецъ. Констанція точно любила меня, и я тѣмъ не менѣе не измѣнилъ ей. Любилъ ли я ее? Это другой вопросъ, на который врядъ ли я могу отвѣчать утвердительно, и ради

многаго не хотѣлъ бы отвѣчать утвердительно. Я былъ очень молодъ, когда въ первый разъ увидѣлъ ее на злополучныхъ водахъ, почти мальчикъ, и любилъ ее, какъ любятъ мальчики, мечтательно, повидимому, искренно, а между тѣмъ не глубоко. По крайней мѣрѣ я бился, какъ безумный, когда пріѣхалъ мой отецъ и сказалъ мнѣ, что я не могу жениться на дочери завзятаго игрока, настоящаго контрабандиста, тѣмъ болѣе, что она дочь незаконная. Все это вы знаете, я самъ рассказывалъ вамъ объ этомъ; въ то время отецъ мой только это и передалъ мнѣ. Но это было не все, что онъ могъ бы и долженъ былъ сказать мнѣ. И изъ того, что онъ мнѣ сказалъ не всю правду, что умолчалъ о самомъ главномъ, выродилось злополучное семя, разросшееся въ несчастіе для меня и для него самого. Умолчалъ же онъ, какъ надо теперь сознаться, изъ ложнаго стыда передъ сыномъ, которому онъ не хотѣлъ показаться въ дурномъ свѣтѣ нехорошаго примѣра, изъ скромности передъ свѣтомъ, давно считавшимъ его благочестивымъ покровителемъ церкви. Не могу сказать, чтобы заявленіе принца не произвело на меня никакого впечатлѣнія, но также не могу сказать, чтобы оно и убѣдило меня. Я былъ мальчикъ, бойкій, избалованный мальчикъ, привыкшій выражать свою волю, потому что это была моя воля, и имѣть свою волю часто противъ воли. Тоже самое было и въ этомъ случаѣ. Принцъ, убѣжденный въ моемъ послушаніи, поступилъ неосмотрительно, пославъ меня въ Россю въ сопровожденіи гувернера, для того, чтобы я тамъ охотился, укрѣплялъ свое разстроенное здоровье и, кромѣ того, могъ бы ухаживать за хорошенькой графиней Грибенофъ, предназначенной мнѣ обоними семействами въ будущія жены. Мнѣ нечего говорить вамъ, какъ легко подкупить слугъ восемнадцатилѣтнему юношѣ съ полными карманами денегъ. По утрамъ я бывалъ въ Грибенофъ, а по вечерамъ... вы знаете гдѣ. Но вы не знаете и, можетъ быть, даже не повѣрите, если я скажу вамъ, что, несмотря на мѣсто и часъ, ухаживанія мои и тутъ и тамъ были почти одинаковаго характера. Еще разъ повторяю: я былъ очень молодъ, и чтобы побѣдить юношескій стыдъ и извѣстный рыцарскій духъ, врожденный мнѣ, надо было больше одобренія, чѣмъ доставалось на мою долю, даже

въ уединенныхъ комнатахъ Констанціи. По женской ли скромности, или по расчету—а вѣроятноѣ всего, что по тому и по другому видѣть, что часто встрѣчается въ женщинахъ—она постоянно умѣла держать меня въ границахъ, позволяя только иногда поцѣловать свою руку. Это зашло такъ далеко, что я не разъ былъ убѣжденъ, что она любитъ другого, и вы легко догадаетесь, кого считалъ я этимъ другимъ. Такимъ образомъ разыгрывалась драма, которая, вслѣдствіе встрѣчи нашей въ лѣсу, чуть не пришла къ печальному концу, пока наконецъ на слѣдующій день мнѣ не удалось привести въ исполненіе давно задуманный планъ и увести свою возлюбленную. Я не дѣлалъ ей никакихъ обѣщаній, да она ихъ и не требовала, вѣроятно думая, что все сдѣлается, если она сама подольше не отдастся мнѣ. И этого правила она держалась и тогда, когда всѣ считали насъ любовниками, когда посланія и письма моего отца всюду преслѣдовали насъ,—я не имѣлъ ничего болѣе простого поцѣлуя руки. Я устроился такъ хорошо, что избѣжалъ всѣхъ преслѣдованій принца, хотя онъ сулилъ и небо, и адъ за поимку бѣглеца. Онъ непремѣнно отправился бы на поиски и самъ, но, испугавшись случившагося, заболѣлъ очень серьезно возвратившейся подагрой. А пугаться было чего.

Принцъ вдругъ поднялся съ своего стула, прошелъ по комнатѣ, остановился передъ портретомъ своего отца и, мрачно посмотрѣвъ на него, снова сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Я уже доѣхалъ до Мюнхена, когда насъ догналъ старикъ, котораго вы видѣли. Онъ привезъ письмо съ важными извѣстіями о разныхъ членахъ нашего семейства, въ которомъ между прочимъ было написано нѣсколько строкъ рукою моего отца. Я прочиталъ приписку отца и громко расхохотался. Вотъ въ чемъ она заключалась: „умоляю тебя всѣмъ, что для тебя свято, разойдись тотчасъ же съ нею, если не хочешь взять на душу страшнаго грѣха:—Констанція фонъ-Церенъ—сестра тебѣ!“

— Господи! вскричалъ я.

— Я, какъ говорилъ вамъ, захохоталъ, продолжалъ принцъ,—и хохоталъ, какъ сумасшедшій надъ этой знаменательной выдумкой, но потомъ вдругъ сдѣлался серьезенъ и почувствовалъ, какъ

дрожь пробѣжала по всѣму моему тѣлу, пробралась въ сердце и тамъ замерла. Въ посланіи говорилось, чтобы я обратился за объясненіемъ къ старику, пока отецъ мой не будетъ въ состояніи подробно написать мнѣ. Старикъ, съ дѣтства не оставившій принца, могъ, конечно, знать лучше всякаго другого все это дѣло. Онъ былъ съ принцемъ въ Парижѣ въ то время, когда господинъ фонъ-Церенъ, бѣжавъ изъ Испаніи, пріѣхалъ туда съ своею любовницею. Нѣкогда принцъ и фонъ-Церенъ были очень дружны; обояхъ этихъ красивыхъ юношей, одновременно появившихся при нашемъ дворѣ, звали Орестомъ и Пиладомъ. Но дружба, кажется, сильно поколебалась, когда принцъ женился на моей матери, за кого ую сватался и фонъ-Церенъ. Можетъ быть, принцъ не могъ просить этого своему другу, можетъ быть, господинъ фонъ-Церенъ, какъ человѣкъ чрезвычайно страстный, подалъ поводъ принцу въ послѣдствіи къ неудовольствію... не знаю; но, кажется, принцъ былъ очарованъ молодой испанкой, которая, преслѣдуемая угрызеніями сестры и будучи столь же вѣтреной, сколько красивой, довѣрилась другу своего возлюбленнаго, а, можетъ быть, и дѣйствительно любила его, а онъ злоупотребилъ ея чувствомъ. Кто былъ отцомъ ребенка, родившагося черезъ девять мѣсяцовъ послѣ этого происшествія? Положительно ничего не было извѣстно, а сомнѣніе со стороны принца, можетъ быть, никогда не разрѣшилось бы, потому что, когда черезъ два года несчастная прибѣжала въ Россю съ распущенными волосами, крича, что принцъ—отецъ ея ребенка и долженъ защитить ихъ отъ преслѣдователя и указать дорогу въ Испанію, то она была совершенно помѣшана; но за нее говорили другія обстоятельства. Старая служанка—та самая ужасная старуха, которая въ послѣдствіи была у Констанціи, и которую вы знали,—проговаривалась тоже, что молодая госпожа ея съ самаго начала увѣряла, что господинъ фонъ-Церенъ не отецъ ея ребенка. Она могла тоже лгать; но природа въ такихъ случаяхъ не остается въ долгу, и принцъ, тайно увидавъ ребенка, нашелъ сходство, отъ котораго и теперь еще остались слѣды.

Принцъ дрожащей рукой указалъ на портретъ своего отца, и, устремивъ на меня прекрасные глаза свои, продолжалъ:

— Вы тоже находите, не такъ ли? Истину найти не трудно, когда на нее указываютъ пальцемъ, и потому я нашелъ сходство, когда старикъ высказалъ мнѣ эту страшную истину, и благодарилъ судьбу, избавившую меня отъ преступленія, противнаго природѣ. Но какъ было высвободиться изъ несчастныхъ отношеній? Я, можетъ быть, не послушался бы приказаній принца, и сказалъ бы все Констанци; но повторяю опять, что я былъ слишкомъ молодъ и не былъ въ состояннн сообразить послѣдствій моего поспѣшнаго рѣшенія. Такимъ образомъ мнѣ казалось, что я отлично разрѣшу вопросъ, если за любовь Констанци буду платить ненавистью или, по крайней мѣрѣ, отчужденіемъ. Средства къ достиженію этой цѣли она дала мнѣ сама своей сдержанностью, въ которой теперь я видѣлъ болѣе, чѣмъ простой расчетъ. Я отвѣчалъ на ея капризы капризами, на ея упрямство упрямствомъ, на ея холодность холодностью, игру свою я разыгрывалъ такъ хорошо, что долженъ былъ ее выиграть. Какъ она при этомъ страдала—я никогда не слыхивалъ изъ ея устъ; но я видѣлъ это по ея лицу, съ каждымъ днемъ блѣднѣвшему все болѣе и болѣе, по ея глазамъ, блестявшимъ иногда какъ отъ сумасшествія. Наконецъ наступила катастрофа. Послѣ страшной сцены, начатой мною въ Неаполѣ, куда мы прѣехали — какъ и зачѣмъ, я и до сихъ поръ не знаю — я разстался съ нею въ твердой увѣренности, что она употребитъ большія деньги, оставленныя мною ей на возвратный путь, на бѣгство, которымъ она часто грозила мнѣ. Но эта месть была бы недостаточна, по ея мнѣнію, за мою изиѣну. Она, столь гордая, она, не хотѣвшая принадлежать принцу Прора иначе, какъ будучи его женой, — она бросилась на шею первому встрѣчному, и стала любовницей пустого фата, съ которымъ мы познакомились дорогой. Мнѣ страшно подумать, что должна была вытерпѣть несчастная, дѣлая этотъ первый шагъ, и еще страшнѣе, когда я вспомню, какъ мало, какъ почти ничего не стоили ей остальные шаги.

Принцъ тяжело вздохнулъ, и вздохъ его нашелъ страшный отголосокъ въ моемъ сердцѣ. Самъ я слишкомъ хорошо зналъ, какъ мало, какъ ровно ничего не стоили несчастной ея дальнѣйшіе шаги по злополучной дорогѣ!

— Куда вы? спросилъ принцъ.

Я вскочилъ и прошелъ нѣсколько шаговъ къ двери.

— Куда вы? повторилъ онъ.

Я схватился обѣими руками за виски, въ которыхъ билась кровь, какъ отъ угару.

— Не знаю, сказалъ я; — я знаю только, что дуэль эта не должна состояться.

Принцъ улыбаясь пожалъ плечами.

— Она дѣйствительно немного странна, сказалъ онъ.

— И нѣтъ никакого средства, никакого! вскричалъ я.

— Я не знаю его, сказалъ принцъ съ той же грустной улыбкой, — развѣ только если бы молодой человекъ объявилъ, что онъ помѣшанный. И то не помогло бы, потому что человекъ, объявляющій себя помѣшаннымъ, никакъ не помѣшанъ — ахъ вотъ и ты, любезный Эдмундъ!

Я не замѣтилъ, что сзади меня въ комнату вошелъ графъ Шлахтензе. Принцъ пошелъ ему на встрѣчу и протянулъ ему руку; графъ сказалъ: „Я отъ...“ потомъ вдругъ остановился и устремилъ на меня пристальный, удивленный взоръ.

— Теперь мнѣ надо проститься съ вами, сказалъ принцъ; — отъ души благодарю васъ за ваше посѣщеніе, отъ души, и при этомъ онъ сильно пожалъ мнѣ руку своей женской тонкой рукой. — Прощайте!

Я уже былъ въ дверяхъ, когда онъ догналъ меня и, еще разъ пожимая руку, сказалъ: „Прощайте“ и потомъ тихо прибавилъ: „можетъ быть, на вѣки!

Я очутился на улицѣ, гдѣ снѣгъ билъ мнѣ прямо въ лицо. Когда я обернулся ко дворцу, то увидѣлъ сквозь опущенныя гардины тѣни двухъ людей, рядомъ ходившихъ назадъ и впередъ по комнатамъ. Это были принцъ и двоюродный его братъ; я зналъ, о чемъ они говорили другъ съ другомъ, и потому терять нельзя было ни минуты. Я позвалъ фіакръ, проѣзжавшій мимо, и велѣлъ ему ѣхать какъ можно скорѣе къ актеру фонъ-Зоммеру, котораго звали Ленцомъ.

ГЛАВА XXIV.

Впослѣдствіи я часто старался объяснить себѣ состояніе души, въ какомъ я находился въ ту злополучную ночь. Но мнѣ это никогда не удавалось вполне, и поэтому я сознаю, что описаніе этой ночи будетъ крайне поверхностно. Я могу только сказать, что мною руководила страсть, которая, можетъ быть, была высшей степенью сожалѣнія, ибо я всегда былъ склоненъ къ нему, и при малѣйшемъ поводѣ это чувство возбуждалось во мнѣ въ такой степени, что благоразумнымъ людямъ казалось и глупымъ и ребяческимъ. Можетъ быть, все слышанное подѣйствовало бы на меня иначе, если бы дѣйствующія лица были мнѣ чужими; но они не были для меня чужими. Констанція въ моей жизни играла роковую роль, молодой принцъ встрѣчался мнѣ въ такія странныя минуты его жизни; я любилъ Констанцію, а принцъ сумѣлъ внушить такое съ моей стороны къ нему участіе, какое можетъ чувствовать только старшій братъ къ младшему. То, что случилось, казалось мнѣ страшнымъ, а то, что должно было случиться, ужаснымъ. Хотя во мнѣ было смутное сознаніе, что я ничего не могу сдѣлать тутъ, что я глупо и безумно берусь за невозможное дѣло, но что значило все это въ сравненіи съ голосомъ, говорившимъ во мнѣ: этого не должно быть, этого не должно быть!

Въ страшномъ волненіи, которое представляется мнѣ теперь какимъ-то безуміемъ, — а, можетъ быть, оно и было такимъ, — явился я къ актеру. Мой визитъ удивилъ его, но онъ скоро оправился и довольно вѣжливо провелъ меня изъ комнаты, гдѣ я напелъ его съ однимъ изъ поляковъ, бывшихъ съ нимъ въ театрѣ, въ другую, гдѣ мы остались съ нимъ наединѣ. Онъ ждалъ, желая услышать, какое дѣло привело меня къ нему, и что я намѣренъ ему сказать.

Но что же я намѣренъ былъ ему сказать? Боже мой, очень много, или очень мало. Много я не могъ и не смѣлъ ему сказать, я чувствовалъ, что не имѣю права сообщать тайну, и что

если бы я и сообщилъ ее, онъ принялъ бы это за жалкую увертку и за трусость принца. А немногое: то что дуэль не должна была состояться! Но могло ли это помочь? Что было ему дѣлать, какъ не пожать плечами и не посмотрѣть пристально мнѣ въ лицо, какъ бы спрашивая: въ порядкѣ ли моя голова? Фонтъ-Земмеръ былъ молодой человѣкъ, съ страшно изношеннымъ, но, тѣмъ не менѣе, красивымъ лицомъ, съ большими выразительными темными глазами, и я чувствовалъ, какъ подъ взоромъ этихъ глазъ щеки мои вспыхнули. Подъ этимъ взоромъ и отъ словъ, которыя такъ и хотѣли сорваться у меня съ устъ: что если онъ хочетъ драться съ любовникомъ Констанціи, то скорѣе долженъ обратиться ко мнѣ, такъ какъ я принадлежу даже къ тому времени, когда онъ нелагалъ, что владѣеть ею одинъ. И хотя я хотѣлъ удержаться отъ этихъ словъ и кусалъ себѣ губы, чтобы не сказать ихъ, я все-таки процѣдилъ ихъ хриплымъ голосомъ, изъ котораго противникъ мой могъ только заключить, что я едва сдерживаю гнѣвъ свой.

— Вотъ какъ, сказалъ онъ, вставая, — счастливый или обманутый любовникъ, не такъ ли? Ну такъ, милостивый государь, я буду и съ вами драться, навѣрное, и такимъ образомъ со всякимъ, кто будетъ предъявлять претензію на расположеніе известной особы, но по очереди, милостивый государь, по очереди. Вы опоздали на нѣсколько часовъ и вы согласитесь со мною, что я могу расправляться съ своими противниками только въ томъ порядкѣ, въ какомъ они будутъ предъявлять мнѣ свои претензіи. Чѣмъ въ настоящую минуту еще могу служить вамъ?

Онъ вѣжливо раскланялся и, указавъ на дверь, сказалъ: — въ эту дверь вы прямо выйдете на лѣстницу.

Я тоже всталъ и остановился передъ нимъ. Я могъ бы убитъ однимъ ударомъ этого слабого, щедушнаго, разбитаго безпутной жизнью человѣка. Я могъ раздавить въ своихъ рукахъ тонкую руку, которую онъ, при видѣ моего колебанія, нѣсколько театрално протянулъ къ двери — и это былъ единственный разъ въ моей жизни, когда мнѣ захотѣлось злоупотребить моей силой, но я устоялъ противъ этого желанія, выбѣжавъ изъ комнаты и изъ дома.

Передъ крыльцомъ стоялъ еще фіакръ.

— Куда теперь? спросилъ извозчикъ.

Я далъ адресъ квартиры Констанціи.

Фіакръ покотился. Холодъ былъ страшный, и стекла въ экипажѣ покрылись инеемъ, блестящимъ и сверкавшимъ при свѣтѣ фонарей, мимо которыхъ мы проѣзжали. Я смотрѣлъ на кристаллы инея и механически считалъ секунды до слѣдующаго фонаря, а потомъ снова смотрѣлъ на блестящія кристаллы, и припоминалъ законы оптики, применимыя къ наблюдаемому мною явленію, какъ будто этимъ только и могъ я заниматься, ѣдучи къ Констанціи фонъ-Церенъ, сестрѣ принца Прора.

Карета остановилась.

Дверь въ домъ, несмотря на поздній часъ — тогда было часовъ одинадцать — тотчасъ же отворилась; лѣстница была еще освѣщена; въ этомъ домѣ, казалось, привыкли къ позднимъ гостямъ. Когда я позвонилъ въ дверяхъ, на которыхъ была надпись крупными золотыми буквами: „Ада Веллини, придворная актриса королевскаго театра“, за ними послышался шорохъ, потомъ дверь отворилась и передо мною предстала сама Констанція. Безъ сомнѣнія, она ждала кого нибудь другого, и потому, увидѣвъ меня, съ крикомъ отступила. Я заперъ дверь, схватилъ ее за руку и сказалъ:

— Мнѣ надо говорить съ вами, Констанція!

— Вы хотите убить меня! вскричала она.

— Нѣтъ; но я не хочу, чтобы другой былъ убитъ изъ-за васъ — идите!

Я чуть не силою ввелъ ее въ ярко освѣщенную, богато, и даже черезъ чуръ роскошно убранную гостиную, изъ которой она должно быть только-что вышла и дверь въ которую еще не была затворена, и предложилъ кресло. Она сѣла и, съ безпокойствомъ устремивъ взоръ на меня, слѣдила за каждымъ моимъ движеніемъ.

— Ничего не бойтесь, сказалъ я, — ничего не бойтесь! Вы когда-то прежде называли меня своимъ Георгомъ, который долженъ былъ убивать всѣхъ драконовъ на вашемъ пути. До сихъ поръ мнѣ не представлялось къ тому случая, или, если и представлялся,

то я не пользовался имъ. Теперь часъ насталь; но одинъ я ничего не могу сдѣлать; вы должны помочь мнѣ и поможете.

— Вы въ этомъ убѣждены, сказала она.

Лицо ея вдругъ приняло другое выраженіе; боязнь исчезла и смѣнилась мрачной злобой—такой же злобой, какая показалась на ея лицѣ въ ту ночь, когда она умоляла меня отомстить за нее принцу.

Не знаю какимъ образомъ, но какъ ни трудно это было для меня, однакожь я отыскалъ необходимыя слова и высказалъ ей все.

— Сколько принцъ заплатилъ вамъ за ваши хлопоты?

Вотъ все, что она отвѣтила.

Подобнаго отвѣта я ждалъ отъ аветера и, чтобы избѣжать его, я тамъ молчалъ. Но тутъ я ожидалъ совсѣмъ другого. Тутъ я обращался къ сестрѣ; она должна была повѣрить мнѣ; мнѣ слѣдовало отыскать мѣсто въ ея сердцѣ, гдѣ бы наконецъ высказалась природа.

Вслѣдствіе ли того, что я коснулся таинственной нити, соединившей брата и сестру; вслѣдствіе ли того, что разсудокъ Констанціи не могъ противостоять моимъ доказательствамъ, но я замѣтилъ, что мрачное выраженіе мало-по-малу исчезало съ ея лица и замѣнялось смущеніемъ и удивленіемъ и, наконецъ, полнымъ отчаяніемъ.

— Такъ вотъ почему, шептала она;—вотъ почему! И вотъ почему я отца своего—нѣтъ, нѣтъ, не своего отца—я ненавиждѣла его, и онъ ненавиждѣлъ меня, и... но вѣдь она вѣроятно знаетъ! нѣтъ, нѣтъ, быть не можетъ!

Она вскочила съ мѣста.

— Куда вы? вскричалъ я, схвативъ ее за руку.

Она вырвалась и бросилась въ другую комнату.

Я остался въ гостиной, не зная, что мнѣ дѣлать; мнѣ пришло въ голову, что она можетъ сдѣлать что нибудь надъ собою, но вскорѣ я услышалъ, что она возвращается и не одна.

Она тащила за собою сторбленную фигуру женщины, которую при другихъ обстоятельствахъ можно было принять за ключницу

или за когонибудь въ этомъ родѣ, и въ которой теперь я со страхомъ узналъ старуху Палень.

Какимъ образомъ эта страшная старуха бѣжала изъ тюрьмы и нашла свою барышню, я никогда не узналъ; но чѣмъ короче были отношенія между госпожею и служанкой, тѣмъ ужаснѣе и сильнѣе долженъ былъ разразиться разрывъ.

— Сюда, сюда! вскричала Констанція, притащивъ старуху почти къ моимъ ногамъ, — вотъ она! Георгъ, умоляю васъ ради Бога, ради всѣхъ святыхъ, убейте эту тварь, которая знала все и хотѣла свести брата съ сестрою.

Эти слова, гнѣвъ Констанціи, мое присутствіе — все вмѣстѣ поразило злую старуху. По ея эхидному сморщенному лицу, по взглядамъ ея глазъ я увидѣлъ, что она сознавала свою вину; тоже самое увидѣла и Констанція, и когда старуха начала оправдываться отрывочными словами, она прервала ее и закричала съ такимъ бѣшенствомъ: „вонъ, вонъ! животное! чудовище! вонъ!“ что звуки эти многіе годы сохранились у меня въ памяти.

Эта вѣдьма была очень довольна, что ей предоставляли такимъ образомъ возможность скрыться. Она бросилась изъ комнаты; и я болѣе никогда не видалъ ее, и не знаю, долго ли она еще влачила свое жалкое существованіе, и гдѣ и когда окончила его.

Когда старуха убѣжала отъ насъ, Констанція, вполне убѣжденная, ломая себѣ руки, бѣгала взадъ и впередъ по комнатѣ. Потомъ въ одномъ изъ угловъ комнаты она упала на колѣни, и, казалось, вылила свое сердце въ горячей молитвѣ, — я замѣтилъ, что на стѣнѣ, противъ того мѣста, гдѣ она стояла на колѣняхъ, вверху висѣло распятіе изъ слоновой кости, и что она постоянно дѣлала рукою движеніе креста и потомъ снова складывала ихъ на груди. Впослѣдствіи я случайно узналъ, что Констанція еще въ Италіи перешла въ вѣру своей матери, въ католицизмъ. Нашла ли она потомъ, будучи монахиней римскаго монастыря, успокоеніе въ покаяніи и молитвѣ, но въ ту минуту, казалось, молитва осталась безъ дѣйствія, и святые отвернулись отъ нея. Она поднялась и упала опять на колѣни передо мною, и молила меня спасти ее отъ отчаянія. Поднявъ ее, я сказалъ ей, что сдѣлалъ все, что

было въ моихъ силахъ, и пріѣхалъ къ ней, желая узнать, не можетъ ли хоть она что нибудь сдѣлать.

— Есть только одно средство, сказала она, — если можно будетъ уговорить господина Ленца удалиться отсюда.

— Но какъ привести намъ это въ исполненіе? Очевидно, что этотъ человѣкъ ваше орудіе, орудіе вашей мести, но, кажется, оно выскользнуло у васъ изъ рукъ, или нѣтъ?

— Не знаю, не знаю, шептала Констанція.—Онъ знаетъ, что я его не люблю; онъ знаетъ, что я Карла... и это приводитъ его въ бѣшенство; но я знаю тоже, что онъ любитъ меня, что за мою руку, въ которой я ему всегда отказывала, онъ рѣшится на все, на все! Развѣ я не настолько хороша, Георгъ, чтобы для меня человѣкъ рѣшился на все?

Она откинула дрожащими руками темные блестящіе волосы съ обѣихъ сторонъ лица и улыбнулась мнѣ. Потомъ одинъ только разъ въ жизни я видѣлъ подобное выраженіе лица и подобную улыбку, — когда я въ Мюнхенѣ, въ Глиптотекѣ увидѣлъ лицо Медузы, то знаменитая картина показала мнѣ лишь слабую копій теперь стоявшаго передо мной оригинала.

— Ъдемте! сказала она.

Она хотѣла идти такъ, какъ была въ комнатѣ; я завернулъ ее въ шубу, въ которой она пріѣхала изъ театра, и которая лежала еще тутъ въ комнатѣ. Такъ выѣхали мы и отправились въ квартиру фонъ-Зоммера. Дожъ былъ запертъ. Прошло нѣсколько минутъ, пока я дозволился привратника.

— Господинъ фонъ-Зоммеръ уже съ полчаса какъ уѣхалъ.

— Куда?

— Онъ не сказалъ куда, но объявилъ, что воротится, можетъ быть, только черезъ нѣсколько дней.

— Нѣтъ ли кого нибудь въ дождѣ, кто бы могъ дать болѣе точныя свѣденія.

— Врядъ ли! своего камердинера онъ взялъ съ собою.

— И вы не знаете, куда онъ поѣхалъ?

— Нѣтъ, онъ поѣхалъ на извозчикѣ.

Я видѣлъ, что намъ не добиться ничего отъ этого человѣка,

дрожавшаго отъ холода въ своемъ ночномъ халатѣ. Да и самъ онъ прервалъ дальнѣйшіе распросы и, ворча сквозъ зубы, захлопнулъ дверь.

Констанція, стоявшая за мною, слышала все.

— Можетъ быть, мы узнаемъ что нибудь тамъ.

Мы отправились ко дворцу принца. Ъхали мы тихо; по улицамъ несея страшный вѣтеръ, и несчастная наша кляча съ трудомъ тащила качавшуюся съ бока на бокъ карету. Эта медленная ѣзда походила на раскаяніе, медленно идущее по слѣдамъ дурного поступка, котораго ей никогда не догнать. Наконецъ мы пріѣхали.

Выйдя изъ экипажа, я невольно бросилъ взглядъ на небо. Изъ одного яснаго мѣстечка, сквозившаго сквозъ тучи, блестѣли вѣчныя звѣзды. И мнѣ пришли въ голову слова изъ любимой пѣсни Констанціи:

Красное солнышко дня—
Оно любитъ меня.
Мнѣ же мила
Лишь ночная звѣзда.

Ахъ, эта любовь къ звѣздамъ плохо вела несчастную и довела ее до того, что она, родная сестра, стучалась въ дверь своего брата, бывшаго когда-то ея возлюбленнымъ, и стучалась въ такую ужасную ночь.

Дворецъ былъ не освѣщенъ; передъ крыльцомъ были зажжены только два фонаря, и желтый свѣтъ ихъ тускло освѣщаль летѣвшіе хлопья такъ же, какъ освѣщаль годъ тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ встрѣчу нашу съ Констанціей.

Я дернулъ за звонокъ и услышалъ, какъ глухо раздался звонъ въ каменныхъ сѣняхъ точно въ большомъ могильномъ склепѣ. Никто не являлся. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ страшнаго ожиданія, дверь отворилась, и передо мною явился лакей безъ сюртука и со свѣчою въ рукахъ. Лицо его было красно, а глаза мутны; очевидно, что въ людской удачно пользовались отсутствіемъ господина. Онъ хотѣлъ захлопнуть дверь у меня передъ носомъ; но я ворвался въ сѣни, и тутъ онъ меня узналъ, такъ

какъ два раза впускалъ сегодня во дворецъ, а, можетъ быть, видѣлъ меня и въ Россофѣ. Онъ отвѣчалъ на мои вопросы съ отвратительной лакейской замашкой, что его сіятельство уѣхали полчаса тому назадъ съ господиномъ графомъ не на своихъ лошадяхъ, а на извозчикѣ, котораго крикнули сами, что онъ не знаетъ, куда уѣхали ихъ сіятельство, что ихъ сіятельство берутъ иногда извозчика — тутъ лакей улыбнулся — но что, во всякомъ случаѣ, ихъ сіятельство вернутся поздно, если только вернутся, а что онъ, съ своей стороны, получилъ позволеніе ложиться спать.

Ясно было, что ему давно было пора воспользоваться этимъ позволеніемъ, потому что онъ качался изъ стороны въ сторону. Такимъ образомъ мы тутъ ничего не разъяснили, точно такъ же, какъ и тамъ. Обѣ стороны выѣхали уже изъ города и отправились Богъ знаетъ куда, гдѣ вѣроятно встрѣча могла произойти безъ страха помѣхи. Ясно, что мы ничего уже не могли сдѣлать, и намъ оставалось только отправиться домой.

— Я поѣду молиться, сказала Констанція.

Была ли это сцена изъ трагедіи? или для нея это было дѣйствительно заключеніе трагедіи ея жизни? но пока я ее везъ домой, она не говорила ни слова, и только разъ произнесла: „Вамъ, по крайней мѣрѣ, я помогла достигнуть счастья.“ Но что она подразумѣвала подъ этимъ — я не знаю.

ГЛАВА XXV.

Былъ уже часъ ночи, когда я пришелъ домой, и это показалось мнѣ невѣроятнымъ. Мнѣ казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ Герминіи, прошли не часы, а недѣли. Я прошелъ на ципочкахъ въ нашу спальню и наклонился надъ ея постелью. Закинувъ одну руку за голову, а другую положивъ надъ одѣяломъ, она лежала такъ спокойно, какъ спящее дитя. И выраженіе ея лица было какъ у ребенка, который видитъ пріятный сонъ. Мнѣ представилось какимъ-то преступленіемъ оставаться съ сердцемъ

полнымъ горя и страданія подлѣ этого блаженнаго покоя! Поэтому я тихо надвинулъ абажуръ на ночную лампочку, и пошелъ тихонько черезъ темныя комнаты въ свой кабинетъ, гдѣ уже горѣла свѣчка.

И при слабомъ свѣтѣ этой свѣчи, освѣщавшей только нѣкоторые предметы, я просидѣлъ много часовъ передъ каминомъ, въ которомъ давно потухъ послѣдній уголекъ, и чувствовалъ невыразимую боль въ сердцѣ. Напрасно старался я возбудить въ себѣ старую, счастливую бодрость—она казалось охладѣла, какъ угли, тоже нѣкогда пылавшіе и ярко свѣтившіе, а теперь обратившіеся въ золу; тщетно старался я думать обо всемъ хорошемъ и счастливомъ, что встрѣтилось мнѣ въ жизни, и теперь еще обогащало ее—ничто не свѣтило мнѣ въ прежнемъ свѣтѣ: все мнѣ казалось мрачнымъ, мертвымъ и пустыннымъ, какъ будто бы свѣтъ весь заключался въ разрушеніи, гдѣ каждое дерево обуглилось и всѣ листья посохли, и какъ будто я блуждаю безнадежно и одиноко межъ развалинъ прежняго великолѣпія.

Наконецъ, вѣроятно утомленіе послѣ такого страшнаго напряженія пересилило меня.

И мнѣ приснились сумерки, не то день, не то ночь. Я какъ будто бродилъ одинъ по пустымъ берегамъ въ Церендорфѣ, и на меня дулъ сильный, рѣзкій вѣтеръ съ моря. Вокругъ меня все было пусто, и видѣлись только развалины Церенбурга, безмолвно и грозно возвышавшіяся въ полумракѣ. Но когда я подошелъ поближе, то увидѣлъ, что это уже не развалины, а громадная статуя изъ камня, изображавшая дикаго Церена съ выпученными, безжизненными глазами, обращенными къ западу, гдѣ солнышко навѣки зашло для него въ вѣчномъ морѣ. Сумерки все продолжались и блестѣло только золотое украшеніе на шеѣ каменнаго великана, дикаго Церена, и блестѣли еще золотые шпоры на каменныхъ ногахъ, и блестѣлъ клинокъ широкаго рыцарскаго меча, лежавшаго поперегъ каменныхъ колѣнъ. И въ то время, какъ я все еще смотрѣлъ со страхомъ на статую, съ крутой горы спустилась маленькая фигурка, и приблизясь къ высокой статуѣ, со всѣхъ сторонъ обѣжала ее. Маленькая странная фигурка была коммерціи совѣтникъ, и онъ корчилъ смѣшныя рожи, и дѣлалъ

разные прыжки, замѣчая, что великанъ спитъ такъ крѣпко. Вдругъ онъ началъ взбираться на колѣни великану, всталъ на ципочки и снялъ у великана съ шеи золотую цѣпь, надѣлъ ее на себя, потомъ соскочилъ, взялъ мечъ, а за нимъ и золотые шпоры и прикрѣпилъ ихъ къ своимъ собственнымъ сапогамъ. Такъ съ смѣшнымъ величіемъ ходилъ онъ взадъ и впередъ, пробуя махать мечомъ, который онъ не могъ и поднять, и постоянно цѣплялся въ травѣ шпорами. Цѣпь такъ давила ему плечи, что онъ вдругъ сталъ старикомъ съ сгорбленной спиной, и едва держался на ногахъ; но, несмотря на это, старался, какъ канатный плясунъ, удерживать равновѣсіе на крутомъ берегу ивловыхъ утесовъ, отвѣсно спускавшихся къ морю. Я хотѣлъ закричать ему, чтобы онъ бросилъ эту безумную шалость, хоть ради Герминіи, но не могъ ни кричать, ни двинуться съ мѣста. Вдругъ онъ упалъ съ берега. Я слышалъ, какъ тѣло его ударилося внизу о морской песокъ, а великанъ началъ смѣяться такъ громко, такъ грозно, что я вдругъ проснулся и сталъ, съ сильно-бьющимся сердцемъ, осматриваться въ комнатѣ, куда сквозь гардины падалъ свѣтъ, или, лучше сказать, полумракъ, точь въ точь какъ во снѣ, и я все еще слышалъ грозный смѣхъ, но то были удары нетерпѣливой руки въ дверь. Я отворилъ ее.

— Что надо?

— Приказали кланяться господину Гартвигу и... и... ахъ, да это вы, господинъ Гартвигъ!

Передомною стоялъ слуга изъ отеля, гдѣ тесть мой уже много лѣтъ останавливался всякій разъ, какъ пріѣзжалъ въ городъ.

— Да, да, что надо?

— Хозяинъ приказалъ кланяться, и... и господина коммерціи совѣтника только-что нашли мертвымъ въ постели.

Я пристально посмотрѣлъ посланному въ лицо; онъ вѣроятно думалъ, что я не понялъ его, и повторилъ еще разъ свое порученіе; но я понялъ его вполне, по крайней мѣрѣ, всѣ его слова. Коммерціи совѣтникъ былъ найденъ мертвымъ въ постели. Трудно ли это сказать, и трудно ли понять: коммерціи совѣтника нашли мертвымъ въ постели!

— Сейчасъ приду, сказалъ я.

Посланный ушелъ, я же вернулся къ себѣ въ комнату, надѣлъ пальто, шляпу, взялъ вмѣсто свѣтлыхъ перчатокъ, которыя были надѣты наканунѣ вечеромъ, пару темныхъ, взялъ машинально, какъ будто бы шель куда нибудь по обыкновенному дѣлу. „Коммерція совѣтника нашли мертвымъ въ постели,“ повторялъ я, какъ повторялъ бы рапортъ, полученный изъ моей конторы: „Такая-то машина помѣщена въ такой-то мастерской“.

Потомъ я вздрогнулъ, какъ будто кто ткнулъ меня въ сердце.

— Бѣдное дитя! прошепталъ я, — бѣдное дитя! Какъ приметъ она это извѣстiе? Но въ свѣтѣ такъ много несчастiя, такъ много несчастiя, а вѣдь онъ былъ ужъ старъ.

Такимъ образомъ вышелъ я изъ дома, гдѣ уже начали просыпаться.

— Сегодня вы рано уходите, сказалъ швейцаръ, только-что вышедшiй изъ своей каморки. — Не случилось ли чего на фабрикѣ?

Я не отвѣчалъ, и только на улицѣ подумалъ, что я ничего не отвѣчалъ на сдѣланный мнѣ вопросъ. Было часовъ семь, и разсвѣло уже совсѣмъ. Вѣтеръ переимѣнился и несся по улицамъ, шель дождь, и съ крышъ бѣжали потоки. Снѣгъ, выпавшiй ночью, превратился въ струю грязи, по которой тянулись телѣжки съ хлѣбомъ и молокомъ. Меня пробирала дрожь, и я говорилъ самъ себѣ, что сегодня утро скучное и непрiятное; но болѣе ничего другого не ощущалъ. На углу мнѣ встрѣтились похороны безъ провожатыхъ. Кучеръ на высокихъ козлахъ глубоко надвинулъ трехугольную шляпу на глаза; измученныя влячи ѣхали не то шагомъ, не то рысью; дроги развѣзжались по грязи въ разныя стороны, и черное, старое сукно, покрывавшее дроги, развѣвалось отъ вѣтра.

— Вѣдь это еще не гробъ коммерціи совѣтника, сказалъ я, смотря вслѣдъ за непрiятнымъ поѣздомъ.

Такимъ образомъ дошелъ я до отеля.

— Одинадцатый номеръ, первая дверь на право, какъ войдете на лѣстницу, сказалъ швейцаръ.

Онъ проводилъ меня на лѣстницу, гораздо болѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ участiя, и рассказалъ, что господинъ коммерціи

совѣтникъ прїѣхали вчера съ послѣднимъ поѣздомъ, и были чрезвычайно какъ веселы, и что ему поручено было разбудить сегодня коммерціи совѣтника въ половинѣ седьмого, потому что коммерціи совѣтнику надо было послать письмо къ господину Гартвигу. Что онъ поступался въ назначенный часъ въ дверь, и господинъ коммерціи совѣтникъ совершенно ясно закричали: „хорошо, пусть Людвигъ принесетъ кофе,“ а когда Людвигъ пришелъ черезъ десять минутъ съ кофе, то господинъ коммерціи совѣтникъ не отвѣчали и были уже мертвы. Кто бы могъ это подумать, онъ былъ такой добрый старикъ! И что хозяинъ тотчасъ же послалъ за докторомъ Снелліусомъ, потому что онъ постояннымъ докторомъ у господина Гартвига, и что господинъ докторъ сейчасъ будетъ. „Въ эту дверь, господинъ Гартвигъ, въ эту!“

Дверь была только притворена. Хозяинъ гостиницы, оберкельнеръ и другіе лакеи стояли, сколько я помню, въ большой комнатѣ въ два окна, въ которыя проглядывало сѣренькое утро сквозь опущенныя занавѣсы. Передъ постелью, въ самой глубинѣ комнаты, горѣли на ночномъ столикѣ двѣ свѣчи.

— Мы оставили все такъ, какъ нашли, сказалъ хозяинъ шепотомъ, идя со мною къ постели.—У меня правило держать все втайнѣ въ подобныхъ случаяхъ. Потомъ не приходится ни въ чемъ упрекать себя и этимъ избавляешь себя отъ неприятностей. Господинъ коммерціи совѣтникъ лежатъ совершенно такъ, какъ Людвигъ нашелъ ихъ, и вотъ стоитъ еще подносъ съ кофе, совершенно такъ, какъ поставилъ его Людвигъ.

Подносъ стоялъ, какъ поставилъ его Людвигъ, и коммерціи совѣтникъ лежалъ, какъ нашелъ его Людвигъ. Свѣтъ падалъ отъ двухъ восковыхъ свѣчей, сильно нагорѣвшихъ, прямо на его лицо, которое я сталъ разсматривать. Это было третье лицо покойника, пристально разсмотрѣнное мною. Оба другихъ мнѣ тотчасъ же припомнились: лицо дикаго Церена и лицо моего дорогого друга. Въ мрачныхъ чертахъ Дикаго виднѣлось злое упорство, какъ бы на лицѣ главы индѣйскаго племени, который, привязанный къ столбу, поетъ насмѣшки надъ своими мучителями; на яркомъ лицѣ его брата виднѣлся блаженный покой, какъ на лицѣ святого,

который знаетъ, что онъ умеръ не за себя. Это третье лицо было совершенно другое! На большомъ ртѣ замѣтна коварная улыбка, обычная ему, когда онъ хотѣлъ когонибудь перехитрить; глаза были полужакрыты, какъ онъ дѣлалъ обыкновенно, когда не хотѣлъ показать ихъ выраженіе—а могъ ли онъ когданибудь желать показать его?—а по всему старому, желтому, сморщенному лицу разстилалась темная туча, за которую онъ любилъ прятаться, но только тутъ туча была гуще, такъ какъ это была уже не игра въ прятки, а это была смерть.

— А еще вчера вечеромъ, мы вмѣстѣ весело такъ провели время, прошептавъ хозяйнѣ;—мы сидѣли до половины второго въ столовой и выпили три бутылки шампанскаго; господинъ Швеле, директоръ желѣзной дороги, былъ съ нами. Я предостерегалъ господина коммерціи совѣтника, что въ его года надо быть поосторожнѣе. А какая свѣтлая-то голова! Что за голова для дѣла! А вотъ лежитъ и письмо, которое онъ хотѣлъ послать сегодня къ вамъ.

Это былъ листокъ, вырванный имъ вѣроятно изъ его записной книжки; онъ былъ исписанъ до половины, и карандашъ лежалъ подлѣ. Я взялъ листокъ; почеркъ былъ твердый и ясный, тверже даже, чѣмъ онъ писалъ въ послѣднее время: „Любезный сынъ, вчера вечеромъ я пріѣхалъ, и мнѣ очень хотѣлось бы говорить съ вами, прежде чѣмъ вы уйдете домой съ фабрики. Поэтому подождите меня, прошу васъ. Мнѣ еще надо прежде побывать на биржѣ, гдѣ увижу много завистливыхъ фізіономій. Сегодня увидать, какъ скоро старый практикъ заглаживаетъ прежнія ошибки. Но объ этомъ поговоримъ лично. Надо предупредить васъ, въ случаѣ если васъ куда пригласятъ, что мнѣ хотѣлось бы пообѣдать съ вами. Но, пожалуйста, безъ церемоній! И если только возможно, то закажите мое любимое кушанье: магдебургскій соусъ изъ кислой капусты и...

Списокъ кушаньямъ не былъ оконченъ, а гость лежалъ тутъ совсѣмъ покойнымъ человѣкомъ.

— Смерть застала его на запискѣ, сказалъ хозяйнѣ, скромность котораго однакожь не помѣшала ему читать ее черезъ мое плечо,—какъ иногда она быстро приходитъ.

Вдругъ подлѣ насъ очутился докторъ, я не слыхалъ, какъ онъ подошелъ къ намъ. Онъ молча кивнулъ мнѣ головой и наклонился къ покойнику. Прошло нѣсколько минутъ. Потомъ онъ выпрямился— для чего маленькому, доброму доктору не надо было много времени— и сказалъ, обращаясь къ хозяину:

— Потрудитесь велѣть подать мнѣ рюмку чистаго ямайскаго рома для кипяченья; но для кипяченья ромъ долженъ быть чистый. Вы лучше всего сдѣлаете, если сами исполните это.

— Конечно, конечно! сказалъ хозяинъ, — въ подобныхъ случаяхъ я считаю своею обязанностью дѣлать все, что отъ меня зависитъ.

— Такъ отправляйтесь, и позаботьтесь, чтобы мнѣ скорѣе привесли его, а вы, молодой человѣкъ, скажите моему кучеру, чтобы онъ ждалъ.

— Слушаю! воскликнулъ кельнеръ, и пошелъ за своимъ хозяиномъ.

— Развѣ вы надѣетесь еще? спросилъ я.

Докторъ не отвѣчалъ. Онъ еще разъ торопливо взглянулъ на дверь. Потомъ послѣшно подошелъ къ постели, отбросилъ одѣяло, закрывавшее грудь, руки и шею до самаго подбородка покойника; и я увидѣлъ, что онъ взялъ откуда-то изъ подъ одѣяла, или изъ окоченѣвшихъ рукъ умершаго маленькую стекляночку, осторожно понюхалъ и, завернувъ въ бумажку, положилъ къ себѣ въ карманъ.

— Если не представится крайней необходимости, то женѣ вашей конечно не для чего знать, что отецъ ея отравился, сказалъ докторъ.

Я громко застоналъ.

— Крѣпитесь, крѣпитесь, сказалъ докторъ; — на этомъ свѣтѣ бываетъ иногда страшно мрачно. Но этого перемѣнить нельзя, а вамъ теперь надо думать о женѣ и ребенкѣ.

Когда черезъ часъ я шелъ домой, по мокрымъ улицамъ по прежнему неся весенній вѣтеръ, и на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и прежде, я встрѣтилъ тѣ же дроги, возвращавшіяся тѣмъ же шагомъ. Я взглянулъ на нихъ, не ощутивъ ни малѣйшаго волненія въ груди. Да, да, докторъ былъ правъ: иногда въ этомъ мѣрѣ бываетъ страшно темно; и не думаю, что въ то время свѣтъ показался бы

миѣ врачѣе, еслибъ я зналъ то, чего тогда не зналъ, что во дворцѣ принца, мимо котораго миѣ надо было идти домой, полчаса тому назадъ, за спущенными занавѣсками, окончилъ на рукахъ врачей свою молодую жизнь послѣдній потомокъ принцевъ Прора-Викъ, графовъ Россофовъ.

ГЛАВА XXVI.

Да, да, міръ бываетъ иногда страшно мраченъ, но кто можетъ сказать, что врачѣе онъ и быть не можетъ?

Когда я пришелъ домой, я нашелъ тамъ страшную суматоху и бѣготню: развязка наступила такъ неожиданно! Часъ тому назадъ госпожа Гартвигъ сильно позвонила, и меня не оказалось нигдѣ! Она была внѣ себя, но къ счастью необходимое пособіе тотчасъ же было оказано; господинъ докторъ....

— Идетъ вслѣдъ за мною, сказалъ я, и бросился въ комнату, изъ которой доносились до меня раздрающіе сердце крики.

— Крѣпитесь, дорогой другъ, крѣпитесь, говорилъ докторъ часа черезъ два; — оно нѣсколько раньше срока, и.... но бывали случаи и хуже; я думаю.... останьтесь на нѣсколько минутъ здѣсь и отдохните, вы страшно взволнованы, вамъ не вынести этого.

— Она-то вынесетъ ли? вскричалъ я, ломая себѣ руки.

— Конечно, сказалъ докторъ, — идемте.

Послѣ морозной ночи и дождливаго утра наступилъ отличный день; мартовское солнце торжественно прорвало облака и ярко горѣло на свѣтло-голубомъ небѣ; вода капала со всѣхъ крышъ и лила изъ всѣхъ трубъ, а на вѣткахъ деревьевъ сада, куда выходили окна изъ нашей спальни, порхали и щебетали птички и возвѣщали, что зима кончилась и снова наступила весна!

Ахъ! миѣ было не до весны; я не вѣрилъ ни въ золотой блескъ солнца, ни въ голубое небо, ни въ бѣгущія весеннія воды; я нетерпѣливо ждалъ развязки—ждалъ съ жаркой молитвой, какая только можетъ быть въ сердцѣ человѣка въ подобную минуту—и дождался

ее, когда солнце уже зашло. Едва слышный голосокъ поразилъ меня, какъ поразилъ бы вѣрующаго звукъ, возвѣщающій приближеніе Спасителя.

Да, теперь точно наступила весна; я видѣлъ весеннее солнце въ блаженной улыбкѣ бѣдной страдальцы; я видѣлъ чудное весеннее небо въ ея голубыхъ глазахъ, которые смотрѣли на меня съ такимъ кроткимъ блескомъ, какого я никогда не видывалъ, и потомъ опускались на ребенка.

— Вѣдь это дѣвочка, шептала она, — и ты страшно будешь баловать ее и любить больше, чѣмъ меня; но я не буду ревновать, общаю тебѣ!

А на слѣдующій день солнышко взошло опять, и небо было голубое и птицы щебетали.

— Если погода будетъ стоять все такая, то скоро можно будетъ уѣхать въ Церендорфъ, говорила она, — хорошо, что ты не заключилъ еще условія съ принцемъ; онъ былъ такъ съ нами любезенъ, но все къ лучшему, и я думаю, что ты поговоришь объ этомъ дѣлѣ съ отцемъ. Отчего это отецъ не ѣдетъ? Вѣдь ты писалъ ему....

— Конечно, онъ ужъ вѣрно выѣхалъ; но тебѣ не слѣдуетъ такъ много говорить....

— Я чувствую себя совѣмъ хорошо; мнѣ хотѣлось бы придать своихъ силъ маленькой! Господи! отецъ такой великанъ, а ребенокъ такой крошечный! Но у нея ваши глаза, сударь!

--- Надѣюсь, что ваши, сударыня!

— Почему?

— Потому что въ такомъ случаѣ у нея будутъ лучшіе глаза, какіе только можно желать!

— Лыстецъ! но возвратимся къ Церендорфу: намъ надо оставить его за собою уже ради маленькой, которой необходимъ деревенскій воздухъ, какъ говоритъ докторъ. Ахъ, я воображаю уже, какъ мы будемъ сидѣть подъ большимъ букомъ, который я спасла, потому что на немъ вы вырѣзали свое имя, для другой, сударь, и будете сидѣть съ женою и ребенкомъ совершенно прозаично, по домашнему, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ мечтали о другой — развѣ это не смѣшно?

— Да, да, смѣшно, очень смѣшно; но теперь ты во всякомъ случаѣ должна замолчать.

— Слушаю, повелитель мой.

И при этомъ голубые глаза ея такъ бодро смѣялись, и она была такъ весела, такъ жива, что у меня сердце обливалось кровью, когда я смотрѣлъ на нея и слушалъ ее и, подъ предлогомъ настоятельныхъ дѣлъ, уходилъ отъ нея, чтобы хоронить отца, который сдѣлался самоубійцей изъ страха передъ стыдомъ позорнаго банкротства! День похоронъ былъ чуднымъ весеннимъ днемъ: съ крышъ уже изрѣдка капала вода, потому что солнце и теплый воздухъ высушили сырость; на небѣ, темно-голубого цвѣта, стояли большія, бѣлая облака, а птички серьезно начали заботиться о помѣщеніи для своихъ семействъ въ распускавшихся деревьяхъ; — кто бы не съ надеждою смотрѣлъ при этомъ въ будущее, ожидая что оно будетъ еще лучше? Кто не сбросилъ бы съ себя зимнія заботы при видѣ какъ все оживаетъ и зацвѣтаетъ, но:

Иней покрылъ все въ вѣсеннюю ночь

И покрылъ онъ цвѣты голубые.

Эти грустныя строки народной пѣсни могутъ объяснить вамъ то, что приходилось говорить и мнѣ. Объясненіемъ ихъ могли бы служить двѣ свѣжія могилы, одна большая, а другая совершенно крошечная, лежавшія рядомъ, и вѣнки, положенныя любимой рукой на этихъ могилахъ.

Иней покрылъ все въ вѣсеннюю ночь

И покрылъ онъ цвѣты голубые.

ГЛАВА XXVII.

Только трудъ можетъ сдѣлать насъ свободными!

Въ два послѣдующихъ года я имѣлъ возможность со всѣхъ сторонъ обсудить высочайшее правило мудрости своего учителя!

Трудъ, да, дѣйствительно трудъ сдѣлалъ меня свободнымъ.

Отъ чего?

Во-первыхъ, отъ петель нечестной паутины, въ которую запутала меня связь съ моимъ тестемъ, петель, изъ которыхъ самъ онъ, съ своей стороны, освободился смертью, и изъ которыхъ я могъ освободиться только постепенно, нагибаясь, отстраняясь и приводя дѣла въ порядокъ для того, чтобы не покрыть позоромъ имя человѣка, бывшаго отцемъ моей жены.

На дѣлѣ оказалось, что онъ, какъ отчаянный игрокъ, прежде времени счелъ игру свою проигранной. Впрочемъ я выражаюсь не совсѣмъ такъ. Для него игра была потеряна; ибо то, что одно могло его спасти, могло сдѣлать свободнымъ — какъ спасло меня послѣ того, какъ я принялъ дѣла старика — добросовѣстный, честный, усидчивый трудъ былъ для него невозможенъ. Онъ никогда не предавался труду, никогда не уважалъ его, никогда не вѣрилъ ни въ него, ни въ его могущественные результаты. Когда я съ жаромъ говорилъ ему о будущемъ, которое могло бы освѣтить нашу фабрику, и что изъ пустынныхъ развалинъ, презираемыхъ имъ, можетъ выйти звѣзда жизни и богатства для всей страны, — онъ постоянно лукаво-недовѣрчиво улыбался, называлъ меня мечтателемъ, фантазеромъ, который въ концѣ концовъ обожетъ себѣ пальцы, вынимая своими руками изъ горячей золы каштаны, которые съѣдятъ другіе.

И онъ отвертывался и продолжалъ играть на биржѣ; игралъ акціями, иностранными фондами, спиртомъ, хлопкомъ и Богъ вѣсть еще чѣмъ, какъ игралъ прежде контрабандой и застрахованными судами, пока ему такъ неповезло что онъ увидѣлъ одинъ исходъ: оставить свою жизнь на зеленомъ столѣ.

Я никакъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что стыдъ передо мною, передъ которымъ онъ всегда величался, и передъ которымъ ему пришлось бы покориться и сознаться, что Георгъ былъ правъ, держась своей глупой честности, — этотъ стыдъ, говорю я, увлекъ этого человѣка, не обладавшаго истинной гордостью, а только страшнымъ тщеславіемъ, въ могилу. Онъ зналъ, что я былъ правъ, но мудрость его и соображеніе погибли; погибло могущество, и онъ сталъ завидовать моему преимуществу, тѣмъ болѣе, что я часто и въ шутку и серьезно предсказывалъ ему, что наступитъ новое вре-

мя, время братства, уступокъ, справедливости, обоюдной помощи, и что старый эгоизмъ, съ своими мелкими средствами, съ своими интригами и крючками, не годится болѣе для этого новаго великаго времени.

Можетъ быть, кто нибудь изъ моихъ читателей найдетъ, что я, предсказывая такимъ образомъ, слишкомъ много взялъ на себя, и что это золотое время и теперь, такъ же, какъ и тогда, еще въ рукахъ боговъ.

Но вѣдь я пишу только исторію своей жизни, я передаю свои мысли и впечатлѣнія; вслѣдствіе моего сангвиническаго темперамента, склонявшаго мое міросозерцаніе къ оптимизму, я, можетъ быть, слишкомъ рано обобщалъ отрадные частные случаи, и потому, вѣроятно, несмотря ни на что, моя благочестивая вѣра въ доброкачественность человѣческой природы и въ побѣду всего хорошаго и умнаго въ наше время, нисколько не поколебалась. Прочный успѣхъ въ области промышленности и торговли я видѣлъ только тамъ, гдѣ прилежаніе и честность были руководящими принципами предпріятія.

Но, какъ я сказалъ уже, я пишу только исторію своей жизни, научившей меня тому, а не другому, и никогда не учившей меня такъ настоятельно, какъ именно въ тотъ періодъ, о которомъ я говорю. И будь я самымъ глубокимъ пессимистомъ, самымъ желчнымъ человѣко-ненавистникомъ, меня сдѣлали бы другимъ и лучшимъ доказательствомъ любви, доброты и готовности помочь, со всѣхъ сторонъ сыпавшіяся на меня.

Со всѣхъ сторонъ, даже съ такихъ, о которыхъ я никакъ и не думалъ!

Напримѣръ, я не думалъ о старикѣ, котораго я часто видѣлъ во время постройки новой фабрики у палисадника, отдѣлявшаго постройку отъ заднихъ садовъ,—старикѣ, въ халатѣ и туфляхъ, въ черной шапочкѣ на лысой головѣ и съ длинной трубкой въ беззубомъ ртѣ, съ которымъ я перекидывался иногда дружескими словами, не зная и не спрашивая кто онъ такой. Этотъ старикъ пришелъ ко мнѣ въ первые же дни постигшаго меня домашняго и торговаго несчастія и рекомендовался капиталистомъ Веберомъ, прежнимъ

владѣтелемъ мѣста постройки; онъ объяснилъ мнѣ, что слышалъ, будто дѣла покойнаго моего тестя находятся не въ блестящемъ положеніи и потому онъ пришелъ сказать мнѣ, что я могу не спѣшить относительно уплаты,—тесть сказалъ, мнѣ, что за мѣсто заплачено все до послѣдней полушки,—что онъ знаетъ, въ какомъ я затруднительномъ положеніи, и что, несмотря на это положеніе, я все-таки не побоялся взяться за дѣло; что старику онъ не далъ бы и гроша, но дѣятельному молодому человѣку, какимъ онъ меня считаетъ, онъ можетъ дать тыщонку другую талеровъ, двадцать или сорокъ, смотря по надобности, и если мнѣ они нужны, то я могу прійти за ними, когда мнѣ угодно.

А дня черезъ два пришло письмо крупнаго, почти дѣтскаго почерка съ страшными орфографическими ошибками отъ добраго Ганса, въ которомъ говорилось, что у него еще осталось порядочно отъ наслѣдства послѣ матери, которыхъ онъ можетъ свободно распорядиться, и что онъ предлагаетъ все до послѣдней полушки къ моимъ услугамъ. Но такъ какъ деньги эти ему нельзя получить тотчасъ, то онъ сдѣлалъ обыскъ у себя въ конторкѣ и по карманамъ, оказавшійся весьма удачнымъ, и онъ ждетъ, что я, ради дружбы къ нему, позволю ему прислать пока эти деньги. Наконецъ, такъ какъ я знаю, что онъ вовсе не такой плохой хозяинъ, какимъ кажется, то позволилъ бы ему пріѣзжать раза два въ день въ Церендорфъ, и присматривать тамъ за порядкомъ, и что этимъ я окажу истинное благодѣяніе и ему и его коню.

Конечно мнѣ нечего и упоминать, что тутъ добрый докторъ въ третій разъ предложилъ мнѣ свое состояніе. Но все это меня тронуло менѣе и повліяло меньше на мое будущее, чѣмъ предложеніе, сдѣланное мнѣ депутаціей отъ имени всѣхъ работниковъ фабрики, за которую говорилъ господинъ Роландъ. Работники слышали, будто дѣла были не такъ хороши, какъ бы слѣдовало, и что фабрику грозитъ опасность перейти въ другія руки. Возможность этого несчастія на всѣхъ ихъ навела ужасъ, и потому они всѣ рѣшились отстранить ее, насколько достанетъ у нихъ силъ. Вслѣдствіе этого они спрашивали меня: не облегчится ли мое затруднительное положеніе, если всѣ до одинаго человѣка откажутся

отъ части своего жалованья до тѣхъ поръ, пока опасность не минуетъ и пока я не буду въ состояніи возратить имъ задержанную часть, не считая меня, однакожъ, обязаннымъ заплатить ее, если не будетъ ожидаемаго успѣха?

Долго не могъ я преодолѣть своего волненія, чтобы отвѣтить имъ, и наконецъ сказалъ, что отказываюсь отъ ихъ искренняго предложенія, не потому, что стыжусь быть обязаннымъ своимъ товарищамъ, но потому, что я, благодаря помощи, подоспѣвшей съ другихъ сторонъ, могу исполнить свои обязательства къ нимъ. Но что въ головѣ у меня есть нѣчто другое. И тутъ я объяснилъ своимъ товарищамъ планъ свой, уже давно обдуманнй нами съ докторомъ и Клаусомъ, планъ устройства своихъ отношеній къ рабочимъ, по образцу, испытанному уже въ Англии, по которому каждый рабочій, по мѣрѣ своего труда, долженъ быть участникомъ въ барышахъ съ предпріятія; но что время неизвѣстности и кризиса никакъ не можетъ быть удобнымъ для приведенія въ исполненіе этого проэкта, хотя я рѣшился тверже, чѣмъ когда либо выдержать это время и что, можетъ быть, въ теченіи года въ состояніи буду сдержать свое слово.

Дѣйствительно, ранѣе чѣмъ черезъ годъ я былъ въ состояніи сдержать его.

Этого мало: счастье покровительствовало мнѣ и въ другихъ дѣлахъ. Я готовъ былъ отдать все, только бы удержать Церендорфъ, и онъ дѣйствительно остался у меня въ рукахъ, такъ что мнѣ не пришлось бросать ни одного изъ полезныхъ предпріятіи, начатыхъ тамъ. Напротивъ, все находилось въ цвѣтущемъ положеніи, и кромѣ того я чрезвычайно удачно началъ новое, большое дѣло: осушку громаднаго болота! Имѣніе стоило теперь если еще не ту цѣну, какую требовалъ за него коммерціи совѣтникъ, то все-таки почти ту, что добровольно предлагалъ мнѣ великодушный молодой принцъ за нѣсколько часовъ до его смерти. Я не могъ безъ грусти смотрѣть на письмо, написанное имъ въ тотъ вечеръ, еще до моего второго прихода, въ которомъ онъ предлагалъ мнѣ свой кредитъ гораздо болѣе, чѣмъ на эту сумму. Что случилось съ другимъ письмомъ, писаннымъ имъ на случай, если

онъ погибнетъ на дуэли, и въ которомъ онъ просилъ отца исполнить его общаніе? Безъ сомнѣнія, оно никогда не попало въ тѣ руки, въ которыя назначалось, такъ какъ старый принцъ, нѣсколькими годами пережившій сына, былъ человѣкъ великодушный и благородный, и уже изъ уваженія къ памяти несчастнаго своего сына исполнилъ бы его послѣднюю волю. Нечестность людей, удержавшихъ письмо, послужила мнѣ спасеніемъ. Въ первые дни нужды и смутенія, я по первому требованію отдалъ бы имѣніе, но такъ какъ никто его отъ меня не требовалъ, а самъ я не хотѣлъ дарить его за четверть цѣны господину Гранофу, то я принужденъ былъ удержать его, и могъ удержать, благодаря великодушной поддержкѣ моего добраго Ганса и... почему же не сказать мнѣ, благодаря честному труду, употребленному мною на него.

Труду я обязанъ еще большимъ. Какъ онъ освободилъ меня отъ тяжести обязательствъ, наваленныхъ на мои плечи моимъ тестемъ, такъ онъ облачилъ меня въ броню противъ острыхъ стрѣлъ, разрывавшихъ мое сердце горемъ отъ потери милой жены и ребенка. Конечно, горе осталось подъ твердой оболочкой кажущейся безчувственности; но слезы уже не такъ жгли меня, когда я проливалъ ихъ по вечерамъ послѣ дневного труда, приходя въ свою уединенную комнату, или когда, проснувшись ночью, не видѣлъ уже никого подлѣ себя; эти слезы были краткія и лились не столько о своей собственной потерѣ, какъ о томъ, что столько силы, столько живости, веселья, столько смѣлости, отваги погибли до времени. И въ этомъ горѣ было нѣчто въ родѣ утѣшенія. Такъ какъ отецъ ея никого въ жизни не любилъ, кромѣ нея, то и она, съ своей стороны, любила его, хотя онъ часто задѣвалъ своей низостью гордую и стойкую женщину. Смерть его, причины которой нельзя было бы скрыть отъ нея по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, страшно бы поразила ее, и какъ бы приняла она въ то время нужду, относительныя лишенія и разныя случайности, — она, съ ранняго дѣтства привыкшая считать жизнь праздникомъ, и только по наслышкѣ знавшая борьбу и лишеніе! Какъ перенесла бы она, что мужъ ея, которымъ она гордилась, и котораго ставила высоко надъ всѣми людьми, сталъ должникомъ своихъ друзей! И могла ли бы она искренно

радоваться осуществленію моего плана по устройству участи рабочихъ! Чтобы она подумала, когда бы узнала, что отнынѣ на нашей фабрикѣ не могло уже быть рѣчи о хозяинѣ и рабочихъ, что всѣ мы равны какъ работники въ дѣлѣ, гдѣ хозяинъ—первый рабочий! Съумѣла ли бы она сжиться съ такими обстоятельствами? Конечно! вѣдь любовь ея ко мнѣ была сильнѣе ея гордости и упрямства!

Да, она сжилась бы съ этимъ, потому что была умна, и могла бы очень ловко сыграть роль, еслибъ считала это необходимымъ; но сочувствовать отъ всего сердца она бы никогда не могла, и эта мысль легла тѣнью на ея предестинный образъ, и ничто не могло уничтожить ее. Мнѣ приходилось говорить себѣ, что я, можетъ быть, остался бы одинокимъ въ своихъ самыхъ дорогихъ и священныхъ стремленіяхъ.

Одинокимъ!

Не знаю, существуютъ ли люди, которые могутъ вынести сознание одиночества, но знаю только то, что я не принадлежу къ ихъ числу. А я въ первый разъ послѣ многихъ, многихъ лѣтъ былъ одинокъ, гораздо болѣе одинокъ, чѣмъ въ то время, какъ я жилъ и учился въ ветхомъ домикѣ посреди развалинъ. Тогда товарищемъ моимъ было по крайней мѣрѣ будущее, теперь же будущее это лежало уже за мною, какъ прошедшее, невозвратно погибшее! Я называлъ себя неблагодарнымъ, развѣ мало оставалось у меня изъ моихъ друзей, изъ моихъ вѣрныхъ друзей! Вотъ добрый докторъ Снелліусъ, вотъ славный Клаусъ, на островѣ жилъ мой старый, честный Гансъ, и даже добрая фрейленъ Дуффъ могла бы быть со мною, если родственники ея въ Саксоніи, съ которыми она теперь жила, могли обойтись безъ нея. Но прежде всего у меня были Куртъ и Бенно, ставшіе красивыми молодыми людьми, которыхъ въ шутку я называлъ своей защитой и опорой.

И въ шутку и серьезно, такъ какъ Куртъ сдѣлался въ эти года душою технического бюро, и превосходство его признавалось всѣми, даже господиномъ Виндфангомъ, а Бенно, занимавшійся и по собственной склонности и въ угоду мнѣ сельскимъ хозяйствомъ, такъ съумѣлъ примѣнить въ Церендорфѣ свои познанія въ естественнѣденіи, что удивлялъ всѣхъ, сколько нибудь понимавшихъ дѣло.

Дѣйствительно, въ друзьяхъ недостатка у меня не было; и было бы неблагодарностью, чистѣйшею неблагодарностью говорить объ одиночествѣ, и я не говорилъ о немъ; но я былъ одинокъ, чувствовалъ себя одинокимъ, и трудъ не могъ уничтожить этого чувства; и даже трудъ какъ будто усиливалъ его.

— Вы слишкомъ много работаете, сказалъ докторъ,—этого наконецъ не выдержать даже и такая крѣпкая натура, какъ ваша. Вамъ надо на время бросить дѣла, поѣхать куда нибудь, развлечься. Вѣдь вы давно хотѣли съѣздить въ Бельгію, въ Англію. Брунелей и Стефенсоновъ надо изучать на мѣстѣ, какъ Рафаэлей и Микель Анжело. Только не заживайтесь тамъ такъ долго, какъ Паула.

Докторъ, казалось, испугался этого соединенія моего имени съ именемъ Паулы, по крайней мѣрѣ онъ съ какимъ-то особеннымъ шипѣніемъ настроился ниже, недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня черезъ свои круглые очки, и сказалъ, какъ бы отвѣчая на мой вопросъ:

— Она совершенно здорова, она пишетъ мнѣ изъ Мерана....

И докторъ по своему обыкновенію началъ искать письма.

— Изъ Мерана? спросилъ я;— давно ли она тамъ?

— Дайте-ка я посмотрю.... съ недѣлю. Я считалъ полезнымъ для нея пробыть тамъ немного, такъ какъ итальянскій климатъ въ концѣ концовъ оказался для нея не вполне здоровымъ....

— Кажется, докторъ, вы только-что говорили, что она совершенно здорова?

— Ну да, то есть.... я думаю.... понятно, что здорова; но такъ будетъ лучше, и вѣдь она пробыла тамъ довольно долго; Оскаръ остался въ Римѣ.... но развѣ Куртъ не говорилъ вамъ этого?

— Ни слова, и я заключаю изъ этого, что онъ и самъ ничего не знаетъ. Вѣдь Паула переписывается почти-что только съ вами одними.

— Да, да, конечно, сказалъ докторъ, — и поэтому право я чувствую себя обязаннымъ прочитать хоть какое нибудь изъ ея писемъ, вамъ или братьямъ; но чортъ ихъ знаетъ, куда они пропастились....

И докторъ снова хватался за боковой карманъ, потомужъ какъ бы въ отчаян'и нахлобучивалъ шляпу на свою лысую голову и убѣгалъ, снова оставляя меня въ полной неизвѣстности относительно содержанія писемъ Паулы, которыхъ онъ вѣчно тщетно искалъ у себя по карманамъ.

Не было никакого сомнѣн'я, что содержаніе ихъ касалось или прямо или косвенно меня; потому что иначе къ чему было бы ему такъ тщательно скрывать ихъ отъ меня? Но больше ни въ чемъ не былъ я увѣренъ, во всемъ остальномъ я сознавалъ съ глубокой грустью, что не знаю болѣе Паулы, и что она сама виновата въ этомъ, что все это — результатъ ея поведенія со мною, и что теперь она мнѣ болѣе не дорогой другъ, не сестра, какъ часто называла себя, а чужая и загадка. Почему? Я не зналъ и не могъ понять. Развѣ это было преступленіемъ, что я когда-то любилъ ее всѣми силами своей юной, полной надежды и вѣры души, что любовь моя обращалась на нее такъ часто при различныхъ обстоятельствахъ и въ различныхъ видахъ, какъ корабль лишенный руля и якоря и носимый по морю? Развѣ это было преступленіемъ, что я, несмотря на любовь свою къ Гермини, не могъ забыть ее, хотя зналъ, что она на вѣки останется вдалькѣ отъ меня, и что мнѣ всегда придется созерцать ее, какъ звѣзду на небѣ? Неужели мнѣ надо было такъ тяжело выкупать то, что казалось мнѣ столь же естественнымъ, какъ дыханіе? Неужели за это исключила она меня изъ своего сердца, гдѣ прежде я гордо такъ жилъ? Недозволять мнѣ принимать участіе въ ея надеждахъ, планахъ, желаніяхъ, ея торжествахъ или даже, можетъ быть, ошибкахъ? Неужели она вслѣдствіе этого отказалась отъ искренняго участія, какое прежде принимала во мнѣ, отказалась даже въ такое время, когда всѣ друзья спѣшили помочь мнѣ совѣтомъ и дѣломъ, а отъ нея я дождался только нѣсколькихъ строчекъ, писанныхъ ею изъ Рима. Въ нихъ она выражала симпатію, въ которой не отказываютъ, въ подобныхъ случаяхъ, даже самымъ далекимъ знакомымъ.

Да, я сталъ для нея чужимъ; а иначе я слышалъ бы ея нѣжный голосъ въ страшную ночь, окружавшую меня послѣ смерти Гермини. И она стала для меня чужой. Я зналъ объ ней только

немного болѣе равнодушныхъ зрителей, рядомъ съ которыми я на выставкѣ стоялъ передъ ея картинами. Я не зналъ точно также, какъ и они, почему она, свѣжій и сильный талантъ которой такъ плѣнилъ всѣхъ въ ея первыхъ картинахъ, выбирала съ нѣкотораго времени только меланхолическіе сюжеты. Она рисовала пустынные части Кампаніи, гдѣ между развалинами минувшаго великолѣпія печальные пастухи пасли своихъ возъ, рисовала пейзажи калабрійскихъ береговъ, гдѣ палящее солнце безпощадно жгло голыя зубчатыя скалы, и одиночество и заустѣніе поражали зрителя. Какъ эти сюжеты, и еще болѣе серьезные и грустные, совпадали съ веселымъ настроеніемъ, въ какомъ Паула, по словамъ доктора, находилась постоянно?

— Такъ рисовать можетъ только тотъ, кто глубоко несчастливъ, говорила разъ одна дама въ траурѣ своему кавалеру, стоя передъ одной изъ этихъ картинъ.

— Въ послѣднее время она пятилась только назадъ, говорилъ въ другой разъ одинъ критикъ, на сужденіе котораго обращалъ вниманіе весь городъ.—Такія картины нравятся потому, что льстятъ извѣстному пессимистическому направленію, подавляющему большинство людей нашего времени, но я не нахожу въ нихъ широты взгляда; это, можно сказать, эгоистическое горе, силой вложенное тутъ въ природу, да и относительно исполненія можно многое сказать, посмотрите вотъ здѣсь и здѣсь—и критикъ указывалъ на различныя мѣста, которыя онъ называлъ слабыми.—Младшій братъ ея—сила иного рода, продолжалъ критикъ.—Видѣли вы его акварели? Чортъ возьми! Это огонь и жизнь. А онъ, говорятъ, еще совсѣмъ мальчикъ! Когда нибудь онъ будетъ нашимъ Матадоромъ. Вспомните мое предсказаніе.

Но, вѣжеться, относительно произведеній Паулы, публика не соглашалась съ мнѣніемъ критика, по крайней мѣрѣ изъ-за картинъ ея чуть не дрались и платили за нихъ большія деньги; я, съ своей стороны, не довѣрялъ своему сужденію; я зналъ только, что если Паула постоянно была такъ счастлива, какъ утверждалъ докторъ, то она странно выражала это счастье.

Разговоръ, въ которомъ докторъ сообщилъ мнѣ, что Паула на-

ходила съ своею матерью въ Меранъ, происходилъ въ февралѣ, почти черезъ два года послѣ моего несчастія. Въ началѣ лѣта, я снова услышалъ отъ доктора, что она путешествуетъ по Тиролю; а потомъ, немного спустя, она проведетъ остатокъ лѣта въ Тюрингенѣ.

— Она все приближается и приближается, сказалъ докторъ, — не поѣдете ли вы теперь въ Англию, какъ давно уже предполагали?

— Кажется, будто я долженъ отпраздновать возвращеніе Паулы своимъ отсутствіемъ, сказалъ я, пристально глядя въ очки доктора.

— Не знаю, какъ вы пришли къ такому странному заключенію, сказалъ докторъ.

— А я не знаю, какъ объяснить желаніе ваше, чтобы я уѣхалъ отсюда, когда Паула ѣдетъ сюда.

— Вы недогадливы, сказалъ докторъ.

Недѣли черезъ двѣ, вечеромъ, онъ неожиданно объявилъ мнѣ, что ѣдетъ на слѣдующій день утромъ въ И., тюрингенскій городокъ, гдѣ остановилась Паула. Что здоровье ея, кажется, не такъ хорошо, какъ бы онъ желалъ, хотя она пишетъ такъ же весело, какъ всегда—тутъ докторъ схватился за боковой карманъ—но все-таки ему лучше посмотрѣть самому; вѣдь туда можно рукой подать, и онъ думаетъ на слѣдующій же день вернуться.

— Возвращайтесь вмѣстѣ съ нею, сказалъ я, — можетъ быть, Паула желаетъ пробыть тутъ нѣкоторое время.

Докторъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— Я сдѣлалъ бы и вамъ и ей удовольствіе не быть здѣсь при ея возвращеніи, продолжалъ я, — но право я не могу теперь на долго оставлять фабрику; и, можетъ быть, достаточно будетъ, если вы скажете ей, что въ теченіи этого года я много выстрадалъ и многому научился, такъ, напримѣръ, научился, говоря вашими словами, любезный другъ, жить съ половиною сердца. Можете вы сказать ей это?

Я старался какъ можно тверже проговорить эту рѣчь, но не могъ; при послѣднихъ словахъ голосъ у меня задрожалъ и задрожала немного рука, которую докторъ держалъ въ своихъ маленькихъ

нѣжныхъ рукахъ, не спуская своихъ круглыхъ очковъ съ моихъ глазъ и лба.

— Можете? съ смущеніемъ повторилъ я.

— Чорта могу я! вскричалъ докторъ, вдругъ выпустивъ мою руку, и снова толкнулъ меня на стулъ, съ котораго я всталъ. Онъ забѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ наконецъ оставился передо мною, и заговорилъ чуть не дискантомъ.

— Чорта могу я! Надоѣли мнѣ эти прятки, надо кончить ихъ во что бы то ни стало. Извѣстно ли вамъ, сударь, что Паула любитъ васъ, или неизвѣстно? Знаете ли вы, что она любитъ васъ уже не одинъ годъ, или не знаете? Что она полюбила васъ съ той минуты, какъ вы спасли отца ея отъ топора того негодяя—какъ бишь его звали? Что она выросла съ любовью къ вамъ изъ ребенка, какимъ вы ее знали, въ дѣвучку? и что съ тѣхъ поръ не было и часа въ ея жизни, когда бы она не любила васъ, и всего болѣе въ то время, когда вы всего менѣе воображали, что васъ любятъ; напримѣръ, тогда, какъ вы, безмозглый мамонтъ, думали, что она интересуется Артуромъ, котораго она дразнила вами и спрашивала, хорошо ли и прилично ли дочери директора острога заполнить на всю жизнь молодого, неопытнаго человѣка, присужденнаго всего на семь лѣтъ? Знаете ли вы, сударь, чего стоило бѣдной дѣвучкѣ не высказать своей любви? Чего стоило ей быть вашей сестрой, и вѣчно только сестрой. И поступала она такъ для того, чтобы не связать вамъ рукъ, чтобы вы могли бодро стремиться ко всему высокому и прекрасному, и подняться на лѣстницу, на верхушкѣ которой великодушная дѣвушка желала видѣть своего возлюбленнаго? Чего стоило ей послать васъ въ Церендорфъ для того, чтобы вы взяли себѣ тамъ жену, которую она назначила вамъ? Чего стоило ей улыбаться на ваше счастье? И чего стоило ей, наконецъ, не быть съ вами послѣ вашего несчастія, и не имѣть возможности сказать вамъ: возьми мою кровь, мою жизнь, — все это твое? Спрашиваю васъ въ послѣдній разъ: знаете ли вы это, сударь, или не знаете? .

Докторъ увлекся до такой степени, что поднялся на такой высокій регистръ, съ котораго спуститься не было уже никакой воз-

можности. Поэтому спуститься онъ уже и не пробовалъ, а, снявъ очки, злобно устремилъ на меня свои темные, блестящіе глаза, потомъ снова надѣлъ очки, нахлобучилъ шляпу до самыхъ ушей на лысый свой черепъ, быстро повернулся на каблукахъ и направился къ двери.

Я двумя прыжками догналъ его.

— Докторъ, сказалъ я, схвативъ его за руку, — что если бы я поѣхалъ завтра утромъ вмѣсто васъ?

— Дѣлайте, что хотите! крикнулъ докторъ, выбѣжавъ изъ комнаты и хлопнувъ за собою дверь.

ГЛАВА XXVIII.

Въ жизни бываетъ дни, о которыхъ вспоминаешь, какъ о блаженномъ снѣ, незнающемъ ни земныхъ скорбей, ни земныхъ предѣловъ, и гдѣ мы, какъ орлы, могущественно и высоко паримъ надъ всеми маленькими, жалкими препятствіями, вообще часто задерживающими нашу ногу.

Такъ чудно хорошъ былъ день, когда я совершалъ знаменательнѣйшую поѣздку въ своей жизни: это былъ лѣтній день, ясный, безоблачный, пропитанный бальзамическимъ запахомъ листвъ, ударившимъ мнѣ въ лицо, когда поѣздъ мчалъ съ быстротою молніи по прелестной тюрингенской мѣстности. Это была первая моя поѣздка въ жизни, по крайней мѣрѣ первая не по дѣламъ, и первая изъ моей сѣверной родины въ мѣстность средней Германіи. Новизна природы, вѣроятно, содѣйствовала тому, что все мнѣ казалось вдвое лучше и пріятнѣе; я не могъ насмотрѣться на прелестныя ливні на холмахъ, на острые утесы, увѣчанныя развалившимися замками, у подножія которыхъ ясныя воды змѣями ползли къ рѣкамъ, на цвѣтушіе луга, гдѣ ярко-зеленыя деревья обозначали потоки серебристыхъ источниковъ. День былъ не праздничный, но все приняло праздничный видъ, даже люди, одиноко работавшіе на поляхъ, и останавливавшіеся, чтобы взгля-

нуть на летѣвшій поѣздъ, или толпившіеся на многолюдныхъ станціяхъ. Мнѣ казалось, будто все ѣхали только ради удовольствія, и что въ такой чудный день даже прощаніе не такъ тяжело. А встрѣчи-то! радостныя лица, пожатія рубъ, поцѣлуи и объятія! Все подобныя сцены наблюдалъ я съ напряженнымъ вниманіемъ и съ волненіемъ, какъ будто все это касалось меня специально.

Такимъ образомъ пріѣхалъ я послѣ обѣда въ Э., гдѣ вышелъ изъ вагона, и, чтобы доѣхать до И., взялъ одну изъ многихъ каретъ, стоявшихъ у станціи. Вскорѣ мы выѣхали изъ равнины въ долину, шедшую по холмамъ и извилинамъ „въ лѣсъ“. Поѣздъ длился нѣсколько часовъ, и солнце склонялось уже къ вечеру, когда мы тихо поднимались на гору, на самую трудную и послѣднюю, по словамъ кучера. Оба мы вышли изъ экипажа и шли по объѣмъ сторонамъ высокихъ массивныхъ лошадей, съ которыхъ мы сгоняли сосновыми вѣтвями мухъ и оводовъ.

— Стой сказалъ кучеръ. Лошади остановились.

Мы доѣхали до вершины горы, и конямъ надо было дать вздохнуть.

— Это наша гордость, сказалъ кучеръ, видя, что я съ удивленіемъ смотрѣлъ на старый дубъ, стоявшій на лужайкѣ посреди сосноваго лѣса, и мощно растянувшій свои старые сучья по голубому небу. — Это чудо! продолжалъ онъ съ гордостью, — путешественники безпрестанно пріѣзжаютъ посмотреть на него и часто его срисовываютъ! вотъ и на этихъ дняхъ его рисовала барышня, что пріѣхала къ намъ двѣ недѣли тому назадъ. Я самъ возилъ ее сюда и часто возу.

Во время этого пути я такъ призадумался, что противъ обыкновенія мало говорилъ съ кучеромъ, и едва даже взглянулъ на него, а теперь мнѣ вдругъ показалось, будто мы съ нимъ старые знакомые, и что у насъ самыя тѣсныя, общіе интересы. Я спросилъ его, какъ зовутъ эту барышню, хотя не сомнѣвался, что онъ говоритъ о Паулѣ, а между тѣмъ испугался, когда онъ произнесъ ея имя, показавшееся мнѣ страннымъ въ его устахъ. Послѣ этого кучеръ, какъ бы искавшій только предлога, сталъ разговорчивъ, и пока мы мчались внизъ съ горы, онъ, повернувшись ко

миѣ черезъ плечо, рассказывалъ многое о фрейленъ и старой дамѣ. ея слѣпой матери. узнающей всѣхъ по голосу, и о старикѣ съ орлинымъ носомъ и длинными сѣдыми усами и курчавыми сѣдыми волосами, который въ сущности слуга, но съ которыми господа обращаются какъ съ равнымъ, что вчера пріѣхалъ еще молодой человѣкъ, съ загорѣлымъ лицомъ, съ черными, блестящими глазами и длинными темными волосами, вѣроятно братъ фрейленъ, тоже художникъ.

Карета давно подсакивала по мостовой городка, когда болтуны все еще рассказывалъ о Паулѣ и ея семействѣ. Я сказалъ ему, что пріѣхалъ къ этимъ самымъ дамамъ, и чтобы онъ везъ меня въ тотъ отель, гдѣ онѣ живутъ. Экипажъ остановился. Оберкельнеръ и два подростка лакея выскочили изъ дверей; два молодца, бывшіе вѣроятно проводниками, подошли посмотриѣть проѣзжающаго. Я такъ былъ взволнованъ, что едва могъ спросить, могу ли имѣть тутъ комнату, и дома ли ктонибудь изъ господъ.

Комната для меня была, но изъ господъ никого не было дома: сама старая дама пошла гулять съ молодымъ человѣкомъ, а фрейленъ отправилась съ господиномъ Эюмильхомъ въ горы; она каждый день ходитъ въ горы, гдѣ рисуетъ и возвращается послѣ заката солнца.

— И вы знаете мѣсто, гдѣ она теперь находится?

— Конечно знаемъ, вотъ этотъ мальчикъ часто носить туда вещи; слушай, Карлъ, знаешь, гдѣ рисуетъ фрейленъ?

— Разумѣется, приважете проводить туда?

— Да, сказалъ я и повернулся чтобы идти.

— Вамъ сударь нечего торопиться, вскричалъ миѣ вслѣдъ заботливый кельнеръ, — вы въ полчаса будете тамъ.

Маленькій проводникъ мой побѣжалъ впередъ; я шелъ за нимъ по усаженной липами маленькой улицѣ городка, гдѣ передъ дверьми сидѣли тамъ и сямъ пріѣхавшіе на воды путешественники, и вышелъ въ поля, освѣщенныя вечернимъ солнцемъ, а потомъ въ лѣсъ, окружившій насъ прохладнымъ полумракомъ. Мы шли широкой дорогой, поднимавшейся частью очень круто, и пересѣкавшей маленькія лужайки, но вообще окруженной съ обѣихъ сторонъ прекрас-

нымъ лѣсомъ. Въ лѣсу было замѣчательно тихо и прохладно; вѣтру не было совершенно, и только изрѣдка чирикали птички; сверху смотрѣло на меня голубое небо, и мнѣ казалось, будто я восхожу такимъ образомъ къ нему. Во всю дорогу никто съ нами не встрѣтился; и только когда мы наверху свернули вправо съ большой дороги въ лѣсъ и дошли до площадки, гдѣ былъ домъ лѣсника, то тамъ, на скамейкѣ, сидѣли два человѣка и пили пиво. Протѣвъ того мѣста, куда мы вышли, изъ лѣса появился человѣкъ, сзади котораго мальчикъ несъ принадлежности для рисованья. Я тотчасъ же узналъ вахмистра, а маленькій проводникъ сказалъ мнѣ, что вещи несетъ братъ его Гансъ, и что они идутъ съ того мѣста, гдѣ рисовала фрейленъ, что до той площадки не болѣе пяти минутъ ходьбы, и что надо идти все прямо по той дорогѣ, откуда вышли господинъ вахмистръ и Гансъ.

Старый другъ мой заговорился съ мальчикомъ и не замѣтилъ меня, что мнѣ было очень пріятно, такъ какъ я чувствовалъ, что не въ состояніи поздороваться съ нимъ. Я сдѣлалъ знакъ своему проводнику, чтобы онъ остановился, и пошелъ прямо по тому направленію, которое онъ указалъ мнѣ.

Это была дорожка, поросшая рѣдкой, короткой травой, по которой нога ступала не слышно, а сосны, стоявшія по окраинамъ ея, были такъ густы, что почти образовали надъ нею сводъ, и едва пропускали то тамъ, то сямъ пунцовые вечерніе лучи. При этомъ дорожка постоянно вела въ гору, а я шель, не сознавая, что иду, шель какъ бы во снѣ. Вся душа моя наполнилась какимъ-то ожиданіемъ, какой-то радостной боязнью. Такъ вѣроятно чувствуетъ безсмертная душа, готовящаяся явиться передъ своимъ судьей, и которая, несмотря на боязнь свою, знаетъ, что этотъ судья есть сама милость.

Съ каждымъ шагомъ передо мною становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, и вдругъ я вышелъ изъ чащи на склонѣ горы, которая вправо шла крутымъ спускомъ, а влѣво къ западу спускалась большой долиной, заросшей лѣсомъ; надъ долиной же поднимались высоко террасами горы. Солнце почти уже закатилось, но свѣтъ отъ него еще падалъ слабо на легкія облачка, нависшія надъ го-

рами. За нѣсколько шаговъ отъ меня стояла женская фигура, освѣщенная этимъ же вечернимъ свѣтомъ. Она стояла у утеса, покрытаго мхомъ, и опиралась о него правой рукой, а въ лѣвой лѣниво держала соломенную шляпу съ широкими полями. Она пристально смотрѣла на вечернюю зарю, и чудныя черты ея освѣщались закатомъ.

Она не видала и не слыхала меня, потому что мягкая мурава заглушала мои шаги. Я хотѣлъ крикнуть: „Паула“, но не могъ. Вдругъ лицо ея тихо обернулось ко мнѣ, и глядѣло на меня большими, умными глазами. Ни одна черта въ лицѣ ея не измѣнилась, какъ будто она надѣялась увидѣть меня, и какъ будто своимъ страстнымъ желаніемъ сама вызвала мое появленіе. А когда я протянулъ руки и проговорилъ: „Паула, милая Паула!“ по лицу ея пробѣжало точно небесное сіяніе, и она, тихо вскрикнувъ, бросилась ко мнѣ на грудь, сильно и страстно рыдая, какъ будто всѣ ея страданія ждали только этой минуты, чтобъ вырваться наружу.

Что я говорилъ, что она говорила, пока мы стояли тамъ наверху, и съ неба пропадали одна яркая тѣнь за другою — теперь я уже не помню.

А потомъ пошли мы назадъ по тихому лѣсу, рука объ руку, по другой дорогѣ, а не по той, по которой привелъ меня мальчикъ. Эта дорога вела внизъ по мягкой травѣ такъ, что мы видѣли долину, потомъ пошли черезъ буковый лѣсъ, гдѣ было такъ темно, что Паула заботливо вела меня за руку, хотя я видѣлъ тропинку совершенно ясно, пока не вышли снова на свѣтлое мѣсто и не увидали передъ собою долины, но уже покрытой мглою, такъ что я думалъ, что дорога внизъ будетъ длиннѣе, а она показалась мнѣ такой короткой, такой короткой! Могло ли быть иначе! Развѣ я не зналъ, что пойду съ нею рука объ руку всю жизнь, пока судьба удержитъ насъ на землѣ, желая, чтобы ея послѣдній день былъ и моимъ послѣднимъ днемъ!

Потомъ, помню я, какъ мы, то есть: мать, Паула, Оскаръ и я, сидѣли въ бесѣдкѣ передъ отелемъ, за накрытымъ столомъ и свѣтъ, падавшій отъ свѣчи, освѣщавъ кроткія черты слѣпой, гла-

дившей иногда своей мягкой рукой мою руку, милое лицо Паулы, сіявшее истиннымъ счастьемъ, прелестное, молодое лицо Оскара, черные глаза котораго блестяли въ то время, когда онъ рассказывалъ, что получилъ большой заказъ отъ одного молодого англійскаго лорда, съ которымъ познакомился въ Римѣ, нарисовать фрески въ замкѣ его свѣтлости въ гористой Шотландіи, но что онъ, до отъѣзда туда, хотѣлъ посоветоваться и поговорить съ сестрою, и при этомъ юноша встряхиваетъ своими длинными волосами, и отбрасываетъ ихъ назадъ, потомъ поднимаетъ полный стаканъ свой и пьетъ его за наше здоровье. Мать пріятно улыбается, а при звукѣ нашихъ стакановъ, когда мы чокаемся, у входа въ бесѣдку показывается голова съ старыми усами и сѣдыми кудрями, которая играетъ такую важную роль въ исторіи искусства.

Потомъ стою я у открытаго окна своей комнаты и слушаю шумъ западнаго вѣтра въ деревьяхъ и журчанье ключа передъ отелемъ, а взоры мои устремляются на звѣзду, ярче другихъ блестящую на темномъ небѣ.

И старая грусть глубоко пронизываетъ мое сердце, и глаза наполняются слезами.

Но когда я снова поднимаю ихъ, звѣзда горитъ еще ярче прежняго, какъ будто бы это — око, съ любовью привѣтствующее меня изъ области святыхъ.

ГЛАВА XXIX.

Я дошелъ въ исторіи своей жизни до того поворота, которымъ намѣреваюсь окончить свое повѣствованіе. Многимъ не понравится такое окончаніе, но я и прежде говорилъ себѣ, и теперь скажу, что нельзя же угодить всѣмъ одинаково. Нѣкоторые найдутъ, что исторія эта вписана не очень гладко, но что, за неизмѣнимъ лучшей, можно было бы съ удовольствіемъ прочесть ее, еслибъ прибавить къ ней еще сотни двѣ страницы, а нѣкоторые — люди опытные — скажутъ, что интересъ начинается именно съ того пункта, на которомъ я

прерываю свое жизнеописаніе. Исторіи юности похожи на дѣтскія болѣзни, всякій долженъ пережить ихъ и потому въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго; и только когда совершенно развитый человѣкъ вступаетъ въ жизнь и на дѣлѣ принимаетъ участіе въ разрѣшеніи политическихъ задачъ, или когда онъ, какъ частный человѣкъ, имѣетъ возможность выказать свой характеръ въ столкновеніяхъ, постоянно встрѣчающихся въ бракѣ, или въ отношеніяхъ отца къ дѣтямъ, никогда небывающихся безъ неудовольствій — тогда только онъ заслуживаетъ, можетъ быть...

Я чувствую, какъ тяжела такая задача; но я и не ожидалъ, что ужогу всѣмъ. Ты теперь, любезный читатель, сталъ моимъ истиннымъ другомъ, — а иначе ты не могъ бы дочитать меня до этого мѣста — для тебя одного писалъ я весь рассказъ, пишу и эту главу. Я думаю, что заключая здѣсь рассказъ свой, я дѣлаю этимъ удовольствіе и тебѣ и себѣ. Не знаю кто ты, техникъ ли или ремесленникъ, хотя для того, чтобы рассказывать исторію техника, мнѣ слѣдовало это знать, — такъ какъ я самъ техникъ — знать для того, чтобы она хотя въ одномъ случаѣ удовлетворила тебя, а въ другомъ не слишкомъ надоѣла. Я не знаю даже мужчина ли ты или женщина, которая, несмотря на всѣ свои достоинства и любезность, можетъ быть, не очень сочувствуетъ техническимъ вопросамъ, и за то, что я только слегка касался такихъ скучныхъ вещей, изъявляетъ мнѣ искреннюю благодарность — благодарность, которою я вовсе не намѣренъ пренебрегать.

Итакъ, я говорю, что ничего этого не знаю; знаю только то, что ты, какъ говорилъ добрый профессоръ Ледереръ, человѣкъ, и что ничто человѣческое тебѣ не чуждо. Надѣюсь, что я рассказывалъ тебѣ до сихъ поръ только то, что возбуждало твое участіе, такъ какъ это все случилось съ человѣкомъ, который не лучше и не хуже, не умнѣе и не глупѣе, не занимательнѣе и не скучнѣе другихъ людей, и потому тебѣ не трудно будетъ понять его мысли и чувства, его желанія и стремленія, и даже его заблужденія. Вслѣдствіе этого, ты, какъ хорошій человѣкъ и мой добрый другъ, поймешь, почему я прошу тебя самого по своему усмотрѣнію нарисовать дальнѣйшую исторію моей жизни въ хорошемъ свѣтѣ.

Да, дѣйствительно въ „хорошемъ“ свѣтѣ, потому что на жизни моею падало много, много ясныхъ солнечныхъ лучей. Я могу сказать это съ глубокою благодарностью къ доброй судьбѣ и не боясь зависти боговъ, въ которыхъ я не вѣрую. Дѣятельность увѣнчалась успѣхомъ выше моихъ ожиданій, скромныхъ желаній и умѣренныхъ потребностей и, что всего важнѣе, мнѣ, для достиженія этого успѣха, не пришлось отказываться отъ ученія моего учителя, не пришлось быть слишкомъ тяжелымъ молотомъ для бѣдной, страдающей наковальни,—напротивъ того: я знаю такъ же вѣрно, какъ то, что я живу, что я не былъ бы такъ доволенъ самимъ собою, какъ теперь, если бы впродолженіи всей своей жизни не былъ полонъ вѣры въ великое, прекрасное ученіе обоюдной помощи и братства.

Эта живая, дѣятельная и могущественная вѣра принесла мнѣ много, много счастья, и я съ искреннимъ убѣжденіемъ совѣтую всякому, желающему успѣха,—держаться ея и только ея одной.

Итакъ, я увѣренъ, любезный читатель, что ты исполнишь мою просьбу и самъ нарисуешь дальнѣйшую мою жизнь, оставляя въ сторонѣ подробности, касающіяся меня и моего семейства: количества и возраста моихъ дѣтей, способностей мальчиковъ и красоты дѣвочекъ. Я увѣренъ, что ты готовъ осыпать ихъ всевозможными добродѣтелями, я же, съ своей стороны, скажу только, что всѣ они безъ исключенія честные люди. Кроме того тебѣ вѣроятно передъ „концомъ“ хочется знать, что случилось съ остальными лицами разсказа, къ которымъ ты нѣсколько привязался.

Увы, многіе въ эти двадцать пять лѣтъ, прошедшіе съ тѣхъ поръ, стали жертвою смерти, отъ которой никто не ускользаетъ, съ какимъ отчаяніемъ ни старались бы остающіеся удерживать любящими руками разрывающуюся жизненную нить.

Такимъ образомъ умерла ты, добрая мать, и превратилась въ свѣтлый образъ кротости, доброты, терпѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ тихаго, твердаго, готоваго на всякія жертвы мужества, на который мы постоянно смотримъ съ благоговѣніемъ и къ которому часто обращаемся за утѣшеніемъ.

Такъ умеръ ты, старый, честный вахмистръ, вѣрная золотая

душа, умерь, горько оплакиваемый, въ особенности нашими сыновьями, которыхъ ты училъ ѣздить верхомъ и фехтовать и говорить правду, чтобы изъ этого ни выходило.

А также и ты, милый, добрый Гансъ, послѣдній въ старомъ, геройскомъ родѣ. Не сердись на меня, дорогой другъ, что я иногда позволялъ себѣ шутить надъ твоими странностями, водившимися за тобою, когда еще громадное тѣло твое бросало тѣнь на эту землю. Повѣрь мнѣ, что, несмотря на это, никто тебя такъ не любилъ, какъ я, можетъ быть потому, что съ тобою никто не былъ такъ близокъ, никто не имѣлъ случая испытать, что въ большомъ благородномъ сердцѣ твоёмъ не текло ни единой живой капли крови и что ты отъ головы до пятокъ былъ истинный рыцарь безъ страха и колебанія.

Ты тоже, мечтательный другъ, съ смѣшными замашками, высокопарными рѣчами и истинной любовью въ нѣжномъ дружескомъ сердцѣ, ты, добрая Дуффъ! Благодарю тебя, что ты позволила намъ принять на себя заботу о твоихъ послѣднихъ годахъ и хотя не исполнилось горячее желаніе твое выдать передъ смертью всѣхъ нашихъ дочерей, твоихъ ученицъ, но все-таки я думаю, что ты нашла въ жизни то, что такъ вѣрно искало твое любящее и жаждущее любви сердце.

Да, да, ряды старыхъ знакомыхъ, милыхъ лицъ очень опустѣли, но надо быть благодарнымъ и за тѣхъ, что остались у насъ, такъ какъ замѣнить ихъ было бы невозможно.

Кто или что могло бы мнѣ замѣнить тебя, мой дорогой Клаусъ, лучшаго мастера и вмѣстѣ съ тѣмъ главнаго мастера, съ тѣхъ поръ, какъ честный Роландъ вмѣстѣ съ своей улыбкой, подъ густыми усами въ дѣвственномъ лѣсу, отправился туда, откуда никто не возвращается. Точно также, какъ никакія сокровища Полинезіи, ожидаемая вами съ пріѣздомъ тетки изъ Явы, не замѣнили бы тебѣ твоей Кристели, или твоихъ восьмерыхъ сыновей, которые, не имѣя возможности быть совершенно такими же, какъ мать, стараются, по крайней мѣрѣ, походить на нее лицомъ, и потому родились съ ея голубыми голландскими глазами и съ ея бѣлокурыми волосами. А старая-то тетка изъ Явы до сихъ поръ все еще не

пріѣзжаетъ! Но, кажется, ты простилъ ей эту недлюбезность и только разъ дѣйствительно разсердился на нее, что было въ то время, когда для друга твоего Георга въ пятидесяти тысячахъ талерахъ заключался вопросъ—быть или не быть, и когда ты молилъ небо, чтобы оно послало тебѣ тетку; или хоть бы дядю!

Да, да, нѣсколько друзей еще осталось и дай Богъ, чтобы оставались подольше, — хотя впродолженіи пятидесяти лѣтъ ежедневная боязнь удара...

— Нѣтъ, нѣтъ, докторъ, я не докончу эту позорную фразу! Вы и безъ того уже виѣ себя за то, что я упомянулъ васъ въ своей книгѣ—какъ будто исторія моей жизни могла быть исторіей моей жизни безъ васъ — и увѣряете, что я, полвѣка знавшій васъ съ почтенной лысиной, наконецъ сдѣлалъ изъ васъ посягшище, такъ что вамъ нельзя болѣе показаться на улицу. Бранитесь сколько угодно, докторъ, въ самыхъ высокихъ и высочайшихъ тонахъ; я вѣдь знаю, что вы не сердитесь, и что скоро тоны спустите, и кромѣ того я знаю, что если не всѣ прохожіе снимаютъ на улицѣ передъ вами шляпу, то это просто потому только, что не всѣ васъ знаютъ.

— Да я и не хочу, чтобы меня знали, кричитъ докторъ, — не хочу, чтобы толпа показывала на меня, какъ на естественное чудо, по крайней мѣрѣ не хочу, чтобы указывали вы, потому что вы всегда видѣли меня въ ложномъ свѣтѣ, да и не знаю можетъ ли такой мамонтъ, какъ вы, видѣть что нибудь въ истинномъ свѣтѣ. Если бы я захотѣлъ оставить память по себѣ, то просилъ бы Оскара, или жену вашу срисовать себя. Ей бы слѣдовало стыдиться, хоть бы изъ любви къ вамъ и къ дѣтямъ, такъ пренебрегать благороднымъ искусствомъ. Не хотите ли вы кромѣ того написать подробный анализъ всѣмъ произведеніямъ или, по крайней мѣрѣ, самымъ главнымъ произведеніямъ Оскара и при этомъ побранить себя, такъ какъ вы ровно ничего не понимаете въ искусствѣ; или не хотите ли вы привести въ страшное смущеніе скромнѣйшаго Бурта и пересчитать всѣ его заслуги по нашему желѣзнодорожному дѣлу и всѣ его открытія въ механикѣ? Или не хотите ли вы донести правительству на Бенно за то, что его сельско-хозяй-

стенная школа въ Церендорфѣ процвѣтаетъ въ тиши и опасно конкурируетъ съ такой же школой отъ земства.

— Продолжайте спокойно браниться. любезный докторъ. Вы не повѣрите, какъ мнѣ это кстати для послѣдней главы. Мнѣ хотѣлось бы въ ней, какъ всегда и вездѣ, оставить за вами послѣднее слово.

— Этого еще не доставало, кричить онъ и убѣгаетъ— послѣднимъ изъ нашихъ гостей— въ дверь.

Сцена эта происходила вчера вечеромъ и я сказалъ Паулѣ, что не правда ли, какъ хорошо, что я могу оставить послѣднее слово за моимъ самымъ лучшимъ, старымъ и дорогимъ другомъ, которому я обязанъ болѣе, чѣмъ могу выразить.

— Я никогда не знала, какой будетъ послѣдній ударъ кисти въ моихъ картинахъ, пока дѣйствительно не кончала ихъ, сказала Паула, — можетъ быть, и съ тобою будетъ тоже самое относительно твоей книги.

Сегодня раннимъ утромъ нахожу я, что Паула права. Я чувствую, что долженъ заключить свою книгу, но при этомъ мнѣ все кажется, что я не смѣю еще заключить ее, какъ будто я что-то забылъ, какъ будто я обязанъ чѣмъ-то, несмотря на свои расчеты, передъ читателемъ, моимъ другомъ.

Напримѣръ, я обязанъ объяснить ему, почему я „раннимъ утромъ“ сижу за письменнымъ столомъ, такъ какъ кажется накалинутъ вечеромъ у насъ были гости. Неужели я ошибкою напишала это?

Нѣтъ, я нисколько не ошибся. Раннее утро, т. е. четвертый часъ, а иногда, какъ напримѣръ сегодня, и третій, уже много лѣтъ, застаютъ меня въ моемъ кабинетѣ за чтеніемъ, вычисленіемъ и черченіемъ и, съ тѣхъ поръ, какъ я пишу эту книгу, преимущественно за писаніемъ. Я всегда любилъ спать и теперь еще люблю; сонъ мой крѣпокъ и безъ всякихъ сновидѣній; но уже давно мой сонъ продолжается не болѣе трехъ или четырехъ часовъ. Докторъ говоритъ, что у меня слишкомъ большое сердце, какъ вообще у большихъ, добродушныхъ и нѣсколько ограниченныхъ людей съ широкими плечами, назначенныхъ природою носить тяжести и быть

наковальной; но онъ улыбается при этомъ, и я не знаю серьезно ли онъ это говорить.

Я только-что стоялъ у открытаго окна, потушивъ лампу, при которой писалъ до сихъ поръ. На безоблачномъ, прозрачномъ июльскомъ небѣ исчезало очертаніе луны, а звѣзды уже всѣ потухли. Надъ моимъ окномъ, на водосточной трубѣ сидѣла ласточка и пѣла—она покачивала головкой со стороны на сторону и смотрѣла на востокъ, гдѣ скоро должно было взойти солнце—я никогда не слыхалъ болѣе сладкаго пѣнія и теперь еще, когда я пишу эти слова, оно наполняетъ всю мою душу. Изъ высокой трубы фабрики, главный фронтонъ которой обращенъ къ виллѣ, поднимается густой столбъ дыма, тонкій и прямой, какъ стволъ пальмы. Сегодня будетъ выливаться большая штука, и потому Клаусъ велѣлъ затопить пораньше.

Я часто и часто раннимъ утромъ вижу эту картину, которую хотѣлъ изобразить, и она постоянно радуетъ меня, и я съ благодарностью привѣтствую новое солнце и своихъ братьевъ.

Вотъ! Знакомый и желанный звукъ: первый ударъ молота о наковальню; день, возвѣщенный ласточкой, наступилъ. Прощай, мой другъ, и ты, и я, оба пойдемъ на работу!

К О Н Е Ц Ъ.

* * *

Вставай моя свѣтлая мысль,
Одѣвайся въ блестящую тогу,
Ступай въ міръ печали и тьмы
Показывать къ свѣту дорогу.
Всѣмъ тѣмъ, кто въ семь мірѣ силенъ,
Предстань ты въ величьи суровомъ;
Всѣмъ тѣмъ, кто убить, угнетенъ,
Явись съ утѣшающимъ словомъ.
Скажи, чтобы скорбь не гнала,
Задавленныхъ ею отъ вѣка,
Что скоро къ любви и добру
Направится жизнь человѣка.
Надежду въ душѣ посели
На скорое лучшее время,
И новую почву открой
И сѣи на ней доброе сѣмя.

С. А—динъ

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ. *)

(Посвящается А. А. Антоновой.)

Покойный Михайловъ въ своей превосходной статьѣ о женщинахъ обѣщаль современемъ подробно обработать исторію женскаго элемента въ человѣчествѣ. Судьба не дозволила ему выполнить этой прекрасной задачи, отчего, конечно, русская публика очень много потеряла. Не только въ русской, но даже въ заграничной литературѣ до сихъ поръ нѣтъ хорошаго опыта по исторіи женщинъ, и, благодаря этому, распространено мнѣніе, что женская

*) Главные источники и пособия: 1) *Maria Child*, History of women, New-York, 1854, 2 vol.; 2) *Klemm*, Die Frauen, 1859, 6 vol.; 3) *Bachofen*, Das Mutterrecht, eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt, 1861. 4) *Mac-Lennan*, Primitive marriage, an inquiry into the origin of form of capture in marriage ceremonies, 1865; 5) *Unger*, Die Ehe im weltgeschichtlichen Entwicklung, 1850; 6) *Rossbach*, Geschichte der Familie, 1839; 7) *Rielh*, Die Familie, 1862; 8) *Scherr*, Geschichte der deutschen Frauenwelt, 1865, 2 vol.; 9) *Frankel*, Mosaisch-talmudisches Eherecht, 1861; 10) *Buddour und Richter*, Die Ehe, въ энциклопедіи Эрша и Грубера, томъ XXXI, стр. 280—403; 11) *Kolb und Wornkönig*, Ehe, Eherecht, Familie, jus primae noctis; *Bopp*, Frauen; *Friedberg*, Gemischte Ehen, и другія монографіи въ Staatslexicon von Rottek und Welcker, 1856 — 1866, 14 volum.; 12) *Bernard*, Histoire de l'autorité paternelle, 1864; 13) *Friedberg*, Ehe im Mittelalter und Ehe in England und Schottland, 1864; 14) *Dufour*, Histoire de la prostitution, 1851, 6 volumes; 15) *B. Rayan*, Infanticide, its law and history, 1862; 16) *Griesinger*, Das Damenregiment an Häfen Europa's, 1866; 17) *Goncourt*, La femme au XVIII siecle, 1862; 18) *Cousin*, M-me de Longueville, 1853; 19) *Maria Child*, Biographies of good wives, 1849; 20) *Capetique*, Les déesses de la liberté, 1863; 21) *Armand Bachet*, Le rois chez la reine, 1864; 22) *Lascelles*

эманципация есть молодое растение, появившееся только въ позднѣйшее время, что во всѣ предыдущіе вѣка женщина была несчастною, безличною, безправной рабыней, что ни она сама, ни ея владыки не думали тогда объ улучшеніи ея судьбы, о ея сво-

Wrazall, Life and time of the queen Caroline Mathilde of Denmark, 1864; 23) *Dauban*, M-me Roland et son temps, 1864; 24) De Droit des Femmes. journal politique, Paris, 1869; 25) *Dixon*, New Amerika, 1868, 2 vol.; 26) *Dixon*, Spiritual wives, 1868, 2 vol.; 27) *Wright*, History of domestic manners and sentiments in England during the middle age, 1862; 28) *Maine*, Ancient law and its relation to modern ideas, 1866; 29) *Weinhold*, Altnordisches Leben, 1859; 30) *Waltz*, Anthropologie der Naturvölker, 1859—1865, 5 volum.; 31) *Laurent*, Etudes sur l'histoire de l'humanité, 1861—1868, 13 volumes; 32) *A. Sudre*, L'histoire du communisme, 1856; 33) *I. Reybaud*, Etudes sur socialistes modernes, 1864, 2 vol.; 34) *Bonnemere*, Histoire des paysans, 1856, 2 vol.; 35) *Riehl*, Die bürgerliche Gesellschaft, 1858; 36) *Lassale*, System der erworbenen Rechte, 1861, 2 vol.; 37) *Proudhon*, Amour et mariage, 1860; 38) *Michelet*, L'amour; 39) *Hinrichs*, Geschichte der Rechts und Staatsprincipien, 1852, 3 vol.; 40) *Vollgraff*, Staats- und Rechts philosophie, 1864, 2 vol.; 41) *Hue*, L'empire chinois, 1855, 2 vol.; 42) *Brockerhoff*, J. J. Rousseau, 1863; 43) *Kastren*, Altaische Völker, 1857; 44) *Drummond Hay*, Marocco and the moors, 1853; 45) *Abbé* ..., La religieuse, 1864; *Roscher*, Nationalökonomie, 1867, 2 vol; 46) *Koepen*, Die Religion des Buddha, 1857—1859, 2 vol.; 47) *Aré-Lallement*, Das deutsche Gaunerthum, 1861, 4 vol.; 48) *Давль*, Женскій трудъ, 1869; 49) *М. Библиоманъ*, Историческіе втуды о женщинѣ, 1867; 50) *Бокль*, О вліяніи женщинъ на успѣхи знанія, 1867, 51) *Фирховъ*, О воспитаніи женщины, 1865; 52) *Шюссеръ*, Женщины французской революціи, 1865; 53) *Андре Лео*, Вопросъ о правахъ женщины, «Вѣстн. Европы», 1869, V; 54) *Михайловъ* и *Милль*, Объ эманципации женщинъ, «Современникъ», т. LXXXIV; 55) Уваженіе къ женщинамъ, «Современникъ» 1866 г.; 56) *Жуковский*, Затрудненія женскаго дѣла, *id.*, т. XCIX; 57) Новые Времена, *id.*, 1865 г., 58) Двадцать лѣтъ на Филиппинскихъ о—вахъ, *id.*, т. LI; 59) *Равинскій*, Назъ исторія славянской женщины, «Недѣля», 1869 г.; 60) *Кудрявцевъ*, Юность Катерины Медвчи, «Русск. Вѣстникъ», т. XI; 61) *Карлюфъ*, О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ, *id.*, т. XVIII; 62) *Тэхкерей*, Четыре Георга, *id.*, т. XIX; 63) *Зедергольмъ*, Катонъ Старшій, *id.*, т. XI; 64) *Ординскій* и *Знаменскій*, разныя журнальныя статьи о женщинахъ в литературѣ классической древности; 65) *Тайлоръ*, Доисторическій бытъ человечества, 1868; 66) *Макушевъ*, Задунайскіе славяне, 1867; 67) *Гизо*, Исторія цивилизациі во Франціи, 1861; 68) *Маколей*, Собраніе сочиненій; 69) *Терещенко*, Бытъ русскаго народа, 1848, 7 ч.; 70) *Кавелинъ*, разборъ книги Терещенко; 71) *Аристотель*, Политика, перев. Скворцова, 1865; 72) *Монтескье*, Духъ законовъ, 1839; 73) *Марциолль*, Римское гражданское право, 1867; 74) «Вокругъ Свѣта», съ прибавленіемъ «Природа и Землеводѣніе», журн. за разныя годы; 75) *Шерръ*, Аспазія и Мессалина, «Отеч. Записки», 1869; 76) *Шашковъ*, шаманство, «Зап. Географич. Общ.», 1864, II; и другіе.

бодѣ, о признаніи за нею правъ человѣка. Еслибы это было совершенно справедливо, то притязанія современной женщины и доводы ея защитниковъ потеряли бы значительную долю своей силы. Женщина оказалась бы существомъ въ родѣ прирученнаго домашняго животнаго, которое, разъ потерявъ свободу и сдѣлавшись собственностью человѣка, лишилось всякаго сознанія своей прежней воли. Если бы такія мнѣнія были вѣрны, то хотя женщины и могли бы, во имя справедливости, во имя всеобщаго блага, требовать улучшенія своей участи, но ихъ противники имѣли бы въ исторіи основаніе для доказательства ихъ естественной ограниченности, слабости, неспособности къ самостоятельной жизни. Къ счастью, это не такъ. Черезъ всю исторію человѣчества идетъ борьба женщины съ мужчиной, борьба за свободу или преобладаніе, и есть много фактовъ, доказывающихъ, что побѣда не всегда доставалась мужчине; даже при настоящей неразработанности исторіи женщинъ, изслѣдователь видитъ ясныя слѣды такихъ первобытныхъ порядковъ, при которыхъ въ жизни царили материнское право и гинеократія, но грубая физическая сила разрушила такіе порядки. Ошибка людей, держащихся мнѣнія о новѣйшемъ происхожденіи эманципации, заключается главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что они даютъ понятію эманципации черезъ чуръ узкія границы и, опредѣляя его въ смыслѣ современныхъ эманципационныхъ доктринъ, забываютъ о тѣхъ ужасныхъ положеніяхъ, отъ которыхъ женщина избавилась уже навсегда, освобождаясь отъ нихъ съ упорною настойчивостью и продолженіи тысячелѣтій. Кроме того, виды эманципацию только въ одной новѣйшей формѣ ея, они говорятъ лишь объ однихъ пзвѣстныхъ средствахъ, употребляемыхъ нынѣ лучшими людьми женскаго общества, для достиженія своей цѣли, игнорируя или не понимая тѣ полныя глубокаго смысла соціальныя феномены, которые служатъ для семьи и женщины чѣмъ-то въ родѣ осадной артиллеріи, разбивающей своими гибельными ядрами вѣрныя стѣны патриархальнаго семейства. Въ исторіи женщины, какъ вообще въ исторіи соціальной жизни, нѣкоторыя ступени прогресса состоятъ не въ созданіи новаго, а въ порчѣ стараго. На это историки женщинъ обыкновенно обращаютъ мало вниманія и, горько сѣтуя о развращенности нѣкоторыхъ эпохъ и разложеніи семейства, не указываютъ ни на истинныя причины этихъ феноменовъ, ни на ихъ значеніе въ дѣлѣ самоосвобожденія женщины. Далѣе, многіе авторы, излагаая исторію женщинъ, не касаются исторіи семейства, а женщина и семья—это такіе же исторически-родственные понятія;

какъ гражданинъ и государство, солдатъ и войско, священникъ и церковь. Эманципация женщинъ тѣсно связана съ реформою семейнаго института; патриархальное семейство владѣтъ женщиной, какъ монополистъ, и первые звуки пѣсни освобожденія доносятъ до нея только съ публичнаго форума. Чѣмъ патриархальнѣе семейство, чѣмъ болѣе семейнаго характера лежитъ на всей общественной жизни, тѣмъ менѣе можетъ женщина ожидать отъ общества и государства улучшенія своей судьбы. Только тамъ, гдѣ семейные принципы не совершенно овладѣли социальными учреждениями, гдѣ общество и государство основаны не на однихъ семейныхъ, а также и на политическихъ началахъ, только тамъ возможно существенное улучшеніе семейнаго быта и женской судьбы. Такимъ образомъ, исторія женской эманципации тѣсно связана съ исторіей семейства, государства и народа.

Доказать, что женщина идетъ впередъ также давно, какъ и мужчина, что женское дѣло стоитъ на прочномъ историческомъ основаніи, выяснить значеніе семейства и женщины въ исторіи цивилизаціи, обозначить ту цѣль, къ которой стремятся они въ своемъ прогрессивномъ развитіи, укрѣпить вѣру женщины въ свои силы и въ успѣхъ своего дѣла,—вотъ задача, которая для достойнаго своего выполненія ждетъ первостепеннаго историческаго таланта, соединеннаго съ громадной эрудиціей. Это предметъ еще совершенно непочатый. Многочисленные авторы, сочиненія которыхъ поименованы нами выше, занимаются или исключительно изложеніемъ разнообразныхъ историческихъ матеріаловъ, какъ напр. Клемъ, Мэри Чайльдъ, Шерръ, Бернаръ, Гринингеръ, Гонкуръ, Райтъ и др., или же подгоняютъ матеріалы подъ свои изношенные и рутинныя теоріи, какъ напр., Риль, Россбахъ, Унгеръ и пр. Всѣ эти авторы болѣе или менѣе враждебны женской эманципации, и поэтому напрасно будете вы искать у нихъ ясныхъ взглядовъ на исторію женщинъ. Партизаны же эманципации, подъ вліяніемъ благороднаго энтузіазма партій, обыкновенно отдаются другому увлеченію, видятъ въ исторіи только мартирологію женщинъ и, обращая исключительное вниманіе на великость женскихъ страданій, вовсе упускаютъ изъ вида ту борьбу, которую постоянно вела женщина за свою свободу, и тѣ побѣды, которыя уже одержала она. Наши настоящіе очерки есть опытъ историческаго обозрѣнія этой борьбы и этихъ побѣдъ.

I.

На низшей ступени общественнаго развитія человѣкъ не имѣетъ еще исключительной собственности; ведя кочевую жизнь, не заботясь о будущемъ, онъ только временно пользуется предметами, необходимыми для него. Между владѣльцомъ и обладаемою вещью нѣтъ прочной связи. Точно такой же характеръ носятъ и половыя отношенія людей. Женщина не принадлежитъ исключительно ни одному мужчине; она не жена, не наложница, а просто самка, и любовныя отношенія къ ней мужчинъ ограничиваются только однимъ половымъ актомъ. У многихъ народовъ сохранились преданія о такой первобытной жизни безъ брака и безъ собственности; такъ жили, напр., по греческимъ извѣстіямъ, троглодиты. Боги вывели людей изъ этого полуживотнаго состоянія; по сказаніямъ японцевъ, египтянъ, перуанцевъ и многихъ другихъ народовъ одновременно съ учрежденіемъ брака, боги ввели между ними и собственность. Въ Китаѣ, напр., Фоги, научившіи людей строить жилища, въ то же время учредилъ между ними и бракъ. Въ Перу, говоритъ легенда, люди сначала вовсе не имѣли правильныхъ жилищъ, а жили въ пещерахъ, ямахъ, на деревьяхъ; бракъ былъ совершенно неизвѣстенъ имъ. Но вотъ сходятъ на землю дѣти солнца и учатъ людей жить въ бракѣ, строить дома, обрабатывать землю и пользоваться плодами ея. Можетъ быть, и случалось, что выходцы какого нибудь цивилизованнаго народа, которыхъ преданіе превратило впоследствии въ боговъ, выводили совершенно дикихъ людей изъ состоянія первобытнаго индивидуализма и приучали ихъ жить въ семейственномъ союзѣ. Но, во всякомъ разѣ, такіе случаи были исключеніями, и все заставляетъ насъ предполагать, что первобытный бракъ возникъ вездѣ путемъ борьбы, войны и рабства, вслѣдствіе насильнаго обращенія женщины въ неволю. Первобытныя жены были военнопленными рабынями, а такъ какъ обращеніе въ неволю враговъ начинается лишь тогда, когда дикарь, выйдя уже изъ совершенно-животнаго состоянія, почувствуетъ нужду въ работникѣ и помощникѣ для успѣшнаго веденія своего первобытнаго хозяйства, то упомянутыя нами древнія легенды совершенно справедливо относятъ къ одному и тому же времени возникновеніе брака и собственности. Первичная, извѣстная намъ форма соціальной жизни есть самостоятельность изолированныхъ другъ отъ друга семействъ, на которыя распадается извѣстное племя. Такъ жила, напр., ци-

клопы; «у нихъ нѣтъ»—говоритъ Одиссея—«ни народныхъ собраній, ни судебныхъ приговоровъ, а каждый творитъ судъ и расправу надъ своими женами и своими дѣтьми, и они совершенно не подчинены одинъ другимъ.» И до сихъ поръ еще нѣкоторые народы ведутъ такую жизнь, напр., австралійцы и эскимосы крайняго сѣвера. Племя эскимосовъ разсыпано по своимъ снѣжнымъ пустынямъ совершенно отдѣльными семействами; «между ними» — говоритъ новѣйшій путешественникъ, капитанъ Голль,—«нѣтъ никакой іерархіи, никакой зависимости. Каждый юноша, чувствующій въ себѣ довольно силы и ловкости для самостоятельной жизни, обзаводится женою, выходитъ изъ своего семейства и начинаетъ совершенно ни отъ кого независимое существованіе.»

И дальность разстояній, раздѣляющихъ эти семейства одно отъ другого, и физическія препятствія для сообщеній, и постоянная взаимная вражда этихъ семействъ обыкновенно держатъ ихъ въ полной изолированности другъ отъ друга. Взрослому, неженатому мужчине трудно, часто даже невозможно достать себѣ женщину изъ чужой семьи, и онъ естественно старается удовлетворить свой половой инстинктъ посредствомъ сестры или другой родственницы, живущей съ нимъ въ одномъ шалашѣ. Историческіе памятники и извѣстія путешественниковъ о современныхъ дикаряхъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что на зарѣ народной исторіи такіе кровосмѣсительныя связи въ большемъ ходу и часто удерживаются національными обычаями даже въ то время, когда всякая необходимость въ нихъ исчезаетъ. Древніе ассирійцы и персы женились даже на родныхъ матеряхъ, а египтяне на сестрахъ. Еврейскія хроники рассказываютъ не только о первобытныхъ бракахъ между братьями и сестрами, но даже и отцовъ съ дочерьми. Въ сагахъ перуанцевъ, египтянъ, грековъ и многихъ другихъ народовъ первобытный бракъ часто является въ формѣ упомянутого нами кровосмѣшенія. У многихъ современныхъ дикарей кровосмѣсительныя связи не только братьевъ съ сестрами, но даже отцовъ съ дочерьми далеко нерѣдки. Довольно хорошо выясняетъ причины происхожденія этого брака камчатальская мифологія. Земля была еще необитаема, когда въ Камчатку спустился съ неба богъ Кутху съ своею сестрою-женою. Вскорѣ у нихъ родились сынъ и дочь, которые, по примѣру родителей, вступили между собою въ супружество. Кутху, сынъ его и ихъ жены носили платье, сшитое изъ древесныхъ листьевъ, питались сначала только березовою и таловою корой, пока не изобрѣли лодокъ и рыболовныхъ сѣтей,

сплетенныхъ изъ крапивы. Наконецъ Кутху исчезъ изъ Камчатки; его дѣти продолжали размножаться, и за неизмѣнимъ въ странѣ женщинъ, долго еще братья женились на своихъ сестрахъ. У островитянъ Южнаго океана до сихъ поръ случается, что ребенокъ имѣетъ въ одномъ и томъ же лицѣ мать и бабушку или мать и тетку. Въ одной изъ индустанскихъ кастъ братья женятся обыкновенно на сестрахъ, а дяди на племянницахъ. Но у культурныхъ народовъ такіе кровосмѣсительные браки и связи продолжаютъ существовать только въ видѣ исключеній и удерживаются почти одними владѣтельными лицами, которыя, опасаясь оскверненія своей якобы божественной природы тѣломъ обыкновенной женщины, вступаютъ въ бракъ съ своими сестрами или другими родственницами, имѣющими также притязаніе на священность своей крови. Этого обычая держатся, напр., калмыцкіе князья, почему въ народѣ и существуетъ поговорка, что «князья и собаки вовсе не знаютъ родства.» Кадикъ Новой Англіи и перуанскіе императоры, эти божественные сыновья солнца, не могли вступать въ бракъ ни съ кѣмъ, кромѣ своихъ сестеръ, и это дѣлалось исключительно для поддержанія чистоты ихъ священной крови, для того, чтобы государь и по мужескому и по женскому колѣну былъ божественнаго происхожденія.

Путемъ такихъ кровосмѣсительныхъ браковъ семейство разрастается въ родъ и племя, и тогда браки начинаютъ заключаться между членами не одной и той же семьи, а разныхъ семей одного племени. Извѣстная враждебность дикихъ народовъ другъ къ другу и основанное на ней междуплеменное взаимное презрѣніе развиваютъ у многихъ племенъ обычай *эндогаміи*, запрещающій браки съ людьми чужихъ племенъ. Мы предполагаемъ, что эндогамія стоитъ въ тѣсной связи съ упомянутыми кровосмѣсительными браками и естественно выродилась изъ нихъ при размноженіи племени и при распаденіи его на отдѣльныя семейства, что дозволило жениться и выходить замужъ за членовъ чужой семьи, а не своей собственной. Впрочемъ происхожденіе эндогаміи и противоположнаго ей обычая *экзогаміи*, повелѣвающаго жениться непременно на женщинѣ чужого рода или племени,—происхожденіе этихъ обычаевъ и ихъ историческая преемственность почти вовсе еще не изслѣдованы. Скажемъ только словами лучшаго изъ авторовъ, касавшихся этого предмета, Макъ Леппэна, что, по всей вѣроятности, первобытные народы сначала вовсе не держались исключительно ни эндогамическихъ, ни экзогамическихъ правилъ, а послѣ это-

го безразличнаго состоянія, одни пошли къ эндогаміи, другіе къ экзогаміи. Изъ числа первыхъ, нѣкоторые, вѣроятно, перешли къ эндогаміи отъ упомянутыхъ кровосмѣсительныхъ браковъ между домочадцами, послѣ того, какъ сознали ихъ вредность для потомства и нашли возможнымъ, запретивъ ихъ, не оскверняться соизами съ чужестранцами, а брачиться съ единоплеменниками, только не съ близкими родственниками. Тайлоръ предполагаетъ, что паденію семейной эндогаміи содѣйствовалъ главнымъ образомъ простой опытъ тѣхъ золь, какія могутъ произойти отъ брака между близкими родственниками. Этому взгляда держится и компетентный знатокъ первобытныхъ народовъ, профессоръ Лазарусъ, справедливо замѣчая при этомъ, что «наблюденія и разсужденія дикихъ бываютъ часто весьма точны въ практическихъ вещахъ.» Запрещеніе брака между родственниками входитъ, наконецъ, въ такую силу, что у нѣкоторыхъ народовъ, напр., у манджуровъ, китайцевъ, индусовъ, мужчинѣ нельзя жениться на дѣвушкѣ, носящей одно съ нимъ фамильное прозвище. Запрещеніе это распространяется и на всѣ виды фиктивного родства; въ древнемъ Римѣ усыновленіе, а у мусульманъ молочное родство такія же препятствія къ браку, какъ и кровное родство. Два члена какогонибудь черкесскаго братства, хотя бы нельзя было доискаться между ними никакого родства, не могутъ брачиться между собою. У дикихъ тупинамбасовъ Бразиліи двумъ мужчинамъ, уговорившимся называть другъ друга братьями, запрещается жениться на дочеряхъ или сестрахъ другъ друга. У кандовъ нельзя вступать въ бракъ даже съ иностранцами, усыновленными племенемъ одного изъ суруговъ или живущими среди его. Нарушеніе этихъ экзогамическихъ правилъ наказывается чрезвычайно строго; канды казнятъ виновныхъ смертью, а баттасы рубятъ ихъ живыми и ѣдятъ ихъ мясо, изжаренное или сырое, съ солью и съ краснымъ перцемъ. Эти запрещенія единоплеменныхъ браковъ существуютъ у множества народовъ,—у черкесовъ, калмыковъ, ногайцевъ, киргизовъ, индѣйцевъ, остяковъ, самоѣдовъ, австралійцевъ, африканцевъ и т. д. Словомъ, причины этого явленія могутъ быть выяснены довольно осязательно. Кромѣ упомянутыхъ уже нами обстоятельствъ этому содѣйствуетъ численная недостаточность женщинъ, замѣчаемая у всѣхъ первобытныхъ народовъ и являющаяся главнымъ образомъ вслѣдствіе чрезвычайно распространеннаго по всему земному шару обычая убивать дѣвочекъ. Многіе народы умерщвляютъ большую часть ихъ тотчасъ послѣ рожденія, чтобы не тратиться

на убыточное прокормленіе ихъ до зрѣлаго возраста. Такое дѣтубійство у нѣкоторыхъ племенъ Индустана доходитъ до того, что въ иныхъ общинахъ не найдется и одного ребенка женскаго пола. По всей Азіи, Африкѣ, Америкѣ, Австраліи также щедро льется дѣтская кровь и бѣдность заставляетъ истреблять массы новорожденныхъ дѣвушекъ, тратится на воспитаніе которыхъ дикарю не рассчитать, такъ какъ женщина, потребляя почти столько же, сколько мужчина, не можетъ равняться съ нимъ въ дѣлахъ войны и охоты, этихъ главныхъ занятій дикой жизни, а неразвитость торговли женщинами препятствуетъ окупать издержки прокормленія дѣвушки ея продажею въ замужество. Экономическій расчетъ и сила нужды въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что у бошисмановъ матери убиваютъ своихъ дѣтей для того, чтобы кормить своею грудью щенятъ, которыхъ онѣ воспитываютъ и дрессируютъ для ловли двуутробокъ и кенгуру. Не меньшее число дѣвочекъ истребляется вслѣдствіе разныхъ суевѣрій и изъ желанія родителей угодить кровожаднымъ божествамъ, покормивъ ихъ мясомъ своихъ зарѣзанныхъ дѣтей. Въ древнихъ Финикии, Карфагенѣ, Египтѣ, Палестинѣ, Греціи, Аравіи у современныхъ индусовъ, индѣйцевъ, австралийцевъ, китайцевъ, японцевъ, африканцевъ, — словомъ, почти у всѣхъ дикихъ и малоцивилизованныхъ народовъ мы видимъ такое жертвенное истребленіе дѣвочекъ въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ и по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ. Самый способъ веденія первобытной войны часто лишаетъ извѣстныя племена всѣхъ женщинъ, уводимыхъ въ плѣнъ побѣдителями. Многіе дикари, видя неминуемость побѣды враговъ своихъ и не желая, чтобы ихъ семейства были захвачены въ плѣнъ, перерѣзываютъ своихъ женъ и дѣтей и съ отвагою отчаянія идутъ на смертный бой съ непріателемъ; такъ дѣлали, напр., камчадалы во время своей борьбы съ русскими въ XVIII в. Независимо отъ всѣхъ подобныхъ истребленій, женщины дикарей, задавленные тяжелыми трудами, истощаемыя общими съ мужчинами лишеніями и особенными, свойственными только ихъ полу, болѣзнями, умираютъ чаще и раньше мужчинъ. Это подтверждается множествомъ наблюденій надъ первобытными племенами всѣхъ частей свѣта. Драгоцѣнныя указанія въ этомъ отношеніи мы имѣемъ о сибирскихъ инородцахъ, чуть ли не единственныхъ дикаряхъ въ мірѣ, подлежащихъ вѣденію статистики. Въ березовскомъ округѣ, напр., съ 1816 по 1828 г. мужское инородческое населеніе *увеличилось* на 260 ч., а женское *уменьшилось* на 1609 ч. Благодаря такой слабой устойчивости женщинъ

противъ нападеній смерти, ихъ всегда было мало сравнительно съ числомъ мужчинъ, хотя сибирскіе инородцы и не ведутъ истребительныхъ войнъ и рѣдко убиваютъ дѣвушекъ. Въ томскомъ округѣ на 100 инородцевъ приходится женщинъ 84,4, а по мѣстамъ только 63,6; въ бійскомъ округѣ 83,3, а кое-гдѣ 60,1; въ березовскомъ округѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ maximum 95,7, въ другихъ мѣстностяхъ minimum 72,4, и т. д. У другихъ дикарей количество женщинъ должно быть еще меньше, такъ какъ, независимо отъ смертности, оно убываетъ еще отъ дѣтубійствъ, умыканія и продажи дѣвушекъ. При родовой враждѣ, при недостаточности своихъ женщинъ и при отвращеніи отъ кровосмѣсительныхъ браковъ, мужчины естественно принимаются за насильственный захватъ или умыканіе женщинъ изъ другихъ племенъ. Эта первобытная форма брака—умыканіе дѣвицъ—долго продолжаетъ существовать даже и послѣ того, какъ народъ, переставъ жить отдѣльными семействами, образуетъ изъ себя многочисленные роды, даже государства. Племенная враждебность препятствуетъ заключенію мирныхъ браковъ съ женщинами чужого племени, а своихъ женщинъ или недостаточно, или жениться на нихъ мѣшаетъ обычай. Умыканіе на низшей ступени развитія такъ всеобще и служитъ такимъ единственнымъ основаніемъ правъ мужа, что даже послѣ изнеженія его изъ жизни, символическая форма все-таки продолжаетъ существовать, какъ необходимое условіе для законности брака. Почти у всѣхъ народовъ сохранились воспоминанія объ этой первобытной формѣ брака и указанія на нее въ сагахъ, пѣсняхъ и брачныхъ обрядахъ, изображающихъ нападеніе жениха на невѣсту, сопротивленіе послѣдней и насильственный увозъ ея; на основаніи этихъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ мы имѣемъ полное основаніе заключить, что бракъ совершали въ древности исключительно посредствомъ умыканія у всѣхъ инородцевъ Сибири, у негровъ, арабовъ, горцевъ Кавказа, дикарей Полинезій, индусовъ, кандовъ, туземцевъ Америки, негровъ, тунгусовъ, арабовъ, камчадаловъ, татаръ, монголовъ, финовъ, грековъ, римлянъ, поляковъ, литовцевъ, прусовъ, германцевъ, малайцевъ, киргизовъ, ногаевъ, евреевъ, сирійцевъ, жителей Франціи, Англіи и т. д. О существованіи этого обычая у славянъ есть положительныя свидѣтельства Нестора и Козьмы Пражскаго. Тоже самое говоритъ о скандинавахъ Олай Великій, а братъ его Іоаннъ приводитъ много примѣровъ, доказывающихъ, что этия промысломъ нерѣдко занимались члены семействъ, царствовавшихъ въ Даніи и Швеціи. Подданные подражали имъ

и похищеніе невѣстъ долго существовало тамъ даже послѣ введенія христіанства. Свадебныя свиты состояли обыкновенно изъ вооруженныхъ людей и бракосочетанія совершались въ церквяхъ преимущественно по ночамъ, для большей безопасности. Въ одной старинной готландской церкви хранится до сихъ поръ пукъ, составленный изъ пикъ, въ которыя втыкались фавелы. Оружіе это служило вмѣстѣ и для освѣщенія, и для защиты. Насильственное приобрѣтеніе женъ не вывелось и до сихъ поръ въ Азіи, Америкѣ, Новой Зеландіи, на островахъ Тихаго океана и во многихъ другихъ странахъ. Этотъ обычай такъ укоренился въ жизни карабовъ, что, по словамъ Гумбольдта, тамъ нельзя найти замужней женщины, умѣющей говорить на языкѣ того племени, посреди котораго живетъ она. Безпрерывныя войны карабовъ доставляютъ имъ много плѣнниковъ, изъ которыхъ мужчины приготавливаются въ пищу, а женщины для супружескаго дѣла и работы. Въ Австраліи женихъ ночью вторгается въ хижину, гдѣ спитъ его возлюбленная, вололтитъ ея родителей и, оглушивъ невѣсту ударомъ дубины, съ торжествомъ уноситъ ее въ свой таборъ. Тоже самое и въ Новой Зеландіи. Нѣкоторые дикари умыкаютъ даже цивилизованныхъ женщинъ. Патагонцы, напр., живущіе исключительно охотой и грабежами, при своихъ набѣгахъ на Аргентинскую республику, похищаютъ не только скотъ и сѣстные припасы, но также и женщинъ. Изъ сѣверныхъ штатовъ Мехики не менѣе 600 женщинъ и дѣтей ежегодно похищается куманчами, апачами и другими разбойничьими племенами.

Понятно, что такое вооруженное сватовство не можетъ обойтись безъ борьбы и сопротивленія какъ со стороны самой невѣсты, такъ и со стороны ея семейства. Умыкаемой дѣвушкѣ приходится идти буквально въ рабство къ чуждому и враждебному племени, и вотъ основаніе тѣхъ невѣстинныхъ причитаній и плачей, которые, сохранившись до послѣдняго времени въ свободныхъ обрядахъ нѣкоторыхъ народовъ, живо рисуютъ передъ нами душевныя волненія и тревогу невѣсты первобытной эпохи. И не одна только боязнь «чужого рода-племени» мучила невѣсту, а часто также и раззореніе своего дома, истребленіе или полонъ своего семейства, которыя сплошь и рядомъ сопровождалось умыканіе.

Обрядовое сопротивленіе невѣсты жениху, какъ памятникъ первобытной борьбы съ нимъ, до сихъ поръ удерживается лапландцами черкесами и многими другими народами. У гренландцевъ, напримеръ, невѣста съ воплями и съ распущенной косой убѣгаетъ изъ

дома въ пустыню; долго ищутъ ее здѣсь агенты жениха и наконецъ насильно увлекаютъ въ его домъ. По всей вѣроятности, всѣ эти обряды остались отъ того времени, когда борьба первобытной женщины за свою свободу приходила уже къ концу и рѣшалась въ пользу мужчины. Несомнѣнно, что въ глубокой древности, когда женщина была почти также сильна и воинственна, какъ и мужчина, борьба невѣсты противъ нападающаго на нее жениха нерѣдко кончалась побѣжденіемъ послѣдняго. Женщины Нибелунговъ такъ самостоятельны, воинственны и сильны, что самые знаменитые богатыри принуждены употребить неимовѣрныя усилія, чтобы сдѣлаться ихъ мужьями или любовниками. Сигфридъ сватается и долго ухаживаетъ за прекрасной королевой Брунегильдой; онъ разбиваетъ семьдесятъ воротъ въ ея замкъ, но гордая королева не сдается и прогоняетъ героя. Одному поклоннику, добивавшемуся ея руки, Брунегильда предложила поединокъ, съ условіемъ, если онъ побѣдитъ, то будетъ ея мужемъ, если будетъ побѣжденъ, то лишится головы, послѣднее и случилось.

Въ легендахъ другихъ народовъ мы также находимъ воспоминанія о подобныхъ Брунегильдѣ женщинахъ, которыя могли постоять за себя и отбиться отъ рабскаго брака. Есть также указанія и на то, что иногда не женихъ съ помощью своихъ сподвижниковъ умыкалъ невѣсту, а на оборотъ, невѣста ловила или умыкала жениха. Такъ, въ русской былинѣ Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ въ полѣ всадницу, «паленицу, женщину великую» и хочетъ вступить съ нею въ бой. Но она схватила Добрынюшку за кудри, посадила его во глубокомъ карманѣ «и повезла къ себѣ домой, объявивъ, что если онъ «въ любовь ей придетъ», то она выйдетъ за него замужъ. И дѣйствительно, заставила плѣннаго богатыря жениться на себѣ. Бопланъ, оставившій описаніе Малороссіи въ половинѣ XVIII вѣка, говоритъ, что здѣсь наперекоръ всѣмъ народамъ, не мужчины сватаются за дѣвицы, а дѣвицы за мужчинъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ число свадебныхъ обрядовъ до сихъ поръ входитъ здѣсь *ловля жениха*. Въ то время, какъ женихъ съ боярами ѣдетъ мимо дома невѣсты, родные послѣдней выходятъ на улицу съ палками и стараются загнать его на дворъ къ невѣстѣ. Женихъ ускоккиваетъ отъ нихъ съ боярами до трехъ разъ, потомъ его ловятъ и ведутъ въ домъ, въ снѣгахъ котораго встрѣчаетъ его невѣста. И если церемонія насильнаго увоза невѣсты несомнѣнно доказываетъ ея умыканіе въ древности, то обрядъ ловли жениха точно также убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ первобытной жизни

женщины не всегда насильно вступали въ бракъ, а иногда сами искали себѣ подходящаго жениха и умыкали его съ помощью своихъ родныхъ, которые, принимая его въ свое семейство, получали въ немъ новаго члена и работника. Подобно тому, какъ одни племена дѣлали походы и набѣги для пріобрѣтенія себѣ женъ, другіе такими же точно средствами добывали мужей для своихъ дѣвушекъ. И въ древнихъ сагахъ и въ извѣстныхъ о современныхъ дикаряхъ мы читаемъ, что нерѣдко извѣстное племя принимаетъ въ свой составъ захваченныхъ имъ на войнѣ плѣнниковъ и женить ихъ на своихъ дочеряхъ. Первобытному семейству, выростившему дѣвушку, конечно выгодыѣ было принимать ея будущаго мужа въ свой домъ, чѣмъ отдавать ее въ чужія руки: семья нуждалась въ мужчинахъ для приплота и для работы. А что принятіе въ домъ зятя нисколько не противорѣчитъ принципамъ и характеру первобытной жизни, это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что у многихъ народовъ, послѣ превращенія умыканія невѣсты въ покупку ея, женихъ часто поступаетъ въ работники къ своему будущему тестю, зарабатываетъ себѣ невѣсту и, вступивъ въ бракъ съ нею, дѣлается членомъ ея семьи.

Умыканіе дѣвицъ, сопровождаемое обыкновенно опустошеніями войны, вредило не только интересамъ невѣсты, но также и интересамъ ихъ семей или родовъ. Родъ, лишившійся женщины вслѣдствіе набѣга непріятелей, естественно долженъ былъ мстить послѣднимъ и вознаграждать себя на ихъ счетъ за свои потери. Похищеніе дѣвицъ—самая главная причина той племенной вражды и тѣхъ опустошительныхъ войнъ, которыми ознаменована первобытная исторія всѣхъ народовъ. Въ этой первобытной борьбѣ лучшимъ защитникомъ и союзникомъ дѣвушки является ея братъ. Въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ, напримѣръ, женихъ или борется съ братомъ невѣсты или подкупаетъ его. У австралийцевъ женихъ часто вымѣниваетъ себѣ невѣсту, отдавая вмѣсто нея свою сестру или другую родственницу.

Такимъ образомъ исторія брачнаго права начинается у всѣхъ народовъ насиліемъ умыканія. Однакожь умыканіе не всегда ведетъ за собою брачный союзъ. Дикарь, стоящій по развитію немногимъ выше животнаго, нерѣдко завладѣваетъ женщиною только ради кратковременнаго наслажденія ею. Дюмонъ Дюрвилъ рассказываетъ, что если дикарю приглянулась какая нибудь женщина, то онъ, выбравъ удобную минуту, насильно овладѣваетъ ею и ведетъ къ себѣ. Если она сопротивляется, онъ бьетъ ее по лицу,

по головѣ, по чему ни попало, окровавленную, черезъ лѣса, овраги, болота — тащить ее въ свой шалашъ, а потомъ бросаетъ ее, какъ негодную вещь. Такая дикая роскошь, конечно, не всегда возможна при малочисленности женщинъ, которыхъ, сравнительно съ числомъ мужчинъ, всегда недостаточно въ дикихъ обществахъ, какъ эндогамическихъ, такъ и экзогамическихъ. И чѣмъ первобытнѣе народъ, тѣмъ меньше онъ можетъ достать женщинъ. Вслѣдствіе этого, одна женщина должна удовлетворять многихъ мужчинъ, возникаетъ *полиандрія*, которую долго считали какою-то странною исключительностью въ исторіи, и которая, между тѣмъ, оказывается чрезвычайно распространенною и самою первичною формою брачнаго союза, естественно возникшею вслѣдствіе недостаточности женщинъ. Даже и въ настоящее время полиандрія распространена гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ, а по достовернымъ свидѣтельствамъ древности она была во время оно еще несравненно распространениѣе. Она существуетъ въ Тибетѣ, Исландіи, на Малабарскомъ берегу, Цейлонѣ, Новой-Зеландіи, островахъ Алеутскихъ, на Отаити и другихъ островахъ Южнаго океана, въ гималайскихъ и подгималайскихъ земляхъ, сосѣднихъ съ Тибетомъ, въ долинѣ Кашмира, у ситовъ въ Ладанѣ, въ Синморѣ, Казин, въ горахъ Сиваликѣ, въ нильгерскихъ горахъ у тудасовъ, у мисорскихъ курговъ и нейровъ, у коряковъ, на островахъ Канарскихъ и въ очень еще недавнее время на Ладранскихъ. Въ древности полиандрія существовала у жителей сѣверной Индіи, по китайскимъ источникамъ въ Токгарестанѣ, по греческимъ извѣстіямъ у сабеянъ, жителей Африки гарамантовъ, у ливійскаго племени авзеевъ, у троглодитовъ, живущихъ на западномъ берегу Аравійскаго моря, у скифовъ, мидянъ, массагетовъ, спартанцевъ, савроматовъ, кельтовъ, бриттовъ, пиктовъ, ирландцевъ, а по свидѣтельству Кампенгаузена (*Bemerkungen über Russland, Leipsig, 1807*), у бывшихъ запорожцевъ. Несомнѣнные слѣды древняго существованія полиандріи, какъ мы увидимъ ниже, представляются также въ Ликии, Кападокіи, Перу, Шампани и у множества народовъ Америки, Азіи и Африки. Словомъ, все убѣждаетъ насъ, что первичною формою брака была полиандрія и, основываясь на древнихъ извѣстіяхъ, равно какъ и на современныхъ этнографическихъ свѣдѣніяхъ, мы можемъ возстановить въ своемъ представленіи не только разныя ея видоизмѣненія, но даже и порядокъ ихъ исторической преемственности.

Низшая форма полиандріи, это общность женъ, являющаяся ре-

зультатомъ крайней малочисленности женщинъ. Умыкаемая или взрощенная самимъ племенемъ женщины дѣлаются такимъ же коммунистическимъ достояніемъ его, какъ и другіе предметы пользованія, какъ дичь, настрѣлянная въ лѣсу или рыба, наловленная въ водѣ. На существованіе этого гетеризма или общности женъ у народовъ древности указываетъ много свидѣтельствъ и фактовъ. Общность женщинъ, или, по крайней мѣрѣ, слѣды ея существованія, древніе писатели указываютъ у египтянъ, троглодитовъ, гармантовъ, гиндановъ, набатеевъ, ефіоповъ, фракійцевъ, лидянъ, персовъ, локровъ и т. д.

Слѣды подобнаго гетеризма или полная общность женщинъ видны у многихъ современныхъ народовъ, у ансарійцевъ, еймоковъ въ Кабулѣ, у мпонге въ Африкѣ, кашгарцевъ, куманцевъ, алеутовъ лоандцевъ и т. д. Замѣчаемая у дикарей свобода половой страсти отдача женъ другимъ во временное пользованіе, угощеніе ими и дочерьми друзей и знакомыхъ, наконецъ столь распространенная въ древнемъ мірѣ религіозная проституція,—все это только отдѣльныя проявленія одного и того же первобытнаго гетеризма, представительницею котораго въ религіи служитъ культъ Венеры, существующій въ разныхъ формахъ у множества народовъ и постепенно вытѣсняемый изъ жизни культомъ, представляющимъ идеалы брака и материнства.

Малочисленность женщинъ, ведущая за собою ихъ умыканіе, гетеризмъ и полиандрію до сихъ поръ поддерживаетъ въ дикаряхъ наклонность къ общему пользованію ими. Мужъ похищенной или купленной женщины свои исключительныя права на нее сплошь и рядомъ принужденъ бываетъ защищать съ оружіемъ въ рукахъ противъ всѣхъ своихъ холостыхъ родичей: каждому изъ нихъ хочется отнять эту женщину, Такая борьба мужчинъ за женщинъ, и борьба не обрядовая, а очень серьезная и кровопролитная, до сихъ поръ существуетъ, напримѣръ, у дикарей Австраліи и Америки, а саги островитянъ Южнаго океана указываютъ на существованіе ея тамъ въ древности. И у многихъ другихъ народовъ въ ихъ сказаніяхъ о первобытныхъ временахъ мы находимъ слѣды этой борьбы за женщинъ. Общность женъ не могла остановить подобныхъ раздоровъ; при господствѣ ея, мужична естественно стремится къ исключительному обладанію женщиной, а послѣдней тоже хотѣлось избавиться отъ лишнихъ любовниковъ. Такъ, при общности женъ, сильнѣйшіе мужчины успѣваютъ основывать для себя исключительные, монопольные браки. У троглодитовъ, напри-

мѣръ, по Страбону и Діодору, жены были общія, кромѣ женъ ихъ царьковъ, которыя составляли исключительную собственность своихъ супруговъ и за прелюбодѣяніе съ которыми соблазнитель платилъ въ видѣ штрафа одну овцу. Борьба исключительныхъ стремленій мужчинъ съ общинными притязаніями его родичей кончается компромиссомъ; мужу предоставляется право ненаружимаго владѣнія женой.

Такимъ образомъ, общность женъ стремится перейти въ бракъ, но этотъ переходъ долго невозможенъ, во-первыхъ, по малочисленности женщинъ, которыхъ недостаетъ на всѣхъ мужчинъ по одной, а во-вторыхъ, отдѣльные личности безсильны охранять свои супружескія права отъ всѣхъ претендентовъ на женщину. Вслѣдствіе этого нѣсколько мужчинъ составляютъ компанію и, обзаведшись одной общей женой, отражаютъ всѣхъ другихъ искателей, желающихъ пользоваться ею. Эти компаніи соединенными силами умыкаютъ дѣвушекъ или покупаютъ ихъ. Такія компаніи были прежде на островахъ Маріанскихъ и существуютъ до сихъ поръ въ Австраліи, на Цейлонѣ, Отаити и другихъ островахъ Южнаго океана. Самая первичная форма этой полиандріи отличается тѣмъ, что мужья-компаньоны не родственники другъ другу, а общая жена ихъ живетъ или у своихъ родителей или въ собственномъ домѣ, независимо ни отъ мужей, ни отъ родителей. Такъ, напримѣръ, у нейровъ, жена, вышедши за перваго мужа, поселяется въ своемъ домѣ и ведетъ самостоятельную жизнь; она можетъ взять себѣ еще нѣсколько мужей, не болѣе, впрочемъ, двѣнадцати, и въ выборѣ ихъ совершенно свободна. У тѣхъ же нейровъ и на Цейлонѣ жена остается иногда въ домѣ своихъ родственниковъ, а мужья переселяются къ ней или куда нибудь по близости. Дальнѣйшая форма полиандріи, еще болѣе отступающая отъ первобытной общности женъ, состоитъ въ томъ, что жена принадлежит не случайнымъ компаньонамъ, а нѣсколькимъ братьямъ и живетъ въ ихъ общемъ жилищѣ. Иногда обѣ эти формы встрѣчаются у одного и того же народа, но у большинства извѣстныхъ намъ полиандрическихъ племенъ, напримѣръ, у тибетцевъ, кашмирцевъ, ладакцевъ, цейлонцевъ, бриттовъ— господствуетъ послѣдняя форма полиандріи. Переходъ женщины въ чужое семейство и узы родства, связывающія ея мужей, служатъ необходимыми условіями для постепеннаго превращенія многомужества въ единоженство и полигамію. Какъ полиандрическія братства и компаніи стараются ограничить общность женъ и утвердить свои исключительныя права на содержимую ими компанейскую супругу,

такъ и сильнѣйшіе изъ мужей-братьевъ стараются, отдаливъ отъ жены своихъ соперниковъ, владѣть ею нераздѣльно. Преобладаніе въ этой борьбѣ естественно беретъ старшій братъ и дѣлается сначала главнымъ, а потомъ и единственнымъ супругомъ своей семейной жены. Слѣды этого переворота можно видѣть въ разныхъ обычаяхъ полиандрическихъ народовъ. Въ распространенномъ по всему Тибету полиандрическомъ бракѣ всѣ братья равно могутъ пользоваться любовью своей общей жены, но и здѣсь уже замѣтно преобладаніе старшаго брата, которому принадлежитъ право выбирать жену, и который считается отцомъ всѣхъ ея дѣтей. Такое же значеніе имѣлъ старшій братъ и у бриттовъ. Въ Ладанѣ при женитьбѣ старшаго сына къ нему переходитъ вся собственность его родителей, которыхъ онъ обязуется содержать до смерти. Младшій братъ обыкновенно поступаетъ въ духовное званіе и дѣлается безбрачнымъ ламой, остальные братья считаются второстепенными мужьями жены первенца, которому принадлежать и всѣ рожденные ею дѣти. Младшіе братья не имѣютъ никакой власти и всецѣло зависятъ отъ произвола старшаго. По смерти послѣдняго, его имѣніе, власть и вдова переходятъ къ слѣдующему брату. Наконецъ, на извѣстной ступени общественнаго прогресса, старшему брату удается вовсе устранить другихъ отъ пользованія женою при своей жизни и ограничить его только правомъ, переходящимъ послѣ его смерти къ слѣдующему брату. Это *левиратный* бракъ, по которому вдова умершаго брата переходитъ по наслѣдству къ слѣдующему. Левиратъ существуетъ у множества народовъ, и такъ какъ онъ естественно развивается изъ полиандріи, то уже одного его существованія совершенно достаточно для доказательства, что многомужество господствовало нѣкогда у народовъ, державшихся левиратнаго обычая, т. е. у евреевъ, египтянъ, индусовъ, персовъ, друзовъ, моавитянъ, сирійскихъ арабовъ, монголовъ, остяковъ, киргизовъ, гольдовъ на Амурѣ и Уссуріи, кавказскихъ горцевъ, индѣйцевъ, у множества племенъ Африки и т. д. Левиратъ, такимъ образомъ, есть моногамическій бракъ, носящій на себѣ явные слѣды полиандріи, изъ которой онъ развился. Нужно впрочемъ замѣтить, что господство полиандріи въ первобытной жизни слѣдуетъ считать отнюдь не исключительнымъ, а только болѣе или менѣе преобладающимъ надъ другими формами брака. Даже въ чисто полиандрическомъ обществѣ нѣрѣдко могутъ случаться примѣры моногаміи и полигаміи. Если мужчина не имѣетъ вовсе братьевъ и владѣетъ своимъ фамиліальнымъ имуществомъ не

раздѣльно, то онъ естественно живетъ въ моногаміи, а большинство окружающихъ его семей, заключающихъ въ себѣ по нѣсколь-
 ку братьевъ, держится полиандріи. Сильный или богатый человѣкъ
 даже въ полиандрическомъ обществѣ можетъ обзавестись не только
 отдѣльною женою, но даже нѣсколькими вдругъ, и полигамія, та-
 кимъ образомъ, возникаетъ на ряду съ единоженствомъ и много-
 мужствомъ. При этомъ переходномъ состояніи сладострастіе и ра-
 бовладѣльческіе расчеты мужчинъ стремятся къ утверженію по-
 лигаміи, между тѣмъ какъ женщина, для которой полигамія не-
 удовлетворительна и унизительна, а многомужество тяжело и исто-
 щительно, употребляетъ разныя усилія къ водворенію единожен-
 ства. Условія жизни первобытнаго общества, послѣ паденія по-
 лиандріи и послѣ того, какъ численныя отношенія половъ, вслѣдствіе
 извѣстной доли социальнаго прогресса, болѣе или менѣе уравни-
 ваются,—условія жизни даютъ моногаміи преобладаніе надъ дру-
 гими формами брачнаго союза. Полигамія невозможна для низшихъ
 породъ человѣчества, не по малочисленности только женщинъ, но
 и потому, что содержаніе многихъ женъ стоитъ дорого, вслѣдствіе
 этого полигамія является только при дальнѣйшемъ развитіи наро-
 да и у однихъ лишь зажиточныхъ людей, между тѣмъ какъ бѣд-
 няки и перебивающіеся со-дня на-день дикари живутъ съ одною
 женою. Кромѣ бѣдности, ихъ принуждаетъ къ моногаміи еще и то
 обстоятельство, что, бродя постоянно со своими семьями вдали отъ
 другихъ людей, не зная никакой формы общественнаго союза, кро-
 мѣ семейной, они въ управленіи своимъ семействомъ должны по-
 лагаться только на собственныя свои силы; послѣднихъ у дикаря
 достанетъ на то, чтобы держать въ рабствѣ одну бабу, но съ нѣ-
 сколькими онъ пожалуй и не справится. Да и для чего ему много
 женъ? Хозяйственныя работы, для которыхъ впоследствии употре-
 бляются женщины, въ первобытной жизни такъ ограничены, что
 для ихъ выполненія совершенно достаточно одной женщины и ея
 ребятъ; а половое сладострастіе, которое выстѣпъ съ потребностью
 въ рабочихъ рукахъ, служитъ главною причиною полигаміи, у ди-
 карей развито чрезвычайно слабо. И почти у всѣхъ извѣстныхъ
 намъ дикихъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и современныхъ, мы
 видимъ послѣ паденія полиандріи или исключительное господство
 моногаміи или, по крайней мѣрѣ, весьма значительное преобла-
 даніе ея надъ другими формами брака. Саги и преданія не только
 цивилизованныхъ, но даже дикихъ народовъ, гласятъ, что первые
 люди жили въ моногамическомъ союзѣ. Большинство боговъ имѣетъ

по одной женѣ. У современныхъ дикарей, стоящихъ на низшей ступени развитія, также господствуетъ моногамія. Изъ двадцати гренландцевъ развѣ одинъ только имѣетъ болѣе одной жены, да и то лишь въ случаѣ совершеннаго безплодія первой супруги. Лопари всегда жили не иначе, какъ въ единствѣ. Большинство бедуиновъ, несмотря на исламъ, позволяющій четырехъ женъ, имѣетъ только по одной. Тоже самое у значительнаго большинства дикарей Сибири, Америки, Африки и т. д. Правда, что почти у всѣхъ этихъ народовъ рядомъ съ моногаміей существуетъ и многоженство, но первая все-таки является господствующею формою, а послѣдняя существуетъ уже какъ результатъ извѣстной степени богатства и общественнаго развитія; чѣмъ неразвитѣе и бѣднѣе народъ, тѣмъ сильнѣе у него моногамія, и на оборотъ. — Нужно впрочемъ сказать, что преемственность родовъ брака не имѣетъ безусловно неизмѣнной опредѣленности, завися отъ множества мѣстныхъ и временныхъ условій. Моногамія, какъ мы сказали, есть преимущественная форма брачнаго союза у дикарей. Но у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же дикихъ племенъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, существуетъ сплошная полигамія и при томъ въ громадныхъ размѣрахъ. Къ сѣверу отъ Мадраса, напр., живетъ одно самое дикое племя, въ которомъ число женщинъ до такой степени превосходитъ мужчинъ, что каждый имѣетъ по семи женъ. Подобныя исключенія конечно вислолько не отвергаютъ преобладанія единоженства въ дикой жизни, послѣ паденія полиандріи.

Всѣ древнія и новыя свидѣтельства утверждаютъ, что въ полиандріи женщина пользуется почти полною свободою и независимостью. Она владѣетъ отдѣльнымъ отъ супруговъ имуществомъ, по своему желанію выбираютъ мужей и послѣдніе относятся къ ней съ замѣчательнымъ уваженіемъ. Несомнѣнно, что и эту свободу и это уваженіе женщина пріобрѣтаетъ потому, что сама она служитъ рѣдкимъ и дорогимъ товаромъ, и цѣною своей любви можетъ купить у соперничающихъ за нее мужчинъ все, что угодно. Одинъ изъ самыхъ новыхъ наблюдателей полиандріи, Эрихъ фонъ-Шенбергъ, рассказываетъ, что каждый изъ мужей-компаньоновъ старается предпочтительно передъ другими угодить общей женѣ и готовъ полагать каждому ея капризу. Многочисленность женщинъ, даже безъ полиандріи, всегда хорошо вліяетъ на ихъ положеніе въ семействѣ и въ обществѣ, хотя и вредно дѣйствуетъ на ихъ нравственность. Чѣмъ меньше въ извѣстной странѣ женщинъ, тѣмъ болѣе цѣнятся онѣ во всѣхъ отношеніяхъ и тѣмъ

удачиѣ могутъ они бороться съ эгоизмомъ мужчинъ. Но одною цѣнностью женщины и порождаемымъ ею уваженіемъ мужчинъ нельзя объяснить того замѣчательнаго положенія женщины, какое она занимаетъ въ полиандрическомъ семействѣ и обществѣ. Самое устройство семьи и характеръ полиандрическаго семейнаго права необходимо выдвигаютъ женщину на передній планъ и ея интересы ставятъ выше интересовъ всѣхъ другихъ домочадцевъ.

Въ патриархальномъ семействѣ, типомъ котораго можетъ служить извѣстная каждому читателю библейская семья, абсолютно и единовластно царитъ принципъ отцовства. Управление всѣми дѣлами, родство, наследство, — все это сводится къ одному центру, — къ личности домовладыки, власть котораго служитъ основой семейнаго института. При полиандрии такіе порядки невозможны, здѣсь семья не имѣетъ отца, особенно въ періодъ общности женъ рѣшительно нельзя опредѣлять, кому принадлежать дѣти, рожденныя извѣстною женщиной, а позднѣе, при господствѣ одной изъ полиандрическихъ формъ, можно только сказать, что дѣти родились отъ одного изъ такихъ-то мужчинъ, число которыхъ доходитъ часто до десятка и болѣе. Да и понятіе о родствѣ по отцу, даже о необходимости для самаго происхожденія дѣтей извѣстнаго участія мужчины, должны были явиться уже послѣ поватій о происхожденіи дѣтей изъ материнской утробы, что по своей осязательной для всѣхъ очевидности прежде всего должно было поразить вниманіе первобытныхъ людей. Такимъ образомъ, самая первичная семейная система была основана на идеѣ кровнаго родства и родства только по матери или по женской линіи. Коль скоро человѣкъ усвоилъ себѣ мысль, что въ жилахъ его течетъ материнская кровь, немного стоить ему догадаться, что таже самая кровь въ его братьяхъ и сестрахъ, равно какъ въ братьяхъ и сестрахъ его матери и т. д. У нейровъ, у которыхъ мужья обыкновенно не братья и не родственники между собою, никто не знаетъ своего отца и каждый смотритъ на дѣтей сестры, какъ на своихъ наследниковъ, потому что кровная связь съ этими племянниками для грубаго нейра гораздо очевиднѣе, чѣмъ его родство съ дѣтьми его жены, неизвѣстно отъ кого зачатymi. И всѣ семейныя обычаи этого народа проникнуты тѣми же принципами материнства. Семействомъ управляетъ мать, а послѣ ея смерти старшая сестра. Братья живутъ обыкновенно подъ одною кровлею; если одинъ изъ нихъ отдѣляется, то съ нимъ обыкновенно уходитъ любимая сестра его. Послѣ смерти мужчины, все его имущество дѣлится ме-

жду всѣми дѣтьми его сестеръ; если у него есть земля, то управленіе ею вручается старшему лицу въ семействѣ. У другихъ полиандрическихъ народовъ родство считается также только по женской линіи; дѣти принадлежать семейству и роду матери, фамилія, права, имущество, — все это наследуется по началамъ материнства; мужчины наследуютъ сестра или дѣти ея; часто братъ при сестрѣ не наследникъ, главное лицо въ семействѣ мать или старшая сестра, — словомъ, вся система личныхъ и имущественныхъ семейныхъ отношеній проникнута началами кровнаго материнскаго родства. Эта система во время владычества полиандрии такъ крѣпко укореняется въ понятіяхъ народа и превращается въ такой священный обычай, что продолжаетъ даже существовать послѣ паденія многожыяго брака, при одноженствѣ и полигаміи. Такъ, напр., у кокковъ, которые держатся теперь моногаміи, мы видимъ эту систему въ ея чистѣйшей полиандрической формѣ, съ тѣмъ только отличіемъ, что въ число родственниковъ принять мужъ дочери, въ качествѣ служебнаго члена семьи. У ливійцевъ дѣти наследовали по женской линіи, получая права и фамилію матери, такъ что, напр., если гражданка выходила за раба, то дѣти ея считались благородными, а если гражданинъ женился на рабынѣ или иностранкѣ, то его потомство принадлежало къ низшему сословію; родителямъ наследовали не сыновья, а дочери; главою семейства была мать, а не отецъ. Тѣ же начала дѣйствовали и у многихъ другихъ народовъ. У иныхъ же и теперь вмѣстѣ съ материнскимъ наследствомъ сохраняется запрещеніе вступать въ бракъ съ родственниками по матери, между тѣмъ какъ съ роднею по отцу бракъ дозволенъ, подобно тому какъ въ Библіи Авраамъ женится на сестрѣ, а Лотъ на племянницѣ по отцу, а не по матери. Словомъ, по всему міру до сихъ поръ уцѣлѣли еще разбѣянные остатки первобытнаго материнскаго права, которые могли возникнуть только изъ полиандрии, и которые несомнѣнно убѣждаютъ насъ въ повсемѣстномъ ея господствѣ въ первичную эпоху исторіи человѣчества.

Не только въ юридической, но и во всѣхъ другихъ отрасляхъ первобытной культуры мы видимъ тоже преобладаніе материнства и вслѣдствіе этого главенство женщины. Мать была источникомъ первыхъ чувствъ родственной любви и уваженіе къ ней родило первую идею о нравственномъ долгѣ. Извѣстія о жизни современныхъ дикарей показываютъ намъ, что изъ струнъ человѣческаго сердца на низшей ступени его развитія издаетъ самыя сильныя и

самые благородные звуки любовь матери. На особенную силу любви между кровными родственниками въ ту эпоху указываютъ отношенія между братьями и сестрой. И въ извѣстіяхъ этнографовъ, и въ историческихъ свидѣтельствахъ, и въ народныхъ пѣсняхъ, дышащихъ стариною,—всюду мы видимъ особенную нѣжность сестробратскихъ отношеній. Братъ представляется защитникомъ и любимцомъ сестры, а она его вѣрною подругою.

И сестробратскія отношенія стоятъ въ первичномъ міросозерцаніи до того выше всякаго дружественнаго союза, что если два мужчины или мужчина и женщина по взаимной симпатіи вступаютъ въ дружественное товарищество, то называютъ себя братьями и сестрами. Такой обычай *побратимства* и *посестримства* въ ходу у многихъ народовъ, напр., у древнихъ египтянъ, у современныхъ задунайскихъ славянъ и т. д. Но материнство не ограничивается развитіемъ чувствъ братства только между кровными родственниками: чуждое той исключительности и тѣхъ аристократическихъ притязаній, какія проникаютъ въ жизнь вмѣстѣ съ началами отцовства, оно держится принциповъ всеобщности и равенства; «изъ него» говорятъ Баховенъ «возникаетъ братство всѣхъ людей, сознаніе и признаніе котораго погибаютъ съ развитіемъ отцовства». Материнство не знаетъ отца, и всѣ дѣти равны для него, какъ происходящія отъ одной крови. А такъ какъ главнымъ божествомъ въ эту эпоху является земля, мать всего живущаго, то отсюда естественно возникаетъ представленіе о родствѣ и братствѣ всѣхъ людей. Материнство поэтому, какъ доказываютъ несомнѣнныя историческія свидѣтельства, благопріятствуетъ не только весьма важному для социальнаго прогресса развитію сношеній съ иностранцами, но даже не препятствуетъ вступленію въ бракъ съ ними и съ рабами. Даже тамъ, гдѣ материнство находится въ измѣненномъ отцовскимъ принципомъ состояніи, все-таки сильно замѣтно его нивелирующее, демократическое вліяніе, благодаря которому древній Египетъ, напр., былъ избавленъ отъ чудовищной системы кастъ, останавливавшихъ всякое развитіе и убивавшихъ всякую жизнь въ другихъ государствахъ, особенно въ Индустанѣ. Въ Римѣ основанныя на материнствѣ плебейскія начала были семенами общественнаго прогресса и социальнаго уравниенія. Все это сознавалось еще древними, которые въ своихъ легендахъ и пѣснопѣніяхъ о золотомъ вѣкѣ, объ этой эпохѣ всеобщаго равенства и братства, хотя и слишкомъ уже предавались фантазіи, но все-таки эта фантазія имѣла нѣкоторое историческое основаніе въ обще-

ственнымъ и нравственнымъ строемъ древнѣйшихъ обществъ, проникнутыхъ началами материнства. У Гезіода, напр., материнство является средоточнымъ пунктомъ всей домашней и общественной жизни рода человѣческаго въ эпоху серебрянаго вѣка. Памятники разныхъ отраслей древней жизни свидѣтельствуютъ, что на всѣхъ отношеніяхъ какъ социальныхъ, такъ и нравственныхъ, лежала печать одного материнскаго начала. Бракъ назывался «matrimoniū», отъ mater, мать; прежде чѣмъ говорить отечество и *языкъ отцовъ*, люди говорили «Mutterland, metropolia, Muttersprache», — *земля матерей, языкъ матерей* и т. д. Прежде чѣмъ отцовство утвердило въ жизни первенство, любовь матери, особенно предпочитающая послѣдняго рожденнаго ею дитяту, старалась о нѣкоторыхъ преимуществахъ младшаго сына или дочери. Материнское чувство было первичною основою всей моральной культуры, утверждая среди дикой анархіи начала любви, единенія и мира. «Какъ ребенокъ, такъ и народы получаютъ первое свое воспитаніе отъ женщины», говоритъ Баховенъ. Преданія многихъ народовъ рассказываютъ намъ, что женщины не разъ полагали конецъ бродячей жизни, сожигая корабли своихъ мужей, что онѣ были основательницами земледѣлія и другихъ искусствъ мирной жизни, что онѣ водворяли на землѣ миръ и, давая законы, поддерживали правду, что онѣ, по выраженію Страбона, первыя стали поклоняться богамъ, и потомъ научили этому мужчинъ. Мы увидимъ ниже, что во всѣхъ этихъ легендарныхъ сказаніяхъ очень много исторической правды. О томъ же первобытномъ преобладаніи женщины свидѣтельствуетъ и исторія религій. Разберите какую угодно мифологію и вы увидите, что основнымъ и первымъ по времени божествомъ въ ней была земля, эта щедродательная *мать* всѣхъ людей. Принципъ отцовства въ мифическихъ образахъ боговъ неба или солнца является уже послѣ, точно также какъ въ человѣческой жизни отецъ утверждаетъ свои права послѣ матери. Такъ, напр., въ египетской религій культъ Озириса (солнца) явился послѣ культа Изиды (земли), и послѣдняя имѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ ея супругъ. Она была царицею всей земли, матерью боговъ, первую законодательницею, верховною судьею, основательницею брака, земледѣлія и всей культуры. Въ древнихъ гимназахъ Изиды говоритъ, что отъ нея, «законодательницы смертныхъ», протекаетъ вся мудрость царей; что она уничтожила бѣдствія войны и утвердила благодѣтельную власть фараоновъ и т. д. Въ греческой религій первое мѣсто принадлежатъ также матери боговъ и

людей, источнику всякой жизни, Геѣ, землѣ, имѣвшей преобладающее значеніе въ пеласгическую эпоху. Стоитъ только припомнить нѣкоторыя подробности эллинской священной исторіи и преобладаніе въ ней женскаго элемента сдѣлается яснымъ. Сверженіе старѣйшаго изъ боговъ было дѣломъ матерей. Кроносъ, *младшій* изъ титановъ, по приказанію Геи, нападаетъ на Урана и побѣждаетъ его. Самъ Кроносъ сверженъ *младшимъ* изъ сыновей, Зевсомъ, дѣйствовавшимъ по волѣ своей жены, Реи, и матери, Геи. Отецъ пожираетъ только сыновей, а дочери остаются неприкосновенными. Всѣ сыновья Урана повинуются матери, кромѣ Океана, этого поборника отцовскихъ принциповъ. Въ эпоху золотого и серебрянаго вѣковъ парить надъ человѣчествомъ Правда (Divé), дочь стараго Астрея, возсѣдающая на *полночномъ* небѣ съ колосьями въ *левой* рукѣ. Женщина является здѣсь носительницею права, устроительницею мира и добрыхъ нравовъ, подательницею всѣхъ жизненныхъ благъ. И Баховенъ, въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи о древней гинейократіи, — которое, несмотря на всѣ его ошибки и парадоксы, извнѣяемая совершенною новостью и неразработанностью предмета, должна занять видное мѣсто въ исторической наукѣ, — Баховенъ доказываетъ, что въ древнихъ религіяхъ все женственное преобладало надъ мужскимъ, луна надъ солнцемъ, ночь надъ днемъ, лѣвая рука надъ правой. Достоинство и значеніе земной женщины стояли въ самой тѣсной связи съ этими религіозными понятіями. Женщина была представительницею божественной земли; всѣ свойства какъ женщины, такъ и земли представлялись одинаковыми, а мужчина стоялъ къ женѣ въ такомъ же случайномъ отношеніи, какъ пахатель или сѣятель къ землѣ. Во главѣ всѣхъ вещей стоитъ здѣсь великая праматерь, изъ нѣдръ которой возникаетъ всякая жизнь. Представительница и жрица ея, земная женщина имѣетъ тоже значеніе силы и святости, какъ и богиня. Кто обидитъ женщину, тотъ обидитъ землю, и послѣдняя въ греческой мифологіи не разъ наказываетъ преступниковъ, нарушившихъ обязанности, требуемыя материнствомъ. При такихъ условіяхъ женщина предпочтительно передъ мужчиной дѣлается служительницею божества. Тацитъ говоритъ, что германцы „видѣли въ женщинахъ что-то святое и вдохновенное; они никогда не презирали ихъ совѣтовъ и приписывали важность ихъ отвѣтамъ“. У современныхъ дикарей женщины считаются также особенно способными для сношенія съ міромъ боговъ и, въ качествѣ жрицъ или пророчицъ, играютъ важную роль въ обществѣ. У древнихъ народовъ, на зарѣ ихъ исторіи,

женщины допускались къ обязанностямъ жречества наравнѣ съ мужчинами и имѣли гораздо больше религіознаго вліянія на народъ, чѣмъ впослѣдствіи, въ патріархальную эпоху. Такъ, напр., гуроны особенно заботятся о совѣщаніи съ женщинами въ важныхъ дѣлахъ. Съ этою ролью совѣтницы, женщина соединяетъ еще и значеніе судьи. Галльскія женщины составляли въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже верховный судъ націи, и галлы договорились съ Аннибаломъ, что въ случаѣ какого нибудь неудовольствія на нихъ карфагенянь, послѣдніе должны жаловаться галльскимъ женщинамъ, которыя и разсудятъ ихъ. У древнихъ чеховъ хранительницами законовъ и верховными судьями были женщины, равно какъ и у беотійцевъ. Павзаній разсказываетъ, что когда умеръ пизанскій царь Демафонъ, причинившій много зла элейцамъ, то для разбора притязаній и несогласій между Элией и Пизой шестнадцать городовъ выбрали по одной женщинѣ каждый, которыя и установили миръ. О древнихъ и новыхъ народахъ извѣстно, что даже находящаяся въ рабскомъ состояніи женщины часто играютъ роль мировыхъ посредницъ, прерывая своимъ вмѣшательствомъ не только частныя ссоры, но даже и племенные войны.

Было бы непонятнымъ фактомъ въ исторіи, если бы при упомянутомъ высокомъ положеніи первобытной женщины въ семействѣ и въ религіи, она не пользовалась равнымъ же значеніемъ въ общественной жизни. Права материнства, экономическая самостоятельность, религіозное и нравственное вліяніе, наконецъ сила мускуловъ и воинственность первобытной женщины, о которыхъ мы будемъ говорить ниже,—все это естественно вело за собой болѣе или менѣе полную гнѣивократію. Остатки этого владычества женщины мы можемъ видѣть до сихъ поръ у нѣкоторыхъ дикарей разныхъ странъ свѣта. По словамъ Ливингстона, въ нѣкоторыхъ земляхъ Африки женщины занимаются торговлей, свободно раздѣлываютъ по странѣ или же пахутъ землю, засеваютъ поля и строятъ хижины; такая дѣятельная жизнь, развивая силу ихъ ума и мускуловъ, даетъ имъ не только свободу, но даже владычество надъ мужчинами, которые тупѣютъ и изнѣживаются, сидя постоянно дома и занимаясь шитьемъ, тканьемъ, доеніемъ коровъ и сплетнями. У нѣкоторыхъ племенъ мандинго женщины принимаютъ участіе въ управленіи и составляютъ собранія, къ которымъ мужчины обращаются въ трудныхъ случаяхъ за совѣтомъ. У багунсовъ есть даже особый женскій судъ. Въ Ангонѣ, Анголѣ и Конго на женщинѣ переходитъ по наслѣдству королевская власть, а въ Лоанго

король выбираетъ себѣ матрону, называетъ ее своею матерью и по всѣмъ важнымъ дѣламъ обращается къ ней за совѣтомъ. У народовъ южной Гамбіи женщины принимаютъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, законодательствѣ и судѣ. Въ Кабу и у болонда они могутъ быть королевами и пользуются большимъ уваженіемъ. Въ Дагомеѣ женщины составляютъ королевскую гвардію, а родственницы короля завѣдуютъ прокурорскимъ надзоромъ въ странѣ. Вообще же о жителяхъ Африки Вайцъ замѣчаетъ, что «богатство и знатное происхождение освобождаютъ женщину отъ ея обыкновенной судьбы». Богатыя дѣвушки въ Акрѣ живутъ съ кѣмъ хотятъ, нисколько не скандализируя себя этимъ; сестры короля ашантиевъ выбираютъ сами своихъ мужей, и обычай требуетъ, чтобы послѣдніе сопровождали ихъ въ могилу. Такой же свободой и преобладаніемъ надъ мужчинами пользуются женщины королевской крови въ Канго и Лоанго. У каффровъ мать вождя имѣетъ огромное значеніе, а каждая хозяйка дома управляетъ имъ независимо отъ своего мужа. У древнихъ нормановъ не одна женщина носила съ собою длинный ножъ, и не одинъ мужчина былъ рабомъ своей жены. У малайцевъ жена повелѣваетъ въ своемъ домѣ. Черкешенки принимаютъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ народа, воодушевляютъ юношей на подвиги, награждаютъ хвалою побѣдителей и ведутъ себя такъ самостоятельно и солидно, что путешественникъ Бель сравниваетъ ихъ съ Дѣвою Орлеанскою. Жены и сестры нѣкоторыхъ арабскихъ шейковъ, во время отсутствія послѣднихъ, ведутъ всѣ дѣла управленія. У чукчей и на островахъ Южнаго океана женщины являются нерѣдко родовыми княгинями и королевами. Такова была, напр., Помаре, королева Отанти, наслѣдовавшая въ 1832 г. своему брату, который вводилъ на островахъ христіанство, поднимавшая гоненіе на эту религію и тѣмъ возбуждавшая французское вмѣшательство. Вообще же на островахъ Южнаго океана женщины имѣютъ право говорить въ народныхъ собраніяхъ и мужчины съ уваженіемъ внимаютъ ихъ совѣтамъ. На Явѣ, до введенія тамъ магометанства, женщины часто достигали высшихъ должностей администраціи, и даже теперь нерѣдко случается, что послѣ смерти начальника округа, вдова его удерживаетъ за собою принадлежавшую ему власть. На Целебесѣ женщины не только участвуютъ въ общественныхъ дѣлахъ, но часто даже всходятъ на тронъ, хотя королевское достоинство и зависитъ здѣсь отъ народнаго выбора. Жена вождя Липукаски была однимъ изъ первыхъ государственныхъ людей и героевъ Целебеса. У европейскихъ варваровъ жен-

щины пользовались также гораздо большею свободой въ древности, чѣмъ впослѣдствіи. Однажды въ Галліи имъ удалось утѣшить въ самомъ началѣ возгорѣвшуюся было междоусобную войну, и съ тѣхъ поръ онѣ начали играть первенствующую роль въ военныхъ совѣтахъ и при заключеніи международныхъ договоровъ. Есть даже извѣстіе, что въ Галліи былъ женскій сенатъ, и что входившія въ его составъ представительницы галльскихъ племенъ имѣли верховную власть надъ ними. Въ Германіи онѣ наслѣдовали государственную власть и часто являлись такими героинями и правительницами, что величайшіе мужи считали за честь служить подъ ихъ знаменами и повергать къ стопамъ ихъ свои военные трофеи. Подобныхъ примѣровъ изъ дикой или полудикой жизни можно набрать множество, но мы ограничимся только вышеприведенными и слѣдующимъ извѣстіемъ новѣйшаго путешественника по Африкѣ, Ливингстона. Къ сѣверу отъ Замбези живетъ народъ балонда небольшими земледѣльческими общинами. Повсюду мужчнны, женщины и дѣти заняты воздѣлываньемъ манса, кофе, овса, бобовъ, риса, тыква и т. д. Что же касается ихъ соціальныхъ порядковъ, то замѣчательнѣе всего преобладающее значеніе женщинъ. Ливингстонъ, недовѣрявшій рассказамъ прежнихъ путешественниковъ о господствѣ у балонда гинейкократиі, наблюдалъ ее скептически, но все-таки убѣдился въ ея существованіи. «Женщины засѣдаютъ въ народныхъ совѣтахъ; женихъ долженъ переселиться въ деревню своей будущей супруги и жить тамъ; при заключеніи брачнаго договора онъ обязуется содержать до смерти свою тещу; жена одна имѣетъ право дать разводъ мужу и всѣ дѣти въ такомъ случаѣ остаются при матери; мужъ безъ дозволенія жены не можетъ входить ни съ кѣмъ въ обязательство, какъ бы незначительно оно ни было». И мужья до того уже свыклись съ своимъ положеніемъ, что не обнаруживаютъ никакой оппозиціи. Жены же стараются держать ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ и часто наказываютъ лишеніемъ пищи, побоями и пощечинами. Иногда впрочемъ мужчины вступаются за такія жертвы женинаго деспотизма и принуждаютъ тиранку пронести мужа по улицѣ на своей спинѣ, при чемъ мужчины ругаютъ везущую, а женщины поощряютъ ее, восклицая: «поступай съ нимъ, какъ онъ заслуживаетъ; взлупи-ка его еще такъ же,» и т. п. Извѣстный знатокъ африканской цивилизаціи, Лепсіусъ, замѣчаетъ, что «съ древнѣйшихъ временъ въ этой части свѣта чрезвычайно распространено преобладаніе женскаго пола надъ мужчинами. Вспомните, какъ часто упоминаются королевы Эфіопіи.— На памятникахъ

ваянія въ Мерое мы также видимъ воинственныхъ царницъ. Бегг, бывшіе потомками меройскихъ эфіоповъ и предками нынѣшнихъ бишари, вели свои генеалогіи не по отцамъ, а по матерямъ, и наслѣдство переходило не на сына, а на сестру или дочь умершаго. Такіе же порядки были у жителей Нубіи» По словамъ Діодора, въ древней Африкѣ было много племенъ, у которыхъ женщины занимались всѣми общественными дѣлами, мужья же подъ управленіемъ своихъ женъ вели хозяйство, ихъ не допускали ни до управленія, ни до военныхъ занятій. Подобныхъ древнихъ извѣстій объ африканской гинейкокраціи множество и владычество женщинъ въ извѣстной степени удержалось даже въ одномъ изъ самыхъ древнихъ цивилизованныхъ государствъ, въ Египтѣ. Здѣсь, по словамъ правдиваго Геродота, «царица пользовалась большимъ уваженіемъ и большею силою, чѣмъ царь,» и хоги на египетскомъ тронѣ возсѣдали немногія женщины въ качествѣ самостоятельныхъ государынь, за то фараонъ состоялъ подъ верховною опекой своей матери. «Даже въ частной жизни» — по Геродоту — «жена посредствомъ брачнаго договора, прибрѣтала власть надъ мужемъ, и женихъ обязывался во всемъ безпрекословно повиноваться своей будущей супругѣ. Женщины ходили на площадь, занимались торговлею и промыслами, а мужчины сидѣли дома и ткали. Сыновья не содержали родителей, обязанность прокормленія которыхъ лежала на дочеряхъ;» эта обязанность уравнивалась правомъ дочери на полученіе отъ родителей всего наслѣдства, кромѣ земли. Приданое дѣвушки получали отъ своихъ матерей или добывали его путемъ проституціи, что также указываетъ на остатки первобытнаго геризма.

Послѣ приведенныхъ нами фактовъ читателю уже не покажется страннымъ, что мы видимъ извѣстную долю исторической дѣйствительности и въ сагахъ объ амазонкахъ. Воинственный характеръ ихъ вполне согласенъ съ воинственностью большинства первобытныхъ женщинъ. Полиандрія и преобладаніе надъ мужчинами существуютъ у разныхъ народовъ, поэтому мы и считаемъ саги объ амазонкахъ однимъ изъ доказательствъ существованія въ древности не малаго числа такихъ племенъ, у которыхъ женщины были воинственны, держались полиандріи, управляли мужчинами, а общественная жизнь была основана на началахъ материнства. Происхожденіе амазонства объясняется въ древнихъ источникахъ тѣмъ, что женщины, возставъ и перебивъ своихъ мужей, дѣлались независимыми и начинали жить съ рабами, плѣнниками и чужестран-

цами. Хотя и плохо вѣрится такому поголовному мужеистребленію, но, уменьшивъ размѣры его, мы, основываясь на извѣстіяхъ о современныхъ дикаряхъ, имѣемъ полное право считать его господствовавшимъ обычаемъ эпохи первобытной борьбы мужчины съ женщиной, хотя объяснять происхожденіе амазонства подобнымъ переворотомъ и невозможно.

Діодоръ рассказываетъ слѣдующее о царицѣ амазонокъ, жившихъ на устьѣ р. Шермадонъ. Со дня на день росла слава ея храбрости, и тотчасъ послѣ покоренія одного народа, она шла на завоеваніе другого. Она назвалась дочерью бога войны и заставила мужчинъ пріять шерсть. Изданіемъ своихъ законовъ она призвала женщинъ къ военнымъ занятіямъ, а мужчинъ осудила на униженіе и рабство, и, желая сдѣлать ихъ безопасными, велѣла уродовать всѣхъ мальчиковъ. О происхожденіи скифскихъ амазонокъ, сага говоритъ, что въ царствованіе египетскаго Сесостриса нѣкоторые скифы съ своими семействами выселились въ Каппадокію; но вскорѣ большинство ихъ, кромѣ женщинъ, было измѣнически перебито врагами. Жены ихъ, избравъ изъ себя предводительницъ, вооружились и отказались навсегда отъ всякой подчиненности мужчинамъ; перебивъ оставшихся еще у нихъ мужей, онѣ покорили нѣсколько земель и обращенныхъ въ рабство жителей ихъ заставляли періодически сожительствовать съ собою, не вступая однакожь съ ними въ сколько нибудь прочный брачный союзъ. Рожденныхъ ими дѣвочекъ онѣ оставляли у себя и воспитывали, а мальчиковъ убивали или отдавали ихъ отцамъ. Древніе авторы передаютъ намъ цѣлую полумифическую исторію царства этихъ азійскихъ амазонокъ, рассказывая, какъ онѣ покоряли многія страны и строили многіе города, какъ онѣ боролись съ Геркулесомъ, принимали участіе въ троянской войнѣ и т. д. Въ Африкѣ было также много амазонокъ, составлявшихъ сильныя царства, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли женскую армію въ 3,000 пѣхоты и 20,000 конницы, дѣлавшихъ большія завоеванія и державшихъ своихъ мужей въ такомъ же рабскомъ подчиненіи, въ какомъ у другихъ народовъ находятся женщины. Геркулесъ, во время своихъ странствованій, рѣшился освободить мужчинъ отъ этого бабьяго владычества и положилъ конецъ царству амазонокъ. Амазонки существовали также, по древнимъ свидѣтельствамъ, въ Атикѣ, Беотіи, Фессаліи, Южной Америкѣ, на берегахъ Балтики и т. д. Въ Европѣ были амазонки въ Богеміи. Въ первичную эпоху исторіи этой страны женщина была равноправна съ мужчиной и могла быть государыней; женщины

же были и главными хранительницами законовъ. *) Любуша, наследница Крока, обладала, по преданію, государственною мудростью; ея старшая сестра, Тета, отличалась постройкою городовъ, а средняя, Казн, занималась медициной. Два брата ссорятся изъ-за наслѣдства; Любуша созываетъ народное собраніе и посреди его всходитъ на престолъ своего отца, сопровождаемая *двумя вѣщими дѣвами*, изучившими судейскую мудрость; у одной изъ нихъ законодательная доска у другой мечъ, символъ наказанія. Княжна произноситъ свой приговоръ, ссылаясь на законы вѣчныхъ боговъ, и двѣ дѣвы собираютъ голоса народа. Но въ той же самой позѣ мы видимъ уже начало паденія гинейкократіи. Любуша рѣшаетъ упомянутый споръ такъ: «по закону вѣчно-живущихъ боговъ, братья должны владѣть вмѣстемъ вмѣстѣ или же раздѣлить его по ровну.» Большинствомъ голосовъ было рѣшено, что они должны владѣть вмѣстѣ. Тогда поднимается одинъ изъ тяжущихся братьевъ, лютый Хрудошъ; «жолчь разлилась по всей его внутренности, отъ ярости дрожатъ всѣ его члены; махнувъ рукой, заревѣлъ онъ яримъ туромъ: «горе птенцамъ, когда заползетъ къ нимъ въ гнѣздо змѣя, горе мужчинамъ, когда имъ повелѣваетъ женщина. Мужчина только повелѣваетъ мужчинами, первенцу повелѣваетъ законъ отдать наслѣдство.» Оскорбленная такимъ протестомъ, Любуша хотѣла отказаться отъ престола, но она осталась на немъ, только должна была выбрать себѣ мужа изъ земскихъ людей. Такимъ образомъ, какъ и у германскихъ племенъ, у чеховъ право женщины на престолъ было ограничено тѣмъ, что она должна выходить замужъ. Легенда говоритъ, что женщины не безъ сопротивленія подчинились такому перевороту. По смерти Любуши, назначившей преемникомъ своего мужа Пржемислава, одна изъ ея дѣвушекъ, Власта, собравъ около себя множество женщинъ, вознамѣрилась превратить всю Богемію въ женское государство, лишивъ мужчинъ ихъ власти и значенія. Дѣла этихъ амазонокъ сначала пошли успѣшно и онѣ основали *Дѣвичій городъ* (Divojn, Magdeburg.). Власта постановила закономъ воспитывать изъ дѣтей только дѣвочекъ, а рождающихся мальчиковъ дѣлать неспособными къ владѣнію оружіемъ, выкалывая имъ правый глазъ и отрубая имъ на обѣихъ

*) Въ древней Чехіи—говоритъ Козьма Пражскій — «дѣвушки росли свободно, упражнялись въ военномъ дѣлѣ, ходили на войну, охотились, однимъ словомъ, въ образѣ жизни мужчинъ и женщинъ не было тогда различія.»

рукахъ большіе пальцы. Мужчины вооружились противъ амазонокъ, произошла битва, женщины были побѣждены, а Власта убита Путешественники XVII в., посѣщавшіе Бискаю, видѣли амазонокъ и тамъ. Въ Фуэнте-Раббіа была община женщинъ, состоявшихъ подъ начальствомъ одной старой дѣвы. Всѣ онѣ жили судоходствомъ, на берегу моря въ маленькихъ хижинахъ. Эта женская республика существовала недолго.

II.

Въ поэмѣ о Любушѣ и Властѣ, въ греческихъ легендахъ о Гераклѣ и другихъ герояхъ, отчасти и въ индѣйскомъ эпосѣ, рассказывается, какъ мужчины силою своихъ сверхъестественныхъ покровителей избавились отъ владычества женщинъ и какъ положенъ былъ конецъ амазонству. Здѣсь, какъ и въ вопросѣ о происхожденіи амазонокъ, нельзя соглашаться съ древними источниками. Такіе перевороты, какъ паденіе гинейкократіи и материнскаго начала, подобно измѣненіямъ земной коры, совершались медленно и постепенно. Еще въ періодѣ полного господства материнства является уже зачатокъ будущихъ переменъ въ семействѣ, — идея отцовства; когда люди узнали, что женщина, подобно самкѣ всѣхъ другихъ животныхъ, не можетъ родить безъ мужского оплодотворенія ея, когда, слѣдовательно, у каждаго ребенка предполагался отецъ, то родство начали считать не только по матери, но и по отцу. Начало отцовства долго было чисто фиктивнымъ, гипотетическимъ, между тѣмъ, какъ родство по матери представлялось для всѣхъ очевиднымъ фактомъ. При многожествѣ и свободѣ половыхъ отношеній женщины невозможно съ достовѣрностью указать на лицо, бывшее родителемъ даннаго ребенка. Первымъ средствомъ для опредѣленія личности отца служилъ фзіономическое и вообще тѣлесное сходство ребенка съ однимъ изъ мужей его матери. Такъ, напр., дѣлились дѣти у полиандрическихъ племенъ Ливіи и авзовъ; у либурийцевъ, какъ жены, такъ и дѣти до пятилѣтняго возраста считались общими. Шестилѣтнихъ же дѣтей они приводили въ свое собраніе и по сходству ихъ съ мужчинами, раздавали предполагаемымъ ихъ отцамъ. Для признанія своихъ от-

цовскихъ правъ на ребенка мужчина употреблялъ и другое, еще болѣе фиктивное средство. Мы говоримъ о *кувады*, обычаѣ, распространенномъ у скифовъ, корсиканцевъ, киприятъ, иберійцевъ, каранбовъ, индѣйцевъ Южной Америки и Калифорніи, въ Цукхели, въ западной Африкѣ, у басковъ, въ старинной Наваррѣ и т. д. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что при роженіи ребенка отецъ ложится въ постель, подражаетъ крикамъ, стонамъ и всѣмъ болѣзненнымъ тѣлодвиженіямъ родильницы, выдерживаетъ самую строгую діету, остается въ постели мною большимъ нѣсколько дней и даже недѣль, и всѣ ухаживаютъ за нимъ также, какъ за родильницей. Смыслъ куваты заключается въ томъ, чтобы показать нагляднымъ образомъ, что отецъ имѣетъ такое же право на ребенка и такую же родственную связь съ нимъ, какъ и мать, родившая его въ мукахъ. *) Дѣло признанія отцовскаго родства и отцовскихъ правъ много подвигается впередъ при переходѣ полиандріи въ ея семейную форму. Здѣсь число мужей гораздо ограниченнѣе, чѣмъ въ полиандріи несемейной, и поэтому гораздо легче, чѣмъ въ послѣдней, опредѣлить личность отца. Сначала впрочемъ и здѣсь всѣ братья считаются отцами всѣхъ дѣтей общей ихъ жены. Такая система родства удерживается до сихъ поръ между индѣйцами, свидѣтельствуя о томъ, что они жили нѣкогда въ полиандріи. У нихъ всѣ братья отца считаются отцами его дѣтей; всѣ дѣти разныхъ братьевъ суть братья и сестры другъ друга; всѣ внуки братьевъ индѣйца въ то же время и его внуки. Но по мѣрѣ возрастанія авторитета старшаго брата, о чемъ мы говорили выше, отцовское значеніе младшихъ постепенно ограничивается и наконецъ вовсе падаетъ. У полиандристовъ южной Индіи, хотя всѣ братья считаются отцами, но старшій называется *большимъ отцомъ*, а слѣдующіе за нимъ *малыми отцами*. Ту же систему родства видимъ мы у нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Дальнѣйшая степень въ развитіи отношеній отцовскаго родства состоитъ въ раздѣлѣ дѣтей между всѣми братьями, какъ

*) У современныхъ дикарей, держащихся куваты, смыслъ ея, какъ и значеніе многихъ другихъ первобытныхъ обычаевъ, потерявъ, и они объясняютъ его разными соображеніями, цѣмбующими никакой связи съ первичнымъ значеніемъ куваты. На основаніи этихъ соображеній, Тайлоръ силится доказать, что кувата основана на первобытномъ понятіи объ единствѣ отца в ребенка; отецъ, дескать, держитъ діету для того, чтобы не разстроить желудка ребенка и не повредить ему. Но Тайлоръ забываетъ, что сущность куваты не въ діетѣ, а въ томъ, что мужчина подражаетъ всѣмъ мукамъ родильницы.

это иногда дѣлается у тибетцевъ, и вѣроятно такой раздѣлъ совершается на упомянутомъ уже нами основаніи фізіономическаго сходства. Раздѣлъ дѣтей совершается еще и другимъ способомъ, — старшаго ребенка отдають старшему брату, второго второму и т. д. Но подобные раздѣлы, какъ и вообще всякаго рода другіе семейные раздѣлы, противны основнымъ началамъ устанавливающагося патріархальнаго общества; они нарушаютъ единство семьи и препятствуютъ развитію абсолютной отеческой власти, поэтому и служатъ только исключеніемъ изъ общаго правила. По мѣрѣ того какъ старшій братъ захватываетъ себѣ супружескія права всѣхъ другихъ братьевъ, онъ присвоиваетъ и отеческія права надъ всѣми дѣтьми. Еще до совершенія этого переворота у многихъ народовъ, державшихся семейной полиандріи, напр. у тибетцевъ, старшій братъ считается единственнымъ отцомъ всѣхъ дѣтей общей жены, хотя было бы и очевидно, что нѣкоторые изъ этихъ дѣтей зачаты не отъ него, а отъ другихъ братьевъ. Когда же полиандрія падаетъ, когда вслѣдствіе улучшенія до извѣстной степени разнообразныхъ условій жизни, количество женщинъ возрастаетъ до того, что каждый мужчина можетъ имѣть не только отдѣльную жену, но даже нѣсколько ихъ, когда сила мужчинъ, соединенныхъ въ родовыя общества, беретъ верхъ надъ женщиною и имѣетъ за собою уже много шансовъ на обращеніе ея въ неволю, — тогда родство по отцу, подкрѣпляемое отношеніями, создаваемыми силою домовладыки, беретъ верхъ надъ родствомъ по матери. Развивается патріархальная система, материнство женщины отодвигается на задній планъ. Въ первобытную эпоху исторіи, когда человѣкъ безусловно преклонялся передъ могуществомъ природы и лобызалъ божественную землю, милосердно надѣлявшую его своими плодами, материнская производительность женщины стояла также высоко, какъ и производительность земли, матери всего живущаго. Но когда человѣкъ началъ бороться съ природою и отчасти даже покорять ее, когда онъ созналъ, что плодородіе земли зависитъ въ извѣстной степени отъ его воли и искусства, и главнымъ образомъ отъ дождя и другихъ атмосферныхъ вліяній *отца* всѣхъ вещей, неба, тогда божественное значеніе земли значительно пало, на первый планъ выступилъ культъ неба или солнца, тогда и женщина превратилась только въ *орудіе* дѣторожденія, бесполезное безъ мужского осѣмененія, подобно тому, какъ пашня непродуцательна безъ пахаря и сѣятеля. Такія притязанія патріархаловъ не сразу могли побѣдить принципы материнства и гинеякратіи, которые съ принципами

отцовства и держатся въ жизни на ряду съ ними. Но физическая сила мужчины въ концѣ концовъ все-таки восторжествовала и поработила женщину.

Когда вышеописанный ходъ событій испровергъ полиандрію и основанное на материнскомъ правѣ преобладаніе женщины надъ мужчиной, когда кровное родство по матери было отодвинуто на второй планъ, а надъ нимъ вознеслось родство по отцу и отеческая власть.—то прежніе семейные обычаи, идеи, чувства и льготы женщины не сразу уступили мѣсто новымъ принципамъ и долго боролись съ послѣдними, дѣйствуя на ряду съ ними. Умыканіе дѣвицъ долго еще существуетъ, какъ мы видѣли, и послѣ водворенія новыхъ семейныхъ порядковъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ древнѣйшую эпоху, при господствѣ полиандріи, умыкаемая дѣвушка рѣдко обращалась въ такое ужасное рабство, какое выпадаетъ ей на долю въ семьѣ, основанной на принципѣ отцовства. Въ началѣ патриархальнаго періода женихъ былъ врагомъ невѣсты и ея семья, и послѣдній, поэтому, ненавидѣли его, боролись съ нимъ и такая свадьба оглашалась не музыкой и веселыми пѣснями, а восторженными криками схватки и воплями дѣвушки, увозимой на чужую сторону, но этого мало: захвативъ дѣвушку насиліемъ, мужчина, во имя новыхъ семейныхъ порядковъ, старался превратить ее въ свою безотвѣтную рабыню. Такою былъ фундаментъ брачнаго права... Среди этой анархіи и при такихъ кулачныхъ порядкахъ, мы видимъ, что женщина хотя по необходимости и повинуется насилію, но все-таки по прежнему стремится къ возможной независимости и подъ ея вліяніемъ развиваются зачатки свободнаго договорнаго брака. У всѣхъ дикихъ патриархаловъ дочь такая же рабыня, какъ и жена, а у нѣкоторыхъ положеніе дочери даже хуже, чѣмъ положеніе жены. Поэтому, дѣвушка старается вырваться изъ семьи и выйти замужъ; она ищетъ себя *похитителя*, т. е. жениха, входитъ съ нимъ въ соглашеніе и послѣдній умыкаетъ ее тайкомъ отъ ея родителей. Такъ заключались браки, напр., у радимичей, витичей и сѣверянъ, о которыхъ Несторъ говоритъ, что они сходились изъ разныхъ селъ на игрища «и тутъ умыкали въ жены себя дѣвушекъ, предварительно сговорившись съ ними». Подобныя умыканья случаются и до сихъ поръ у разныхъ дикарей.

При дальнѣйшемъ развитіи семей и родовъ, при водвореніи между ними большей дружелюбности, умыканіе невѣсты мало-помалу уступаетъ мѣсто покупкѣ ея. Этотъ переходъ одного обычая въ другой изображается между прочимъ и въ тѣхъ многочислен-

ныхъ свадебныхъ обрядахъ русскихъ, въ которыхъ поѣзжане и сваты жениха, хотя и представляются враждебною, напавшею на родъ неvěсты шайкою, но все-таки въ концѣ концовъ принуждены бывають платить родителямъ неvěсты за ея воспитаніе, выкупать ея постель, подкупать стерегущаго ея брата и т. д. Набѣги умыкателей не всегда кончались покореніемъ рода и воровствомъ неvěсты, а иногда мировою сдѣлкою и покупкою дѣвушки, родъ которой былъ достаточно силенъ для ея защиты отъ хищниковъ, но въ то же время былъ не прочь выгодно продать ее. Умыканіе переходило въ продажу еще и другимъ способомъ. Женихъ воровалъ неvěсту, родственники которой старались возратить ее; начинался распри, но денежная сдѣлка, такъ сказать вира, 'уплаченная женихомъ за свое преступленіе, прекращала ихъ и водворяла миръ. У аураканцевъ до сихъ поръ женихъ сначала умыкаетъ дѣвушку, а потомъ покупаетъ у ея родителей согласіе на бракъ. Наконецъ входитъ въ обычай, что родители похищенной дѣвушки имѣють право хлопотать объ ея возвращеніи только до извѣстнаго срока, и если умыкатель сѣумѣлъ удержать ее до этого времени, то онъ пріобрѣтаетъ надъ ней всѣ права мужа, уплативъ калымъ ея семейству. Такимъ образомъ мало-по-малу дочери дѣлаются цѣннымъ товаромъ и родители съ радостью сбываютъ ихъ за хорошую плату каждому встрѣчному; не наклонности неvěсты, не достоинства жениха, а только одна величина предлагаемой имъ суммы, одинъ денежный расчетъ родителей дѣвушки служатъ основаніемъ для заключенія или незаключенія брака. Ходкость и цѣна этого живого товара сильно вліяетъ на участь женщины, и корыстолюбіе родителей нерѣдко заставляеть ихъ лишать дѣвушку всякой свободы при выборѣ себѣ мужа. У каффровъ, напр., во время оно бракъ заключался не иначе, какъ съ согласія неvěсты; но въ позднѣйшее время, вслѣдствіе усиленія запроса на женщинъ, корыстолюбіе родителей уничтожило всякіе слѣды этого прекраснаго обычая и превратило дѣвушку въ совершенно пассивный товаръ. Этотъ древній бракъ-купля превосходно характеризуется русскими свадебными пѣснями и обычаями. Изъ нихъ мы видимъ, что въ періодъ родового быта покупка неvěсты совершалась со всѣми формальностями обыкновенной купли-продажи. Покупателями были родники жениха или самъ женихъ, а продавцами родители или родники неvěсты. Женихъ постоянно называется *купцомъ*, а неvěста *товаромъ*. Въ вологодской губерціи смотрины, т. е. показыванье неvěсты, до сихъ поръ въ полномъ смыслѣ осмотръ това-

ра. *Обрученіе* было и есть обрядовый знакъ того, что купецъ и продавецъ сошлись и въ знакъ вѣрности, при свидѣтеляхъ, *ударяли по рукамъ* или дали другъ другу руки, что соблюдается до сихъ поръ при всѣхъ коммерческихъ сдѣлкахъ простонародья. Но, говорятъ Кавелинъ, при покупкѣ, «отношенія купца и продавца, равныя, когда рѣчь идетъ о вещи, не равны, когда предметомъ торга служитъ женщина, будущая жена покупателя. Семья жениха выбираетъ, семья невесты играетъ пассивную роль; первая составляетъ свои требованія и условія, послѣдняя не имѣетъ права предъявлять такихъ же требованій, она соглашается на предлагаемое или не соглашается, но не смотритъ жениха и не дѣлаетъ выбора. Эта форма необходимо перерождается въ обоюдные договоры двухъ семей о взаимномъ союзѣ ихъ членовъ. Рядомъ со смотромъ невесты появляется смотръ жениха, имѣющій разительное сходство со смотринами невесты. — тѣ же приемы родителей невесты, та же пассивная роль жениха». У древнихъ германцевъ жена также покупалась, и уплачиваемый за нее калымъ былъ вообще символомъ перехода ея изъ-подъ власти отца во власть мужа, а буквально покупною цѣною. Такая продажа невесты ея родителями и покупка ея семействомъ жениха существовала въ древности у многихъ народовъ. И въ настоящее время у всѣхъ дикихъ и патріархальныхъ народовъ земного шара женщина продается и покупается съ формальностями и требованіями, обычными при покупкѣ животнаго для работы или на племя. Если, напр., купленная арабомъ жена сдѣлается больна, то онъ прогоняетъ ее обратно къ ея родителямъ, говоря, что платилъ деньги за здоровую, а не за больную, и что тратится на содержаніе хворой бабенки онъ не намѣренъ. Цѣны на невестъ разнообразны, смотря по мѣстности, времени, достоинствамъ дѣвушки и т. д. Въ странахъ плодородныхъ и богатыхъ женщинами, напр., въ Южной Америкѣ, дикарь можетъ купить себѣ невесту за извѣстное количество собранныхъ имъ въ лѣсу плодовъ или настрѣлянной имъ дичи. У черемисовъ дѣвушка стоитъ отъ 30 до 100 рублей, у татаръ цѣна ея доходитъ до 500 р., у негровъ крутъ невеста стоитъ обыкновенно три коровы и одну овцу, у каффровъ—отъ 10 до 70 штукъ скота. Гдѣ цѣны на дѣвушекъ ничтожны, тамъ родители избиваютъ ихъ, а гдѣ высоки, тамъ рачительно воспитываютъ не только своихъ дочерей, но и чужихъ, покупая ихъ въ малолѣтствѣ за дешево и съ выгодой продавая потомъ, по достиженіи ими совершеннолѣтія. Вѣдники, которымъ не на что купить себѣ жены,

поступаютъ къ своему будущему тестю въ работу на извѣстный условленный между ними срокъ и цѣною своего временнаго рабства у отца невѣсты покупаютъ ее себѣ въ вѣчное холопство. Если она умретъ во время этой работы жениха, то онъ получаетъ сестру ея, а при неизмѣни послѣдней, отецъ покойницы доставляетъ ему возможность пріобрѣсть жену изъ другого семейства. Эта кабала жениха до сихъ поръ существуетъ и въ Азіи и въ Африкѣ и въ Америкѣ и Полинезіи и даже въ Европѣ, у русскихъ инородцевъ; была она и у древнихъ народовъ, напр., у скандинавовъ. Бываетъ даже такъ, что женихъ, не уплачивая за невѣсту ни гроша, поступаетъ къ ней въ домъ, дѣлается подчиненнымъ членомъ его, не имѣетъ никакихъ правъ на своихъ дѣтей, словомъ, остается въ вѣчномъ рабствѣ своей жены и ея семейства, Таковъ, напр., у малайцевъ бракъ носящій названіе *ambilanak*.

Бракъ въ формѣ купли-продажи есть торговая сдѣлка двухъ семействъ, слѣдовательно о желаніи и наклонностяхъ невѣсты тутъ не можетъ быть и рѣчи; оно такъ и есть въ позднѣйшемъ періодѣ, когда право и религія санкціонируютъ и упрочиваютъ первобытныя семейныя отношенія, налагая на нихъ печать опредѣленности и неподвижности. Но пока народъ не сложился въ государство, семейныя отношенія не имѣютъ еще той силы и непоколебимой прочности, какую они пріобрѣтаютъ впослѣдствіи; женщина борется, протестуетъ противъ своей пассивной роли при заключеніи брака и стремится придать этому союзу характеръ свободнаго договора двухъ лицъ, а не семей. О неграхъ Вайцъ говорятъ, что у нихъ продаваемая невѣсты нерѣдко оказываютъ рѣшительное сопротивление волѣ своихъ родителей, и если не легко встрѣтить у нихъ сильную романтическую любовь, то, во всякомъ случаѣ, можно видѣть примѣры замѣчательнаго постоянства любовниковъ при неблагоприятныхъ для нихъ обстоятельствахъ и разительнаго самопожертвованія, едва понятныхъ при господствующемъ между ними возрѣніи на женщину. У американскихъ индѣйцевъ несчастный любовникъ нерѣдко стрѣляется, а дѣвушки, которыя не могутъ выйти за любимаго человѣка, вѣшаются или топятся. И не одна любовь можетъ довести дѣвушку до такого сопротивления волѣ родителей, а также и извѣстныя дурныя свойства жениха, напр., его злой характеръ. Вслѣдствіе такой оппозиціи невѣсты, у очень многихъ первобытныхъ народовъ входитъ въ обычай при заключеніи брака сообразоваться съ желаніями и наклонностями невѣсты. Такъ дѣлаютъ напр., якуты, башкиры и нѣкоторые другіе инородцы ал-

тайской расы. У многихъ арабовъ родители начинаютъ торгъ съ женихомъ не иначе, какъ справившись предварительно съ волею невѣсты. У горцевъ Китая, мяо тзе, и корейцевъ молодые люди также часто заключаютъ браки по своимъ наклонностямъ. У олофокъ хотя согласіе невѣсты и необходимо для заключенія брака, но она всегда можетъ воспротивиться родителямъ, желающимъ выдать ее за известнаго человѣка, только за это она лишается права выйти замужъ за кого-бы то ни было. У нѣкоторыхъ народовъ женщины успѣли даже превратить продажу невѣсты родителями въ самопродажу ея. «Бракъ въ Марокко,» говорятъ одинъ туристъ «есть чисто торговая сдѣлка; рынокъ для брачныхъ сдѣлокъ въ горахъ и равнинахъ, у мавровъ, арабовъ и берберовъ, открывается ежегодно въ опредѣленныхъ для того мѣстахъ, и женщины здѣсь беззастѣнливо торгуютъ сами собой. Въ случаѣ соглашенія обѣихъ сторонъ испрашивается согласіе родителей дѣвицы, всѣ идутъ въ кадію и тамъ заключается брачный договоръ». Изъ легендъ и сагъ разныхъ народовъ мы также видимъ, что въ древности, при господствѣ покупной формы брака, часто не только спрашивалось согласіе невѣсты, но даже ей представлялся вполне свободный выборъ жениха и родители потомъ уже получали отъ него плату за дочь. Въ древней финской легендѣ, напр., солнце, мѣсяцъ и звѣзды сватаютъ за своихъ сыновей прекрасную дѣву Киливки. Невѣста отвѣчаетъ: «не хочу я идти къ мѣсяцу, потому что его лице постоянно измѣняется: то кажется узкимъ, то полнымъ и широкимъ. Ночью онъ въ движеніи, а днемъ отдыхаетъ, поэтому его хозяйство неустроено. Не хочу я идти къ солнцу, потому что оно походить на злого человѣка,—лѣтомъ мучитъ зноемъ, зимой же—холодомъ». Благопріятный отвѣтъ получаетъ только звѣзда: «охотно пойду я къ звѣздѣ, потому что она добра, постоянно дома и прекрасна въ своемъ отечествѣ, на плечахъ Большой Медвѣдицы, на спинѣ Семизвѣздія». Конечно, такая свобода дѣвушки въ дѣлѣ заключенія брака не можетъ считаться исключительно господствующимъ обычаемъ даже у тѣхъ натуральныхъ народовъ, которые болѣе всего славятся ею, какъ, напр., каффры. Въ жизни первично-патріархальнаго общества, или, лучше сказать, семейства, взаимныя отношенія лицъ не возведены еще на степень юридически-опредѣленныхъ началъ, они еще не установились окончательно и подвергаются частымъ измѣненіямъ и нарушеніямъ со стороны заинтересованныхъ ими лицъ. Не принципъ кровнаго родства, не права отеческой власти, не чувство патріархальной покорности ле-

жать въ основаніи первобытнаго семейнаго союза, а одно только право силы. Женихъ силою добываетъ себѣ невѣсту, силою удерживаетъ ее у себя; родители силою продаютъ свою дочь и т. д. Естественно, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ дѣвушка противодѣйствуетъ силѣ, и въ однихъ случаяхъ, благодаря обстоятельству или хорошимъ помощникамъ, она беретъ верхъ, въ другихъ,—падаетъ жертвою насилія. И чѣмъ дальше развивается патриархальное общество, чѣмъ болѣе принципы архаической семьи находятъ себѣ поддержку въ представителяхъ другихъ соединенныхъ съ ними семействъ, въ религій и правѣ, тѣмъ болѣе порабощается женщина. Въ первобытной жизни если она и подчиняется, то подчиняется грубому насилію; въ болѣе развитомъ обществѣ это насиліе превращается въ право, а покорность ему въ юридическую обязанность. Но и въ эту эпоху, когда стремленія женщины къ самостоятельности еще довольно сильны и всегда уступаютъ дѣйствию враждебныхъ ей началъ, можно уже видѣть начатки будущаго торжества послѣднихъ. Женихъ сильнѣе невѣсты и потому онъ обращаетъ ее въ рабство путемъ насильственнаго захвата или покупки; родители сильнѣе дочери, потому имъ удастся наконецъ заставить ее безпрекословно повиноваться своей волѣ. «Волкъ, беря свою овцу», говоритъ мордвинъ, передавая свою дочь купившему ее жениху, и этою фразою отлично характеризуется и роль невѣсты и роль жениха и невѣстныхъ родителей. Даже въ томъ случаѣ, когда дѣвушка успѣетъ взять перевѣсъ надъ расчетомъ и самовластіемъ родителей, когда она вступаетъ въ бракъ по собственному желанію, то ея отношенія къ мужу мало-по-малу принимаютъ характеръ рабства; и въ бракѣ женщина ведетъ борьбу съ мужчиной, но ея энергія постепенно падаетъ, а сама она превращается въ невольницу своего повелителя, превосходящаго ее физическою силою и имѣющаго вѣрныхъ пособниковъ въ членахъ своего семейства, которое всегда недружелюбно относится къ его женѣ, похищенной, или купленной у чужого, а слѣдовательно, враждебнаго или, во всякомъ случаѣ, ненавистнаго семейства. По мѣрѣ того, какъ развивается обычай покупки женъ, властительскія права мужей болѣе и болѣе укрѣпляются и находятъ поддержку во всѣхъ членахъ семейства, которое потратилось на покупку невѣсты. Мужъ, сознавая свое право собственности на жену, требуетъ отъ нея безпрекословнаго повиновенія и старается, чтобы она вернула ему посредствомъ своего труда заплаченную за нее сумму. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ

женщины пользуются довольно значительной свободой, но гдѣ рядом со свободнымъ бракомъ существуетъ и заключеніе брака посредствомъ покупки невесты, положеніе женщинъ въ послѣднемъ самое жалкое. Коль скоро фактъ порабощенія женщины начинается считаться правомъ, то онъ находитъ себѣ поддержку и защиту во всѣхъ лицахъ, имѣющихъ вліяніе на дѣла общества въ отцахъ семей, родоначальникахъ, жрецахъ и т. д. Съ развитіемъ народной религіи, въ особенности же сословія жрецовъ, бракъ получаетъ также и религиозное освященіе. У большинства первобытныхъ народовъ оно состоитъ въ жертвахъ и въ молитвѣ богамъ о дарованіи супругамъ чадородія и богатства; но даже у совершенно дикихъ племенъ мы находимъ стремленіе приравнять религиозно-брачный обрядъ къ поддержанію правъ мужа и обязанностей жены. У многихъ негритянскихъ народовъ бракъ заключается передъ лицомъ, которое слышетъ священнымъ фетишемъ, чтобы жена, изъ страха его мести, оставалась покорною и вѣрною своему мужу. Конечно, и эти права и эти религиозные обряды не вовсе обезоруживаютъ женщину и не окончательно превращаютъ ее въ тупую, безотвѣтную рабыню; но дѣло въ томъ, что они служатъ сильнымъ нравственнымъ орудіемъ для интересовъ мужа, между тѣмъ какъ интересы жены не имѣютъ никакой подобной защиты.

Сдѣлавшись предметомъ если не дружелюбныхъ, то, во всякомъ разѣ, мирныхъ торговыхъ отношеній, браки стали сопровождаться пирами, весельемъ и замиреніемъ враговъ. Свадьбы служатъ однимъ изъ самыхъ частыхъ проявленій древняго общечитія. Но какъ сходящіеся на нихъ люди были сначала недовѣрчивы, подозрительны, осторожны, видно изъ многихъ частности русскихъ свадебныхъ обычаевъ: вездѣ видна боязнь волшебныхъ чаръ, порчи, нападеній; всюду выкупъ и плата за каждое дѣйствіе. Свадьба стоитъ большихъ издержекъ, и поэтому въ древности у многихъ народовъ сходящіеся на нее семьи и роды приносили съ собою свою долю и пировали въ складчину. У зажиточныхъ же племенъ, напр. у древнихъ скандинавовъ, отецъ невесты, женихъ и ихъ родственники соревновали между собою въ щедрости и обыкновенно долго спорили, въ чьемъ домѣ и на чей счетъ праздновать свадьбу, и cadaго изъ нихъ самолюбіе заставляло присвоивать исключительно себѣ честь издержекъ на брачное пиршество.

И любовь къ выдаваемой замужъ дочери и желаніе обезпечить ее, а главнымъ образомъ самолюбіе родителей рождаютъ обычай

награждать невѣсту приданымъ. Мало-по-малу продажа дочери становится въ общественномъ мнѣніи дѣломъ нехорошимъ и постыднымъ, не потому однако, чтобы ее считали безнравственнымъ поступкомъ, а потому, что она служитъ доказательствомъ бѣдности родителей или заставляетъ подозрѣвать ихъ въ корыстолюбіи. Въ Индустанѣ племя раджъ-кумаръ съ издавна избиваетъ большую часть своихъ дочерей, не имѣя возможности доставлять имъ приданого, а безприданность невѣсты и позоритъ ее родителей и отталкиваетъ отъ нея жениховъ. Обычай приданого окончательно развивается только при дальнѣйшихъ успѣхахъ народа въ цивилизаціи, но зачатки его можно видѣть и у многихъ дикихъ народовъ, напр., у каффровъ, туркменовъ и т. д. Приданое ведетъ къ нерасторжимости брака, такъ какъ мужъ въ случаѣ даннаго имъ женѣ развода обязанъ возвратить и все приданое. Это значеніе приданого превосходно выражается однимъ обычаемъ тингіакъ, туземцевъ Филиппинскихъ острововъ. Женихъ и невѣста въ день совершенія брака приносятъ съ собою извѣстное количество фарфоровой посуды, стеклянныхъ вещей, коралловыхъ ожерелій и золотого порошка. Женихъ отдаетъ принесенное имъ родителямъ невѣсты, а невѣста родителямъ жениха. По словамъ самихъ дикарей, этотъ обычай введенъ для воспрепятствованія развода, для совершенія котораго необходимо, чтобы родители того изъ супруговъ, который требуетъ развода, возвратили въ совершенной цѣлости всѣ полученныя ими вещи, что при ломкости послѣднихъ, особенно въ дикой жизни, сдѣлать чрезвычайно трудно. Приданое много улучшаетъ положеніе женщины; жена съ приданымъ чувствуетъ себя и держитъ гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ жена, купленная или похищенная, какъ рабыня. Кромѣ того, если родители продаютъ дѣвушку, то тѣмъ самымъ отказываются отъ всѣхъ своихъ правъ на нее и не могутъ защищать ее отъ самодурства и притѣсненій мужа, но если они даютъ ей приданое, то приобрѣтаютъ нравственное право не только на благодарность и почтеніе зятя, но и на извѣстное внимательство въ его отношенія къ ихъ дочери.

У дикарей и жителей мало развитыхъ странъ количество женъ зависитъ отъ степени достаточности мужа и каждый имѣетъ ихъ столько, сколько можетъ содержать. Нѣкоторые приписываютъ полигамію вліянію климата на половые инстинкты; но мы сплошь и рядомъ видимъ, что изъ разныхъ народовъ, живущихъ въ одномъ климатѣ, у однихъ господствуетъ моногамія, у другихъ полигамія, что нѣкоторые жители холоднаго климата живутъ въ многожен-

ствѣ, между тѣмъ какъ обитатели многихъ странъ теплыхъ, держатся моногаміи. Климатъ имѣетъ на полигамію едва ли не одно только посредственное вліяніе: чѣмъ благопріятнѣе онъ, тѣмъ обильнѣе и дешевле съѣстные припасы, тѣмъ больше женъ, въ случаѣ надобности, можетъ содержать человѣкъ. Поэтому-то полигамія гораздо сильнѣе развита у дикарей юга, чѣмъ у жителей холоднаго сѣвера. Полигамія возрастаетъ по мѣрѣ культурнаго развитія народа, по мѣрѣ возникновенія у него разнообразной промышленности, особенно земледѣлія и торговли. И это не потому только, что промышленность доставляетъ средства содержать многихъ женъ, но главнымъ образомъ потому, что она требуетъ много рабочихъ силъ, которыми и служатъ женщины. Полигамія служитъ основою экономической жизни многихъ дикарей. Взрослый мужчина, добывшій средства, необходимыя для содержанія нѣсколькихъ женъ, перестаетъ работать, и развѣ только немного занимается скотоводствомъ, грабежомъ, воровствомъ или охотою. Всѣ труды лежатъ на женщинахъ. И вездѣ эта первобытная полигамія имѣетъ тотъ же характеръ, вездѣ является она институціей существенно-аристократической: мужъ — праздный плачтаторъ, жены — рабыни, взнуряемая трудомъ и производящая богатство для своего повелителя. Обезпеченная, праздная жизнь усиливаетъ склонности къ сладострастію и тщеславію, женщины дѣлаются предметами чувственнаго наслажденія, комфорта и роскоши. И въ то время какъ бѣдняки довольствуются одной женой, люди зажиточные и сильные стараются завести ихъ какъ можно больше. Извѣстность дикаря зависитъ отъ количества его женъ и скота. Съ развитіемъ высшихъ классовъ, полигамія усиливается; они заводятъ дѣлныя толпы женъ и наложницъ, купленныхъ ими или захваченныхъ на войнѣ. У полудикаго короля ашантиевъ, напр., считается постоянно 330 женъ; у одного незначительнаго индустанскаго князька было нѣсколько сотъ женъ; нѣкоторые зажиточные богосы, ландмасы и поласы имѣютъ по двѣсти женъ и по нѣскольку сотъ наложницъ. Но такая многочисленность женъ у дикихъ народовъ является въ видѣ исключенія, и князьки, родоначальники и богачи могутъ содержать лишь по нѣскольку женъ, на островахъ Южнаго океана, напр., бѣдность заставляетъ большинство дикарей жить въ моногаміи, а короли имѣютъ женъ по пяти, десяти, пятьнацати, но не больше. Масса же народа живетъ по бѣдности въ моногаміи, хотя, достигнувъ извѣстной степени культурнаго развитія, и начинаетъ чувствовать сильную склонность къ многожен-

ству. Вслѣдствіе климатическихъ вліяній, раннихъ браковъ, разнообразныхъ лишеній и изнурительнаго труда, первобытная женщина отцвѣтаетъ очень рано; въ жаркомъ климатѣ она въ 30 даже въ 25 лѣтъ дѣлается старухой, неспособною для работы, негодною для дѣторожденія. Кромѣ того, беременность и кормленіе дѣтей грудью отнимаетъ у женщины отъ 2 до 3 лѣтъ и многіе дикари во все это время не имѣютъ съ своими женами супружескаго сожитія. При такихъ обстоятельствахъ, полигамія становится необходимою, но бѣдность мѣшаетъ большинству удовлетворять этой необходимости, вслѣдствіе чего полигамія и принимаетъ особенную форму, очень распространенную и между дикарями, и между бѣдными жителями культурныхъ земель Востока. Когда жена надоѣстъ мужу или окажется негодною для работы и дѣторожденія, онъ прогоняетъ ее и беретъ другую, дѣлая это такъ часто, что въ теченіе жизни у него иногда перебиваетъ до полсотни женъ. Такая полигамія очень сильна у многихъ африканцевъ, индѣйцевъ Америки, калмыковъ и т. д.

С. Шашковъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПОЪЗДКА ЛЬВА.

(Изъ Фрейлиграга.)

Левъ—могучій царь пустыни. Какъ прійдетъ ему охота
Обозрѣть свои владѣнья,—онъ идетъ, и у болота,
Въ тростникѣ густомъ залегши, въ даль вперяетъ жадный
взоръ...
Надъ владыкою трепещутъ вѣтви робкихъ сикоморъ.

* * *

Вотъ ужъ вечеръ. Солнце скрылось за далекими горами;
Стень пустыни освѣтилась готтентотскими кострами;
Тьма ночная быстро сходитъ; все готовится ко сну—
Подъ кустомъ ложится серна, у потока дремлетъ гну.

* * *

Въ этотъ часъ, жирафъ, походкой величавою и стройной,
Направляется къ болоту, истомленный жаждой знойной;
На колѣняхъ, протянувши шею длинную свою,
Онъ вливаетъ съ наслажденьемъ мутно-желтую струю.

* * *

Вдругъ, тростникъ зашевелился... Съ ревомъ бѣшенымъ, въ
мгновенье,
Левъ къ жирафу съѣлъ на спинну... Что за лошады! Заглядѣны!
Что за кожа росписная! На конюшнѣ у царей
Чепрака не сыщешь мягче, и роскошнѣй, и пестрѣй!

* * *

Всадникъ-левъ коня торопитъ: онъ впился зубами въ шею.
Грива желтая, какъ знамя, развѣвается надъ нею;
Криккомъ боли огласилась степь широкая,—и вотъ
Повелителя пустыни исполинскій конь несетъ.

* * *

Быстро, быстро мчится жертва,—мчится, точно привидѣнье...
Въ тишинѣ пустыни слышно сердца громкое бѣнене,
Губы въ пѣнѣ, очи дико выступаютъ изъ орбитъ,
На песокъ рѣкою черной кровь горячая бѣжитъ.

* * *

И, вертясь, за ними слѣдомъ, мчатся цѣлыя колонны
Желтой пыли,—мчатся, точно исполинскіе тифоны
На песчаномъ океанѣ... А межъ тѣмъ, изъ логовищъ,
Изъ лѣсовъ непроходимыхъ, изъ заоблачныхъ жилищъ,

* * *

Собирается поспѣшно свита звѣря-властелина...
Криккомъ, ревомъ, завываньемъ оглашается равнина;
Подъ густыми облаками, по горячему песку,
Мчатся птицы, скачутъ звѣря вслѣдъ коню и сѣдоку.

* * *

Разнородный, длинный поѣздъ! Тутъ и коршунъ быстро-
крылый,
И гѣна—нечестивецъ, оскверняющій могилы,
И пантера—гнусный хищникъ, бичъ капландскихъ пастуховъ...
Кровь и потъ обозначаютъ путь властителя лѣсовъ.

* * *

Смотрятъ всѣ, дрожа отъ страха, какъ послушный дикой
волкъ;
Ихъ владыка возсѣдаетъ на живомъ своемъ престолѣ,
9*

И покровъ его нарядный рветъ когтями на куски,
И летитъ все дальше, дальше, въ безконечные пески.

* * *

Нѣтъ пощады, нѣтъ спасенья! Но жирафъ изнемогаетъ...
Весь въ крови, поту и пѣнѣ, тише онъ переступаетъ...
Вотъ съ отчаяннымъ усиленъ сдѣлалъ онъ еще прыжокъ,
Захрипѣлъ—и трупъ бездушный повалился на песокъ.

* * *

И тогда за сытный ужинъ всадникъ весело садится,
Между тѣмъ какъ на востокѣ загарается денница
И природа шепчетъ «здравствуй!» первымъ солнечнымъ лучамъ...
Вотъ какъ левъ свои владѣнья объѣзжаетъ по почамъ.

П. Вейнбергъ.

ОПЫТЫ ПРЕВРАЩЕНІЯ НОВЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ СТАРЫХЪ.

(ПАРАГВАЙ).

Какъ поразительно величественны были порывы человѣческаго ума въ знаменательную эпоху, которая такъ удачно названа эпохой *возрожденія!* Открытіями Коперника и Галилея освобожденный отъ груза предразсудковъ, воспитываемый литературой, которая, благодаря изобрѣтенію книгопечатанія сдѣлалась болѣе доступной, чѣмъ прежде, познакомившійся съ греческой и латинской философіей, вышедшей на свѣтъ изъ темнаго мрака забвенія, — человѣкъ осмѣлился на все: онъ создалъ новое небо, новую землю, новыя религіи. Искусство и науки стали распространяться по цѣлому свѣту. Послѣ Коперника явились Колумбы и Васко-де-Гамы, вслѣдъ за открытіемъ новыхъ странъ туда отправились завоеватели, а за ними шли миссіонеры; вслѣдъ за созданіемъ іезуитскаго ордена Игнатіемъ Лойолою, іезуиты ринулись всюду, они желали завладѣть цѣлымъ міромъ. Изъ всѣхъ честолюбій, овладѣвшихъ тогдашними людьми, всѣхъ сильнѣе были военное, религіозное и денежное; они овладѣвали массами, тогда какъ страстная любовь къ наукѣ, искусствамъ, литературѣ и философіи проявлялась только въ средѣ отдѣльныхъ избранныхъ личностей. Втеченіе вѣка господствующей страстью христіанской Европы явилось непреодолимое желаніе убивать людей, грабить ихъ и обращать въ свою религію. Если раз-

смагивать тогдашнія событія во всёхъ ихъ подробностяхъ, эта героическая эпоха покажется теперь слишкомъ варварской; ея дикое величіе очень удобно сравнить съ дѣтской наивностью. Смѣлые предприимчивые люди садились въ каравеллу (морское судно не особенно широкихъ размѣровъ), какъ будто дѣло шло о переѣздѣ изъ Дувра въ Кале, — и плыли за тысячи миль; въ составѣ какойнибудь тысячи человекъ съ одною пушкою они шли покорять царства; въ своей орѣховой скорлупѣ они плыли на удачу, руководимые какойнибудь блестящей звѣздой южнаго созвѣздія; они пренебрегали бурями, громадными разстояніями, и, что еще удивительнѣе, — они не боялись своего невѣжества, не боялись неизвѣстнаго, не дрожали передъ мистическими опасностями, передъ самыми ужасающими легендами. Правда, они были воодушевлены слѣпой вѣрой въ свою судьбу, т. е. въ самихъ себя; правда, что, ожидая стать лицомъ къ лицу съ дѣйствительными или воображаемыми опасностями, они запаслись разными магическими амулетами, преимущественно противъ отравленныхъ стрѣлъ; они рисовали на своей кожѣ разные кабалистическіе знаки, чтобы сдѣлать ее неуязвимой и, подобно Ахиллесу, окунувшись въ рѣку Стиксъ, они погружались въ священную воду. Обезопасивъ себя такими отвлеченными доспѣхами, они высаживались въ устьѣ какойнибудь рѣки, вязли въ болотѣ, пролагали тропинки въ дѣвственныхъ лѣсахъ, переправлялись черезъ горы и проходили весь континентъ съ береговъ Атлантическаго океана на берега Тихаго, вполне убѣжденные, что встрѣтятъ наконецъ людей, снабженныхъ хоботомъ, на манеръ тапира или слона. Они проходили черезъ Бразилію, Мексику и Перу, вѣря, что идутъ кратчайшей дорогою въ Индію или Китай; они вѣрили, что за Китаемъ встрѣтятъ земной рай. Не твердили ли имъ постоянно, что рай составляютъ королевство Мидасъ и страна Коканъ, что тамошніе рѣки Пизонъ, Гихонъ, Гиддекель и Евфратъ текутъ чистымъ, расплавленнымъ золотомъ, что тамошнія деревья съ золотыми листьями и съ алмазными плодами растутъ на скалахъ изъ чистаго хризопраса, оникса и бирюзы; что въ этомъ Эльдорадо есть источникъ молодости, и что кто искупается въ этой живой водѣ, отсвѣчивающей постоя

но радугой, тотъ въ ту же секунду сдѣляется красивымъ, молодымъ, сильнымъ; а кто выпьетъ горсть этого элексира, дѣйствительной живой воды, тотъ станетъ безсмертнымъ и своимъ видомъ будетъ походить на архангела Михаила. Когда человекъ всему этому вѣрилъ безусловно, когда видѣтъ съ тѣмъ онъ былъ невѣжественъ и слѣпъ, когда онъ имѣлъ неукротимую душу въ тѣлѣ, неподвергавшемуся усталости, когда ко всему этому онъ былъ хитеръ, отвратительно вѣроломнъ и звѣрски жестокъ, тогда изъ него выходилъ Пизарро, Кортесъ и Альмагро, и онъ совершалъ возмутительные подвиги, которыхъ мы не можемъ не удивляться, до и не можемъ не чувствовать къ нимъ омерзѣнія.

I.

Со дня открытія сообщеній между Европой и странами, лежащими въ ла-платскомъ бассейнѣ, прошло уже три съ половиною столѣтія. Въ 1515 году Солисъ, знаменитый кастильскій адмиралъ, вышелъ изъ Испаніи съ цѣлію, идя по слѣдамъ Пинсона, открывшаго берега Бразиліи, продолжать его открытія. Экспедиція Солисы состояла только изъ трехъ судовъ: адмиральскій корабль былъ видѣстимостію въ 60 тоннъ, остальные два, каждый въ 30. Кто изъ новѣйшихъ мореплавателей рѣшился бы пуститься для открытія сѣвернаго полюса на бригантинѣ, которая служила Солису или Пинсону въ ихъ путешествіяхъ?

Адмиралъ Солисъ вошелъ въ ла-платскій лиманъ, который онъ сперва принялъ за обширный заливъ. Онъ дошелъ до острова Мартина-Гарсиа, ключа рѣки и всего обширнаго бассейна; какъ и слѣдовало, онъ овладѣлъ имъ во имя кастильско-арагонской короны и св. Троицы. Желая изслѣдовать свое новое владѣніе, онъ высадился на берегъ, былъ схваченъ индѣйцами, убитъ ими и, какъ рассказываютъ его товарищи по путешествію, зажаренъ и съѣденъ.

Несчастливая участь Солисы не остановила искателей приключеній.

Въ 1524 году Алексѣй Гарсіа отплылъ съ острова Сан-Винченца, подлѣ Бразиліи, высадился на берегу и во главѣ нѣсколькихъ сотъ индѣйцевъ, пустился во внутрь незнакомыхъ странъ, перешелъ обширные притоки Параны, достигъ парагвайской дельты, проникъ въ долины Чако до подошвы Андовъ и дошелъ до границъ королевства инковъ. Солисъ овладѣлъ мѣстностями, орошаемыми Ла-Платой во имя Испаніи; Гарсіа, съ своей стороны, объявлялъ ихъ принадлежащими Португаліи и также св. Троицѣ.

Между тѣмъ новый кастильскій адмиралъ Габото вышелъ изъ Испаніи въ 1526 году съ четырьмя кораблями, желая вновь открытымъ Магеллановымъ путемъ идти къ богатымъ Молукскимъ островамъ, которые сѣшивали съ баснословными странами Гарзисомъ и Офиромъ. Габото обѣщаль довести свою эскадру до Катэ (Китай) и Зипангу (Японіи). Но дойдя до береговъ Бразиліи, адмиралъ нашелся вынужденнымъ сократить свой маршрутъ. Онъ почувствовалъ нужду въ жизненныхъ припасахъ, онъ потерялъ свой самый большой корабль, экипажъ его взбунтовался. Поэтому онъ рѣшился идти по стопамъ Солиса и проникнуть во внутрь континента; онъ надѣялся найти кратчайшій путь въ Перу или къ какимъ нибудь новымъ золотымъ рудникамъ. Онъ прежде всего проникъ въ рѣку Урагвай, прошелъ ее до острова Опипа, и, не найдя нигдѣ золота, разсудилъ вернуться своей прежней дорогой, надѣясь, такимъ образомъ, дойти до устья Парагвая, чего онъ и достигъ послѣ многихъ приключеній и битвъ съ индѣйцами. Перейдя Парану, онъ встрѣтилъ соперника Діэго Гарсію де-Могера, назначеннаго Карломъ V намѣстникомъ во вновь открытыхъ земляхъ. Королю неизвѣстны были походы Габото; онъ полагалъ, что его храбрый адмиралъ, по всей вѣроятности, находится уже въ Китаѣ, Японіи или въ райскихъ садахъ. Теперь обоимъ соперникамъ предстояло обнажить свои превосходные толедскіе клинки и отдать на ихъ рѣшеніе свой споръ о главенствѣ; однакожь дѣло не дошло до этого столь частаго въ тѣ времена способа рѣшенія прецирательствъ, и, послѣ продолжительныхъ, горячихъ преній, Гарсіа призналъ главенство Габото и согласился дѣйствовать въ качествѣ его помощника и подчиненнаго. Оба полководца вмѣстѣ

отправились къ форту св. Духа, чтобы приготовить тамъ экспедицію съ завоевательными цѣлями. Но Габото плохо вѣрилъ въ подчиненность Гарсія и потому, прежде, чѣмъ рѣшился на экспедицію, послалъ къ Карлу V двухъ своихъ лейтенантовъ и просилъ прислать официальное утвержденіе его, Габото, въ правахъ намѣстника. Посланные долго не возвращались, Габото отправился самъ въ Испанію, но еще ранѣе его, поѣхалъ туда и Гарсія. Императоръ, разсудивъ обоихъ соперниковъ, отдалъ предпочтеніе Габото и назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ области Ріо-де-ла-Плата, прозванной такъ, благодаря ошибкѣ или обману обоихъ командировъ, привезшихъ въ Испанію металлическія пластинки и увѣрявшихъ, что вновь открытая страна богата металлическими рудами. И вслѣдствіе этого, за страной, которая, къ ея счастью, не имѣетъ никакихъ рудниковъ, съ того времени утвердилось названіе серебряной земли.

Получивъ утвержденіе, Габото жаждалъ только одного: поскорѣе отправиться въ порученную ему управленію провинцію, но встрѣтилось маленькое затрудненіе: владыка Испаніи, Германіи, Бургундіи и богатыхъ Фландрій никакъ не могъ рѣшиться раскошелиться на пять кораблей, вмѣстимостію въ 50 тоннъ каждый, необходимыхъ для экспедиціи. Уставъ безпрерывно напоминать королю о своемъ дѣлѣ, старикъ Габото уѣхалъ въ Англію и тамъ умеръ.

Но чего никакъ не могъ исполнить тщеславный императоръ, за то взялся и выполнилъ богатый андалузецъ Педро-де-Мендоза, не только снарядившій на свой счетъ нѣсколько судовъ, но и самъ принявшій начальство надъ экспедиціей изъ 14 кораблей съ 1,500 человекъ, набранныхъ изъ испанцевъ, нѣмцевъ, фламандцевъ, провансальцевъ, — изъ всякаго сброда, безъ дѣла шатавшася въ портахъ Средиземнаго моря. Каждый изъ завербованныхъ жаждалъ пріобрѣсти какуюнибудь, хоть маленькую баронію въ серебряной землѣ. Разказы объ экспедиціяхъ въ Мексику и Перу и о чудесныхъ богатствахъ, тамъ находимыхъ, разжигали честолюбіе и ободряли мужество искателей приключеній. Каждый горный пастухъ, каждый свинопасъ, каждый нищій былъ убѣжденъ, что

съ пищалью въ рукахъ онъ можетъ лишить жизни тысячи идолопоклонниковъ, взять въ плѣнъ ихъ царька, получить въ выкупъ за него бочки золота и нѣсколько новыхъ принцессъ для своего гарема.

Новый намѣстникъ Педро де-Мендоза отправился въ 1534 году. Дорогой онъ умертвилъ своего лейтенанта Озорію, который пользовался большимъ расположеніемъ экипажа и своими блестящими качествами затемнялъ самого намѣстника. Войдя въ лаплатскій лиманъ, Мендоза бросилъ якорь на томъ самомъ мѣстѣ, противъ котораго впоследствии былъ выстроенъ городъ Буэносъ-Айресъ, вблизи того острова, на которомъ погибъ Солисъ. Испанцы высадились на территорію керанди, многочисленнаго народа, кочующаго въ обширныхъ пампасахъ, и были приняты этимъ народомъ весьма дружелюбно. Но завоеватели пришли сюда издалика вовсе не для пріобрѣтенія новыхъ братьевъ, а для полученія рабовъ; къ тому же они хотѣли отомстить за трагическую смерть Солиса. Намѣстникъ приказалъ своему брату Діего съ тремястами человекъ атаковать индѣйцевъ. Огнестрѣльнымъ оружіемъ и галопировавшими лошадьми — невидалью въ тѣхъ странахъ — испанцы думали произвести потрясающее дѣйствіе и рассчитывали, что имъ просто прійдется убивать по своему произволу всякаго индѣйца, который попадетъ подъ руку, не встрѣчая отъ него ни малѣйшаго сопротивленія. Но они ошиблись въ своемъ расчетѣ; не только многимъ изъ нихъ пришлось расстаться съ жизнью, встрѣтивъ геройское сопротивленіе со стороны индѣйцевъ, но они вынуждены были со стыдомъ отступить, оставивъ побѣду въ рукахъ туземцевъ и затѣмъ вынести осаду въ своихъ укрѣпленіяхъ. Усталые, голодные, больные, они скоро увидѣли себя въ весьма критическомъ положеніи. Пришлось сниматься съ позиціи и идти далѣе. Но намѣстникъ разсудилъ, забравъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ, возвратиться въ Испанію. Осталось въ Америкѣ 600 человекъ подъ начальствомъ Ойолы, который еще въ первые дни высадки съ отдѣльнымъ отрядомъ былъ посланъ вверхъ по рѣкѣ и основалъ фортъ Корпусъ-Христи, въ которомъ оставилъ 100 человекъ гарнизона. Послѣ отъѣзда намѣстника, Ойола углубился внутрь страны, дошелъ до того мѣста, до котораго дохо-

диль Габото и положилъ здѣсь основаніе городу Ассунціону. Последній былъ такъ названъ въ воспоминаніе кровавой побѣды, одержанной здѣсь надъ индѣйцами. Испанцы захватили множество плѣнниковъ и отпустили ихъ подѣ условіемъ, чтобы взаменъ ихъ были доставлены молодыя дѣвушки: семь для Ойолы и по двѣ для каждаго солдата. Отъ сожителства съ этими женщинами произошли родоначальники главной расы, населяющей теперь Парагвай.

Ойола недолго оставался въ нѣдрахъ своей новой семьи. Мучимый горячей жадной къ золоту, онъ оставилъ начальство надъ своими кораблями Иралѣ, бискайскому дворянину, а самъ, взявъ съ собой 200 испанцевъ, отъявленныхъ разбойниковъ, углубился съ ними въ степи Чако, рассчитывая пройти въ Перу, страну золота; но какъ онъ, такъ и всѣ его товарищи, погибли въ дорогѣ отъ руки туземцевъ.

Рѣшительно всѣ завоеватели въ Новомъ свѣтѣ испытывали золотую горячку и Ирада, въ свою очередь, ринулся въ западныя области, но и онъ испыталъ неудачу и, послѣ бѣдственной экспедиціи, принужденъ былъ воротиться назадъ.

Между тѣмъ испанскій король назначилъ въ эти отдаленныя страны новаго намѣстника Альвара Нуньеса. Выѣхавъ изъ Испаніи съ 700 солдатъ и 50 лошадьми, Нуньесъ совершилъ походъ, который по всей справедливости слѣдуетъ назвать чудеснымъ. Высадившись на португальскій островъ св. Екатерины, онъ потерялъ два корабля и половину своихъ лошадей. Это несчастіе побудило его принять геройское рѣшеніе—достигнуть Ассунціона сухимъ путемъ. Ему пришлось проходить черезъ лѣса, болота, черезъ многочисленные водные источники, перейти цѣпь горъ—и онъ все это прошелъ и достигъ до столицы своей провинціи, потерявъ всего одного человѣка на 250. Но не успѣлъ онъ отдохнуть отъ своего тягостнаго похода, какъ ему пришла уже идея отправиться на поиски золота; взявъ съ собой 400 испанцевъ и большой отрядъ туземцевъ, онъ пошелъ въ путь, но чрезъ семь мѣсяцевъ возвратился назадъ съ слабыми, утомленными остатками своихъ войскъ. Скоро онъ сдѣлался жертвой неудовольствія своихъ подчиненныхъ; радужныя мечты обогащенія разрушены печальной дѣйствительно-

стію; вмѣсто боченковъ золота на долю авантюристовъ достались одни трудности бѣдственныхъ экспедицій, какъ было не волноваться? И они произвели возстаніе, арестовали намѣстника, но не убили его, какъ онъ самъ ожидалъ, а заставили его возвратиться въ Испанію,

Какъ только Ирала, послѣ отъѣзда Нуньеса, сдѣлался губернаторомъ, первой его заботой было предпринять новую экспедицію въ страну золота. Болѣе счастливый, чѣмъ его предшественники, онъ дошелъ до границъ Перу. Перейдя ее, онъ тотчасъ же послалъ нѣсколькихъ изъ своихъ офицеровъ для привѣтствованія вице-короля, намѣстника испанскаго короля въ его американскихъ владѣніяхъ. На вѣжливость вице-король отвѣчалъ вѣжливостію, но такой искусный, такой энергическій гость возбуждалъ скорѣе подозрѣніе, чѣмъ симпатію; подъ предлогомъ оказыванія ему надлежащихъ почестей, вице-король держалъ Иралу и его небольшой отрядъ почти подъ арестомъ и, воспользовавшись отсутствіемъ Ирала изъ Ассунціона, назначилъ туда новаго губернатора, который впрочемъ, неизвѣстно по какой причинѣ, чрезъ нѣсколько дней послѣ назначенія, умеръ отравленнымъ. Задержанные на самой границѣ той земли, въ которой, по ихъ убѣжденію, рѣки текли золотомъ и серебромъ, и видя невозможность войти туда силой, солдаты Ирала по большей части разбѣжались въ разныя стороны, а самъ ихъ предводитель могъ считать себя вполне счастливымъ, что ему съ слабыми остатками своей арміи удалось достигнуть Ассунціона, который онъ нашелъ преданнымъ анархіи. Два соискателя спорили о власти, а ихъ приверженцы дрались и убивали другъ друга. Ирала завелъ сношенія въ обоихъ лагеряхъ, однихъ привлекъ на свою сторону убѣжденіемъ, другихъ купилъ; противъ однихъ дѣйствовалъ побоями, съ другими расправлялся висѣлицей; кого изгналъ, а кого женилъ на многочисленныхъ дочеряхъ своихъ многочисленныхъ жевъ и, въ концѣ концовъ, отдѣлавшись отъ многихъ соперниковъ, онъ остался безспорнымъ владыкой Ассунціона и даже черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ отъ испанскаго короля официальное утвержденіе въ санѣ королевскаго намѣстника.

Ирала былъ настоящимъ основателемъ Ассунціона. Между всѣми

этими завоевателями-авантюристами, изъ которыхъ одинъ былъ свирѣпѣе и жесточе другого, Ирала заслуживаетъ преимущественное вниманіе; особеннымъ образомъ сложившіяся обстоятельства научили его пониманію простой истины, что если желаешь работать для будущаго обладанія странюю, нужно не истреблять туземцевъ, а дисциплинировать, цивилизовать ихъ и ввести въ составъ новаго государства. Ирала рѣшился слѣдовать этой истинѣ и, благодаря его энергіи и разсудительности, Парагвай избѣжалъ безсовѣстной, безумной эксплуатаціи, которая обезлюдила и раззорила другія колоніи Испаніи и Португаліи. Къ своему благополучію, Серебряная Земля не заключала въ себѣ ни золота, ни серебра, и если кому приходила охота разбогатѣть, онъ долженъ былъ приложить свой трудъ къ хорошей обработкѣ земли. Почва была плодородна и могла вознаграждать усилія земледѣльца, но для такой работы требовалось не мало времени; отъ посѣва до жатвы проходили мѣсяцы, а посаженное дерево давало плоды чрезъ цѣлыя годы. Къ тому же нужно было очистить, выровнять, осушить почву. Владѣльцамъ земли былъ чистый расчетъ заботиться о жизни своихъ рабочихъ, для нихъ было выгодно привязать рабочаго къ своей землѣ. Подобныя расчеты не могутъ входить въ соображенія владѣтеля рудника, который, исчерпавъ его, спѣшитъ на другое мѣсто, чтобы отыскать другой, еще не совсѣмъ истощенный, или же, набивъ карманы, удаляется отдыхать на лаврахъ. Вотъ почему завоеваніе Парагвая испанцами дало совсѣмъ другіе результаты, чѣмъ завоеваніе ими же Мексики и Перу или Бразиліи португальцами. Была впрочемъ и другая причина. Завоеватели пришли въ Парагвай въ ничтожномъ числѣ и должны были, по необходимости, относиться миролюбивѣе и кротче къ покоренной расѣ. Лаплатскія страны не заключали въ себѣ благородныхъ металловъ, потому было мало охотниковъ переселяться сюда изъ метрополіи; если какимъ нибудь случаемъ приставало къ ихъ берегамъ европейское судно, то высадившіеся на землю авантюристы, узнавъ, что ошиблись въ расчетѣ и имъ предстоитъ здѣсь мало поживы, спѣшили возвратиться, или, если и оставались, то только потому, что, не имѣя въ своемъ распоряженіи судна для отплытія, не могли поступить ина-

че. Нѣсколько сотъ испанцевъ, въ виду тысячъ туземцевъ, постоянно стремились, идя вверхъ по рѣкѣ, встрѣтить племя, отличающееся скромными привычками и миролюбивыми наклонностями; въ смиренныхъ гуарани, отрасли великаго племени тупи, они нашли добрыхъ сосѣдей и, конечно, по необходимости держались относительно ихъ миролюбивой политики. Въ противоположность англосаксонской расѣ, латинская охотно вступаетъ въ связь съ женщинами всякихъ расъ и племенъ. Испанцы въ Парагваѣ не чувствовали никакого отвращенія къ женщинамъ разныхъ индѣйскихъ племенъ, также какъ и французы брали себѣ женъ изъ племенъ гуруновъ, прокезцовъ и др.; результаты во всѣхъ этихъ случаяхъ оказывались блистательные: плодородіе было изумительное и расы сливались. Въ тоже самое время англо-саксонская раса въ Америкѣ и въ Австраліи не нашла другого способа водворить миръ, какъ только прибѣгнувъ къ почти поголовному истребленію туземцевъ.

Исторія Парагвая скорѣе исторія метисовъ, чѣмъ испанцевъ. Едва Ассунціонъ сталъ городомъ, какъ мы уже встрѣчаемъ испано-гуарани занимающихъ различныя административныя мѣста и даже получающихъ приходы и епископства. Городъ только-что началъ застраиваться, какъ былъ уже спасенъ индіанками, женами Ирали и его товарищей. Окрестные индѣйцы составили планъ ночью захватить врасплохъ своихъ новыхъ владыкъ, перерѣзать ихъ всѣхъ и освободить своихъ сестеръ и дочерей, которыхъ они отдали испанцамъ, какъ выкупъ за свою свободу. Но эти дочери и сестры уже кормили грудью дѣтей, прижитыхъ ими съ испанцами, и многія изъ нихъ любили своихъ мужей; какъ новыя сабинянки, онѣ пошли противъ своихъ отцовъ и братьевъ: такъ зачалась и укрѣпилась парагвайская національность. Не нужно однакожъ думать, что завоеватели относились къ завоеваннымъ гуманно; что сами метисы дружелюбно смотрѣли на своихъ степныхъ родственниковъ. Совсѣмъ нѣтъ. Если завоеватели и ихъ потомки не ввели въ Парагваѣ такого возмутительнаго рабства, при которомъ человекъ третируется на манеръ животнаго, какъ было это введено ихъ соотечественниками въ Перу и Мексикѣ, то они сдѣлали это единственно потому, что обстоятельства здѣсь сложились иначе. Ирали раздѣ-

лил туземцевъ на двѣ категоріи и подчинилъ ихъ разнымъ системамъ управленія. Тѣ изъ нихъ, которые покорились путемъ завоеванія, официально названные *командеріями*, эти были подчинены военному управленію и надъ ними вѣчно висѣло осадное положеніе. Они сдѣлались рабами *de facto* и *de jure* испанской короны и губернатора Ассунціона. 40,000 семействъ были подѣлены между шестидесятью сподвижниками Иралы, подобно тому, какъ сдѣлалъ это Вильгельмъ Завоеватель послѣ покоренія Англіи. Это было простое и чистое возсозданіе средневѣковаго феодализма. Однакожъ запрещено было продавать людей. Индѣйцы же, покорившіеся добровольно, были обложены простой данью; ихъ земли названы мѣтеріями т. е. арендными землями; они сохранили право выбирать своихъ начальниковъ кациковъ, но съ утвержденія испанцевъ. Кацики, женщины, дѣти и старики избавлялись отъ обязательныхъ работъ, но мужчины отъ 18 до 51-лѣтняго возраста обязаны были работать одинъ день въ недѣлю на тѣхъ бѣлыхъ, которымъ правительство отдавало въ аренду земли, на которыхъ были поселены индѣйцы этой второй категоріи. Такой порядокъ долженъ былъ продолжаться въ продолженіи жизни двухъ поколѣній, времени, какое считали необходимымъ для того, чтобы выбить изъ головы туземцевъ всякую идею о независимости. И дѣйствительно, онъ продолжался только 60 лѣтъ, до 1612 года, когда рабскій трудъ былъ официально уничтоженъ на всей территоріи. До тѣхъ же поръ испанцы охотно пользовались своими рабовладѣльческими правами и каждый изъ нихъ стремился обладать людьми, какъ предметами несравненно болѣе цѣнными, чѣмъ, напримѣръ, лошади, стоявшія тоже въ хорошей цѣнѣ и обладаніе которыми составляло гордость испанца; но они очень неохотно брали въ пользованіе мѣтеріи, населенныя полусвободными индѣйцами изъ числа добровольно-покорившихся. Обязанности, возлагаемыя на нихъ правительствомъ въ отношеніи къ рабамъ, были весьма несложны: лишь бы они сумѣли удерживать ихъ въ подчиненности и правительство было удовлетворено; но отношенія владѣльцевъ къ полусвободнымъ были нѣсколько иныя: тутъ надо было и пищу давать хорошую и одежду подходящую и полусвободный работникъ могъ пожаловаться властямъ. А инспек-

торы изъ Ассунціона и даже Мадрида ѣздили частенько, и требовали, чтобъ всё недоразумѣнія кончались къ обоюдной пользѣ. Но кому же неизвѣстно, что за штука всё подобныя официальные ревизіи? И что тутъ было причиной—злоупотребленія ли владѣльцевъ, или тупость дѣтей природы, которые не въ состояніи были примириться съ цивилизованною жизнью, т. е. съ полнымъ своимъ подчиненіемъ?—но только, несмотря на частыя ревизіи, возмущенія все-таки были очень часты. При этомъ не надо забывать, что испанское правительство не придавало особеннаго значенія завоеванію Парагвая и оставило его на произволь частной предприимчивости, и, вѣроятно, именно потому оно совершилось такъ быстро, такъ полно и съ самыми ничтожными военными силами. Частные люди, соединяясь вмѣстѣ, шли на завоеваніе новой территоріи и если, пользуясь несогласіями между туземцами, раздѣленными на многія племена,—имъ удавалось завладѣть безъ чуждой помощи этой территоріей, они вводили рабство и губернаторъ утверждалъ ихъ распоряженія. Но если они прибѣгали къ помощи губернатора и только при его пособіи овладѣвали территоріей, губернаторъ ставилъ завоеванныхъ въ положеніе полусвободныхъ, какъ сдѣлано было вначалѣ завоеванія для добровольно покорившихся. Эти подробности даютъ ключъ къ уразумѣнію, почему въ странѣ такимъ образомъ устроенной посредствомъ завоеванія, іезуиты могли утвердить свою социальную организацію, почему докторъ Франсіа могъ установить свою диктатуру въ средѣ, уже обработанной іезуитами, и почему, наконецъ, позднѣе, была возможна диктатура обихъ Лопецовъ.

II.

„Для укрѣпленія завоеванія недостаточны ни сила, ни мягкость, ни хитрость, ни жестокость“.—Съ такимъ признаніемъ, шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ основанія Ассунціона, обратился къ королю Филиппу III тогдашній губернаторъ Парагвая Сааведра, и заключилъ его убѣжденіемъ „въ крайней необходимости присыл-

ки къ нему миссіонеровъ, которые одни въ силахъ упрочить завоеваніе. Завоеватели овладѣли тѣлами, но скоро тѣла должны будутъ ускользнуть отъ нихъ, если они не сумѣютъ овладѣть душами“. Послѣ блокгауза, первымъ зданіемъ, которое построилъ Ирала въ Ассунціонѣ, была церковь; она была выстроена, а община завоевателей не имѣла у себя священника. Но за два года передъ своей смертью, въ 1555 году, искусный и мужественный губернаторъ могъ убѣдиться, что эта церковь выстроена имъ не даромъ: въ этомъ году въ Ассунціонѣ высадился не какой-нибудь простой священникъ, а самъ епископъ Педро-де-ла Торре, сопровождаемый нѣсколькими священниками. Новоприбывшіе были встрѣчены съ великимъ энтузіазмомъ, съ пушечными и ружейными выстрѣлами и съ колокольнымъ звономъ. Храбрые завоеватели были большіе невѣжды въ религіозныхъ вопросахъ и радовались, какъ дѣти, что къ нимъ пришли просвѣтителы, радовались, не предчувствуя, сколько для нихъ безпокойствъ и бѣдъ принесли съ собою эти черные люди.

Но монашеское, слишкомъ методическое, слишкомъ официальное, слишкомъ консервативное духовенство не могло оказать большой помощи неискуснымъ въ дѣлахъ внутренней политики завоевателямъ. Такое духовенство въ состояніи было учредить политическую церковь въ родѣ англиканской въ Ирландіи и ничего болѣе. Въ Парагваѣ же была нужна нѣсколько иная духовная организація—болѣе гибкая, болѣе эластичная, менѣе традиціонная;—нужны были не простые консерваторы и духовные землевладѣльцы, а ощущалась необходимость въ завоевателяхъ вѣры, въ авантюристахъ доктрины,—нужны были миссіонеры и ими явились іезуиты.

Іезуиты играли очень видную роль въ новѣйшей исторіи; играютъ, пожалуй, даже и теперь, но уже весьма слабую и можно съ увѣренностію сказать, что царство ихъ кончено. Несмотря на все очевидное зло, какое они сдѣлали, сворачивая по временамъ колесницу человѣческаго прогресса съ ея настоящаго пути, они и теперь еще дѣлаютъ попытки столкнуть ее съ дороги; мы однакожь вполне убѣждены, что сегодня или завтра, но они непременно попадутъ подъ колеса останавливаемой ими колесницы и

будутъ раздавлены ею окончательно. Но констатируя фактъ настоящаго безсилія этихъ несчастныхъ, которые думаютъ и теперь еще быть тѣми владыками, какими были ихъ предки три столѣтія тому назадъ, и которые не говорятъ, какъ Риччи: *sint ut sunt*, но *sint ut erant*, — констатируя этотъ фактъ, мы тѣмъ не менѣе должны признать, что нѣкогда велико было ихъ могущество, употребленное ими на самыя возмутительныя, преступныя дѣйствія. Іезуиты хотѣли пересоздать весь міръ и въ продолженіи цѣлаго вѣка они могли надѣяться, что достигнуть своей цѣли. Они становились рабами своего ордена, чтобы поработить ему весь міръ и дать ему въ руки всемогущество. „*Omnia serviliter pro dominatione*“; внутренняя дисциплина гарантировала имъ внѣшнее господство. Они были янчарами вѣры, мамелюками католицизма. Еслибъ Григорій VII имѣлъ въ своемъ распоряженіи эту страшную милицію, онъ задушилъ бы все человѣчество; еслибъ Инновентій III нашелъ своихъ союзниковъ въ гибкихъ, вѣроломныхъ, граціозныхъ и улыбающихся іезуитахъ, вмѣсто жестовыхъ и мрачныхъ доминиканцевъ, онъ бы сдѣлалъ невозможной эпоху возрожденія, которую избіеніе альбигойцевъ и свободныхъ мыслителей на югѣ Франціи и въ Италіи отдалило на два столѣтія. Іезуитскій идеалъ заключался въ неразрывной связи абсолютной духовной монархіи съ мудро-организованной феодальной аристократіей, которая давала бы имъ силу вмѣстѣ эксплуатировать невѣжественное большинство, вытягивая изъ него все, что возможно было вытянуть. Къ несчастію для конгрегациі, Европа вовсе не желала быть іезуитированной; Германія рѣшилась на едва не погубившую ее, отчаянную тридцатилѣтнюю борьбу съ послѣдователями іезуитовъ Тилли, Паппенгеймомъ и Валленштейномъ; на половину подавленные герцогомъ Альбой, Нидерланды оказали тоже геройское сопротивленіе. Со времени Вестфальскаго мира народы уже инстинктивно чувствовали, что католицизмъ желаетъ убить все живое, и съ этого времени исторія его представляетъ постоянные факты его ослабленія и паденія.

Но если іезуитамъ не удалось примѣнить своихъ идей въ большихъ размѣрахъ, имъ удалось осуществить ихъ въ небольшой колоніи, вышедшей изъ страны, гдѣ инквизиція владычествовала

безапелляціонно, — изъ той страны, гдѣ родился этотъ безумный иллюминатъ, этотъ человекъ такъ искренно-лицемѣрный и лицемерно-искренній, которому имя было Игнатій Лойола. Іезуиты основали въ Парагваѣ образцовое государство, представляющее собой реализацію ихъ идеала, самаго совершеннѣйшаго образчика владычествующей теократіи. Они имѣли всѣ шансы удачно осуществить свои проекты общественнаго устройства здѣсь, на этомъ новомъ континентѣ, на дѣвственной почвѣ, между ребяческимъ и наивнымъ населеніемъ. Государство, основанное ими въ Парагваѣ, считается ихъ самымъ законченнымъ твореніемъ и обыкновенно выставляется ихъ защитниками, какъ аргументъ ихъ благотворныхъ дѣйствій, какъ произведеніе, составляющее ихъ славу.

Первые іезуиты прибыли въ Америку въ 1549 году. Въ этомъ году они послали своихъ миссіонеровъ въ Бразилію, въ то время называвшуюся „Землей св. Креста“. Они высадились въ заливѣ Багіа. Въ 1567 году они удостоили своимъ посѣщеніемъ столицу инковъ и вслѣдъ затѣмъ разослали нѣсколько миссій по Бразиліи и Перу, гдѣ и утвердились на долгое время. Черезъ десять лѣтъ они основались въ Парагваѣ. Въ 1580 году, т. е. почти въ то же самое время здѣсь утвердились конкуренты іезуитовъ, францискане. Съ этого времени начались постоянныя, почти непрерывныя эмиграціи монаховъ въ лаплатскую страну; на тѣхъ самыхъ корабляхъ, которые везли солдатъ и разный сбродъ грабителей, жадныхъ до легкой прибыли, ѣхали и ревностные патеры и монахи; всѣ чѣмъ нибудь недовольные, всѣ имѣющіе нужду скрываться, всѣ честолюбцы, всѣ молодые и сильные люди, которымъ было необходимо болѣе обширное поле для приложенія ихъ могучей энергіи, — всѣ такіе люди прощались съ отечествомъ и спѣшили въ невѣдомыя, только-что открытыя страны, — спѣшили: одни съ требникомъ, другіе съ ружьемъ въ рукахъ; другого достоянія они съ собой не везли, да и сомнительно, чтобы оно было у многихъ изъ нихъ.

Люди меча и люди слова помогали одни другимъ упрочивать сдѣланное завоеваніе: одни начинали дѣло, другіе его оканчивали. Но какъ только совмѣстныя дѣйствія увѣнчались успѣхомъ и первыя опасности прошли, въ колоніяхъ началась борьба между

свѣтскимъ и духовнымъ элементами. Въ маленькихъ мѣстечкахъ, въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ возобновились сцены, которыми такъ богата была Европа въ средніе вѣка. Власть свѣтская, именно потому что она свѣтская, желала самостоятельно распоряжаться въ дѣлахъ свѣтскихъ; власть же духовная желала имѣть въ своихъ рукахъ какъ духовныя, такъ равно и свѣтскія дѣла. Въ Ассунціонѣ возобновилась вѣковая борьба папъ съ императорами. Епископы налагали проклятіе на губернаторовъ, губернаторы изгоняли епископовъ. Подобная же борьба шла въ деревняхъ между іезуитскими миссіонерами и сеньорами; вездѣ люди слова и книги воевали съ людьми меча. Монахи, желая заслужить популярность, брали сторону индѣйцевъ противъ ихъ сеньоровъ, соединялись съ побѣжденными противъ побѣдителей. Вотъ почему этотъ задавленный народъ такъ скоро принялъ христіанство и полюбилъ его. Одинаковыя причины производятъ одинаковыя послѣдствія, и еще теперь, даже въ протестантскихъ колоніяхъ Индіи, Новой Зеландіи и южной Африки, миссіонеры являются всегда защитниками туземцевъ противъ администраціи и часто терпятъ отъ губернаторовъ, обращающихся съ ними весьма сурово. Вспомните недавнія жестокости, совершенныя въ Ямайкѣ губернаторомъ Эйромъ надъ баптистскимъ священникомъ Гордономъ, и обвиненія, которыя онъ выставилъ противъ миссіонеровъ, платившихъ ему тою же монетою.

Но возвратимся къ индѣйцамъ, которымъ іезуиты покровительствовали и вбивали въ голову катехизисъ. Дѣйствія искусныхъ проповѣдниковъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Отъ наивныхъ сыновъ степей впрочемъ требовалось очень немного, лишь бы они сѣмѣли сдѣлать рукою крестъ—и дѣло кончено, они становились христіанами; ихъ только обязывали всенепремѣннѣйше отдавать дѣтей на воспитаніе почтеннымъ отцамъ, которые, по своей мудрости, сѣмѣютъ вселить въ нихъ правила, приличныя ихъ дѣтскому и наивному развитію. А по части воспитанія послѣдователи Лойолы не надали въ грязь лицомъ; имъ досконально была извѣстна вся суть тогдашней мудрости и они отлично умѣли давать цѣну вещамъ. Наука — суета суетъ, все надо дѣлать во славу

божію, т. е. на пользу іезуитскаго ордена, прочтемъ мы между строкъ.

Іезуиты, какъ мы замѣтили выше, пытались защищать индѣйцевъ отъ притѣсненій испанцевъ, они защищали ихъ даже отъ набѣговъ такъ называемыхъ охотниковъ на людей. Завоеватели, въ своихъ непрерывныхъ войнахъ противъ дикихъ индѣйцевъ, убивали всѣхъ мужчинъ, попадавшихся имъ въ руки, но всегда оставляли жизнь женщинамъ, дѣлая ихъ своими любовницами; отъ этихъ связей произошло страшное потомство: *мамелюко*, происшедшіе отъ связи индѣянокъ съ португальцами и *гаучо* отъ связи ихъ съ испанцами; послѣдніе поселились въ теперешнихъ аргентинскихъ владѣніяхъ. Эти метисы, гордые своимъ родствомъ съ бѣлыми, смотрѣли на своихъ краснокожихъ братьевъ съ презрѣніемъ, смѣшаннымъ съ ненавистью; гордые своимъ мускулярнымъ превосходствомъ, они посвятили себя на уничтоженіе расы, отъ которой сами происходили, и на обращеніе ея въ рабство. Вся ихъ соціальная организація — если это только можно назвать организаціей — была основана на охотѣ за людьми и на продажѣ плѣнниковъ въ рабство. Ежегодно, подобно сараичѣ, изъ бразильской провинціи Сан-пауло (откуда произошло и имя ихъ *паулисты*) они накидывались на беззащитныя индѣйскія племена, находящіяся подъ властью испанцевъ, и преимущественно на тѣ племена, гдѣ водворились іезуиты. Нанаяда на послѣднихъ, они подвергались меньшему риску, а иногда даже подъ рукою получали покровительство гражданскихъ властей въ Ассунціонѣ; увѣряють, будто иногда, изъ ненависти къ своимъ соперникамъ іезуитамъ, сами католическіе епископы призывали этихъ дикарей. Кровавые набѣги паулистовъ имѣли техническое названіе *малока*. Они часто стояли жизни и свободы тысячамъ гуарани; этихъ несчастныхъ убивали, ранили, загоняли въ глубину лѣсовъ, ловили и вели на базары, гдѣ продавали ихъ, какъ быковъ, и во все время обращались съ ними съ неслыханной жестокостью.

Историческіе факты говорятъ, что въ 1629 и 1630 годахъ на ріо-жанейрскомъ рынкѣ было продано 60,000 христіанъ христіанами же. Такимъ образомъ край быстро обезлюживался; про-

данные рабы жили короткое время, они умирали отъ полученныхъ ими побоевъ, ранъ, отъ усталости, отъ ужаснаго безчеловѣчнаго съ ними обхожденія. Вслѣдствіе этихъ варварскихъ нападений индѣйцы стали выселяться изъ своей несчастной страны. Сначала бѣгали въ одиночку, но іезуиты помогли и увлекли въ переселеніе цѣлое племя; они захотѣли повторить историческій фактъ исхода евреевъ изъ Египта. Десять лѣтъ тому назадъ это племя насчитывало у себя болѣе ста тысячъ членовъ, теперь же ихъ оставалось всего до двѣнадцати; этотъ остатокъ племени подъ предводительствомъ отца іезуита Монтуа на семистахъ ладьяхъ двинулся по Паранѣ искать своего Ханаана; послѣ неимовѣрныхъ усилій, испытавъ голодъ и болѣзни, слабые и утомленные высадились они при слияніи двухъ небольшихъ рѣкъ. Прибывъ въ новый Ханаанъ, Монтуа сталъ заботиться объ укрѣпленіи позиціи. Но онъ на время оставилъ свой народъ и отправился въ Римъ, гдѣ, послѣ долгихъ ходатайствъ, ловко отражая представленія дворовъ испанскаго и португальскаго, поддерживаемый вліаніемъ рѣшительнаго генерала іезуитскаго ордена, — искусный іезуитъ вырвалъ у папы Урбана VIII разрѣшеніе индѣйцамъ защищаться, а почтеннымъ отцамъ вооружить туземцевъ ружьями, и даже ввести для обороны пушки. Съ этого времени исторія іезуитскихъ миссій принимаетъ другой характеръ; съ этого времени іезуиты становятся людьми военными; они вводятъ въ свою организацію отцовъ-начальниковъ артиллеріи, отцовъ-командировъ пѣхоты и кавалеріи, отцовъ-капраловъ, отцовъ-капитановъ и т. д.; съ этого времени ихъ церкви уже въ дѣйствительности дѣлаются воинственною. Они осолдачиваютъ вновь обращенныхъ, учатъ ихъ стрѣльбѣ и, наконецъ, испытываютъ наслажденіе, отражая нападеныя паулистовъ, и не только отражаютъ, но даже нападаютъ и разбиваютъ въ двухъ или трехъ сраженіяхъ своихъ непримиримыхъ враговъ. Іезуиты оказывались способными на все; имъ вздумалось обратиться въ воиновъ и — дѣло изумительное для мягкихъ и болѣе чѣмъ робкихъ индѣйцевъ — они вышли хорошими солдатами, способными отражать и побѣждать шайки разбойниковъ, наводящихъ ужасъ своею храбростію и необузданною жестокостію. Воинственное обаяніе,

окружившее съ этой поры іезуитскія миссіи, сдѣлалось для нихъ лучшей гарантіей ихъ безопасности; прежніе враги стали ихъ бояться и оттого увеличилось недовѣріе, какое всегда питали къ нимъ гражданскія власти страны; онѣ поняли, наконецъ, что, рано или поздно, между ними и іезуитами должна произойти смертельная борьба за существованіе.

Замѣтимъ мимоходомъ, что мамелюко, не смѣя болѣе беспокоить іезуитовъ, обратились противъ испанскихъ колонистовъ и гаучо, и съ этого времени водворилась свирѣпая ненависть потомковъ испанскихъ завоевателей къ потомкамъ португальцевъ, — ненависть, неослаблявшаяся втеченіи болѣе чѣмъ двухъ вѣковъ. Это соперничество между двумя сосѣдями, между двумя братьями, происшедшими отъ одного корня, представляетъ собою одно изъ самыхъ странныхъ этнологическихъ явленій. Вражда, существующая теперь въ Колумбіи между кастильцемъ и лузитанцемъ, далеко превосходитъ ненависть, нѣкогда существовавшую между англичанами и французами. Эта ненависть между двумя расами, лучше сказать, между двумя развѣтвленіями той же самой расы, лежитъ въ основаніи всѣхъ вопросовъ, и теперешняя война Бразиліи съ Парагваемъ есть отдаленное отраженіе и даже продолженіе тѣхъ ружейныхъ выстрѣловъ, которыми мѣнялись между собой португальскіе паулисты и испано-гуарани.

III.

Организація іезуитскихъ миссій чрезвычайно любопытна и представляетъ живой интересъ для людей, занимающихся соціальной наукой; полученные ею результаты, какъ хорошіе, такъ и дурные, наводятъ на весьма серьезные размышленія. Мы уже говорили, что ихъ правительственный идеалъ заключался въ тѣсной связи олигархіи съ монархическимъ абсолютизмомъ. Они, по всей вѣроятности, взяли себѣ за образецъ Венецію, республику по имени, имѣвшую во главѣ дожа и управляемую совѣтомъ десяти. Іезуит-

ское государство въ Парагваѣ представляло собою полу-варварскую, полу-монашескую общину, которая не допускала личной собственности, даже въ разсужденіи женъ. Это было тѣсное соединеніе свѣтской съ духовной властію; патриархализма съ новѣйшей наукой;—самая простѣйшая эксплуатація большинства людьми самыми коварными, самыми хитрыми, самыми лукавыми, которые когда либо существовали во времена историческія.

Народонаселеніе іезуитскаго государства, въ послѣдніе дни его существованія, достигало до 170 тыс. человѣкъ. Оно не имѣло времени овладѣть всѣмъ Парагваемъ и такимъ образомъ уничтожить вредную для себя чрезполосность. Тридцать его округовъ были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ провинцій Сантъ-Яго и Тукуманъ на берегахъ рѣки Параны, Урагуая, Парагуая и ихъ многочисленныхъ притоковъ. Начальникъ всей федераціи назывался *главою миссій*; онъ назначался генераломъ іезуитскаго ордена и считался его помощникомъ. Этотъ диктаторъ проживалъ обыкновенно въ городѣ Канделарія на Паранѣ, въ городѣ, имѣющемъ важное промышленное значеніе, который, по всей вѣроятности, скоро будетъ соединенъ каналомъ или желѣзной дорогой съ Урагваемъ. Каждой миссіей завѣдывали два почтенные отца; одинъ вѣдал преимущественно свѣтскія, другой духовныя дѣла. Іезуитскій микадо въ дѣйствительности пользовался меньшимъ значеніемъ, чѣмъ его тайкунъ. Отецъ, представляющій власть жреческую, не имѣлъ нужды въ большей дѣятельности; онъ былъ неизмѣненъ, какъ самъ догматъ, онъ олицетворялъ традицію, онъ появлялся, какъ главное лицо, на мессѣ, во всѣхъ большихъ церемоніяхъ; его власть была видимая, онъ стоялъ въ нишѣ на показъ всѣмъ. Но дѣйствительная власть принадлежала его помощнику, вѣдающему дѣла свѣтскія; его обязанности требовали большей живости, большей молодости, пронизательности, быстроты соображенія; ему приходилось поспѣвать всюду, онъ былъ обязанъ ѣздить въ Канделарію за нолученіемъ приказаній; онъ долженъ былъ направлять дѣятельность чиновниковъ, зависящихъ отъ дуумвирата. Главнѣйшіе изъ этихъ чиновниковъ были: *коррегидоръ*, нѣчто среднее между городскимъ головой и городничимъ; *теніэнте*, его помощникъ, *альферезъ*—

полицейскій комиссаръ; *алькадъ*, въ лицѣ котораго сосредоточивались три должности: слѣдователя, судьи и судебного пристава. Этотъ чиновный синельитъ соединялся для общихъ совѣщаній въ совѣтъ, называемомъ *кабильдо* и долженствующемъ соотвѣтствовать городской думѣ, муниципальнымъ совѣтникамъ. Всѣ эти чиновники носили трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, какъ знакъ ихъ высокаго достоинства. Каждое утро они приходили сплетничать въ квартиру, занимаемую почтенными отцами, рассказывая имъ новости и взаи́мнѣ получая отъ нихъ отеческія внушенія по административнымъ вопросамъ и мягкимъ, ласкательнымъ тономъ отдаваемыя приказанія. Отцы-іезуиты очень ловко умѣли отдавать приказанія: это были совѣты, а не повелѣнія, всегда казалось, будто инициатива шла отъ туземныхъ чиновниковъ, что пріятно щекотало ихъ маленькое самолюбіе, но не всегда было для нихъ выгодно: народъ все хорошее приписывалъ патерамъ, все же дурное мѣстнымъ чиновникамъ.

Общины были организованы въ мастерскія, земледѣльческія или промышленныя, управляемыя *фискалами*. *Капитанъ плотничьяго ремесла* завѣдывалъ публичными работами; онъ строилъ церкви, онъ наблюдалъ за постройкой домовъ, за изготовленіемъ мебели. Кстати замѣтимъ, что эта мебель продавалась на сосѣдніе испанскіе острова, гдѣ далеко не умѣли такъ хорошо готовить ее, и гдѣ до сихъ поръ еще можно видѣть старинныя шкапы, кресла „издѣлія іезуитовъ.“ Токари подчинялись *четочному капитану*, названному такъ потому, что здѣшніе токари занимались выдѣлкой по преимуществу четокъ и работали ихъ такъ хорошо, что могли соперничать съ извѣстной огромной севильской фабрикой; ихъ издѣлія продавались даже въ Перу. Серебряники, работавшіе почти исключительно церковные сосуды, получали приказанія отъ *капитана серебряныхъ дѣлъ*. Были капитаны надъ башмачниками и погонщиками муловъ. Капитанъ надъ ткачами, вѣрнѣе надъ ткачихами, надзиралъ за работами женщинъ и дѣтей, которыя должны были вычистить, спрясть и вы ткать извѣстное количество хлопка, изъ котораго тутъ же выдѣлывались матеріи для домашняго употребленія и на продажу въ дальнія мѣста... Учитель му-

зыка былъ весьма значительнымъ лицомъ, такъ какъ индѣйцы были къ ней страстно привязаны. Гуарани съ радостію пошли бы въ адъ за іезуитомъ, еслибъ онъ шелъ впереди ихъ, наигрывая на флейтѣ. Поэтому музыка была введена всюду; всѣ религіозныя церемоніи совершались при оркестрѣ музыки и съ огромнымъ хоромъ пѣвчихъ. При звукахъ трубъ и барабановъ рабочіе шли на поле и уходили оттуда; музыканты время отъ времени наигрывали разныя пьесы, чтобы возбудить въ рабочихъ энергію къ работѣ, которая никогда не была ни слишкомъ долгой, ни слишкомъ утомительной. Принималось во вниманіе, что этотъ слабый, лѣнивый народъ неспособенъ къ продолжительной работѣ, норма для нея назначена шестичасовая и то въ два приема. Было узаконено безчисленное множество праздниковъ, во имя разныхъ святыхъ, когда населеніе отдыхало отъ трудовъ, цѣлый день ничего не дѣлая. Особенно почитался св. Фома, изъ котораго іезуиты сдѣлали патрона индѣйцевъ, приходившаго будто бы когда-то проповѣдывать евангеліе народамъ тупи и гуарани. Въ праздничные дни допускались балы, но на нихъ могли танцовать одни мужчины, іезуиты не позволяли женщинамъ жестикулировать публично, — этикетъ, по ихъ мнѣнію, нарушалось уваженіе къ Богородицѣ. Также бывали турниры, на которыхъ заставляли драться картонныя чудовища, одѣтыя въ фантастическіе костюмы. Въ праздники дѣлались выставки рѣдкихъ растений и животныхъ страны. Къ пальмовымъ вѣтвямъ тонкими шурками привязывали попугаевъ и другихъ тропическихъ птицъ съ яркими перьями, которыя порхали въ зелени. Въ клѣткахъ на цѣпяхъ сидѣли львы и ягуары. Изъ церквей брали статуи святыхъ и носили ихъ по полямъ на носилкахъ, украшенныхъ лентами; во время пути гремѣла торжественная музыка; когда же, по предположенію почтеннаго патера, статуя уже почувствовала усталость и желала отдохнуть, кортежъ останавливался, святую ставили въ походный алтарь весь изъ зелени и всѣ располагались на отдыхъ. Священники тогда сбрасывали съ себя торжественное величіе и вступали въ разговоры со всѣми, въ особенности съ женщинами. Вокругъ патеровъ тѣснились достопочтенные члены кабилдо съ своими тростями съ серебряными набал-

данниками, капитаны разныхъ ремеслъ и *критоцеры* или носители креста. Каждый изъ индѣйцевъ страстно добивался чести носить крестъ; послѣдній имѣлъ для него магическое значеніе. На носящаго крестъ смотрѣли, какъ на человѣка избавленнаго отъ всякихъ непріятныхъ пагубныхъ случайностей и отъ болѣзней, такъ часто въ этой странѣ посѣщающихъ рабочій людъ. Желая поддержать такую вѣру, отцы-іезуиты поручали носить крестъ почти исключительно *кузендеросамъ*, т. е. лицамъ, занимающимся медицинскою практикою. По понятіямъ индѣйцевъ крестъ спасалъ не только отъ болѣзней, но и отъ нападеній дикихъ звѣрей. Отецъ Шарлевуа въ своихъ „Назидательныхъ письмахъ“ рассказываетъ такой случай: индѣйцы поставили крестъ у опушки лѣса. На вопросъ, почему они избрали именно это мѣсто, они отвѣчали просто-душно: „чтобъ ягуары не выходили изъ лѣса.“ Кромѣ пальца съ набалдашникомъ и ношенія креста, искусные іезуиты для поощренія дѣтскаго тщеславія этихъ взрослыхъ дѣтей придумали титула, должности, эмблемы, символы, отличія всякихъ родовъ. „Divide et impera,“ — римская политика пустила въ ходъ это правило еще во времена Августа.

Едва ли въ свѣтѣ существовало абсолютное правительство, которое бы такъ полно держало въ рукахъ своихъ подданныхъ, какъ іезуитское въ Парагваѣ, за то едва ли и существовалъ когда нибудь народъ, который бы такъ полно и такъ просто повиновался приказаніямъ, получаемымъ отъ поставленныхъ надъ нимъ властей. Въ рукахъ достопочтеннѣйшихъ отцовъ-іезуитовъ онъ былъ также кротокъ и податливъ, какъ лошади ихъ степей въ шенкеляхъ искусныхъ всадниковъ. Въ миссіяхъ все было подведено подъ строгую, мелочную казарменную дисциплину. Патеры вмѣшивались во всѣ самыя мельчайшія подробности быта, они все подвели подъ одинъ уровень. Они отняли у женщинъ работу иглой и вышивку и отдали ее музыкантамъ, пономарямъ и дѣтямъ, поющимъ въ церковномъ хорѣ; а на женщинъ наложили болѣе тяжелыя, но также и болѣе доходныя ткацкія работы. Они регламентировали положительно все, что можно было регламентировать, назначили часы, когда населеніе должно было работать внѣ своихъ домовъ въ полѣ,

и когда въ мастерскихъ, дома. Назначили часы, когда можно пѣть, когда отдыхать, пить *мате* (парагвайскій чай), молиться, исповѣдаться, спать, подыматься съ постели. Такимъ образомъ часы на колокольнѣ приходской церкви изъ минуты въ минуту показывали теченіе жизни государства.

Продукты такъ хорошо регламентированнаго труда поступали въ общинныя магазины, состоявшіе въ завѣдываніи добродѣтельныхъ отцовъ. *Мажордомъ коллегіи*, — экономя миссіи, выдавалъ сѣмена, необходимыя для посѣва, отпускалъ каждому хозяину провизію, необходимую для потребностей семейства на цѣлую недѣлю. Для внутреннихъ сношеній членовъ миссіи между собою, деньги вовсе не употреблялись, они служили только для внѣшнихъ сношеній. Барыши, получаемыя отъ коммерческихъ оборотовъ съ иноземцами, шли въ карманы директоровъ и употреблялись ими на нужды ордена и на украшеніе ихъ церквей, которыя мало-по-малу наполнились золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями. Напришѣръ, въ одну церковь были поставлены серебряныя статуи двѣнадцати апостоловъ, вѣсящія около ста пудовъ. Такое богатство іезуитскихъ церквей подало поводъ къ распространенію слуха, что іезуиты разработываютъ собственные золотыя и серебряныя рудники и тщательно сохраняютъ тайну ихъ мѣстонахожденія; изъ этого слуха разрослось множество неправдоподобныхъ басенъ, которыя испанскіе переселенцы, столь жадные до золота, охотно передавали другъ другу въ своемъ кругу. Этимъ побасенкамъ вполне вѣрили; рассказчики и ихъ слушатели были искренно убѣждены, что земли, занятыя миссіями, по всѣмъ направленіямъ порерѣзаны золотыми и серебряными жилами, и это обстоятельство еще болѣе увеличивало зависть и ненависть, питаемая парагвайскими испанцами къ мѣстными іезуитами и ихъ учрежденіямъ. Постройки іезуитовъ, замѣчательныя совершеннѣйшимъ отсутствіемъ вкуса, въ стилѣ на половину римскомъ, на половину китайскомъ, возбуждающія непріятное чувство въ артистѣ, для тупи, этихъ дѣтей природы, казались чудомъ. Впрочемъ теперь настало другое время и путешественникъ съ наслажденіемъ останавливаетъ свой взоръ на этихъ іезуитскихъ сооруженіяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, выйдя изъ безконеч-

ныхъ лѣсовъ и обширныхъ равнинъ или пустынныхъ, печальныхъ болотъ, отрадно увидѣть все, что поситъ на себѣ признакъ чело-вѣческой дѣятельности, нельзя безъ волненія пройти мимо каковаго бы то ни было памятника, имѣющаго право претендовать, хотя въ слабой степени, на артистическое воспроизведение, къ тому же большая часть этихъ церквей находится въ развалинахъ и по тому самому имѣетъ свою прелесть. Какъ бы хороши были многіе изъ нынѣ еще существующихъ тяжелыхъ некрасивыхъ католическихъ соборовъ, еслибъ они превратились въ развалины и колонны ихъ обвились плющомъ. Католичеству, полусгнившему въ наше время, отлично соотвѣтствуетъ развалившійся храмъ. Парагвайскія церкви, нѣкогда некрасивыя, нынче стали красивы; ихъ архитектурный стиль нѣкогда былъ ложенъ; теперь же гдѣ эта ложь, гдѣ это тщеславіе? — ихъ уже нѣтъ, отъ нихъ осталось одно воспоминаніе, — и разрушенію іезуитской теократіи вполне соотвѣтствуетъ разрушеніе ихъ зданій; это разрушеніе удовлетворяетъ духу справедливости, оно умиряетъ нашу совѣсть и мы съ яснымъ спокойствіемъ замѣчаемъ, что прекрасная и великая природа мало-по-малу опять возвращаетъ себѣ мѣсто, которое на время было захвачено у ней нашими ложными величіями, нашими болѣзненными, безпкойными честолюбіями.

Какое участіе имѣло колоніальное управленіе Ассунціона и мадридское правительство метрополи во всей этой грубой іезуитской эксплуатаціи? — Они имѣли самое ничтожное участіе. Миссіонеры платили подать по піастру съ каждаго индѣйца отъ 18 до 50 лѣтъ; точно также какъ испанскіе землевладѣльцы платили фиску сумму, высчитываемую по головамъ крупнаго скота. Но налогъ на іезуитовъ повѣрялся и раскладывался не правительственными чиновниками, а отцами же іезуитами, которые сами дѣлали перовисъ и сами опредѣляли количество слѣдующаго съ нихъ налога. Они посылали въ Ассунціонъ сдѣланный ими расчетъ налога и прилагали къ нему мѣшокъ съ монетой; но эта уплата была мнимая, она не увеличивала средствъ ассунціонскаго казначейства, такъ какъ отцы іезуиты, взамѣнъ отданнаго ими фиску мѣшка, получали почти такой же отъ фиска, ибо все они были внесены въ списокъ

священнослужителей, получающихъ отъ правительства жалованье. Такимъ образомъ правительство не только не получало дохода съ территоріи, занятой миссіями, но едва ли еще само имъ не приплачивало. Губернаторы были недовольны такимъ положеніемъ дѣла, а испанскіе переселенцы жаловались, что общины, управляемыя іезуитами, сваливаютъ съ своихъ плечъ на чужія всю тягость налоговъ.

Слыша эти жалобы, іезуиты презрительно пожимали плечами. Какое имъ дѣло до благосостоянія испанской колоніи? Вѣдь всѣ ихъ стремленія клонились только къ тому, чтобы основать государство въ государствѣ, избавить его отъ всякаго вмѣшательства политической и гражданской власти, и сосредоточить ихъ нераздѣльно съ духовною властью въ лицѣ ихъ самихъ, іезуитовъ. Они успѣли въ этомъ и, разумѣется, находили для себя болѣе удобнымъ тратить собранныя деньги на пользу своего ордена, чѣмъ посылать ихъ въ Ассунціонъ для увеличенія кассъ губернаторовъ и епископовъ, завидующихъ іезуитамъ и искренно ихъ ненавидѣвшихъ.

Подъ предлогомъ защищать свои жилища отъ грабежей дикихъ индѣйцевъ, іезуиты окружили миссіи и принадлежація къ нимъ деревни и земли широкими и глубокими рвами, усадивъ дно ихъ палисадомъ; съ цѣлію избавить свой скотъ отъ нападенія ягуаровъ, они самыя пастбища обратили въ укрѣпленные лагеря. На каждой изъ четырехъ сторонъ, на дорогахъ, ведущихъ къ миссіи, черезъ рвы были переброшены крытые мосты съ воротами и сзади нихъ построены мостовыя укрѣпленія съ пушками, подлѣ которыхъ постоянно стояли вооруженные часовые. Никто не могъ пройти черезъ эти мосты, ни въ ту, ни въ другую сторону, не предъавивъ паспорта, подписаннаго почтеннымъ отцомъ-іезуитомъ. Губернаторы Ассунціона, пожелавшіе лично повѣрить справедливость іезуитскихъ исчисленій народонаселенія, несмотря на требованіе пропуска именемъ короля, вынуждены были съ носомъ удалиться обратно отъ негостепріимныхъ воротъ. По этому образчику можно судить, какъ трудно было проникнуть въ іезуитскія деревни и поля; и если приходила кому нибудь охота поклониться святынь, находящейся въ іезуитскихъ храмахъ, поохотиться въ ихъ лѣсахъ, или просто ос-

мотрѣть интересное устройство іезуитскихъ колоній, то ему приходилось много и долго хлопотать, пока хлопоты егo увѣнчивались полученіемъ впускного билета.

Многочисленная полиція надзирала за гражданами іезуитскихъ колоній; ночные сторожа мало-по-малу были превращены въ публичныхъ шпионовъ. Шпионство всегда было могущественнымъ средствомъ въ рукахъ іезуитовъ, сдѣлавшихъ исповѣдь изъ тайнства могущественнымъ орудіемъ государственной власти. Можно представить себѣ, какъ они устроили и пользовались шпионствомъ у себя дома, въ своихъ колоніяхъ.

Они хорошо понимали, что въ столь мудро устроенномъ ими государствѣ, гдѣ духъ и тѣло ихъ подданныхъ находились въ полномъ ихъ распоряженіи, гдѣ каждый человѣкъ составлялъ частичку безсловесной, безчувственной машины, пущенной въ ходъ чужими руками,—въ такомъ государствѣ не могло быть и рѣчи о революціяхъ или бунтахъ; всякая мысль о такихъ тревоженіяхъ казалась чистѣйшимъ абсурдомъ. Проступки (нѣтъ человѣка безъ грѣха), совершаемые добродушными подданными іезуитовъ, съ точки зрѣнія самихъ же владыкъ должны были считаться въ извѣстной степени весьма невинными. Это были грѣшки чисто дѣтскіе, происходящіе отъ нерадивости, неловкости; встрѣчались между грѣшниками лгунишвы; бывали проступки, какъ слѣдствіе гнѣва и даже лѣности. Но отцы не оставляли безъ возмездія никакого самолюбившаго отступленія отъ моральныхъ правилъ, ими преподанныхъ. Каждою провинившагося они обыкновенно наказывали розгами, и если обвинялась женщина, то роль экзекутора, въ большинствѣ случаевъ, брали на себя сами отцы-іезуиты и собственными руками стегали плеткой провинившуюся, разумѣется, по голому тѣлу. Однакожъ панегиристы іезуитовъ увѣряютъ, что почтенные отцы лично были дѣломудренны и крайне воздержны. Можетъ быть, ловко скрывая свои грѣшки, они и воздерживались отъ явнаго проявленія разврата, такъ какъ знали, что въ южныхъ странахъ безбрачіе монаховъ и священниковъ производитъ сильное обаяніе на населеніе.

Передъ нами лежитъ планъ Канделярія, столицы, матери іезуит-

скихъ миссій въ Парагваѣ; разсматривая его, вы можете подумать, что передъ вами лежитъ игрушка, состоящая изъ маленькихъ, совершенно ровныхъ домиковъ, наклеенныхъ на доску, при пособіи циркуля, въ одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи. Центръ города занимала колона, имѣющая на своей вершинѣ статую Богородицы съ младенцемъ на рукахъ. Она составляла также центръ огромной площади, на каждомъ углу которой стоялъ крестъ. По тремъ сторонамъ площади располагались жилища гражданъ. Каждое жилье было окружено крытой галлереею или верандою, покоящеюся на колонахъ, по три въ длину дома, по восьми въ ширину. Домъ былъ двухэтажный и заключалъ въ себѣ четыре комнаты. Дома отдѣлялись одинъ отъ другого широкими прямыми улицами. На четвертой, главной сторонѣ широкой площади, по всей вѣроятности, служившей мѣстомъ базара, красовался фасадъ церкви, прикрывающей кабыльдо, обширныя кладовыя и школу, гдѣ, скажемъ кстатѣ, дѣтей по латини учили, а испанскому языку не учили, — іезуиты хотѣли отнять у своихъ подданныхъ всякую возможность сообщаться съ испанцами, живущими по сосѣдству. Позади этихъ зданій было обширное огороженное мѣсто съ часовней посрединѣ, — это кладбище; здѣсь были симметрически разсажены араукари, плакучія ивы и пальмы; смежно съ кладбищемъ стоялъ домъ для вдовъ, съ которыми іезуиты не знали что дѣлать. Несмотря на свои личные обѣты безбрачія, іезуиты сильно хлопотали объ увеличеніи народонаселенія въ своихъ колоніяхъ, гдѣ музыка и рожденіе дѣтей были единственными доступными для индѣйцевъ удовольствіями. Однакожъ, несмотря на все желаніе почтенныхъ патеровъ, народонаселеніе не только не увеличивалось, но даже уменьшалось довольно быстро. Это уменьшеніе приписывали эпидеміямъ оспы, проникшей даже и въ іезуитскія деревни, расположенныя одиноко посреди безбрежныхъ пустынь и широкими рвами отрѣзанныя отъ всякаго сношенія съ внѣшнимъ міромъ, точно суда, подвергнутыя карантинному испытанію. Говорятъ еще, — и это аргументъ, часто употребляемый противъ мальтузіанцевъ, — что объ гуарани слишкомъ много заботились, слишкомъ хорошо нитали, чтобы у нихъ могли достаточно проявляться способности къ дѣтороженію, что будто

бы способность къ воспроизведенію бываетъ на своемъ минимумѣ у индивида, котораго благосостояніе находится въ максимумѣ. Но по этому вопросу такъ мало собрано фактовъ, что наука еще не могла произнести никакого положительнаго отвѣта. Какъ бы тамъ ни было, однакожь мы, съ своей стороны, никакъ не можемъ допустить, чтобы гуарани уменьшались въ своемъ числѣ потому, что были слишкомъ счастливы; мы увѣрены, что они умирали отъ глубокой тоски, подтачивающей ихъ жизнь. Когда слоновъ вырвать изъ ихъ лѣсовъ и обширныхъ равнинъ и заключать на роскошномъ лугѣ, обнесенномъ стѣной, они, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры, отказываются рожать дѣтей, они какъ будто не желаютъ увеличивать числа рабовъ. Обѣзумившіеся индѣйцы въ своихъ миссіяхъ вели жизнь комфортабельную, были избавлены отъ всякихъ заботъ и безпокойствъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ всякихъ радостей, которыя всегда неразлучны съ жизнію самостоятельную, нелишенною тревогъ и безпокойствъ. Ихъ жизнь въ миссіяхъ подобна жизни въ великолѣпно-устроенныхъ, снабженныхъ всѣми удобствами одиночныхъ тюрьмахъ, которыя избрѣла новѣйшая филантропія вмѣнъ смертной казни.

Что бы ни говорили панегиристы іезуитскаго управленія, бѣдные гуарани должны были испытывать смертельную скуку. Извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ не могли выдержать всей массы счастья, въ излишествѣ сыпавшагося на нихъ; рассказываютъ, что разъ въ одной изъ миссій почтенные отцы, крестеры и чиновники кабилдо, проснувшись утромъ, были крайне изумлены, замѣтивъ, что деревня внезапно опустѣла: никого на улицахъ, никого въ домахъ, сотни людей исчезли чудеснымъ образомъ, не оставивъ позади себя никакого слѣда: птицы улетѣли, съ помощію крыльевъ онѣ бѣжали въ лѣса, откуда ихъ невозможно было выгнать силою. Только черезъ одинадцать лѣтъ случайно встрѣтили одного изъ этихъ бѣглецовъ и онъ рассказалъ, въ чемъ было дѣло. Но выключая эту шалость, единственную въ своемъ родѣ, на территоріи миссій жизнь протекала съ безнадежною скукой, одна генерация слѣдовала за другою, каждая послѣдующая болѣе покорная, чѣмъ предыдущая; дѣти рождались, ихъ крестили, потомъ съ воз-

«Дѣло», № 9.

растаніемъ выучивали катехизису, женили, опять являлись дѣти, опять вели ихъ къ іезуитамъ, люди входили и уходили, шли на работу и возвращались назадъ и все это при звукахъ трубъ и барабановъ, что мѣшало думать, а потомъ уносили ихъ на кладбище занять тамъ мѣсто и получить свой послѣдній нумеръ. Если бы еще почтенные отцы, отнимающіе въ свою пользу у своихъ учениковъ и ту небольшую долю индивидуализма, какую давала имъ природа, если бы они дурно обращались съ ними, жестоко ихъ били и своей безъисходной тиранией вызывали бы возмущенія,— для несчастныхъ индѣйцевъ даже кара, которая послѣдовала бы за возмущеніемъ, была бы лучше ихъ теперешней животной жизни. Кровавые набѣги мамелюко для нихъ были бы гораздо сноснѣе, чѣмъ этотъ спокойный, вѣчно-улыбающійся деспотизмъ іезуитовъ; убійства, битвы, пораженіе, злоба и ненависть—весь этотъ адъ легче вынести, чѣмъ вѣчный, ничѣмъ непрерываемый моральный и интеллектуальный отдыхъ; тяжелое невольничество сноснѣе презрѣннаго лакейства. Съ той поры, какъ Жуанъ де-Салазаръ пустилъ въ лаплатскія равнины быка и семь коровъ, эта полезная порода скота на тучныхъ безконечныхъ лугахъ распространилась съ изумительной быстротой. Гаучо стали охотиться на нихъ и истреблять съ такимъ стараніемъ, что часто для обѣда одного человѣка убивался быкъ или корова; случалось даже, что убивали ихъ не только для обѣда, а просто для развлечения, для изощренія своей ловкости. Почти также мамелюко поступали съ индѣйцами, ловя ихъ своимъ лассо, убивая массаами и уводя толпами на невольничьи рынки для продажи въ бразильскія парцерим. Гаучо и мамелюко были варвары. Но пришли іезуиты, они тоже нахватили въ плѣнъ коровъ и быковъ, заключили ихъ на обширныхъ лугахъ, окруженныхъ рвами, наполненными водой; обильно насыщаясь, во время утоляя жажду, плѣнный скотъ свободно и спокойно гулялъ внутри парка до той поры, пока мисникъ не овладѣвалъ имъ, считая его уже достаточно жирнымъ и удобнымъ для пищи. вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ, искусные воспитатели внутри ограды заключили человѣчскій скотъ, который систематически эксплуатировали, заставляя его работать и достаточно напитывая частью про-

дуктовъ, имъ же выработанныхъ; еще болѣе, они взяли на себя заботу воспитывать ихъ дѣтей, обучая ребятъ катехизису и латыни и даже фехтованію и стрѣлянню изъ ружей и пушекъ—настолько ихъ считали невинными! Гаучо и мамелюко были только охотники, но іезуиты, представители высшей цивилизаціи, высшего соціального порядка, стали пастухами. Въ лаплатскихъ странахъ, гдѣ населеніе рѣдко, для присмотра за овцами дрессируютъ собакъ. Присмотръ за стадомъ—дѣло нелегкое, первая попавшаяся собака съ нимъ не справится. Нужно было употреблять продолжительныя усилія для того, чтобы приготовить вполне годнаго сторожа. Пришлось прибѣгнуть къ искусственному воспроизведенію, къ совершенной ломкѣ чувствъ и понятій даннаго субъекта. Для этого съ большимъ тщаніемъ выбирали щенка, родившагося отъ хорошей, понятливой суки, удаляли его отъ матери-собаки, выбирали мать-овцу; она выкармливала его своимъ молокомъ, затѣмъ юнца пускали въ стадо барановъ, надѣвъ на него баранью шкуру; такимъ образомъ онъ былъ строго отдѣленъ отъ товарищей своей расы; а въ тотъ возрастъ, когда „сказывается чувство“, деревенскій хирургъ производилъ надъ нимъ операцію, ставящую его въ рядъ существъ безполыхъ; за это лишеніе его награждали соціальными и политическими отличіями, онъ становился помощникомъ старой собаки, которая каждое утро вела овецъ на пастбу и каждый вечеръ приводила ихъ обратно въ деревню; старая собака шла во главѣ, а молодая въ хвостѣ стада, и каждая изъ нихъ имѣла на шеѣ корзину съ съѣстными припасами, которые аккуратно уничтожала на пастбѣ, и несла корзину обратно, зная, что ее опять наполнять пищей. Такимъ образомъ регулярно шла ихъ жизнь день за днемъ, въ свое время молодая собака становилась старой и, въ свою очередь, владыкой стада овецъ.

Измѣните нѣсколько словъ, смягчите нѣкоторые термины, поставьте слова „моральное и религіозное“ вмѣсто „физическое“ и передъ вами плачевная картина жалкаго, акуратнаго до абсурда воспитанія, даваемого іезуитамъ съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ ка-кихъ-то выродковъ человѣческаго рода. Іезуитъ — существо искусственное, совершенно противное природѣ; онъ фабрикованъ по

образу уродовъ, о которомъ намъ говорить Викторъ Гюго въ своемъ „L'homme qui rit“; искусство Санхецовъ и Эскобаровъ въ своемъ основаніи тоже самое, какъ и искусство компрачикосовъ; въ обоихъ случаяхъ одна и таже метода, вышедшая изъ страны инквизиціи, и различіе она только въ способахъ прииѣвенія; въ обоихъ случаяхъ искусственно обрабатываютъ дѣтей: одни накладываютъ на нихъ физическую гримасу, другіе моральную. Только планы у іезуитовъ были шире, чѣмъ у нищихъ простоватыхъ компрачикосовъ; іезуиты желали искривить все человѣчество, въ цѣломъ его составѣ, они хотѣли всѣхъ объезуитить и заставить міръ служить іезуитскому ордену. Ничто въ мірѣ такъ не походитъ другъ на друга, какъ одинъ іезуитъ на другого іезуита; ремесленники ли они или ученые, дипломаты или военные, купцы или священники, прежде всего они іезуиты; у нихъ нѣтъ индивидуальной личности, они смѣнили ее на личность коллективную, — личность ихъ ордена; всѣ они отлиты по одной общей семинарской формѣ; всѣ они перестали быть мужчиною или женщиною; всѣ они принадлежать къ среднему роду. Въ парагвайскихъ миссіяхъ одинъ іезуитъ наследовалъ другому іезуиту, и ихъ подчиненные никогда не могли замѣтить, какая существуетъ разница между старымъ и новымъ ихъ начальниками. Въ римской имперіи всѣмъ извѣстны своими жестокостями и безуміями тираны не походили одинъ на другого. Тиверій отличался отъ Нерона; жестокости Домиціана не походили на жестокости Августа, безуміе Калигулы разнилось отъ безумій Геліогабала. Во французской монархіи тоже самое; какая, напримѣръ, типическая разница между эгоизмомъ Людовика XI, Людовика XIV, Людовика XV, Людовика XVI! Каждый изъ этихъ королей представлялъ собою особый человѣческій типъ, каждый имѣлъ свои пороки, свои болѣзни. А въ парагвайскихъ миссіяхъ іезуиты-директоры были въ извѣстномъ родѣ анонимы. И это потому, что они были лишены индивидуальности, что они принадлежали къ среднему полу, что сами оскопленные нравственно, они хотѣли оскопить все, что ихъ окружало. Искусные въ преобразованіяхъ, они были неспособны ничего создать. Ихъ дѣятельность, имѣющая значеніе въ историче-

скожь и моральною смѣслѣ, побажется слишкомъ неполною въ политическомъ. Ихъ дѣло, повидимому, такое мудрое и тщательно соображенное, всегда оказывалось несостоятельнымъ въ рѣшительную минуту. Іезуитскія общины оставались всегда болѣе или менѣе изолированными, ихъ федерація никогда не могла сдѣлаться унитарной имперіей, еще менѣе христіанской республикой. Іезуиты успѣли въ своихъ попыткахъ среди гуарани, этихъ простодушныхъ добряковъ, изъ которыхъ, какъ изъ тѣста, можно было мѣсить все, что заблагоразсудится; но они всегда терпѣли неудачу, если пытались переносить свои усилія на болѣе сильныя и твердыя народы. Многочисленны были ихъ попытки распространить вліяніе своего ордена, также многочисленны были и ихъ неудачи. И въ Парагваѣ они пытались вкрадываться въ довѣріе сосѣднихъ маленькихъ народцевъ, расточая имъ подарки, но даже и тутъ не всегда успѣшно; пріѣзжалъ почтенный отецъ къ какому нибудь народцу, имѣя съ собою большой запасъ маниока или мате, раздавалъ его этимъ простодушнымъ сынамъ природы и обѣщаль прислать еще, если они станутъ его слушать, увѣрялъ ихъ, что тѣ изъ нихъ, которые отдадутся вѣроуговѣренію іезуитовъ, съ того времени станутъ жить, не имѣя надобности охотиться, ни даже работать, что имъ дадутъ желѣза на инструменты, скоть и платье въ изобиліи, что Богородица излѣчитъ всѣхъ ихъ больныхъ. Отецъ Добуцгоферъ, по поводу подобныхъ попытокъ обращенія, очень наивно замѣчаетъ: „во времена св. Павла вѣра усвоивалась слухомъ, а наши бѣдные индѣйцы усвоиваютъ ее животомъ“. Однакожь иногда случалось, что смиренныя обращатели въ вѣру отбрасывали, какъ негодныя, мѣры вротости и подражали болѣе крутой дѣятельности испанскихъ завоевателей. Такъ, желая основать церковь въ Балемѣ, они пригласили къ себѣ кациковъ сосѣдняго народца тольда подъ предлогомъ дать имъ случай услышать большой музыкальный концертъ и пѣніе гимновъ Мадоннѣ. Въ самомъ дѣлѣ, они угостили ихъ инструментальною музыкою, танцами и даже пиромъ, на которомъ ихъ знатно подпоили. Но когда на другой день эти бѣдняки проснулись, они увидѣли себя связанными и запертыми; ихъ заставили заплатить выкупъ и оста-

вить заложниковъ. Индѣйцы, противящіеся іезуитскому вліанію, имѣли по большей части аристократическую организацію. Іезуиты, которыхъ ничто не затрудняло, мирились съ этой организаціей и легко допускали ее въ свою систему, если туземная аристократія отдавалась совершенно на ихъ волю. Они уничтожили ее только у моксовъ, гдѣ военную олигархію замѣнили олигархіей чиновниковъ кабилдо и начальниковъ ремеслъ, едѣлавъ эти отличія почти наслѣдственными. Поэтому миссіи представляли два типа устройства: одинъ, обозначаемый обыкновенно именемъ „las familias“, какъ у моксо, другой именемъ „pueblo“; у первыхъ народцевъ власть принадлежала нѣсколькимъ семействамъ, у вторыхъ всему народу. У послѣднихъ преобладалъ коммунизмъ, гдѣ никто не звалъ, что твое, что мое, ибо все принадлежало всѣмъ, т. е. іезуитамъ, у первыхъ же народъ работалъ для іезуитовъ, которые дѣлились съ аристократіей.

Коммунизмъ, преобладающій въ миссіяхъ, въ тѣ времена сочли изобрѣтеніемъ іезуитовъ, забывая, что это учрежденіе уже существовало въ самыя древнія времена. Губернаторы Ассунціона, испанскіе короли, даже самъ св. трибуналъ дѣлали представленія и даже давали рѣшительныя приказанія почтеннымъ отцамъ уничтожить это незаконное устройство, но іезуиты отмалчивались и не измѣняли разъ заведеннаго порядка. Въ то время, какъ бывшіе рабы въ командеріяхъ (имѣнія, въ которыхъ при завоеваніи установлено было рабство) работали на своихъ сеньоровъ два дня изъ пяти, индѣйцы въ миссіяхъ работали на іезуитовъ два изъ семи. Когда же испанскій дворъ разсердился и объявилъ, что послѣ 150-лѣтней опеки обращенные индѣйцы должны, наконецъ, имѣть свободу управлять своими дѣйствіями (читайте: свободу торговать съ испанцами, подчиниться силѣ общихъ законовъ и платить подати въ это бѣдное кастильское казначейство, гдѣ золото обѣихъ Америкъ лилось, какъ вода въ бочкѣ Данаидъ), тогда іезуиты обѣщали ввести въ своихъ колоніяхъ частную собственность. Они дѣйствительно отвели нѣсколько участковъ земли и раздали ихъ въ частную собственность, но новые собственники по прежнему не имѣли права безъ разрѣшенія начальства выходить изъ деревень для

продажи своихъ продутовъ на сторону, а разрѣшенія почтенные патеры не давали, и въ тоже время отказывали собственникамъ во всякой помощи, то индѣйцы убѣдились, что частная собственность есть наказаніе, и что быть собственникомъ также невыгодно и непріятно, какъ быть прокаженнымъ или преступникомъ. Они просили взять у нихъ собственность и оставить все какъ было прежде. И пошло опять по старому и шло такъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ все іезуитское зданіе рухнуло и разбилось именно въ тотъ моментъ, когда его считали поставленнымъ самымъ солиднымъ образомъ, въ тотъ моментъ, когда миссіонеры, слишкомъ увѣренные въ своихъ силахъ, считали своевременнымъ возмутиться и объявить себя независимыми.

Въ періодъ отъ 1730 до 1740 года они владычествовали надъ населеніемъ, которое по ихъ исчисленію доходило до 170,000 душъ—140,000 въ миссіяхъ по Паранѣ и Урагваю, 24,000 у чикитосовъ и 6,000 у абиполовъ и индѣйцевъ въ пампасахъ.—Они рассчитывали, что изъ этого населенія они могутъ вооружить армію въ 14,000 человекъ. Эта армія была гораздо значительнѣе, какую могли противопоставить имъ испанскіе губернаторы. Припомнимъ, что они имѣли у себя артиллерію, что у нихъ почтенные отцы-канонеры досконально изучили артиллерійское дѣло, что ихъ поселенія были защищены укрѣпленіями, рвами и стѣнами. Съ несравненно меньшими средствами они дали солидный урокъ паулистамъ, а теперь на нихъ смотрѣли уже, какъ на самое могущественное военное государство въ Колумбіи. Они бы и были имъ на самый дѣлъ, еслибъ вмѣстѣ съ ружьями имѣли и стрѣлковъ и еслибъ командовали надъ воинами, а не надъ дѣтьми. Когда пришлось употребить въ дѣло оружіе, оказалось, что порохъ былъ подмоченъ. Въ этой борьбѣ іезуитамъ особенно вредили францискане и приходское духовенство. Одинъ изъ ассунціонскихъ епископовъ возмутилъ противъ нихъ народъ, онъ ходилъ между толпой, выкрикивая яростнымъ голосомъ: „Я имѣю приказаніе испанскаго короля изгнать іезуитовъ“; затѣмъ, вставъ во главѣ всякаго сброда, осадилъ іезуитскую коллегію, разграбилъ ее и сжегъ, при этомъ захватилъ дрожащихъ отъ ужаса почтенныхъ отцевъ, посадилъ ихъ

въ барку и пустилъ ее по теченію на волю судьбы; распорядившись съ ними такимъ гуманнымъ образомъ, онъ крикнулъ имъ въ слѣдъ насмѣшливымъ голосомъ: „убирайтесь къ чорту“, и тутъ же произнесъ надъ ними проклятiе и отлученіе отъ церкви. Въ то же самое время въ Европѣ скопилась противъ нихъ буря, потряшавшая весь орденъ до основанiя. Трактатомъ 1751 года испанцы бросили миссіи въ руки ихъ непримиримыхъ враговъ португальцевъ. Не зная, что дѣлать съ этими полузависимыми территориями, принадлежащими ей только по имени и неприносящими ни гроша дохода, Испанiя рѣшилась промѣнять ихъ на городъ Нова-Колонiя, основанный португальцами какъ разъ насупротивъ Буносъ-Айреса, и чрезъ который, ко вреду мадридскаго казначейства и торговцевъ Севильи и Кадикса, шла въ огромнѣйшемъ количествѣ контрабанда. Іезуитамъ сильно не понравилось, что такъ играютъ ихъ личностями и ихъ собственностью и они пожелали оставаться испанцами, на зло Испанiи, на зло Португалiи, которая не осмѣливалась настаивать, когда узнала, что миссіонеры вооружили своихъ послѣдователей и съ зажженными фитилями, готовые къ бою, стоятъ около своихъ пушекъ. Нѣсколько лѣтъ пролегло въ такомъ напряженномъ положенiи, невыгодномъ для обѣихъ сторонъ; Испанiя не особенно настаивала на исполненiи трактата. Но іезуиты имѣли злѣйшаго и страшнѣйшаго врага въ лицѣ португальскаго министра, маркиза Помбала, который прежде самъ былъ іезуитомъ и очень хорошо зналъ слабыя стороны іезуитской политики. Онъ напалъ на іезуитовъ, приписавъ имъ убійство короля Жозефа браганцскаго; не входя ни въ какiя разсужденiя, не произведя даже слѣдствiя, онъ ихъ посадилъ на суда и отправилъ въ Чивита-Веккiю. Это случилось въ 1759 году, а черезъ пять лѣтъ іезуиты, глупо поссорившись съ Помпадуръ, были изгнаны этою королевскою фавориткою и изъ Франціи. Имъ еще покровительствовалъ Карлъ III испанскій, хотя не любилъ ихъ, — покровительствовалъ изъ страсти къ противорѣчiю, но и здѣсь они наглумили: поднявъ возмущеніе въ Мадридѣ, они принудили короля разстаться съ его любимцемъ Скилачи. Разсерженный Карлъ III велѣлъ упаковать ихъ вмѣстѣ съ ихъ дипломами, деньгами, бѣ-

льозъ, шеколадницами и табатерками на суда и высадить въ Чивита-Веккиа или Генуѣ или Ливорнѣ. Увы! никто не хотѣлъ принять къ себѣ этотъ негодный грузъ и его должны были выбросить на островъ Корсику въ годъ 1767,—годъ рожденія Наполеона I Бонапарте.

Въ томъ же году согласно полученнымъ приказаніямъ буэнос-айресскій вице-король Букореа и ассунціонскій губернаторъ, выбравъ добрыхъ молодцовъ и придавъ имъ приличную военную силу, послали ихъ въ миссію добывать оттуда іезуитовъ: Они отлично исполнили свое дѣло, и хотя добыли не всѣхъ почтенныхъ отцовъ, однакожъ приволокли къ вице-королю 222 патера, которыхъ исполнительный сановникъ не медля ни минуты отправилъ въ Европу, а изъ Бадикса ихъ послали въ гостиницъ св. отцу папѣ. На слѣдующій 1768 годъ изловили еще 78 іезуитовъ и ихъ проводили по той же дорожкѣ въ вѣчный городъ.

А что же мостовыя укрѣпленія, палисады, рвы, волчьи ямы и прочія оборонительныя средства, что же индѣйцы, выученные стрѣльбѣ и фехтованію, что же пушки и отцы-канонеры,—почему они не выручили почтенныхъ отцовъ? Всѣ эти великолѣпныя средства не послужили ни къ чему. Индѣйцы широко раскрывали глаза, но не мѣшали совершаться насилію; нѣкоторые изъ нихъ плакали—и только. Іезуитская наука пережила ихъ самихъ; они такъ старательно уничтожали въ своихъ подданныхъ всякую попытку къ инициативѣ, что когда пришла опасность, ни одинъ изъ нихъ не шевельнулся на защиту своихъ учителей.

Бѣдствіе, поразившее іезуитовъ, поразило и ихъ подданныхъ. Канарейки родились и выросли въ постоянно-запертой клѣткѣ. Вдругъ господину пришла охота разбить клѣтку и выпустить заключенныхъ на волю; бѣдняжки, привыкшія къ рабству и неумѣющія сами добывать себѣ пропитаніе, теряются или скоро погибаютъ, или ведутъ бѣдственную жизнь. На мѣсто изгнанныхъ почтенныхъ отцовъ-іезуитовъ, въ миссію насѣли почтенные отцы-францискане и правительственные чиновники. Одного эксплуататора заиѣнили двое эксплуататоровъ и бѣдные индѣйцы рѣшительно не знали, кому повиноваться: если они повиновались чиновнику, ихъ

сѣкъ францисканецъ, если они слушали патера, ихъ сѣкъ чиновникъ. Общинное пользованіе имущества было уничтожено, а частная собственность не установлена. Общественные магазины были разграблены и разрушены, а частныхъ житницъ наполнять было нечѣмъ. Изъ числа жителей миссій, иные скоро погибли, изъ пережившихъ погромъ, кто былъ послабѣе, тѣ остались на мѣстѣ и повели бѣдственную жизнь, или сдѣлались ворами, или пошли побираться милостыней по городамъ, селамъ и дорогамъ; болѣе же энергичные ушли въ дѣсь и повели первобытную дикую жизнь. Колоніи, населенныя въ 1735 году 170,000 человекъ, въ 1767 году имѣли всего 98,000, а въ 1801—только 46,000. Впрочемъ отъ общаго погрома уцѣлѣло нѣсколько деревень съ прежнимъ іезуитски-коммунистическимъ характеромъ, и пять изъ нихъ еще существовали въ 1848 году, когда по распоряженію правительства они уничтожили у себя это устройство и ввели частную собственность. По послѣднимъ свѣденіямъ въ Боливіи существуетъ нѣсколько миссій съ коммунистическимъ характеромъ, управляемыхъ францисканами, но, по словамъ путешественниковъ Кастельно и д'Орбиньи, они ведутъ бѣдственную жизнь. Ихъ населеніе отличается безплодіемъ и расслабленіемъ, дома ихъ валяются, нищета видна во всемъ.

Какое же заключеніе можно вывести изъ этихъ фактовъ? А то, что католическая пропаганда, вооруженная духовнымъ абсолютизмомъ, была вреднѣе всякой моровой язвы для примитивныхъ расъ.

IV.

Насколько можетъ интересовать основаніе парагвайской колоніи, выказавшее энергію, блистательную храбрость и жестокую грубость неутомимыхъ завоевателей XVI вѣка; насколько стоятъ вниманія возникновеніе, организація и паденіе такъ называемой христіанской республики, служащей образцомъ іезуитской имперіи, о которой мечтала и мечтаетъ до сихъ поръ эта удивительная секта;—насколько

интересны эти событія, настолько же скучны и безсодержательны факты общественной жизни въ Ассунціонѣ послѣ смерти Иралы, характеризующія управленіе его наслѣдниковъ. Они не подлежатъ исторіи, это просто домашнія хроники, т. е. мелкія исторійки личностей, подставлявшихъ другъ другу ножку во имя личныхъ интересовъ, ведущихъ темныя интриги за деньги, мѣста и отличія, — борьба мирридоновъ съ лилипутами. Борьба происходила между свѣтской и духовной властями; религіозные элементы боролись между собой: приходское духовенство вело борьбу съ іезуитами и францисканами, іезуиты нападали на францискавъ и приходское духовенство; испанскіе переселенцы боролись съ португальскими, цивилизованныя индѣйцы съ дикими; колонія ратовала противъ метрополіи Мадрида и съ вице-королемъ въ Перу; наконецъ колонія-мать косилась на своихъ дочерей Буэносъ-Айресъ, Коріантесъ и др. И все это боролось одновременно, и во всей этой официальной анархіи рука каждого упала послѣдовательно на всѣхъ, а рука всѣхъ падала одновременно на каждого. Пусть читатель вообразить себѣ, что нѣсколько кнелотъ одновременно вылиты на нѣсколько элементовъ, безъ всякаго соображенія, а такъ случайно, — произойдетъ броженіе, шумъ, трескъ и затѣмъ можетъ быть получиться одно или нѣсколько опредѣленныхъ тѣлъ. Таковы были всѣ эти споры и борьбы, ознаменовавшіе собою длинный періодъ жизни Ассунціона.

Однакожь слѣдуетъ упомянуть 1620 годъ, когда огромная парагвайская провинція, по распоряженію кастильскаго двора, была освобождена отъ власти перуанскаго вице-короля и раздѣлена на два независимыя губернаторства. Приказанія изъ Мадрида прежде чѣмъ достигнуть Лимы должны были пробѣхать цѣлую половину свѣта; отъ Лимы же до Буэносъ-Айреса было тысячи четыре версты, а отъ Буэносъ-Айреса до Ассунціона болѣе тысячи, — желѣзныхъ путей тогда не было, не было даже и обыкновенныхъ дорогъ, потому понятно, какъ трудно было тогда управлять такими обширными провинціями. Буэносъ-Айресъ, расположенный на лаплатскомъ лиманѣ, между моремъ и рѣкой, долгое время по необходимости служилъ складочнымъ мѣстомъ торговли Европы съ южно-американ-

скими испанскими колоніями, быстро возросъ какъ населеніемъ, такъ и богатствомъ и оставилъ далсکو позади себя Ассунціонъ. Поэтому между обонии городами вскорѣ обнаружались соперничество и зависть. Буэносъ-Айресъ обязанъ своимъ основаніемъ Ассунціону. Ассунціонъ составляетъ почти центральный пунктъ предположенной платейской имперіи, — вотъ два аргумента, которыми Ассунціонъ пытался убить своего противника и доказать свое первенство. Буэносъ-Айресъ, съ своей стороны, доказывалъ, что мѣсто, на которомъ онъ стоитъ, открыто ранѣе Ассунціона и что, относительно Европы, онъ составляетъ болѣе центральный пунктъ. Этотъ споръ за первенство тянулся 150 лѣтъ — періодъ чрезвычайно громадный для новой страны; --- а зависть и недоброжелательство городовъ одного къ другому существуютъ даже до сихъ поръ, доказательствомъ чего служить теперешній союзъ Буэносъ-Айреса съ Бразиліей противъ Парагвая.

Въ 1776 году испанское правительство съ цѣлію прекратить вѣчныя вторженія бразильцевъ въ свои южно-американскія колоніи, которыя оно приписывало слабости и разрозненности мѣстной администраціи, — объявило лаплатскую страну вице-королевствомъ и присоединило къ ему территоріи Чаркасъ, Тукуманъ, верхнее Перу и Куйо (часть Чили); главнымъ городомъ вице-королевства назначенъ Буэносъ-Айресъ. Это распоряженіе крайне не понравилось въ Ассунціонѣ, который теперь становился вассаломъ своего соперника, бывшаго когда-то у него въ подчиненіи. Полученную такимъ образомъ отъ испанскаго правительства верховную власть надъ всей платейской страной, Буэносъ-Айресъ впоследствии утвердилъ настолько, что желалъ сохранить ее и послѣ того, какъ были порваны всѣ нити, соединяющія эти колоніи съ метрополіей, — желалъ сохранить, не обращая вниманія на то, что для осуществленія этой цѣли ему пришлось пролить много крови своихъ согражданъ во время ужасныхъ гражданскихъ войнъ, продолжавшихся много лѣтъ къ ряду, и въ концѣ концовъ онъ все-таки не успѣлъ въ своемъ намѣреніи.

Французская революція, хотя чрезъ долгое время, но отразилась и въ испанскихъ колоніяхъ въ 1810 и 1811 годахъ; волна революціи на путешествіе свое чрезъ Атлантическій океанъ употребила

болѣе двадцати лѣтъ. Конечно прежде всего она обнаружилась въ Буэносъ-Айресѣ, какъ въ самомъ ближайшемъ пунктѣ къ Европѣ. Цизнеросъ, вице-король въ Буэносъ-Айресѣ, назначенный на этотъ постъ севильскою юнтою во имя Фердинанда VІІ, нашелся вынужденнымъ въ маѣ 1810 года передать свое полномочіе въ руки народнаго правительства. Новое правительство естественно захотѣло революціонировать всю страну и послало отрядъ въ тысячу человекъ подъ начальствомъ Бельграно въ Парагвай, чтобы поднять эту провинцію. Экспедиція Бельграно сопровождалась весьма страннымъ результатомъ: разбитый на полѣ сраженія, онъ однакожь одержалъ моральную побѣду; какъ представитель Буэносъ-Айреса и унитарной имперіи или республики, онъ былъ побѣжденъ, но какъ врагъ Испаніи, онъ одержалъ верхъ. Послѣ своего пораженія, Бельграно долженъ былъ отступить, но дѣло, для котораго онъ пришелъ, совершилось: страна возсталла, но не во имя Буэносъ-Айреса, а во имя Парагвая. Въ ночь съ 14 на 15 мая 1812 года нѣсколько офицеровъ съ небольшимъ отрядомъ волонтеровъ осадили испанскаго губернатора Веласко въ его дворцѣ и созвали національное собраніе. Составилась юнта и назначила тріумвиратъ: изъ губернатора Веласко, добряка, который, не чувствуя въ себѣ достаточно силы, чтобы бороться съ революціей, рѣшился признать ее; нѣкоего Зеваллоса и наконецъ Франсіа.

Чрезвычайно любопытная историческая личность, докторъ Франсіа, по всей справедливости долженъ считаться истиннымъ основателемъ новаго Парагвая. Въ печати его имя очень рѣдко произносится безъ прибавленія какого нибудь оскорбительнаго эпитета; — всѣ обыкновенные историки, проходя мимо его, не могутъ не поднести ему кулака къ самому носу, подобно тому, какъ мужикъ на деревенской ярмаркѣ, проходя мимо силомѣра, непремѣнно хватить по головѣ фигуры, изображающей турка. Что касается насъ, то мы въ своихъ сужденіяхъ объ этой личности постараемся быть безпристрастными. Истина заключается въ томъ, что Франсіа былъ непреклонный диктаторъ парагвайской революціи, и что либералы и католики, писавшіе его исторію и до сихъ поръ неуставшіе еще ее ко-

пировать одинъ съ другого, — не могутъ никакъ простить ему, что онъ успѣлъ довершить свое дѣло.

Докторъ Гаспаръ де-Франсіа родился въ 1757 году отъ португальскаго сенеяства, эмигрировавшаго изъ Бразиліи и, судя по фамиліи, имѣвшаго французское происхожденіе. Изъ Гаспара предназначали сдѣлать духовную особу и, по его словамъ, отдали его на схоластическую муку; но живой и искренній юноша никакъ не могъ сродниться съ католической метафизикой. Съ равнаго возраста онъ пристрастился къ чтенію энциклопедистовъ, Вольтера и Руссо. По окончаніи курса ему дали кафедру теологіи въ Ассунціонѣ, но онъ почти тотчасъ же оставилъ ее и обратился къ изученію юриспруденціи. Нелѣпная организація судебной части въ Парагваѣ, при которой парагвайцы по тяжбынмъ дѣламъ должны были обращаться въ апелляціонные суды въ Буэносъ-Айресъ, Лимъ и Мадридъ, — дѣлала процессы слишкомъ дорогими; но при своей нелѣпости, она имѣла очень хорошую сторону, почти исключая всякую возможность веденія процесса; всѣ затрудненія при содѣйствіи юрисконсультовъ, дѣйствовавшихъ отъ имени заинтересованныхъ сторонъ, обыкновенно разрѣшались мировыми сдѣлками. Прозорливость молодого доктора правъ Франсіа, его критическій свѣтлый взглядъ, его правота скоро дали ему репутацію, съ каждымъ годомъ возрастающую, и даже уваженіе и любовь его согражданъ. Его біографы утверждаютъ, что несмотря на его любовь къ труду, въ молодые годы онъ страстно отдавался игрѣ и женщинамъ. Но эти качества его натуры въ нашихъ глазахъ разумѣется не составляютъ особой важности и не могутъ измѣнить нашего мнѣнія о государственномъ чловѣкѣ. Съ 1803 по 1808 годы Франсіа былъ послѣдовательно избранъ членомъ кабиљдо, прокуроромъ синдиката и первымъ алькадомъ Ассунціона. Его считали однимъ изъ самыхъ способнѣйшихъ людей въ странѣ и когда Парагвай разомъ возсталъ противъ Испаніи и противъ Буэносъ-Айреса, Франсіа былъ единодушно признанъ необходимѣйшимъ чловѣкомъ для новаго порядка; ему тогда было 65 лѣтъ. Съ самаго начала своей дѣятельности временное правительство встрѣтило много затрудненій. Для Франсіа скоро стало ясно, что не представляется никакой воз-

возможности поладить съ старымъ испанскимъ губернаторомъ, и что надо рѣшительно ввести новый порядокъ вещей. Въ умахъ еще было страшное замѣшательство, и Франсіа, изъ триумвировъ только одинъ видѣлъ настоящей путь, котораго слѣдовало держаться въ этихъ обстоятельствахъ, но не могъ убѣдить своихъ нерѣшительныхъ товарищей слѣдовать этимъ путемъ, — а потому удаленъ изъ правительства. Въ это же время было сдѣлано повушеніе провозвести контръ-революцію, стали кричать: „вивать Фердинандъ VIII! Вивать губернаторъ! Прочь революціонеровъ!“ Тогда революціонеры увидѣли необходимость принять болѣе энергическія мѣры. Опять была созвана юнта. Она собралась въ декабрѣ 1813 года въ числѣ тысячи депутатовъ и рѣшила учредить республику съ исполнительной властью, представляемую двумя консулами, въ которые были избраны Франсіа и Іегросъ. При этомъ была сдѣлана преисправная выходка: для консуловъ приготовили два курульскія кресла и дали имъ имена, одному Цезарь, а другому Помпей. Франсіа спокойно сѣлъ на кресло Цезаря. Черезъ нѣсколько лѣтъ Помпей — Іегросъ, ставшій во главѣ контръ-революціи, былъ казненъ по приговору, подписанному Франсіей. Противъ этого заговора Іегроса, основаннаго на клерикальныхъ и реакціонныхъ элементахъ, и направленнаго противъ новаго порядка вещей, Франсіа принялъ энергическія мѣры и уничтожилъ его съ страшной строгостью; въ это время онъ былъ уже избранъ диктаторомъ на всю жизнь съ неограниченною властію. Франсіа разомъ казнилъ тридцать или тридцать пять человекъ изъ числа главныхъ заговорщиковъ, особенно компрометированныхъ. Многихъ онъ побросалъ въ тюрьмы, гдѣ они были забиты, а за ихъ друзьями, понавшими въ разрядъ подозрительныхъ, былъ назначенъ строгій надзоръ. Имущество всѣхъ участниковъ въ заговорѣ было конфисковано. Эти мѣры произвели свое дѣйствіе. Всѣ сочувствующіе Испаніи и Буэносъ-Айресу, изъ страха передъ ужаснымъ диктаторомъ, попрятались по своимъ угламъ, боясь проронить какое-нибудь неосторожное слово. Съ этой поры главнѣйшей заботой диктатора, основаніемъ политики этого государственнаго человѣка стало желаніе утвердить независимость Парагвая, установивъ въ странѣ миръ и справедливость. Это же-

ланіе его стало національнымъ девизомъ, начертаннымъ на національномъ знамени.

Португалія, боящаяся революціонной заразы для Бразиліи, захотѣла въ 1812 году завладѣть Парагваемъ. Генералъ Суза перешелъ Парану, въ то же время другія войска овладѣли крѣпостцей Олимо. Парагвай обратился съ помощію въ Буэносъ-Айресъ; Франція съ Вельграно составили проэктъ оборонительнаго и наступательнаго союза обѣихъ республикъ; но Буэносъ-Айресское правительство отказалось дать просимую помощь, чего ему никогда не могла простить и не простила до сихъ поръ парагвайская республика, щекотливая, какъ всѣ дѣти. Почти тотчасъ же за своимъ отказомъ, Буэносъ-Айресъ послалъ вспомогательный корпусъ въ тысячу чловѣкъ въ Монтевидео, возставшій противъ испанцевъ. Утвердивъ свою власть, Франція сдѣлалъ предложеніе Буэносъ-Айресу объявить свободу торговли между Парагваемъ и Буэносъ-Айресомъ. Но Буэносъ-Айресъ, обогатившійся посредствомъ таможенныхъ пошлинъ, — Буэносъ-Айресъ, котораго всегдашняя политика состоитъ въ возможно-большемъ извлеченіи дохода изъ своего положенія при устьѣ Ла-Платы и даетъ ему возможность господствовать надъ всѣми странами, лежащими по Ла-плать, — Буэносъ-Айресъ отказалъ рѣшительно. Тогда Франція пошелъ на смѣлое дѣло; не желая признавать главенства Буэносъ-Айреса и не имѣя возможности воспрепятствовать парагвайской торговлѣ, если она будетъ существовать, платить подать Буэносъ-Айресу, онъ рѣшился, для уничтоженія налога, уничтожить самую торговлю. „Парагваю нѣтъ особой надобности быть богатымъ — размышлялъ онъ — но ему необходимо быть независимымъ.“ Для выполненія своей задачи, Франція придерживался въ Парагваѣ той же политики обособленія, какая давно уже была пригнѣчена испанцами и португальцами въ ихъ колоніяхъ. Эти колоніи были окружены китайскою стѣною. Франція выстроилъ подобную же въ Парагваѣ, который вскорѣ сталъ такой же неизвѣстною землею, какъ внутренность Австраліи или Африки. Иностранцы перестали посѣщать Парагвай, что для жителей его, впрочемъ, не было большимъ лишеніемъ, ибо здѣсь существовалъ уже прецедентъ, созданный іезуитами. Жители миссій, со-

ставлявшіе ядро парагвайскаго населенія, генерація за генераціей жили уже за такими стѣнами, отдѣленные отъ сообщенія съ чуждымъ міромъ глубокими и широкими рвами. Такимъ образомъ, эта политика обособленія больше досаждала сосѣднимъ съ Парагваемъ народамъ и вообще иностранцамъ, чѣмъ самимъ парагвайцамъ, привыкшимъ домогдничать. Къ тому же диктаторъ принадлежалъ къ школѣ Руссо и вѣрилъ, что торговля и промышленность, скапливая богатства, противны добродѣтели. Онъ страшился довольства, разслабляющаго нравы. Какъ послѣднее и убѣдительное доказательство своей правоты онъ видѣлъ въ Буэносъ-Айресѣ, раздираемомъ въ то время гражданской войной. Посреди буйствъ и пожаровъ, сопровождавшихъ эту войну, Парагвай былъ убѣжищемъ мира и спокойнаго благосостоянія. „Эти афиняне Буэносъ-Айреса, говорилъ Франсія,—весьма любезные революціонеры, но вмѣстѣ тщеславные, беспорядочные, вѣтренные, враги всякаго обузданія. Они раздуваютъ революцію во всей Америкѣ, а сами неспособны основать прочное правительство“.

По поводу торговли Франсію сильно упрекали за то, что онъ закрылъ для нея всѣ порты, кромѣ одного или двухъ, гдѣ обмѣнъ произведеній происходилъ только между правительственными фермерами. Его также много упрекали за монополизированіе табу и мате, продуктовъ, имѣющихъ широкое потребленіе въ южной Америкѣ. Но вѣдь монополіи изобрѣтены не Франсіей, онѣ существовали до него, существуютъ и теперь во многихъ странахъ. Между тѣмъ всѣ другіе налоги въ Парагваѣ были доведены почти до нуля, а государство довольствовалось доходами, получаемыми имъ съ его большихъ фермъ (estancias) и большихъ лѣсовъ изъ мате (yerbales).

„Свобода, сказалъ какъ-то Франсія, — пропорціональна цивилизации“. Въ этихъ словахъ заключается вся система, которой держался диктаторъ въ отношеніи внутренней администраціи своей страны, находящейся еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Разумѣется, эту фразу могъ бы повторить всякій древній и новый тиранъ и деспотъ. Ею пожалуй не разъ старались оправдать реакціонную дѣятельность правительства второй французской имперіи, Но Франсія,

высказывая ее, придавалъ ей далеко не то значеніе, какое подразумевали тираны и деспоты и панегиристы руэ-бонапартвской системы. Франсіа хотѣлъ сказать, что если онъ далъ мало политической свободы народу, который прежде вовсе съ нею не былъ знакомъ, который не имѣлъ даже у себя типографіи—то, тѣмъ не менѣе, онъ искренно желаетъ расширить эту свободу и работаетъ для цивилизаціи страны. Онъ серьезно заботился о первоначальномъ образованіи, и сдѣлалъ для него столько, что его наследникамъ Лопецамъ оставалось только поддерживать начатое. Франсіа ввелъ даровое и обязательное первоначальное образованіе въ Парагваѣ и въ нынѣшнемъ молодомъ поколѣніи тамъ нѣтъ ни одного человѣка, который бы не умѣлъ читать и писать. Франсіа употребилъ всѣ усилія вырвать народное образованіе изъ рукъ католическаго духовенства, — и это одна изъ главныхъ причинъ, почему память диктатора предается такому поруганію. Въ странѣ, воспитанной іезуитами, наполненной самыми грубыми предрасудками, Франсіа не церемонился прямо говорить разнымъ святошамъ и ханжамъ, какъ они мерзки въ его глазахъ, и обращался съ священниками едвали не съ большей строгостью, чѣмъ съ португальцами, испанцами и портеносами. „Наши развращенные патеры годны развѣ для того, чтобы проповѣдывать вѣру въ дьявола“, часто повторялъ онъ. Его упрекали въ томъ, что онъ перелилъ колокола въ мѣдные деньги, что изъ взятыхъ имъ въ іезуитскихъ церквяхъ золотыхъ и серебряныхъ статуй и статуэтокъ, изображающихъ святыхъ, онъ чеканилъ деньги. Какой вандализмъ! повторяли хоромъ біографы диктатора изъ партіи, недовольной его управленіемъ.

Вотъ главнѣйшіе факты дѣятельности Франсіа, направленные къ тому, чтобы утвердить независимость Парагвая, и дать прочность и силу его учрежденіямъ; и ему удалось довершить эту задачу, несмотря на постоянныя попытки—неудавшіяся, благодаря предусмотрительности Франсіа—его сосѣдей волновать парагвайскій народъ и, пользуясь волненіями, покорить его. Франсію называютъ кровавымъ тираномъ за то, что во время своей тридцатилѣтней диктатуры онъ казнилъ сорокъ человѣкъ и почти всѣхъ разомъ, во время заговора Іегроса. Его враги говорятъ, что когда послѣ

его смерти отворили тюрьмы, оттуда выпло 700 узниковъ, содержавшихся по подозрѣнію. Все это возможно. Но тѣже самые враги Франсіи говорятъ, что страхъ, возбуждаемый диктаторомъ, былъ такъ великъ, что ему очень рѣдко приходилось принимать свою строгость.

Особенный страхъ на всѣхъ производили вѣчное спокойствіе и молчаливость Франсіи. Онъ мало задавалъ вопросовъ, еще менѣе дѣлалъ замѣчаній. Если онъ писалъ, то писалъ кратко. Напишетъ онъ приказъ такими словами: „арестуйте такого-то“, призоветъ исполнителя и скажетъ одно слово: „Исполните!“ „Какъ можно меньше словъ“, — таковъ, кажется, былъ его девизъ. „Разстрѣлять такого-то“, писалъ онъ, и болѣе никакихъ формальностей и отпускалъ изъ казны на совершеніе казни всего три патрона. Франсіа былъ честенъ и добросовѣстенъ. Изъ десяти тысячъ рублей, отпускаемыхъ государствомъ на его собственныя издержки, онъ тратилъ только третью часть, остальное возвращалъ государственному казначейству. Для личныхъ услугъ онъ имѣлъ всего одного слугу; жилъ очень скромно; ѣлъ мало говядины и пилъ одну воду; въ гостяхъ бывалъ рѣдко и у себя принималъ только сестру и нѣсколько друзей. У его дверей никогда не ставился часовой, его не охранялъ ни одинъ человекъ съ ружьемъ или саблей; не любилъ онъ никакихъ парадовъ, и когда ему приходилось садиться на лошадь, чтобы дѣлать смотръ войскамъ, онъ выѣзжалъ въ домашнемъ сюртукѣ, въ короткихъ панталонахъ, въ шелковыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ пряжками и въ огромнѣйшей трехугольной шляпѣ; увѣряли, что эту шляпу онъ носилъ въ честь Наполеона I, тогдашняго полубога всѣхъ либераловъ. Франсіа ходилъ по улицамъ и днемъ и ночью одинъ, какъ обыкновенный гражданинъ, презирая всевозможные заговоры, которые могли составлять противъ его личности, не страшась мести, которую могла навлечь на него его непоколебимая политика; — правда, онъ зналъ, что лучшей для него защитой были страхъ и уваженіе, имъ возбуждаемые. Его убійцы были бы неминуемо разтерзаны народомъ, глубоко почитавшимъ диктатора, какъ необыкновеннаго человека и прощавшимъ ему все, даже ненависть его къ патерамъ и католичеству. Онъ былъ сред-

наго роста, худъ, нервень и желчень; имѣлъ длинный, остроко-
нечный носъ, небольшой ротъ, прекрасные блестящіе черные глаза,
густыя брови, возвышенный лобъ, волосы, падающіе на плечи, меч-
тательную и меланхолическую фізіономію. Такова была наружность
этого замѣчательнаго человѣка, соединявшаго въ себѣ качества
Лойолы и Сен-Жюста и говорившаго притомъ нѣжнымъ голосомъ.
Онъ умеръ, не оставивъ послѣ себя никакихъ бумагъ, никакой
корреспонденціи. Много лѣтъ уже прошло послѣ его смерти, а на-
родъ до сихъ поръ произносить его имя съ какимъ-то тайнымъ
страхомъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ и признательностію. Однимъ
изъ первыхъ распоряженій правительства, заступившаго его мѣсто,
было запрещеніе говорить о немъ публично, въ пользу ли его или
противъ—все равно.

Мы забыли упомянуть, что Франсіа положилъ конецъ ввозу въ
Парагвай черныхъ невольниковъ, такъ что въ день его смерти 25
декабря 1840 года въ Парагваѣ оставалась только тысяча ра-
бовъ, которые вскорѣ умерли или были освобождены, и парагвай-
ская республика съ этого времени чиста отъ возмутительнаго пре-
ступленія рабства, которое оскверняетъ сосѣднюю съ нею бразиль-
скую имперію.

Франсіа умеръ, была созвана временная юнта, но она вскорѣ
побазалась подозрительной и вызвала возстаніе, которое ее разо-
гнало и создало новый конгрессъ. Въ маѣ 1841 года были из-
браны консулы Роке Алонзо и Карло-Антоніо Лопецъ. Послѣдній
вскорѣ былъ избранъ президентомъ на десять лѣтъ. Въ 1854
году онъ былъ вновь избранъ. Франсіа создалъ парагвайскую на-
ціональность, правительство Лопеца I дало ей существующую ор-
ганизацию. Приходилось создавать администрацію; покойный дикта-
торъ въ одномъ себѣ соединялъ всѣ власти и на одного себя
взвалилъ массу работы, на которую его хватило, только благодаря
его чудовищной дѣятельности и изумительному упрощенію меха-
низма управленія. Приходилось опредѣлить власть и обязанности пра-
вительства, учредить парламентъ: выборное право дано всѣмъ безъ
исключенія гражданамъ, а для того чтобы быть выбраннымъ слѣ-
довало имѣть только простую избу и знать читать и писать.

Затѣмъ пришлось позаботиться объ открытіи внѣшней торговли и доставленіи Парагваю какого нибудь мѣста въ средѣ государствъ. Лопецъ открылъ дипломатическимъ путемъ сношенія съ Буэносъ-Айресомъ о свободѣ плаванія по Ла-Платѣ. Это обстоятельство и освобожденіе чернокожихъ были главными причинами войны, открытой Бразиліей и Буэносъ-Айресомъ противъ молодой республики.

V.

Дю-Грати, авторитетъ по части парагвайской географіи, опредѣляетъ пространство Парагвая въ 29,470 испанскихъ квадратныхъ верстѣ, что составляетъ нѣсколько болѣе 10,000 квадратныхъ географическихъ миль, пространство почти равное Франціи; только десятая часть этого пространства обработана или обращена въ луга для пастъбы скота; она до войны была населена почти 300,000 жителей. У насъ нѣтъ данныхъ для сравненія нынѣшней цифры населенія съ цифрой населенія въ концѣ прошлаго вѣка, но можно приблизительно вѣрно сказать, что оно возрасло въ огромной пропорціи. Парагвай составляетъ только часть лаплатскаго бассейна, который послѣ бассейна рѣки Миссисипи представляетъ самое огромное пространство плодородной удобной земли, пока еще слабо населенной и мало воздѣланной. Теперешняя ея пустынность дѣйствуетъ правда подавляющимъ образомъ; но по этимъ широкимъ, глубокимъ рѣкамъ, подѣ этой нѣжной, приятной атмосферой со временемъ закипитъ самая дѣятельная жизнь. А какъ хороша эта страна! Какіе въ ней богатѣйшіе лѣса, какое море зелени. Какъ гордо между ивами и бузиной возвышаются высокія изящныя пальмы. Горная страна также прекрасна, какъ южный склонъ европейскихъ Альпъ, говорятъ, даже красивѣе, чему нетрудно повѣрить, ибо прелесть парагвайской страны заключается въ соединеніи роскошной природы тропическихъ странъ съ изящной красотой умѣренной полосы. Природа здѣсь прекрасна и вѣстѣ величественна. Все васъ привлекаетъ въ этой счастливой стра-

нѣ. Здѣсь нѣтъ борьбы противъ ужаснаго тропическаго чудовища — смертельныхъ мѣзмовъ; здѣсь не приходится воевать ни съ пресмыкающимися, ни съ хищными животными; самъ человѣкъ здѣсь — неслыханное дѣло — вообще кротокъ и привѣтливъ. Большинство путешественниковъ говоритъ съ энтузіазмомъ о гостепріимствѣ, составляющемъ отличительную черту характера жителей страны, производящей мате; заѣзжіе и иностранцы хвалятъ ихъ тактъ, ихъ вкусъ, ихъ деликатность, ихъ великодушіе, ихъ честность. Случается въ странѣ кое-гдѣ воровство, но рѣдко, а вообще преступленія здѣсь совершенно неизвѣстны. Женщины здѣсь красивы и умѣютъ говорить, въ особенности хорошо рассказываютъ разныя исторіи, тѣмъ которыхъ служатъ преданія объ индѣйцахъ или ягуарахъ; большинство изъ нихъ получили хорошее воспитаніе, но рѣдкая имѣетъ научное образованіе. Какъ во всѣхъ католическихъ странахъ, здѣшнія дѣвицы видятся съ своими нарѣченными только въ присутствіи маменекъ. Испанская Америка тщеславится, что не знаетъ язы нашихъ европейскихъ обществъ: денежныхъ браковъ.

Въ Парагваѣ нѣтъ большихъ богачей, даже въ самомъ Ассунціонѣ очень немногіе буржуа обладаютъ значительнымъ состояніемъ. Причина понятна. Огромная часть страны была долгое время организована по іезуитски - коммунальному идеалу, промышленность почти неизвѣстна въ странѣ, гдѣ большая часть плуговъ до сихъ поръ дѣлается изъ дерева; торговля тоже очень мало развита. Взажніи этого въ странѣ нѣтъ бѣдности, правильнѣе сказать, нѣтъ пауперизма, здѣсь почти невозможно встрѣтить поселнина, который не имѣлъ бы на свою долю коровы и пары воловъ?

Теперь всѣ молодые парагвайцы знаютъ читать и писать; но книгъ очень мало, въ цѣлой странѣ существуетъ всего двѣ типографіи.

Принявъ въ соображеніе всѣ эти выгоды, можно смѣло предсказать, что Парагвай страна великаго будущаго, которая, по всей вѣроятности, черезъ столѣтіе или два будетъ считаться между самыми благоденствующими и населенными странами цѣлаго міра. Раса, ее населяющая, отличается большими способностями, нравственностію и физической силой; въ ней соединились лучшія качества

ея праотца испанца и праматери индіанки. Происходя отъ смѣшенія всѣхъ разновидностей трехъ расъ (считая въ томъ числѣ и негритянку), населеніе Парагвая составляетъ теперь совершенно однородную расу, характеризующуюся единствомъ вкуса, нравовъ, привычекъ и—къ сожалѣнію—религіи католической. Потому, что парагвайцы скромны, терпѣливы, безропотны, тихи и даже часто флегматичны, ихъ считали трусами и обабившимися; потому, что они, будучи еще наивными дѣтьми, позволили дѣлать надъ собой разные опыты почтеннымъ отцамъ іезуитамъ, самымъ коварнымъ развратителямъ людей, парагвайцевъ сочли людьми, рожденными для рабства; ихъ осудили и за то, что они съ совершеннѣйшимъ довѣріемъ отдались на волю диктатуры доктора Франсіа, который однакожъ заслужилъ эту довѣренность своей искренностію, оправдалъ ее своими талантами и узаконилъ своимъ огромнымъ успѣхомъ. Потому, что они выказали крайнее уваженіе къ общему дѣлу, что слова: отечество, государство, республика они признавали священными, ихъ сочли неспособными къ индивидуальнымъ добродѣтелямъ, сравнили съ пчелами въ ульѣ, съ муравьями въ муравейникѣ. Но вотъ началась война, гдѣ имъ пришлось бороться съ несоразмѣрно-сильнѣйшимъ противникомъ, они не бѣжали, не прятались, напротивъ, показали примѣръ стойкости, настойчивости, изумительной смѣлости, храбрости—и ихъ противники, съ удивленіемъ и досадою встрѣтя такое неожиданное сопротивленіе, — одни приписываютъ его слѣпой дерзости, другіе ярости отчаянія, третьи наконецъ признаютъ его грандіознымъ героизмомъ.

Что касается насъ, мы ограничимся такимъ выводомъ: Парагвай недавно родился для національной жизни. Онъ еще дитя. Но невинный и чистосердечный, онъ обладаетъ большими способностями; онъ выглядываетъ скромно, но его взглядъ—живой и открытый. Это мальчикъ съ дарованіями. Онъ много обѣщаетъ.

Эли Рюклю.

З О Л О Т О .

(Изъ Т. Гуда.)

Золото, золото, ярко блестящее,
Все покулавшее, все продававшее,
Въ наши карманы съ трудомъ попадавшее,
И изъ кармана легко уходящее!
Юноши ты продаешь наслажденья,
Старость беречь тебя жадно старается;
Ты достаешься цѣной преступленія:
Изъ-за тебя цѣлый міръ пресмыкается,
Грабятъ, воруютъ, въ крови обгагривается...
Изъ-за корысти въ пылу изступленія
Люди другъ другу могилы готовили:
Золото! красно ты такъ не отъ крови-ли?
Изъ-за тебя, ненавистное золото,
Наши мольбы переходятъ въ проклятія,
И отъ тебя, какъ отъ тяжкаго молота
Стонетъ голодная нищая-братія.
Передъ тобою богачъ преклоняется,
Въ міръ измѣнчива жатва богатая,
И, какъ чеканъ твой не разъ измѣняется,
Ты измѣнишь намъ часто, проклятое!..

Д. Минаевъ.

ОБЩИНА И ЕЯ ЖИЗНЬ ВЪ РУССКОМЪ ОСТРОГѢ. *)

(Записки веденныя въ тюрьмѣ.)

III.

Когда я блуждалъ по общимъ камерамъ нашего „дома скорби“ съ моимъ острожнымъ чичероне Ильей Ивановичемъ; то всегда находилъ, что арестанты предавались самымъ разнообразнымъ занятіямъ, несмотря ни на какіе дозоры и наблюденія. Влеченіе къ дѣятельности, къ разнообразію самой тоскливой и монотонной жизни такъ велико у арестанта, что его не убиваетъ никакая система тюремнаго заключенія. Если не дозволяется правильный и открытый трудъ, то арестанты изобрѣтаютъ искусственный и тайный, въ родѣ поддѣлки паспортовъ и ассигнацій.

Камера арестантовъ обыкновенно представляетъ грязную и мрачную комнату, освѣщенную сальными окнами, затемняемыми вдобавокъ желѣзными рѣшетками. Здѣсь все пропитано промзглымъ, кислымъ воздухомъ; въ разныхъ мѣстахъ развѣшаны онучи, тряпки грязные походные мѣшки бродягъ и т. п., кругомъ разбросанъ разный хламъ и истертые полушубки; по угламъ убогая утварь, состоящая изъ грязныхъ казенныхъ шаекъ, плошекъ и горшковъ; на нарахъ валяются истертые кошмы и армяки вмѣсто постелей. Мириады таракановъ блуждаютъ по стѣнамъ и безчисленное множе-

*) См. № VII «Дѣла».

ство другихъ менѣе замѣтныхъ насѣконыхъ пасутся по арестантскому имуществу. Среди жаркаго и удушливаго воздуха на нарахъ раскидывались полураздѣтые арестанты въ разнообразныхъ позахъ. Одни изъ нихъ храпѣли богатырскимъ храпомъ; другіе глѣнивъ позѣвывали и апатично водили глазами по стѣнамъ и потолку камеры. Видимо ихъ снѣдала смертельная скука. Это были бродяги, попробовавшіе вольнаго степнаго воздуха, отдохнувшіе на свободѣ. Они чувствовали тѣсноту острога сильнѣе, чѣмъ тѣ, кто не испыталъ степной воли и опасностей бродяжнической жизни. Рядомъ съ ними группировались болѣе активные арестанты посреди разныхъ занятій. Какой-то подслѣповатый старикъ починалъ худую сермягу; около него бойкій и краснощекій, какъ деревенская дѣвушка, парень пилил юлку: по сосѣдству собравшаяся кучка арестантовъ играла въ карты; другая группа слушала рассказъ авантюриста-бродяги о чудномъ переходѣ пустыни изъ Охотска черезъ Яблоновый хребетъ. Въ сторонѣ кто-то на корточкахъ, прижавшись къ нарамъ, изъ черепка съ жидкими чернилами писалъ прошеніе или расписывалъ паспортъ, другой — медленно и терпѣливо выводилъ огрызкомъ карандаша на папирсной бумагѣ снимокъ съ трехрублевой ассигнаціи; на окнѣ сушили пузыри изъ-подъ водки; въ темнотѣ подъ нарами копошился труженикъ, выдалбливая потайной ящикъ въ полу; кто-то выводилъ у окна, приложивъ руку къ щекѣ, монотонныя „Степи Моздовскія,“ а въ углу флегматически сидѣлъ герой каторги и, съ стоицизмомъ Муціа Сцеволлы, царапалъ ножомъ свою клейменую руку.

— И вотъ, братцы мои, иду я этою самою пустынею, — рассказывалъ словоохотливый бродяга своимъ столпившимся слушателямъ; — горы стоятъ высокія, крутыя. Лѣса стоятъ темныя, непроходимыя, и по всему туманы ходять непроглядныя, ..

— Врешь, врешь! Мой козырь, покаянная голова! — гремѣть споръ тутъ же сидящихъ игроковъ.

— И скажу я тебѣ, братецъ мой, теперь про Серафима этого угодника... дребезжить какой-то старчески-благочестивый голосъ.

— Вотъ харашо-о, и обернулъ Иванъ Царевичъ тую волшебницу самую въ кабылу... прерываетъ его сказка.

— Фалька! Фалька! Чтобъ васъ извило! ревутъ игроки.

— Была, сударь мой, у этого палача силаща страшенная! вводится новый рассказъ.—Разъ онъ подошелъ къ воротамъ на мостикъ. Эхъ, говорить, изъ острога не пускаютъ! Подбодрился, да какъ топнетъ, такъ полуторо-вершковая плаха пополамъ, во какъ!

При этомъ общемъ смѣшеніи звуковъ и говора, треска и хохота, шумъ изъ камеръ стоитъ по острогу невообразимый. Съ одной стороны стучить какой-то молотъ, выбивая на копѣйкѣ оттискъ двугривеннаго, кто-то визжитъ пилкой по кости, здѣсь точать осколки желѣза, тамъ закатываетъ неистовая острожная музыка, гдѣ-то брякаютъ распущенные цѣпи прогуливающагося по корридору пересыльнаго, какой-то секретный бьетъ полѣномъ въ залптую дверь. Звуки то сливаются, то дробятся и сталкиваются въ поразительныхъ контрастахъ. Въ одной камерѣ громко читается библія, и рядомъ учиняютъ безобразнѣйшую пляску; слышится цѣломудренная молитва раскольника и тутъ же циническая брань; благочестивый мусульманинъ на распѣвъ читаетъ стихи корана, еврей плачетъ надъ своими псалмами, а тамъ несетя разудалая бродяжеская пѣсня, на мигъ раздается вой бабы, приведенной въ острогъ, грубая брань надзирателей, любовная переключка и вдругъ вырывается, полный тоски и торжественности, полный молящей надежды гимнъ какого-то изгнанника, и все это покрывается стоустымъ гогомъ неистовствующаго острога, сливаясь въ общій дикій и хаотическій концертъ.

Удивительное разнообразіе занятій можно было встрѣтить въ каждой камерѣ. Здѣсь можно было найти все, кромѣ развѣ производительнаго и полезнаго труда, въ которомъ старый тюремный уставъ и старыя смотрители отказывали арестантству ²⁾. Въсто

²⁾ А старый тюремный уставъ гласилъ слѣдующее: «Осужденные на заключеніе въ тюрьмѣ, могутъ, во время онаго, избирать себѣ занятія изъ числа дозволенныхъ въ смиренныхъ домахъ, если токмо сіе можетъ быть допущено по внутреннему устройству тюремнаго замка (а всѣ старыя остроги по своему устройству не были приспособлены къ этому), а равно и всѣ другія, но неначе какъ съ особаго разрѣшенія тюремнаго начальства) это было также стѣсненіе для работъ, допускаемыхъ какъ исключеніе; они

него арестанты принуждены были создать свои особые занятія и развлечения. Люди проводили здѣсь время или въ играхъ, приправляемыхъ пьянствомъ, или въ разныхъ „свободныхъ художествахъ“, которымъ въ острогѣ „нестъ числа“ и которыя носили свой мѣстный характеръ. Мы скажемъ нѣсколько подробнѣе объ этихъ занятіяхъ, вошедшихъ въ привычки нашего тюремнаго міра. Для самыхъ праздныхъ и неумѣльныхъ—здѣсь существуютъ два занятія: игра въ карты и пьянство. Для игры создано здѣсь цѣлое сословіе игроковъ, подъ именемъ „жигановъ“, организовавшихъ свою артель, съ ростовщикомъ во главѣ, который носитъ названіе „жиганскаго старосты“ и снабжаетъ своихъ подчиненныхъ деньгами на игру, получая львиную часть отъ выигрыша. Жиганъ это самый жалкій и бѣдный парій острога, котораго азартная игра заставляетъ проигрывать все, что онъ имѣетъ и что пріобрѣтаетъ. Последняя полунка у него ставится ребромъ. Когда нечего проигрывать, онъ проигрываетъ казенную одежду, отдуваясь спиной, порціи хлѣба и щей, иногда за цѣлые мѣсяцы впередъ, а самъ питается подобранными на полу корками. Поэтому онъ всегда голоденъ, истощенъ бессонными ночами и вѣчно въ лохмотьяхъ. Игра здѣсь является не времяпровожденіемъ отъ скуки, и не развлеченіемъ, какъ думаютъ нѣкоторые, но своего рода средствомъ пріобрѣтенія, замѣняющимъ трудъ. Каждый скопленный грошъ, каждая корка хлѣба ставится на ставку, какъ необходимая затрата на предпріятіе, обѣщающее выгоду. Поэтому у бѣднаго арестантства игра есть необходимость, обусловленная бѣдностью обстановки; она является борьбою за хлѣбъ, за удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, она есть ремесло, профессія и заработокъ. „Чѣмъ вы занимаетесь?“ спросилъ я одного острожнаго пѣвца, разумѣя его ремесло. — Я играю-сь, отвѣ-

могутъ получать для этого всѣ нужные матеріалы, *кромя* лишь тѣхъ, которыми *почему либо* будутъ признаны опасными (А опасными признавались всѣ острые орудія, — въ томъ числѣ и ножи, — почему орудія для работы имѣть запрещалось) (ст. 204 устав. О содер. подъ страж. т. XIV Св. Зак.). По статьѣ 207, заработокъ арестантамъ могъ быть выдаваемъ лишь при выпускѣ изъ тюрьмы, что далеко не привлекало арестантовъ; кромѣ того рабы ихъ всегда обращались въ пользу острожныхъ смотрителей.

тилъ онъ мнѣ категорически. Увы! онъ былъ дѣйствительно бродяга — жиганъ. Въ острожной игрѣ, какъ во всякой игрѣ, одерживаютъ верхъ или самые богатые, или самые искусные, — т. е. разные шулера. Проигравшіеся разъ стараются вновь попробовать счастья, проигрываются окончательно, и тогда каждая копейка и порція идетъ у нихъ на новыя попытки, и они остаются вѣчно нищими и вѣчно проигрывающими. Жажда выигрыша у нихъ развивается по мѣрѣ препятствій; постоянное волненіе крови, приливы надежды и страха, вѣчное ожиданіе счастливой случайности держатъ ихъ организмъ въ такомъ напряженномъ состояніи, что игра является страшной, пожирающей страстью острога, гдѣ люди все обращаютъ въ капиталъ: одежду и пищу, голодаютъ недѣли и мѣсяцы, чтобы имѣть возможность пуститься въ игру. Записаться въ больницу подъ видомъ больного, часто искалечивъ и испортивъ себя для этого, чтобы играть на лучшія больничныя порціи — въ острогѣ дѣло обыкновенное. Часто больные и умирающіе проигрываютъ свои діетическія порціи и употребляютъ вмѣсто того самую ужасную, въ ихъ положеніи, пищу. Анекдотъ рассказанный Фигье въ книгѣ “Des Classes Dangereuses” о преступникѣ, проигравшемъ пищу и умершемъ отъ истощенія, въ каждой острожной больницѣ у насъ совершается въ очію. Каждая игра, каждое приобращеніе арестанта сопровождается выпивкой; горе, отсутствіе труда и тюремная тоска особенно способствуютъ этой страсти. Каждый арестантъ ищетъ средствъ выпить во что бы то ни стало, — и каждый острогъ всегда находитъ средства добыть вина. Нашъ „домъ скорби“ представлялъ для этого также полный просторъ и удобства. Не только вино продавалось на майданѣ, но даже мѣстный виноторговецъ, подсудимый дворянинъ Бузеведевъ, устроилъ цѣлый складъ и продажу водки въ больницѣ. Въ одной изъ больничныхъ палатъ его можно было всегда встрѣтить съ своимъ другомъ Физеромъ, тоже изъ дворянъ, расхаживавшими въ красныхъ рубахахъ и фартукахъ посреди цѣлой батареи бутылокъ и полуштофовъ и разсыпавшими спиртъ съ искусствомъ стараго откупного сидѣльца. Видъ здѣсь былъ далеко не тюремный, это была скорѣе разливная и распивочная; посуда и стклянки всякаго рода,

даже цѣлые боченки красовались на видныхъ мѣстахъ, на рѣшеткахъ оконъ сушились пузыри, посѣтители выходили то и дѣло. — Какой-то шутникъ написалъ здѣсь мѣломъ передъ прїѣздомъ начальства: *Распивочно и на выносъ*“.

Вино, благодаря легкому доступу въ острогъ, было всегда въ значительномъ количествѣ. Передъ праздниками иногда скоплялось его до пяти и болѣе —ведеръ и все это уничтожалось въ день или два. Приносился въ острогъ обыкновенно спиртъ. Для приноса измышлялись всевозможные способы и хитрости; приносили вино въ кишкахъ, обвитыхъ вокругъ тѣла, въ обрубахъ дерева, въ дровахъ, въ метлахъ, въ срубѣ водовозной лошади, въ легкихъ говядины и т. п. Вино часто получалось самымъ оригинальнымъ способомъ. То его заносила ничего неподозрѣвающая водовозная лошадь, то во время службы, въ церкви, на хоры къ арестантамъ поднималась бутылъ, принесенная неизвѣстнымъ прихожаниномъ. Остроумный торговецъ Буздевдевъ заставлялъ жену свою приносить вино подъ криволиномъ. Но болѣею частью не требовалось прибѣгать даже и къ этимъ уловкамъ. Надзиратели, ключники, служители и караульные за извѣстную плату готовы были во всякое время просунуть арестанту полуштофъ водки. Въ старомъ русскомъ острогѣ не пренебрегали торговлей виномъ ни караульные офицеры, ни смотрители, часто конфисковавшіе приносимую водку съ тѣмъ, чтобы снова перепродавать ее арестантамъ. Это показываетъ, какой обольстительный доходъ давалъ этотъ запретный плодъ острога. Чашечка спирта продавалась по 40, 50 коп. и болѣе; бутылка обходилась арестанству въ 2 р. въ 2 р. 50 коп. и болѣе. Продавецъ и доставщикъ получалъ до 150% прибыли на рубль, и это еще въ довольно патриархальныхъ острогахъ, гдѣ доступъ вина былъ легче. Понятно, поэтому, какъ наживались майдаишники и разные откупщики остроговъ. При страшномъ запросѣ на вино они окончательно обирали арестантовъ. Заработки цѣлаго острога, все имущество приходившихъ въ острогъ, всѣ выигрыши въ карты „перегонялись на вино,“ какъ говорятъ острожники. Единственными капиталистами остроговъ и хозяевами являются только майданщики и продавцы водки. Арестанты ненавидятъ ихъ, какъ своихъ грабителей, часто кра-

дуть у нихъ вино, не отдають долговъ, но тѣмъ не менѣе находятя у нихъ въ зависимости и несутъ вѣчную имъ подать. Я знаю, какъ въ одномъ острогѣ, весь тяжкій заработокъ арестантовъ (до 400 руб.) перешелъ въ руки майданщика. Но что же порождаетъ это осторожное пьянство?—Отсутствіе труда и томительная праздность тюремнаго заключенія.

Кромѣ игръ и продажи водки, въ острогѣ процвѣтають всегда разныя „свободныя искусства.“ Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ занятій была въ нашемъ острогѣ, какъ и во многихъ другихъ русскихъ острогахъ, фабрикація фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Фабрикація эта производилась, какъ въ общемъ, такъ и въ секретныхъ камерахъ, хотя монетки все-таки ищутъ иѣсть по возможности менѣ людныхъ и болѣе скрытныхъ. Одинъ изъ монетчиковъ, какъ говоритъ преданіе, помѣстился для своей профессіи въ нашемъ острогѣ даже въ церкви, куда впускалъ его ключникъ. Всѣ необходимыя матеріалы монетчикъ получаетъ тѣмъ же путемъ, какъ и всякую контрабанду: табакъ, вино, карты и проч. Матеріалъ монетчиковъ носить условныя термины на ихъ жаргонѣ въ видѣ „стекла,“ „льду,“ „песку“ и т. п., точно также какъ и самыя бумажки называются „блинками,“ такъ какъ на-скоро пекутся. Искусство монетчиковъ конечно различно. Нѣкоторые не могутъ иначе приготовить бумажку, какъ на стеклѣ, другіе дѣлають чуть не наизусть. Такіе искусники даже чертятъ на стѣнахъ карандашемъ разныя тройки и пятинки. Что касается сбыта, то и въ этомъ отношеніи изобрѣтательность всегда сосредоточеннаго арестанта открыла самыя разнообразныя средства. Прислуга острога служить главнымъ агентомъ для передачи фальшивыхъ бумажекъ за стѣны тюрьмы. Въ нашемъ острогѣ, рассказываютъ арестанты, была приучена собака переносить такой товаръ изъ острога въ городъ. Все нужное зашивалось въ ошейникъ и ее выпускали изъ острожной калитки. Это напоминало хитрости контрабандистовъ съ брабантскими кружевами. Монетки привязывались къ своему призванію тѣмъ болѣе, что званіе „монетчика“ было въ острогѣ не только самымъ прибыльнымъ, но и самымъ почетнымъ. Это званіе дѣлается по неволѣ идеаломъ острожнаго жите-

ля. Самый послѣдній изъ арестантовъ, самый бездарный изъ бродягъ, мѣтитъ сдѣлаться монетчиномъ. И вотъ эта профессія пріобрѣтаетъ толпу прозелитовъ. Безграмотный выучивается для этого грамотѣ, грубые и неумѣлыя руки пріучаются къ тонкой работѣ рисованія и конечно за десяткомъ геніевъ этого искуства выходятъ тысячи пачкуновъ, готовящихся къ этому дѣлу на свою гибель. Однажды нашъ острогъ былъ паводненъ продуктами этой фабрикаціи. Рублевыя бумажки продавались по 14 и 20 к. штука, чуть не въ каждой камерѣ чертили или рисовали снимки на папирсной бумагѣ, рисунки и оттиски ассигнацій встрѣчались во всѣхъ острожныхъ книгахъ. Несмотря на постоянные обыски, смотритель никакъ не могъ искоренить этого „свободнаго художества“. Во-первыхъ, нѣкоторымъ находкамъ, какому нибудь клочку папирсной бумаги съ этюдомъ и разными каракулями, трудно было придавать серьезное значеніе и онъ уничтожался домашнимъ образомъ. Во-вторыхъ, дѣло это было столь обыкновенное и привычное въ острогѣ, что никакіе обыски не останавливали арестантовъ. Сидѣль, напримѣръ, у насъ въ одной изъ секретныхъ дѣлатель ассигнацій Я... и дѣлательно производилъ свою работу. Наконецъ пало на него подозрѣніе; приходитъ смотритель, обыскиваетъ, — и ничего не находитъ. Желая однако добиться какого нибудь результата, онъ приказываетъ разломать кровать и въ секретной лазейкѣ ея находить краски и начатый билетъ 25-рублеваго достоинства. Черезъ два дня смотритель узнаетъ, что фабрикація по-прежнему продолжается. Внезапно явившись къ Я., смотритель говоритъ: „Ну отдавай, что ты сдѣлалъ вновь!“ — „Да трехрублевою только, ваше высокоблагородіе, больше ей Богу нѣтъ!“ отвѣчаетъ незадумываясь арестантъ, вытаскивая изъ за пазухи ассигнацію — А еще? — „Больше нѣтъ!“ Но смотритель нашелъ и еще начатую десятирублевою. Арестантъ Я... нисколько не унимался и матеріалы вновь появлялись послѣ каждаго обыска. При такомъ положеніи дѣлъ начальству оставалось только опустить руки. Послѣ фабрикаціи фальшивыхъ ассигнацій болѣе видную отрасль „свободныхъ художествъ“ острога составляетъ поддѣлка паспортовъ для бѣглыхъ и бродягъ. Паспорты дѣлаются обыкновенно отставными

чиновниками, писарями и тому подобнымъ канцелярскимъ людомъ; ихъ помощниками являются рѣзчики печатей для этихъ паспортовъ. Печати продаются часто и отдѣльно. Паспорты предпочитаютъ въ видѣ крестьянскихъ билетовъ, въ Сибири, напримѣръ, выдаваемыхъ съ присковъ горнымъ начальствомъ. Также въ ходу и солдатскіе отпускные билеты. Опытные бродяги предпочитаютъ идти солдатами, — военного человѣка, дескать, меньше обидятъ. Паспорты обыкновенно продаютъ по 9 и 12 руб. Тѣже артисты, которые любятъ поддѣлку паспортовъ, отличаются въ искусствѣ поддѣлывать подъ разныя руки, писать прошенія, безъимянные доносы и т. п. За рѣзчиками печатей являются разныя техники, поддѣлывающіе фальшивыя золотыя кольца, серьги и т. п., что сбывается внѣ острога обыкновеннымъ контрабанднымъ порядкомъ. Замѣчательно, что всѣми этими профессіями занимаются не одни уже готовые артисты, попавшіе въ острогъ съ знаніемъ этого дѣла, но множество дилетантовъ, изучающихъ поддѣлку во время самаго заключенія въ тюрьмѣ.

Послѣ поддѣлки фальшивыхъ бумагъ и паспортовъ, наука побѣговъ составляетъ свою отдѣльную отрасль преподаванія; примѣры и рассказы о самыхъ геройскихъ дѣлахъ этого сорта переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе въ преданія и пѣснѣ. Тутъ же узнаетъ новичекъ объ искусствѣ разбивать кандалы, пилить рѣшетки, а на острожномъ часовомъ изучаетъ натуру будущаго своего конвоя въ партіи и искусство примѣняться къ ней. За тѣмъ идетъ наука бродяжества и охватываетъ острогъ самой широкой и горячей пропагандой. Авантюристскій характеръ придаетъ этимъ рассказамъ особую прелесть; препятствія, опасности и способъ обходить ихъ поражаютъ изобрѣтательностью и хитростью; знакомство съ новыми мѣстностями, съ вольными лѣсами и степями вѣютъ запахомъ весны въ этомъ смрадномъ и тѣсномъ мірѣ заключенныхъ и влекутъ ихъ желанія въ безконечную даль пустынной Руси. Какъ пламенная прокламація, они зажигаютъ въ сердцѣ арестанта жажду свободы, и влекутъ его вонъ изъ тюрьмы. Наряду съ этими рассказами, идутъ сообщенія положительныхъ географическихъ свѣдѣній о всѣхъ замѣчательнѣйшихъ острогахъ и пересыльных пунк-

тахъ, начиная съ громаднаго московскаго замка до такихъ бродяжническихъ центровъ, какъ замки тобольскій, томскій, иркутскій и кончая дальнимъ Акатуемъ или Карою, гдѣ также привольно течетъ острожная жизнь въ увеселеніяхъ и „свободныхъ художествахъ“, подъ звонъ тяжелыхъ кандаловъ каторжнаго люда. Наука острога завершается обширнымъ знакомствомъ съ острожной юриспруденціей, необходимой для каждаго, кто попадаетъ на путь преступленія. „Эхъ! чему только нашъ монастырь не наученъ,“ говорили арестанты нашего острога. И дѣйствительно чему только не обучался несчастный новичекъ, попавшій въ этотъ „домъ скорби“ за какое нибудь минутное увлеченіе, натолкнувшее его на убійство; чего только не могъ онъ наслушаться въ этомъ темномъ мірѣ людей, прошедшихъ всѣ испытанія нужды, лишеній и оскорбленій человѣческаго существа. „Господи, думаешь бывало, ну какъ да все это откроетъ начальство!“ Но оказывалось, что опасаться рѣшительно было нечего. Въ случаѣ надобности обиденная жизнь острога со всѣми ея насильственно-созданными развлеченіями, со всѣми ея тайнами и подпольными похождениями вдругъ сходила со сцены и принимала самый чинный оффиціальныи характеръ. Въ острогѣ было столько норъ, лазеекъ, тайниковъ, проваловъ; что все запрещенное исчезало въ одно мгновеніе ока, какъ въ любой волшебной опереткѣ. Для этого арестантъ тщательно изучаетъ острогъ, осматриваетъ всѣ его закоулки, замѣчаетъ всѣ щели и дѣйствительно, въ искусствѣ прятать, арестантство достигло изумительнаго совершенства. Арестанты свертываютъ въ нитку деньги и проводятъ ихъ по карнизамъ, глотаютъ въ случаѣ надобности монету и золотыя вещи, прячутъ ихъ въ ротъ, въ волоса, въ бороду и въ уши. У каторжныхъ бывали цѣлыя кожанья несесеры съ пилками для рѣшетокъ, ножами, иглами, деньгами и проч., которые они проносили въ своемъ тѣлѣ. — Своего острожнаго начальства, арестантство совсѣмъ не опасалось; оно знало, что все между ними останется дѣломъ домашнимъ. Что же касается до постороннихъ оффиціальныхъ лицъ, являвшихся ревизовать острогъ, то здѣсь былъ заинтересованъ конечно и самъ смотритель, и потому заранѣе заботился о порядкѣ въ своемъ вѣдомствѣ. Въ это время готови-

ласъ и хорошая пища, выдавались новые кафтаны изъ цейхауза, которые по отъѣздѣ начальства снимались снова, камеры запирались, корридоры выметались, арестанты сидѣли съ понуреннымъ и кроткимъ видомъ, какъ невинныя дѣти. Начальство тщательно обходило и осматривало острогъ и единственный безпорядокъ усматривало развѣ въ неубранной кучѣ сора въ углу корридора, или въ нечаянно попавшемъ тараканѣ въ образцовые щи.

Уѣзжало начальство и высыпали мы, заключенные, на острожный дворъ играть въ чехарду и орлянку. Что за важность, что новые халаты отобраны и пища пошла опять скверная. Благо мы опять въ своей обычной сферѣ. Опять являлись на сцену засаленныя карты, начинался шумъ и стоустый говоръ, опять раздавалась отчаянно унылая арестантская пѣсня и жизнь острога текла по-прежнему. Но бывали и другія грозы надъ острогомъ. Узнаеть губернскае начальство, что острогъ ужъ больно распустился, что въ немъ идетъ дѣятельное производство ассигнацій и паспортовъ,—еще на дняхъ взятая съ такими деньгами торговли признаются, откуда ихъ получили,—и вотъ проснувшееся начальство вдругъ ополчается противъ „дома скорби“ и приказываетъ внезапно накрыть его и произвести строжайшій обыскъ. Смотритель острога приходитъ въ ужасъ отъ одной этой мысли, зная, что творится между арестантами. Задумчивымъ и озабоченнымъ онъ ѣдетъ изъ полиціи въ острогъ. Надо найти какой нибудь выходъ.

И вотъ только-что смотрительскіе дрожки подвезли его къ квартирѣ, какъ черезъ пять минутъ, по камерамъ острога ходитъ староста и торжественно провозглашаетъ: Эй вы! Табакъ, трубки, кости, карты, краски, олово, „блинки“ и все такое убирай! Тайная полиція будетъ! „Полиція будетъ!“ разносится по камерамъ и все живое приходитъ въ движеніе. Весь острогъ встаетъ на ноги, все осматриваетъ себя и прибираетъ; полуштофы и бутылки прячутся куда-то подъ заборъ, кто рветъ начатый паспортъ, кто пересыпаетъ махру, кто бѣжитъ съ картами на чердакъ, таинственная экспедиція пробирается на дворъ къ сорной ямѣ, тутъ поднята половица, здѣсь отваленъ карнизъ, въ печкѣ очутились какія-то норы. Скоро острогъ однако угомонился и ждетъ. Арестанты

улеглись, но чутко слушаютъ. Ночь. Медленно и тихо выдвинуть караулъ и оцѣпляеть острогъ; во всѣхъ закоулкахъ зданія разставлены темныя и неподвижныя фигуры. Тихо по корридорамъ острога прокрадываются тѣни, чуть брякнетъ неосторожный тесакъ, схваченный поспѣшно рукою; озабоченныя и хмурныя лица тщатель-но прислушиваются въ окошечки камеръ. Ничего въ волнахъ не видно, спать арестанты, какъ невинныя младенцы. Вкрадчиво и тихо проводится ключъ въ визгливый замокъ, съ какимъ-то не то шумомъ, не то плачемъ отворился засовъ. „Вставай!“ загремѣло на арестантовъ. Заспанныя, робкія и изумленныя лица предстаютъ предъ внезапно освѣщенной толпою величественнаго начальства. Перебираются норы, обшариваются печки, перетряхивается арестантская рухлядь. Нѣтъ ничего! Другая, третья, четвертая камера, перерыть и поднять въ верхъ дномъ весь острогъ. Утомленное и измученное начальство уѣзжаетъ уже утромъ съ колодой засаленныхъ картъ, найденныхъ гдѣ нибудь въ мусорѣ, съ двумя трубками-носогрѣйками и тремя затасканными кисетами махорки вмѣсто трофеевъ. Ну и слава Богу, что ничего не оказалось, значить все обстоитъ благополучно! А черезъ часъ декораціи измѣняются, и настоящая, вѣками созданная тепличная и насильственная жизнь острога снова выступаетъ во всемъ своемъ грустномъ безобразіи.

IV.

Какъ передѣлало арестанство свою острожную жизнь въ камерахъ, такъ оно приспособило по своему и острожную больницу, преобразивъ ее изъ печальной обители вздоховъ и смерти въ обитель вѣчно преслѣдующей арестанта жажды развлеченій, свойственныхъ свободной и здоровой жизни. Больница въ продолженіи дня представляла самыя комическія метаморфозы.

Каждое утро, передъ пріѣздомъ доктора, она представляла очень приличный и соответствующій назначенію видъ. Въ корридорѣ передъ аптекой всегда стояла куча немощнаго народа, съ которымъ

мучился докторъ, спрашивая болѣзни. Субъекты были разнообразныя.

Здѣсь толпились хилые старики, прося освидѣтельствовать ихъ и дать удостовѣреніе о неспособности ихъ вынести тѣлесное наказаніе.

Здѣсь же толпились здоровенные парни съ воспаленными глазами, съ зіяющими ранами на рукахъ и ногахъ, были субъекты съ какими-то странными, совершенно непонятными болѣзнями и неопредѣленными жалобами.

— Ты что, чѣмъ болѣть? обращался докторъ къ одному больному.

— Сердцемъ болѣть, ваше в—діе, а такъ весь здоровъ.

— Гмъ! докторъ слушалъ грудь и обращался къ другому.

— У меня сердце здорово, только голова и ноги болятъ, а сердцемъ какъ есть здоровъ.

Докторъ щупалъ пульсъ, спрашивалъ и сомнительно поглядывалъ на пациента.

— А ты который уже разъ Аксеновъ въ больницу? внезапно обратился докторъ къ молодому парню, стоявшему въ сторонѣ.

— Четвертый разъ, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ парень.

— Опять рана?

— Рана опять-съ! и парень протянулъ пораженную язвою руку.

— Что за чортъ! Да ты растравляешь вѣрно, воскликнулъ докторъ, взглянувъ на рану.

— Никакъ нѣтъ-съ, все сама приключается.

— А ты что? все глаза, перешелъ онъ къ другому.

— Опять глаза, ваше в—діе!

— Что за чудо! кажи глаза.— Докторъ покачалъ головой.—

Ну а ты?

— Да какъ будто ломота, ваше в—діе.

— Гдѣ же ломота?

— Вездѣ, значить, ломота, весь нездоровъ.

— Каши должно быть хочешь! недовѣрчиво замѣтилъ докторъ. Арестанты ухмыльнулись проникательности доктора. — Ну а тебѣ что, дѣдушка?

Передъ докторомъ стоялъ хилый 70 или 80-лѣтній старикъ, голова его тряслась, желтая кожа засохла на немъ, какъ на муміи, клочья сѣдыхъ, жиденькихъ волосъ были распущены на лбу, какъ у ребенка, глаза были какіе-то неподвижные, дѣтски-наивные и невозмутимо спокойные, онъ стоялъ скрестивши на халатникѣ руки, точно покойникъ.

— Къ вамъ, ваше благородіе, вотъ освидѣтельствовать.... зашамшилъ старикъ, — къ наказанію вышло идти, такъ нельзя ли по старости лѣтъ уволить... хиль я больно... Божескую милость! глухо выкрикнулъ онъ и повалился, какъ трупъ въ ноги. Когда старикъ поднялся, лицо его было попрежнему невозмутимо и холодно спокойно.

— За что ты судишься старикъ? спрашивалъ докторъ.

— За побѣгъ, за побѣгъ, ваше в—діе, родиную сторону хотѣлъ передъ смертью повидать, ну значить дѣтки тоже тамъ остались... такъ не привелъ Богъ!... тоскливо промолвилъ старикъ.

Къ доктору подошла еще пара больныхъ: одинъ былъ чахоточный въ предпоследнемъ періодѣ, другой такой-же худой и высохшій арестантъ съ зачохшимъ видомъ; это былъ поселенецъ, страдавшій настальгіей, которому тоже угрожала чахотка. Одному нужна была для излѣченія свобода, другому родина. Докторъ кивнулъ головой, какъ будто говоря: „да у насъ лекарствъ такихъ нѣтъ!“

— Запишите ихъ! сказалъ онъ фельдшеру, указывая на прибывшихъ. Больные побрели по камерамъ. Докторъ началъ обходить больничныя палаты.

Здѣсь все было готово къ его приходу, полъ выметенъ, накурили верескомъ, стѣлянки лекарствъ красовались около каждаго больного, больные лежали заутанными на койкахъ, охали и громко стонали. Видъ былъ унылый и печальный!

Но вотъ уѣхалъ докторъ и больница начала принимать другой видъ. Отворились двери больницы, повалили сюда гости со всего острога и пошла дѣятельная продажа больничныхъ порцій и пайковъ бѣлаго хлѣба. Торгъ кушаньями и булками составляетъ важную привиллегію больницы, запросъ на порціи, въ скудномъ пищею острогѣ, очень великъ. Всѣ денежные арестанты покушаютъ для

себя порціи въ больницѣ, но въ особенности снабжаютъ ими своихъ любовницъ. Съ своей стороны, несостоятельные и нуждающіеся арестанты находятъ выгоднымъ подѣ видомъ больныхъ записываться сюда и продажою съэкономленныхъ порцій, которыя въ больницахъ раздаются щедрѣе, доставать деньги на игру и другіе потребности. Отъ этого обыкновенно больница послѣ обѣда превращалась въ игорный клубъ, гдѣ пришлые гости арестанты общицали больныхъ. Продажа порцій, молока, хлѣба, пива и вина, отпускаемыхъ больнымъ, такъ выгодна, что даже трудно-больные не прикасаются къ нимъ, а возбуждаются корыстью и продаютъ. Въ нашей больницѣ лежалъ медленно умирающій „въ водянкѣ“, которому отпускали очень хорошія порціи кушанья и значительное количество вина для поддержанія силъ; все это онъ немедленно сбывалъ, а самъ питался хлѣбомъ или жилъ въ проголодь. Послѣ смерти у него было найдено нѣсколько рублей, Богъ знаетъ, кому и на что накопленныхъ, такъ какъ ни родныхъ, ни друзей у него не было.

Менѣе голодная жизнь и большее приволье на больничной койкѣ, чѣмъ въ острожной камерѣ, дѣлали больницу для арестанта обѣтованной землей. Если докторъ слишкомъ былъ разборчивъ и не принималъ сомнительныхъ, то арестанты искусственно создавали себѣ болѣзнь, чѣмъ и вынуждали принимать себя. Они изобрѣли цѣлую науку калечить себя, какъ „компрачикосы“ обладали искусствомъ калечить другихъ. *) Наука эта была создана въ годину прежнихъ бѣдъ арестанства и употреблялась какъ средство выйти изъ каторги, избавиться отъ тѣлеснаго наказанія, оттянуть приговоръ, отсрочить отправку въ партію, отдохнуть на дорогѣ и т. д. Искусственная болѣзнь всегда являлась на помощь арестанту и была

*) Изъ этихъ болѣзней самыя обыкновенныя: возбуждать рвоту табакомъ, измѣнять пульсъ перетягиваньемъ руки, сводить руки и ноги, продѣвая нитки сквозь жилы, натираться бодягой для опухоли, прокалывать кожу во рту и раздувать флюсъ, для килы глотать ртуть, воспалить глаза мушкой, открывать раны привязываньемъ пятаковъ съ ярью, и пронизываньемъ волоконъ изъ древесины растенія «волчьи ягоды» подѣ кожу, капать въ рану растопленной сѣрой и т. п.

защитою часто жизни, какъ и болѣе сильныхъ физическихъ страданій. Скоро ею начали пользоваться при всякомъ удобномъ случаѣ не только люди вынуждаемые серьезными причинами, но и просто тунеядствующіе острожные бонвиваны, украшавшіе себя пластырями для игры „въ фальку.“ Комическое здѣсь перешѣшивалось, какъ вездѣ въ острогѣ, съ трагическимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ той же больницѣ иногда рядомъ съ бонвиваномъ, натертымъ бодягой, валялся въ мукахъ, бреду и горячкѣ только-что наказанный арестантъ, избитый бѣглець, или искалеченный бродяга. Въ средѣ играющихъ въ карты, среди буйной и пьяной вакханалии, подъ пѣсни и гамъ больничной палаты, часто въ предсмертной агоніи умиралъ безродный и безпріютный арестантъ. Одинокое, холодно. Уныло сидитъ на койкѣ какой-нибудь Самсонъ Непомнящій, глухо покашливая чахоточной грудью, и смотритъ какимъ-то стекляннымъ безнадежнымъ взглядомъ. Кто онъ такой? О чемъ онъ думаетъ? Какія воспоминанія тяготятъ его, — никто этого не узнаетъ и никому до этого нѣтъ дѣла.

— Однако, онъ ужь скоро кончится, говорятъ арестанты надзирателю.

— Такъ что! умирайте, на гробъ-то дѣсу хватить у насъ! грубо оретъ надзиратель.

— Ребята, мотри сегодня ночью энтотъ кончится, дохтуръ говорилъ... говорятъ, ложась спать, арестанты. Тоскливо слушаетъ ихъ умирающій. Не на комъ ему остановить взора, не въ комъ встрѣтить участія; все родное и близкое его сердцу далеко отъ него. Онъ знаетъ, что не заплачетъ надъ его гробомъ мать или жена, а надъ его трупомъ станетъ тотъ же безстрастный часовой, покуда не закопаютъ его въ землю. Арестанты помянутъ своего товарища порціей водки, и никто больше не скажетъ о немъ ни одного слова.—Гдѣ всѣ несчастны, тамъ не жалѣютъ...

Горевать не въ привычкахъ острога, а тѣмъ болѣе выказывать горе. И безъ того здѣсь „каждому трудно живется и дышется,“ у каждаго есть много своего горя. Въ то же время острогъ выработалъ необыкновенную силу духа и способность не показывать даже вида своего несчастія. Поэтому самыя тяжелыя сцены про-

ходить для него мимолетно. Побьеть-ли арестанта конвой, выслушаетъ ли онъ приговоръ на каторгу, перенесетъ ли тѣлесное наказаніе, совершится ли смерть предъ его глазами, — черезъ часъ арестанство опять дуется въ карты, пляшетъ и поетъ. Смотря часто на это веселье острога, слушая его удалыя пѣсни, смѣшанныя съ громомъ цѣпей, я невольно задумывался. О бѣдный острожный русскій людъ!

Н. Семилужинскій.

(Продолженіе будетъ).

РОКОВЫЕ КОНТРАСТЫ.

(Изъ Барри Корнуэля)

Подъ открытымъ небомъ.

Непогода и вѣтеръ. Осенняя ночь
Холодна; дождикъ съ вечера льется,
А на улицѣ въ жалкихъ лохмотьяхъ трясется,
Сиясь холодъ ночной превозмочь
Нищеты беззащитная дочь,
Одинокая всѣми забытая,

Горемъ убитая.

Не бросаетъ никто ей участя вокругъ,
Но за ней ходить слѣдомъ единственный другъ
Темной ночью и въ вѣтеръ, и въ холодъ,
И повсюду слѣдитъ день-деньской.
Этотъ другъ неотвязчивый—*голодь*.
Онъ могучей, костлявой рукой
Свою жертву за горло хватаетъ
И ей мрачно шептать начинаетъ:
«Ждешь чего ты въ бесплодной борьбѣ
Съ нищетою безысходною?
Ничего не дожидаться тебѣ:
Ты живешь и умрешь ты голодною.»

Подъ крышей.

Стонетъ вѣтеръ. Осенняя ночь холодна,
 А подъ крышей въ покоѣ богатомъ
 Ночь въ весельи проводить счастливецъ безъ сна,
 Упоенный виномъ и развратомъ.
 Пиръ полночный кипитъ у любимца судьбы;
 Онъ безопасно съ друзьями сидитъ у камина.
 По его мановенью нѣмые рабы
 Льютъ гостямъ ароматныя вина.
 Отъ вина развязался языкъ, и летитъ
 Среди шутокъ, веселья и спора
 Ночь осенняя скоро!
 И хозяину съ наглостью льстятъ
 Лизоблюды и домашній обжора.

Подъ открытымъ небомъ.

А она на морозѣ дрожитъ,
 Исхудалая, стыдъ потерявшая, блѣдная...
 А вѣдь были же дни: эта женщина бѣдная
 Знала тоже дѣвическій стыдъ,
 Знала счастье и, гордо-прекрасная,
 Не краснѣла за каждый свой шагъ.
 А теперь тяжела ея доля ужасная;
 Эта доля: презрѣнье, безчестія мракъ,
 Брань, толчки негодяя развратнаго,
 Вѣчный голодъ и вѣчный позоръ...
 Пала въ омутъ она и съ тѣхъ поръ
 Ей назадъ не вернуть невозвратнаго...
 Пышный городъ великъ и богатъ,
 Но среди оживленныхъ жилищъ его
 Люди женщину ту награждать
 Иль проклятемъ, иль саваномъ нищаго.

На кладбищѣ разроютъ сугробъ,
 Прахъ остывшій безмолвно схоронится;
 Каждый встрѣнный, нахмуривши лобъ,
 Отъ могилы твоей посторонится,
 И ни кѣмъ на сосновый твой гробъ
 Ни единой слезинки не сронится...
 Спи же ты подъ доской гробовой
 Жертва бѣдная міра нечистаго,
 И пусть тамъ надъ твоей головой
 Этотъ міръ веселится неистово.

Подъ крышей.

А этотъ пресыщенный сибаритъ,
 Который на подушкахъ мягкихъ спитъ,—
 Вѣдь это онъ въ минуту роковую
 Довѣрчивую дѣвушку увлекъ
 И вышвырнулъ потомъ ее на мостовую
 Къ ногамъ толпы на горе и порокъ.
 Позоръ и ложь и клятвопреступленье!
 Такихъ людей безъ чести и стыда
 Уже-ль щадить общественное мнѣнье?
 Но загляните только вы туда,
 Въ роскошный домъ.

Хоть никому не ново,
 Что для того развратника больного
 Ужъ ничего святого въ жизни нѣтъ,
 Но шлютъ ему красавицы привѣтъ,
 Его рѣчамъ съ волненіемъ внимаютъ,
 Вокругъ его толпится рой друзей
 И матери счастливицу предлагаютъ
 Своихъ прекрасныхъ, чистыхъ дочерей...

Д. Минаевъ.

ЖИЗНЬ.

(Изъ Лонгфелло.)

Не говори мнѣ въ озлобленъи,
Что наша жизнь, какъ сонъ мелькнетъ.
Тотъ, для кого, какъ сповидѣнье,
Летать года, живеть-ли тотъ?..

Жить—вѣчный трудъ. Росли и зрѣли
Съ печалью мысли на челѣ
Не для одной мы грустной цѣли—
Спать вѣчнымъ сномъ въ сырой землѣ;

Не для скорбей и наслажденъи,
Но для работы и труда,
Чтобъ наше каждое мгновенье
Не пропадало безъ слѣда.

Коротокъ срокъ, работы много,
А намъ про жизненный конецъ
Напоминаетъ въ мѣрѣ строго
Бой человѣческихъ сердець.

Въ борьбѣ съ развратомъ повсемѣстнымъ
Не думай много о себѣ,
Не будь животнымъ безсловеснымъ,
А человѣкомъ будь въ борьбѣ.

Не вспоминай о томъ, что было,
Оставь гробамъ скелеты ихъ:
Ты живъ, въ тебѣ живая сила
И ты работай для живыхъ.

Не рѣдко труженикъ упорный,
Измученъ жизнью, умиралъ,
Но изъ могилы благотворный
Свой трудъ потомству завѣщаль.

И въ мирѣ зла и вѣроломства
Сіять сталь многіе года
Трудъ гениальный для потомства,
Какъ путеводная звѣзда.

Впередъ же!.. Время дорогое
Проходить. Нечего намъ ждать:
Окончимъ трудъ и за другое
Мы дѣло примемся опять

Д. Свияжскій.

ПЕРЕДЪ МОГИЛОЙ.

Передъ тобой холодная могила:
Усопшаго напрасно не буди,
Не говори, что ты его любила,
Что онъ былъ счастливъ на твоей груди.

Не упрекай въ печали поздней Бога,
Не обвиняй въ бесплодной злобѣ свѣтъ,—
И выстрадалъ и вытерпѣлъ онъ много,
Но ты одна за все отдашь отвѣтъ.

Не могъ искать онъ у враговъ участья
И отдыха у чуждыхъ очаговъ,—
Лишь ты одна и радости и счастье
Могла бы дать за чистую любовь.

Но вспомни дни: забывъ враговъ угрозы
И гнетъ судьбы, онъ приходилъ домой
И не покой, а ропотъ или слезы
Для бѣдняка готовились тобой.

Ты плакала, что ты не видишь свѣта
Что мало ласкъ встрѣчаешь у него,
Что лучшія ты загубила лѣта—
Сгубила и сама не знаешь, для чего.

Что онъ совсѣмъ не дорожитъ тобою,
Что онъ идетъ въ опасный бой съ врагомъ
И жертвуетъ несчастною женою,
Забоятся о счастья чужомъ.

Отъ горькихъ слезъ мутился взоръ твой ясный,
 Въ волнахъ кудрей склонялась голова...
 О, для чего была ты такъ прекрасна!
 О, для чего была ты такъ черства!

Онъ, какъ дитя, вымаливалъ прощенье ..
 И, выливъ ядъ язвящихъ, горькихъ словъ,
 Дарила ты ему изъ сожалѣнья
 Таковую жъ ядовитую любовь.

Ты каялась, что ты одна тревожишь
 Его трудовъ затишье и покой,
 Что ты любить разумнѣе не можешь,
 Что былъ бы онъ счастливѣе съ другой,

Обвивъ его змѣинными руками,
 Ты падала въ слезахъ къ нему на грудь
 И блѣдными, дрожащими устами
 Шептала: «все прости и позабудь.»

И таялъ онъ отъ жгучаго лобзанья,
 Какъ мягкій воскъ, волнуясь и любя,
 И въ этотъ мигъ восторга и страданья
 Онъ оттолкнуть не въ силахъ былъ тебя!

И, какъ Самсонъ въ объятіяхъ Далилы,
 Онъ сдѣлался вполнѣ твоимъ рабомъ
 И предъ толпой враговъ, лишенный силы,
 Герой поникъ измученнымъ челомъ...

Передъ тобой холодная могила
 Усопшаго напрасно не буди,
 Не говори, что ты его любила,—
 Онъ не былъ счастливъ на твоей груди.

А. Ш.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЛЮДИ СОРОКОВЫХЪ И ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

(Люди сороковыхъ годовъ. Романъ А. Писемскаго. «Заря» 1869 г.)

I.

Если на нашемъ литературномъ кладбищѣ является въ послѣднее время такъ много заживо-погребенныхъ, то они должны благодарить за это воспитавшую ихъ эстетическую критику.

Недавно мы хоронили г. Гончарова, умершаго для прогресса; теперь приходится дѣлать тоже самое съ г. Писемскимъ, обрешшимъ впрочемъ себя на смерть еще «Взбаломученнымъ моремъ».

Г. Писемскій выступилъ на литературное поприще въ 1850 году. Передъ тѣмъ онъ успѣлъ уже послужить, жениться и выйти въ отставку. Когда появился «Тюфякъ», автору было 30 лѣтъ. Слѣдовательно г. Писемскій явился на литературное поприще съ готовымъ, вполне сформировавшимся мировоззрѣніемъ.

Появленіе «Тюфяка» привело русскихъ критиковъ въ такой энтузіазмъ, какъ будто бы всероссійскій Парнасъ посѣтилъ Юпитеръ Олимпійскій. «Москвитянинъ», въ которомъ былъ напечатанъ «Тюфякъ», нашелъ, что эта повѣсть истинно—художественное произведеніе. «Мы можемъ сказать это смѣло, утверждалъ онъ, потому что она удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ-художественности. Вы видите, что въ основаніи произведенія лежитъ глубокая мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ясно для васъ, что зачалось оно въ головѣ автора не въ отвлеченной формѣ — въ видѣ сентенціи, а въ жи-

выхъ образахъ и домысливалось только особеннымъ художественнымъ процессомъ до болѣе типичнаго представленія; съ другой стороны—въ этихъ живыхъ образахъ и, для перваго взгляда, какъ будто случайно сошедшихся въ одномъ интересѣ, эта мысль ясна и прозрачна. Едва ли нужно повторять, что высказанное нами составляетъ единственное условіе художественности. Подъ какой бы формой ни явилось произведеніе, отвѣчающее подобнымъ требованіямъ, оно будетъ художественное произведеніе...»

«Библіотека для чтенія» говорила: «Писемскій съ перваго шага попалъ на настоящую дорогу и потому мы въ правѣ ожидать многого отъ его таланта. Писемскій высказался не въ тѣсной рамкѣ какого нибудь быта, но въ воспроизведеніи самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ явленій общественной жизни... Въ произведеніи г. Писемскаго нѣтъ пристрастія къ тому или другому лицу; онъ не увлекается нравственными преимуществами одного лица передъ другими, не возвышаетъ однихъ въ ущербъ другимъ, но съ безпристрастіемъ художника, поставившаго себѣ цѣлью быть вѣрнымъ природѣ, воспроизводитъ каждое изъ нихъ со всею искренностію и чистотою таланта...»

«Современникъ» 1851 г. сказалъ: «въ повѣсти г. Писемскаго на первомъ планѣ—характеры. И посмотрите, что это за живыя лица! Каждое изъ нихъ мы видѣли, кажется, гдѣ-то; о каждомъ изъ нихъ слышали гдѣ-то, и съ большею частію изъ нихъ былъ знакомъ каждый читатель въ своей жизни... Написана повѣсть языкомъ бойкимъ и живымъ, полна наблюдательности и отличается свѣтлымъ взглядомъ автора на предметы. Во взглядѣ этомъ столько ума, столько неподдѣльнаго, практическаго здраваго смысла, что автору безусловно во всемъ вѣришь и желаешь только одного,— чтобы онъ писалъ больше и больше...»

Бѣлинскаго тогда уже не было въ живыхъ и конечно только этому обязанъ г. Писемскій, что никто изъ эстетиковъ его не разсмотрѣлъ какъ слѣдуетъ и не явилась ему надлежащая оцѣнка.

Мы не станемъ на 1851 годъ переносить теперешній критическій приѣмъ. Мы спросимъ, существовала ли въ 1851 г. вѣрная точка отправленія для правильной критической оцѣнки литературныхъ произведеній? Существовала; — ибо Бѣлинскій, хотя и не вполне, но отшатнулся уже отъ своего любимца Пушкина за его отчужденіе отъ общественныхъ интересовъ, за отсутствіе въ немъ опредѣленнаго направленія. Но взглянулъ ли хотя одинъ критикъ на г. Писемскаго съ этой точки зрѣнія? Ни одинъ.

«Библиотека для чтенія», напимѣрь, ставитъ въ достоинство г. Писемскому, что онъ пишетъ безразлично, съ *безпристрастіемъ художника*, все, что онъ видитъ; «Москвитяинъ» толкуетъ о художественности, понимая подъ нею то же самое безразличное рисованье; «Современникъ», наконецъ, восхищается характерами и живыми лицами, или иными словами — тоже художественностию.

«Москвитяинъ», правда, покусился было взглянуть глубже и потребовалъ отчета въ мысли; но такъ и остался при одномъ покушеніи. «Москвитяину» показалось, будто бы авторъ хотѣлъ сказать, что для жизни нужны извѣстныя житейскія способности, которыхъ нельзя замѣнить ни благороднымъ сердцемъ, ни классическимъ образованіемъ и что кому ихъ Господь Богъ не далъ, не смѣй ни плакать, ни завидовать другому. Это опять эстетическая точка зрѣнія; нѣчто въ родѣ гамлетовской борьбы съ судьбою; тогда какъ у г. Писемскаго дѣло далеко проще. Бешметовъ (Тюфякъ), неуклюжее, непрактическое, но сердечное существо, полюбилъ дѣвушку легкомысленную и ее выдали за него замужъ силою. Сестра Бешметова, хорошая женщина, замужемъ за Масуровымъ—копией Ноздрева. Женщины эти не любятъ и не могутъ любить своихъ мужей и вотъ является провинціальныи фантъ—Бахтіаровъ, человѣкъ глупый и дрянной, въ котораго обѣ женщины влюбляются. Такимъ образомъ завязывается борьба страстей съ условіями общежитія. Но г. Писемскій съ художественнымъ безпристрастіемъ, которое ставитъ ему въ достоинство «Б. для Ч.», отнесся чрезвычайно мелко къ внутреннему міру страдающихъ людей. Жизнь ихъ настоящій адъ, но страданія бѣдняковъ рисуютъ вамъ съ такой ледяной объективностию и такъ мелко, поверхностно, что житейская суть отъ васъ совершенно ускользаетъ и вы видите лишь болѣе или менѣе смѣшныхъ людей. Вамъ какъ бы показываютъ уличную панораму — «а вотъ, извольте видѣть, можете смотрѣть, какъ мужья съ женами ссорятся...» Напимѣрь, такія сцены, какъ послѣдній борьба Бешметова съ женой: бѣдняга, самымъ глубокимъ образомъ оскорбленный въ своемъ чувствѣ, бѣжитъ безъ оглядки въ поле, бросается на землю и плачетъ, плачетъ потому, что бушуютъ въ немъ два противоположныхъ чувства; вамъ же страдающій человѣкъ вовсе почти и не кажется страдальцемъ, вамъ рисуютъ такую поверхностную картину, что если читатель—человѣкъ не особенно тонкаго чувства и ума обыкновеннаго, то онъ назоветъ Бешметова сумасшедшимъ или ду-

ракомъ. Неужели это вѣрное изображеніе природы? Неужели это талантъ?

«Время» вѣрно подмѣтило неспособность г. Писемскаго понимать смыслъ и значеніе житейскихъ явленій. «Лица и событія г. Писемскаго, говоритъ оно, не довольно смѣшать, мало трогаютъ, слабо возбуждаютъ негодованіе. Его рассказы не увлекаютъ: они только *занимательны*, т. е. они представляютъ своего рода реальный интересъ, почти такой же, какой возбуждаютъ въ насъ дѣйствительныя происшествія или встрѣча съ новыми незнакомыми лицами. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, несмотря на все наше вниманіе, мы чувствуемъ недостатокъ того глубокаго свѣта, которымъ искусство проникаетъ дѣйствительность и озаряетъ сущность дѣла. Пустота, мракъ, житейская грязь во всей ея сѣрой безличности и блѣдномъ безобразіи... Писатель какъ будто не довѣряетъ себѣ или просто не умѣетъ смѣло подняться въ область идеала, чтобы ярко и выпукло выступили предъ нимъ явленія. Онъ смотритъ на жизнь скептически, даже цинически и подозрительно толкуетъ каждое ея явленіе; онъ не приближается къ жизни, не озаряетъ ее, а скорѣе отталкиваетъ отъ себя и покрываетъ тѣнью. У Гоголя, напримѣръ, жизнь, какъ онъ самъ выражается, дѣйствительно *щеголяетъ* по будничному; она тѣмъ сильнѣе и жалче, чѣмъ сильнѣе щеголяетъ собою; у г. Писемскаго отъ жизни вѣетъ чѣмъ-то мертвымъ и холоднымъ. Намъ кажется, что этотъ недостатокъ примиренія съ идеаломъ во взглядѣ самого писателя, составляетъ главную причину тяжелаго впечатлѣнія, возбуждаемаго произведеніями г. Писемскаго. Если взять его произведенія въ ихъ цѣломъ, то нельзя не сознаться, что это впечатлѣніе доходитъ до чего-то трагическаго, хотя и не достигаешь полной силы трагизма... Въ чемъ состоятъ рассказы г. Писемскаго? Все это рассказы о преступленіяхъ или несчастіяхъ, въ которыхъ страдаютъ люди, повидимому ни мало неповинные. Этихъ людей губятъ какія-то темныя силы, враждебныя элементы, господствующіе въ той средѣ, куда они попадаютъ. Для того, чтобы привести эти силы къ обнаруженію, къ столкновенію, г. Писемскій употребляетъ даже довольно механической приемъ. Часто дѣло у него начинается тѣмъ, что дѣйствующія лица *привъзаютъ* въ то мѣсто, гдѣ они или сами погибаютъ или другихъ губятъ... Эти люди, тонущіе въ непроходимомъ болотѣ, очень рѣдко дѣлаютъ даже безсознательныя движенія, чтобы вырваться изъ него и тотчасъ опускаютъ руки, чувствуя свою слабость и бесполезность усилій. Отъ этого всѣ происшествія получаютъ какой-то не человѣче-

скій характеръ стихійности, мертвенности, которая повременамъ возбуждаетъ ужасъ. Духовныя силы, выводимыя на сцену г. Писемскимъ, дѣйствуютъ, какъ слѣпныя стихіи, какъ огонь и вода. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что въ большей части случаевъ дѣйствующіи лица г. Писемскаго, совершенно *не понимаютъ* другъ друга; между ними нѣтъ никакого духовнаго общенія, при которомъ только и возможно сколько нибудь разумное, просвѣтленное взаимодѣйствіе... Понятно, что при такомъ непониманіи драмы быть не можетъ; каждый дѣйствуетъ *слѣпо* на другихъ и отъ столкновенія слѣпыхъ страстей и желаній происходитъ какое-то пустое, *отъишнее* бѣдствіе...» («Время», июль 1861 г.).

Но и «Время» попадаетъ не туда, куда бы слѣдовало. Оно навязываетъ г. Писемскому глубину, которой у него совсѣмъ нѣтъ. Г. Писемскій чисто-внѣшній, рефлексивный умъ, холодный къ своимъ героямъ и ничего съ ними не переживающій. У него нѣтъ способности психическаго анализа и нѣтъ тѣни сознанія той всеобъемлющей стихійной борьбы, какая совершается въ соціальной исторіи человѣчества. Авторъ рисуетъ провинціальныя городки, провинціальныхъ людей, рисуетъ муравьевъ въ ихъ муравейникахъ; но связи этихъ кучекъ и болотъ съ природой, связи съ міровою жизнію вы у него нигдѣ не видите, потому только, что онъ ее не понимаетъ и не видитъ самъ. Неужели вы думаете, что если бы авторъ болѣлъ людскимъ несовершенствомъ, что если бы онъ жилъ самъ лучшими стремленіями людей и носилъ въ себѣ гуманное чувство, то не заставилъ бы своихъ читателей переживать всѣ эти моменты? Но вы читаете г. Писемскаго и находите, что онъ, какъ выразилось «Время», пишетъ *занимательно*—и только. Отчего Жоржъ-Зандъ получилъ всемірное прогрессивное значеніе? Только оттого, что онъ владѣетъ способностію глубокаго, хотя и идеалистическаго анализа. Если бы Жоржъ-Занду дать ту же тѣму, которая послужила основаніемъ «Тю-фика», неужели вы думаете, что вышла бы только панорама — «извольте видѣть, можете смотрѣть, какъ глупо мужъ съ женою ссорится?»—Г. Писемскій точно хочетъ убить въ читателѣ всякое гуманное чувство и сказать — стоитъ ли считать этихъ скотовъ людьми и любить ихъ? Какая разница съ гуманнымъ юморомъ Гоголя! И были еще критики, которые причисляли ихъ къ одной школѣ! Реализмъ г. Писемскаго — это какая-то безсердечная, безпощадная инквизиціонная сила, отталкивающая отъ него въ такой степени читателя, что онъ чувствуетъ полнѣйшее отсутствіе всякой

соціальной и личной связи съ авторомъ съ первыхъ строкъ любого произведенія его.

Дружининъ отчасти объясняетъ этотъ холодный, негуманный характеръ міровоззрѣнія г. Писемскаго. «Г. Писемскій, говоритъ онъ, («Библи. для чт.» февр. 1859 г.) едва ли много думаль объ указаніи общественныхъ язвъ или «разведеніи окружающей насъ грязи слезами покаянія», но онъ много жилъ въ самомъ сердцѣ Россіи, жилъ и много трудился, много служилъ, много разъ сходился съ самыми разнообразными классами своихъ соотечественниковъ и, наконецъ, тяжелымъ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу въ обществѣ. Такой жизнью и такой опытностію онъ во многомъ отличается отъ большинства лучшихъ нашихъ романистовъ, людей, или обезпеченныхъ съ малолѣтства, или прожившихъ свои ученическіе годы въ одной изъ столицъ, посреди жизни условной и неразнообразной. По времени своего появленія на аренѣ русской словесности, принадлежа къ группѣ младшаго литературнаго поколѣнія, г. Писемскій этимъ самымъ былъ устраненъ отъ слишкомъ общахъ и нѣсколько туманныхъ теорій, на которыхъ выросли и развились его старшіе товарищи. По всему этому онъ пріобрѣлъ практичность и дѣловую сторону дарованія, пріобрѣлъ ее до такой степени, что она по временамъ ему самому становится въ тягость и отклоняетъ его отъ поэтическихъ сторонъ искусства... Произведенія г. Писемскаго составляютъ какъ бы противоположный полюсъ съ произведеніями Гончарова и Тургенева, по большей части основанными на поэтическихъ особенностяхъ нашего существованія, заимствованныхъ изъ жизни меньшинства русскихъ людей, изъ жизни обильной тонкими наслажденіями и страстными порывами къ идеалу... Въ лучшихъ трудахъ г. Писемскаго напрасно станемъ мы искать идеальныхъ сторонъ, тонкаго психологическаго анализа, поэтическаго воспроизведенія высокихъ страданій и высокихъ радостей...» Этимъ, выражаясь нѣсколько жестко, грубыми свойствами человѣческой природы г. Писемскаго, Дружининъ объясняетъ, почему у него такъ хороши народные характеры, не требующіе тонкой кисти — Питерщикъ, Плотничья артель, Старая барыня. Послѣ этихъ разсказовъ псевдо-простонародная литература, представителемъ которой былъ до тѣхъ поръ г. Григоровичъ, сдѣлалась уже невозможной.

Съ перваго появленія г. Писемскаго на литературномъ поприщѣ, наши критики смотрѣли на него преувеличенно и ставили ему въ заслугу именно то, что составляетъ его коренной недостатокъ, и

вслѣдствіе котораго онъ никогда не могъ разсчитывать на значеніе сильнаго и вліятельнаго писателя. Писемскаго, не появивъ, захвалили съ перваго раза и испортили.

Читающая публика ошибалась въ этомъ случаѣ менѣе присяжныхъ критиковъ. На повѣсти г. Писемскаго никогда не накидывались такъ, какъ накидывались на повѣсти г. Тургенева и даже г. Гончарова. Съ одной стороны въ Писемскомъ поражало холодное безучастіе и расхваленная эстетиками его художественная объективность; а съ другой, тотъ трудный выводъ, который приходилось дѣлать самому читателю, искавшему мысли и поученія.

Даже реальная критика не проникла въ глубь личныхъ свойствъ г. Писемскаго и видѣла въ немъ то, что хотѣлось ей самой видѣть, а не то, что было въ дѣйствительности. Г-ну Писемскому, замаскировавшемуся объективностію, приписывали такія идеи, намѣренія и мысли, какихъ у него никогда не бывало.

Къ счастью, и для русской критики и для русской публики самъ г. Писемскій помогъ понять себя, разоблачивъ себя вполне въ «Взбаломученномъ морѣ.»

Мы не знаемъ, при какихъ условіяхъ слагались понятія г. Писемскаго и до «Взбаломученнаго моря» онъ тщательно скрывалъ предѣлъ, до котораго онъ въ состояніи мыслить.

Но послѣ «Взбаломученнаго моря» сдѣлалось ясно, что г. Писемскій годится лишь для объективныхъ изображеній мелочей жизни, — мелочей скверныхъ, мучительныхъ, мѣшающихъ, тупыхъ, — но не болѣе какъ мелочей; что истинный его конекъ — народная жизнь, и истинная его заслуга — уничтоженіе псевдо-простонародной литературы; что по складу ума и по развитію онъ только живописецъ села и русскаго простолюдина; но лишь чуть требуется подняться мыслію выше и направиться къ разрѣшенію соціальныхъ русскихъ вопросовъ — г. Писемскій обнаруживаетъ полнѣйшее безсиліе. Для этой области у него не было никогда ни тонкаго чувства, ни тонкой мысли, ни знаній, ни образованія и онъ принимался немедленно разрушать то, что самъ сооружалъ ранѣе.

Воспитанный эстетической критикой, г. Писемскій сложилъ себѣ очень наивный взглядъ на роль и дѣятельность романиста. Онъ думалъ, что достаточно одного объективно рисованья и принялся писать картинки очень схожія съ натурой. Но нашлись люди, которые, посмотрѣвъ на изображенія художника, призадумались надъ ними; попытались взглянуть на жизнь серьезнѣе, попытались отъ самаго факта перейти къ его причинѣ; захотѣли перестроить свою

жизнь. Тогда тѣже гг. Писемскіе начали изрѣкать проклятій, стали увѣрять, что у нихъ такихъ зловредныхъ тенденцій не было и что все это выдумали мальчишки. Впрочемъ гг. Писемскіе могутъ утѣшать себя тѣмъ, что Лютеръ, во всякомъ случаѣ умъ и характеръ болѣе сильный, тоже клялся всѣми святыми, что онъ не говорилъ никогда ничего неблагонамѣреннаго, когда послѣдовательные люди захотѣли идти дальше и изъ теоретическаго ученія выводить практическіе результаты.

Лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ. Литературное бѣдствіе г. Писемскаго въ томъ, что онъ не понималъ этой простой истины и, слишкомъ понадѣявшись на свои силы, задумалъ перенести свою дѣятельность изъ деревни въ городъ.

Если бы онъ ограничился созданіемъ народныхъ типовъ, онъ навсегда остался бы прогрессивнымъ писателемъ. Кругозоръ русскаго простолюдина тѣсенъ; деревенская жизнь бѣдна вопросами, стремленіями и разнообразіемъ явленій. Пересаживая на эту почву свои идеалы, г. Писемскій всегда бы удержался на высотѣ прогрессивнаго уровня, ибо онъ по образованію и по развитію былъ бы всегда выше своихъ героев. Но когда г. Писемскій захотѣлъ уйти въ глубь вопросовъ, волнующихъ новыхъ русскихъ людей, когда онъ захотѣлъ отнестись критически къ тому, что задумало прокладывать новое направленіе русской мысли—то онъ подтвердилъ лишь еще разъ ту старую истину, что снизу неудобно судить о томъ, что дѣлается наверху.

Какъ уменъ намъ кажется волостной старшина, сидѣцій на своей предсѣдательской скамейкѣ и разрѣшающій коротко ему извѣстные волостные вопросы. Но пересадите этого же самого умнаго старшину въ сенатъ, въ государственный совѣтъ—куда дѣнется его умъ въ новой болѣе широкой области мысли! Тоже самое случилось и съ г. Писемскимъ, когда онъ вздумалъ явиться судьбою прогрессивной русской идеи.

II.

Какъ видитъ читатель, мы считаемъ талантъ г. Писемскаго очень маленькимъ, а кругозоръ его очень узкимъ. Мы не отнимаемъ отъ г. Писемскаго способности наблюденія. Онъ знаетъ много фактовъ

и явленій жизни, владѣть большою памятью событій, но матеріалъ подавляетъ его своимъ изобиліемъ и всю свою дѣятельность онъ ограничиваетъ лишь группированіемъ фактовъ, наклеиваніемъ картинокъ на одну безконечную бумагу, которую и развертываетъ передъ читателемъ, какъ развертываютъ картины въ уличныхъ панорамахъ.

Г. Писемскій при всѣхъ своихъ способностяхъ далеко не мыслитель и претензія его рисовать широкія, всероссійскія картины вовсе не соотвѣтствуетъ его силѣ анализа и способности понимать вѣрно историческій смыслъ явленій.

Задавшись обольстительной мыслию нарисовать что нибудь грандіозное и чувствуя въ своей памяти богатый запасъ матеріаловъ, г. Писемскій ограничивается лишь широковыщательнымъ заглавіемъ, изобличающимъ его смѣлый замыселъ, и въ то же время безсиліе передъ задачей. Подъ широковыщательнымъ заглавіемъ читатель находитъ пухъ, нѣчто въ родѣ газетной, зазывающей рекламы и приходитъ къ тому заключенію, что его обманули. Если тутъ обманъ завѣдомо, то это скверно, ибо нужно имѣть уваженіе къ чужимъ деньгамъ и къ чужому времени, если же онъ не завѣдомый—въ такомъ случаѣ г. Писемскій страдаетъ неизвинительнымъ самоуниженіемъ и заслуживаетъ сожалѣнія.

По поводу «Взбаломученнаго моря» мы не будемъ говорить дальше, и теперь все сказанное выше мы постараемся подтвердить разборомъ «Людей сороковыхъ годовъ.»

«Люди 40-хъ годовъ» романъ соціально-политическій; по заглавію же онъ обѣщаетъ обнять цѣлую эпоху изъ жизни Россіи, цѣлый умственный моментъ.

Лѣтъ тридцать назадъ въ нашемъ образованномъ обществѣ намиѣтилось весьма рѣзко небывалое до того времени въ Россіи умственное движеніе. Люди, стоявшіе во главѣ его, извѣстны подъ именемъ людей 40-хъ годовъ. Очевидно, что это лучшая интеллектуальная сила тогдашней Россіи имѣетъ историческое значеніе и играетъ весьма важную роль въ исторіи нашей цивилизаціи. Къ сожалѣнію о людяхъ 40-хъ годовъ, кромѣ болѣе или менѣе отрывочныхъ, преимущественно біографическихъ свѣденій, не сообщалось до сихъ поръ ничего. Поэтому обѣщаніе г. Писемскаго познакомить насъ съ малоизвѣстной замѣчательной эпохой, показать ее въ живыхъ образахъ, въ полной картинѣ жизни, дать намъ романъ-лѣтопись, романъ-исторію цивилизаціи — рисовало заранѣе умственное наслажденіе, о которомъ мы были въ правѣ мечтать,

зная прославленный эстетиками талантъ г. Писемскаго, и зная, какою сильною памятью событій и фактовъ онъ владѣеть. Но съ первыхъ же страницъ романа вамъ говорятъ, чтобы вы не увлекались слишкомъ воображеніемъ и сократили бы свои требованія. Васъ переносятъ въ деревню и въ уѣздный городъ, въ маленькій кружокъ провинціальныхъ людей.

Г. Писемскій знаетъ очень хорошо, что люди формируются подъ вліяніемъ воспитанія и впечатлѣній молодости и потому не пропускаетъ съ похвальной, дѣловой обстоятельностью указывать всѣ вліянія, имѣвшія роковой характеръ въ судьбѣ его героя.

Отъ отца Павелъ Вихровъ наслѣдовалъ только безграничную вспыльчивость, да имѣніе. Матери Павлуша не помнитъ. Слѣдовательно все воспитательное вліяніе оказывается внѣ дома. Семья значить не даетъ ничего, хочетъ сказать г. Писемскій.

Когда пришло время везти Павла въ гимназію, старикъ Вихровъ заѣхалъ съ нимъ къ двоюродному брату своей жены—Имплеву.

Имплевъ человекъ художественной, эстетической природы, получившій хорошее воспитаніе, добрый, умный, но ужъ очень нѣжный и стыдливый, какъ дѣвушка, хотя и старикъ. «Вся жизнь Имплева имѣла какой-то поэтической и меланхолическій оттѣнокъ, говоритъ г. Писемскій, частое погруженіе въ самого себя, чтеніе, музыка, размышленія о разныхъ ученыхъ предметахъ и, наконецъ, благородныя и возвышенныя отношенія къ женщинѣ— всегда составляли лучшую усладу его жизни. Только на обезпеченной всѣмъ и ничего недѣлающей русской дворянской почвѣ могъ вырасти такой прекрасный и въ тоже время столь малодѣйствующій плодъ».

Первый актъ вліянія, формировавшаго душу будущаго героя, совершался слѣдующимъ образомъ. Имплевъ съ прямою цѣлью дать поучительный урокъ своему племяннику, обратился къ нему съ такою рѣчью: «Вотъ теперь тебя повезутъ въ гимназію; тебѣ надобно учиться хорошо; мальчикъ ты умный; въ ученьи счастье всей твоей жизни будетъ».—Я буду учиться хорошо, сказалъ Павелъ.— «Еще бы!.. Отецъ вотъ твой, напримѣръ, отличный человекъ: и умный и добрый; а если имѣетъ какіе недостатки, такъ чисто какъ человекъ необразованный: и скупенекъ немало и не совсѣмъ благородно строго къ людямъ...» Павелъ потупился: тяжелое и неприятное чувство зашевелилось у него въ душѣ противъ отца.—Никогда не буду скупъ и строго къ людямъ! подумалъ онъ.— «Ты самъ меня какъ-то спрашивалъ, продолжалъ Имплевъ,—отчего это, когда вотъ помѣщики и чиновники съѣдутся, сейчасъ же въ

карты садуть играть?... Прямо отъ неученя! Имъ не объ чемъ между собою говорить; и чѣмъ необразованнѣй общество, тѣмъ склоннѣй оно ко всѣмъ этимъ играмъ въ кости, въ карты; всѣ восточные народы, которые еще необразованнѣе насъ, очень любятъ все это, и у нихъ, напримѣръ, за величайшее блаженство считается ихъ кейфъ, т. е. когда человѣкъ ничего ужъ и не думаетъ даже». — А въ чемъ же, дядя, настоящее блаженство? спросилъ Павелъ. — «Настоящее блаженство состоитъ, отвѣчалъ Имплевъ, — въ отправленіи нашихъ высшихъ душевныхъ способностей: ума, воображенія, чувства. Мнѣ вотъ хотъ и немного, а все побольше разныхъ здѣшнихъ господъ Богъ далъ знанія, и меня каждая вещь, что ты видишь здѣсь въ кабинетѣ, занимаетъ...» «Читывалъ ли ты, мой милый другъ, романы? спросилъ дальше Егоръ Ивановичъ Павла». — Читалъ, дядя. — «Какіе же?» — «*Молодой Дикій, Пустыни Мармонтеля*. — «Ну все это не то! Я тебѣ Вальтеръ-Скотта дамъ. Прочитаешь—только пальчики оближешь!.. И Имплевъ въ самомъ дѣлѣ далъ Павлу переводъ *Ивановъ*...»

Второй актъ вліянія, формировавшаго душу Павла—въ губернскомъ городѣ, въ гимназіи котораго онъ учился. Гимназистъ Плавинъ, съ которымъ Павелъ жилъ вмѣстѣ, пригласилъ его идти въ театръ. Давали *Дитъровскую русалку*. Послѣ театра Павелъ былъ какъ бы въ туманѣ. «Весь этотъ театръ, со всей обстановкой и всѣ испытанныя тажъ удовольствія, показались ему какими-то необыкновенными, воздушными, не на землѣ существующими — какимъ-то пиромъ гномовъ, одуряющимъ, недающимъ свободно дышать, но тѣмъ не менѣ очаровательнымъ и обольстительнымъ!» Послѣ этого торжественнаго дня Плавину пришла мысль сыграть театръ дома. Павелъ даже испугался такой смѣлой мысли. Но театръ былъ сыгранъ и въ Павлѣ обнаружился сценическій талантъ. Съ этихъ поръ Павелъ совершенно покинулъ дѣтскія игры и «какъ бы въ подражаніе Имплеву повелъ эстетическій образъ жизни. Онъ очень много читалъ (дядя обыкновенно присылалъ ему изъ деревни романы, журналы и путешествія); часто ходилъ въ театръ, наоонецъ задумалъ учиться музыкѣ» и дѣйствительно началъ учиться.

Третій актъ. Въ гимназіи былъ учителемъ математики хохолъ Дрозденко, великій ненавистникъ Россіи. Павелъ оказался очень способнымъ къ математикѣ и Дрозденко очень полюбилъ его. Еще больше сблизило ихъ то, что они оба оказались охотниками. Этотъ-то Дрозденко и задумалъ заронить въ молодую душу ядъ

всякаго сомѣнiя. Онъ старался показать ему дѣйствительную жизнь въ томъ видѣ, какъ она есть;—онъ навелъ его на размышленiя о притѣсненiи, какое терпѣлъ крѣпостной человѣкъ отъ своего помѣщика, о взяткахъ чиновника, и зерно сомнѣнiя, заброшенное въ душу Павла, не замерло.

Пошли они разъ на охоту. «А что, скажи ты мнѣ, Панъ Прудіусъ, началъ Дрозденко, обращаясь къ Павлу:—зачѣмъ у насъ господинъ директоръ гимназiи нащей существуетъ? Можетъ быть затѣмъ, чтобы руководить учениками, сообщать намъ методы, какъ васъ надо учить,—видалъ ты это?» — Нѣтъ, не видалъ! отвѣчалъ Павелъ. — «Можетъ быть затѣмъ, продолжалъ Николай Силычъ,—чтобы спрашивать васъ на экзаменахъ, и такимъ манеромъ повѣрять ваши знанiя — видалъ это, можетъ?» — «И того не видалъ, отвѣчалъ Павелъ.—«Такъ зачѣмъ же онъ существуетъ?» спросилъ Николай Силычъ. — Для высшаго надзора за порядкомъ, полагаю! сказалъ Павелъ. — «Существуетъ онъ, продолжалъ Николай Силычъ,—я полагаю затѣмъ, чтобы красить полы и паркеты въ гимназiи...» Всѣ эти толкованiя, говоритъ г. Писемскій, сильно западали въ молодую душу героя и одно только врожденное чувство приличiя останавливало его, что онъ не дѣлалъ съ начальствомъ сценъ и ограничивался въ отношенiи его глухою и затаенною ненавистiю...»

Четвертый актъ. У Имплева была дочь отъ его экономен, воспитавшаяся въ Москвѣ у какой-то княгини. Приѣхала эта дочь къ своему отцу, Павелъ былъ уже въ 7 классѣ. «Куда вы поступите изъ гимназiи? спрашиваетъ Маря Павла.—Не надолго въ Демидовское, а тамъ и въ военную службу и въ свиту, отвѣтилъ Павелъ.—«Почему же въ Демидовское, а не въ университетъ?.. Демидовцевъ я совсѣмъ не знаю, но между университетскими студентами очень много есть прекрасныхъ и умныхъ молодыхъ людей, проговорила дѣвушка какимъ-то солиднымъ тономъ».—Конечно, подтвердилъ Павелъ,—всего вѣроятнѣе и я поступлю въ университетъ, прибавилъ онъ и тутъ же принялъ твердое намѣренiе поступить не въ Демидовское, а въ университетъ.

Пятый актъ. Задумавъ поступить въ университетъ, Павелъ сталъ побавляться за латинскій языкъ, и, чтобы поправиться, рѣшился перейти жить къ учителю латинскаго языка Крестовникову и брать у него уроки. Наступилъ великiй постъ. Разъ вечеромъ, Крестовниковъ спросилъ у Павла, будетъ ли онъ говѣть?—Я такъ, для формы только—буду, отвѣчалъ тотъ.—«Зачѣмъ же для формы только?

«просилъ Крестовниковъ нѣсколько даже сконфуженнымъ голо-
омъ». — Нѣкогда, рѣшительно! заниматься надо, отвѣчалъ Павелъ. —
«Нѣтъ, вы лучше хорошенько поговѣйте: вамъ лучше Богъ помо-
жетъ въ ученьи, вмѣшалась въ разговоръ жена Крестовникова. —
Павелъ не согласенъ былъ съ нею мысленно, но ничего не возра-
зилъ. Однако, когда въ страстной понедѣльникъ Павла разбудили
къ заутрени, ему стало стыдно и онъ отправился въ церковь. Цер-
ковное богослуженіе вмѣстѣ съ постомъ, который строжайшимъ
образомъ наблюдался за столомъ Крестовниковыхъ, распалило почти
до фанатизма воображеніе Павла, такъ что къ исповѣди онъ сталъ
готовиться, какъ къ страшнѣйшему и грознѣйшему акту жизни.
«Никогда еще, говорить г. Писемскій, юноша не бывалъ въ столь
возвышенномъ умственномъ и нравственномъ настроеніи, какъ въ
настоящее время. Воображеніе его было пренеполнено чистыми,
грандіозными образами религіи и исторіи, умъ занятъ былъ сообра-
женіемъ разныхъ математическихъ и физическихъ истинъ, а въ
сердцѣ горѣла идеальная любовь къ Мари...»

Шестой актъ. Вліяніе университета. Первые лекціи профессоръ
произвели на Вихрова благоговѣнное впечатлѣніе. Профессоръ сло-
весности задалъ студентамъ тѣмы для сочиненій, и Вихрова сочи-
неніе оказалось лучше всѣхъ. Изъ товарищей по университету
читателю показываютъ Невѣдомова, способнаго, но нѣсколько тро-
нувшагося господина, который ходитъ въ одеждѣ послушника и по
поводу ея высказываетъ Павлу слѣдующую теорію. «Для человѣ-
ческаго тѣла, говорилъ онъ, существуютъ двѣ формы одежды:—
одна—испанскій колетъ, обтягивающій все тѣло, а другая—мѣ-
шокъ, ряса, которая драпирована на немъ. Я избралъ послѣднюю».
Комната этого чудака имѣла тоже своеобразное убранство. Въ ней
стоялъ диванъ, очень какъ бы похожій на гробъ и обитый совер-
шенно такимъ же малиновымъ сукномъ, какимъ обыкновенно оби-
ваютъ гробы; потомъ довольно большой столъ, покрытый уже чер-
нымъ сукномъ, на которомъ лежали: черепъ человѣческій, нѣсколь-
ко ручныхъ и ножныхъ костей, огромное евангеліе и еще нѣ-
сколько какихъ-то большихъ книгъ въ дорогомъ переплетѣ, а
взадѣ стола, у стѣны, стояло костяное распятіе. Невѣдомовъ благо-
говѣлъ передъ Шекспиромъ, не признавалъ значенія В. Гюго, а
Марлинскаго и Бенедиктова, предъ которыми преклонялся Павелъ,
называлъ миниатюрами В. Гюго. — Другой студентъ — Саловъ. Это
былъ пустой, легкомысленный, сбившійся съ пути, замазурившійся
господиномъ, восторгавшійся позитивизмомъ Конта, съ которымъ Не-

вѣдомовъ, конечно, былъ несогласенъ. Павелъ, слушая ихъ споръ о Коштѣ, хлопалъ также глазами, какъ хлопалъ онъ раньше, слушая Невѣдомскаго о Шекспирѣ.—Кандидатъ Марьеновскій—юристъ, тоже непостижимый для Павла. Когда Павелъ увидѣлъ его въ первый разъ, Марьеновскій рассказывалъ съ восторгомъ объ осужденіи Лафаржъ. «А къ чему бы присудили ее по нашимъ законамъ? спросилъ Невѣдомовъ».—Марьеновскій пожалъ плечами. «Самое большое, что оставили бы въ подозрѣніи, отвѣчалъ онъ съ улыбкой».—Значитъ, уголовные законы наши слабы и непредусмотрительны, вмѣшался въ разговоръ Вихровъ.—«Напротивъ! отвѣчалъ ему совершенно серьезно Марьеновскій:—наши уголовные законы весьма недурны, но что такое законъ?... Это есть формула, подъ которую не могутъ же подойти всѣ случаи жизни: жизнь слишкомъ разнообразна и извилиста; кромѣ того, одинъ и тотъ же фактъ можетъ имѣть тысячу оттѣнковъ и тысячу разныхъ причинъ; поэтому-то и нужно, чтобы всякій случай обсудила общественная совѣсть или выборные изъ общества, т. е. присяжные».—Отчего же у насъ не введутъ присяжныхъ?... Кому они могутъ помѣшать? произнесъ Павелъ.—«Очень многому! отвѣчалъ Марьеновскій,—покуда существуютъ другія злоупотребительныя учрежденія, до тѣхъ поръ о судѣ присяжныхъ и думать нечего: развѣ можетъ существовать гласный судъ, когда произволъ административныхъ лицъ доходитъ Богъ знаетъ до чего,—когда существуетъ крѣпостное право?.. все это на судѣ, разумѣется, будетъ обличаться, обвиняться...—Наконецъ студенты Пѣтинъ и Заминъ, два шута-потѣшника, въ родѣ Добчинскаго и Бобчинскаго и такіе же неразлучные. Пѣтинъ и Заминъ изображали, напримѣръ, какъ свинью рѣжутъ, а собака за нее богу молятся, изображали лицами громъ и молнію, или шубу, висящую на вѣшалкѣ, или какъ сѣкутъ мужика, а тотъ корчится подъ розгами.

Объ общемъ вліяніи университета на Вихрова, г. Писемскій говорить слѣдующее: «Естественныя науки открыли передъ нимъ цѣлый міръ новыхъ свѣденій: онъ *уразумѣлъ и травъ прозябанье* и съ нимъ *заговорила морская волна*. Онъ узналъ жизнь земнаго шара,—какимъ образомъ онъ образовался, какъ на немъ пронзошли рѣки, озера, моря; узналъ, чѣмъ люди дышатъ, почему они на сѣверѣ питаются рыбой, а на югѣ—рисомъ. Словомъ, вся эта природа, интересовавшая его прежде только какимъ нибудь очень ужъ красивымъ мѣстоположеніемъ, очень хорошей или чрезвычайно дурной погодой, какимъ нибудь никогда невиданнымъ животнымъ,

гала теперь ему понятна въ своихъ причинахъ, явилась машиной, въ которой все было тѣснѣйшимъ образомъ связано одно съ другимъ. Изъ изящныхъ собственно предметовъ онъ въ это время изучилъ Шекспира, о которомъ съ нимъ безпрестанно толковалъ Левъдомовъ, и еще Шиллера, за котораго онъ принялся, чтобы научиться нѣмецкому языку, столь необходимому для естественныхъ наукъ и который сразу увлекъ его, какъ поэтъ челоѳчности, цивилизаціи и всѣхъ юношескихъ порывовъ...»

Университетомъ заканчивается первый періодъ жизни Вихрова. Онъ сложился умственно и нравственно, силы его опредѣлились, онъ челоѳкъ готовый для борьбы. Посмотримъ однако поближе на этотъ періодъ.

Я, можетъ быть, дѣлалъ ужъ слишкомъ большія выписки, но избѣгнуть ихъ было невозможно. «Заря» читается мало; романъ г. Писемскаго далеко не пользуется такимъ вниманіемъ, какъ «Обрывъ». Слѣдовательно, чтобы быть доказательнымъ, нужно было представить факты, служащіе основаніемъ для вывода, въ возможной полнотѣ и очевидности.

Ходульность построенія конечно совершенно ясна читателю изъ выписокъ и мнѣ приходится еще разъ повторить справедливое замѣчаніе «Времени», что герои г. Писемскаго обыкновенно *пріѣзжаютъ*, чтобы съ ними случилось несчастіе или счастье, смотря потому, что замыслилъ сказать авторъ.

Павель, мальчикъ лѣтъ десяти, заѳхавъ съ отцомъ по дорогѣ къ Имплеву, понялъ *вдругъ*, что настоящее блаженство челоѳка въ отпавленіи высшихъ духовныхъ способностей и рѣшился учиться хорошо. Неужели потребность знать влагается въ челоѳка такимъ механическимъ пріемомъ? Отчего же въ школахъ такъ много лѣнливыхъ, а ужъ тамъ ли не говорятъ, что учиться слѣдуетъ, и за лѣность даже сѣкутъ. Въ гимназіи, увидѣвъ *Днѣпровскую русалку*, Павель покинулъ, тоже *вдругъ*, дѣтскія игры и повелъ эстетическій образъ жизни. Когда Дрозденко сказалъ ему нѣсколько фразъ о крестьянской слезѣ, о томъ, что директоръ гимназіи только красить полы, въ Вихровѣ явилась *немедленно гмухая и затаенная ненависть* къ начальству. Въ университетъ онъ поступилъ подѣ влияніемъ такого же механическаго, внѣшняго толчка. Не *пріѣзжай* Мари и не скажи Павлу, что между студентами есть много прекрасныхъ и умныхъ молодыхъ людей, онъ поступилъ бы въ Демидовское и въ военную службу.

Неужели отъ такихъ ничтожныхъ внѣшнихъ причинъ завистло

появленіе людей 40-хъ годовъ? Гдѣ же во всемъ этомъ внутренніе, нравственные процессы? Провзвелъ г. Писемскій на свѣтъ своего героя въ сорочкѣ, далъ ему эстетическаго, образованнаго дядю, приставилъ къ нему учителя либерала, прислалъ изъ Москвы разсудительную сестрицу и тѣ на рукахъ перенесли его черезъ всю тину за холустной семьи и провинціи и поставили борцомъ на распутье жизни.

Даже и для нынѣшнихъ людей не прошла еще пора пользоваться въ первой молодости безошибочными уроками. Гдѣ эти люди, изъ болѣе счастливо одаренныхъ, которымъ бы не приходилось себя передѣлывать, не приходилось бы разрывать съ прошлымъ, не приходилось бы начинать трудный процессъ самовоспитанія уже далеко послѣ дѣтскаго и юношескаго возраста!

Мы знаемъ, что есть натуршкн дрянныя, люди безразличныхъ способностей, люди, которые идутъ туда, куда ихъ толкаютъ. Но развѣ этой задачей задался г. Писемскій? Онъ общалъ намъ людей сороковыхъ годовъ; общалъ бойцевъ за правду; общалъ людей, изжившихъ трудный процессъ нравственнаго перевоспитанія, интеллектуальныхъ и сильныхъ передовиковъ того времени—и вмѣсто нравственнаго титана г. Писемскій лѣпнитъ какого-то велико-свѣтскаго либерала и далеко не одну изъ единицъ той прогрессивной силы, которую въ лицѣ людей сороковыхъ годовъ выставила просыпающаяся Россія.

Еще легкомысленнѣе относится г. Писемскій къ университету. Мы знаемъ, что въ сороковыхъ годахъ былъ профессоромъ московскаго университета Грановскій, что Грановскій имѣлъ громадное вліяніе на своихъ слушателей, что около него образовался кружокъ хорошихъ людей. Что же рассказываетъ намъ г. Писемскій о московскомъ университетѣ того времени? Онъ представляетъ четырехъ представителей—господина, ходящаго въ монашеской рясѣ и потомъ поселившагося въ Троицкой лаврѣ, молодого шулера, кандидата въ смирительный домъ и двухъ шутовъ. Неужели, г. Писемскій, это все, что вамъ извѣстно о московскомъ университетѣ и о его вліяніи на людей 40-хъ годовъ? И кому вѣрить! — Московскій университетъ гордится своимъ былымъ прогрессивнымъ значеніемъ и до сихъ поръ тщеславится временемъ Грановскаго, Кудрявцева и извѣстнаго московскаго кружка; а г. Писемскій рисуетъ нумера иѣмки Гартунгъ и ни однимъ словомъ не знакомитъ насъ съ тѣмъ умственнымъ образовательнымъ процессомъ, который создалъ людей, давшихъ имя своему времени.

Изъ словъ г. Писемскаго нужно заключить, что не будь на свѣтѣ Имплева и не *завязай* къ нему Павель десятилѣтнимъ мальчикомъ, люди сороковыхъ годовъ были бы невозможны. Какъ это все просто! Но, съ другой стороны, какъ обидно, что судьба Россіи занисить отъ такихъ ничтожныхъ виѣшнихъ случайностей.

О, г. Писемскій, какую ношу не по плечамъ вы задумали поднять! Вамъ не дается психическій анализъ даже одного человѣка; вы не въ состояніи уяснить читателю, какимъ нравственнымъ процессомъ сложился человѣкъ изъ ребенка, а беретесь нарисовать картину умственного роста цѣлой страны! Предположите, что я свою настоящую статью озаглавилъ бы—«Русскіе романисты XIX вѣка» и говорилъ бы въ ней только о васъ однихъ, да и то лишь по поводу «Взбаломученнаго моря». А назвать романъ «Людьми 40-хъ годовъ», когда его слѣдовало бы назвать попросту «Павель Вихровъ»—еще неосторожиѣе.

Историческая связь народовъ заключается въ ихъ умственной солидарности. Въ ней только причина роста менѣ развитыхъ народовъ. Какимъ нибудь Импелевымъ нельзя объяснить того, корень чего лежитъ гораздо глубже. По теоріи г. Писемскаго, Вихровъ сталъ учиться только потому, что Импелевъ сказалъ ему — милый мальчикъ пожалуйста учись; Россія встала на путь европейской мысли потому, что у царя Алексѣя Михайловича родился сынъ Петръ; въ той губерніи, куда послали Вихрова, всѣ дѣла велись скверно, потому что былъ губернаторомъ Моховъ, а будь губернаторомъ Благодравовъ — на улицахъ росли бы абрикосы и не было бы жалкихъ и голодныхъ людей! Вотъ точка отправленія г. Писемскаго, по крайней мѣрѣ, какъ она понимается изъ *объективныхъ* механическихъ построекъ, имъ сооружаемыхъ. Гдѣ же исторія, если все дѣлается такъ просто однимъ мановеніемъ виѣшняго случая, однимъ словомъ одного человѣка? Гдѣ же наше отношеніе къ западу и къ западно-европейской мысли? Московскій кружокъ, московскій университетъ былыхъ временъ—не простая случайность. Это моментъ русской умственной культуры, явившійся не потому, что Импелевъ попросилъ Павлушу учиться и далъ ему въ руки В. Скотта. Намъ именно и было бы желательно постигнуть этотъ моментъ въ глубинѣ его сущности; хотѣлось бы понять, какъ работала тогда русскій интеллектъ, какой внутренней борьбой зрѣла и выработывалась русская мысль, какъ формировались люди, которыхъ назвали потомъ людьми сороковыхъ годовъ, ибо они составляютъ силу своеобразную и не были похожи ни на предшествующее, ни на послѣдующее по

«Дѣло», № 9. 2

колѣнне. Ни однимъ словомъ не отвѣтилъ г. Писемскій на этотъ вопросъ. Напротивъ, онъ прямо говоритъ, что тогда въ московскомъ университетѣ, кромѣ представителей религіознаго чувства, шутовства и мошенничества не было ничего. Споръ Невѣдомскаго съ Саловымъ о Контѣ,—пустая иллюстрація, приведенная какъ будто бы для того, чтобы показать, что порядочные люди Конту не сочувствовали, а наевдывались на него личности въ родѣ Салова. Эта иллюстрація—анахронизмъ. По умственному ходу русскаго развитія Контъ принадлежность нашего времени, тогда же русская мысль черпала свою силу изъ философіи Гегеля; а Контъ былъ почти, неизвѣстенъ даже Европѣ. Эта иллюстрація не помогаетъ, а напротивъ мѣшаетъ характеристикѣ умственной московской жизни сороковыхъ годовъ.

Конечно, отъ читателя никто не отнимаетъ права догадываться и пополнять автора собственнымъ воображеніемъ и собственными знаніями. Но въ такомъ случаѣ для чего же талантъ, если читатель долженъ работать за романиста. Задача таланта именно въ томъ, чтобы заставить читателя переживать вмѣстѣ съ изображенными лицами ихъ психическіе процессы, заставить читателя жить ихъ жизнію. Но развѣ съ героями 40-хъ годовъ г. Писемскаго, вы переживаете что нибудь? Вы стоите внѣ ихъ міра и смотрите на нихъ, какъ смотрите изъ окна своей квартиры на улицу, гдѣ видите много народу чѣмъ-то занятого и о чемъ-то говорящаго. Вся эта жизнь внѣ васъ и вамъ отъ нея ни тепло, ни холодно. Глубина психическаго анализа г. Писемскаго виднѣе всего изъ описанія душевнаго состоянія Вихрова во время пасхи послѣ говѣнья. Павелъ, говоритъ г. Писемскій, находился въ какомъ-то необычайно-возвышенномъ настроеніи: «воображеніе его было переполнено чистыми грандіозными образами религіи, а умъ занятъ *соображеніями разныхъ математическихъ и физическихъ истинъ...*» Или образное изложеніе умственныхъ сокровищъ, приобретенныхъ Вихровымъ въ университетѣ:—Вихровъ познакомился съ естественными науками—узналъ какимъ образомъ произошли рѣки, озера, моря, узналъ чѣмъ люди дышать, почему они на сѣверѣ питаются рыбой, а на югѣ—рисомъ. И послѣ этого изумительнаго запаса естествознанія Вихрову, по словамъ г. Писемскаго, стала понятна природа въ своихъ причинахъ!! Теперь мы вполне понимаемъ, почему г. Писемскій маскируется объективностію. Чуть онъ вздумаетъ показать свое лицо изъ-за занавѣски объективности — у читателя

является немедленно смѣшная улыбка и авторъ, весьма благо-
зумно, спѣшить скорѣе спрятаться снова за занавѣску.

Итакъ, вмѣсто умственной жизни московскаго университета 40-хъ
годовъ насъ познакомили съ нумерами г-жи Гартунгъ, съ путами
и неприютными дѣвушками. Теперь посмотримъ, въ чемъ заклю-
чалась дѣйствительная жизнь героевъ г. Писемскаго.

III.

Извѣстно, что живые герои 40-хъ годовъ были большею частію
люди со средствами и утонченнаго воспитанія.

Обыкновенно имъ ставятъ въ упрекъ то, что они были барича-
ми и занимались только красивыми разговорами.

Мы съ этими людьми знакомы по героямъ г. Тургенева. Это
вѣчные мученики самыхъ благородныхъ и гуманныхъ стремлений;
но въ то же время лежебоки, праздные говоруны, мечтатели, иде-
алисты.

Еще недавно, по поводу героевъ г. Тургенева русская прогрес-
сивная критика высказывалась очень рѣзко противъ соціальной без-
полезности праздныхъ разговоровъ и ставила ихъ какъ бы корен-
ной причиною нашего печальнаго общественнаго устройства.

Такое направленіе критики совершенно соотвѣтствовало обще-
ственному моменту, въ которомъ мы тогда находились. Послѣ
экономическаго поворота, вызваннаго уничтоженіемъ крѣпостнаго
права, русской жизни данъ активный толчекъ и слѣдовательно
нужны были люди дѣла; нужно было покончить съ героями турге-
невской эпохи и создавать новые идеалы.

Но похоронивъ бывшихъ героевъ, мы можемъ теперь относиться къ
покойникамъ съ большею историческою безпристрастностію и безъ
той запальчивости, какая была неизбежна въ самый разгаръ борь-
бы поколѣній. Молодое поколѣніе взяло верхъ. Гдѣ писатели
бывлой эпохи? Одни умерли дѣйствительно, другихъ схоронили
за-живо. Эстетическая критика тоже потеряла своихъ вождей и
умолкла. Послѣдніе могилки 40-хъ годовъ, сѣдья головы которыхъ
еще можно усмотрѣть кое-гдѣ, благообразно сошли со сцены и
уступили дорогу молодымъ. Съ новыми требованіями жизни и но-
вое направленіе сдѣлалось неизбѣжнымъ въ литературѣ. И такой
блистательный успѣхъ въ какія нибудь десять лѣтъ! Кто теперь

читаетъ «Русскій Вѣстникъ», а какую роль онъ игралъ въ 1857 году! Единственный эстетическій критикъ изображается теперь достопочтеннымъ г. Николаемъ Соловьевымъ, прозваннымъ Писаревымъ Пульхеріей Ивановной. Все старое едва брызнуть и читается только старыми, отжившими.

Въ моментъ такого торжества ужъ конечно не приходится повосить павшихъ бойцовъ — это будетъ ослинымъ ляганемъ. Боецъ былъ героемъ и теперь мы можемъ и должны воздать ему должное.

Безъ людей 40-хъ годовъ не было бы людей 60-хъ годовъ. Одни вышли изъ другихъ. Тутъ преемственность мысли, преемственность прогресса. Люди 40-хъ годовъ и могли являться лишь изъ баричей, т. е. изъ тѣхъ, кто имѣлъ средства и возможность научиться иностраннымъ языкамъ, могъ бывать за границей и дѣлать умственнопживую параллель. Не изъ деревни же было выходить такимъ людямъ!

Наши люди 40-хъ годовъ, конечно, не продуктъ русской почвы, а продуктъ европейской мысли, европейской науки, европейской философіи. Изумительная интеллектуальная работа Германіи первой половины XIX столѣтія не могла миновать лучшихъ людей, гдѣ бы они ни жили, гдѣ бы они ни родились. Даже Китай подчинился этому закону исторической солидарности, какъ же было стать въ его лучшимъ русскимъ людямъ? Вотъ откуда явилось наше переловое поколѣніе 40-хъ годовъ.

Жизнь этихъ людей была трудная, мучительная. Воспитавшись въ лучшихъ стремленіяхъ, они, конечно, могли тяготѣть лишь къ идеалу, котораго вокругъ себя не видѣли; они должны были болѣть желаніемъ передѣлать все — освободить мужика отъ зависимости, спасти Россію отъ судебного неправосудія, крѣпостотворства, ябеды, административно-полицейскаго произвола и убивающей всякую общественную самостоятельность опеки. Но что же могла сдѣлать кучка хорошихъ людей, какъ бы ни были высоки и гуманны ихъ стремленія? И вотъ начались критическія отношенія къ дѣйствительности, начались красивые разговоры и платоническое стремленіе къ идеалу. Только потому, что люди не могли сдвинуть съ мѣста спящаго Илью Муромца, они сдѣлались идеалистами и вся ихъ дѣятельность отъ невозможности активнаго ея проявленія должна была уйти въ область мечтаній. Мечтать въ тѣ времена значило дѣйствовать и жить практически, потому что другая лучшая жизнь и лучшая практика была невозможна. Люди 40-хъ годовъ социальное явленіе, это историческій продуктъ. Въ Джіор-

дано Бруно, который не дѣлалъ тоже ничего, а лишь писалъ, не поднимется никакая рука бросить камнемъ. Пришли нынѣ времена—явились и болѣе счастливые дѣятели. Вотъ почему для насъ люди 40-хъ годовъ, отошедшіе уже въ исторію, должны являться честными дѣятелями, положившими всѣ свои силы на высокое, благородное дѣло, какое для нихъ только было возможно.

Такъ ли рисуешь ихъ г. Писемскій? Что сдѣлалъ онъ изъ этой эпохи, если и невыставившей активныхъ дѣятелей, потому что это было и невозможно, то оставившей глубокой слѣдъ въ русской мысли и имѣвшей широкое, плодотворное вліяніе на нашъ умственный ростъ? г. Писемскій не сдѣлалъ ровно ничего. Онъ даже и близко не сумѣлъ подойти къ пониманію времени, которое взялся рисовать. Для насъ это былъ моментъ теоретической жизни, стремленій къ идеалу; для г. Писемскаго это просто губернский городокъ, въ которомъ дѣйствуютъ шесть его героев—губернаторъ, прокуроръ, инженерный офицеръ, Вихровъ, Юлія и Мари. Интересы русскаго умственного развитія и попытки пробить новый путь общественной мысли, дать людямъ новый идеалъ, г. Писемскій свелъ къ простому внѣшнему описанію времяпровожденія шести губернскихъ обитателей.

Намъ уже случилось говорить о нецеремонномъ обращеніи съ русскими читателями г. Гончарова; но отношеніе г. Писемскаго далеко хуже, это даже и не цинизмъ, а просто деревенская неотесанность и жалкое самомнѣніе ничтожной микроскопичности, вообразившей себя титанической силой. Только при болѣзненномъ самомнѣніи можно приходиться къ такимъ несчастнымъ замысламъ, какъ романъ «Люди 40-хъ годовъ,» который мы считаемъ рѣшительно патологическимъ продуктомъ авторскаго самолюбія.

Все, что говорить г. Писемскій мы знаемъ уже далеко лучше и далеко полнѣе.

О людяхъ мысли и мученикахъ прогрессивныхъ стремленій мы знаемъ тоже гораздо полнѣе и глубже изъ романовъ г. Тургенева. Герой же г. Писемскаго какая-то тѣнь. Прочитавъ романъ, вы не въ состояніи даже представить себѣ фигуру Вихрова, такъ онъ безличенъ и безцвѣтенъ.

Г. Писемскій, конечно, заставляетъ своего героя дѣлать хорошія вещи; но вы видите лишь внѣшнее поведеніе, одинъ механический процессъ и въ этомъ главнѣйшее противорѣчіе романа съ правдой. Эпоха 40-хъ годовъ есть эпоха теоретической выработки мысли, которой было невозможно проявиться внѣшнимъ образомъ. Драматизмъ

положеніи именно въ этой необходимости уйти сознательно въ себя и жить затаенной жизнью. А этой-то драмы у г. Писемскаго и нѣтъ.

Его Вихровъ — литераторъ и г. Писемскій повялъ, что это положеніе самое пристойное для передовика. Написавъ что-то о положеніи крестьянъ и высказавъ какія-то мысли Ж. Занда, Вихровъ за такое вольнодумство былъ отправленъ на службу въ провинцію. Вихровъ конечно принялся служить съ жаромъ, съ твердымъ намѣреніемъ насадить повсюду правду и искоренить зло. Службой Вихрова г. Писемскій пользуется, чтобы, подобно Гоголю, дать рядъ картинъ изъ русскаго быта. Онъ рассказываетъ разные уголовные случаи, о раскольникахъ, бѣгунахъ, разбойникахъ, убійцахъ. Но какая все это мизерность сравнительно съ Гоголемъ! Тому поѣздки Чичикова даютъ случай создать типы и рисовать живую Россію того времени; иллюстраціи же г. Писемскаго имѣютъ чисто внѣшній анекдотическій характеръ и какъ будто бы придуманы для того, чтобы сдѣлать романъ длиннѣе на нѣсколько листовъ. Иллюстраціи эти не даютъ ни быта народа, ни эпохи сороковыхъ годовъ, и все, что говорится въ нихъ, извѣстно далеко полнѣе и глубже изъ Максимова и разныхъ другихъ описаній народнаго быта.

Сдѣлавъ Вихрова чиновникомъ, г. Писемскій превратился въ бытописателя чиновной Россіи и въ изобразителя былыхъ провинціальныхъ служебныхъ отношеній. Автору точно хотѣлось изложить то, что онъ знаетъ и помнить изъ своей службы. Романъ вышелъ служебно-канцелярскимъ; если хотите — дѣловымъ, но онъ не далъ того, что обѣщало заглавіе. Лица очерчены хорошо — и самодуръ-губернаторъ и прокуроръ-правовѣдъ, и взяточникъ-инженеръ, и разные страпчіе, становые, исправники. Но какое намъ дѣло до этого мертваго міра? Въ чемъ его поучительность? Былъ онъ — и ужъ больше не повторится. Жизнь создала уже иныхъ людей и иныхъ чиновниковъ и иные судебные порядки. Зачѣмъ же понадобились г. Писемскому чиновники 40-хъ годовъ и почему онъ выдаетъ ихъ за людей 40-хъ годовъ? Отвѣтъ на это мы находимъ у Дружинина, который говоритъ, что Писемскій много жилъ въ провинціи; что онъ по времени появленія на аренѣ русскаго словесности принадлежитъ къ группѣ младшаго литературнаго поколѣнія; что по развитію онъ стоитъ внѣ теорій, на которыхъ выросли и развились его старшіе товарищи. Теперь для насъ ясно, что г. Писемскій не видѣлъ и не знаетъ Россію интеллектуальную 40-хъ годовъ; онъ знаетъ

только Россію простонародную и чиновную, въ сферѣ которой онъ жиялъ и людей которой онъ только и умѣлъ рисовать. Интеллектуальная область—не его область и люди этого міра—не его міра.

Мы могутъ сдѣлать упрекъ, что я отношусь слишкомъ рѣзко къ роману, который не конченъ. Я отношусь не къ роману, а къ романисту: въ четырехъ частяхъ нѣтъ ничего обѣщаннаго заглавіемъ; жизнь московской молодежи и студенческихъ кружковъ прошли у г. Писемскаго туманнымъ пятномъ; людей 40-хъ годовъ до сихъ поръ нѣтъ ни одного и въ 5-й части имъ явиться уже некогда; все построеніе романа ошибочно, всѣ вводныя сцены наклеены сваружи и не имѣютъ внутренней связи съ основнымъ вопросомъ. Г. Писемскій писатель безнадежный, какъ и г. Гончаровъ, но у г. Гончарова есть по крайней мѣрѣ способность заглядывать въ человѣческую душу. Г. Писемскій на своемъ мѣстѣ, когда онъ не выходитъ изъ предѣловъ описанія народныхъ, деревенскихъ характеровъ, а что виѣ этого міра, то уже не подъ силу г. Писемскому. Вотъ почему не нужно быть пророкомъ, чтобы, даже не читая, предугадать, что изъ «Людей 40-хъ годовъ» у г. Писемскаго ничего путнаго не выйдетъ, несмотря на то, что отдѣльные, особенно простонародныя, типы очерчены хорошо и вѣрно. Этого таланта мы не отрицаемъ въ г. Писемскомъ; мы не признаемъ только въ немъ способности понимать общій ходъ социальной жизни и умственныя потребности и стремленія передовыхъ людей.

IV.

Появленіе людей 40-хъ годовъ есть моментъ истиннаго умственного пробужденія Россіи и народившагося патриотизма въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Несмотря на свое иностранное и нѣмецко-философское воспитаніе, люди 40-хъ годовъ были наиболѣе русскіе люди, какихъ только видѣла до тѣхъ поръ Россія въ средѣ своихъ передовиковъ. Ничего не значить, что они не знали русскаго мужика, какъ знаетъ его г. Писемскій. Но и не зная мужика, они первые указали, что нужно узнать этого мужика и что въ основѣ социальныхъ стремленій и искусства должна лежать народность, безъ которой не можетъ быть ничего великаго, сильнаго и прочнаго. Бѣлинскій укорялъ Ломоносова за то, что, прельщенный блескомъ иноземнаго просвѣщенія, онъ закрылъ глаза для

родного. Принято говорить, что Петръ I далъ внѣшнюю форму Россіи, а Екатерина II вдохнула въ нее душу. Мы думаемъ будетъ справедливѣе сказать, что истинную русскую душу вдохнули въ Россію люди 40-хъ годовъ. Отъ этихъ людей собственно ведетъ свое умственное начало теперешняя передовая Россія.

Національное чувство—не то чувство, которое помѣшало раскольниковъ обречь при Петрѣ I свои бороды—было возведено въ сознание впервые людьми 40-хъ годовъ. Только эти люди подумали и поняли, что любовь къ отечеству и національная слава неразлучны съ лучшими стремленіями своего времени, съ тѣмъ просторомъ, который необходимъ русскому уму, съ той свободой, которая позволила русскому человѣку развернуться и показать себя. Откуда эти богатыри—Суворовы, Потемкины, Орловы; откуда эти представители русскаго ума на всѣхъ поприщахъ—Панины, Безбородко, Бецкіе, Державины, Фонвизины, Хемницеры—этотъ рядъ замѣчательныхъ личностей, внезапно, какъ грибы, выросшихъ изъ земли и создавшихъ *вѣкъ Екатерины*? А великій Новиковъ, эта свѣтлѣйшая гениальная личность, этотъ первый русскій гуманистъ, первый русскій общественный дѣятель! Всѣхъ ихъ создала свобода, которую до тѣхъ поръ русскому человѣку никогда не показывали. Мы не обольщаемся насчетъ истиннаго значенія екатерининскаго вѣка, но мы говоримъ о томъ, что люди сороковыхъ годовъ заделались первые вопросомъ—отчего только при Екатеринѣ II явился цѣлый, большой рядъ русскихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ,—и разрѣшили этотъ вопросъ. Сила страны въ свободѣ развитія; нѣтъ простора—нѣтъ жизни, слово мретъ, мысль стынетъ, способности народа подавлены и нѣтъ великихъ результатовъ. Теперь этотъ отвѣтъ кажется простъ; но его надо было найти.

Люди сороковыхъ годовъ поставили цѣлую массу социальныхъ вопросовъ и дали на нихъ цѣлую массу отвѣтовъ, и мы не преувеличиваемъ значенія этихъ людей, а только отводимъ имъ принадлежащее мѣсто. Только люди 40-хъ годовъ взглянули первые на внутреннюю русскую жизнь и на работавшую до того русскую мысль сознательнымъ взглядомъ; только они первые начали работать подъ влияніемъ просвѣщеннаго патріотизма.

Но почему же вся эта честь пала только на ихъ долю? Очень просто. Западная Европа впервые оглядѣлась передъ тѣмъ, отъ грома французской революціи 1789 г. и наполеоновскихъ войнъ, пробудившихъ во всей Европѣ, и особенно въ Германіи, такое сильное національное чувство. А Гете, Шиллеръ, Гегель, Байронъ и

др! Развѣ они были раньше? Развѣ бранная эпоха императора Александра I давала возможность сидѣть въ кабинетѣ, читать и думать, зрѣть мыслію, уходить въ сознаніе. Всѣ русскія силы шли равнѣ на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ и пора мысли могла наступить лишь тогда, когда страна успокоилась и отдохнула отъ волнений, которыя надѣлала расколыхавшаяся Франція. Такимъ образомъ люди 40-хъ годовъ являются продуктомъ исторіи и даже не исторіи Россіи, а исторіи Европы, ея цивилизациі, ея прогресса. Мыслящимъ русскимъ людямъ Европа дала аршинъ, которымъ они и принялись перемеривать свое старое, родное; начали сравнивать свое худое съ чужимъ хорошимъ.

Только люди 40-хъ годовъ сознали первые, что все наше предыдущее литературное движеніе было сколкомъ съ иностраннаго и только съ нихъ начинается настоящая русская литература и настоящая русская критика. Въ лицѣ людей 40-хъ годовъ русский умъ провѣрялъ свое прошлое, опредѣлялъ всему мѣру и мѣсто, давалъ направленіе новымъ стремленіямъ, толкалъ Россію къ великимъ результатамъ, выразившимся наконецъ въ свободѣ крестьянъ, въ гласномъ судѣ, въ земствѣ, этихъ великихъ зачаткахъ нашего будущаго развитія; а г. Писемскій воображаетъ, что людей 40-хъ годовъ изображали губернаторъ Моховъ, прокуроръ — лиценстъ Захаревскій, братъ его взяточникъ — инженеръ и какой-то безтѣлесный Павелъ Вихровъ. Тутъ титаны, сила, а г. Писемскій тычетъ вамъ въ лицо козявками. Мы смотримъ на романъ г. Писемскаго, какъ на пасквиль, неоскорбительный только по своему крайнему ничтожеству.

Люди 40-хъ годовъ, взявшіеся перетряхать все старое и провѣрять его, явились первыми русскими отрицателями; вотъ почему г. Тургеневъ несправедливъ къ своимъ, назвавъ нигилистами лишь людей 60-хъ годовъ. Петровскіе отрицатели отрицали только внѣшнюю форму и не шли въ глубь мысли; отъ этого они были не въ состояніи понять народности и съ жестокосердіемъ принялись рѣзать русскія бороды, безъ чего можно было бы и обойтись. Вѣкъ Екатерины II не отрицалъ ничего. Это былъ веселый, добродушный вѣкъ, насаждавшій поэзію, мягкость нравовъ, безпечную жизнь. Но люди 40-хъ годовъ пошли въ глубь, для предыдущихъ людей недостижимую. Новыхъ людей уже не подкупала внѣшняя обаятельность какого нибудь Карамзина и другихъ воображаемыхъ представителей русской мысли. Бѣлинскій назвалъ Карамзина прямо актеромъ. Вопросы стали круто на почву критики. Боговъ и бо-

жковъ принялись сбрасывать съ ихъ пьедесталовъ; людямъ стали доказывать, что они думаютъ не такъ, ошибаются, стали открывать имъ умственные очи. И вотъ гдѣ корень того, что люди 40-хъ годовъ явились отщепенцами; что на нихъ неразумные люди смотрѣли чуть ли не какъ на злодѣевъ, губителей Россіи; въ нихъ видѣли ненавистниковъ своего родного—слышите! ненавистники—они, которые любили свою страну до фанатизма, до самозабвенія.

Это былъ моментъ критическаго отрезвленія отъ прошлаго чада. Прочитайте «Литературныя мечтанія» Бѣлинскаго и вы увидите, какъ смѣло была брошена перчатка вновь нарождавшимся отрицателями; какъ въ томъ, что намъ кажется аристократизмомъ въ произведеніяхъ г. Тургенева, возрождался первый шагъ новаго демократизма и новой народности. Просвѣщеніе, просвѣщеніе, просвѣщеніе! вотъ что намъ нужно, стали провозглашать люди 40-хъ годовъ, какъ, въ свою очередь, начали говорить и люди 60-хъ годовъ. Мы гибнемъ безъ знанія, безъ образованія, безъ развитія. Русскій народъ — смышленный, понятливый народъ, но безъ просвѣщенія Россія застынетъ и уйдетъ назадъ. Чѣмъ великъ Западъ? — знаніемъ и просвѣщеніемъ, и намъ нужно встать на ту же дорогу, чтобы идти съ нимъ рядомъ, чтобы жить своимъ, а не чужимъ умомъ; намъ нужно свое русское, народное просвѣщеніе; намъ нужно спастись отъ западной опеки. Вотъ что провозгласили отрицатели сороковыхъ годовъ. Тѣ же слова, что и нынче, но смыслъ иной, ибо и литература и жизнь интеллектуальныхъ представителей была до періода 40-хъ годовъ сколкомъ и подражаніемъ жизни французовъ. Людямъ 40-хъ годовъ открыла умственные очи Германія—туманная, но умная и патріотическая, — и величавая Англія съ своимъ великимъ Шекспиромъ и могучимъ поборникомъ свободы Байрономъ. Люди 40-хъ годовъ были ближайшей силой, толкнувшей на путь просвѣщенія среднее дворянство, до того времени тупое и невѣжественное. Демократизмъ заключался тогда только въ этомъ переходѣ отъ высшаго аристократизма къ среднему. Это былъ второй шагъ послѣ придворной литературы Екатерины II, — второй шагъ, за которымъ послѣдовалъ третій, сдѣланный нашимъ временемъ.

Вслѣдствіе особенностей историческаго роста пора сороковыхъ годовъ была неизбежной порой общихъ разсужденій, уясненія общихъ основаній.

Общественная мысль зрѣетъ не такимъ простымъ процессомъ, какъ размышленіе о постройкѣ какой нибудь избы въ три окна. Да и

Русская изба выстроилась не разомъ. Разсужденія же людей 40-хъ годовъ имѣли болѣе глубокой смыслъ. То былъ одинъ изъ моментовъ роста русскаго коллективнаго ума; то былъ процессъ исканія истины въ критическомъ направленіи, а не простое говоренье. Пожалуй и Бѣлинскій былъ только говорунъ!

Создать типъ человѣка сороковыхъ годовъ, показать его во весь ростъ, какъ на портретѣ,—задача слишкомъ трудная. Да и гдѣ для того матеріалы? Люди 40-хъ годовъ, можетъ быть, и оставляли о себѣ записки; но пока этихъ записокъ нѣтъ, и объ этой эпохѣ мы можемъ судить лишь въ ея общихъ чертахъ изъ того очень немногаго, что даетъ литература и критика того времени.

Но даже и изъ этого немногаго и частію односторонняго мы узнаемъ далеко больше, чѣмъ рассказываетъ г. Писемскій. Послушайте, что говоритъ, напр., г. Тургеневъ устами Лежнева о московской университетской жизни того времени. «Шопавъ въ кружокъ я совсѣмъ переродился: смирился, разспрашивалъ, радовался, благоговѣлъ—однимъ словомъ, точно въ храмъ какой вступалъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ вспомню я наши сходки, ну ей-Богу же, много въ нихъ было хорошаго, даже трогательнаго. Вы представьте, сошлось человѣкъ пять, шесть мальчиковъ, одна сальная свѣча горитъ, чай подается прескверный и сухари къ нему старше, престарше; а посмотрѣли бы на всѣ наши лица, послушали бы рѣчи наши! Въ глазахъ у каждаго восторгъ и щеки пылаютъ и сердце бьется, и говоримъ мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человечества, о поэзіи,—говоримъ мы иногда вздоръ, восхищаемся пустяками; но что за бѣда!.. А ночь летитъ, летитъ тихо и плавно, какъ на крыльяхъ. Вотъ ужъ и утро сѣрѣетъ, и мы расходимся тронутые, веселые, честные, трезвые (вина у насъ и въ поминѣ тогда не было), съ какой-то пріятной усталостію въ душѣ.. Эхъ! славное было время тогда и не хочу я вѣрить, чтобы оно пропало даже для тѣхъ, которыхъ жизнь опошлала потомъ...» То-ли рассказываетъ г. Писемскій, рисуя своихъ пошляковъ!.. Да, это былъ порывъ силы молодой, свѣжей, самоувѣренной, хотѣвшей пересоздать жизнь.

А Бельтовъ, этотъ повидимому другой типъ, но совершенно той же сущности. Швейцарецъ-губернеръ, сдѣлавъ изъ него человѣка вообще, какъ Руссо изъ Эмиля. «Университетъ продолжалъ это общее развитіе; дружескій кружокъ изъ пяти—шести юношей, полныхъ мечтами, полныхъ надеждами настолько большими, насколько имъ еще была неизвѣстна жизнь за стѣнами аудиторіи—

болѣе и болѣе поддерживалъ Бельтова въ кругу идей несвойственныхъ, чуждыхъ средѣ, въ которой ему приходилось жить. Наконецъ двери школы закрылись и дружескій кругъ, вѣчный и домогильный, блѣднѣлъ, блѣднѣлъ и остался только въ воспомина- нияхъ... открылись другія двери, немного со скрипомъ. Бельтовъ прошелъ въ нихъ и очутился въ странѣ, совершенно ему неизвѣстной, до того чуждой, что онъ не могъ приладиться ни къ чему; онъ не сочувствовалъ ни съ одной дѣйствительной стороной около него кипѣвшей жизни; онъ не имѣлъ способности быть хорошимъ помѣщикомъ, отличнымъ офицеромъ, усерднымъ чиновникомъ — а за тѣмъ въ дѣйствительности оставалось только мѣсто праздношатающихся, игроковъ и кутящей братіи вообще; къ чести Бельтова должно сказать, что къ послѣднему сословію онъ имѣлъ побольше симпатіи, нежели къ первымъ, да и тутъ ему нельзя было распахнуться; онъ былъ слишкомъ развитъ, а развратъ этихъ господъ слишкомъ грязенъ, слишкомъ грубъ... «Конечно, Бельтовъ во многомъ виноватъ.» Я совершенно съ вами согласенъ, отвѣчаетъ авторъ на это идеальное замѣчаніе благоразумнаго читателя; а другіе думаютъ, что есть за людьми вины лучше всякой правоты...»

Что это какъ не великая драма борьбы человѣка съ заѣдавшей его средой (теперь это фраза, а въ сороковыхъ годахъ было не такъ); что это какъ не борьба развитою индивидуализма съ тупой коллективностью? Натура и развитіе искали выхода и удовлетворялись въ Гете, Шплерѣ, Гегелѣ, Байронѣ—но что они находили въ своей родиной Москвѣ? Ёли ее поѣдомъ всѣ и личность гибла въ борьбѣ съ тупой коллективностью. Это одинъ изъ печальнѣйшихъ психологическихъ моментовъ общерусскаго развитія, который достался на долю людей сороковыхъ годовъ. Нужно наконецъ понять этихъ мучениковъ прогресса и воздать имъ должное. Посмотрите на Рудина, пзмыкавшего всю свою жизнь, посѣдѣлаго, исхудалаго, стоявшаго уже у могилы. «Неужели я ни на что не былъ годенъ, неужели для меня такъ-таки нѣтъ дѣла на землѣ? спрашиваетъ онъ себя. Часто я ставилъ себѣ этотъ вопросъ и, какъ и ни старался себя унизить въ собственныхъ глазахъ, не могъ же я не чувствовать въ себѣ присутствія силъ не всѣмъ людямъ данныхъ? Отчего же эти силы остаются безплодными?.. Не фраза, братъ, эти бѣлые волосы, эти морщины, эти прорванные локти— не фраза, говоритъ онъ Ложневу. Ты былъ всегда строгъ ко мнѣ и ты былъ справедливъ; но не до строгости теперь, когда уже все кончено и масла въ лампадѣ нѣтъ, и сама лампада разбита и вотъ

вотъ сейчасъ докурится фитиль... Смерть, братъ, должна примирить наконецъ... Лежневъ вскочилъ — Рудинъ! воскликнулъ онъ, зачѣмъ ты мнѣ это говоришь? Чѣмъ я заслужилъ это отъ тебя? Что я за судья такой и что бы я былъ за человѣкъ, если бы при видѣ твоихъ впалыхъ щекъ и морщинъ, слово: фраза—могло прийти мнѣ въ голову? Ты хочешь знать, что я думаю о тебѣ? Изволь! я думаю: вотъ человѣкъ... съ его способностями, чего бы не могъ онъ достигнуть, какими земными выгодами не обладалъ бы теперь, еслибъ захотѣлъ!.. а я его встрѣчаю голоднымъ, безъ пристанища.. Не червь въ тебѣ живетъ, не духъ празднаго безпокойства: огонь любви къ истинѣ въ тебѣ горитъ...»

И во всѣхъ людяхъ сороковыхъ годовъ билась жилка Рудина. Если бы они могли сдѣлаться стряпчими, прокурорами, исправниками они не были бы людьми сороковыхъ годовъ. Отчего люди этого сорта уходили во всѣ эпохи въ науку, литературу, философію? Только потому, что лишь въ этой сферѣ являлся просторъ ихъ прогрессивному уму и чувству. Они всегда были вѣхами прогресса и двигателями общества. И каждое время имѣетъ такихъ людей. Люди, стремящіеся къ идеалу, никогда не изведутся, пока будетъ въ человѣчествѣ стремленіе къ лучшему, пока человѣчество не скажетъ своего послѣдняго слова. А когда оно его скажетъ. — И развѣ не этими людьми? Мартирологія этихъ людей есть исторія прогресса человѣчества. Каждый вѣкъ имѣетъ своихъ мучениковъ, у каждаго народа есть такія времена, есть такіе люди. Ихъ нѣтъ только у такихъ народовъ, которые спятъ, и въ періоды спячки. Болитъ душа за этихъ людей, за этихъ мучениковъ мысли и любви къ истинѣ, за этихъ вѣчныхъ бѣдняковъ, умирающихъ или въ ранней молодости отъ чахотки или гдѣ нибудь подъ угломъ въ старости... Только тупой умъ думаетъ, что слово ихъ остается пустымъ звукомъ въ пространствѣ, что оно не измѣняетъ жизни, не измѣняетъ нравовъ. Къ одному изъ плодотворныхъ вліяній людей сороковыхъ годовъ, вліяній имѣвшихъ широкое, практическое значеніе, я перехожу теперь.

Н. III.

НОВЫЯ КНИГИ.

- Голосъ изъ земства.** А. Кошелева. Москва 1869 г.
- Исторія цивилизаціи Германіи.** І. Шерра, переводъ съ 3-го изданія А. Неведомскаго и Д. Писарева. СПб. 1869.
- Римскіе папы, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ.** Соч. Леопольда Ранке, переводъ съ нѣмецкаго. СПб. 1869. 2 тома.
- Психо-физиологическіе этюды А. Бэна,** профессора логики въ эбердинскомъ университетѣ. Пер. съ англ. *Ф. Резенера.* Изд. „Русской книжной торговли“. СПб. 1869.

І.

Тяжелое впечатлѣніе производитъ книжка г. Кошелева, тяжелое не потому, чтобы авторъ высказывалъ какія нибудь ужь очень обидныя для Россіи мысли, напротивъ, онъ желаетъ искренно всякаго преуспѣянія своей родинѣ — тяжелое потому, что слышишь только одинъ голосъ, голосъ фальшивый, да и тотъ теряется въ общемъ хорѣ земскаго равнодушія и общественнаго сна.

Г. Кошелевъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что живыхъ людей, какъ онъ — легионъ. Покажите намъ ихъ! Гдѣ они? Если вы и соберете по разнымъ угламъ Россіи человѣкъ сто живыхъ, то что же они значать между легионами мертвыхъ, составляющихъ наше земство.

Представители русской интеллигенціи — какъ и всякой народной

интеллигенціи — отличаются наклонностію къ иллюзіямъ. Всѣ мы болѣе или менѣе идеалисты, потому что ужь очень сильно желаемъ лучшаго. Всякій изъ насъ укоряетъ въ теоретичности своего сосѣда и лишь свои мысли и стремленія считаетъ вполне практичными и немедленно осуществимыми. Г. Кошелевъ страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ. Онъ, напримѣръ, не сочувствуетъ ни одному русскому журналу, считая ихъ исключительными, и только себя непогрѣшимымъ. А развѣ не тоже самое могутъ отвѣтить г. Кошелеву и русскіе журналы? Кто же правъ?

И сколько бывало уже ошибокъ и увлеченій и сколько еще ихъ повторится впереди! И никогда этотъ порядокъ не измѣнится, пока будутъ люди, способные горячо любить людей, способные отличать дурное отъ хорошаго, вредное отъ полезнаго; пока будутъ люди, способные желать страстно лучшаго и пока наука не выработаетъ достаточный запасъ несомнѣнныхъ социальныхъ истинъ, недопускающихъ разногласія.

Но есть въ насъ еще одна чисто-русская особенность, которой нѣтъ ни у нѣмцевъ, ни у французовъ, ни у англичанъ, ни у американцевъ. Мы до сихъ поръ болѣемъ желаніемъ сказать міроспасительное русское слово и даже думаемъ, что если бы послѣдовало разрѣшеніе, то мы изрѣкли бы это слово немедленно. Кто же запрещаетъ вамъ сказать это слово, если только оно у васъ есть? Знаете ли, отчего медвѣдь только рычитъ? Оттого, что ему сказать нечего.

Давно мы болѣемъ этимъ завистливымъ чувствомъ, созданнымъ петровской реформой и наплывомъ къ намъ иностранцевъ; давно мы болѣемъ преувеличеннымъ самолюбіемъ, искусственно привитымъ даже и къ русскому простолюдину и гнѣздящемуся не въ сознательной мысли, а въ смутномъ чувствѣ. Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ тридцать лѣтъ и три года и, упившись разъ зелена-вина, вдругъ захотѣлъ поднять Русь къ небу—и не поднять.

И г. Кошелевъ считаетъ великими и истинно благими мыслями, почерпнутыми изъ жизни русскаго народа, то, что вовсе не составляетъ своеобразной русской мысли, а только одну изъ неизбѣжныхъ формъ извѣстнаго историческаго момента народной культуры.

„Такъ, говорить онъ, крестьяне освобождены не съ правомъ блуждать по пространной нашей имперіи, а съ положительнымъ поземельнымъ надѣломъ, что *требовалось и духомъ нашего народа* и складомъ обширной и разнообразной нашей земли; такъ, въ основу нашего преобразованнаго судопроизводства положены мировыя судебныя учрежденія и присяжные засѣдатели, *что также исполнѣе согласно съ нравственными свойствами нашего народа*, чуждающагося неумолимой строгости и положительности писаннаго закона и высокоцѣнящаго приговоры человѣческой совѣсти; такъ мысль земства, какъ единство всѣхъ русскихъ гражданъ, прежде существовавшая только въ исторіи, въ умѣ нѣсколькихъ передовыхъ людей и въ бессознательномъ чаяніи простолюдина, нашла жизнь въ земскихъ учрежденіяхъ“.

Но что же во всемъ этомъ чисто русскаго, что бы не было передумано и пережито много ранѣе другими народами? Предположите, что такихъ примѣровъ не даетъ намъ ни западная Европа, ни Америка. Думаете ли вы, что мы находились бы теперь въ моментъ гласнаго суда, земства и освобожденія крестьянъ съ землею? Думаете ли вы, что европейскія учрежденія не послужили намъ урокомъ? Думаете ли вы, что европейскій пролетаріатъ не служилъ намъ спасительнымъ маякомъ при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса?

Мало еще, чтобы мысль жила „въ бессознательномъ чаяніи простонародья“. Нужно, чтобы она выработалась въ сознаніе, нашла себѣ провѣрку и доказательство въ опытномъ, положительномъ знаніи; наконецъ, чтобы она выработала себѣ извѣстныя, вѣщныя формы. До этого-то момента мы своимъ умомъ, безъ посторонней помощи, дожили бы еще не скоро.

Въ чемъ, какъ не въ крайней нашей умственной беспомощности причина, что намъ приходится плакаться на спячку земства, на неудовлетворительную практику суда, на многіе недостатки свободнаго положенія крестьянъ?

Да и самъ г. Кошелевъ своимъ „Голосомъ изъ земства“ развѣ не доказываетъ того, что *русское слово* есть еще искомая величина, задача, которую требуется разрѣшить? Что такое „Голосъ

изъ земства“, какъ не лично-мечтательное предвосхищеніе у русскаго народа его русскаго слова?

Посмотримъ же, какъ г. Кошелевъ проэктируетъ свое русское слово.

Г. Кошелевъ разсуждаетъ, что мелочное административное управленіе изъ Петербурга не оправдывается ни географическими, ни бытовыми условіями русской разноплеменности. „Россія, говоритъ онъ, съ своими многоразличными климатами, почвами, народными способностями и обычаями, съ своими богатствами и нуждами, съ крайне разнообразными степенями развитія своихъ гражданъ и пр., имѣеть болѣе нужды въ мѣстномъ самоуправленіи, чѣмъ какое-либо другое государство. Есть ли возможность изъ Петербурга завѣдывать, хотя чрезъ посредство губернскаго начальства, мостами, гатами, дорогами, школами, больницами, богадѣльницами, запасными магазинами, застрахованіемъ сельскихъ строеній и проч.? Есть ли возможность изъ Петербурга, или даже изъ губернскаго города, назначать съ сознаниемъ тѣ сотни служащихъ, которые необходимы для веденія мѣстнаго хозяйства и мѣстнаго судопроизводства? Есть ли, наконецъ, возможность высшему правительству, находящемуся въ нѣсколькихъ сотняхъ и тысячахъ верстъ отъ управляемыхъ мѣстностей, имѣть надлежащій надзоръ за всѣми частями мѣстной администраціи? — «Нѣтъ! восклицаетъ г. Кошелевъ, такія задачи не подъ силу самымъ способнымъ, самымъ трудолюбивымъ, коротко знающимъ свою страну, государственнымъ людямъ. Сознанію этой истины земство обязано своимъ восстановленіемъ...“ Такимъ образомъ Россія, по мнѣнію г. Кошелева, спаслась только въ земствѣ, только въ немъ она нашла свое избавленіе отъ внутренней неурядицы.

Но что же такое земство? Въ чемъ его составные элементы и насколько они, по своему качеству, соотвѣтствуютъ постановленному идеалу?

Ближайшій, основной въ количественномъ отношеніи элементъ, есть крестьянство. Что же оно такое, какъ не земская сила? По словамъ г. Кошелева, крестьянство не есть здравый, способный къ самодѣтельности элементъ. Напротивъ, это сила находящаяся въ моментъ нравственной неустойчивости и нравственнаго разложенія.

„Нравственность крестьянъ, говоритъ Кошелевъ (стр. 77), не улучшилась, а значительно ухудшилась: пьянство сдѣлалось болѣзнью почти общею; воровство крестьянами у крестьянъ усилилось въ размѣрахъ поразительныхъ; уваженіе къ старикамъ видимо исчезаетъ; а общественное начало, прежде сильное въ крестьянствѣ и бывшее основаніемъ и источникомъ общественной нравственности въ этомъ сословіи, видимо слабѣетъ и вмѣсто того развивается самое тѣсное себялюбіе, которое, при отсутствіи просвѣщенія, убійственно дѣйствуетъ на дѣла и понятія людей. Обѣдненіе крестьянъ и ухудшеніе ихъ нравственности не подлежатъ никакому сомнѣнію...

„Трудно повѣрить, до какого безобразія доходятъ безпорядки въ крестьянскихъ обществахъ. Почти все начальники — пьяницы. Знали мы людей, говоритъ г. Кошелевъ, вовсе непившихъ вина, которые, сдѣлавшись старшинами или сельскими старостами, спились съ круга и произвели значительныя захваты изъ мірскихъ суммъ. Сельскіе и волостные сходы безъ вина не кончаютъ никакого дѣла: отведеніе ли новыхъ усадьбъ, приѣмъ ли въ общество новыхъ членовъ, увольненіе ли изъ онаго выбывающихъ членовъ, — словомъ, все требуетъ выставки, въ пользу міра, извѣстнаго количества ведръ вина. Порядочные крестьяне перестали ходить на сходы; а горланы, промотавшіеся крестьяне и другіе негодяи господствуютъ на сходахъ, которые собираются весьма часто, ибо крестьяне и ихъ начальство находятъ очень пріятнымъ пьянствовать и потомъ опохмѣляться. Должно сказать, что посредники по большей части ограничиваются полученіемъ своего жалованья и не занимаются болѣе исправленіемъ своихъ обязанностей. Къ тому же и обязанности и власть ихъ весьма ограничены. Въ отношеніи къ крестьянскимъ обществамъ они совершенно безсильны. Вслѣдствіе этого неурядица въ крестьянствѣ страшная (стр. 78).

Вторая причина упадка нравственности — отсутствіе правосудія въ волостныхъ судахъ. „Тутъ также одно вино все рѣшаетъ, и выигрываетъ свое дѣло тотъ, кто выставитъ болѣе вина. Права собственности и личности совершенно неограждены и крестьяне все единогласно жалуются на свои суды... Окончателность рѣшеній волостныхъ судовъ освобождаетъ ихъ отъ всякой отвѣтственности,

и потому они рѣшаютъ дѣла безъ всякаго зазрѣнія совѣсти...“ (стр. 79, 80).

Третья причина упадка нравственности—размноженіе кабаковъ. „Надо жить въ деревнѣ, чтобы видѣть, до какого безобразія дошло пьянство: не по праздникамъ однимъ валяются пьяные, но и въ будни, и особенно по понедѣльникамъ пьяныхъ видишь сплошь и рядомъ. Бабы и мальчики несутъ выработанныя деньги въ кабакъ и напиваются до упада. Легко себѣ вообразить послѣдствія такого пьянства: драка, безпутство, кража и проч.“ (стр. 82).

Но самое главное обстоятельство, дѣлающее крестьянъ несущественнымъ по своему неразумію членомъ земства, заключается въ мужицкомъ тупоуміи. „Закономъ дано имъ полное самоуправленіе, т. е. несравненно больше, чѣмъ дворянамъ и гражданамъ, говоритъ г. Кошелевъ.—Крестьяне собираются на сходъ, когда хотятъ; они дѣлаютъ приговоры и приводятъ ихъ въ исполненіе и только немногіе изъ послѣднихъ подлежатъ утвержденію посредника; крестьяне имѣютъ судъ безапелляціонный и проч. Очевидно, имъ дана такая свобода и такая власть, что они съ ними справиться не въ состояніи. Крестьяне, правда, сдѣлали большіе успѣхи въ сознаніи своихъ правъ; но, къ сожалѣнію, нельзя того же сказать относительно ихъ успѣховъ въ сознаніи лежащихъ на нихъ обязанностей. (стр. 82 и 83)... Теперь даны крестьянамъ права полныхъ гражданъ; а между тѣмъ уровень ихъ образованія весьма низокъ. Онъ даже сталъ какъ будто ниже противъ прежняго; конечно это только кажется оттого, что прежде ихъ развитіе было выше ихъ положенія, а теперь ихъ права много выше ихъ развитія. Дѣло сдѣлано, говоритъ г. Кошелевъ, очевидно намекая на то, что поторопились (105). Или на стр. 9“: „Пережѣна эта, т. е. освобожденіе крестьянъ, была не постепенная ни въ отношеніи времени, ни въ отношеніи сущности дѣла, а быстрая и коренная“.

Горожане—элементъ тоже печальный, не пользуются у насъ уваженіемъ сельскаго населенія. „Крестьяне не желаютъ попасть въ мѣщане и имѣютъ къ нимъ даже нѣкоторое презрѣніе; богатые крестьяне не записываются въ купцы, а ведя торговлю, нерѣдко значительную, берутъ только временныя свидѣтельства на производ-

ство оной (стр. 111). Города наши и на города не похожи“. Въ рѣдкихъ улицы вымощены и для пѣшеходовъ устроены тротуары; еще рѣже имѣется какое либо уличное освѣщеніе; библіотеки, клубы и проч. составляютъ принадлежность немногихъ городовъ... хотя невѣроятно, но, къ сожалѣнію, несомнѣнно, что далеко не во всѣхъ городахъ имѣются уѣздныя училища. Сверхъ того почти всѣ города имѣютъ придиричивую и вмѣстѣ съ тѣмъ нерадивую полицію и зависяютъ по общественному управленію, отъ полуграмотнаго городского головы и всемогущаго секретаря думы, — грубаго невѣжды, крючкотворца и почти всегда — взяточника“ (стр. 110).

„Вездѣ, говорить дальше г. Кошелевъ, города суть представители, главные виновники движенія впередъ, а сельское населеніе за ними только слѣдуетъ и то издалека. У насъ напротивъ: за исключеніемъ весьма немногихъ городовъ, всѣ остальные поражаютъ своею неподвижностію. Это происходитъ отъ состава нашего городского общества. Купцы, мѣщане и ремесленники суть хозяева нашихъ городовъ; а между тѣмъ они, за рѣдкими исключеніями, погружены въ крайнее невѣжество; они едва умѣютъ читать и писать, а многіе и вовсе безграмотны; они ничего не видали, ничего не читали, для нихъ всякое нововведеніе дико... Какое усовершенствованіе можетъ быть произведено въ городскомъ управленіи, когда люди, завѣдывающіе городскимъ хозяйствомъ, не только не въ состояніи ввести въ него что-либо лучшее, соотвѣтствующее потребностямъ времени, но сами первые должны бы поступить въ школы и всему научиться“ (стр. 116). Къ этимъ слабымъ умственнымъ и социальнымъ качествамъ горожанъ, дѣлающихъ ихъ земскую полезность очень сомнительной, г. Кошелевъ (стр. 11) присоединяетъ вѣдшее вліяніе администраціи, отчуждавшей горожанъ отъ земства еще болѣе постановленіемъ 21 ноября 1866 г. „Постановленіе это, по словамъ г. Кошелева, поставило купечество въ исключительное положеніе. Оно стало смотрѣть равнодушно на всѣ вновь предлагаемые расходы или на увеличеніе существующихъ расходовъ; оно утратило чувство тѣсной связи съ остальнымъ земствомъ; а потому съ 1867 года оно принимаетъ слабое участіе въ дѣлахъ земства, говоря: „намъ здѣсь

дѣлать нечего — меньше положеннаго не возьметъ, а болѣе того потребовать не смѣетъ“.

Къ третьему элементу земства — духовенству, г. Кошелевъ относится тоже несочувственно, хотя онъ и не обрушивается на него нигдѣ такъ полно и систематически, какъ на крестьянъ. Характеристика и оцѣнка г. Кошелева духовенства имѣетъ болѣе косвенный смыслъ.

Такъ, по поводу сельскихъ школъ г. Кошелевъ говоритъ, что есть приходы, и ихъ не мало, гдѣ никто изъ церковнослужителей не въ состояніи быть учителемъ (стр. 104); что весьма желательно, чтобы наше духовенство имѣло въ сельскихъ школахъ сильное влияние на юношество; но, къ сожалѣнію, мало, очень мало духовныхъ, которые образованіемъ народа занимаются съ любовью. Многие изъ духовныхъ, получая отъ сельскихъ обществъ жалованье, нанимаютъ себѣ въ помощники солдатовъ и исключенныхъ изъ духовнаго званія семинаристовъ, а сами едва посѣщаютъ школы. Это особенно чувствительно въ школахъ, которыя духовенство любитъ называть церковно-приходскими. Тутъ уже преподаваніе болѣе чѣмъ неудовлетворительно. Священникъ, получая отъ прихода пособіе, собираетъ учениковъ въ свой домъ или въ церковной сторожкѣ; они носятъ ему дрова, воду, исполняютъ разные порученія по дому и только въ свободное отъ этихъ занятій время долбятъ азбуку или псалтырь. Эти школы, говоритъ г. Кошелевъ, положительно вредны, ибо въ нихъ мальчики не образуются, а привыкаютъ къ напрасной тратѣ времени, ко всякаго рода шалостямъ и получаютъ отвращеніе отъ чтенія и письма (стр. 143 и 144). Поэтому г. Кошелевъ считаетъ вовсе несовмѣстнымъ съ идеей просвѣщенія и образованія Россіи притязаніе духовенства устраниваться въ народномъ образованіи отъ контроля свѣтской власти и мірянъ.

Итакъ, три основныхъ элемента земства — крестьяне, горожане и духовенство, — по наблюденію г. Кошелева, не заключаетъ въ себѣ тѣхъ прогрессивныхъ условій, какія нужны для процвѣтанія земскаго дѣла въ Россіи. Одна общая черта — недостатокъ, или даже полное отсутствіе личнаго и общественнаго образованія — вотъ общій

моментъ земской непригодности этихъ трехъ сословій. Что же въ такомъ случаѣ дѣлать? Въ чемъ искать спасенія? Кто протянетъ Россіи руку помощи въ этомъ трудномъ, критическомъ положеніи? Г. Кошелевъ говоритъ — дворянство.

Г. Кошелевъ и вся московская славянофильская партія имѣтъ на русское дворянство мистическое воззрѣніе. Повидимому, славянофилы отрицаютъ внѣшнія формы, неотвѣчающія внутренней сущности и идеи того предмета, къ которому они относятся критически. Но это только внѣшній либерализмъ, подъ которымъ вовсе не кроется дѣйствительно прогрессивная идея.

И къ дворянству они относятся точно также. Наприжѣрь, г. Аксаковъ, статья котораго, „Дворянское дѣло“, помѣщена въ сборникѣ г. Кошелева, относится очень отрицательно къ дворянству и его притязательности и доказываетъ исторически, что въ немъ нѣтъ и не можетъ быть никакой аристократической стихіи, что попыткѣ образовать аристократію въ Россіи, Петръ, табелью о рангахъ, нанесъ смертельный ударъ, выдвинувъ на первый планъ не происхожденіе, а дѣйствительную службу, и что послѣ отиѣны крѣпостного права, дворянство, какимъ его привыкли считать, теперь уже не существуетъ. Но отрицая внѣшнія юридическія формы, дающія лишь внѣшнія права, г. Аксаковъ въ тоже время заставляетъ васъ чувствовать, что кромѣ этого внѣшняго права, живетъ еще въ русской землѣ какая-то непонятная сила, полное гармоническое единство которой заключается въ совокупности историческихъ, духовныхъ и нравственныхъ началъ всего русскаго общества и народа и *air-gihe* этой силы заключается въ идеальномъ русскомъ представительствѣ, изображаемомъ дворянствомъ.

Тѣмъ же духомъ одушевлено и воззрѣніе г. Кошелева.

Онъ доказываетъ вотъ что:

Что дворянство вовсе не сословіе и такое названіе ему закономъ нигдѣ не присвоено. Такъ въ 14 ст. IX т. изд. 1857 г. сказано: „Дворянское *название* есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами; чѣмъ, обращая самую службу въ заслугу, приобрѣли потомству своему *нарицаніе* благороднаго“.

Эта статья и послѣдующая параллель дворянскихъ правъ послѣ 19-го февраля 1861 г. съ правами остальныхъ сословій, параллель, изъ которой оказывается, что у крестьянъ теперь правъ пожалуй побольше, чѣмъ у дворянъ, нужны для того, чтобы показать юридически и фактически, что дворянскаго особнячества теперь нѣтъ, а всѣ одинаковые русскіе люди.

На эти мысли мы возражать не станемъ только потому, что въ настоящей статьѣ мы ведемъ рѣчь объ иномъ вопросѣ; замѣтимъ только, что цитируемая г. Кошелевымъ статья закона, вовсе не служитъ подтвержденіемъ его мысли. Правда, законъ не употребляетъ слово *сословіе*; но скажемъ ли мы, что дворяне—названіе, скажемъ ли, что это сословіе, сущность дѣла отъ этого не мѣняется. И самъ г. Кошелевъ, уравнивая повидимому дворянъ со всѣмъ остальнымъ населеніемъ Россіи, въ тоже время хочетъ, чтобы въ дворянствѣ лишь сосредоточивалась вся земская сила, вся суть интеллектуальнаго руководства общерусскими дѣлами.

Г. Кошелевъ очень ревнивъ къ нравственному достоинству землевладѣльцевъ. Ни крестьяне, ни горожане, ни духовенство, ни администрація не заключаютъ въ себѣ тѣхъ необходимыхъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ качествъ, которыя необходимы, по его мнѣнію, для общерусскаго блага. Только одинъ элементъ земства и способенъ возрастить вертоградъ русскаго благополучія—землевладѣльцы. Утративъ фактически свое значеніе, дворянство, „не умаляясь, сохраняя то, что имѣетъ, пользуясь этимъ, какъ можно полнѣе и разумнѣе, даже стараясь пріобрѣсти какъ можно болѣе новыхъ правъ и значенія, должно пользоваться всѣмъ этимъ не исключительно, не замкнуто-привилегированно, а съ приглашеніемъ къ себѣ всѣхъ желающихъ и могущихъ стать въ наши ряды“ (стр. 40).

„Мы, говоритъ г. Кошелевъ, должны оставаться землевладѣльцами, дорожить этимъ званіемъ, смотрѣть на землю, какъ на главный, самый существенный источникъ силы; но обязанности пріобщать къ себѣ всякаго владѣющаго или пріобрѣтающаго извѣстный мѣръ земли на правахъ личной собственности. Такимъ образомъ, не мы пойдёмъ въ чужое общество, а къ намъ придутъ; не мы

будемъ умаляться, унижаться, а входящіе къ намъ будутъ стараться подниматься, возвышаться и пріобрѣтеніемъ поземельной собственности, свѣденій, опытности и проч., достигать между нами большаго значенія. Общины необходимы; онѣ для нашего государства тоже, что балластъ для корабля — онѣ обезпечиваютъ ему устойчивость; въ нихъ разумный консерватизмъ; онѣ навсегда устраняютъ отъ насъ пролетаріатъ; онѣ вѣрный, всегдашній пріютъ для огромной массы сельскаго населенія. Но люди сильные, богатые не могутъ и не должны оставаться въ общинѣ; они тамъ могутъ сдѣлаться или деспотами или жертвами общей зависти и недоброжелательства. Имъ долженъ быть открытъ выходъ изъ общины и входъ въ другое сельское сословіе. Принимая ихъ въ свои ряды, мы будемъ получать новыя, здоровыя силы изъ массы сельскаго населенія; чрезъ нихъ мы съ нимъ соединимся, устроимъ, поддержимъ, умножимъ наши связи съ самою крѣпкою, всего менѣе испорченною частію нашего народа. Мы будемъ незамкнутымъ сословіемъ; не чрезъ чины — лѣстницу, по понятіямъ крестьянъ, для нихъ недоступную — можно быть однимъ изъ насъ, но пріобрѣтеніемъ извѣстнаго количества земли. Это понятіе такъ сродно нашему сельскому населенію, это ему такъ необходимо, что даже въ нынѣшнемъ году приходили ко мнѣ (г. Кошелеву) богатые крестьяне и спрашивали, куда бы имъ приписаться: къ сельскимъ обществамъ — да чѣмъ же мы тамъ будемъ — насъ заѣдятъ; въ мѣщане, въ городскіе обыватели — туда записываться намъ не приходится; нельзя ли намъ остаться такъ — самимъ по себѣ? Сословіе личныхъ землевладѣльцевъ должно образоваться; оно не будетъ созданіемъ теоретическимъ, откуда-то заимствованнымъ; оно неотразимо требуется нуждами какъ дворянства, такъ и прочихъ землевладѣльцевъ и потому оно быстро и естественно устроится“ (стр. 40, 41 и 42).

„Что же намъ теперь дѣлать? спрашиваетъ г. Кошелевъ далѣе (стр. 67). Намъ слѣдуетъ отказаться отъ всѣхъ пустыхъ преимуществъ, которыя насъ отдѣляютъ отъ прочихъ состояній и стать просто на просто на почвѣ землевладѣнія — почвѣ твердой и вѣрной. Сложивши такимъ образомъ съ себя двуличность, т. е. при-

надлежность къ двумъ состояніямъ, мы будемъ въ силахъ устроить землевладѣльческое состояніе и поставить его прочно во главѣ земства. Вотъ нынѣшнее наше призваніе; сюда мы должны устремить всё наши усилія“.

Эту цѣль г. Кошелевъ указываетъ потому, что только подобнымъ, а не какимъ либо другимъ путемъ можетъ, по его мнѣнію, произойти сліяніе всѣхъ сословій въ одну общую единомыслящую и единочувствующую Россію. „Крестьяне, по словамъ г. Кошелева, хотя многочисленны и сильны, но они никогда не могутъ стать на степень первенствующаго сословія въ государствѣ. Ихъ отношенія къ правительству должны остаться навсегда посредственныя. Но въ барышахъ будутъ крестьяне, если между ними и властію станутъ чиновники. Самыми естественными, самыми удобными и всего болѣе благорасположенными посредниками для нихъ могутъ быть лучшіе люди изъ сельскаго населенія, т. е. землевладѣльцы... Сословіе землевладѣльцевъ еще необходимѣе для крестьянъ, чѣмъ даже само для себя; люди богатые, образованные всегда и вездѣ будутъ имѣть свое личное значеніе. Крестьяне помимо землевладѣльцевъ не могутъ найти лучшихъ представителей, защитниковъ, учителей, общихъ распорядителей, высшихъ судей“ (стр. 47).

Но пока цѣль сознательнаго выдѣленія землевладѣльческаго сословія и его главенство опредѣлится вполне, лучшіе люди изъ землевладѣльцевъ ужъ и теперь должны встать на путь подобнаго стремленія, ибо по землевладѣнію только дворяне могутъ стоять во главѣ народа, только они могутъ быть посредниками между народомъ и правительствомъ. И народъ будетъ радоваться такому значенію землевладѣльцевъ, видя въ нихъ своихъ ходатаевъ и заступниковъ; а правительство будетъ землевладѣльцевъ цѣнить, уважать и къ нимъ благоговѣть, ибо чрезъ нихъ оно будетъ дѣйствовать на остальное народонаселеніе (стр. 46).

Теперешняя безпомощность, развѣдающая безнравственность и самоуправство крестьянскаго міра можетъ найти свое спасеніе лишь въ землевладѣльцахъ. Самъ собой крестьянскій міръ справиться рѣшительно не въ состояніи, думаетъ г. Кошелевъ, и потому онъ хочетъ дать немедленно крестьянскому міру дядьку. Этимъ дядь-

кой долженъ быть мировой судья, къ которому крестьяне могли бы являться, какъ къ апелляціонной власти и суперъ-арбитру третьей-скаго суда.

Наши невѣжественные города тоже ничего не подѣлають, пока землевладѣльцы не протянутъ имъ руку помощи. „Оживленіе и преобразование нашихъ городовъ вообще не могутъ быть произведены посредствомъ предписаній и распоряженій высшаго и губернскаго начальствъ; такія благія дѣйствія можетъ оказать только внесеніе въ городское устройство просвѣщенія и самостоятельности. Въ этомъ дворянство можетъ оказать городамъ всего болѣе услугъ. Какъ въ земствѣ, такъ и здѣсь, оно должно принять самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ управленія“ (стр. 120).

Взглянемъ ближе на идеаль единомыслящей и единочувствующей Россіи, нарисованный г. Кошелевымъ такими красивыми красками.

Землевладѣльцы составляютъ слой, выдѣляющійся изъ всѣхъ; къ нимъ присоединяется всякій, владѣющій землею на правѣ личной собственности. Слѣдовательно это міръ отдѣльный, стоящій особнякомъ отъ деревенской общины. Г. Кошелевъ отнюдь не допускаетъ, чтобы эти два міра имѣли общее внутреннее самоуправленіе, ибо крестьяне не въ состояніи понять чловѣка, выдающагося по своимъ средствамъ изъ сельской общины. „Люди сильные и богатые не могутъ и не должны оставаться въ общинѣ“, говоритъ авторъ на стр. 41.

Итакъ землевладѣльцы—все то, что по богатству и по личному землевладѣнію стоятъ внѣ крестьянскаго міра. Чтобы сдѣлаться членомъ земледѣльческаго круга, требуется одно—„приобрѣсти известное количество земли“ (стр. 41).

Слѣдовательно личное землевладѣніе есть основной принципъ, дающій чловѣку право стоять во главѣ сельскаго и городского самоуправления. Будь крестьянинъ семи пядей во лбу, но если онъ не личный землевладѣлецъ, онъ можетъ имѣть значеніе лишь у себя въ деревнѣ, но не дальше. Хочешь быть съ значеніемъ—купи землю и ты нашъ, гласитъ гуманная мудрость г. Кошелева.

Такихъ выходцовъ изъ крестьянской общины г. Кошелевъ на-

зываетъ новой, здоровой силой, которая *соединитъ, устроитъ, поддержитъ* и *умножитъ* связи землевладѣльцевъ съ самою крѣпкою и всего менѣе историческою частію русскаго народа. Будто-бы? Не на оборотъ ли? По словамъ того же г. Кошелева, богатый мужикъ можетъ сдѣлаться или деспотомъ или жертвой зависти и недоброжелательства крестьянской общины. Какимъ же образомъ человѣкъ, котораго только его богатство ставитъ въ такое положеніе, внезапно при выходѣ изъ общины превращается въ какую-то магическую связь? Да вѣдь онъ вышелъ, значить отдѣлился, порвалъ связь съ прежнимъ своимъ міромъ и пускаетъ корни въ другомъ! Богатство выдѣлило его изъ мужиковъ и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, тотъ же самый выдѣлившійся богачъ, снова связывается съ тѣми, отъ кого онъ только-что отдѣлился. Зачѣмъ же онъ трудился выдѣляться? Нѣтъ, что-то не такъ.

Стѣной, раздѣляющей людей, г. Кошелевъ ставитъ денежные средства. Онъ исходитъ изъ точки зрѣнія сепаратизма и индивидуализма и въ нихъ же внезапно, какъ бы по щучьему велѣнью, находитъ общественную связь. Этого никогда не бывало и никогда не будетъ.

Денежный сепаратизмъ, самый страшный сепаратизмъ изъ всѣхъ, какіе когда либо бывали. Почему у передовыхъ людей явилось уже убѣжденіе въ невозможности искать общественнаго спасенія въ одномъ экономическомъ индивидуализмѣ? Только потому, что онъ есть раздѣдающій, а не соединяющій общественный элементъ. Что такое французская буржуазія, вредное государственное вліяніе которой признано уже всѣми наилучше-мыслящими людьми? Она — экономической индивидуализмъ и только въ этомъ ея зло. А г. Кошелевъ хочетъ создать эту буржуазію въ Россіи искусственно и серьезно думаетъ, что, изрѣкши такое слово, онъ является спасителемъ своего отечества. Всѣ лучшіе русскіе люди и руками и ногами отмахиваются отъ французской ошибки, а онъ хочетъ заставить насъ дойти до нея своимъ умомъ, да еще увѣряетъ, что это „не будетъ созданіемъ теоретическимъ, откуда-то заимствованнымъ“. Гоголевскій почтмейстеръ хвалится тоже тѣмъ, что онъ до всего доходилъ своимъ умомъ.

Если г. Кошелевъ думаетъ сказать, что индивидуализмъ есть необходимая ступень въ развитіи всякаго человѣческаго общества на пути его стремленій къ коллективности, что эту ступень невозможно миновать, то и тутъ мы бы стали возражать автору; но если онъ видитъ въ индивидуализмѣ цѣль конечную, естественную и какое-то русское слово, то, не отрицая въ авторѣ богатаго личнаго опыта и неопибающей практичности, въ которыхъ онъ насъ увѣряетъ, мы скажемъ, что онъ только проводитъ въ систему существующее, но идеала не видитъ. Адамъ Смитъ былъ сильный умъ, но и тотъ не избѣгъ подобной ошибки и надолго утвердилъ путаницу въ европейскихъ экономическихъ понятіяхъ.

Сплотивъ дворянъ-землевладѣльцевъ и присоединивъ къ нимъ землевладѣльцевъ изъ крестьянъ, г. Кошелевъ устраиваетъ для Россіи земскую правящую силу. Ну, а дворяне-не землевладѣльцы? Ихъ вѣдь много, очень много. „Пусть они будутъ тѣмъ же, чѣмъ они теперь, отвѣчаетъ г. Кошелевъ (стр. 68), т. е. могутъ называться, если хотятъ дворянами, но должны причислиться къ какому либо состоянію и всего удобнѣе имъ приписаться къ городамъ.“

Но что же значить приписаться къ городу? Людей, неизмѣющихся земли, вы выталкиваете изъ своего круга и говорите: „пролетарій, ступай жить въ городъ.“ Въ городъ однако являться безъ куска хлѣба неудобно. Правда, вмѣсто прежняго дворянскаго титула вы даете благородному пролетарію дипломъ на горожанина; но съ однимъ дипломомъ, протягивая руку на перекресткахъ, придется наконецъ совершить путешествіе на веревочкѣ въ полицію. Ужъ будто бы это то русское слово, то міроспасительное русское слово, которымъ такъ изболѣли славянофилы?

Земство! Магическая сила, что говорить; плѣнительно это слово, пока оно въ смутной мысли и въ мистическомъ чувствѣ. Но нельзя странѣ строить свой социально-экономическій общественный порядокъ на мистическомъ, опьяняющемъ чувствѣ!

Намъ говорить, — земство все, земля — спасеніе Россіи отъ пролетаріата (стр. 41) и затѣмъ творятъ проэктъ всемогущей землевладѣльческой буржуазіи, управляющей и городами и селами, вытал-

живающей изъ себя всякаго немущаго бѣдняка и препровождающей его для прошенія милостыни въ городъ. Неужели это земство?

Г. Кошелевъ понимаетъ вѣрно, что одни юридическія права не значать ничего и не даютъ человѣку сытнаго обѣда. И вотъ, ставъ на экономическую почву, онъ приглашаетъ на общественную трапезу всѣхъ сытыхъ, а голоднымъ запираетъ съ предупредительностію передъ носомъ двери. Ужь если вы замыслили сказать русское слово, почему бы вамъ специально не подумать о тѣхъ, у кого ничего нѣтъ. Люди имущіе не пропадутъ и безъ васъ.

И за что такое пренебреженіе къ Западу; за что такое горделивое убѣжденіе въ спасительности русской своеобразности, за что такая неуклонная мистическая вѣра въ магически-таинственный смыслъ русскихъ словъ съ иностраннымъ содержаніемъ? Земство! и думаютъ, что все сказано и все ясно — только дѣлай. А между тѣмъ въ проэктъ съ русскимъ заголовкомъ заключается бѣдная, тощая мысль о французской буржуазіи, мысль отлично уже разработанная Западомъ и подарившая исторію многими печальными страницами.

Нѣтъ, г. Кошелевъ, если Росіи суждено сказать русское слово, то повѣрьте, что вашъ проэктъ послужитъ лишь спасительнымъ, предостерегающимъ урокомъ.

И Кошелевъ же очень обижается на русскую журналистику, называя ее исключительной, малокровной, худосочной, заправляемой людьми, отличающимися личной, спотыкающейся мудростію! Онъ чувствуетъ себя очень избуженнымъ тѣмъ, что даже одинъ изъ наименѣе исключительныхъ журналовъ не захотѣлъ напечатать его проэкта о мѣрахъ къ улучшенію быта крестьянъ (стр. 72). Да развѣ можно печатать такія вещи?—г. Кошелевъ!

Мы напротивъ радуемся, что даже и наименѣе исключительный русскій журналъ не легко поддался мистическому фиміаму видоизмѣнившагося московскаго славянофильства. Жаль, что г. Кошелевъ умолчалъ, какой журналъ поступилъ съ нимъ такъ невѣжливо. Но если даже наименѣе исключительный журналъ избидѣлъ такъ г. Кошелева, автору слѣдовало бы догадаться, что его проэктъ рус-

скаго слова отличается значить какою нибудь отталкивающей несообразностію. И г. Кошелевъ относится еще враждебно къ „Вѣсти!“ Но мы думаемъ, что разница между стремленіями г. Кошелева и „Вѣсти“ въ томъ, что „Вѣсть“ хочетъ сдѣлать Россію аристократической Англіею, а г. Кошелевъ—буржуазною Франціею. Не знаешь—что хуже?

Щерръ патриотическій нѣмецкій писатель: націоналистъ.

Идея сознательной національности есть умственный продуктъ XIX вѣка и, какъ всякая идея въ мозгу умныхъ людей, она является свѣтлой, прогрессивной силой, непротиворѣчащей идеѣ человечества; въ головахъ же глупыхъ она перерождается или въ простое землячество и въ шутовство нѣмецкаго буршества или же въ ярое, фанатическое орудіе отсталости, какъ у нашихъ славянофиловъ.

Идея національности, какъ прогрессивная сила, невозможна безъ тѣсной связи съ другою идеею, составляющею главную характеристическую черту XIX вѣка — безъ гуманизма. Дѣйствуя особнякомъ, она создаетъ политическое народное своекорыстіе и вызываетъ рядъ тѣхъ печальныхъ событій, которыя начала Франція Наполеономъ I, хотѣвшая подавить весь міръ и офранцузить всѣ національности.

Какъ въ обыкновенной жизни партикуляризмъ является врагомъ коллективности и потому мѣшаетъ общему благу, такъ въ общечеловѣческихъ отношеніяхъ худо-направленный національный партикуляризмъ мѣшаетъ дружнымъ стремленіямъ народовъ къ одной общей цѣли.

Въ постепенномъ историческомъ развитіи человечества націонализмъ составляетъ неизбѣжную ступень. Въ націонализмѣ получилъ свое историческое примѣненіе афоризмъ одного древняго мудреца, сказавшаго:— „я люблю свое семейство болѣе себя, отечество болѣе

семейства и родъ человѣческой болѣе отечества“. Этотъ-то путь и совершаетъ исторія, находящаяся теперь въ моментѣ перевѣса любви къ отечеству надъ любовью узко-семейною.

Чувство національности кроется въ глубинѣ условій, создающихъ родственное мировоззрѣніе. Еще бы людямъ одной земли не чувствовать влеченія другъ къ другу, когда родная земля положила на нихъ одно клеймо, когда органы внѣшнихъ чувствъ приучали ихъ знать одинаково и шелестъ своихъ родныхъ сосенъ и березъ, и чириканье своихъ родныхъ воробьевъ, и пѣніе своихъ соловьевъ, и силу своихъ родныхъ болотъ, и неудобство своихъ дорогъ и мостовъ, и всѣхъ, всѣхъ условій своей культивированной и некультивированной природы, всего разработаннаго и неразработаннаго общественнымъ умомъ.

Понятно, почему люди одной страны должны тяготѣть другъ къ другу; понятно, почему они при извѣстныхъ обстоятельствахъ должны выступать дружной силой для практическаго осуществленія какой либо общей идеи, дѣлающейся въ такомъ случаѣ идеєю національною; а если она имѣетъ точки общаго соприкосновенія съ внутренними потребностями другихъ народовъ, то частная народная идея превращается въ идею мировую, въ идею всеобщей исторіи.

Къ такимъ идеямъ, вышедшимъ изъ частнаго народнаго духа, принадлежитъ идея протестантизма.

Протестантизмъ былъ противодѣйствіемъ другой идеи, отслужившей свою службу передовому человѣчеству—католицизму.

Но протестантизмъ въ томъ видѣ, какъ онъ осуществился, стоитъ далеко ниже національнаго духа нѣмцевъ и мировой пользы, которую нѣмецкій умъ былъ бы въ состояніи принести человѣчеству.

Лютеръ былъ далеко ниже своего дѣла, также какъ Карлъ V далеко ниже вѣрнаго пониманія всемірнаго вопроса, возбужденнаго временемъ и выставившаго Лютера главнымъ представителемъ нѣмецкой идеи.

„Злой геній Германіи не допустилъ исполниться гордымъ надеждамъ германскаго народа, говоритъ Шерръ.— Карлъ V былъ вовсе не такой человѣкъ, какой былъ нуженъ для Германіи; истый ро-

манецъ, онъ даже не любилъ, презиралъ язню народа, котораго былъ императоромъ, не могъ и не хотѣлъ понять движенія, охватившаго Германію. Итальянское дипломатическое искусство было близко знакомо ему, и оно ему говорило, что папа для него нуженъ въ борьбѣ съ Францискомъ I за Италію“.

Лютеръ былъ совсѣмъ не такъ уменъ, какъ это требовалось сущностію наболѣвшаго нѣмецкаго чувства и сущностію явившейся изъ него идеи.

„Лютеръ былъ саксонской крестьянской крови, говоритъ Шерръ, — и въ характерѣ его сказалась вся жестокость этого племени... Проведя юность среди тяжелыхъ внѣшнихъ условій, Лютеръ впалъ въ апохондрію, вступилъ въ монашество и потомъ на всю жизнь остался монахомъ апохондрикомъ... Гуманитарнаго движенія онъ не понималъ и не имѣлъ съ нимъ ничего общаго, такъ какъ по образованію своему развѣ немногимъ только стоялъ выше общаго уровня тогдашней монастырской культуры. Классическій міръ былъ ему чуждъ. О міросозерцаніи древнихъ, о красотѣ греческой поэзіи, греческаго искусства онъ не имѣлъ никакого понятія. Не болѣе развитъ былъ онъ и въ политическомъ отношеніи“.

И этотъ ограниченный человѣкъ далъ свое имя цѣлой эпохѣ, забралъ въ свои руки судьбу человѣчества! Великъ Лютеръ, сила большая; но онъ жалъ передъ народной задачей своего времени. Лютеръ былъ теологъ и только; въ этомъ его сила и безсиліе. Какъ желѣзо несокрушимъ этотъ бѣдный монахъ, когда, не смущаясь грознымъ блескомъ вормскаго сейма, онъ предъ лицомъ императора и имперскихъ чиновъ, произнесъ заключительныя слова своей защиты: „Опровергните меня на основаніи священнаго писанія, а иначе я не отрекусь отъ своего ученія; я здѣсь передъ вами; я не могу иначе мыслить. Да поможетъ мнѣ Богъ! Аминь“. Въ эту минуту Лютеръ находился на высшей точкѣ своей дѣятельности и славы. Теоретическое и практическое отрицаніе безбрачія духовныхъ и переводъ библии на нѣмецкій языкъ — вотъ два великихъ дѣянія Лютера.

Но затѣмъ началось пагубное для Германіи религіозное разло-

женіе. Нѣкоторые изъ германскихъ династовъ и многіе города приняли ученіе Лютера, между тѣмъ какъ другіе династы продолжали держаться Рима.

Явилось однако обстоятельство и важнѣе этого. Низшее дворянство и крестьяне пытались расширить теологическое движеніе и дать ему характеръ политико-соціальный. Попытка Сикингена, бывшаго идоломъ ландсехтовъ, неудалась, онъ былъ убитъ при защитѣ своего замка Ландштуля, а Гуттенъ, этотъ благороднѣйшій изъ германскихъ гуманистовъ, самая свѣтлая личность періода реформаціи, гениальнѣйшій и ученѣйшій человѣкъ своего времени, долженъ былъ бѣжать. Его принялъ и пріютилъ другой гениальный человѣкъ, стоявшій неизмѣримо выше Лютера—Цвингли.

Лютерова проповѣдь о евангельской свободѣ и пламенная рѣчи Гуттена не могли не дойти до крестьянина и онъ понялъ, что „бѣдный человѣкъ“ есть именно онъ. Развѣ не его безправіемъ жили привилегированные; развѣ не на немъ одномъ лежали всѣ тягости? И крестьяне зашевелились.

Надѣясь въ Лютерѣ найти поддержку, они обратились къ нему; но Лютеръ былъ теологъ, а не человѣкъ. Лютеръ оправдывалъ крѣпостное состояніе и утверждалъ, что „простолудинъ долженъ чувствовать на себѣ гнетъ, а иначе начнетъ своевольничать“. Лютеръ былъ вовсе не прочь отъ насильственныхъ мѣръ, но только на томъ условіи, чтобы они шли сверху внизъ.

И вотъ неосуществившаяся надежда на Лютера создала Фому Мюнцера. „Мюнцеръ, говоритъ Шерръ,—былъ фанатикъ, но весь его апокалипсическій чадъ не мѣшалъ ему ясно видѣть страданія, потребности и стремленія бѣдныхъ людей. Сердце его билось глубокою любовью къ народу и, какъ бы ни были велики его заблужденія и недостатки—величайшимъ изъ его недостатковъ было совершенное незнаніе военнаго дѣла“.

Можетъ быть, крестьяне и ошиблись, можетъ быть, ихъ страшный судъ въ Вейнсбергѣ былъ большой ошибкой, но еще больше ошибся Лютеръ, выступившій изъ своего нейтралитета и обрушившійся на крестьянъ по истинѣ съ звѣрскою лютостію. Въ своемъ

памфлетъ „противъ разбойническихъ и кровавадныхъ крестьянскихъ шаекъ“, онъ восклицаетъ: „ихъ надо, какъ бѣшеныхъ собакъ, давить, душить, рѣзать, какъ кто можетъ“. „Спасайтесь, колите, бейте, душите крестьянъ какъ кто можетъ!“ совѣтуетъ онъ государямъ и тѣ конечно не заставили повторять подобнаго гуманнаго совѣта.

„Войско германскихъ властителей задавило крестьянское возстаніе на поляхъ Зиндельфингена, Франкенгаузена, Вюрцбурга и Кенигсгофена, а потомъ безчисленныя казни потопили въ крови на многія столѣтія силу германской демократіи, а вмѣстѣ съ ней и лучшую силу реформаціи“, замѣчаетъ Шерръ.

Лютеръ, видя въ крестьянскихъ возстаніяхъ вредъ своему дѣлу, снѣшилъ представить государямъ, у которыхъ онъ искалъ опоры, доказательства, что попытки перенести реформаторскія идеи на государство и общество не были порождены его ученіемъ. Лютеръ съ особенной энергіей принялся проповѣдывать христіанское ученіе о безусловномъ повиновеніи власти.

Но Лютеръ и въ своемъ спеціальному дѣлѣ началъ обнаруживать такую же крайность и нетерпимость. Кто не признавалъ безусловно его авторитета, напр. Карлштадтъ и др., тотъ былъ „сумасбродъ“ и „бунтовщикъ“. На знаменитомъ спорѣ въ Марбургѣ, будучи не въ состояніи побѣдить сильную діалектику Цвингли, Лютеръ отвѣтилъ ему грубою выходкою: — „у тебя нездравый умъ“. „Лютеранское поповство, состоящее изъ многихъ сотенъ мизерныхъ поповъ, съ такою нетерпимостію лаялось на все съ нимъ неединомыслящее, такъ пресмыкалось по-собачьи передъ сильнымъ, что Севастьянъ Франкъ, въ предисловіи къ своей книгѣ о ненавистной нетерпимости протестантской ортодоксіи, восклицаетъ: „прежде при папствѣ было много свободнѣе осуждать пороки государей и господъ; а теперь все долженъ восхвалять, а иначе сдѣлаешься бунтовщикомъ“. А эпиграмматикъ Логау сказалъ: „три вѣры на лицо: лютеранская, папская и кальвинская, но гдѣ же христіанство?“

Въ томъ именно и вѣчное несчастіе человѣчества, что предста-

вителями его прогрессивныхъ стремленій являлись люди всегда меньшаго роста, чѣмъ требовалось. Этихъ людей привыкли прозывать великими. Они хотя и становились во главѣ движенія и даже давали свое имя эпохѣ, въ которую дѣйствовали, но никогда не бывали настолько сильны и проникнуты въ такой мѣрѣ широтой народныхъ стремленій, чтобы доводить свое дѣло до конца. Напротивъ, они являлись даже врагами тѣхъ, кто хотѣлъ направить ихъ сужденіе и повести ихъ дальше.

Реформація, какъ и всѣ подобныя прогрессивныя движенія, недоѣдала своего дѣла и оттянулась назадъ къ узкому своекорыстію личнаго индивидуализма.

Но нѣмецкій геній не умеръ въ этой неудачѣ. Онъ сталъ искать себѣ свободы и нашель его въ основанной имъ Америкѣ; что же не могло уйти туда стало работать на своей старой родной почвѣ, повело по-прежнему борьбу съ своимъ старымъ врагомъ, стѣснявшимъ свободу мысли.

Нѣмцы справедливо гордятся своими заслугами, ибо въ первыхъ рядахъ человѣчества на пути прогресса стояло всегда нѣмецкое племя.

Если бы нѣмцы не сдѣлали ничего, кромѣ той незаконченной реформации, которую устроилъ Лютеръ, то и этого довольно, чтобы этому народу не умереть никогда въ исторіи.

Но и дальнѣйшія заслуги нѣмцевъ такъ велики и плодотворны, нѣмецкій геній работаетъ до сихъ поръ съ такой незнающей скачковъ и перерывовъ дѣятельностію, что Германія является какимъ-то умственнымъ титаномъ по сравненію съ другими народами континентальной Европы.

Національное чувство, одушевляющее нѣмецкихъ передовиковъ, — и которымъ согрѣта вся книга Ранке и вся книга Шерра — чувство очищенное, пропитанное гуманностію, чуждое всякой недѣльной нетерпимости, даетъ теперь нѣмецкому уму новую силу, которой онъ не владѣлъ, пока не вошелъ въ него этотъ согрѣвающій, свѣтлый элементъ.

Очень, очень рекомендуемъ книгу Шерра читателямъ, и особен-

но послѣднія ея главы, гдѣ авторъ говоритъ о социальномъ-умственной работѣ нѣмцевъ въ періодъ новѣйшей исторіи.

„Какъ много зависитъ отъ того, въ какое время приходится жить и лучшему человѣку!“ сказалъ разъ папа Адрианъ VI. И въ словахъ этихъ заключается глубокая историческая правда, которую однако игнорируетъ Наполеонъ III.

Адрианъ утрехтскій, бывшій профессоръ въ Левенѣ и наставникъ Карла V, былъ человѣкъ безукоризненной репутаціи, честный, небожный, дѣятельный, весьма серьезный и полный самыхъ лучшихъ, чистыхъ намѣреній. Несмотря на всѣ высокія личныя качества, Адрианъ VI не достигъ ни одной изъ цѣлей, которыми задаясь: добродѣтель страдала повсюду по-прежнему, христіанскія государства жить въ мирѣ не хотѣли, а въ Германіи—снова выступилъ Лютеръ. Что же касается Италіи и Рима, то Адрианъ, при всѣхъ своихъ лучшихъ намѣреніяхъ, достигъ только того, что возбудилъ всеобщее неудовольствіе. Стоило ли для этого вступать на папскій престолъ! Но могъ ли бы достигнуть этихъ цѣлей кто бы то ни было?

Кантъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „Пока, говоритъ онъ,—отдѣльные умы не придутъ къ единодушному соглашенію, касательно извѣстнаго числа общихъ идей, могущихъ образовать общую социальную доктрину, до тѣхъ поръ нація, къ какому бы политическому паліативамъ ни прибѣгали, поневолѣ будутъ оставаться въ тревожномъ, возбужденномъ состояніи и прочный общественный порядокъ невозможенъ“. Адрианъ хотѣлъ водворить порядокъ въ то время, когда болѣе чѣмъ когда-либо умы отдѣльныхъ людей разошлись и когда въ нѣдрахъ самого католицизма родилось развѣдающее его ученіе. Что могла значить въ подобномъ положеніи вещей воля одного человѣка, какъ бы ни были превосходны его

личныя намѣренія? Миръ не такъ легко заставить плясать по своей дудкѣ, хотя бы на этой дудкѣ игралъ самъ Орфей, ужь не говоря про Наполеона.

Но въ XVI столѣтїи существовало иное политическое воззрѣнїе. Напримѣръ, кардиналъ Кампеджи полагалъ, что нѣтъ ничего легче, какъ водворить повсюду миръ и согласїе, которыхъ никакъ не могъ добиться Адрианъ VI.

Въ запискѣ, поданной Карлу V, кардиналъ, съ увѣренностію полнѣйшей безошибочности, предлагаетъ императору заключить союзъ съ благомыслящими государями, затѣмъ несогласныхъ убѣждать, обѣщанїями или угрозами, а упорствующихъ — „это ядовитое растенїе — искоренить огнемъ и мечомъ“. Но какъ, безъ сомнѣнїя, и послѣ такой агрономической мѣры, могли остаться еще кое-гдѣ ядовитыя растенїя, то для искорененїя остатка, предполагалось учредить священныхъ инквизиторовъ. Что же касается до зловредныхъ идей, то лучшее средство противъ нихъ — сжечь всѣ зловредныя книги. Карлъ V проникся всеокрушающею грандіозностію этого плана, но выполнить его чувствовалъ себя безсильнымъ, несмотря на то, что въ его владѣнїяхъ солнце никогда не заходило.

То, что высказалъ Кампеджи въ своей запискѣ, есть истинное ядро, точка отправленїя католицизма.

Въ католицизмѣ одна коренная сущность — безошибочность, а въ слѣдствїе того неуклонность дѣйствїй и нетерпимость.

Католицизмъ выработалъ себѣ мировоззрѣнїе, начерталъ себѣ поведенїе и втеченїе болѣе тысячи лѣтъ идетъ по пути, на который разъ всталъ.

Католицизму нѣтъ дѣла, куда идетъ жизнь; творить ли она новыя истины, отыскиваетъ ли новыя пути для человѣческаго счастья. Онъ выработалъ себѣ принципъ и знать не хочетъ ничего иного и все несогласное съ этимъ принципомъ считаетъ зломъ и человѣческимъ заблужденїемъ. Но для кого зломъ? Для человѣчества или для католицизма?

Маленькое отступленїе: есть католицизмъ, какъ религіозное чувство, на которое дѣйствуетъ такъ обаятельно внѣшняя, торже-

ственная сторона католическаго богослуженія, недостающая въ простой обстановкѣ протестантизма, и есть католицизмъ, какъ церковно-политическая система. Я говорю исключительно о послѣдней.

Церковно-политическая система католицизма стремится къ міровому владычеству. Все, что мѣшаетъ, оно готово искоренить, какъ предлагалъ искоренить протестантовъ кардиналъ Кампеджи.

Католицизмъ не знаетъ науки, если она не его орудіе. Когда западная Европа, вставъ на путь самостоятельнаго изслѣдованія, захотѣла идти дальше Аристотеля, то явились слѣдующіе факты. Телезій, неуходившій далѣе физики, долженъ былъ всю свою жизнь прожить въ городкѣ, въ которомъ онъ родился. Кампанелла вынужденъ былъ жить эмигрантомъ и подвергнуться пыткамъ; Джіордано Бруно, сильнѣйшій философъ своего времени, послѣ множества преслѣдованій, наконецъ былъ схваченъ инквизиціею, осужденъ и сожженъ въ Римѣ „не только какъ еретикъ, но и какъ ересіархъ, написавшій нѣкоторыя вещи, затрогивающія религію и признанныя совершенно непопозволительными“. Галилей долженъ былъ отказаться отъ своей планетной системы. Католическіе монахи и до сихъ поръ противятся устройству желѣзныхъ дорогъ. Что было бы съ Европой, если бы католицизмъ остановилъ знаніе на той точкѣ, на которой оно стояло во времена перваго римскаго папы? Пылливому стремленію впередъ католицизмъ хотѣлъ указать предѣлъ и горе тому, кто отваживался его переступить.

Безсильный дать содержаніе наукѣ, католицизмъ далъ его искусству. Поэты отдавались лишь изображенію церковнаго, „потому что предпочитали обрабатывать съ христіанской точки зрѣнія истинныя событія, чѣмъ въ вымышленномъ искать нехристіанской славы“.

Живописцы точно также являлись орудіями непрогрессивной устойчивости и даже допускали себѣ анахронизмы, если это удовлетворяло цѣлямъ католической системы. Напримѣръ, св. семейство изображалось въ такомъ видѣ, что св. Іоаннъ цѣлуетъ ногу младенца Іисуса, или апостолы представляются соболѣзнующими св. Дѣвѣ.

Иногда дѣйствительность изображалась живописцами въ самой нерелигіозной формѣ. Доминикино рисуеть св. Агнесу подѣ мечомъ истекающею кровью; Гвидо рисуеть палачей, избивающихъ младенцевъ. Петръ-мученикъ изображенъ Гверчино въ моментъ, когда ему воткнули въ голову мечъ. Только ужасъ и злыя чувства возбуждаетъ живопись истиннаго католическаго художника.

Музыка тоже должна была испытать на себѣ цѣпенѣющее вліяніе католицизма. Долго не знали, допустить ли она подчинить себя цѣлямъ католицизма, и былъ сдѣланъ опытъ.

Папа Пій IV, вслѣдствіе разногласія по этому предмету, назначилъ особую комиссію, которая должна была рѣшить, можетъ ли музыка быть терпима въ церкви?

Къ счастью, явился человѣкъ, который могъ отстоять музыку; то былъ Пьетро Луиджи Палестрина. Павелъ IV исключилъ его изъ своей капеллы, потому что онъ былъ женатъ.

Палестрина сознавалъ вполнѣ важность задачи, такъ что на рукописи мессы написалъ: „Господи просвѣти очи мои“! Опытъ удался. Папа Пій IV, въ присутствіи котораго месса папы Марцелла, какъ была она названа, была въ первый разъ исполнена, пришелъ въ восторгъ и сравнивалъ ее съ небесными мелодіями, которыя слышались апостолу Іоанну въ его духовномъ восторгѣ.

„Именно это искусство, можетъ быть, до сихъ поръ наиболѣе удалившееся отъ церкви, слилось теперь съ нею всего тѣснѣе, говоритъ Ранке.—Связь эта получила для католицизма важнѣйшее значеніе. Самый католическій догматъ уже воспринялъ въ себя внутреннее созерцаніе и нѣчто мечтательное. Это же направленіе мы видимъ и въ основаніи наиболѣе распространенныхъ назидательныхъ и душеспасительныхъ сочиненій. Если духовная сентиментальность и восторженность составляли главное содержаніе поэзіи и живописи, то музыка еще болѣе соотвѣтствовала этому. Дѣйствуя непосредственнѣе, неотразимѣе и сильнѣе, чѣмъ всякое назиданіе и всякое другое искусство, и вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи чаще въ области идеальнаго, она скорѣе овладѣвала чувствами“.

Такимъ образомъ католицизмъ забиралъ въ свои руки всѣ

средства, чтобы подчинить себѣ нравственный міръ человѣка, при-
братъ къ своимъ рукамъ человѣческую душу.

Въ выборѣ средствъ онъ не пугался идти и дальше, если эти средства вели непосредственно и вѣрно къ цѣли. Католическіе писатели доказывали, „что основное условіе власти государей заключается въ томъ, чтобы они исповѣдывали католическую вѣру и защищали ее, какъ объ этомъ гласятъ обѣты, приносимые при крещеніи, и присяга, приносимая при коронаціи“; „надо быть безумнымъ, говорить Персонъ, чтобы признавать государя, если онъ, не смотря на это, не выполняетъ своей главной обязанности; въ такомъ случаѣ подданные должны, напротивъ, изгнать его“. По католической теоріи у человѣчества нѣтъ другой обязанности, кромѣ исполненія требованій римско-католическаго исповѣданія; что не можетъ быть власти, которая бы противорѣчила римской церкви; что самое существо и сила власти зависятъ прямо отъ ея направленія въ пользу католицизма. Белларминъ излагаетъ въ цѣлой стройной системѣ теорію всемогущества папы, поставленнаго непосредственно самимъ Богомъ оберегателемъ и главою всей церкви. Папѣ дана непогрѣшимость, онъ судитъ всѣхъ, а самъ никѣмъ не можетъ быть судимъ; ему же, слѣдовательно, принадлежитъ и наибольшее участіе въ свѣтскомъ могуществѣ. Свѣтская власть есть тѣло, духовная—душа, а потому церковь имѣетъ такой же перевѣсъ надъ государствомъ, какой имѣетъ душа надъ тѣломъ. Духовная власть обязана обуздывать свѣтскую власть, какъ скоро она вредитъ цѣлямъ религіи; она имѣетъ право прямого вѣнша-тельства въ законодательство. Если бы обнаружилась необходимость въ какомъ-либо законѣ, имѣющемъ душеспасительную цѣль, и свѣтскій государь отказался бы его издать, то папа имѣетъ право приказать издать одинъ законъ и отмѣнить другой. Папа, по этому ученію, имѣетъ даже право измѣнить управленіе и передать власть отъ одного лица другому. Въ іезуитскихъ школахъ учили, что Богъ не далъ никому особенно свѣтской власти; изъ чего и слѣдуетъ, что онъ далъ ее народамъ; власть государя не только подчинена власти папы, насколько это необходимо для спасенія

души, но государь можетъ быть низвергнуть народомъ и намѣсто его можетъ быть избранъ другой народнымъ большинствомъ. Іезуитъ Маріанна доказываетъ, что государя можно свергнуть и даже убить, если онъ оскорбляетъ религію. Онъ восхваляетъ Іакова Климента, который, по совѣщанію съ богословами, умертвилъ своего короля. И такое ученіе проповѣдываютъ съ особеннымъ жаромъ во Франціи! Поэтому понятно, какъ католическая церковь относилась къ царубійству. Когда къ Сиксту V пришло извѣстіе объ убійствѣ Генриха III, папа пришелъ въ великое религіозное изумленіе и увидѣлъ въ этомъ персть божій и провидѣніе, непокидающее католическую Францію. „Среди своего войска, говорилъ Сикстъ,—будучи готовъ овладѣть Парижемъ, въ своемъ собственномъ кабинетѣ убилъ его однимъ ударомъ бѣдный монахъ!“ Сикстъ V говорилъ раньше, что Генрихъ III погибнетъ какъ Саулъ и должно быть увидѣлъ въ этомъ убійствѣ исполненіе своего пророчества. „Только помощи всемогущаго—писалъ Мендоза Филиппу—слѣдуетъ приписать это счастливое событіе“. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о теоріи нравственности и грѣха, хитро-придуманной и весьма послѣдовательно развитой іезуитами. Особенно любопытно ученіе пробабиллизма, которымъ можно оправдать всякую нравственную мерзость. По этому ученію высшимъ требованіямъ совѣсти ходу давать не слѣдуетъ и лучшее средство избавиться отъ нихъ—слѣдовать болѣе умѣреннымъ мнѣніямъ, хотя бы они были и не вполне признаваемы.

Съ такими страшными теоретическими средствами и съ такими страшными орудіями, какъ католическая и особенно іезуитская исповѣдь и иневициція, католицизмъ повидимому долженъ былъ бы забрать въ свои руки всю судьбу человѣчества. Наука, искусство, свѣтская власть, наконецъ народъ, распаляемому фанатизму котораго ввѣрялась жизнь и судьба государя, неслужащаго цѣлямъ католицизма,—все это должно было служить католицизму. Католицизмъ—путеводная звѣзда, ведущая человѣчество безошибочнымъ путемъ къ спасенію на небѣ и къ счастію на землѣ. Католицизмъ—источникъ

всякой истины, начало и корень истиннаго прогресса. Вотъ что думалъ о себѣ католицизмъ.

Но если это такъ, почему же первая французская республика обходится такъ нецеремонно съ Пиемъ VI и еще нецеремоннѣе обходится Наполеонъ I съ Пиемъ VII? откуда то неловкое положеніе, въ которомъ находится Пій IX? Если это такъ, то почему явилось протестантство, почему исчезла инквизиція, а вѣрныя слуги католичества—іезуиты, изгнаны повсюду?

Исторія развивается отдѣльными моментами. Каждый моментъ удовлетворяетъ извѣстному стремленію, отвѣчаетъ извѣстной потребности, разработываетъ извѣстный принципъ. Въ этой исторической работѣ главное участіе принимаетъ всегда какой нибудь одинъ народъ, разрабатывающій задачу времени и поляѣе олицетворяющій собой данный принципъ. Этотъ-то народъ и возбуждаетъ міровое движеніе, за нимъ идутъ другіе. Было время, когда и Римъ имѣлъ подобное же міровое значеніе, а именно когда на развалинахъ древняго міра возникала новая Европа, когда христіанство смѣняло язычество, когда нужно было сформировать новое религіозное міровоззрѣніе. Окончивъ свою задачу, Римъ сошелъ со сцены всеобщей исторіи и, несмотря на всѣ свои домогательства и притязанія, не могъ уже играть никакой роли. Будучи нѣкогда силой прогрессивной и закованъ въ своемъ принципѣ, онъ сталъ наконецъ источникомъ отсталости, помѣхой цивилизаціи. Католическая система идетъ поэтому къ вымиранію.

Новые вопросы смѣнили задачу католичества: явилась реформація и на Германію выпала очередь возбудить міровое движеніе и сдѣлаться центромъ всеобщей исторіи. Потомъ возникли политическія движенія и тогда Франція встала во главѣ Европы. Въ теперешній моментъ передовая роль въ исторіи принадлежитъ Америкѣ; а Франція изъ нѣкогда передовой, благодаря бонапартизму, стала чуть не въ послѣдніе ряды европейскихъ народовъ.

Бонапартизмъ это своего рода католичество. Онъ тоже непогрѣшимъ, онъ тоже рѣшился бы распространить свою власть на весь міръ, онъ тоже пользуется католическими средствами и не чуждъ

іезуитской теоріи нравственности. Законъ о безопасности Наполеона III развѣ построенъ не на одномъ началѣ съ запиской кардинала Кампеджи?

„Римскіе папы“ переведены съ послѣдняго нѣмецкаго изданія и переведены и изданы хорошо. Но почему издатель ставитъ себя въ заслугу, что онъ отпечаталъ лишь небольшое число экземпляровъ? Или хорошія книги не требуютъ распространенія и ихъ должны читать немногіе? Но кто же сіи счастливыцѣ?

Н. Шедгуновъ.

Георгъ Комбъ, въ своей „Системѣ френологіи“, цитируемой Бэнномъ, въ его книгѣ „Объ изученіи характера“, рассказываетъ между прочимъ слѣдующій случай: нѣкто англичанинъ Джонсъ лишился сознанія отъ раны, полученной имъ на кораблѣ въ Средиземномъ морѣ, пробылъ въ такомъ безсознательномъ состояніи нѣсколько мѣсяцевъ въ Гибралтарѣ и, наконецъ, былъ переведенъ въ госпиталь св. Томаса въ Лондонѣ. Здѣсь хирургъ Кайнъ нашелъ у него черепъ вдавленнымъ, трепанировалъ, отнялъ вдавленную часть кости и не далѣе какъ черезъ три часа послѣ операціи больной пришелъ въ чувство, могъ говорить и сидѣть. Оказалось, что послѣднимъ событіемъ, сохраннымъ его памятью, — былъ захватъ приза на Средиземномъ морѣ, случившійся за тринадцать мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Въ данномъ случаѣ, незначительное давленіе черепной кости на мозгъ — было причиной остановки процесса психической дѣятельности, и дѣйствительно, мы знаемъ, что надавливая пальцемъ на обнаженный, вслѣдствіе поврежденія черепа, мозгъ и потомъ отнимая руку, можно послѣдовательно приостанавливать и возстановлять сознательность. Тотъ же Комбъ, въ другомъ мѣстѣ той же книги, приводитъ мнѣніе извѣстнаго френолога Ф. Галля, по его словамъ, недопускающее исключеній, что если горизонтальная окружность головы не превышаетъ 13 —

14 дюймовъ, то идиотизмъ неизбѣженъ въ человѣкѣ,—и Бэнъ, цитируя это мѣсто „Системы френологіи“, въ подтвержденіе его ссылается на наблюденія доктора Ваазена надъ идиотами, въ парижскомъ госпиталѣ, въ 1835 году, вполне оправдавшія положеніе Галля. По наблюденіямъ Ваазена, у крайнихъ идиотовъ, н обнаруживавшихъ никакихъ слѣдовъ мысли, горизонтальная окружность головы, — повыше глазной впадины,—не превосходила 11—13 дюймовъ. У идиотовъ, нечуждыхъ проблесковъ ощущеній и представлений, но лишенныхъ памяти и разсудка,—14—17 дюймовъ. И, наконецъ, у мыслившихъ, хотя и слабо, отъ 17 до 19, принимая нормальный размѣръ здоровой головы въ 22 дюйма. Таковы факты и наблюденія, десятки лѣтъ тому назадъ добытые и указанные наукой („Система френологіи“ Комба появилась въ свѣтъ въ 1824 г.). Если присоединить къ нимъ свидѣтельство обыденнаго опыта, показывающаго, что все такъ называемыя душевныя волненія, или, что тоже, чувства, по большей части, всегда сопровождаются своимъ естественнымъ языкомъ, физическимъ движеніемъ (мимикой), каковы: различные жесты, улыбки, пожиманіе плечъ, насупливаніе бровей и проч., то, казалось бы, все подобныя данныя, имъ же нѣтъ числа, давно уже могли убѣдить психологовъ въ существованіи тѣсной и непосредственной связи психическихъ и физическихъ отправленій человѣка и, такимъ образомъ, побудить ихъ, въ видахъ *всесторонняго* познанія первыхъ, къ рациональному изученію послѣднихъ.

Но, не даромъ сказалъ Гете: въ мірѣ такъ мало голосовъ и такъ много эховъ!... И нигдѣ, быть можетъ, въ такой мѣрѣ, ни примѣнимы его слова, какъ въ обширной, и вмѣстѣ пустынной области психологической науки... Какъ тысячу лѣтъ назадъ составлялось воззрѣніе, что физическій и психическій процессы жизни, будучи крайними противоположными полюсами, изъ всехъ процессовъ, доступныхъ нашему наблюденію, — совершенно независимы и раздѣльны такъ и до сихъ поръ присяжные психологи метафизической школы овторяють ту же пѣснюхотя, и на новый ладъ. Оставявлявая преимущественное вниманіе на внѣшнемъ различіи чистаго, какъ

эфиръ, мышленія и чувствованія, неимѣющихъ ни протяженія, ни вкуса, ни запаха и вещественныхъ отправленій органовъ мозга и нервной системы, обладающихъ и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ,—они, забывая факты, указывающіе противное, не видятъ (или не желаютъ видѣть) непосредственной связи духа съ тѣломъ; психическія и физическія явленія жизни считаютъ совершенно несоизмѣримыми величинами, не допускаютъ опыта, ограничиваются однимъ внутреннимъ самонаблюденіемъ, игнорируютъ изученіе фізіологической основы психическихъ отправленій и, такимъ образомъ, лишены твердой точки опоры, въ концѣ концовъ, какъ бѣлка въ колесѣ, путаются въ паутинѣ метафизическихъ тонкостей. А наука ихъ, по ихъ же общему мнѣнію, представляетъ хаотическій складъ множества другъ другу противорѣчащихъ гипотезъ, при совершенномъ почти отсутствіи такихъ точныхъ, опредѣленныхъ законовъ, которые были бы равно всеми приняты. И такъ какъ пословица говоритъ: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, то, кто знаетъ, какъ долго еще, быть можетъ, пришлось бы имъ разыгрывать роль кружащейся въ колесѣ бѣлки, если бы новѣйшіе успѣхи физики, химіи и нервной фізіологіи не вывели психологію изъ заколдованнаго круга. Сами по себѣ присяжные психологи не могли (или не желали) спуститься сверху внизъ, отъ изученія психическихъ отправленій къ изученію физическихъ, и потому сила вещей заставила—прежде всего френологовъ, а за ними физиковъ (Фехнеръ, Ноакъ и пр.) и фізіологовъ (Веберъ, Фогтъ и пр.), снизу забраться вверхъ, фізіологію тѣла расширить и сопоставить съ фізіологіей духа, разумѣется, къ обоюдной выгодѣ ихъ. И какъ ни страшенъ казался первымъ новый голосъ, раздавшійся со стороны послѣднихъ и требовавшій фізіологическихъ знаній, при психологическихъ изысканіяхъ, однако блестящія изслѣдованія Вебера и *въ особенности* Фехнера, открывшаго по слѣдамъ Вебера законъ возрастанія ощущеній (по которому ощущенія относятся къ впечатлѣніямъ, какъ логарифмы къ ихъ простымъ числамъ), нѣсколько примирили ихъ съ нами. Психологи,—по крайней мѣрѣ, благоразумное большинство ихъ,—чуть не въ первый разъ снисхо-

дительно выслушали физиологовъ, въ лицѣ Фехнера, — и хотя замѣтили имъ, что психологу не подобаетъ-де заниматься физиологическими и физическими изслѣдованіями, однако, на этотъ разъ, одобрили, и главное, *въ видъ исключенія* допустили такое новаторство... Но если разъ рутинѣ сдвинута съ своего мѣста, то первая уступка ея ведетъ за собою и другія. И дѣйствительно мы видимъ, какъ съ каждымъ днемъ увеличивается число присяжныхъ психологовъ, обращающихся къ помощи физиологій за объясненіемъ психическихъ процессовъ умственной дѣятельности чловѣка. Въ ряду ихъ, англійскій психологъ Бэнъ, — „Психофизиологическіе этюды“ котораго, впервые напечатанные въ 1868 году въ англійскомъ „Двухдѣльномъ Обзорѣніи“, въ настоящую минуту появились въ русскомъ переводѣ г. Резенера, — занимаетъ, безъ сомнѣнія, одно изъ наиболѣе видныхъ, чтобъ не сказать первыхъ мѣстъ. Наша переводная литература такъ бѣдна хорошими спеціальными сочиненіями по психологій, что знакомство съ психофизиологическими трудами Бэна *тѣмъ болѣе* должно быть истинною находкою для русской публики. Жаль только, что знакомство это страдаетъ отрывочностію и безсвязностію, что издатели, знакомящіе насъ съ сказанными „Этюдами“ Бэна, оставляютъ безъ вниманія другія сочиненія того же автора: „Чувства и разумъ“ и „Ощущенія и воля“, три года тому назадъ обѣщанныя къ переводу гг. Заленскимъ и Любарскимъ, но и понынѣ не переведенныя), между тѣмъ какъ многія дѣйствительно полезныя мысли, положенія и выводы, лишь мелькомъ высказанныя въ первыхъ, обстоятельно и подробно развиты въ послѣднихъ. Поэтому безъ предварительнаго знакомства съ ними, „Психо-физ. этюды“ будутъ читаться не легко, и даже могутъ порой отталкивать читателя нѣкоторой темнотой, отрывочностію и лаконичностію, происходящими благодаря совершенно понятному нежеланію автора повторять то, о чемъ прежде въ другомъ мѣстѣ достаточно говорилось. Впрочемъ, и въ такомъ, такъ сказать, разбросанномъ видѣ, „Этюды“ Бэна представляютъ значительный интересъ. И мы, чтобъ пріохотить читателей къ ближайшему знакомству съ сочине-

ніями Бэна, а также показать всю плодотворность фізіологическихъ изысканій, при рѣшеніи психологическихъ вопросовъ, резюмируемъ вкратцѣ тѣ изъ главныхъ положеній ихъ, которыя имѣють наиболѣе практическое жизненное значеніе. Надѣемся, наши читатели не посѣтуютъ на насъ за это.

Исходя съ той, указанной нами выше точки зрѣнія, что психическая дѣятельность близко граничитъ съ физической, и что поэтому знаніе первой немислимо безъ изученія послѣдней, Бэнъ разсматриваетъ въ своихъ „Этюдахъ“ „тройное отправленіе человѣческаго духа, т. е. чувства, волю и умъ съ фізіологической точки зрѣнія“ или, говоря проще, указываетъ нѣкоторые общіе законы относительно связи духовныхъ явленій съ физическими отправленіями человѣческаго организма. Согласно утилитарной теоріи, основнымъ началомъ, руководящимъ человѣка въ жизни, служитъ стремленіе его къ благу, счастью, или, что тоже—наслажденію, ибо, съ этой точки зрѣнія, счастье состоитъ въ возможно большемъ количествѣ, возможно-лучшаго качества наслажденій, при отсутствіи страданій. И это основное начало, въ которомъ, какъ въ оптическомъ фокусѣ, концентрируются всѣ стремленія духа, Бэнъ кладетъ въ основу психической дѣятельности человѣка. Согласно его воззрѣнію, подробно развитому имъ въ сочиненіи „Чувства и разумъ“, различіе (противоположность) удовольствія и страданія обнимаетъ всѣ одинадцать насчитываемыхъ имъ категорій различныхъ проявленій или, что тоже—родовъ чувствъ. Выражаясь наглядно, оно какъ бы служитъ термометромъ чувства, которымъ пользуются: *непосредственно* воля, направляющая движенія къ обезпеченію ощущеній, сопровождаемыхъ наслажденіемъ, и устраненію впечатлѣній, доставляющихъ страданіе, и 2) умъ, стремящійся къ той же цѣли, но помощію цѣлаго ряда *посредствующихъ* дѣйствій (для достиженія далекаго наслажденія и предотвращенія отдаленнаго страданія), знаніемъ причины и слѣдствія, цѣли и средства или, говоря иначе, познаніемъ порядка (и законовъ) вселенной“. — Но, считая, подобно Миллю, „великій основной законъ удовольствія и страданія — основой, главной опорой нашего существованія“, Бэнъ го-

раздо полнѣе и точнѣе Милля опредѣляетъ исходную точку его. Въ самомъ дѣлѣ, согласно теоріи Милля, человѣкъ стремится къ благу, или, что тоже—счастію, а счастье состоитъ въ наслажденіи... Но въ чемъ *именно* состоитъ наслажденіе? На это онъ не даетъ и не можетъ дать *точно* отвѣта, вслѣдствіе чего представляется обширное поле для произвольныхъ толкованій всѣхъ и каждаго, при опредѣленіи критерія человѣческихъ нуждъ, потребностей и стремленій. Г. Скарятинъ, напр., увѣряетъ, что онъ стремится къ благу, и г. И. Аксаковъ, по его словамъ, стремится къ благу, и Добролюбовъ стремился къ благу, однако ихъ *повидимому одинаковыя* стремленія не только не одинаковы, но и, быть можетъ, діаметрально-противоположны другъ другу. Кто-жъ изъ нихъ правъ, На чьей сторонѣ истина? Другими словами, нѣтъ ли мѣрки для измѣренія степени полезности или вредности ихъ *благихъ* и *полезныхъ*? по ихъ словамъ, стремленій? Очевидно, что если бы можно было *точно* опредѣлить понятія удовольствія и, такимъ, образомъ найти столь же *точный* критерій для отличія его отъ страданія и различія его степеней,—разногласія въ пониманіи блага, счастья, наслажденія не могло бы быть; получилась бы опредѣленная мѣрка человѣческихъ дѣйствій, и утилитарная теорія стала бы на твердую реальную почву. Такую попытку, между прочимъ, и дѣлаетъ Бэнъ, въ своихъ „Этюдахъ“, утверждая, что „состояніе удовольствія соединено съ усиленіемъ, а состояніе страданія съ уменьшеніемъ всѣхъ или нѣкоторыхъ жизненныхъ отправленияхъ,“ или, говоря другими словами, что „наслажденіе состоитъ въ увеличеніи, а страданіе—въ уменьшеніи жизненной силы“ (стр. 34), и выводя этотъ законъ индуктивнымъ путемъ изъ анализа многочисленныхъ наблюденій надъ тѣми состояніями нашихъ душевныхъ волненій, при которыхъ проявляется то или другое чувство. „Человѣкъ любитъ ощущенія“, сказалъ еще Аристотель, и дѣйствительно, дѣятельность, въ обширномъ смыслѣ слова,—насушная потребность человѣческой природы: какъ желудокъ, печень и пр. требуютъ пищи и работы, такъ и внѣшнія чувства, мозгъ и пр. нуждаются въ дѣятельности. Поэтому, очень

естественно, что всякое приращеніе энергіи жизненныхъ отправленій, каковы: принятіе пищи (усиленіе дѣятельности желудка), чтеніе (мозга), движеніе (мускуловъ), составляетъ наслажденіе до тѣхъ поръ, пока умѣренное, соотвѣтственное питанію, возбужденіе одного органа не происходитъ насчетъ другихъ, вслѣдствіе этого ослабляемыхъ, и потому порождающихъ уже страданіе. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, къ сожалѣнію, недостаточно развитой, только вскользь намѣченной Баномъ,—(хотя ея гораздо проще объяснилось бы многое то въ классификаціи удовольствія и страданій, на что иначе онъ потратилъ напрасно нѣсколько лишнихъ зарядовъ пороха.)—высшее наслажденіе доставляется такого рода возбужденіемъ, дѣятельностію или вообще жизнью, которыя одинаково возбуждаютъ какъ физическія, такъ и умственные отправленія организма, даютъ пищу мозгу, чувствамъ и пр., въ равной мѣрѣ, какъ и желудку, печени и пр. И, напротивъ, источникъ всякаго рода страданій нужно искать въ излишнемъ возбужденіи одного органа, эксплуатирующаго, если можно такъ выразиться, всѣ другіе.

Таковъ—въ общихъ чертахъ—критерій счастья и удовольствія, вложенный въ насъ самой природой, и нарушаемый лишь въ патологическомъ состояніи организма. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что больной, разстроившій себѣ желудокъ, не иначе, какъ съ отвращеніемъ принимаетъ пищу, или, что человекъ, бездѣйствующій въ умственномъ отношеніи, находитъ удовольствіе въ пьяныхъ или эротическихъ оргіяхъ. Оба они больны, и этимъ объясняются многочисленныя различія во взглядѣ на наслажденія различныхъ индивидовъ, у которыхъ не всѣ органы моральныхъ и физическихъ отправленій одинаково дѣятельны и здоровы,—разумѣется, приблизительно-одинаково, потому что, совершенное равенство въ этомъ случаѣ не болѣе, какъ недостижимый идеаль. Однако, несмотря на это, самъ по себѣ критерій, не трудно понять, остается въ своей силѣ, потому что только фізіологическое состояніе мы можемъ разсматривать, какъ правило, всѣ же патологическія явленія необходимо относить къ исключеніямъ: прихоти и капризы больного

отнюдь не могут и не должны служить мѣрою потребностей здороваго человѣка, живущаго полною дѣятельною жизнію.

Но какъ скоро существуетъ мѣра удовольствія и страданія, услуги этого, если можно такъ выразиться, нравственнаго термометра неоцѣннымы. Прилагая его къ оцѣнкѣ разнаго рода человѣческихъ дѣйствій, потребностей и стремленій, мы находимъ въ немъ точное и полное объясненіе многому тому, что вѣрно подмѣчено, но не могло быть достаточно точно объяснено теоріей Милля. Мы поймемъ, почему человѣкъ, слѣдующій этой оцѣнкѣ, умственное духовное наслажденіе всегда предпочтетъ грубому матеріальному? Потому, что, расширяя сферу его потребностей, первое дѣлаетъ жизнь человѣка полнѣе, разнообразнѣе, богаче, однимъ словомъ, *усиливаетъ его жизненность*. Почему, выражаясь словами Милля, — „немного найдется такихъ людей, которые ради полной чаши животныхъ наслажденій, согласились бы промѣнять свою человѣческую жизнь на жизнь какого нибудь животнаго...“ Потому, что послѣдняя представляетъ, сравнительно съ первою, — значительное *ослабленіе некоторыхъ жизненныхъ отправленій*, и именно психическихъ. Почему, наконецъ, — „чувство общительности, присущее человѣчеству, этотъ *базисъ* утилитарной нравственности, принадлежитъ къ числу тѣхъ свойствъ человѣка, которыя съ прогрессомъ цивилизаціи постоянно возрастаютъ въ своей силѣ, даже безъ всякаго ухода за ними?“. Опять таки потому, что большая общительность, сталкивая и связывая большее число интересовъ большаго числа людей, увеличиваетъ число интересовъ, затрогивающихъ каждаго человѣка, — увеличиваетъ сумму его потребностей, стремленій и отправленій, а это увеличеніе, какъ мы выше видѣли, составляетъ богатый родникъ всякаго рода умственныхъ и физическихъ наслажденій и т. д. — Чтобъ показать всю плодотворность этого положенія для науки и практической жизни, — нужна цѣлая книга или, по меньшей мѣрѣ, статья; въ предѣлахъ же библиографической замітки по неволѣ приходится ограничиться лишь слабымъ указаніемъ на нее.

Изъ вышеизложеннаго читатель могъ убѣдиться насколько уже

и теперь физиологія можетъ быть полезна психологіи. Но чтобы онъ могъ судить о томъ, какъ велики надежды, возлагаемыя послѣднею на первую, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, мы въ заключеніе познакомимъ его еще съ весьма остроумной гипотезой Бэна, съ помощію которой онъ пытается указать физиологическую основу памяти въ своемъ этюдѣ: „Умъ съ физиологической точки зрѣнія“. Въ началѣ перваго этюда, Бэнь, между прочимъ, приводитъ слѣдующее выраженіе Гоббза: „для человѣка, говоритъ Гоббзъ, все равно ощущать ли всегда одно и то же, или не ощущать ничего“. Этими словами вполнѣ характеризуется относительность нашего знанія. Въ самомъ дѣлѣ: я имѣю понятіе о столѣ, на которомъ пишу, *потому* что на своемъ вѣку видалъ много другихъ предметовъ, съ нимъ сходныхъ (всякаго рода столовъ), и еще болѣе другихъ, несходныхъ (лампы, стаканы и пр.), и могу различить его отъ послѣднихъ (актъ *различенія*) и согласить, уподобить съ первыми (актъ *соглашенія*), образы которыхъ (если не всѣхъ, то, во всякомъ случаѣ, многихъ) удержались въ моемъ умѣ (актъ *удержанія* или сила *памяти*). Таковъ троякій процессъ, сопровождающій всякаго рода умственную дѣятельность,—и послѣдній изъ этихъ трехъ неразрывныхъ актовъ познавательнаго процесса останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе Бэна. Что такое память? Какимъ образомъ возможно скопить въ трехфунтовой „массѣ жирной и бѣлковинной ткани (т. е. въ мозгу), раздѣленной на тонкія нити (волокна), всѣ тѣ сложныя группировки, которыя составляютъ всѣ наши природныя и пріобрѣтенныя способности и все наше знаніе?“ спрашиваетъ онъ, изумленный величіемъ памяти, и отвѣчаетъ на это такимъ образомъ. Удержаніе, усвоеніе, или—что то же—память—Бэнь опредѣляетъ, какъ такую способность духа, которая продолжаетъ въ умѣ впечатлѣнія, невозбуждаемыя болѣе прежнимъ стимуломъ, и снова, по временамъ, вызываетъ ихъ, одними умственными силами, безъ посредства новыхъ повторительныхъ ощущеній. И затѣмъ сводитъ вопросъ къ тому: существуетъ ли въ мозгу особый спеціальный органъ памяти, или источникъ ея надо искать въ воспринимаю-

щихъ ощущенія орудіяхъ?.. До послѣдняго времени въ наукѣ господствовало ученіе о существованіи такъ называемаго „общаго чувствилища“, въ смыслѣ мозгового органа, исключительно предназначеннаго для скопленія идей совершенно отличнаго отъ органовъ, воспринимающихъ ощущенія. Но теперь это воззрѣніе, какъ противорѣчащее многимъ научнымъ и общеизвѣстнымъ фактамъ, отвергнуто большинствомъ ученыхъ и въ ихъ числѣ Бэнномъ, полагающимъ, что „возобновленное чувство занимаетъ тѣ же самыя части, *проходитъ тѣмъ же нервнымъ путемъ*, какъ и первоначальное“, и что, слѣдовательно, коренится оно не въ общемъ чувствилищѣ, а въ тѣхъ же воспринимающихъ органахъ. Такъ мы знаемъ, что живое воспоминаніе пріятнаго или непріятнаго вкуса вызываетъ нерѣдко тоже выраженіе лица, какъ и настоящее ощущеніе его, а продолжительное представленіе яркаго цвѣта утоляетъ зрѣніе. Или: извѣстны также приводимые Бэнномъ наблюденія Вагнера надъ случаемъ потери рѣчи, при нормальности отправленій другихъ умственныхъ способностей, происшедшіе вслѣдствіе разстройства нѣкоторыхъ *особыхъ* частей мозга, и именно второго и третьяго лобныхъ свитковъ его. И если прибавить къ этому, указанную Галлемъ, зависимость между объемомъ мозга и силою душевной дѣятельности, то надо согласиться съ слѣдующимъ положеніемъ Бэна: „для каждаго дѣйствія памяти, каждаго проявленія тѣлесной способности, каждой привычки, каждаго воспоминанія, каждаго ряда идей существуетъ специальная группировка особыхъ нервныхъ волоконъ, специальное сопоставленіе ощущеній и движеній, *въ силу специальныхъ образованій въ клеточныхъ соединеніяхъ*“.

(Психо-физ. эт., стр. 75). Чтобъ выразить эту мысль нагляднѣе для примѣра возьмемъ, приводимое Бэнномъ, пріобрѣтеніе усвоенія имени какого либо предмета на природномъ языкѣ, положимъ солнца. Пріобрѣтеніе это, составляемое путемъ долгаго опыта, получается въ умѣ посредствомъ сопоставленія группы усвоенныхъ прежде членораздѣльныхъ звуковъ, составляющихъ *слово* „солнце“, съ опредѣленною группою впечатлѣній на внѣшнія чувства, производимыхъ *видомъ* солнца. А это сопоставленіе, согласно гипотезѣ

Бэна, происходит соотвѣтственнымъ сочетаніемъ особыхъ волоконъ зрительнаго нерва, возбуждаемаго ощущеніемъ вида солнца, съ спеціальными волокнами нервовъ, движущихъ грудною полостію, горломъ и ртомъ, для произнесенія слова „солнце“. Но это приобрѣтеніе, не очень простое и не очень сложное; оно состоитъ изъ многихъ другихъ, болѣе простыхъ (напримѣръ, въ данномъ случаѣ, членораздѣльныхъ звуковъ и пр.), а также можетъ входить въ тысячу другихъ сочетаній, болѣе сложныхъ: такъ, одно и то же ощущеніе, напримѣръ, вида солнца, въ одномъ случаѣ, можетъ возбудить волокна двигательныхъ нервовъ, управляющихъ мускулами рукъ и ногъ (человѣкъ возьметъ шляпу и пойдетъ гулять, и притомъ медленно или скоро, туда или сюда и пр.), въ другомъ — волокна нерва, управляющаго мускулами, прищуривающими глазъ и т. д. до безконечности. И для каждаго изъ такихъ сочетаній должна быть спеціальная группировка нервныхъ волоконъ. Словомъ, выражаясь еще нагляднѣе, проще и рѣзче, согласно гипотезѣ Бэна, слѣдуетъ, что каждому особому представленію, понятію и пр. должна соотвѣтствовать особая группировка особыхъ волоконъ, соединяющихся, или, лучше сказать, перекрещивающихся въ безчисленныхъ точкахъ соединенія нервныхъ вѣточекъ.

И чтобъ доказать, что эта гипотеза, „предполагающая существованіе независимаго нервнаго пути для каждаго физическаго и психическаго приобрѣтенія, не представляетъ ничего невозможнаго“ — Бэнь, основываясь на физиологическихъ изысканіяхъ доктора Ліонеля Вилля, пытается сравнить, съ одной стороны, количество человѣческихъ знаній, съ другой — число нервныхъ элементовъ мозга и, такимъ образомъ, показать, что какъ ни велика сфера первыхъ, — послѣднихъ никакъ не меньше. Для опредѣленія первой величины, Бэнь беретъ филолога, знающаго шесть языковъ и, выкидывая изъ счета сходныя имена, принижаетъ число филологическихъ знаній его равняющимся отъ 20 до 30 тысячъ. Затѣмъ, полагая, что все другія приобрѣтенія (зрительныя, слуховыя и пр.) этого филолога, *столь же сложныя*, — взятая вмѣстѣ, составятъ нѣсколько менѣе первыхъ, насчитываетъ

максимум 50 тысяч сочетаний, *подобных* указанному выше сочетанию слова „солнце“ съ предметомъ его, для необыкновеннаго ума,—и 10 тысячъ—обыкновеннаго. Сопоставляя же ихъ съ количествомъ волоконъ (толщина которыхъ отъ $\frac{1}{1500}$ — $\frac{1}{10000}$ дюйма) и клѣточекъ (отъ $\frac{1}{300}$ — $\frac{1}{12000}$ дюйма) человѣческаго мозга, насчитываемыхъ въ немъ: первыхъ — тысяча милліоновъ и послѣднихъ—двѣсти милліоновъ (по одной клѣточкѣ на пять волоконъ), — получаетъ, что на одно *такое* (т. е. на столько сложное) приобрѣтеніе имѣется сто тысячъ фибръ (волоконъ) и 20 т. клѣточекъ — для обыкновеннаго ума, и 20,000 фибръ, 4 тысячи клѣточекъ, — для необыкновеннаго,—что и требовалось доказать. То есть, говоря другими словами, что каждое изъ *подобных* сочетаний, *посредствомъ обширной стѣи* чувствительныхъ и двигательныхъ нервныхъ волоконъ, можетъ вступить въ десятки (и до сотни) тысячъ другихъ болѣе сложныхъ комбинацій, обусловливаемыхъ, какъ уже выше сказано, необыкновеннымъ богатствомъ, гибкостью и подвижностію нашей познавательной способности.—Конечно, все это—*пока* не болѣе, какъ гипотеза, неимѣющая никакого *положительнаго* значенія въ настоящемъ психо-физиологической науки, лишь указывающая на завидную перспективу ея въ будущемъ, и самъ Бэнъ, совершенно чуждый заносчивости, къ сожалѣнію, столь свойственной вообще ученымъ, вскормленнымъ молокомъ классической премудрости, — скромно называетъ ее „несовершенною попыткою.“ Но, не въ обиду будь сказано рутинерамъ, настаивающимъ на вредѣ гипотетическихъ построеній въ наукѣ, кто изъ дѣйствительно-любящихъ ее и занимающихся ею не знаетъ, какъ важны и плодотворны гипотезы, хотя бы уже въ томъ смыслѣ, что заставляютъ обобщать разъединенные до того факты знанія, въ противномъ случаѣ уединенно торчащіе по угламъ храма науки, и тѣмъ способствуютъ дальнѣйшей разработкѣ и провѣркѣ ихъ. Если настоящей замѣткой намъ удалось приохотить читателя къ ближайшему знакомству съ сочиненіями Бэна, цѣль наша достигнута; затѣмъ намъ остается лишь совѣтовать ему—обратиться къ первоначальному источнику, давшему намъ поводъ гово-

рять о Бэнѣ, а издателямъ „Психо-физ. этюдовъ“ — издать переводы другихъ психологическихъ сочиненій того же автора, представляющихъ, по справедливому мнѣнію Милля, выраженному имъ въ его „Системѣ логики,“ самый полный и самый совершенный анализъ духовныхъ явленій, изъ всѣхъ, какіе только появлялись до сихъ поръ, когда либо и гдѣ либо.

ЖУРНАЛИСТИКА 1869 ГОДА

Статья I.

(Новые романы старых романистовъ.)

Журналовъ и газетъ у насъ много, а читать нечего—вотъ всеобщій приговоръ нашей журналистикѣ за послѣднее время. Читать нечего, интересоваться нечѣмъ, нечему сочувствовать—вотъ что слышится даже въ той части публики, которая никогда не была и не могла быть взыскательной къ внутреннему достоинству журналовъ. Толстыя книжки ихъ, на которыхъ красуются заглавія: литературныя, ученныя, политическія,—не заключаютъ въ себѣ ни литературныхъ, ни ученыхъ, ни политическихъ идей; а если онѣ случайно и попадаются, то между ними нѣтъ никакой органической связи, ничего похожего на опредѣленное направленіе, которое одно даетъ право журналу называться этимъ именемъ. Прежде всякій порядочный органъ дорожилъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ на читателей, старался сформировать изъ нихъ кругъ людей, раздѣляющихъ его убѣжденія, и придавалъ своимъ мнѣніямъ значеніе общественнаго мнѣнія. Теперь, напротивъ, журналы стали похваляться тѣмъ, что у нихъ нѣтъ никакого направленія, что у редакторовъ ихъ не только нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ идей, ясно сознаваемыхъ симпатій и антипатій, но они отчаяваются имѣть ихъ даже въ будущемъ. Еще недавно общественное и литературное значеніе журнала опредѣлялось достоинствомъ и полезностію его

содержанія, а теперь оно опредѣляется тѣмъ спекулятивнымъ характеромъ, который даетъ цѣну и вещи, и человѣку только въ лоскутныхъ рядахъ толкучаго рынка; теперь не спрашиваютъ о томъ, что хочетъ сказать г. Катковъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ или г. Стасюлевичъ въ „Вѣстникѣ Европы“, а спрашиваютъ, у кого изъ нихъ больше подписчиковъ? — Если у г. Стасюлевича — значить онъ и умнѣе, и благороднѣе, и ученѣе г. Каткова. Если г. Коршъ получаетъ отъ своей арендной газеты больше, чѣмъ г. Краевскій отъ своихъ благопріобрѣтенныхъ органовъ — значить первый достойнѣе второго, хотя въ сущности и тотъ и другой совершенные близнецы по своей дѣятельности, и старшій лоскутный рядъ г. Корша ничѣмъ не отличается отъ москательной лавочки г. Краевского. Эта биржевая игра, это искусственное пониженіе и повышеніе курса сдѣлались въ журналистикѣ главнымъ интересомъ дня и пробнымъ камнемъ для оцѣнки литературныхъ, ученыхъ и политическихъ органовъ. Отъ редакторовъ это благородное одушевленіе перешло къ сотрудникамъ, а отъ сотрудниковъ къ самимъ читателямъ, и если нѣтъ пустѣе у насъ органа, какъ „Биржевыя Вѣдомости“, то едва ли найдется и болѣе счастливый, въ смыслѣ банкирскаго термина: *выиграетъ!*

Но отчего же вдругъ упалъ нравственный уровень журналистики, отчего лучшая часть общества относится къ ней холодно и даже презрительно? Неужели ей не о чемъ говорить или общество не нуждается больше въ руководящихъ идеяхъ и, кромѣ пустыхъ романовъ, не интересуется ничѣмъ? Не думаемъ. Если когда нибудь у русской журналистики было столько серьезныхъ вопросовъ для всесторонняго ихъ обсужденія, то это именно теперь; давно уже общество не переживало такого социальнаго момента, полного самыхъ сложныхъ экономическихъ, гражданскихъ и финансовыхъ комбинацій, какъ въ настоящую минуту; давно не находилось оно въ такомъ смутномъ и критическомъ положеніи въ виду своего будущаго, какъ теперь. Поэтому серьезная, искренняя и честная журналистика ему необходима. Она могла бы быть въ настоящее время проводникомъ того сознанія, которое даетъ неопредѣленному положенію ясный характеръ и вѣрный исходъ; она могла бы, съ одной сто-

роны, поддерживать и ободрять неопытные шаги прогрессивнаго направленія и парализировать вредныя послѣдствія отсталыхъ и свѣтобоязненныхъ традицій, глубоко засѣвшихъ въ нашемъ обществѣ. Къ какой бы отрасли общественной дѣятельности мы ни обратились — къ законодательной, къ судебной, къ земской — вездѣ чувствуется необходимость разъясненія, указанія и поддержки со стороны публичнаго слова. Въ немъ нуждаются всѣ, кто не хочетъ закрывать глаза на свое настоящее и будущее. Да, именно теперь лежитъ передъ журналистикой широкое поле самаго благотворнаго труда, самыхъ серьезныхъ общественныхъ задачъ, и никогда у нея не было болѣе обширнаго круга нуждающихся въ ея совѣтахъ, въ ея здравыхъ и честныхъ мнѣніяхъ, какъ въ настоящій моментъ.

А между тѣмъ передъ обществомъ выставляется журнальное торжище, на которомъ публицисты, готовые измѣнять свои убѣжденія по первому спросу редакторовъ, спекулирующихъ въ литературную игру, выдаютъ себя за руководителей общества, за людей, платонически влюбленныхъ въ свое отечество.

Перейдемъ къ фактамъ, и начнемъ съ недавняго происшествія изъ литературныхъ нравовъ; начало его за кулисами, конецъ — предъ лицомъ суда.

Въ прошломъ году явился нѣкій Кашпиревъ и объявилъ: я буду издавать журналъ. Зачѣмъ и для чего? Никто этого не могъ узнать и едва ли зналъ самъ г. Кашпиревъ. Спрашивали только: есть у него *деньги*? — Есть. И вотъ Писемскій торопится изъ Москвы и беретъ за *ненаписанный* еще романъ (такъ, по крайней мѣрѣ, Стебницкій повѣствуетъ) шесть тысячъ наличными деньгами и на *шесть тысячъ векселей*. Ужъ не лучше ли было бы взять сохранныя росписки, замѣтимъ мы въ скобкахъ г. Писемскому: по сохраннымъ взыскиваютъ строже и отвѣтственности больше. Слишкомъ извѣстный Стебницкій еще прежде захватилъ на свой пай 1,700 руб. за какой-то романъ. Потомъ онъ нашель за лучшее не отдавать ни денегъ, ни романа, отсылая г. Кашпирева получить слѣдующее ему съ покойнаго Достоевскаго. Кашпиревъ, разумѣется, идти на тотъ свѣтъ не захотѣлъ, а нашель дорогу гораздо ближе и короче — въ

окружной судъ. Но дѣло не въ этомъ, не въ томъ даже, что стремленія издателя „Зари“ — продать „письменный столъ и табуретку“ великаго беллетриста Стебницкаго не удалось и Стебницкій возсѣдаетъ по-прежнему на своей табуреткѣ и за столомъ, на которомъ онъ создалъ „Невуда“, на которомъ и теперь создаетъ какія-то каверзы для „Домашней Бесѣды“, или для „Виржевыхъ Вѣдомостей“ — не знаю, да это рѣшительно все равно; дѣло не въ томъ, кто кого обошелъ, а въ самыхъ объясненіяхъ Стебницкаго съ г. Кашпиревымъ, открывающихъ тайну, какъ подобные люди смотрятъ даже на свой собственный трудъ. Стебницкій написалъ романъ *въ шестьдесятъ печатныхъ листовъ* (достало же терпѣнія! чуть не вдвое противъ „Обрыва“) съ намѣреніемъ подсунуть его Кашпиреву, но вдругъ оказывается, что у Кашпирева денегъ не хватитъ заплатить за шестьдесятъ листовъ... „Ничего, говоритъ Стебницкій, не беспокойтесь, я сокращу романъ на тридцать листовъ“. Цѣлость, единство и прочія условія разумнаго созданія все это отлагается въ сторону. Авторъ съ редакторомъ рѣжутъ и кроютъ романъ, точно это не литературное произведеніе, а кусокъ парусины или выбойки. Одно условіе соблюдается при этомъ, чтобы *тришкина куртка* не превысила средствъ молодого издателя, г. Кашпирева.

Сокращая романъ, Стебницкій вырываетъ главы и печатаетъ ихъ гдѣ попало: у г. Каткова, у г. Краевского, въ фельетонѣ „Сына Отечества“ и еще гдѣ-то, а г. Кашпиреву предлагаетъ отправиться къ покойному Достоевскому за полученіемъ взятыхъ имъ денегъ. Какая же биржа можетъ представить образчикъ болѣе деликатныхъ отношеній сотрудниковъ къ своему редактору, покупающему идеи на векселя и продающему ихъ на наличныя? Когда же это было въ русской журналистикѣ, чтобы относились къ печатному слову съ такимъ цинизмомъ, какъ отнесся къ нему авторъ „Взбаломученнаго моря?“ Но мы только приподняли, для доказательства своего мнѣнія, одинъ краешекъ этого балаганнаго занавѣса, и, признаемся, не безъ особеннаго отвращенія къ подобнымъ явленіямъ.

Текущій годъ далъ намъ много романовъ: „Обрывъ“, „Люди сороковыхъ годовъ“, „Своимъ путемъ“, „Знаменья времени“, „Цыгане“, „На судъ“, „Панургово стадо“ и многіе другіе, которыхъ названія я не перечисляю по той простой причинѣ, что они не только разбора, но даже и простого перечисленія не стоятъ — на примѣръ, „Семейство Тарскихъ“. Вѣдь это не романъ, а дѣтская безсвязная болтовня, въ которой нѣтъ ни характеровъ, ни сценъ, что либо говорящихъ, даже нѣтъ описанія природы, нѣтъ ни мысли, ни цѣли, а есть много словъ и словъ, неизвѣстно для чего соединенныхъ въ отдѣльныя главы. Несмотря на пикантность заглавій и разнообразіе тѣмъ, ни одному изъ этихъ романовъ не посчастливилось возбудить къ себѣ даже такой интересъ въ публикѣ, какъ въ прошломъ году это удалось роману графа Толстого „Война и Миръ“. Райскій, Вихровъ, Стожаровъ, Полояровъ и т. д. до безконечности, — едва мы успѣли съ ними познакомиться, — уже сливаются во-едино, застилаются туманомъ своей посредственности и тонуть въ рѣбѣ забвенья, выражаясь торжественнымъ стилемъ Державина. *Имъ не пережить завтрашняго дня*, какъ не пережили его сотни другихъ героевъ, другихъ авторовъ, на примѣръ, Стебницкаго, Авенаріуса, Ахшарумова... Они прошли въ публикѣ безслѣдно, не возбудивъ о себѣ ни толковъ, ни критическихъ разнообразныхъ отзывовъ, ни новыхъ мыслей и чувствъ въ читателѣ. Всѣ эти герои и героини, проданныя на векселя и на наличныя чуть не съ аукціоннаго торга, выведены на свѣтъ божій безъ всякой внутренней потребности со стороны ихъ авторовъ, безъ всякаго живого отношенія къ дѣйствительности; одинъ сочинялъ ихъ ради векселей, другимъ руководило мелкое авторское самолюбіе, а третьяго напечатала редакція по ошибкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть общаго между салонными куклами г. Гончарова и той жизни, которою живетъ Россія въ настоящую минуту? На что могутъ пошадобиться такія маріонетки, какъ герои „Панургова Стада?“ Лучшая участь изъ всѣхъ этихъ романовъ выпала, конечно, на долю „Обрыва“, и потому мы остановимся на немъ. Подробный разборъ его, помѣщенный въ августовской книжкѣ „Дѣла“,

освобождаетъ насъ отъ обстоятельнаго анализа этого запоздалаго на десять лѣтъ произведенія, и мы скажемъ только нѣсколько словъ о героѣ его Райскомъ.

Борисъ Павловичъ Райскій связываетъ отдѣльный эпизодъ Бѣловодовою съ настоящимъ обрывомъ; около него группируются всѣ другія лица, имъ освѣщаются, или служатъ ему для оттѣнка, словомъ—Райскій альфа и омега романа. Авторъ говоритъ о немъ: „Райскій считалъ себя не новымъ, т. е. не молодымъ, но отнюдь и не отсталымъ человѣкомъ. Онъ открыто заявлялъ, что вѣря въ прогрессъ, даже досадуя на его „черепашій“ шагъ, самъ онъ не спѣшилъ укладывать всего себя въ какое нибудь едва обозначившееся десятилѣтїе, *дешево отрекаясь* и отъ завѣщанныхъ исторїю, добытыхъ наукою, и еще болѣе отъ выработанныхъ собственно жизнїю убѣжденїй и опытовъ;“ далѣе о немъ же говорится: „онъ добродушно и снисходительно воевалъ съ бабушкою, видя, что подъ старыми, заучеными правилами, таился здравый смыслъ и житейская мудрость, и лежали сѣмена тѣхъ началъ, что безусловно присвоила себѣ новая жизнь, но что было только завалено уродливыми формами и наростами на старой“.

Это говоритъ авторъ о героѣ своемъ, къ которому очевидно лежать всѣ его симпатїи. Но съ человѣкомъ лучше всего знакомить его дѣла; посмотримъ же, что дѣлаетъ Райскій... *Онъ ничего не дѣлаетъ во все продолженіе пятитомнаго романа.* Нельзя же назвать дѣломъ, особенно для человѣка прогрессивнаго образа мыслей, такъ краснорѣчиво толкующаго о развитїи, постоянное ухаживанїе и назойливое ловеласничество за всѣми попадающимися по дорогѣ женщинами. Подъ видомъ просвѣщенїя и пробужденїя ихъ, онъ занимается ихъ нравственнымъ растлѣнїемъ. Райскій совсѣмъ не то, за что старается его выдать намъ авторъ; онъ фланеръ, какихъ было много въ сороковыхъ годахъ. Сытые крѣпостнымъ трудомъ, взлелѣянные во французскихъ пансіонахъ, не умѣя и не желая трудиться, не имѣя въ жизни никакой опредѣленной цѣли, кромѣ заботы, чтобы ихъ почтенную особу всегда что нибудь развлекало, чтобы имъ не было скучно, — люди эти вѣчно слонялись изъ угла въ уголь, безъ дѣла, болтая либераль-

ный вздоръ, которому вовсе не сочувствовали на дѣлѣ и котораго главнѣйшей сути даже не понимали. Женщины были любимымъ содержаніемъ и развлеченіемъ ихъ праздной жизни. Въ печоринскія времена они старались влюблять въ себя разныхъ дурь, чтобы потомъ бросать ихъ и рисоваться à la Чайльдъ Гарольдъ. Такова тогда была мода, навѣянная, среди нашей полнѣйшей гражданской бездѣтельности, геніемъ Байрона и его талантливыхъ подражателей. Въ сороковыхъ годахъ байронизмъ сдѣлался уже смѣшенъ; въ нашихъ медвѣжьихъ углахъ, въ родѣ идеальной Малиновки Гончарова, среди затхлой тишины крѣпостного быта, мы вдругъ услышали о прогрессѣ, о чловѣчествѣ, о правахъ женщины... Эти новыя рѣчи, эти новыя идеи, никогда дотолѣ неслышанныя на русской землѣ, понравились такимъ празднымъ фланерамъ, какъ Райскій, — понравились, какъ модныя фразы, и они, не понявъ ни глубокаго смысла ихъ, неприготовленные даже задуматься надъ ними, обратили эти рѣчи въ источникъ новаго для себя развлечения... Они услышали о свободѣ женщины и имъ показалось, что эта свобода развязываетъ имъ руки дѣлать среди божьяго дня то, что дѣлалось ими прежде тайкомъ въ лакейскихъ переднихъ... Поэтому во всѣхъ псевдо-прогрессивныхъ ихъ стремленіяхъ полная фальшь, совершенная дисгармонія слова съ дѣломъ. Въ такомъ видѣ представляется намъ герой Обрыва — Борисъ Павловичъ Райскій. Окончивъ довольно неудачно свои продѣлки съ Бѣловодовой и Наташей, Райскій пріѣзжаетъ въ деревню и сейчасъ же начинаетъ заниматься Марфинькой. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ ему прикажете заняться? Хозяйства онъ не знаетъ; счета и отчеты по имѣнію онъ рвалъ, не читая. Со старостою ему не о чемъ говорить: староста мужикъ, *хамъ*, а онъ, Борисъ Павловичъ — художникъ, натура высшая, иначе — фланеръ. Деревня, луга, хлѣба — онъ ихъ даже не видитъ; они для него только декорации пейзажа, а не дѣйствительная арена честной, разумной дѣятельности. Пріѣхавъ, онъ сейчасъ начинаетъ врать, такъ — зря, о томъ, что онъ хочетъ мужикамъ землю подарить. Бабушка называетъ его за это полуумнымъ. Райскій и самъ вскорѣ забываетъ о такомъ своемъ либеральномъ намѣреніи и затѣмъ уже во все продолженіе безконечнаго романа имъ не зани-

мается. Куда ему думать о чемъ нибудь серьезномъ! Автору кажется, что онъ достаточно придавъ своему герою либерализма, достаточно украсилъ его тенденціями, необходимыми для *вида*, и вотъ онъ принимается за главное, по его мнѣнію, дѣло, — шекотаніе женскихъ нервовъ и любовную блажь. Въ этомъ онъ видитъ драму. Какая это драма? Просто пошлость. Райскій не любитъ Марфиньку, Марфинька не любитъ Райскаго, между ними ничего нѣтъ общаго, между тѣмъ посмотрите до чего доходятъ упражненія господина, который, по словамъ Гончарова, „сочувствуетъ прогрессу, даже сердчется за его „черепашій“ шагъ.“ Райскій и Марфинька сидятъ въ саду. Увлеченный близостію здоровой женщины, герой Гончарова начинаетъ горячиться и проситъ поцѣловать себя. „Она, (Марфинька) привстала немого, оперлась колѣнками на его ноги и звучно поцѣловала его и хотѣла сѣсть, но онъ удержалъ ее... Онъ былъ блѣденъ, сидѣлъ закинувъ голову назадъ, опираясь затылкомъ о дерево, съ закрытыми глазами, и почти безсознательно держалъ ее за руку. Она хотѣла привстать, чтобы половчѣе сѣсть, но онъ держалъ крѣпко, такъ что она должна была опереться рукой ему на плечи.

— Пустите, вамъ тяжело, сказала она, — я вѣдь толстая, — вонъ какая рука — троньте...

— Нѣтъ, не тяжело, тихо отвѣчалъ онъ, наклоняя ей голову къ своему лицу, и оставаясь такъ недвижно.

Онъ молчалъ и сидѣлъ съ закрытыми глазами, по губамъ пробѣгала будто судорга... Марфинька разсѣяннo играла бороною Райскаго, не подозрѣвая, что пальцы ея, какъ змѣи ползали по его нервамъ и поднимали тамъ тревогу, зажигая огонь въ крови и тумана разсудокъ. *Онъ пьянѣлъ съ каждымъ движеніемъ пальцевъ.*

— Люби меня Марфинька: другъ мой, сестра... бредилъ онъ, сжимая крѣпко ей талию.

— Охъ больно, братецъ, пустите, ей Богу задохнусь, говорила она, падая ему на грудь. Онъ опять прижалъ ее щеку къ своей и шепталъ: „хорошо тебѣ“.

— *Неловко ногамъ...*“

Гдѣ же тутъ прогрессивной человѣкъ? Не есть ли это сцена изъ старой крѣпостной дѣвичьей, превращенная авторомъ въ любовную интрижку? Но автору „Обрыва“ это не кажется мерзостью. Онъ, какъ вѣрный сынъ эпохи 40-хъ годовъ, выросшій среди ея крѣпостныхъ идеаловъ, не видитъ въ этомъ ничего дурного; онъ, повидимому, упивается вмѣстѣ съ Райскимъ этой художественной картиной проституціи, видя въ ней попытку пробудить женщину къ высшей жизни. Это воззрѣніе проглядываетъ изъ каждой строки романа. Вообще отношенія Гончарова къ своимъ героямъ самое неправильное: онъ сочувствуетъ тому, что стоитъ порицанія, и порицаетъ то, что стоитъ сочувствія. Еще въ „Обломовѣ“ мы уже видѣли эту мягкость, легенькое сочувствіе застою, лѣни и безнравственной вялости, которыя олицетворялись въ Ильѣ Обломовѣ. Но тамъ Гончаровъ какъ бы скрылся съ своими задушевыми симпатіями, даже пробовалъ въ Штольцѣ вывести настоящій идеалъ. Идеалъ не удался. И вотъ нынѣ авторъ откровенно высказывается: барственность, лѣнивое художничество, крѣпостной обжорливый бытъ, бездѣльное фланерство ему нравятся; онъ прикрываетъ всю эту ветошь отжившей эпохи либеральными фразами, создаетъ изъ этого *материала* своего героя и увѣряетъ потомъ, что герой его доросъ до нашей эпохи, что исторія о его похожденияхъ годится для нашего чтенія.

По нашему мнѣнію, Райскій, тотъ же Обломовъ, только гораздо плоше нарисованный, вполне безнравственный фланеръ, годный развѣ только для нагляднаго доказательства, до чего можетъ доводить людей бездѣятельная и мечтательная жизнь, незатронутая ни серьезной мыслию, ни чувствомъ.

Но является на сцену Вѣра. Райскій, начавшій уже скучать отъ ничего недѣланія, сейчасъ же накидывается на нее. Ему кажется, что самая Малиновка уже совершенно измѣнилась, солнце свѣтитъ ярче и жизнь глухого угла не такъ пошла... И все это отъ того, что мелькнуло новое хорошенькое личико, явилась юбка. Райскій еще не знаетъ, имѣется ли человѣкъ подъ всѣмъ этимъ, но ему собственно человѣка и не надо: ему нужна *явительная* красота, бар-

хатные глаза и т. п.; наконецъ явилась женщина, значить занятіе для прогрессивнаго человѣка нашлось.

Надо отдать справедливость г. Гончарову, онъ очень искусно избразилъ нахальство Райскаго и отчужденіе отъ него Вѣры. Всѣ эти сцены положительно лучшія въ романѣ. Чѣмъ болѣе Вѣра удалялась, тѣмъ сильнѣе распался Райскій, такъ оно и быть должно въ животной, или, по Гончарову, въ художественной, натурѣ, на которую вліяютъ только минутныя нервныя раздраженія, а не разсудокъ. Ежедневныя соприкосновенія съ женщиною, не легко и вдругъ доступною для него, начинаютъ Райскаго просто слума сводить. Эпизодъ съ письмомъ на синей бумагѣ и съ его собственнымъ чемоданомъ положительно достойны описаній дома умалишенныхъ. До конца пятой части онъ продолжаетъ ластиться къ Вѣрѣ, а та, любя Марка, продолжаетъ отталкивать его. Это однакожъ не мѣшаетъ ему, прійдя въ домъ своего друга, учителя Козлова, сотворить съ его женою еще болѣе омерзительный актъ, чѣмъ сотворилъ Маркъ съ Вѣрою въ бесѣдкѣ, за что потомъ авторъ казнить своего Марка—названіемъ „злбнаго волка“ и прочими т. п. эпитетами. Райскаго, за поступокъ съ женою Козлова, авторъ не казнить потому, видите-ли, что сей художникъ, во время атаки на него г-жи Козловой, замѣтилъ у ней „римскій профиль“... Оправданіе для художественной натуры!

Романъ тянется безконечно-утомительнымъ черепашиимъ ходомъ; не встрѣчается въ немъ на цѣлыхъ десяткахъ страницъ ни единого дѣльнаго мотива, ни одной разумной картины, все только художественность. Любовная блажь, страданья изъ-за того, что вотъ попавшаяся намъ на глаза женщина насъ не любитъ, или страданья женщины изъ-за того, что любимый ею человѣкъ не хочетъ на ней жениться и т. д., натянуты до безконечности. Гончаровъ всѣми силами старается выдать намъ все это блудливое пустословіе, оправленное въ изящныя фразы, за драму, за картину современной жизни. Кого онъ обманываетъ? Гдѣ нынче эти Малиновки, Райскіе, Бережковы?! А если они и имѣются гдѣ нибудь, такъ намъ нѣтъ времени заниматься ими.

Не подумайте впрочемъ, благодушные читатели, что рисунъ пош-
«Дѣло», № 9.

ленькихъ, мелкихъ людей, авторъ въ „Обрывѣ“ казнить мелочи эпохи. Нѣтъ! каждое слово, каждая сцена убѣждаетъ, что Гончаровъ смотритъ иначе на выведенные имъ типы: худшіе изъ нихъ, именно и оказываются его идеалами. Для доказательства возьмемъ второе важнѣйшее лицо въ романѣ—Татьяну Марковну Бережкову. Авторъ въ началѣ рисуетъ намъ ее просто, какъ женщину умную, но уже немного несовременную; сначала либераль Райскій, въ спорахъ съ нею, постоянно правъ. Но это только въ началѣ. Съ развитіемъ романа бабушка восходитъ все выше и выше. Наконецъ, самая Вѣра—эта „титаническая“ сила, эта женщина свободнаго ума, вкусившая отъ прогресса, окончательно и безусловно падаетъ предъ бабушкиной мудростію. Она говоритъ: „я думала, что одной своей воли и ума довольно на всю жизнь, что я умнѣе всѣхъ васъ... но теперь. Возьмите меня отсюда! Вѣры нѣтъ. Я буду вашей Марфинькой...“—Вспомни, читатель, изъ вышеприведенной нами сцены Марфиньки съ Райскимъ, что Марфинька, по очерку самого Гончарова, болѣе похожа на корову, чѣмъ на женщину. И вотъ теперь „титаническая сила“, развитая женщина падаетъ, грѣшитъ и ради спасенія сама желаетъ превратиться въ подобіе Марфиньки. Такова логика и таковы воззрѣнія на женщину у писателя сороковыхъ годовъ. Намъ это не должно казаться страннымъ, если мы вспомнимъ, чего требовали тогда отъ женщины. Жеманныя модницы и институтки, выходившія изъ своего заточенія болѣе дикими и наивными, чѣмъ новозеландскіе дикари—вотъ чѣмъ тогда восхищались и чего требовали отъ женщины. Разсудка отъ нея не требовали. Гончаровъ и ведетъ свой разказъ такъ, что въ результатѣ оказывается аксіома: женщина развитая и умная непремѣнно падетъ и для спасенія должна обратиться въ *самку*.

Вѣру, когда она покорностію бабушѣ достаточно искупить грѣхъ, авторъ, за кулисами романа, обѣщаетъ осчастливить замужествомъ съ Тушинымъ. Такова мораль „Обрыва.“ Нельзя же безъ замужества, когда дѣвушка *пала*.

Но что такое Тушинъ? Тушинъ—мертвая фигура, *идеальный баринъ*. Онъ совершенно лишній въ романѣ; это актеръ *на выходъ*,

съ заучеными, ничего не значущими фразами, вмѣсто роли, долженствующими развязать пьесу. Тушинъ является въ образѣ безкорыстнаго паладина, вящаго контраста съ Маркомъ, котораго, при свиданіи, онъ окончателно и побиваетъ на всѣхъ пунктахъ. Гончаровъ хотѣлъ сдѣлать изъ своего Тушина развитаго, полезнаго и просвѣщеннаго землевладѣльца изъ крупныхъ и нарисовалъ его по рецепту газеты „Вѣсть“. Не владѣя совершенно экономическими и хозяйственными познаніями, Гончаровъ впрочемъ только всколѣзь и кратко говорить, что у Тушина имѣются какія-то артели, какіе-то рабочіе, его обожающіе, и крестьяне, блаженствующіе при крѣпостномъ бытѣ. Все это вещи весьма правдоподобныя, напримѣръ, для г. Скарятина и Б°. Но мы имъ ее вѣримъ. По нашему мнѣнію, Тушинъ есть также неудавшаяся фигура, какъ и блаженной памяти Штольцъ. Оба мертворожденные, высиженные, а не подмѣченные, не созданные типы. Авторъ самъ тяготится Тушинымъ и очень мало имъ занимается, хотя предназначаетъ его, такъ сказать, въ *Правдомысли* своего романа.

Въ „Обрывѣ“ дѣйствительную роль играютъ только дворяне-помѣщики. Дворянъ приводится, какъ аксесуаръ, а мужики — только декорація. Правда, на сцену выступаютъ иногда чиновники, но за то всѣ въ весьма комичныхъ положеніяхъ. Это все шуты, а не люди. Они цѣликомъ дѣлятся на дураковъ, пьяницъ и на плутовъ. Но чтобы еще яснѣе показать сущность міросозерцанія автора „Обрыва“, приведемъ сцену изъ III части, гдѣ самый важный изъ чиновниковъ, генералъ Тычковъ получаетъ воздаяніе за свою дерзость. Тычковъ пріѣзжаетъ въ Малиновку на обѣдъ на именины къ Татьянѣ Марковнѣ. „На первомъ планѣ, повѣтствуетъ авторъ, въ гостинной сидѣлъ Ниль Андреевичъ Тычковъ, во фракѣ со звѣздой, важный старикъ... Райскій вошелъ въ гостиную послѣ всѣхъ, когда уже скушали пирогъ и принялись за какой-то соусъ... Все смолкло, перестало жевать и устремило глаза на него“.

„Внукъ мой, отъ племянницы моей, покойной Сонички, сказала Татьяна Марковна, рекомендуя его. Кое-кто привсталъ и поклонился, Ниль Андреевичъ благосклонно смотрѣлъ, ожидая, что онъ

подойдетъ къ нему... Райскій сдѣлалъ всѣмъ полупоклонъ и сѣлъ возлѣ бабушки прямо на диванъ. Общее движеніе“.

— „Экъ, плюхнулъ куда! шепнулъ одинъ молодой чиновникъ другому: а его превосходительство глядитъ на него“.

— Вотъ, Ниль Андреевичъ сказала бабушка, — давно желалъ тебѣ видѣть (онъ „его превосходительство“ не забудь, шепнула она).

— Кто *эта барынька: какіе смазные зубы и пышная грудь?* тихо спросилъ Райскій.

— Стыдъ, стыдъ, Борисъ Павлычъ, горю! шептала бабушка. — Вотъ, Ниль Андреевичъ, Боринька, сказала она, давно желалъ представиться вамъ...“

Пояснимъ здѣсь, что Ниль Андреевичъ — мошенникъ, воръ все-свѣтлый и даже злодѣй, но *это* не мѣшаетъ житейски-мудрой бабушкѣ сажать его на первое мѣсто и даже легонько подличать передъ нимъ. Нравы эпохи допускали такой компромисъ съ совѣстью. Они же требовали, чтобы либералы грубили генераламъ, даже такъ, зря, безъ всякаго повода. И Райскій грубитъ Тычкову. Сцена разыгрывается такого рода: Тычковъ начинаетъ преслѣдовать насмѣшками одну гостью, Полину Ивановну Крицкую, за ея обнаженные руки, кисейное платье, бѣлила и желаніе молодиться въ 40 лѣтъ. Осмѣянная барыня уходитъ. Райскій и бабушка молчатъ. Ослѣпленный Тычковъ обращается къ Райскому съ замѣчаніемъ, тотъ, въ отвѣтъ, начинаетъ его просто напросто ругать:

— Про васъ, говоритъ онъ Тычкову, — весь городъ знаетъ, что вы взятками награбили кучу денегъ, да обобрали и заперли въ сумасшедшій домъ родную племянницу — однакоже бабушка и я пустили васъ“.

Оскорбленный Тычковъ путается и несетъ дичь, Татьяна Марковна сперва его унимаетъ, но когда забывшійся старикъ произносить:

— „Да какъ вы мнѣ это *сметете* говорить?!“

„Райскій бросился было къ нему (къ старику-то и гостю!? этакій храбрецъ), но бабушка остановила его такимъ повелительнымъ жестомъ, что онъ окаменѣлъ и ждалъ, что будетъ. Она вдругъ выпрямилась, надѣла чепецъ, завернула въ шаль и под-

ступила къ Нилу Андреевичу. Райскій съ удивленіемъ глядѣлъ на бабушку. Она, а не Ниль Андреевичъ, приковала къ себѣ его вниманіе. Она вдругъ выросла въ фигуру полную величія, такъ что даже и на него напала робость.“

— „Ты кто? спросила она: *ничтожный приказный, рагвепи*— и ты смѣешь кричать на женщину, *и еще на столбовую дворянку?!...* Отрезвись же и *поклонись: передъ тобою стоитъ Татьяна Марковна Бережкова* (Каково! рукоплещите, г. Сварятинъ и К^о!). Вотъ видишь: здѣсь мой внукъ, Борисъ Павлычъ Райскій, не удержи я его, онъ бы сбросилъ тебя съ крыльца, но я не хочу, чтобъ онъ мараль о тебѣ руки — съ тебѣ довольно и лакеевъ“.

Еще бы! Тычковъ вѣдь рагвепи! замѣтимъ мы.

Отъ всей этой сцены, въ сущности весьма пустой, вѣсть „Вѣстью“ и доктринами крупныхъ землавладѣльцевъ, но Гончарову кажется, что посредствомъ ея онъ поднялъ своего Райскаго на высоту, что Татьяна Марковна дѣйствительно превратилась въ фигуру, полную величія... И это называется міросозерцаніемъ!

Вѣра цѣлуетъ Райскаго, Райскій бабушку, бабушка Райскаго. И все это по поводу того, что они изъ своего дома, гдѣ имѣются *макеи* на призывъ, обругали, выгнали старика, котораго сами же зазвали и передъ которымъ подличали, пока онъ неосторожно не задѣлъ ихъ *столбовой* гордости. Поучайся читатель!

Разсказъ, какъ палъ окончательно въ обществѣ кредитъ Нила Андреевича и всѣ перебивали съ визитомъ у Райскаго, до крайности неправдоподобенъ. Такъ не бываетъ въ дѣйствительной жизни. Гончарову реальная жизнь не дается, не его это сфера.

Мы почти покончили съ „Обрывомъ“, остается сказать слово о Маркѣ Волоховѣ. Авторъ называетъ его „волкомъ“ и рисуетъ въ немъ пагубу общества—молодое либеральное поколѣніе; такова ужъ общая доктрина всѣхъ писателей благонамѣреннаго ранга. Но авторъ знаетъ новыхъ людей только по слухамъ, они не жили съ нимъ, и онъ едва-ли ихъ близко видѣлъ. Если мы присмотримся къ Марку, то сейчасъ же окажется, что онъ не *новый*; онъ такой же фланеръ, какъ и Райскій, только умнѣе,

безъ дворянско-художественной закваски и родового имѣнія, но оба они изъ одного матеріала: оба ничего не дѣлаютъ и не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ цѣлей. Новые люди—люди труда и реальныхъ стремленій; они работаютъ, а не фланерствуютъ. Даже, пиша карикатуру на нихъ въ „Отцахъ и дѣтяхъ“, Тургеневъ несравненно чутче отозвался: его Базаровъ эгоистъ, грубый матеріалистъ, но работникъ. Гончарова Волоховъ ничѣмъ не занимается, ни къ чему не стремится, грубитъ, ходитъ въ грязи и употребляетъ цѣлые мѣсяцы на ухаживанье за Вѣрой, съ цѣлью воспользоваться ея довѣріемъ. Это тотъ же Райскій, только изъ простонародья. Базаровъ и Одяцова вѣрнѣе поставлены, потому что въ сферѣ ума Тургеневъ несравненно выше Гончарова. Заставьте Фета или Майкова нарисовать нигилиста, они только тѣмъ и ограничатъ свой анализъ, что сдѣлаютъ его наружно грязнымъ, пожалуй, для эффекта, заставятъ убить отца, или изнасиловать сестру. На иную драму у этихъ искусниковъ ума не хватитъ. Таковъ и Гончаровъ въ своемъ Маркѣ Волоховѣ.

Вся постановка отношеній Вѣры и Волохова до крайности фальшива и слаба. Прежде всего: на что Волохову Вѣра? Такіе люди какъ Волоховъ ставятъ женщину на равныхъ правахъ съ мужчиною, поэтому никакое „наслажденіе женщиною“, никакое „обладаніе“ для нихъ немислимы, какъ цѣль. Любовь, какъ простое раздраженіе и ненормальное состояніе организма, они никогда не считаютъ конечною цѣлью. Къ чему же стремится Маркъ? Вѣчности, любви и наслажденія онъ не признаетъ, значитъ онъ можетъ добиться только разумныхъ отношеній. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ ему прятаться: Вѣра его любитъ и отстояла бы передъ бабушкою. Вѣра отдалась его ученю, она можетъ раздѣлять съ нимъ трудъ житейскій, что же заставляетъ его отказываться отъ Вѣры? Обридь бракосочетанія?!

Если бы Маркъ Волоховъ былъ дѣйствительно человѣкомъ новаго поколѣнія, онъ, можетъ быть, и увлекъ бы Вѣру, *но не ради наслажденія и обладанія*. У него были бы опредѣленные цѣли, онъ бы къ чему-нибудь стремился и указывалъ бы эти цѣли и стремленія Вѣрѣ. Ничего этого нѣтъ. Маркъ разбиваетъ трактиры, пугаетъ

стариковъ, грубить полиціи и беретъ деньги безъ отдачи. Всѣми этими качествами обладали разные забубенные герои старыхъ московскихъ трактировъ, которыхъ тоже часто высылали на житье въ глухіе города подъ присмотръ полиціи. Вѣроятно, Гончаровъ съ одного изъ подобныхъ субъектовъ и списалъ своего Марка. Чтобы сдѣлать его *новымъ человекомъ*, онъ приплелъ совсѣмъ не кстати эпизодъ раздачи книгъ, въ томъ числѣ и сочиненій Вольтера...

Вся сцена надъ обрывомъ до крайности дика и эффектирована à la Поль Феваль. Ночь. Вѣра рвется въ обрывъ, гдѣ похороненъ убійца и гдѣ Маркъ стрѣляетъ изъ ружья. Райскій, влюбленный въ нее, не пускаетъ ее. Она злобно на него смотритъ, горитъ отъ страсти и диспутируетъ на цѣлыхъ двухъ страницахъ. Наконецъ, Вѣра уходитъ къ Марку. Надъ обрывомъ сидитъ Райскій и терзается... Въ чащѣ сходятся Маркъ и Вѣра и начинаютъ диспутъ... они на цѣлыхъ пяти страницахъ толкутъ воду. Расходятся, Маркъ уже уходитъ навсегда, уже сидитъ на плетнѣ. Вдругъ Вѣра его кликнула, онъ бѣжитъ къ ней, схватываетъ ее и уноситъ въ бесѣдку, чтобы совершить насиліе. Что же дѣлаетъ Райскій? Терзается, скучаетъ, что Вѣра замѣшкалась (она забыла вѣрно о немъ?) и, наконецъ, сходить съ обрыва; тамъ онъ натывается на пальто Марка, возлѣ бесѣдки... Позвольте, г. авторъ: когда же Маркъ успѣлъ раздѣться и скинуть пальто? Какая великолѣпная галиматья!

Вотъ она естественность и правда въ послѣднемъ твореніи Гончарова. Оно въ одномъ отношеніи важно для насъ: въ немъ вѣрнѣе всего выразилось міросозерцаніе и симпатіи писателей 40-хъ годовъ. По внѣшней формѣ всѣ они рисовальщики, терпѣливые копировщики внѣшней природы; по воззрѣніямъ—это подписчики на газету „Вѣсть“ и почитатели ея теорій. По уму и таланту—посредственные писатели, у которыхъ всегда хромаетъ общая идея, хотя частности имъ удаются.

Ихъ время прошло; они пережили свою славу. Лучшее, что они могутъ сдѣлать—замолчать. Не лучше ли было Тургеневу положить перо послѣ „Отцевъ и Дѣтей“, чѣмъ дописаться до пасквиля,

именуемаго „Дымомъ“, до безцвѣтныхъ „Бригадира“, „Призраковъ“ и „Собаки“?! Не лучше ли было Гончарову кончить „Обломовымъ“, чѣмъ высиживать десять лѣтъ такую художественную бесполезность, какъ „Обрывъ“.

Но если „Обрывъ“ писался десять лѣтъ, то „Люди сороковыхъ годовъ“, вѣроятно, сочинялись г. Писемскимъ не болѣе сорока дней. Весь романъ даетъ чувствовать, что это работа вялаго, подевнаго труда, писанная въ виду векселей г. Кашпирова и безъ всякаго искренняго участія автора въ своемъ произведеніи. Все въ немъ перепутано и насильственно сдѣлано. По обыкновенію, г. Писемскій не понимаетъ, на которомъ изъ выведенныхъ имъ характеровъ, какъ на важнѣйшемъ, слѣдуетъ остановиться подольше, анализировать посерьезнѣе. Характеръ старика Вихрова и генеральши у него задѣты только мимоходомъ, тогда какъ они задуманы съ первыхъ страницъ не дурно. Фланерство и любовныя похиженія, къ которымъ такъ склонны всѣ писатели 40-хъ годовъ, у Писемскаго отнимаютъ очень много мѣста. Но они не составляютъ всей *сутьи* романа и не составляютъ *всего* для героя „Сороковыхъ годовъ“ — молодого Вихрова. Онъ къ чему-то стремится... Къ чему? Этому и самъ авторъ вѣроятно не знаетъ. Вихровъ не чиновникъ, не помѣщикъ, не либераль и не ретроградъ. По нашему мнѣнію, это человѣкъ качающійся изъ стороны въ сторону, какъ маятникъ, герой нашей будничной жизни, какихъ у насъ всегда было много. И почему онъ у г. Писемскаго названъ человѣкомъ сороковыхъ годовъ, а не двадцатыхъ или тридцатыхъ — рѣшить трудно; — до того безличенъ молодой Вихровъ и всѣ, окружающія и управляющія механизмомъ этой маріонетки, лица. Онъ самъ не знаетъ, куда ему дѣваться; авторъ описываетъ намъ его метанія изъ стороны въ сторону въ довольно плохо-связанныхъ сценахъ, написанныхъ очевидно въ разное время, весьма разнообразныхъ по выполненію и отдѣлкѣ. Нѣкоторыя сцены можно пропустить, не нарушивъ цѣльности сочиненія. „Люди Сороковыхъ годовъ“ поражаютъ читателя чрезвычайно слабою общою идеею; это скорѣе рядъ очерковъ, чѣмъ романъ.

Единственный элементъ въ этомъ вавилонскомъ смѣшеніи языковъ и лицъ, заслуживающій вниманія читателя — это крестьянскій.

Тутъ г. Писемскій остается вѣренъ своимъ инстинктамъ наблюденія. Крестьяне его не механическія фигуры, а живыя лица. Таеъ, метко схваченъ типъ артельщика, крестьянинъ-кулакъ, у котораго живетъ Вихровъ, по приѣздѣ въ Москву, и который услуживаетъ ему потомъ. Полупрезрительный, полупокровительственный тонъ этого крестьянина-кулака къ своему молодому барину авторомъ угаданъ и обрисованъ удачно. Но на этомъ и кончается, кажется, все хорошее въ „Людахъ Сороковыхъ годовъ“. Квартира, гдѣ живетъ нѣсколько студентовъ и гдѣ поселяется Вихровъ, у Писемскаго представлена какимъ-то непотребнымъ домошъ. Дѣвица Анна, любящая Салова, играетъ весьма плохую роль, хотя очевидно, что авторъ предназначалъ ее въ началѣ совсѣмъ для другого. Что это за студенты шуты: Петинъ и Заминъ? Какого циника и мазурика нарядилъ авторъ въ студенческій мундиръ подъ именемъ Салова! Наконецъ, единственно неглупое лицо студента Невѣдомскаго, Писемскій наряжаетъ въ подрясникъ и упрячиваетъ въ монастырь... Опять повторю: или авторъ никогда не видѣлъ кружковъ московской молодежи сороковыхъ годовъ, если выдаетъ намъ толпу дураковъ и плутовъ за эти кружки, или онъ умышленно искажаетъ дѣйствительность съ заранѣе предвзятою мыслию? Последнее впрочемъ трудно предположить: весь дальнѣйшій ходъ романа выдержанъ совершенно иначе. По нашему мнѣнію, г. Писемскій просто писалъ, не давая себѣ отчета. Выходили сцены. Что они означали? Какою идеею были проникнуты? До всего этого автору мало была дѣла; лишь бы романъ писался и печатался у г. Кашпирева. Чего же больше?

Это бессознательное творчество, это отсутствіе мысли, руководящей авторомъ, сгубило г. Писемскаго. Благодаря ему, онъ утонулъ въ тинѣ „Взбаломученнаго моря“ и дописался до „Зари“. Онъ самымъ нагляднымъ образомъ доказываетъ на себѣ, что беллетристу нашего времени безъ умственного развитія, безъ пониманія высшихъ человѣческихъ задачъ, нечего больше дѣлать, какъ сплетать занимательные анекдоты и отдѣльныя сценки. Отрицательная сторона произведеній г. Писемскаго — это отрицаніе Собакевича. Онъ не знаетъ, что и во имя чего онъ отрицаетъ, и часто оказываетъ своимъ героямъ настоящую медвѣжью услугу. Это фрондерство ли-

беральнаго совѣтника казенной палаты не имѣть въ себѣ ни капли искренняго и сознательнаго негодованія, оно походить на неопредѣленный гуль изъ пустой бочки...

Кромѣ романа Писемскаго, Кашпиревъ въ своемъ періодическомъ сборникѣ печатаетъ еще что-то, называющееся тоже романомъ: „Цыгане“ — Ключникова. Когда г. Ключниковъ въ первый разъ появился съ своимъ первымъ романомъ „Мареве“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, покойный Писаревъ началъ разборъ такъ: „Съ позволенія сказать, писатель Ключниковъ, съ позволенія сказать, романъ „Мареве“. По мнѣнію Писарева, всѣ лица этого сочиненія были положительно *глупы*; онъ очень обстоятельно выяснилъ, почему они вышли глупыми: созданія не могутъ быть совершеннѣе своего создателя. Мы сознаемся, намъ тогда такой строгій приговоръ показался нѣсколько рѣзкимъ и жестокимъ. Но теперь, прочитавъ „Цыганъ“, мы приносимъ повинную памяти покойнаго критика. Онъ по первому полету угадалъ, какая выйдетъ птица изъ г. Ключникова. Въ самомъ дѣлѣ, такой белиберды, такой безнадежной и безталанной вещи, еще никто не печаталъ даже у скромнаго Хана въ его „Трудѣ“. Г. Ключниковъ, воспользовавшись невинностію младенца въ литературѣ, г. Кашпирева, не поцеремонился и перешелъ всякую мѣру и границу; въ „Цыганахъ“ столько же литературнаго таланта, сколько его было у извѣстнаго блаженной памяти сѣробумажнаго романиста Кузьмичева; это что-то *такое* крайне невозвратительное, о чемъ можно говорить не иначе, какъ употребляя оборотъ рѣчи покойнаго Писарева: съ позволенія сказать — Ключниковъ, съ позволенія сказать — романъ „Цыгане...“

Но бессмыслица бываетъ двухъ сортовъ: обыкновенная, безъ претензій. Такая скромная бессмыслица еще терпима; она часто попадаетъ въ плохіе журналы въ видѣ баласта, ее проходятъ молчаніемъ, заботясь только, чтобы она не слишкомъ часто повторялась и не занимала большого числа листовъ. Что же дѣлать? При недостаткѣ матеріаловъ, въ лѣтніе мѣсяцы печатаютъ иногда и *такое*, чего нельзя признать за серьезную вещь. Но Ключниковъ не хочетъ довольствоваться подобною участью, онъ рвется въ великіе, — и катаетъ громадное сочиненіе, которое дѣлитъ на сѣверъ,

югъ и среднюю полосу. Вся Россія вошла въ программу его романа; ждетъ насъ картина русской жизни отъ Чернаго до Балтійскаго моря... Въмѣсто этого выходитъ что-то дикое, непонятное и темное до крайности. Во-первыхъ, въ романѣ нѣтъ ни одного дѣйствительнаго, живого человѣка. Кто помнитъ изъ читателей издѣлія Нестора Кукольника—его длиннѣйшія драмы-поэмы, гдѣ все изображалось художники геніальныя, со страстями горячими, какъ лава, своеобразныя, до потери всего человѣческаго; изображался міръ вымышленный, горячечный. Тянулись на версту напыщенные монологи, въ которыхъ авторъ силился изобразить какую-то *лубиму чувства* и особенность *художественныхъ натуръ*... Читателя томила скука отъ безобразно разыгравшейся фантазіи, множество словъ безъ всякаго значенія, *длѣннаго пафоса*,—безнадежная скука, скука холодная, все подавляющая, она была вездѣсуща, какъ главный элементъ сочиненія. „Цыгане“ живо напоминаютъ забытыя драмы Н. Кукольника; тѣ же задачи изобразить великія, геніальныя натуры, мечущіяся въ водоворотѣ жизни, та же отрывочность, неясность образовъ, точно туманомъ задернутыхъ. Люди не люди, тѣни не тѣни, *но дѣйствительности* въ романѣ нѣтъ. Вы не поймете, зачѣмъ авторъ пишетъ цѣлую сцену, часть, наконецъ, цѣлый романъ. Мы привыкли видѣть въ романѣ картину, болѣе или менѣе, вѣрную, извѣстнаго времени, или типъ, выхваченный изъ жизни. „Цыгане“ ни съ чѣмъ насъ не знакомятъ — это просто болтовня съ претензіями на созданіе характера манфредо-кукольниковаго.

Мы не беремся передавать содержанія романа г. Ключникова; его нѣтъ, какъ нѣтъ опредѣленной причины, зачѣмъ герой далаетъ такъ, а не иначе. Ни одна сцена не вытекаетъ изъ другой, рассказъ можетъ быть прерванъ на любой страницѣ, и можетъ быть продолжаемъ до безконечности. Читать, а тѣмъ болѣе разбирать „Цыганъ“ серьезно—нѣтъ физической возможности. Но мы попытаемся познакомить нашихъ читателей съ дѣйствующими лицами въ разсказахъ Ключникова. Во-первыхъ, всѣ они или графы, князья, потомки древнихъ богатыхъ родовъ, мечущіе деньгами, или артисты, актрисы, цыгане, кушцы, любители пѣтушинныхъ боевъ, музы-

канты и, наконецъ, собачники, удивительно, *натаскиваюшіе* собакъ, т. е. дрессирующіе ихъ. Во-вторыхъ, въ романѣ дѣло не идетъ объ обыкновенныхъ интересахъ житейскихъ, нѣтъ — тамъ все міръ великихъ страстей и величайшей белиберды. Герой № 1 — Левъ Зарницынъ — герой вполне помѣшанный, неизвѣстно зачѣмъ послѣ прогулки на яликѣ съ незнакомою женщиною, женящійся на ней въ Петербургѣ, любящій запахъ типографскихъ чернилъ и неизвѣстно зачѣмъ бѣгущій на югъ, а равно также неизвѣстно зачѣмъ опять возвращающійся въ Москву. Последнее, впрочемъ, еще можно объяснить тѣмъ, что Москва любитъ всѣхъ юродивыхъ, начиная съ Ивана Яковлевича и кончая героями Ключникова. Левъ Зарницынъ — натура титаническая, гений; онъ даже имѣлъ свой кружокъ между писателями въ Петербургѣ (на Щукиномъ дворѣ, вѣроятно, и то врядъ ли?), по словамъ автора. Этому трудно повѣрить, судя по безпримѣрной глупости Зарницына: сей господинъ не высказываетъ ни одной дѣльной мысли во все продолженіе романа. Но авторъ требуетъ, чтобы мы вѣрили, — и мы вѣримъ! На югѣ титаническая натура влюбляется въ непонятную женщину; въ Москвѣ идутъ все благородные и неблагородные спектакли, на которыхъ титаническая натура снова влюбляется, на этотъ разъ не вполне счастливо. Что же еще остается въ романѣ для здраваго смысла? Больше ничего не остается: спектакли и любовь титанической натуры, описанныя весьма красиво. Герой № 2 — князь Бугровъ, тоже натура недюжинная, кутиащій отъ начала до конца романа съ цыганками, съ актрисами, съ купцами, съ собачникомъ, но впрочемъ сохраняющіимъ свое достоинство. Это спасительный элементъ, по возрѣніямъ Ключникова, идеаль, который противопоставлялъ онъ отъ рукъ отбившемуся Зарницыну. Герой № 3 — купецъ, любитель пѣтушійхъ боевъ, цыганокъ и т. п., титаническая его натура всего болѣе высказывается во время игры въ горку. Герой № 4 — наблюдательный и скромный собачникъ... Мы осмѣливаемся думать, что авторъ вѣроятно себя самого изобразилъ подъ видомъ героя № 4! Актриса Вольская, цыганка Мара и много, много еще иныхъ лицъ выводитъ г. Ключниковъ — всѣ они не отъ міра сего и нѣтъ въ нихъ ничего человѣческаго, даже московскаго мало; все художественныя,

титаническія натуры. На вечерѣ у Вольской сходятся двѣ титаническія натуры: герой Зарницынъ и герой князь Бугровъ. Первый сейчасъ же и обнимаетъ колѣни Вольской. Когда же Бугровъ, по просьбѣ атакованной, пытается его оттащить, Зарницынъ вскакиваетъ, блѣднѣетъ и *валитъ безъпомощно* въ лобъ князю Бугрову...

Князь только восклицаетъ: и ты Брутъ (то былъ Левушка) противъ меня?

— Ты... ты не вѣрилъ, что на меня порой что-то находить, отвѣтствуетъ Левушка Зарницынъ и уходитъ.

Каково сцена измышлена, читатель? Любая лакейская восхитится.

Въ „Цыганахъ“ все перепутано; авторъ нигдѣ не договариваетъ, ясно не высказывается, вѣроятно потому, что въ его собственныхъ мысляхъ господствуетъ постоянный туманъ. Начавъ чтонибудь описывать, не кончаетъ обстоятельно: какіе-то обрывки, полуслова, трапицы и тьма крошечная, соединенная съ самымъ нестерпимымъ, вальнымъ широковѣщательствомъ. Ключниковъ ничего не умѣетъ дѣлать, не умѣетъ даже толково составить фразы. Приведемъ отрывки для доказательства его искусства во всѣхъ родахъ:

„У тебя говорятъ бездна народа, говоритъ собачникъ Переволочкинъ Льву Зарницыну, когда тотъ зоветъ его къ себѣ; — а я куда на это не мастеръ (на что *это?*), сейчасъ и прилипнетъ языкъ къ гортани; намедни у княгини Анфисы Петровны, вмѣсто *паръ форсъ* хватилъ *прохвостъ*“. Это видите ли—остроуміе. Не хотите ли еще: „русскій человекъ самъ полѣнится стряпать, а лѣнивая у него *щи* выходить“. Послѣ этого чѣмъ не острова извѣстная рыба острова графа Сологуба: *ласосинъ?*

Ключниковъ претендуетъ на оригинальность слога. Вотъ образчикъ этой оригинальности: „рѣдкіе фонари *влажно* отражались на *насту*; на карету его отовсюда сѣялись капли воды. Зарницынъ опустил каретныя стекла и услыхалъ вдали разсыпчатые звуки бубенчиковъ, какъ бы *наивъаемые* вѣтеркомъ—не ровнымъ, порывистымъ, *какъ полетъ бабочки*, но ласковымъ, почти весеннимъ... Бубенцы ближе и ближе, вотъ Зарницынъ *весь точно обсыпанъ ихъ ртвовой игрой*: съ угла улицы съ громомъ, свистомъ и ляз-

юмъ (?) копытъ вылетѣло два-три черныя кома съ кучею конскихъ и людскихъ головъ — и гулко ружая (опять новое слово!) по ухабамъ, пронеслось мимо кареты“. Вы никакъ не можете понять, какъ это съ какими-то черными комами, вылѣтали изъ за угла конскія и людскія головы, но сочинителю до этого нѣтъ дѣла, и редакция по своей наивности все допускаетъ и всему прощаетъ. Право, жалко намъ г. Кашпирева. Неужели онъ не нашелъ своему времени и деньгамъ лучшаго назначенія. „Пусть себѣ мое описаніе смахиваетъ на галиматію, думаетъ г. Ключниковъ, но оно своеобразно“... Гдѣ тутъ своеобразность! оно просто *глупо*. Подмѣчаютъ авторъ тоже мастеръ. „Старые дома пишутъ онъ, часто высыхаютъ, какъ холенныя скрипки, точно также усиливаютъ звукъ и *снаружи можно не проронить словечка изъ того, что въ нихъ говорится*“. Это онъ написалъ ради того, чтобы мы повѣрили, что Зарницынъ, стоя на улицѣ, слышалъ весь разговоръ въ домѣ черезъ стѣну. Можно повѣрить, какъ вы думаете? Таковъ весь романъ, и мы навѣрно можемъ предсказать г. Ключникову, что онъ лучше этого ничего и никогда не напишетъ.

Всеволодъ Крестовскій давно уже подвизается на литературномъ поприщѣ. Писалъ онъ много, сугубо писалъ прозой и стихами. Еслибъ существовалъ третій способъ писанія: ни прозой, ни стихами — Крестовскій, вѣроятно, испробовалъ бы и его. Но такового третьяго способа пока еще не открыто, и Крестовскій вынужденъ *пока-что* довольствоваться вышеупомянутыми двумя способами. За то, упражняясь въ прозѣ и стихахъ, онъ ни передъ чѣмъ не задумывается, ничѣмъ не затрудняется, и доходитъ до такихъ абсурдовъ, до какихъ не доходилъ даже Авенаріусъ, когда сотрудничалъ у г. Хана. Въ эпоху либеральнаго повѣтрія, онъ сердился и ропталъ *на стѣсненіе*: зачѣмъ названія, которыя дозволены въ медицинскихъ книгахъ, беллетристамъ у насъ употреблять запрещено. По его тогдашнимъ воззрѣніямъ, повѣсть, написанная не-

вполнѣ наивно-просто, въ родѣ „наставленія повивальнымъ бабушкамъ“, очень много терлетъ и не можетъ быть *интересна*. Такъ онъ понималъ *интересъ*!

Въ эпоху упадка, въ переходные дни журнальнаго безсилія, Крестовскій написалъ „*Мазуриаду*“ (въ противоположномъ Россіадѣ), которую и окрестилъ Петербургскими Трущобами. Всѣ сидѣльцы апраксинскаго рынка, всѣ горничныя, лакеи, половые въ трактирахъ средней руки, всѣ полнокровныя барыни и прочій подобный людъ—нашли Мазуриаду весьма чувствительной и занимательной книгою. У всѣхъ *этихъ* читателей она и понынѣ, вѣроятно, остается настольною книгою, вмѣстѣ съ „Дюжиною сердитыхъ свاخъ“, „Проклятымъ шиньономъ“, „Парижмахеромъ подъ кроватью“ и другими подобными сѣробумажными твореніями. Чего бы уже кажется? Это ли еще не слава? Это ли не народность: отъ нея до Россіады Хераскова—*одинъ шагъ*... Но нѣтъ! завистливая критика упорствуетъ и не замѣчаетъ даже существованія Всеволода Крестовскаго. Его романа никто *серьезно* не разбиралъ; такъ только вскользь, мимоходомъ поглумились, точно дѣло шло о какомъ нибудь *Евстигнѣевѣ*. Когда онъ своей болтовней загроздитъ какое нибудь плохенькое изданіе (въ родѣ „Отечест. Запис.“ 1867 г. или „Русскаго Вѣстника“ 1869 г.), критика мимоходомъ толкнетъ его ногою съ дороги, и пойдетъ себѣ далѣе, не замѣчая даже всѣхъ тѣхъ, почти нечеловѣческихъ измышленій, которыми злосчастный Трущобный сидится обратить на себя вниманіе.

Въ своей Мазуриадѣ онъ измыслилъ такую сцену: въ пустую барку зимою, онъ уложилъ свою героиню, Машу, больную и голодную, выгнанную предъ тѣмъ жестокосердыми нѣмцами изъ квартиры, туда же привелъ онъ и своего героя и еще собаку съ улицы съ обглоданною костью. Всѣ трое, лежа въ баркѣ, принимаются грызть кость... Неправда ли, ужасно! Далѣе одного изъ дѣйствующихъ лицъ ужасный авторъ не только уморилъ, но даже закопалъ въ могилу и снова вывелъ на свѣтъ живого и невредимаго. Желая быть *драматичнѣе* и *занимательнѣе*, Крестовскій проникалъ на дно самыхъ грязныхъ помойныхъ ямъ, изслѣдовалъ всѣ сорные углы во всѣхъ кабакахъ, чуть не посемейные списки

представилъ о всѣхъ петербургскихъ мазурикахъ... Матеріала накопилось достаточно и изъ него онъ склеилъ романъ во сто печатныхъ листовъ, который ужаснулъ самого А. А. Краевского и чуть не дорѣзалъ тогдашнихъ „Отечест. Записокъ“. Критика не тронулась и тутъ; точно будто Трущобный вовсе и не писатель большихъ романовъ, а какой нибудь мелкій фельетонистъ изъ „Петербургскихъ“, или „Биржевыхъ Вѣдомостей“, которыхъ писанія живутъ только отъ утра до солнечнаго заката. Ну, не горько ли, не обидно ли это!

Одинъ только Стебницкій равенъ Трущобному, по тому холодному и незаслуженному равнодушію, съ которымъ критика относится къ нему. Но Стебницкій знаетъ, за что его обходитъ порядочная критика. Онъ знаетъ, куда ему слѣдуетъ обращаться съ своими произведеніями, какъ на него должна смотрѣть серьезная часть литературы, и потому мирится съ положеніемъ отверженнаго. Трущобному кажется, что съ нимъ поступаютъ несправедливо. Ему все сдается, что неудачность его произведеній заключается не въ томъ, что онъ самъ, по своей внутренней писательской *сущи* — таланту, равенъ нулю, что онъ несостоятеленъ и не владѣеть ничѣмъ, кромя выработаннаго слога; что у него нѣтъ ни чувства, ни пытливаго ума, нѣтъ даже признака способности анализировать и создавать характеры. Ему все кажется, что всѣ его злоключенія происходятъ оттого, что онъ доселѣ *плохо* выбиралъ тѣмы. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, для современной жизни какіе нибудь испанскіе мотивы? Какое они могутъ имѣть значеніе — никакого! Такъ — дѣтскія шалости... Или, что такое „Мазуриада“ и ея ужасы, когда нынѣ полиція преобразовала и подчистила всѣ петербургскія трущобы! „Все это вещи тривіальныя, думаетъ Трущобный, критика вѣроятно потому и не разбирала мой романъ, что въ немъ говорится все о предметахъ невысокихъ, уличныхъ и пошлыхъ. Дай же я возьмусь за тѣмы *высокія*, стану обличать и карать враговъ отечества. Тогда ужъ навѣрное оцѣнятъ меня и перестанутъ относиться съ презрѣніемъ...“ И вотъ Трущобный уѣхалъ на западъ, такъ какъ, по указаніямъ Михаила Каткова, враговъ отечества *тамъ* слѣдуетъ искать. На западѣ онъ изучилъ извѣстную или,

правильнѣе, никому неизвѣстную книжицу: „Исторію мятежа 1863 года, сочиненную В. Рачемъ. Почерпнувъ изъ сего драгоценнаго источника свѣденія о польской интригѣ, о всесвѣтной заговорной организаціи, *великомъ будованіи* и о томъ, что мы, рускіе — *панургово стадо*, Крестовскій состряпалъ новыи романъ „Панургово стадо“, и преподнесъ оный Каткову, дабы сей, напечатавъ его въ своемъ сборникѣ, поразилъ тѣмъ враговъ отечества, а ему, Трущобному-Крестовскому, выдалъ патентъ благонамѣреннаго.

Теперь, когда мы знаемъ, на какихъ данныхъ построенъ новый романъ, загромоздившій „Русскій Вѣстникъ“ съ февраля мѣсяца, намъ уже становится понятнымъ, отчего онъ безтолковъ и скученъ, несимпатиченъ и пахнетъ какою-то заказною благонамѣренностію. Талантъ автора „Трущобъ“ и „Панургова стада“ опредѣлить довольно легко; этотъ господинъ не имѣетъ ни одной собственной мысли, не говоря уже объ идеяхъ или убѣжденіяхъ. Онъ бѣднѣе даже птицы чирика; у того есть собственная пѣсня, хотя онъ обыкновенно и пробавляется подражаніемъ чужимъ пѣснямъ. Крестовскій ничего не имѣетъ своего, вѣчно кому нибудь подражаетъ и вѣчно неудачно. Онъ перефразировалъ всѣ извѣстныя стихотворенія Полежаева, Фета, Майкова, даже Полонскаго. У Полежаева есть превосходное, по своей простотѣ, стихотвореніе „Блудница“, Крестовскій тоже написалъ на тѣму Полежаева, но, Боже правый! что у него вышло; у него блудница *выгибаетъ станъ свой змѣею* и прочее. Пусть любопытствующіе сами сравнятъ оба стихотворенія и скажутъ, насколько ухитрился ошоплить В. Крестовскій простую красоту полежаевского образа. Вообще можно сказать, что бы вы ни читали изъ его издѣлій, вы сейчасъ же чувствуете, что оно вамъ какъ будто и прежде было знакомо въ лучшей формѣ. Если вы потрудитесь подумать, вы сейчасъ же вспомните, что совершенно *тоже самое* имѣется у кого нибудь изъ извѣстныхъ, а часто даже малоизвѣстныхъ писателей. Вы дивитесь и спрашиваете: зачѣмъ Крестовскій пересказалъ своими словами *то*, что прежде его высказалъ уже другой гораздо удачнѣе? Отвѣтъ не труденъ; у Крестов-

«Дѣло», № 9. 7

скаго нѣтъ своей внутренней *сутью*; его мозгъ ничего не изобрѣтаетъ, ничего не выработываетъ. Онъ поневолѣ долженъ заимствовать у другихъ сюжетъ, тонъ и даже форму, *перекладывая ихъ только своими словами*. Лишенный писательскаго чутья, онъ по минутно впадаетъ въ пошлость. Поверхностная, неглубокая и только чувственная натура его, не понимаетъ внутренней драмы, движенія и интереса жизни. Отсюда у него постоянныя убійства и варварства немислимая, когда онъ хочетъ быть драматичнымъ; всевозможныя курьезы и пошлости, когда онъ хочетъ быть интереснымъ. Всѣ его рассказы—чисто внѣшніе; кромѣ *тѣла*, онъ ничего не только описать, не можетъ даже постичь. Въ этомъ кроется причина *деревянности* и *несимпатичности* его издѣлій, ихъ малаго интереса, несмотря на множество разнообразнѣйшихъ вещей, о которыхъ говоритъ авторъ. Одна мысль нестойка, всегда разнообразна, жива и интересна въ своихъ измѣненіяхъ. Лишенный мысли, Крестовскій постоянно обрывается, боится, чтобы его сочиненіе не осталось безсодержательнымъ; не производя ничего самъ, онъ вынужденъ все выхватывать у другихъ, подбирать извнѣ.

Для примѣра возьмемъ „Трущобы“—громаднѣйшую изъ написанныхъ имъ пошлостей; если кто дастъ себѣ трудъ подумать надъ ихъ замысломъ и выполненіемъ, онъ увидитъ, что въ нихъ собственно ничего нѣтъ, что бы исключительно принадлежало автору, подписавшемуся подъ ними. „Парижскія тайны“, „Ужасы“ Поля Феваля, „Нищія“ Григоровича, типы Помяловскаго — и тысячи другихъ знакомыхъ вещей сейчасъ же начинаютъ сквозить черезъ уродливую замазку и разную грязь; слова, только одни слова собственно и принадлежатъ Трущобному, и которыхъ онъ по своей *нечуткости* и безтактности, влалъ всюду не жалѣя, что называется, щедрою лопатой, желая скрыть свои заимствованія и поддѣлки подъ чужой тонъ.

Во вновь созданномъ имъ романѣ, ему тоже принадлежитъ очень немного: міросозерцаніе взято цѣликомъ изъ Рача; оно формулируется слѣдующимъ образомъ: русскіе—панургово стадо, простаки, чуть не дураки; поляки—хитрые заговорщики, преданные

своему дѣлу, единодушные, покрывшіе *стылю* заговора всю Россію. Русскіе либералы — тѣже мазурики, съ которыми насъ познакомили уже „Трущобы.“ Стоитъ ли спорить съ господиномъ, имѣющимъ подобное міросозерцаніе?! Мы не будемъ спорить. Что касается самаго романа, то онъ до крайности дубоватъ, холоденъ и лишенъ интереса, такъ что читатель не сочувствуетъ тому, чему сочувствуетъ авторъ и вовсе остается чужимъ всему, описываемому въ сценахъ, составляющихъ романъ. Злодѣи и добрые, драматическое и комическое — сливается въ безраздѣльную массу холоднаго резонерства и безучастнаго доношенія, похожаго на изложеніе происшествія въ какомъ нибудь казенномъ рапортѣ. Я увѣренъ, что самого автора не поразилъ, не увлекъ предметъ, избранный имъ для романа; онъ просто безучастно, какъ поденщикъ, сработалъ свое „Панургово стадо,“ предвидя сбытъ товару на московскій рынокъ. Если бы велѣть толковому, но совершенно неразвитому писарю-солдату описать какія либо сцены подробно и обстоятельно — выйдетъ рассказъ, похожій на романъ Крестовскаго. Это какая-то деревянная болтовня; какая-то глупая диссертация о томъ, „что красть не подобаетъ, а уважать родителей весьма похвально“.

„Панургово стадо“ — романъ общественной жизни въ минуту перелома; программа его захватываетъ множество важныхъ и интересныхъ событій. Сильный умъ и много чуткости надобно, чтобы освѣтить все темное и хоть отчасти разрѣшить поминутно возникающіе вопросы. Когда мы брались за романъ, намъ крайне было любопытно: какимъ образомъ справился съ такою трудною задачею такой поверхностный и слабосильный по части мышленія авторъ, какъ В. Крестовскій. Онъ справился, по своему обыкновенію, очень просто, не подозревая даже, чего отъ него требуетъ сюжетъ. Встрѣтилась ему необходимость охарактеризовать русскихъ либераловъ, онъ сейчасъ вывелъ Полоярова, выгнаннаго за взятки становаго, въ кумачной рубашкѣ, нечесаннаго шута, который всѣ свои рѣчи, долженствующія вліять на сбиваемую имъ съ пути молодежь, говорить за кулисами, а на сценѣ только показывать кулакъ и

предлагать понюхать, чѣмъ это пахнетъ. Самая фамилія Полоярова состоитъ изъ двухъ словъ: *половая ярость*. Не правда ли, какъ просто разрѣшилъ г. Трущобный важный вопросъ о нашихъ либералахъ и ихъ дѣйствіяхъ въ эпоху перелома: плутъ и воръ-становой, одушевляемый половиною яростію, повліялъ на панургово стадо, поляки помогли ради *великаго будованія* и чуть было не произошла революція и дезорганизация. Каково? Ну, поди же кто другой, разрѣши такъ легко.

Не будь половиною ярости—не было бы и нигилизма; всѣ были бы добродѣтельны, какъ маіоръ Лубянской изъ „Панургова стада.“ Я впрочемъ думаю нѣсколько иначе: не будь половиною ярости, можетъ быть, не было бы у насъ нѣкоторыхъ поверхностныхъ и ерундивыхъ писателей. Событія и люди, дѣйствовавшіе въ эпоху перелома, порождены причинами, которыя лежатъ гораздо глубже, чѣмъ видятъ гг. Крестовскій съ Катковымъ и Рачемъ купно; причины, вліявшія на ходъ дѣлъ, настолько сложны, что вѣроятно намъ придется еще долго ждать настоящаго объяснителя и рѣшителя всѣхъ недоразумѣній.

Но возвратимся къ „Панургову стаду!“ Полояровъ въ романѣ поступаетъ совершенно такъ, какъ и слѣдуетъ поступать Полоярову; онъ, кромѣ многихъ иныхъ женщинъ, увлекаетъ къ себѣ еще и дѣвицу Анну Лубянскую—дочь вышеупомянутаго уже нами добродѣтельнаго маіора (радуйтесь маіоры!), на которомъ Крестовскій зиждетъ спасительный элементъ русской жизни, но который однако же въ романѣ, вѣроятно безъ вѣдома автора, оказывается пошлымъ дуракомъ. Переночевавъ съ дѣвицею Анною, Полояровъ просыпается при слѣдующей обстановкѣ: у стѣны, примостившись кое-какъ на составленныхъ креслахъ, спалъ Ардалионъ Полояровъ. Въ комнатѣ было грязно и беспорядочно, и вся обстановка съ перваго взгляда показывала, что здѣсь живетъ холостякъ, бобыль, бездомовникъ.

„Ардалионъ потянулся, почавкалъ губами, зѣвнулъ и, открывъ глаза, приподнялся на локтяхъ съ своихъ стульевъ.“

— А, матушка, уже проснулась? улыбнулся онъ Аннѣ Петров-

нѣ.—А что самоварчикъ? Побаловаться бы горяченькимъ, а то смерть, какъ скверно.

Дѣвушка подала ему стаканъ.

— Что это? никакъ *глазки на слезки*? (что это такое?) спросилъ онъ, взглянувъ на смутное, опечаленное лицо дѣвушки.—О чемъ это? Ужь не о папенькѣ ли стосковались?

— О папенькѣ, отвѣчала дѣвушка серьезно.

— Э, барышня, это надобно было предвидѣть! Вѣдь рано ли, поздно ли ты все равно должна была оставить его.“

Въ эту минуту докладываютъ, что пришелъ оскорбленный отецъ—добродѣтельный майоръ, отыскивающий свою дочь. Полояровъ кричитъ: „Хочу поглядѣть, какъ вы встрѣтитесь. Это тебѣ, матушка, будетъ хорошій оселокъ... что называется проба пера. До сихъ поръ все пустяки были, теперь игра пойдетъ въ серьезную. Вотъ ты и испытай, насколько ты боецъ жизни. Теперь и узнаешь, есть ли въ тебѣ настоящій характеръ или просто ты тряпца, кисейная барышня... А, ну! Анятеа... смотри молодцомъ у меня...“

Постой, читатель, я вижу ты что-то вспомнилъ; да, ты угадываешь: вся эта до невѣроятности глупая сцена пробужденія обольстителя и его жертвы и разговоръ ихъ, есть простая передѣлка извѣстной сцены въ квартирѣ студента-нигилиста изъ „Повѣтрія“ Авенаріуса.

Трущобный безъ церемоніи всѣмъ воспользовался отъ Авенаріуса, только перефразировалъ и опошлилъ и безъ того неловкую сцену. Проведемъ параллель, чтобы показать заимствованіе, а главное, насколько „Панургово стадо“ ниже даже „Повѣтрія.“

У Авенаріуса дѣвушка случайно остается ночевать у студента, мы видимъ ея колебанія и нерѣшительность; ложится спать она, надѣясь, что ее не тронуть; отдается она обольстителю, думая, что любимый ею человекъ любитъ другую и что ей значитъ *все равно*. Проснувшись на другой день, она бѣжитъ прочь, полная негодованія и стыда... Студентъ Авенаріуса не въ примѣръ умнѣе Полоярова, котораго рѣчи напоминаютъ скорѣе пьянаго полкового

писаря, чѣмъ нигилиста. У Крестовскаго дѣвушка прежде ругается съ отцомъ, потомъ убѣгаетъ отъ него ночью, обольститель везетъ ее сперва въ какой-то трактиръ, а затѣмъ уже владеть спать съ собою. Внутренняя борьба и особыя побужденія вліяютъ на героиню Авенариуса; на героиню Крестовскаго ничто подобное не вліяетъ. Она не сама покидаетъ Полоярова, а ее уводитъ отецъ послѣ долгой и глупой болтовни. Обольститель-либераль у Авенариуса еще нѣсколько похожъ на человѣка, обольститель-либераль Крестовскаго ни на что не похожъ... просто одна *половая ярость*. Всѣ мерзости, которыя авторъ заставляетъ его совершать передъ вами, не возбуждаютъ въ васъ къ нему особеннаго отвращенія и гнѣва: предъ вами нѣтъ никакого лица, типа, однѣ фразы автора. — Авенариусъ описываетъ, предъ сценою паденія, сходку дѣвиць и студентовъ, Крестовскій, копируя его, тоже описываетъ сходку только гораздо плоше и поверхностнѣе. У Авенариуса читается, важется, химія, у Крестовскаго — *Колоколъ*. И такъ далѣе, либералы списаны по Авенариусу, поляки — по Рачу. Винавать! одинъ либераль-гимназистъ, Шишкинъ, цѣликомъ выхваченъ изъ романа Ключникова „Маревъ“, а равно и вся гимназія съ колпакомъ-директоромъ, учителями-поляками — хитрыми интригантами и добродѣтельнымъ русскимъ учителемъ—цѣликомъ взята изъ „Марева...“ Но даже Ключниковъ—сей плохой изъ плохихъ, когда его описанія и очерки сравнивать съ его копировщикомъ Трущобнымъ, оказывается великаномъ и дарованіемъ. Трущобный плохъ и дубовато-скученъ до невѣроятія. Но за то онъ благонамѣренъ, очень благонамѣренъ.

Я прочелъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ „Панургово стадо“ съ февраля по май—и всюду мнѣ попадались знакомыя вещи: Рачъ, Авенариусъ, Ключниковъ, Щедринъ (описаніе Славнобубенска предъ баломъ губернаторши), Щедринъ, Ключниковъ, Авенариусъ, Рачъ и такъ до безконечности. Всѣ эти милыя вещи растаплены и ополнены до нельзя, и перемѣшаны между собою въ видѣ трактирной селянки. Катковскій патриотизмъ пронизалъ все сочиненіе *отъ рыла до хвоста*

Въ „Панурговомъ стадѣ“ всѣ русскіе страхъ просты, такъ что ихъ даже жаль бѣдненькихъ дѣлается. На одномъ вечерѣ въ Славнобубенскѣ (городъ лежитъ въ глубинѣ Россіи) всѣ жители изволили одѣться въ трауръ и чуть не единогласно объявили себя поляками. Одна только старуха рѣшилась остаться русскою (спасла, значить, отечество!); за это Крестовскій заставляеть ее выражаться слѣдующимъ образомъ на балѣ, когда къ ней подходитъ одинъ изъ ея знакомыхъ: „А ты, мой батюшка, все шалаберничаешь, погрозила она ему пальцемъ,—анъ нѣтъ того, чтобы зайти къ старухѣ посидѣть! Приходи что ли! въ бостонъ по старой памяти сыграемъ. А мнѣ встати изъ деревни медвѣжьи окорока прислали, ты вѣдь любишь пожрать-то?“

— Это можно, потому на томъ живешь, отвѣчаетъ Подхалютинъ...“

Ты какъ, читатель, думаешь; пріятно быть въ числѣ тѣхъ русскихъ, которыхъ изображаетъ Крестовскій?

Но оставимъ Трущобнаго Крестовскаго; онъ менѣе виноватъ, написавъ слабый романъ (не могъ же *Крестовскій* написать хороший); гораздо болѣе виноватъ Катковъ, напечатавшій такую плохую вещь.

Скажемъ слова два по поводу „Панургова Стада“, уже не Крестовскому, а прямо г. Каткову. Конечно, романъ, написанный на тѣму вполне жизненную, *серьезную*, съ цѣлью обрисовать наше общество въ любопытнѣйшую эпоху, по своей задачѣ, несравненно выше всей дребедени, которою инвалидные писатели наполняютъ „Вѣстникъ Европы“ и убогую „Зарю“. Но, задавая писать такой трудный романъ, намъ кажется, слѣдовало соразмѣряться съ силами автора. Иначе выдетъ не картина современной жизни, а карикатура; подобное что-то вышло изъ работы Крестовскаго.

Патріотизмъ тоже вещь хорошая, но здравый смыслъ не долженъ забываться при этомъ. Если бы мы, хотя на одну минуту, повѣрили Каткову и Крестовскому, что всѣ поляки—единодушно, безъ усталости и всѣмъ жертвуя, ведутъ борьбу противу насъ; что русскіе простаки, халуеваты, *панургово стадо*—намъ бы ничего

болѣе не оставалось, какъ придти въ отчаяніе. Къ счастью, мы знаемъ, что дѣла далеко не такъ безнадежны: много есть поляковъ, вовсе недумających враждовать, а панургово стадо не только не объежлетъ всю Россію, но даже едва ли, кромѣ Каткова съ его поклонниками, кого-либо можно зачислить въ оное. Мы имѣемъ основаніе такъ думать.

Намъ остается еще поговорить о разсказѣ г-жи Ожигиной— „Своимъ путемъ“ и романѣ Мордовцева— „Знаменья времени“. Мы нарочно отложили отчетъ о нихъ подъ конецъ статьи, чтобы хоть немного отдохнуть и перевести духъ, послѣ безконечнаго и утомительнаго странствованія по пустынямъ и дебрямъ трущобной беллетристики. „Знаменья времени“ и „Своимъ путемъ“ далеко нельзя назвать произведеніями выходящими изъ ряду вонъ; первое изъ нихъ даже неудавшееся произведеніе. Но оба они не клеветаютъ и не пачкаютъ рукъ читателя. У авторовъ смыслъ не перевернуть вверхъ ногами; они не идутъ въ разрѣзъ со всѣми лучшими людьми своего времени, ради того только, что *минувшее* было ихъ, а *настоящее*—чужое, поэтому, первое слѣдуетъ отстаивать, а на второе клеветать. Черное они называютъ чернымъ, бѣлое—бѣлымъ.

Разсказъ Ожигиной—разсказъ безъ особенныхъ претензій; это старая, давно извѣстная исторія бѣдной дѣвушки сироты, дурно воспитанной (въ смыслѣ бесполезности даннаго воспитанія), оставшейся безъ средствъ и опеки. Дѣвушка попадаетъ сперва въ швейный магазинъ, оттуда въ аристократическій домъ, въ модный фран-

цузскій пансіонъ и наконецъ гувернанткою въ семью степного помѣщика. Глубокаго анализа въ этомъ разсказѣ нѣтъ, характеры намѣчены по внѣшнимъ чертамъ и особенностямъ ихъ, всё они недорисованы, блѣдноваты; сцены тоже начерчены несмѣлою рукою писателя, обнявшаго уже вполнѣ задуманное имъ, а какъ-то робко, машинально. Г-жа Ожигина набрасываетъ въ свои картины, чтобы придать имъ побольше колорита, все, что попадаетъ ей подъ руку, много всего набрасываетъ, сцена удлиняется, характеристика растягивается, но въ концѣ концовъ вы все же видите предъ собою то, что вамъ хотѣли показать, хотя немного и загроможденное. Таково все описаніе швейной мастерской. Дочитавъ, вы и довольны и недовольны; вы видѣли много, но вамъ кажется, что главнаго вамъ не показали. Вы правы: разсказчица никакъ не можетъ справиться съ психическою стороною своихъ дѣйствующихъ лицъ. Она знаетъ и наблюдаетъ довольно подробно ту жизнь, которую разсказывала, но только съ внѣшней стороны. Анализа нѣтъ и соразмѣрности въ распланировкѣ лицъ тоже нѣтъ; второстепенныя лица безъ нужды мечутся на первый планъ, занимаютъ болѣе мѣста, чѣмъ слѣдуетъ. Разсказъ напоминаетъ скорѣе любопытные мемуары, чѣмъ романъ. Но читается легко. Одно начало нѣсколько безжизненно и блѣдно. Лучшею частію можно считать пребываніе героини гувернанткою въ семьѣ степного помѣщика Чуфарова. Личность самого Чуфарова почти типъ, еще нѣсколько удачныхъ чертъ — и образъ былъ бы дорисованъ, но именно этихъ-то чертъ и не сдѣлано. Окончаніе разсказа нельзя одобрить. Чуфаровы похитили у героини ея дневникъ, гдѣ находятъ вещи для себя непріятныя и читаютъ его при авторѣ. Совершенно тоже, что въ комедіи: „На всякаго мудреца довольно простоты“. И въ комедіи и въ разсказѣ вы слышите фальшивую ноту.

Оцѣнить произведеніе г. Мордовцева нѣсколько труднѣе, чѣмъ высказаться о разсказѣ „Своимъ путемъ“. „Знаменья времени“ напечатана во въ „Трудѣ“ г. Хана рядомъ съ уродливымъ дѣтищемъ нѣкоего Петра Каратыгина — „Бараньимъ стадомъ“ (у Каткова — стадо, у Хана —

стадо... Дались имъ эти стада!) Отецъ стада, принадлежащаго „Труду“ г. Хана, силится быть юмористомъ, но во всемъ его произведеніи мелькаетъ только поистинѣ комическая фигура—фигура самого Петра Каратыгина. Но не о немъ наша рѣчь!

Если вамъ, читатель, случалось бывать въ обществѣ отжившихъ стариковъ, разныхъ ретроградовъ, глупцовъ и деревянныхъ людей, словомъ, въ обществѣ господъ, которыхъ нѣкоторые у насъ почему-то считаютъ за охранительный элементъ,—и если въ этомъ обществѣ случайно вамъ попадался на глаза порядочный человекъ, вы сейчасъ же его замѣчали, выдѣляли изъ общаго уровня и радостно протягивали ему руку. Вы были рады вашему открытію и готовы на первыхъ порахъ приписать ему ни вѣсть какія достоинства. Точно такое же впечатлѣніе овладѣваетъ рецензентомъ, когда онъ только-что принимается за романъ Мордовцева. Но „Знаменья времени“ скоро разочаровываютъ. Такъ точно и порядочный человекъ, попавшійся въ обществѣ людей охранительнаго начала, когда вы его ближе узнаете, обыкновенно окажется плохимъ мыслителемъ, хотя и добрымъ малымъ. Иначе и быть не можетъ; иначе онъ бы никакъ не затесался въ среду охранителей.

Мордовцевъ много читалъ современнаго, особенно разные экономисты повліяли на него. Онъ скорбитъ душою надъ печальной участью человѣческаго рода; онъ изучилъ все проэкти—какъ осчастливить несчастныхъ, и ни на одномъ не остановился, и своего пока тоже не изобрѣлъ. Мордовцевъ помнить, что прочелъ и услышалъ, но различить въ этой массѣ *якину* отъ *зерна* ему не дано; отъ этого у него бездна противорѣчій. На одной страницѣ онъ чистѣйшій космополитъ, гуманистъ самыхъ широкихъ взглядовъ, непризнающій ничего существенно-важнымъ, кромѣ людскаго рода и его общихъ житейскихъ страданій. На другой—узенскій націоналистъ, весь укладывающийся въ рамки возрѣвній Хомякова. Сочиненіе его собственно не романъ; это рядъ сценъ, изъ которыхъ каждая спеціально написана съ цѣлью выяснитъ извѣстную теорію, или поставить вопросъ. Нѣкоторыя сцены дѣйствительно хороши,

но общей идеи въ нихъ нѣтъ. Всѣ лица романа приходятъ и уходятъ на свою сцену, какъ декламаторы, а не какъ актеры, должныя разыграть роль, тѣмъ менѣе, какъ живыя лица.

Къ чести автора слѣдуетъ отнести рѣдкое обстоятельство: у него почти нѣтъ ненужныхъ и бессмысленно-художественныхъ описаній природы. Если онъ описываетъ берегъ Волги, жизнь на ея берегу, осенній день, то онъ это дѣлаетъ съ единственною цѣлью выяснитъ этимъ описаніемъ высказанную имъ предъ этимъ мысль; всѣ описанія у него непремѣнно служатъ какойнибудь идеѣ и всецѣло проникнуты ею. Приведемъ лучшее изъ нихъ: „Стоитъ тихое, теплое, ясное сентябрьское утро, какія бываютъ только въ началѣ осени, когда послѣ нѣсколькихъ смурныхъ дней, солнце, какъ бы само радуется, что ему удалось еще хоть разъ выглянуть изъ-за сѣрыхъ сплошныхъ тучъ на землю и посмотрѣть еще хоть разъ, и на увядающую чахнущую зелень, которую оно когда-то растило, лелѣяло, да только все-таки не уберегло отъ старости, и на людей, которые копошатся на землѣ съ своими радостями и печальми, съ своими маленькими человѣческими грѣшками и такими же маленькими человѣческими добродѣтелями, — посмотрѣть и на эту Волгу, кому матушку родимую, кому мачиху сварливую... Родная природа... Теплое благотворное солнце, зеркальная поверхность Волги, радостно плещущаяся на солнцѣ рыба, наслаждающаяся жизнью (думалъ Стожаровъ).“ Ахъ, вы художники? Все бы вамъ искусство, да искусство... Все бы у васъ наслаждаться жизнью... То-то наслаждается!.. они и эту развалившуюся избушку и эту изрытую водорослями и грязною до безобразія пристань изобразить художественно... Вонъ и баба улыбается художественно, гармонично съ природою, протягивая руку съ булкой, что бы эту булку купить неосторожный пассажиръ. Взявъ булку, пассажиръ бросилъ бабѣ пятакъ: надула баба пассажира, надулъ пассажиръ бабу. Булка не стоитъ пятака, пятакъ не стоитъ булки: бабу надулъ мучникъ-купецъ—далъ ей муки не за ту цѣну, какой она стоила, бабу надулъ печникъ, слѣпивъ ей печь не за ту цѣну, какой печь стоила, бабу надули на дровахъ, а баба надула пассажира своей булкой, а онъ надулъ ее пята-

комъ, потому что пятакъ этотъ не даетъ бабѣ того, чего бы она желала достать на пятакъ. Круговой обманъ, вынужденный этою улыбающеюся жизнію, подлость узаконенная и этимъ благотворнымъ солнцемъ и историческою необходимостью... Вонъ и та молодуха, что воесть словно собака выжатникъ, припавъ безталанной головой къ полѣнницѣ дровъ — тоже воесть художественно и наслаждается жизнію, потому что жнецы сказали ей, что мужъ ея, ушедшій на заработки, косилъ двѣнадцать дней чужую нивушку, а на тринадцатый денекъ ему на этой нивушкѣ смерточка приключилась... Вонъ и рыбка радостно плещется на солнышкѣ, наслаждается жизнію, *художественно* выныряя на зеркальную поверхность Волги, тогда какъ эта рыбка, можетъ, три дня голодна, а теперь изо всѣхъ рыбьихъ силъ, и со всею рыбею смышленостью и хитростью хочетъ поймать летящую надъ водою козявку, которая тоже другой денекъ голодаетъ, тогда какъ всего житья козявкина десять-пятнадцать денечковъ, а можетъ и менѣе...”

Прочитавъ это описаніе и соглашаясь, что оно несравненно ближе къ дѣлу и мысли, чѣмъ подробности безсмысленныя и безцѣльныя нашихъ эстетиковъ вы ждете развитія романа: жизни, драмы, дѣйствія... Въ „Знаменіяхъ времени“ этого ничего нѣтъ; идутъ сцены — умныя и рядомъ глупыя сцены, совершенно риторическія, идутъ описанія въ родѣ вышеприведеннаго, но за ними нѣтъ романа. Мордовцевъ никакою общою идеею не связалъ всѣхъ своихъ положеній, ничѣмъ не разрѣшилъ поставленныхъ вопросовъ. Разсказъ у него постоянно обрывается именно на томъ мѣстѣ, гдѣ собственно слѣдуетъ начаться настоящей сути романа. Онъ ничего не обобщаетъ или, вѣрнѣе, силится, но не можетъ этого сдѣлать. Изложивъ въ сценахъ, въ разговорахъ между разными лицами, изъ которыхъ каждое не человѣкъ, а олицетвореніе какой нибудь утопіи — положеніе того или другого общественнаго вопроса, Мордовцевъ считаетъ дѣло поконченнымъ и переходитъ къ слѣдующему, часто вовсе не вяжущемуся съ предыдущимъ. Отъ помысловъ пересозданія людскаго общества на новыхъ соціальныхъ основаніяхъ, онъ вдругъ шагаетъ къ славянофильству. Тургеневъ леталъ надъ

міромъ съ женщиною въ своихъ „Призракахъ“ — писатель 40-хъ годовъ безъ женщины не можетъ быть, — Мордовцевъ летаетъ съ птицею и видитъ „колосса на глиняныхъ ногахъ“. Гигантъ — это необъятное всеславянское тѣло... Голова, сердце и руки гиганта — это Россія, отъ пролива Беринга до Кракова и отъ Вайгача до Арарата и т. д., вещи все знакомы намъ давно. Не стоило ихъ повторять!

Далѣе слѣдуютъ географическіе стихи Хомякова и объясненія, почему у гиганта ноги глиняныя — цѣлыя страницы рассказовъ въ мистическо-панславистскомъ духѣ. Всѣ неславянскія народности отъ Берингова пролива до Кракова и отъ Вайгача до Арарата панславистъ Мордовцевъ изволилъ просмотрѣть; не можетъ же онъ не знать, что они существуютъ. За что онъ ихъ приноситъ въ жертву будущей *Славоніи*? Понистинѣ мы не понимаемъ, какъ мыслить г. Мордовцевъ, и какъ это онъ вдругъ превращается изъ радикала въ какого-то жреца невѣдомаго и никому неизвѣстнаго бога. Должно быть все это (мистическое) онъ прочелъ въ пророчествахъ графа Медо Пучича. Противу пророчествъ мы конечно спорить не станемъ.

Въ славянофильскомъ разглагольствованіи мы нашли впрочемъ одну дѣльную мысль. Когда Мордовцевъ плакалъ надъ Славонією, *птица* сказала ему: „не слезы твои нужны тому, что тебѣ дорого — слезъ и безъ того много пролито на всемъ этомъ необъятномъ пространствѣ, которое ты видѣлъ: *нужны руки работающія, головы мыслящія, сердце любящее... Любовь безъ дѣла — мертва!*“

Кто съ этимъ не согласится! но романа все-таки нѣтъ, даже и послѣ летанія съ птицею. Все отдѣльныя сцены, дидактики, риторики, иногда удачная мысль мелькнетъ — и только!

Въ послѣдней вышедшей части (іюнь, „Всемирный Трудъ“) дѣйствіе происходитъ уже не на берегу Волги, а въ малороссійской деревнѣ; дѣйствующія лица: — отецъ и мать главнаго героя Стожарова, точеная голова (что это за точеная голова?). Старики Стожаровы принадлежатъ къ прошедшимъ временамъ. Авторъ силится представить ихъ сочувствующими *новому*. Намѣреніе хорошее, но

оно не удалось: послѣдняя часть самая плохая. Тутъ очевидно автору не могла уже помочь его начитанность, онъ остался при однихъ своихъ авторскихъ силахъ — и вышло настоящее фіаско.

Въ „Знаменіяхъ времени“ есть нѣкто Кармановъ, сынъ богатаго помѣщика-крѣпостника, подписчика на „Вѣсть“ и „Новое Время“. Кармановъ-сынъ — радикаль и правдодумъ, рѣшитель всего въ романѣ; онъ литераторъ, ученый, характеръ, оригинальная сила и проч. и проч. Неожиданно сей доблестный мужъ преобразовывается въ паробка-мужика. Зачѣмъ? Развѣ для него нѣтъ другой, болѣе подходящей дѣятельности? Развѣ механическій ручной трудъ удобнѣе для человѣка, который приспособилъ себя работать головою?! Мы думаемъ, что всякій трудъ равно хорошъ, а наиболѣе полезенъ и подходящъ каждому тотъ родъ труда, въ которому онъ наиболѣе способенъ и съ которымъ свыченъ. Карманову, — писателю, ученому, развитому человѣку, мы не видимъ причины заниматься возкою мѣшковъ на мельницу, тогда какъ онъ можетъ писать дѣльные книги (если только онъ можетъ?). Послѣдняго за него не исполнить работникъ-паробокъ, на мѣсто котораго онъ сталъ. Признаемся, мы не видимъ никакого либерализма въ наряжаньи себя въ свитку и овчины. Народъ — цѣлина; положимъ такъ. Но дикія племена еще большая цѣлина, отъ чего же никто не хочетъ сдѣлаться дикимъ, а всѣ стремятся сдѣлать дикихъ цивилизованными. Но автору кажется, что его Кармановъ, преобразованный въ паробка, — герой и настоящій, существенный радикаль. Жалкое понятіе и младенческое воззрѣніе на людей и потребности общества, замѣтимъ мы!

Разговоръ старика Стожарова съ нанимающимися у него въ работники Кармановымъ преисполненъ странностей, чтобы не сказать болѣе. Напримѣръ: „Чтобы кажется могло быть честнѣе, говоритъ Кармановъ, занятій литературою, наукою? Тутъ прямое служеніе идеѣ (а впрямое служеніе есть?), правдѣ, добру и общечеловѣческой пользѣ; служеніе наукѣ и свободному слову — святое служеніе, казалось бы. А выходитъ наоборотъ! По мнѣнію напримѣръ „Русскаго Вѣстника“, всякій, кто участвуетъ въ „Дѣлѣ“, въ

“Отечественныхъ Запискахъ”, во „Всемирномъ Трудѣ“, въ „Вѣстникѣ Европы“, въ “Искрѣ”, въ „Голосѣ“ — вредный человѣкъ. По мнѣнію „Дѣла“ всякій, кто пишетъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ „Отечественныхъ Запискахъ“, во „Всемирномъ Трудѣ“, и т. д. — болѣе чѣмъ подлець и преступникъ, болѣе чѣмъ злодѣй, хуже, чѣмъ воръ, и глупѣе, чѣмъ идиотъ...»

Кто это вамъ сказалъ?! Помилюйте, г. Мордовцевъ, вы просто зарапортовались! Вотъ вы пишете во „Всемирномъ Трудѣ“, а мы васъ не считаемъ ни подлецомъ, ни дуракомъ, ни идиотомъ. По нашему мнѣнію, вы только плохой мыслитель, переметная сума, и потому мы невидимъ въ васъ ни твердыхъ убѣжденій, ни опредѣленнаго мировоззрѣнія. — Но нельзя же считать благотворнымъ вліяніе такого органа, какъ „Вѣсть“, или „Домашняя Бесѣда“; нельзя М. Каткову рукоплескать, когда онъ проповѣдуетъ чуть-чуть не учрежденіе полицейскаго надзора надъ всѣми, кто несогласенъ съ „Московскими Вѣдомостями“. У г. Хана пишутъ люди бездарные, но *подлецами* никто еще ихъ не называлъ. Вы первый *такъ* ихъ вздумали оскорблять... Помилосердитесь! за что же?

Грѣхи ихъ имъ отпускаются по писанію, ибо не вѣдаютъ они, что творять.

Старикъ Стожаровъ, слушая белиберду, которую несетъ Кармановъ (Мордовцевъ тожь), говоритъ ему: „вы больны новымъ временемъ“.

— Это журналомъ-то Киркора? Нѣтъ, благодарю покорно. „Новымъ Временемъ“ болѣнъ мой родитель — крупный землевладѣлецъ. А я здоровъ.

Развѣ это отвѣтъ? Это простая игра словъ, а не разрѣшеніе вопроса; острота, достойная фельетона Незнакомца, а ужъ никакъ не серьезнаго сочиненія.

Чтобы сдѣлать послѣднюю часть своихъ „Знаменій времени“, болѣе интересною, г. Мордовцевъ убиваетъ даже безъ всякой надобности какую-то старуху няньку. Передъ этимъ онъ, ради эффекта, утопилъ въ Волгѣ мальчика, но смерть старухи даже не эффект-

на. Вся часть сочинения, описывающая деревню стариковъ Стожаровыхъ, до крайности скучна, общая идея выясняется еще менѣ, хотя романъ почти конченъ. Вообще произведеніе Мордовцева — неудачное произведеніе, задуманное не по силамъ автора. „Званія времени“ напоминаютъ собою того порядочнаго человѣка въ обществѣ охранителей, который подаетъ большія надежды, но ихъ не оправдываетъ. Самъ Мордовцевъ и его писательскій талантъ суть настоящія знаменія времени: имѣется кое-что, но установившейся идеи, пониманія того, что бессознательно запало въ голову нѣтъ.

Такихъ людей много между нами.

Окр—цъ.

ОРГАНИЗАЦІЯ ТРУДА.

(Les associations ouvrières en Angleterre (trades-unions), par M. le comte de Paris. Paris, in—8°, 1869).

I.

Года два съ половиною тому назадъ въ одномъ англійскомъ рабочемъ обществѣ случилось такое происшествіе: казначей похитилъ изъ кассы нѣсколько десятковъ фунтовъ стерлинговъ. Общество подало въ судъ. Кассиръ былъ схваченъ, посаженъ на скамью обвиненныхъ, уличенъ и, къ удивленію всѣхъ, оправданъ,— оправданъ на томъ основаніи, что въ статутахъ общества, суммами котораго онъ воспользовался, заключались постановленія, противныя англійскому закону. Апелляціонный судъ «скамейки королевы» подтвердилъ рѣшеніе суда первой инстанціи. Этотъ приговоръ произвелъ переполохъ во всѣхъ рабочихъ ассоціаціяхъ, которыхъ кассы, заключающія въ себѣ иногда милліоны, отдавались такимъ образомъ на произволъ кассировъ. Рабочимъ ассоціаціямъ, очевидно, приходилось дѣлать выборъ между двумя рѣшеніями: или произнести свое собственное уничтоженіе, или обратиться къ правительству съ просьбою о составленіи особаго покровительственнаго закона. Работники предпочли послѣднее и просили министерство назначить особенную комиссію для изслѣдованія положенія ихъ ассоціацій.

Правительство согласилось на ихъ просьбу тѣмъ охотнѣе, что въ это время общественное мнѣніе Англии было сильно занято вопросомъ о рабочихъ ассоціаціяхъ. Почти все англійское общество раздѣлилось на двѣ крайнія партіи: одни защищали органи-

зацію кооперативнаго труда, другіе напротивъ, требовали его уничтоженія, опираясь въ своемъ требованіи на цѣлый рядъ преступленій, совершенныхъ въ средѣ рабочихъ города Шеффилда.

Нечего и говорить, что трудъ, предстоявшій комиссіи, былъ громадный и она, несмотря на самое добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, должна была ограничиться изученіемъ только главныхъ *типовъ*, которые встрѣчаются въ организаціи всѣхъ рабочихъ союзовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она спеціально занялась вопросомъ о стачкахъ и разслѣдовала самымъ тщательнымъ образомъ тѣ изъ нихъ, которыя внесли переполохъ во многія важныя отрасли англійской промышленности въ послѣднее критическое время. Комиссія обратила преимущественное вниманіе на четыре отрасли: построеніе зданій, выдѣлку желѣза, добываніе каменнаго угля и постройку судовъ. Наконецъ комиссія дополнила свой трудъ разслѣдованіемъ о состоятельности союзовъ, о стачкахъ портныхъ, стекольщиковъ и типографовъ и этюдомъ объ образованіи посредническихъ совѣтовъ. Она публиковала уже десять томовъ in-folio, въ которыхъ, въ формѣ двадцати тысячъ вопросовъ и столькихъ же отвѣтовъ, заключается отчетъ сорока восьми долгихъ засѣданій. Къ этимъ десяти томамъ комиссія, кромѣ того, прибавила еще другіе документы. Первые фабриканты страны и представители главнѣйшихъ союзовъ составили, по ея просьбѣ, формуляры, заключающіе въ себѣ существеннѣйшія части предмета ея занятій. Наконецъ лордъ Стенли поручилъ всѣмъ представителямъ Англій при иностранныхъ правительствахъ собрать всѣ возможные свѣденія о рабочихъ ассоціаціяхъ за границей. Эти свѣденія, добытыя посланниками, были собраны и опубликованы вмѣстѣ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою громадный матеріалъ, какой только можно было собрать въ настоящее время для изученія организаціи труда. Если бы пришлось читать въ подлинникъ всѣ опубликованные труды комиссіи, то на это нужно бы было употребить безмѣрное количество времени. Къ счастью, одинъ изъ сыновей Людовика-Филиппа, графъ Парижскій, взялъ на себя трудъ резюмировать эти многотомные фоліанты сравнительно въ небольшой книжкѣ, появившейся три или четыре мѣсяца тому назадъ у парижскаго книгопродавца Балльера. Несмотря на свое недавнее появленіе, она уже разошлась въ шести изданіяхъ и, по всей вѣроятности, этихъ послѣднихъ потребуется еще нѣсколько. Предметъ до того интересенъ, что мы считаемъ своимъ долгомъ познакомить русскую публику съ книгой графа Парижскаго, принося

ему здѣсь искреннюю благодарность за то, что онъ съ такою пользою употребляетъ часы своего досуга, которыхъ у него, по выраженію Гейне, ровно двадцать четыре въ сутки.

II.

Чтобы объяснить себѣ, какъ слѣдуетъ, происхожденіе ремесленныхъ союзовъ въ Англіи, надо обратиться къ 1348 году, когда ужасная моровая язва снесла съ лица земли четвертую часть всего человѣчества. Какъ всегда водится, рабочій классъ всего болѣе пострадалъ отъ чумы. Впрочемъ для тѣхъ работниковъ, которые пережили моровую язву, она имѣла свою хорошую сторону: вздорожала задѣльная плата. При этомъ явленіи, парламентъ, который въ экономическомъ отношеніи былъ развитъ ровно столько же, сколько парламентъ 1869 года, счелъ своимъ долгомъ вмѣшаться въ дѣло. Онъ немедленно установилъ тахітумъ на задѣльную плату. Нечего говорить, что этотъ тахітумъ равнялся той самой рабочей цѣнѣ, которая существовала до моровой язвы. Послѣдующіе парламенты только слѣдовали по направленію, избранному палатой общинъ 1348 года. Всѣ ихъ законы касательно работниковъ были только на то, чтобъ не дать послѣднимъ возможности увеличить плату за свой трудъ. Надо сказать, что такая вѣковая забота о выгодахъ патроновъ навлекала парламентамъ не мало другихъ заботъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ задѣльная плата работниковъ продолжала оставаться при той нормѣ, въ какой она находилась въ 1348 году, предметы потребленія, предметы самой первой житейской необходимости постепенно дорожали. А чѣмъ болѣе они дорожали, тѣмъ невыносимѣе становилось положеніе работника. Парламентъ и тутъ прибѣгнулъ къ системѣ уравниванія. Онъ назначилъ таксу на предметы первой необходимости, подобно тому, какъ прежде назначилъ тахітумъ на задѣльную плату.

Но этого оказалось мало. Надо было обставить легальнымъ покровительствомъ самый тахітумъ, надо было создать такой законъ, который обезпечивалъ бы работнику получение этого тахітума или, по крайней мѣрѣ, его приблизительной цифры. Отсюда драконовскіе законы объ ученичествѣ — законы, въ силу которыхъ никто

не могъ получить титулъ работника, не прошедши предварительно черезъ тяжелые и долгіе годы ученья. При этомъ число учениковъ было ограничено. Такимъ образомъ, всякая ремесленная корпорація ограждалась отъ наплыва излишнихъ рукъ.

Но несмотря на протезирующие законы, положеніе работника при существованіи *магішум*'а 1348 года, продолжало оставаться далеко неказистымъ. Еще во время короля Эдуарда VI между рабочими стали образовываться тайныя общества. Нечего говорить, что они строго преслѣдовались закономъ. При Эдуардѣ VI, напр., было издано постановленіе, въ силу котораго работникъ, трижды уличенный въ томъ, что принадлежитъ къ тайному обществу, — подвергался отрѣзанію уха. Многіе подобныя законы сохранились даже и тогда, когда *магішум* совсѣмъ вышелъ изъ употребленія. Строго говоря, они имѣли дѣйствительную силу до 1824 года, когда рабочія коалиціи были признаны вполне законными.

Реформа 1824 года положила конецъ тайнымъ обществамъ между работниками. До тѣхъ поръ они образовывались постоянно и надо сказать, что все это время было временемъ самыхъ страшныхъ насилій. Иногда рабочіе подымали открытое возстаніе. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ было возстаніе 1811 года въ Ноттингемѣ (*Nottingham*). Въ этомъ году впервые ввели машины въ вязальное мастерство. Насколько эти машины увеличили производство, настолько же увеличили они бѣдствіе работниковъ-вязальщиковъ. Многіе изъ нихъ были лишены послѣдняго куска хлѣба. Результатомъ этого вышло то, что вязальщики стали смотрѣть на машины, какъ на враждебную силу. Они составили между собою вооруженныя банды и стали нападать по ночамъ на фабрики, которыя были разграблены или сожжены. Этотъ способъ справляться съ механическимъ конкурентомъ подѣйствовалъ заразительно на всѣ окрестныя мѣстности и вскорѣ вся Англія была покрыта вооруженными бандами рабочихъ, которымъ, по имени ихъ главнаго шефа, было дано названіе *леддистовъ*. Въ началѣ они такъ хорошо хранили свою тайну, что полиція никакъ не могла открыть виновныхъ. Но уже въ 1813 году восемнадцать изъ нихъ было повѣшено въ Йоркѣ. Впрочемъ леддисты продержались еще шесть лѣтъ. Послѣ того, преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ, леддисты удалились въ поля, сдѣлались простыми грабителями большихъ дорогъ и, наконецъ, совсѣмъ исчезли.

III.

Не надо думать, чтобы парламентскій актъ 1824 года дароваль рабочимъ безусловную свободу коалиціи. Этотъ актъ нуждался да и теперь еще нуждается во многихъ улучшеніяхъ. Такъ «законъ хозяина и слуги (Master and servant-act)», который даваль преимущество свидѣтельства первому, былъ уничтоженъ только въ слѣдующемъ году. Самыя границы права составлять ассоціація недостаточно опредѣлены закономъ 1824 года. Самое эластичное мѣсто въ этомъ законѣ, это то, въ которомъ говорится о «conspiracy». Conspiracy противъ свободы торговли наказывается также строго, какъ угрозы и насильственные поступки; но значеніе этого слова вовсе не опредѣлено закономъ. Судья можетъ подвести подъ него, что угодно. Въ 1867 году организаторы стачки портныхъ разстали часовыхъ, чтобъ предупреждать работниковъ, что она объявлена противъ тѣхъ-то и тѣхъ-то патронновъ: — ихъ за это обвинили въ conspiracy. Въ то же время, простое убѣжденіе оставить работу не составляетъ никакого преступленія. Вы можете ходить изъ дому въ домъ и проповѣдывать стачку сколько вамъ угодно; но разставлять часовыхъ на улицѣ съ тою же цѣлью — нельзя. Почему? Законъ рѣшительно умалчиваетъ объ этомъ случаѣ. Но одному судѣ вздумалось подвести его подъ conspiracy — и вотъ для работниковъ составилъ новый ограничительный, подразумѣваемый законъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ законъ 1824 года прямо мирволить одной сторонѣ. Такъ, если патронъ нарушитъ контрактъ, то онъ только платитъ работнику денежное вознагражденіе; если же то же самое сдѣлаетъ работникъ, то онъ не только подвергается штрафу, но еще можетъ быть законно преслѣдуемъ патрономъ уголовнымъ порядкомъ.

Но главный поводъ неудовольствія работниковъ это то, что ихъ ремесленные союзы не признаются закономъ. Съ 1824 года работники могутъ составлять сколько угодно ассоціацій; но законъ не признаетъ эти ассоціація юридическимъ лицомъ и потому не признаетъ также за ними права обладать. Юридическая тонкость ускользнула отъ вниманія составителей акта 1824 года. Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ рабочія ассоціаціи поняли, наконецъ, всю шаткость своего юридическаго положенія. Одно новое обстоятельство обратило ихъ вниманіе на этотъ предметъ. Парламентъ издалъ законъ объ обществахъ взаимнаго вспомошествованія. Каж-

дому такому обществу, такъ сказать, давалось право юридическаго лица. Оно только должно было для этого вписать себя въ особую книгу и получить одобреніе особаго чиновника. Тѣ же самыя привилегіи давались всякой ассоціаціи, на тѣхъ же условіяхъ, съ тою только разницею, что на этотъ разъ требовалось одобреніе не особаго чиновника, а самого министра внутреннихъ дѣлъ. Кто знаетъ, какъ дорога независимость всякому англичанину, тотъ пойметъ, какъ не понравилась ремесленнымъ союзамъ перспектива предварительнаго разрѣшенія. Противное англійскому характеру само по себѣ, предварительное министерское разрѣшеніе не понравилось тѣмъ болѣе, что были всѣ причины опасаться, что его не дадутъ ирландскимъ рабочимъ ассоціаціямъ. Секретарь «соединенныхъ обществъ механиковъ», г. Элленъ, вступилъ въ переговоры съ двумя членами нижней палаты: лордомъ Годрихомъ (нынче графъ Грей) и сэромъ Исткоуртомъ. Они рѣшили сообща ввести въ законъ особую статью, которая давала бы ремесленнымъ союзамъ тѣ же самыя права, какія недавній законъ далъ обществамъ взаимнаго вспоможенія. Обѣ палаты пропустили эту статью. Такимъ образомъ было признано легальное существованіе ремесленныхъ союзовъ.

IV.

Къ этимъ союзамъ принадлежитъ болѣе девяти сотъ тысячъ работниковъ. Самые большіе изъ нихъ суть: соединенныя общества механиковъ, которыя составляютъ одинъ нераздѣльный союзъ; соединенныя три общества плотниковъ и столяровъ, которыя организовались также въ одинъ союзъ; союзъ каменщиковъ, два общества работниковъ желѣзниковъ (одно въ Стаффордшейрѣ, другое на сѣверѣ Англій); союзъ чугуно-плавильщиковъ; союзъ ланкашейрскихъ ткачей и наконецъ «національная ассоціація рудокоповъ». Всѣ эти союзы состоятъ изъ множества мелкихъ обществъ, состоящихъ, въ свою очередь, изъ работниковъ, живущихъ въ одномъ и томъ же округѣ. Каждое такое окружное общество избираетъ свой собственный административный совѣтъ и имѣетъ свою особую кассу, которой распоряжается, какъ хочетъ, отдавая потомъ отчетъ центральному совѣту союза. Совѣтъ союза составляетъ изъ

уполномоченныхъ отъ каждаго окружнаго общества, которые выбираются на шесть мѣсяцевъ, и которыхъ число зависитъ отъ числа членовъ всего союза. Кромѣ того, центральный совѣтъ имѣетъ еще двухъ членовъ — кассира и секретаря, которые избираются непосредственно, всеобщей подачей голосовъ. Иногда должность центрального совѣта поочередно исполняютъ окружные комитеты. Въ болѣе мелкихъ союзахъ, которые не раздѣляются на вѣтви, вся администрація сосредоточивается въ рукахъ единственнаго комитета, состоящаго изъ президента, кассира и секретаря.

Въ члены союза допускаетъ каждое окружное общество или *ложа*. Для того чтобъ быть допущеннымъ, надо быть представленнымъ двумя членами. Ложа же распоряжается исключеніями, пособіями и мѣстными стачками. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, недовольные члены могутъ обращаться къ центральному совѣту, безъ предварительнаго согласія котораго не можетъ быть объявлена ни одна даже мѣстная стачка. Причина этому заключается въ томъ, что въ случаѣ мѣстной стачки весь союзъ обязанъ помогать обществу во время кризиса. Понятное дѣло, прежде чѣмъ выдавать пособіа, центральный совѣтъ хочетъ знать, есть ли на это достаточныя основанія и есть ли у него деньги. Въ случаѣ, если ложа рѣшаетъ сдѣлать стачку безъ созванія центрального совѣта, союзъ предоставляетъ ее собственнымъ ея средствамъ. Ложа, недовольная рѣшеніемъ центральной власти, можетъ апеллировать общему собранію всѣхъ членовъ союза.

Соединенныя общества механиковъ считаютъ 308 ложъ, изъ которыхъ 11 въ Америкѣ и нѣсколько между англійскими работниками во Франціи и въ Австраліи. Соединенныя общества плотниковъ имѣютъ 190 ложъ, каменщиковъ—278. Есть еще одно, особое общество плотниковъ, которое насчитываетъ 150 ложъ. Въ двухъ первыхъ союзахъ, суммы, скопленныя въ каждой ложѣ отдѣльно, сносятся къ концу года въ центральную кассу, которая всѣ полученныя такимъ образомъ деньги распределяетъ потомъ поровну опять между ложами. Это дѣлается вслѣдствіе принципа солидарности. Союзъ заранѣе увѣренъ, что каждая ложа разумно и въ интересахъ всего рабочаго класса ведетъ свои расходы. Поэтому онъ не смотритъ на то, что одна ложа издержитъ болѣе или менѣе другой. Если ложа издержала болѣе, значитъ такъ слѣдовало. Союзъ принимаетъ излишекъ расходовъ на свой счетъ. Другіе союзы, напротивъ, предоставляютъ полнѣйшую независимость всякой отдѣльной ложѣ въ ея финансовыхъ расчетахъ. Только

когда одна какаля-нибудь ложа нуждается въ пособіи, всѣ другія, по рѣшенію центрального совѣта, обязаны помогать ей.

Если членъ какой-нибудь ложи покидаетъ свой округъ и переселяется въ другой, то, въ концѣ года, онъ *по праву* считается членомъ общества этого округа. Ложа его перваго мѣстожителства выдаетъ ему увольнительный бланкъ извѣстнаго цвѣта. Красный билетъ означаетъ, что его представитель былъ прогнанъ фабрикантомъ за пьянство или дурное поведеніе. Синій дается работникамъ, поступившимъ въ общество менѣе года тому назадъ. Самымъ лучшимъ билетомъ считается черныи. Исключенія изъ общества, которыя въ союзахъ очень многочисленны и которыя, на примѣръ, у механиковъ равняются трети принятій въ число членовъ,—почти всегда происходятъ вслѣдствіе добровольной отставки, подаваемой въ видѣ неплательщика опредѣленнаго взноса. Очень часто работникъ мѣняетъ мѣстожителство и не заботится болѣе приписаться къ новой ложѣ. Случается также, что работникъ исключается, какъ недостойный членъ. На примѣръ, тотъ, кто продолжаетъ работать на патрона, противъ котораго союзъ рѣшить сдѣлать стачку, можетъ быть увѣренъ, что его непременно исключать.

Всякій вступающій долженъ прежде всего внести, такъ сказать *входный взносъ*, который онъ долженъ представить сполна, въ первую же минуту своего вступленія. Въ союзѣ плотниковъ и столяровъ этотъ входный взносъ назначенъ въ 5 шиллинговъ (около 1 р. 55 к.). Затѣмъ новый членъ обязывается вносить извѣстную сумму каждую недѣлю. Цифра этого взноса весьма различна въ разныхъ союзахъ. Въ нѣкоторыхъ она ограничивается однимъ пенни, въ другихъ же доходитъ до двухъ шиллинговъ въ недѣлю; такъ что членъ одного союза вноситъ въ общую кассу всего 1 р. 50 к. въ годъ, членъ другого — 32 р. 50 к.

V.

Хотя касса, назначенная для стачекъ, играетъ главную роль въ бюджетѣ всякаго союза, но только немногіе изъ ассоціацій ограничиваются одною этою кассой. Большая часть союзовъ имѣютъ рядомъ съ нею еще другую кассу—кассу взаимнаго вспомошествованія. Она гарантируетъ членамъ разныя преимущества, напри-

мѣрь, еженедѣльное вознагражденіе въ случаѣ раны, полученной на фабрикѣ отъ машины и почти всегда въ случаѣ болѣзни; покупку новыхъ инструментовъ въ случаѣ потери; похоронныя издержки, возвышающіеся до 50 и 75 рублей и иногда половину этихъ же издержекъ на погребеніе жены. Три союза гарантируютъ пенсію для стариковъ.

На это послѣднее учрежденіе противники союзовъ нападаютъ съ особеннымъ усердіемъ. Какъ надо было ожидать, они высказали свое мнѣніе объ этомъ предметѣ передъ комиссіей. Представители союзовъ, съ своей стороны, сдѣлали достодолжныя возраженія. Завязался одинъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ и самыхъ поучительныхъ споровъ. Представители союзовъ показали въ немъ не грубыми уполномоченными невѣжественной массы, какою привыкли считать работниковъ, а, напротивъ, очень умными диспутантами, которые побѣдоносно опровергали положенія своихъ противниковъ. Противники союзовъ ставили имъ въ упрекъ: во-первыхъ то, что они своими обѣщаніями приманиваютъ къ себѣ и такимъ образомъ втягиваютъ въ стачки огромное число работниковъ, которые безъ того и не думали бы присоединиться къ союзамъ. Присоединившись же къ нимъ разъ — продолжаютъ тѣ же противники — работники уже не хотятъ оставлять ихъ, потому что боятся потерять за ничто все то, что они внесли въ кассу взаимнаго вспоможенія. Второй упрекъ, который бросается союзамъ, состоитъ въ томъ, что они — плохіе счетчики и составляютъ свои бюджеты такъ, что впоследствии не будутъ въ состояніи исполнить своихъ обѣщаній.

На первый упрекъ представители отвѣчаютъ краснорѣчивымъ фактомъ. Съ цифрами въ рукахъ они доказываютъ, что вовсе не вспомогательная касса привлекаетъ работниковъ въ ремесленные союзы. Такъ, въ тѣхъ союзахъ, гдѣ предоставлено на волю работника подписываться въ книгѣ вспомогательной кассы или нѣтъ, число этихъ подписующихся весьма ограничено. Ясно, что если работники все болѣе и болѣе льнутъ къ союзамъ, такъ это вовсе не вслѣдствіе приманокъ вспомогательной кассы. По поводу второго упрека, передъ комиссіей возникъ оживленный споръ между секретаремъ соединенныхъ обществъ плотниковъ и столяровъ, г. Эпильгэртомъ и г. Теккеромъ, контролеромъ одного большого общества страхованія жизни. Г. Теккеръ былъ призванъ комиссіей какъ экспертъ. Разсмотрѣвъ отчеты союза плотниковъ и столяровъ и подведя ихъ подъ правила того учета, который при-

нять въ обществахъ застрахованія жизни, г. Теккеръ, во имя науки цифръ, произнесъ надъ союзомъ смертный приговоръ и объявилъ, что всѣ подобнымъ образомъ организованныя общества идутъ неминуемо къ банкротству. На эту сильную атаку, произведенную во имя математической науки, г. Эпильгэртъ отвѣчалъ самымъ блестящимъ образомъ. Но прежде чѣмъ привести его возраженіе, необходимо указать на нѣкоторыя цифры, которыя, кстати, познакомятъ насъ съ бюджетными подробностями ремесленного союза.

VI.

Кромѣ входнаго взноса союзъ плотниковъ и столяровъ взимаетъ съ каждаго члена 32 коп. въ недѣлю и еще 8 коп. въ триместръ. Взятые вмѣстѣ эти взносы представляютъ 2 фунта 13 шиллинговъ или 16 р. 55 к. въ годъ. Суммы, собранныя такимъ образомъ со всѣхъ членовъ, составляютъ общій фондъ, изъ котораго берутся деньги на три статьи расходовъ. Эти три статьи озаглавливаются такъ: 1) взаимныя пособія, 2) дѣла ремесла («Trade purposes») и 3) общія издержки.

1. *Взаимныя пособія* раскладываются на три части: а) пособія въ случаѣ болѣзни: 12 шиллинговъ (3 р. 75 к.) въ недѣлю въ продолженіе первыхъ шести недѣль и 6 шиллинговъ (1 р. 88 к.) въ продолженіе остальнаго времени; б) пособія старикамъ: 5 шиллинговъ (1 р. 56 к.) въ недѣлю тѣмъ, которые состоятъ членами болѣе двѣнадцати лѣтъ, 7 шилл. (2 р. 19 к.) состоящимъ членами болѣе восемнадцати лѣтъ и 8 шилл. (2 р. 50 к.) принадлежавшимъ къ союзу болѣе двадцати пяти лѣтъ; в) похоронныя издержки члена: 3 фунта 10 шилл. (около 22 руб.), если онъ принадлежитъ къ обществу менѣе шести лѣтъ и 12 фунтовъ (75 руб.), если онъ состоялъ членомъ союза болѣе этого времени.

2. *Издержки, касающіяся дѣлъ ремесла*, распадутся на слѣдующіе отдѣлы: а) поддержка одобренныхъ союзомъ стачекъ. Всякій членъ, неработающій вслѣдствіе стачки, получаетъ 10 шилл. (3 р. 12 к.) въ продолженіе двѣнадцати первыхъ недѣль и 6 шилл. (1 р. 88 к.) въ продолженіе двѣнадцати слѣдующихъ; б) поддержка членовъ, находящихся безъ работы по уважительнымъ причинамъ. Эта поддержка назначена въ 15 шилл. (4 р. 79 к.); в) застрахо-

ваніе противъ потери инструментовъ: полное, если членъ принадлежитъ къ союзу болѣе шести мѣсяцевъ, и ограниченное пятью фунтами (41 р. 25 к.), если онъ принадлежитъ къ нему менѣе этого времени; d) премія переселенія въ Америку и вообще въ другія страны, назначенная въ 6 фунтовъ (47 р. 50 к.) и выше, если то позволяютъ средства союза. (Быть можетъ, покажется страннымъ, что союзы, такъ сказать, даютъ премію за то, чтобъ члены покидали ихъ. Но удивительнаго тутъ ничего нѣтъ. Англія изобилуетъ рабочими руками. Она имѣетъ ихъ болѣе, чѣмъ надо. Чѣмъ больше рабочихъ рукъ, тѣмъ меньше уровень заработной платы. Давая премію эмигрантамъ, ремесленные союзы такимъ образомъ дѣйствуютъ въ интересахъ повышенія этой платы); е) вознагражденіе въ случаѣ несчастія (напр. раны), ведущаго за собою неспособность къ работѣ (Этотъ отдѣлъ фигурировалъ бы болѣе на своемъ мѣстѣ въ первой главѣ расходовъ. Но почему-то онъ виссець во вторую), и наконецъ f) вспомошествованіе, даваемое другимъ обществамъ для того, чтобъ помочь имъ выдержать стачку.

3. *Общія издержки*, которыя иногда достигаютъ до значительныхъ размѣровъ, заключаютъ въ себѣ опредѣленное жалованье секретарей, вознагражденіе делегатамъ и членамъ совѣта, наемъ помѣщеній для бюро и залъ для собраній и, въ особенности, печатаніе многочисленныхъ документовъ.

Всѣ вышеприведенныя издержки представляли въ 1865 году въ союзѣ плотниковъ и столяровъ цифру 1,635 фунтовъ для первой главы, 2,700 ф.—для второй и 2,307 ф. — для третьей. Въ итогѣ 6,742 фунта (около 42,137 руб.) всѣхъ расходовъ. Въ то же время доходы союза дали 10,488 фунтовъ (65,550 р.). Такимъ образомъ къ концу года у союза остался излишекъ въ 3,746 фунт. (около 21,000 руб.). Этотъ излишекъ былъ отложенъ въ резервный фондъ, назначенный для удовлетворенія, въ случаѣ необходимости, издержекъ по первой главѣ.

Если мы рассмотримъ отношеніе издержекъ по каждой главѣ къ общей цифрѣ бюджета, то намъ представятся слѣдующія цифры:

Годовой излишекъ	35,80 на 100.
Издержки первой главы . .	15,59 » »
» второй	26,61 » »
» третьей	22 » »

Такъ какъ резервная сумма назначается на покрытіе издержекъ только по первой главѣ, то, очевидно, что на эту главу отводится болѣе половины всего дохода союза (15,59 прямыхъ издержекъ и 35,80 откладываемыхъ, всего 51,39 на сто).

VII.

Г. Теккеръ былъ призванъ комиссіей преимущественно какъ специалистъ по первой главѣ. Онъ безъ обиняковъ объявилъ союзъ несостоятельнымъ. Основываясь на своихъ вычисленіяхъ, онъ утверждалъ, что если бы весь еженедѣльный взносъ (1 шилл. или 31 к. съ каждаго члена) былъ исключительно посвященъ издержкамъ по первой главѣ, то и тогда, принявъ среднюю цифру жизни въ тридцать лѣтъ, эта глава съ трудомъ могла бы поддерживаться въ равновѣсіи. При средней цифрѣ жизни въ сорокъ лѣтъ, еженедѣльный взносъ, кромѣ всецѣлаго его посвященія издержкамъ первой главы, слѣдовало бы еще удвоить. Въ дѣйствительности же издержкамъ первой главы посвящается едва болѣе половины всего годового взноса. При этомъ г. Теккеръ упрекнулъ союзъ еще въ другихъ вещахъ. Ничего нѣтъ несправедливѣе, сказалъ онъ, какъ заставлять всѣхъ членовъ безразлично вносить одну и ту же сумму. Молодой человекъ, имѣющій передъ собою тридцать лѣтъ здоровья, который такимъ образомъ только черезъ тридцать лѣтъ прибѣнетъ къ помощи союза,—внося одинаковую сумму съ человекомъ, принятымъ на склонѣ лѣтъ, платить въ десять разъ болѣе, чѣмъ этотъ послѣдній, который при томъ несравненно болѣе его подверженъ недугамъ и болѣзнямъ. Ударъ, который грозитъ союзамъ, по словамъ г. Теккера, разразится только впоследствии. Но чѣмъ этотъ конецъ—все по его же словамъ—будетъ отдаленнѣе, тѣмъ онъ будетъ ужаснѣе. Такъ какъ въ началѣ союзы составляются людьми бодрыми и здоровыми, то ихъ первоначальныя издержки невелики, а приходы, въ соотвѣтствующей степени, значительны. Тѣ, которые, такъ сказать, имѣютъ счастье болѣть въ первую эпоху образованія союза, получаютъ самое щедрое пособіе. Но поколѣніе основателей, продолжаетъ г. Теккеръ, старѣеть; одни умираютъ—надо оплачивать ихъ похороны; другіе хирѣютъ—надо ихъ поддерживать. Они болѣе не увеличиваютъ

приходь, резервъ истощается и поколѣніе, которое слѣдуетъ за ними, видитъ себя въ необходимости взять на себя все увеличивающіяся тягости. Пока число членовъ идетъ увеличиваясь, равновѣсіе еще возможно. Но радикальный порокъ противоестественной организаціи выказывается тотчасъ же, какъ только союзъ достигаетъ своихъ нормальныхъ предѣловъ. Обыкновенные положенные взносы не покрываютъ всехъ издержекъ и приходится прибѣгать къ экстраординарнымъ налогамъ для того, чтобъ удовлетворить нуждамъ тѣхъ, которые, будучи приняты на склоны лѣтъ, ничего не вносили въ союзъ въ лѣта своей юности. Передъ этими налогами дѣятельные члены, которымъ они необходимо должны показаться незаслуженными, удалятся и поступятъ въ другой союзъ, болѣе новый и, по наружности, болѣе благосостоятельный, но имѣющій передъ собою ту же самую перспективу «банкротскаго суда».

Все сказанное г. Теккеромъ надо принять какъ пророчество. Рабочія общества — по крайней мѣрѣ, громадное большинство ихъ — слишкомъ недавняго происхожденія, для того, чтобъ уже пройти весь печальный путь, указанный контролеромъ компаніи застрахованія жизни. Тѣмъ не менѣе его предсказаніе заслуживало вниманія, потому что г. Теккеръ говорилъ, какъ человѣкъ компетентный, основываясь единственно на наукѣ цифръ. Г. Эпильгертъ первый явился возражать ему. Онъ прежде всего указалъ г. Теккеру, что тотъ упустилъ изъ вида другія, побочныя статьи дохода, которыя несмотря на всю свою незначительность, тѣмъ не менѣе постоянны и значительны. Такъ, штрафы, наложенные на членовъ (въ силу статутовъ) за просрочку взносовъ, дали кассѣ въ 1866 году 400 фунтовъ (2,500 руб.). Лишеніе всякихъ пособій во все время просрочекъ дало второй главѣ экономію въ 250 фунтовъ (1,560 руб.). Наконецъ союзъ плотниковъ и столяровъ получилъ въ 1866 году 2,000 фунтовъ чистой прибыли отъ однихъ лишь исключеній, произнесенныхъ союзомъ надъ тысячью слишкомъ членами за невзносъ суммы въ послѣдній назначенный срокъ. Эта прибыль состояла: во-первыхъ, изъ удержанія пособій и, во-вторыхъ, изъ тѣхъ денегъ, которыя каждый исключенный членъ долженъ былъ внести въ видѣ *входнаго взноса* (5 шил.) во второй и даже иногда въ третій разъ. Расходъ и приходъ каждой главы бюджета союза плотниковъ и столяровъ, по словамъ г. Эпильгерта, находится въ самомъ нормальномъ состояніи. Только касса, назначенная на пенсіи престарѣлымъ, не приведена еще къ итогу. Г. Эпильгертъ сознается, что ея положеніе въ будущемъ можетъ

быть компрометировано, если ее не обеспечить во время или небольшим увеличеніем еженедѣльнаго взноса или уменьшеніем старческаго пансіона. Впрочемъ большинство рабочихъ союзовъ избавлены отъ этой заботы. Комиссія имѣла передъ собою только три союза, которыхъ бюджеты назначали пенсіоны престарѣлымъ. Бюджеты прочихъ союзовъ не имѣли этого отдѣла.

VIII.

Вслѣдъ за секретаремъ союза плотниковъ и столяровъ предъ комиссіею предсталъ секретарь соединенныхъ обществъ механиковъ, г. Элэнъ. Эти соединенныя сообщества представляютъ еще болѣе обширный союзъ, чѣмъ союзъ плотниковъ и столяровъ. Онъ считаетъ въ своей средѣ болѣе тридцати тысячъ членовъ. Его доходы простирались въ 1865 году до 86,885 фунтовъ (около 545,000 р.), расходы до 49,172 фун. (около 307,500 р.); наконецъ его резервъ, собранный въ шестнадцатилѣтнее существованіе, представлялъ сумму въ 140,000 фун. (875,000 р.). Дѣла этого союза такъ хороши, что къ нему присоединились нѣкоторыя общества механиковъ, основанныя до него. Богатый союзъ, допустивъ ихъ въ свою среду, принялъ на себя всѣ ихъ обязательства. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ 1865 г. онъ уже платитъ пенсію многимъ престарѣлымъ работникамъ, хотя по статутамъ на пенсію имѣетъ право только тотъ, кто принадлежитъ къ союзу не менѣе восемнадцати лѣтъ.

Г. Элэнъ указываетъ на шестнадцать лѣтъ благосостоянія союза, которыя ему позволили ежегодно увеличивать цифру общественныхъ пособій, взимая на всѣ издержки первой главы только 15 шил. 2¼ пенса (4 р. 75 к.) изъ годового взноса въ 2 фун. 12 шил. (16 р. 25 к.). Г. Элэнъ отвергаетъ упрекъ г. Теккера, называющій несправедливостью одинаковую для всѣхъ цифру еженедѣльнаго взноса. По его словамъ, это послѣднее обстоятельство вполне вознаграждается другимъ — тѣмъ, что цифра *входнаго взноса* не для всѣхъ одинакова въ союзѣ механиковъ. Потому, самая сумма пенсій престарѣлымъ — различна. Она зависитъ отъ того, сколько лѣтъ работникъ пробылъ членомъ союза. Многочисленныя исключенія изъ союза механиковъ способствуютъ тому, что средняя

жизнь членовъ держится на невысокой цифрѣ. Наконецъ средняя цифра болѣзней и недуговъ, принятая г. Теккеромъ, и на основаніи которой онъ вычислилъ, что всякое общество, имѣющее менѣе 17 милліоновъ франковъ въ кассѣ — несостоятельно, по мнѣнію г. Эллена черезъ чуръ преувеличена.

Черезъ три мѣсяца по окончаніи разсужденій о состоятельности рабочихъ обществъ, комиссія получила рапортъ отъ г. Файнлэйзона, одного изъ высшихъ чиновниковъ администраціи публичнаго долга. По мнѣнію г. Файнлэйзона, рабочимъ союзамъ стоитъ только возвысить еженедѣльный взносъ до 1 шил. 6 пенсовъ для того, чтобъ представлять всѣ гарантіи, какихъ только можно требовать отъ страховыхъ обществъ. Но, очевидно, что рабочимъ союзамъ нѣтъ никакой надобности домогаться того, чтобъ стать страховыми обществами. Въ самомъ дѣлѣ, англійскіе работники, заводя въ своей средѣ союзы, имѣли въ виду только одну цѣль: противоѣствовать пониженію заработной платы. Огромное большинство ихъ до сихъ поръ продолжаетъ ограничиваться этою цѣлью и, какъ мы замѣтили выше, только три союза имѣютъ у себя кассу для пенсій.

Для того, чтобы закончить рѣчь объ организаціи рабочихъ союзовъ, слѣдуетъ еще показать, какое отношеніе существуетъ между годовымъ взносомъ работника въ союзную кассу и его годовымъ заработкомъ. Каждый шиллингъ, вносимый въ подобную кассу, гдѣ ежегодно набираются милліоны, представляетъ нѣсколько лишней, которыя добровольно налагаетъ на себя рабочее семейство, особенно когда хлѣбъ и мисо еще болѣе вздорожали; квартиры и топливо — также; а между тѣмъ заработная плата осталась почти та же. Механикъ или столяръ, который кромѣ самого себя долженъ еще прокармливать жену и дѣтей, зарабатываетъ самое большее отъ 26 до 36 шиллинговъ въ недѣлю. Если принять въ соображеніе, что въ каждомъ году встрѣчается нѣсколько недѣль, въ которыя работникъ не можетъ работать, вслѣдствіе болѣзни, застоя и разныхъ другихъ причинъ, то годовую сумму заработка, собранную за всѣ недѣли, слѣдуетъ, по словамъ графа Парижскаго, уменьшить, по крайней мѣрѣ, на четверть. Такимъ образомъ, можно вычислить, что работникъ никакъ не въ состояніи заработать болѣе 47—70 фунтовъ (295—440 р.) въ годъ. Цифра 70 фун. рѣдко достигается. Напр., кузнецы, которыхъ работа такъ тяжела, только въ *хорошіе* годы получаютъ 60 фунтовъ (375 р.). Эта послѣдняя цифра можетъ служить точнымъ показателемъ средняго заработка англійскаго ремесленника. Изъ этихъ-то 375 руб., работникъ

долженъ вычитатьъ въ пользу союза 16 р. 25 к. или эквивалентъ двухнедѣльный заработной платы.

«Между тѣмъ, преимущества—пишетъ графъ Парижскій,—которыя союзъ можетъ представить работнику—отдаленны и неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе онъ регулярно представляетъ ему этотъ взносъ, добровольно налагая на себя эту жертву, съ тѣмъ чтобы—если не для себя самого, такъ для своихъ дѣтей—добиться лучшаго положенія, которое обезпечить имъ въ будущемъ поддержку сильной ассоціаціи и то увеличеніе заработной платы, посредствомъ котораго союзъ иногда отдастъ съ лихвою ввѣренныя ему деньги».

«Когда этотъ капиталъ, накопленный съ трудомъ, не будетъ болѣе поглощаться большею частью непроеводительными расходами стачекъ, онъ сдѣлается въ рукахъ работника новымъ элементомъ благосостоянія».

Послѣднее положеніе графа Парижскаго намъ кажется нѣсколько скороспѣлымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если предположить, что въ данное число лѣтъ рабочія копѣйки и удесятятся, то можно быть увѣреннымъ, что въ тоже самое время тысячи, представляющія хозяйскій капиталъ, *умилліонятся*. Это можно бы было доказать цифрами, но, для практики, лучше просто вспомнить французскую поговорку: *l'eau va á la rivière*..

IX.

Представивъ общую организацію ремесленныхъ союзовъ, мы должны теперь рассмотретьъ нѣкоторые изъ этихъ союзовъ въ частности. Комиссія прежде всего остановила свое вниманіе на той вѣтви промышленности, которая послѣ земледѣлія, занимаетъ наибольшее число рабочихъ рукъ. Это—ассоціація плотниковъ. Комиссія распросила по этому предмету двадцать шесть свидѣтелей, изъ которыхъ десять патროновъ и шестнадцать работниковъ. Журналъ засѣданій, посвященныхъ показаніямъ этихъ свидѣтелей, занимаетъ въ печати цѣлыхъ четыре тома *in-folio*.

Число всѣхъ англійскихъ работниковъ, занимающихся постройкой человѣческихъ жилищъ, простирается до почтенной цифры 900,000 человѣкъ. Не надобно думать, чтобы всѣ они принадле-

жали къ союзамъ. Далеко отъ того. Одинъ патронъ показалъ передъ комиссіей, что къ нимъ принадлежатъ только 10 проц. всего числа, т. е. 90,000 человекъ. Есть впрочемъ основаніе думать, что въ дѣйствительности число членовъ союза нѣсколько превышаетъ эту цифру. Рабочихъ, о которыхъ идетъ рѣчь, можно раздѣлить на слѣдующія категоріи: плотники, столяры, маляры, дѣлатели кирпичей, тесальщики камней, штукатурщики, работники-каменьщики *) и поденщики. Всѣ они образовали множество союзовъ, изъ которыхъ нѣкоторые развѣтвляются по всей Англій, другіе же, напротивъ, ограничиваются исключительно одною какою нибудь мѣстностью и даже враждуютъ другъ съ другомъ. Повышеніе заработной платы составляетъ первую цѣль образованія этихъ союзовъ. Она достигается двоякимъ образомъ: или посредствомъ простаго увеличенія поденной платы; или посредствомъ уменьшенія часовъ работы безъ соотвѣтствующаго уменьшенія этой платы. Стремясь къ одной и той же цѣли, союзы выказываютъ далеко не одинаковые обычаи и привычки. Такъ, работа *на подрядъ* принята только малярами и дѣлателями кирпичей. Работники всѣхъ прочихъ ремеслъ, связанныхъ съ построеніемъ зданій, единодушно отвергаютъ такую форму работы... «Вы, говорятъ они патронамъ, давая намъ работу на подрядъ, только хотите возбудить нами конкуренцію, чтобъ такимъ образомъ понизить цѣну нашего труда и до послѣдней возможности.» Подозрительность работниковъ идетъ еще далѣе и они находятъ возможность дѣлать патронамъ новый упрекъ даже тогда, когда съ обѣихъ сторонъ условлено работать и платить поденно. Работники замѣтили, что патроны подкупаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы тѣ работали быстрѣе и такимъ образомъ возбуждали къ болѣе скорой работѣ своихъ товарищей. Такіе работники слывуть подъ именемъ *лошадей съ погремущками* (bell-horses) и, естественное дѣло, находятся въ ненависти у остальныхъ рабочихъ.

Въ большей части ремеслъ домостроительной промышленности новичекъ до сихъ поръ подверженъ контракту ученичества (indenture), по которому онъ обязывается работать на патрона въ продолженіе

*) Въ Англій дома, построенные изъ кирпича, называются не *каменными*, какъ у насъ, а кирпичными. Каменными называются дома дѣйствительно построенные изъ камня. Такъ какъ въ домостроительствѣ употребляются такимъ образомъ кирпичъ и камень, то отсюда: работники-кирпичники и работники-каменьщики.

пяти или семи лѣтъ за уменьшенную плату. Работники возстають противъ этого обычая и говорятъ, что если новичекъ долженъ платить за ученіе, такъ не патрону, а имъ, потому что они не только даютъ ему уроки, но еще теряють съ нимъ много времени вслѣдствіе его неловкости. «Если же, прибавляютъ они, уроки должны быть даровые, такъ предоставьте намъ, по крайней мѣрѣ, или право отказываться отъ нихъ, или право ограничить число учениковъ, какъ намъ угодно.» Что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что работники не требуютъ для себя никакихъ протекціонныхъ законовъ; они просятъ только, чтобъ законъ не обижалъ ихъ. Вотъ ихъ собственныя слова: «мы не просимъ вмѣшательства закона для того, чтобы онъ далъ намъ ту же протекцію, какую даетъ привилегіямъ адвокатовъ, медиковъ и другихъ такъ называемыхъ либеральныхъ профессій: мы стараемся укрѣпить себя образованіемъ союза».

Х.

Единственное средство, къ которому союзы прибѣгаютъ въ подкрѣпленіе своихъ требованій, это—стачки. Поэтому число стачекъ за послѣднія сорокъ лѣтъ очень велико въ исторіи домостроительной промышленности. Всѣ эти стачки носятъ на себѣ характеръ чисто-мѣстный, потому что сама промышленность, въ извѣстномъ смыслѣ, чисто-мѣстная. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ дома въ Англіи строятся изъ того матеріала, который находится подъ рукою, на мѣстѣ. Отсюда, всѣ подрядчики и работники такъ и поселяются всегда около какой нибудь каменоломни или кирпичнаго завода. Первая знаменитая стачка произошла въ 1833 году въ Ливерпульѣ. Она началась довольно мирно, какъ многіе предшествовавшія ей стачки. Быть можетъ, она и кончилась бы также спокойно, если бы патроны не подлили масла въ огонь. Не довольствуясь простымъ сопротивленіемъ союзамъ, патроны рѣшились на этотъ разъ объявить войну самому ихъ существованію. Они заявили, что будутъ принимать только тѣхъ работниковъ, которые подпишутъ обязательство не принадлежать ни къ какому союзу. Это значило убить въ зародышѣ всякую сдѣлку. Громадное большинство работниковъ отказалось подписать какое бы то ни было обязательство.

Патроны отвѣчали на этотъ отказъ тѣмъ, что сдѣлали стачку въ свою очередь, т. е. заперли мастерскія. Такая стачка патროновъ въ Англіи называется «lock out». Строительныя работы въ Ливерпулѣ до того уменьшились, что потребление кирпича мгновенно упало съ милліона на двадцать тысячъ кирпичей въ недѣлю. Патроны выписали работниковъ изъ другихъ городовъ Англіи. Но это нисколько не ослабило энергію членовъ союза. Они стали подсылать къ новоприбывшимъ увѣщателей, которые уговаривали ихъ бросать работу и возвращаться назадъ. При этомъ путевыя издержки щедро оплачивались союзомъ. Ливерпульскіе рабочіе сдѣлали такимъ образомъ много вреда патронамъ; но тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, послѣ шестимѣсячной стачки, все-таки должны были уступить. Во все это время рабочіе потеряли въ видѣ заработной платы 72,000 фунтовъ (450,000 руб.), да кромѣ того кассы различныхъ союзовъ издержали на ихъ поддержку около 18,000 другихъ фунтовъ (112,500 руб.).

Въ 1864 году была новая стачка въ Манчестерѣ. Она началась изъ-за пустяковъ и разгорѣлась до громаднхъ размѣровъ. Манчестерскій муниципалитетъ строилъ зданіе для уголовного суда. Одинъ изъ надсмотрщиковъ за работами (foreman), нѣкто Киттли,—на котораго работники косо смотрѣли, потому что онъ былъ изъ другого города,—поставилъ во главѣ поденщиковъ одного новичка, котораго онъ привелъ съ собою. Это было нарушеніемъ стариннаго рабочническаго обычая, по которому новичокъ, напротивъ, долженъ всегда занимать послѣднее мѣсто. Поденщики протестовали. Комитетъ ихъ союза обратился къ Киттли, но тщетно. Тогда комитетъ потребовалъ удаленія Киттли, сначала у подрядчика, потомъ у архитектора. Такъ какъ это требованіе не было удовлетворено, обиженные поденщики объявили стачку. Съ прекращеніемъ ихъ работъ, которыя состояли, положимъ, въ приготовленіи извести, по неволѣ должны были остановиться и другія работы. Вслѣдствіе этого обстоятельства, каменщики потребовали отъ Киттли 25 фунтовъ (около 156 р.) вознагражденія за невольные убытки. Киттли отказался дать вознагражденіе. Каменщики въ свою очередь объявили стачку. Зданіе уголовного суда не могло болѣе найти въ Манчестерѣ ни одного рабочника. Пришлось выписывать каменщиковъ изъ Лондона. Но лондонскій союзъ каменщиковъ, узнавъ въ чемъ дѣло, запретилъ своимъ членамъ наниматься у Киттли и тѣмъ изъ нихъ, которые уже поѣхали въ Манчестеръ, посылалъ деньги на возвратный путь. Киттли ищетъ

рабочихъ по всей Англїи и свозить ихъ въ Манчестерь. Мѣстный союзъ и тутъ мѣшаетъ ему. Онъ разстанавливаетъ часовыхъ, онъ упраниваетъ прїѣхавшихъ каменщиковъ, онъ грозитъ имъ. Киттли отводитъ имъ жилище въ еще неовонченномъ зданїи, которое окружаетъ полиціей—союзъ и тутъ находятъ средство вредить ему. Онъ предлагаетъ каждому уѣзжающему 5 фунтовъ (31 р. 25 к.) на дорогу—сумму, за которую можно объѣхать вдоль и поперекъ всю Англїю. Тѣмъ не менѣе, зданіе уголовного суда, хотя съ большимъ трудомъ, малс-по малу оканчивается. Но союзъ манчестерскихъ каменщиковъ не считаетъ себя побѣжденнымъ. Онъ платитъ столярамъ, чтобы тѣ также объявили стачку противъ Киттли. Но несмотря на всѣ эти усилїя, зданіе уголовного суда все таки отдѣлывается окончательно. Въ этой борьбѣ союзъ манчестерскихъ каменщиковъ потерялъ 920 фунтовъ (почти 6,000 р.).

Эти громадныя потери, столь чувствительныя въ положенїи рабочаго класса, и неизбѣжная деморализація рабочихъ силъ, слѣдующая за прекращенїемъ труда, убѣдили многіе союзы въ томъ, что стачка, какъ насильственное средство, вызываемое съ другой стороны насильственными мѣрами, далека оттого, чтобы содѣйствовать правильной организаціи труда. И потому лучшіе современные умы направили дѣятельность въ другую сторону, а именно — на упроченїе взаимной солидарности отдѣльныхъ ассоціацій и сближенїе ихъ съ той или другой политической партїей. Выраженїемъ этихъ стремленїй служатъ пока международные конгрессы.

XI.

Другая промышленность, изслѣдованїемъ которой занялась королевская комиссія, это—фабрикація желѣза. Она сильно развита въ Англїи. Разнообразїе сортовъ желѣза, изобилїе каменнаго угля, легкость сношенїй—все благопрїятствуетъ этой промышленности. «Тѣ, пишетъ графъ Парижскїй, которые путешествовали ночью между Бирмингэмомъ и Ливерпулемъ, безъ сомнѣнїя, вспомнятъ, что имъ случилось проѣзжать черезъ обширный округъ, представляющїй полное осуществленїе одного изъ круговъ дантовскаго ада. Все тамъ — дымъ и огонь. Повсюду возвышаются высокія трубы, увѣнчанныя пламеннымъ султаномъ, который вѣтеръ взвиваетъ и

потрасаеть, словно силится, но напрасно, оторвать его отъ его основанія. При распространяемомъ этими султанами красноватомъ свѣтѣ, замѣчаются длинные рычаги черпательныхъ машинъ, которые находятся въ безпрестанномъ движеніи, и длинные поѣзды желѣзной руды, медленно влекомые задыхающимися локомотивами по желѣзнымъ дорогамъ, которыя перекрещиваются во всѣхъ направленіяхъ. Лишенная всякой растительности, почва состоитъ исключительно изъ нагроможденныхъ выгарковъ, которые, по своей правильной формѣ, кажутся гигантскими чешуями какого-то вида допотопной устрицы. Здѣсь эти чешуи погружены въ болото черноватой воды; тамъ, едва выйдя изъ горнила, они еще красны, какъ расплавленная лава. Это—*черная страна*, Black country, которая имѣеть столицею Уольвергэмптонъ и занимаетъ большую часть графства стаффордскаго и прилегающихъ округовъ. Многочисленное и промышленное населеніе разрабатываетъ богатые желѣзные рудники этой страны. Владѣніе этими рудниками—одно изъ самыхъ обогащающихъ въ Англіи, потому что стаффордшайрскія желѣза расходятся по всему свѣту и не знаютъ другихъ конкурентовъ, кромѣ бельгійскаго желѣза. Они находятся, по большей части, въ рукахъ акціонерныхъ обществъ; впрочемъ нѣкоторые принадлежатъ большимъ барамъ, между прочимъ, лорду Дедли. Обыкновенно, эту страну раздѣляютъ на сѣверный и на южный Стаффордшайръ. Другіе металлургическіе округа Англіи суть: южный йоркшайрскій въ центрѣ Англіи, имѣющій столицею Лидсъ; округа Клевелэнда, Кемберлэнда, Гетшида и береговъ Тайна—на сѣверѣ; въ Шотландіи—округа Ланкашайра; наконецъ въ княжествѣ Уэльскомъ—округа, простирающіеся по сѣверному берегу Бристольскаго канала.»

«Въ сосѣдствѣ этихъ-то минъ выдѣлывается желѣзо. Часто ихъ собственники имѣють въ своемъ владѣніи въ одно и то же время каменноугольную копь, горнила, кузню и извѣстковую ломню *) и обладають, такимъ образомъ, заранѣ всѣми первыми элементами фабрикаціи. Кромѣ того, во всѣхъ большихъ городахъ этихъ округовъ: въ Ливерпулѣ, Манчестерѣ, Бирмингэмѣ, Уольвергэмптонѣ, Лидсѣ, Ньюкэстлѣ и Глазговѣ—возвышаются обширныя кузницы, гдѣ добытый въ сосѣдствѣ или привезенный изъ другихъ округовъ чу-

*) Извѣстно, что для очистки чугуна въ горнилѣ, къ смѣси угля и желѣзной руды прибавляютъ извѣстное количество извѣсти. *Прим. ав.*

гунъ превращается въ желѣзо, иногда въ сталь и употребляется потомъ на выдѣлку всего, что только можно выдѣлать изъ этого металла.»

«Въ этихъ великолѣпныхъ заводахъ, продолжаетъ, лирически воодушевляясь, графъ Парижскій,—въ этихъ великихъ и прекрасныхъ монументахъ нашей новѣйшей цивилизаціи — цивилизаціи прозаической, если хотите, по дѣятельной, разумной, терпѣливой и могущественной — тысячи работниковъ обрабатываютъ самый лучший въ свѣтѣ металлъ. Различные приемы, составляющіе эту обработку, раздѣляютъ работниковъ на соответствующее число профессій. Чугунъ прежде всего должно очистить отъ чуждыхъ веществъ, преимущественно отъ кремнеземныхъ и отъ угля, который примѣшался къ нему при выходѣ изъ горнила. Его переплавляютъ въ *пудлинговатъ печакъ*. При помощи длиннаго прута, работникъ мѣшаетъ расплавленный металлъ, для того, чтобъ ускорить сожженіе угля и отдѣленіе кремнеземныхъ веществъ. Мало-по-малу желѣзо прилипаетъ къ пруту, сгущается и образуетъ посрединѣ разжиженныхъ нечистотъ кучу въ видѣ тѣста, которую тогда вынимаютъ и кладутъ подъ паровой молотъ. Этотъ молотъ выгоняетъ учащенными ударами соръ, который еще содержится въ расширенныхъ порахъ металла. Наконецъ, если хотять дѣлать желѣзныя обшивки, рельсы или простые желѣзные пласти, то распластываютъ раскаленное до красна желѣзо между все болѣе и болѣе сближаемыми колесцами. Отсюда раздѣленіе работниковъ на три класса: пуддлеры, молотные мастера и пластильщики, которые всѣ набираются изъ учениковъ. Эти послѣдніе работаютъ около работниковъ и необходимы имъ. Къ помянутымъ классамъ слѣдуетъ прибавить четвертый—поденщиковъ, на которыхъ возлагаются работы, требующія только мускульной силы.»

Всѣ работники, исключая поденщиковъ, получаютъ свою плату не по-денно, а по количеству выдѣланныхъ тоннъ желѣза. Плата эта опредѣляется особымъ тарифомъ, который различаетъ въ ней двѣ части: во-первыхъ, обыкновенную, установленную (столько-то за каждую тонну) плату и потомъ прибавку. Послѣдняя дается только въ томъ случаѣ, когда желѣзо поднимается на рынокъ выше тарифной цѣны. Пуддлеры имѣютъ право на 5%, а остальные работники на 10% надбавочной цѣны. Такъ, если патронъ продалъ свое желѣзо 20 шиллингами дороже обыкновенной цѣны, то пуддлеръ получить шиллингъ надбавки, а молотный мастеръ и пластильщикъ—по 2. Тарифъ обыкновенной цѣны желѣза назначается

патронами, которые, напр. въ Стаффордшайрѣ, собираются для этого каждые три мѣсяца.

Одинъ заводчикъ, г. Торникрофтъ, не раздѣляетъ заработной платы на двѣ части: онъ прямо платитъ такую-то часть всей вырученной цѣны. Для пуддлеровъ, напр., эта часть двадцатая или 5% всей выручки. Если г. Торникрофтъ продаетъ свое желѣзо по 8 фунтовъ (50 руб.) за тонну, то пуддлеръ получаетъ за каждую тонну 5 р. Впослѣдствіи пуддлеры добились прибавки. Только на этотъ разъ, эта прибавка не процентная, а назначенная разъ навсегда. Сначала она была опредѣлена въ 6 пенсовъ ($15\frac{1}{2}$ к.), потомъ въ 1 шиллингъ ($31\frac{1}{4}$ к.) съ каждой тонны.

XII.

Первою причиною столкновеній между работниками-желѣзниками и ихъ патронами были Truck shop'ы или лавки, устроенныя вблизи каждого завода, въ которыхъ работникъ волею-неволею, долженъ былъ получать все, что только было ему необходимо для домашняго обихода. Эти truck-shop'ы были настоящіе энциклопедическіе магазины. Работникъ находилъ въ нихъ все: говядину, пряности, водки, вина, топливо и пр. и пр. Нечего говорить, что каждый такой truck-shop принадлежалъ заводчику, который, подъ страхомъ отказа отъ работы, принуждалъ работника быть своимъ кліентомъ. Нечего также говорить, что лавочникъ-заводчикъ назначалъ самыя непомерныя цѣны на свой товаръ. Долго всѣ усилія работниковъ низвергнуть это ненавистное учрежденіе оставались тщетными. Но частое повтореніе стачекъ противъ truck-shop'овъ взволновало наконецъ общественное мнѣніе и парламентъ. Послѣдній издалъ актъ, которымъ строго запрещалось заводчикамъ устраивать truck-shop'ы около своихъ заводовъ. Но такъ какъ нѣтъ ничего легче, какъ обойти букву закона, то работникамъ до сихъ поръ приходится бороться противъ, такъ сказать, переодѣтыхъ truck-shop'овъ.

Другая причина недовольства работниковъ—это задержаніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, заработной платы. Такъ какъ желѣзники получаютъ плату не поденно, а поштучно, то патроны требуютъ, чтобъ каждая желѣзная вещь была выдѣлана безукоризненно. Въ противномъ случаѣ работники лишаются своей заработной платы.

Это постановленіе въ высшей степени несправедливо относительно пластыльщиковъ. Такъ, если нагальванизовать листовое желѣзо, то сейчасъ же обнаружатся, если таковыя есть, всѣ недостатки матеріала. Листъ забраковывается и всѣ работники, какъ пудлеры, такъ и пластыльщики, лишаются своей заработной платы. Но, очевидно, что пластыльщики тутъ ни въ чемъ не виноваты. Желѣзо приготовляетъ пудлеръ и если онъ его дурно очистилъ, то, очевидно, онъ одинъ и долженъ отвѣчать за него. За что же тутъ штрафовать пластыльщика, который только даетъ форму матеріалу, нисколько не участвуя въ его обработкѣ? Къ этой жалобѣ работники присоединяютъ еще другую: иногда патронъ удерживаетъ всю заработную плату за такія вещи, которыя, хотя и дурно выдѣланныя, все-таки приносятъ ему нѣкоторый барышъ.

Штрафы также сильно возмущаютъ желѣзниковъ. Имъ, въ особенности, подвергаются пудлеры. Англійскій законъ формально запрещаетъ штрафованіе. Но множество работниковъ, тѣмъ не менѣе, показавъ передъ комиссіей, что оно продолжаетъ процвѣтать, какъ нельзя лучше. Иногда управляющіе удерживаютъ въ видѣ штрафовъ изъ заработной платы столько, что работнику не остается почти ровно ничего. «Жаловаться, говорятъ работники,—это все равно, что просить, чтобъ тебѣ отказали».

Самое существованіе союзовъ служить далеко не послѣднимъ поводомъ къ столкновеніямъ между рабочими и патронами. Многие изъ послѣднихъ упорно игнорируютъ рабочіе союзы и отказываются принимать ихъ представителей. Нѣкоторые патроны пошли далѣе и выдумали свои *черные листы*, на которыхъ они записываютъ всѣхъ тѣхъ работниковъ, которые присоединяются къ какому-либо союзу. При всемъ этомъ, патроны признавали передъ комиссіей благотѣльное вліяніе союзовъ на работниковъ: такъ они приписывали только имъ искорененіе между работниками обычая воровать выдѣланное желѣзо, для того, чтобы снова бросать его въ плавильный чанъ.

Союзы, существующіе въ настоящее время между желѣзниками, всѣ недавняго происхожденія. Первое общество между ними образовалось въ 1845 году; но оно не могло сопротивляться патронамъ и должно было уничтожиться въ 1847. *Національная ассоціація работниковъ-желѣзниковъ* основана въ 1862 году. Резиденціей его былъ выбранъ Гэтспидъ, въ сѣверной Англій. *Ассоціація великобританскихъ желѣзниковъ*, взбравшая своей главной резиденціей Брирли-Гайлль, основалась въ слѣдующемъ году, въ минуту стач

ки, которая много была обязана своимъ успѣхомъ ея учрежденію. Всѣ пудлеры Англіи присоединились къ той или другой. Въ іюнѣ 1864 года обѣ ассоціаціи пытались было слиться въ одну, но эта попытка не удалась. Тѣмъ не менѣе они остались въ хорошихъ отношеніяхъ и обѣщали другъ другу взаимную поддержку.

Въ отвѣтъ на эти союзы, патроны принялись за основаніе контр-союзовъ. Уже пятьдесятъ лѣтъ существовала въ Стаффордширѣ ассоціація патроновъ, которая, между прочимъ, имѣла цѣлью опредѣлять заработную плату. Теперь она поставила главною цѣлью сопротивляться рабочимъ союзамъ. Въ сѣверной Англіи есть двѣ ассоціаціи патроновъ: одна, къ которой принадлежатъ хозяева горнилъ и другая, считающая своими членами хозяевъ кузницъ. Последняя, извѣстная подъ именемъ *ассоціаціи желѣзныхъ фабрикантовъ сѣверной Англіи*, есть настоящій trade-union, составленный противъ интересовъ рабочаго класса. Это, такъ сказать, общество взаимнаго застрахованія между патронами. Каждый членъ обязывается вносить по столько-то съ каждой печи. Взамѣнъ, если работники покидаютъ его кузню, ассоціація, сообразно вносимой имъ суммѣ, платитъ ему или 4 фунта (25 р.) въ недѣлю на каждую печь или только 3 (18 р. 75 к.). 1-го декабря 1866 года въ кассѣ этой ассоціаціи находилось около 48,000 фунтовъ стерлинговъ (около 300,000 руб.).

Чугунная промышленность также имѣетъ союзы между своими рабочими; но она никогда не была потрясена такими стачками, какъ желѣзная. Это надо приписать вліянію самаго стариннаго и самаго умѣреннаго союза работниковъ-чугунщиковъ, который существуетъ уже шестьдесятъ лѣтъ и до 1824 года былъ секретнымъ, строго-замкнутымъ обществомъ. Въ первые годы его основанія, когда всякая стачка между работниками строго преслѣдовалась закономъ, члены общества чугульщиковъ собирались для совѣщаній по ночамъ, на открытыхъ поляхъ,—на тѣхъ торфяныхъ степяхъ, называемыхъ moors'ами, которыя покрываютъ центръ Англіи. Тамъ-то приготовлялись тайныя стачки, которыя каждый разъ должны были быть объявляемы каждымъ отъ себя, безъ всякаго признака соумышленія между многими. Тамъ же раздавались и денежныя пособія участвовавшимъ въ стачкѣ. Прежде чѣмъ появлялся первый лучъ зари, прежде чѣмъ раздавался утренній крикъ grouse'a, единственнаго обитателя этихъ странъ, архивы общества были снова тщательно зарываемы и каждый возвращался во-свояси, въ ближній городъ, откуда онъ пришелъ. Въ настоящее время общество чугульщиковъ

распространено по всей Англии, Ирландии и княжеству Уэльскому. Оно насчитываетъ болѣе одиннадцати тысячъ членовъ. Его доходы въ 1865 году простирались до 36,297 фун. (болѣе 175,000 руб.).

ХІІІ.

Каменноугольная промышленность тѣсно связана съ желѣзною. Число рабочихъ рукъ, занимаемое тою и другою, почти одинаково. Всѣмъ извѣстно, что такое каменный уголь. «Но, говоритъ графъ Парижскій, вовсе неизвѣстно, сколько цѣлое население должно перенести труда и опасностей для того, чтобъ завладѣть драгоценными остатками древней растительности, которые зарыты въ земной корѣ и которые, въ видѣ топлива и освѣтительнаго газа, возвращаютъ намъ животворные элементы, распространенные на нашемъ шарѣ далеко до появленія человѣка. Колодцы огромной глубины служатъ единственнымъ сообщеніемъ между внѣшнимъ міромъ и лабиринтомъ узкихъ и низкихъ галерей, гдѣ безъ усталы копошится трудолюбивый людъ, преданный этой работѣ. Несмотря на усовершенствованную систему вентиляціи, душливая атмосфера наполняетъ эти подземныя пещеры, а ужасный рудничныи газъ, протекающій черезъ незамѣтныя трещины, постоянно грозитъ ужасною опасностью за одну лишь минуту неосмотрительности. Иногда этотъ злобный демонъ обманываетъ самыя благоразумныя предосторожности и внезапно вырывается изъ открытой пещеры, въ которой онъ былъ запертъ въ теченіе сотенъ вѣковъ. Порою, когда за пластомъ угля, твердаго какъ скала, неожиданно слѣдуетъ другой пластъ, рыхлый, какъ гнилое дерево, — работники заваливаются обваломъ. Нѣсколько цифръ дадутъ понятіе о важности рудокопной работы и ея опасностяхъ. На 174 милліона тоннъ каменнаго угля, проданныхъ въ 1867 году въ цѣломъ свѣтѣ, 101 милліонъ былъ проданъ Англійей. Этотъ уголь былъ выкопанъ изъ 3195 рудокопней, въ которыхъ работаютъ 282,000 работниковъ. Въ этомъ самомъ 1867 году число смертныхъ случаевъ, причиненныхъ разными несчастіями, простиралось до 1190 (въ 1866 году оно простиралось до 1484): изъ нихъ 186 должны быть приписаны рудничному газу. Слѣдовательно въ одинъ годъ погибъ въ этой опасной работѣ одинъ работникъ на

280 и каждый разъ, какъ 88,000 тоннъ желѣза пускаются на продажу, надо—чтобъ узнать, чего онѣ стоятъ—прибавить къ цѣнѣ добыванія насильственную смерть одного человѣка».

«Эта суровая и опасная жизнь, полная случайностей и лишений, образуетъ энергическихъ людей, и, читая ихъ показанія передъ королевской комиссіей, нельзя не почувствовать симпатическаго удивленія ко многимъ изъ нихъ. Мы обыкновенно избѣгали говорить о лицахъ и ограничивались общими свойствами предмета, за который взялись, но мы дали бы неполное понятіе о роли союзовъ, ихъ вліяніи и ихъ будущемъ, если бы не познакомили читателя съ нѣкоторыми изъ людей, которые, будучи уполномочены представлять союзы, дѣлаютъ честь тому дѣлу, которое они должны были защищать.

«Одинъ изъ нихъ, г. Макъ-Дональдъ, разсказалъ свою жизнь съ благородною простотою; рожденный въ Шотландіи сорокъ лѣтъ тому назадъ, онъ поступилъ въ рудокопню восьми лѣтъ отъ роду. Надо было вставать, зимою и лѣтомъ, въ два часа утра, для того, чтобъ возвратиться въ родительскую хижину въ семь часовъ вечера. Впродолженіе шестнадцати или семнадцати часовъ, ребенокъ возить тачки въ галереяхъ, вышиною иногда въ двѣнадцать дюймовъ, дурно провѣтриваемыхъ и гдѣ углекислый газъ сосредоточивался иногда въ такомъ количествѣ, что три или четыре лампы, поставленные одна около другой, не давали достаточно свѣта даже для того, чтобы нагрузить тачку. Изъ двадцати товарищей г. Макъ-Дональда ни одинъ не пережилъ этого несчастнаго дѣтства. Въ другой рудокопнѣ, гдѣ ему пришлось работать, находилось около тридцати мальчиковъ и порядочное число дѣвочекъ. Всѣ они, за исключеніемъ г. Макъ-Дональда и его брата, также умерли, разбитые излишкомъ труда, угасшіе въ цвѣтѣ лѣтъ отъ зачумленной атмосферы, какъ несчастныя лампы, которыя отказывались горѣть въ ихъ рукахъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ ужасныя испытанія — едва достигнувъ мужскаго возраста, молодой Макъ-Дональдъ посвящаетъ себя самой тяжелой работѣ рудкопа, чтобъ зарабатывать болѣе и скорѣе улучшить свое положеніе. Онъ беретъ на подрядъ просѣканіе галерей черезъ скалы тамъ, гдѣ надо работать по колѣна въ водѣ, подъ дождемъ, который безпрестанно капаетъ со стѣнъ... «Чтобы избѣгнуть, говорить онъ, непріятнаго впечатлѣнія отъ этого постоянного душа, я начиналъ съ того, что, прежде чѣмъ взяться за работу, купался въ водѣ.» «Несмотря на эту утомляющую жизнь, онъ ходитъ въ вечерніе классы, тогда

только-что основанные для работниковъ. Потомъ, тотчасъ какъ ему удалось собрать малую толику, онъ раздѣляетъ свою жизнь: лѣтомъ онъ продолжаетъ работать своими руками; зимой—отправляется въ Глазговскій университетъ. Онъ изучаетъ греческій языкъ, латынскій, реторику и математическія науки; это ему стоитъ около 60 фунтовъ (375 р.) за шесть мѣсяцевъ студенческой жизни. Наконецъ, прошедши чрезъ должность foreman'a, онъ становится секретаремъ одного союза и для этой должности бросаетъ заступъ и ломъ. Въ настоящее время довѣріе всѣхъ товарищей призвало его къ президентству *Національной ассоціаціи рудокоповъ* — обширнаго общества, которое заключаетъ въ себѣ всѣ союзы углекопателей трехъ королевствъ.

«Другіе работники, начавшіе подобно ему, и столь же энергичные и устойчивые, какъ и онъ, пошли по другому пути и кончили тѣмъ, что сдѣлались патронами въ свою очередь. Двадцать семь или двадцать восемь лѣтъ тому назадъ, между дѣтьми отъ восьми до десяти лѣтъ, осужденными на ужасную работу въ рудникахъ, находился одинъ по имени Джорджъ Элліотъ. Нѣсколько позже, онъ принималъ участіе, какъ рудокопъ, въ большихъ стачкахъ, посредствомъ которыхъ работники добились значительнаго уменьшенія часовъ работы, и онъ еще нынче говоритъ объ этомъ, какъ о драгоцѣнной побѣдѣ справедливости и гуманности. Съ двадцатилѣтняго возраста, благодаря своему живому уму, онъ началъ вышаться надъ положеніемъ простаго рудокопа. Пройдя послѣдовательно чрезъ всѣ іерархическія степени рудокопныхъ чиновниковъ, бывъ инспекторомъ, потомъ агентомъ, онъ въ настоящее время представляется однимъ изъ главнѣйшихъ собственниковъ рудокоповъ и имѣетъ рудокопни разомъ во многихъ частяхъ Англій. Какъ въ тѣхъ рудокопняхъ, которыя принадлежатъ ему лично, такъ и въ тѣхъ, которыя онъ разрабатываетъ для своихъ друзей, онъ даетъ работу десяти тысячамъ работниковъ и выкапываетъ ежегодно 2 милліона тоннъ угля, т. е. восемьдесятъ восьмую часть всего, что выкапываетъ весь свѣтъ. Вѣрный воспоминанію своего происхожденія, онъ всегда умѣлъ сохранять самыя лучшія отношенія съ своими работниками и свое показаніе онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Вообще, углекопы — удивительное населеніе. Нѣтъ въ мірѣ болѣе прекраснаго народа, съ которымъ было бы легче согласиться, если только взяться за это умѣючи.»

«Все выкапываніе угля оплачивается по подряду. Въ концѣ галерей работники, обыкновенно лежатъ на спинѣ — такъ низко простран-

ство,—ударяють ударами заступа въ угольную руду, потомъ собирають отломанные куски и накладываютъ ихъ въ снабженные колесами ящики, которые образуютъ родъ телѣгъ. Эти ящики, толкаемые по желѣзному пути, поднимаются навѣрхъ паровою машиною, и ихъ грузъ взвѣшивается и вносится въ счетъ каждаго работника, которому платится по столько-то за каждую извлеченную тонну каменнаго угля. Въ нѣкоторыхъ рудокопняхъ, напр. въ Стэвели, извѣстное число работниковъ берутъ на подрядъ галерею и соединяются между собою для ея эксплуатированія, идя такимъ образомъ на выигрышъ или потерю, смотря по качеству жилы. Въ другихъ мѣстахъ, смотря по качеству жилы, дѣлающему работу болѣе или менѣе легкой, работники одной галереи получаютъ болѣе, чѣмъ работники другой. Наконецъ въ Дергэмъ и Нортумберлендѣ, работники нанимаются по опредѣленной цѣнѣ на годъ и собственникъ гарантируетъ имъ отъ 30 до 33 шиллинговъ въ двѣ недѣли ($237\frac{1}{2}$ — $260\frac{1}{2}$ р. въ годъ)—даетъ онъ работу или нѣтъ. Поражаемая то патронами, то союзами, эта система, очень древняя, существуетъ еще во многихъ рудокопняхъ».

XIV.

Союзы между углекопами образовались прежде всего въ Шотландіи. Какъ ни тяжело можетъ показаться ихъ положеніе изъ вышесказанныхъ строкъ, оно, въ сущности, составляетъ громадный прогрессъ въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ углекопы находились прежде. До 1779 г. углекопы находились въ положительномъ рабствѣ. Обязанные работать въ колодезяхъ столько времени, сколько это нравилось владѣльцу, они, на фактѣ, продавались вмѣстѣ съ рудокопнями. Если они осмѣливались наниматься въ другомъ мѣстѣ, хозяинъ всегда могъ ихъ требовать обратно и ихъ сѣкли, какъ воровъ, за то, что они посмѣли утаить свой собственный трудъ. Измѣненный въ 1779 году, этотъ варварскій законъ былъ окончательно отмѣненъ только актами 1797 и 1799 годовъ. Но вмѣстѣ съ этимъ далеко не исчезли всѣ тѣ злоупотребленія, жертвами которыхъ были работники. Законы противъ коалицій оставались въ прежней силѣ. Truck-shop'ы были основаны повсюду и чтобъ работникамъ невозможно было обойтись безъ нихъ, патроны вы-

давали заработную плату лишь въ рѣдкіе сроки *). Женщины и дѣти наполняли подземелья и галереи. Дѣти были лишены всякаго даже элементарнаго образованія. Работа длилась иногда болѣе шестнадцати часовъ въ сутки. Наконецъ не брали никакихъ мѣръ, ни для провѣтриванія рудокопъ, ни для безопаснаго пребыванія въ нихъ работниковъ. Все это вызвало со стороны послѣднихъ тайное сопротивленіе противъ патроновъ. Тайныя общества основывались и распространялись какъ нельзя лучше. Они кончились тѣмъ, что добились извѣстной терпимости со стороны закона. Такъ *союзъ Ланкаширскихъ рудокоповъ* существовалъ открыто съ 1817 года и его существованіе оказало не мало вліянія на актъ 1824 года. Послѣ того, какъ законъ дозволилъ рабочія коалиціи, углекопы направили всѣ свои успія на уничтоженіе *truck-shop*овъ. Благодаря этимъ успіямъ, лордъ Эшли (нынѣ лордъ Шэфтсбери), предложилъ палатѣ общинъ законъ противъ *truck-shop*овъ, который и былъ вотированъ парламентомъ въ 1831 году.

Въ томъ же 1831 году англійскіе рудокопы въ первый разъ воспользовались правомъ коалиціи. Только эта первая лига была чисто временная. Настоящіе союзы между углекопами, какъ въ собственной Англій, такъ и въ Шотландіи, образовались только впоследствии. Лига, о которой идетъ рѣчь, составила для того, чтобы добиться уменьшенія часовъ работы. Несмотря на то, что углекопная работа платится *по-подряду*, углекопы все-таки принуждены работать извѣстное количество времени. Патроны требуютъ этого отъ работниковъ потому, что въ противномъ случаѣ они должны много терять. Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, что работникамъ вздумалось бы работать всего три часа въ день. Очевидно, что въ такомъ случаѣ выкопается очень мало угля и слѣдовательно патронъ наживетъ отъ него тоже мало. Между тѣмъ общіе расходы, необходимо связанныя съ эксплуатаціей угольныхъ копей, поч-

*) Со времени уничтоженія *truck-shop*овъ выдаваніе заработной платы въ рѣдкіе сроки дало поводъ къ другому рода злоупотребленіямъ. Если, напр., рабочий зарабатываетъ 3 фунта въ двѣ недѣли, то, очевидно, что съ конца первой недѣли, онъ можетъ считать себя законнымъ собственникомъ 1 фунта съ половиною. Но пусть онъ не думаетъ, что ему такъ вотъ и дадутъ эти 1½ фунта прежде наступленія срока платежа, который производится два раза въ мѣсяцъ! Если работникъ пожелаетъ получить напр. 1 фунтъ изъ этой суммы, то его заставятъ прежде расписаться въ полученіи одного фунта и одного шиллинга, который представляетъ ни болѣе ни менѣе, какъ 5 проц. въ недѣлю или 260 проц. въ годъ.

ти всегда одни и тѣже. При двухъ-часовой работѣ углекоповъ ихъ почти нельзя окупить. Отсюда, обязательство со стороны работника работать не менѣ условленнаго количества часовъ. Но это количество часовъ прежде было непомѣрно велико. Оно простигалось иногда до шестнадцати въ сутки. Работники Дергэма и Нортумберлэнда первые рѣшили свести его на двѣнадцать часовъ. 30,000 работниковъ помянутыхъ мѣстностей образовали съ этою цѣлью стачку. Она удалась, какъ нельзя лучше.

Нѣсколько времени спустя, мы уже находимъ нѣсколько вполне организованныхъ союзовъ въ Шотландіи и сѣверной Англии. Первымъ дѣломъ этихъ союзовъ было: требовать вмѣшательства закона противъ дурнаго провѣтриванія рудоконенъ и противъ употребленія на работу женщинъ и дѣтей. Парламентъ 1834 года учредилъ для изслѣдованія этого вопроса особую комиссію, которая ограничилась только тѣмъ, что дала патронамъ нѣсколько гуманныхъ совѣтовъ. Патроны, конечно, и не подумали слѣдовать этимъ совѣтамъ. Женщины по прежнему продолжали исполнять самыя тяжкія работы. Напр., въ шотландскихъ углекопныхъ онѣ должны были выносить изъ колодезь по прямымъ и скользящимъ лѣстницамъ до 200 фунтовъ или 5 пудовъ каменнаго угля! Мы не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ, прочитавъ это замѣчаніе въ выноскѣ въ книгѣ графа Парижскаго. Мы сначала хотѣли думать, что это опечатка; но буквы италійскаго характера, которыми напечатано въ книгѣ: *cent kilogrammes* не допускали долѣе ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ 1842 году парламентъ снова обратилъ вниманіе на работу женщинъ и дѣтей въ углекопяхъ. На этотъ разъ онъ неограничился одними совѣтами, а издалъ законъ, который безусловно запрещалъ употреблять на подземную работу женщинъ и дѣтей.

До 1849 года углекопы не сдѣлали ни одной стачки, заслуживающей особеннаго вниманія. Въ этомъ году стакнулись дергэмскіе углекопы. Наученные опытомъ, они объявили не поголовную стачку и бросили работы не сразу. Нѣтъ, они сначала повели атаку противъ одной лишь копи. При этомъ углекопы не бросили работъ въ этой копи. Они только стали уменьшать ихъ со дня на день. Такъ, сначала работники рыли только на 3 шиллинга въ день, потомъ на два и наконецъ на одинъ. Директоры мины поняли, въ чемъ дѣло и употребили противъ рудоконенъ самое насильственное средство: выгнали ихъ изъ коттѣджей съ женами и дѣтьми. Въ то же время директоры выгнали углекоповъ изъ Шотландіи. Населеніе, лишенное крова, должно было уступить.

Съ этой минуты стачки между углекопами встрѣчаются все чаще и чаще. Впродолженіе одного 1855 года было не менѣе двѣнадцати стачекъ въ одномъ Дергэмѣ. Въ Шотландіи стачки чаще всего встрѣчаются въ лидскомъ округѣ. Въ 1858 году одинъ патронъ, по имени г. Бриджъ, объявилъ углекопамъ, что онъ хочетъ уменьшить ихъ заработную плату на 15%. Углекопы, конечно, взволновались. Всѣ ихъ окрестные товарищи рѣшились поддержать ихъ и организовали общую стачку. Патроны отвѣчали на нее lock out'омъ. Черезъ два мѣсяца, послѣ того какъ углекопы-работники потеряли въ видѣ заработной платы около 250,000 рублей, обѣ стороны пошли на сдѣлку и согласились уменьшить заработную плату на 7%. Впрочемъ, нѣсколько времени спустя, заработная плата повысилась сама собою.

Новое столкновеніе работниковъ-углекоповъ съ ихъ патронами вышло изъ за *конфискаціи*—обычая, противъ котораго работники до сихъ не перестаютъ возставать. Обычай этотъ въ самомъ дѣлѣ возмутителенъ. Онъ состоитъ въ томъ, что всякій разъ, какъ въ поднятомъ изъ колодца ящикѣ угля овазывается вѣсу менѣе надлежащаго,—этотъ ящикъ высыпается въ магазинъ безъ всякой платы углекопу за его работу. Такой же точно конфискаціи подвергается углекопъ и тогда, когда въ его ящикѣ окажется камень или вообще всякій соръ. Работники утверждали передъ комиссіей, что, при поднятіи угля изъ колодца, иногда достаточно, чтобы упалъ одинъ лишь кусокъ угля для того, чтобы ящикъ былъ подвергнутъ конфискаціи. Нѣкоторые рудокопы-патроны извлекаютъ такимъ образомъ совершенно даромъ двѣнадцатую часть всего вырываемаго угля. Десять тысячъ работниковъ приняли участіе въ стачкѣ противъ этой ненавистой конфискаціи. Патроны и тутъ отвѣчали lock out'омъ, закрывъ восемнадцать рудокопнень. Но на этотъ разъ работники одержали побѣду. Съ тѣхъ поръ злоупотребленія по *конфискаціи* встрѣчаются гораздо рѣже.

Съ 1862 года союзы между рудокопами распространяются особенно быстро. Такъ, въ этомъ году положено основаніе южно-ланкашэйрскому союзу рудокоповъ. Въ 1863 году почти всѣ союзы рудокоповъ составили конгрессъ въ городѣ Лидсѣ. На этомъ конгрессѣ они рѣшили слиться въ одинъ могущественный союзъ и образовали *Национальную ассоціацію рудокоповъ*. Президентомъ этой ассоціаціи былъ избранъ г. Макъ Довальдъ, о которомъ мы говорили выше и который представлялъ на конгрессѣ шотландскіе рудокопные союзы. Лидскій конгрессъ далъ громадный толчекъ

ассоціаціонной пропагандѣ. Новый союзъ разослалъ своихъ агентовъ по всѣмъ угольнымъ округамъ Англіи. Эти агенты разъѣзжали повсюду, собирали митинги, говорили рѣчи и набирали неопитовъ.

Патроны, съ своей стороны, не остались бездѣятельны. Они также сформировали между собою союзъ, предсѣвателемъ котораго былъ избранъ г. Бриджъ. Нѣкоторые изъ патроновъ пошли дальше и положили подрѣзывать союзы въ самомъ ихъ корнѣ. Такъ, напр., поступилъ директоръ копи въ Стэвели, г. Мэргэмъ. Едва угольщики стэвельскаго округа собрались для общаго совѣщанія объ образованіи союза, какъ г. Мэргэмъ сейчасъ же отказалъ отъ работы организаторамъ этого совѣщанія. Онъ обѣщаетъ ту же самую участь всѣмъ, кто только посмѣетъ принять участіе въ другомъ подобномъ совѣщаніи. Тогда большая часть его работниковъ покидаютъ его. Черезъ полтора мѣсяца работы у него почти совсѣмъ пріостановлены. Но г. Мэргэмъ не унываетъ и на митинги отвѣчаетъ митингами, на рѣчи за образованіе союзовъ рѣчами противъ. Такими средствами ему удастся образовать въ средѣ рабочихъ анти-унионистскую партію, которая растетъ тѣмъ скорѣе, что многихъ стачка довела до послѣдней крайности. Это послѣднее обстоятельство кажется г. Мэргэму самымъ удобнымъ; чтобъ нанести послѣдній ударъ. Новые противники союзовъ получаютъ въ подарокъ мясо и пиво. Организуется банкетъ, на который приглашаются всѣ безъ различія. «Триста или четыреста работниковъ, оставшихся вѣрными союзу—говоритъ одинъ изъ нихъ—пошли себѣ по странѣ съ голодными желудками. Когда они увидѣли быка, они почувствовали себя расположенными поглотить его цѣликомъ, еслибъ было можно: они подошли всѣ, имѣли свою часть и на другой день возвратились къ работѣ.»—Такъ стало быть—спросили этого работника—обѣдъ былъ кое-при чемъ въ уничтоженіи союза?—«Онъ произвелъ самое лучшее дѣйствіе,» отвѣчалъ разсказчикъ.

Передъ самымъ учрежденіемъ королевской комиссіи, въ началѣ прошлаго года, между рудокопами произошли многія стачки. Одна изъ нихъ, въ графствѣ ланкастерскомъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что она вызвала вмѣшательство въ дѣло военной силы. Эта стачка произошла въ рудокопнѣ «Wigan Iron and Coal Co» которая занимаетъ все пространство между городками «Wigan и S—Helens.» 9,000 работниковъ ежегодно извлекаютъ изъ этой рудокопни 1,750,000 тоннъ угля. Въ началѣ прошлаго года цѣна каменнаго угля понизилась. Патроны, по своему обыкновенію,

положили вознаградить свои потери изъ заработной платы и поэтому уменьшили ее на 15⁰/₀. Большинство работников объявили стачку. Но такъ какъ многіе работники оставались въ сторонѣ отъ стачки, то патроны, присоединивъ къ нимъ нарочно вписанныхъ углекоповъ, продолжали копать уголь. Тогда стачкующіеся углекопы, между которыми находились какъ уніонисты, такъ и не-уніонисты, вломались въ заведенія углѣнской компаніи и, безъ вмѣшательства войска, по всей вѣроятности, переломали бы всѣ машины. Но отрядъ изъ сорока солдатъ и шестидесяти полицменовъ разогналъ ихъ.

XV.

Національная ассоціація рудокоповъ, о которой мы упомянули выше, считаетъ въ своихъ рядахъ 35,000 членовъ. Это — настоящая конфедерація, состоящая изъ многихъ союзовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои особенные статуты и свой вполне независимый бюджетъ. На общія союзныя издержки взимается всего лишь по пенни въ мѣсяцъ съ члена. Союзъ беретъ на себя только, такъ сказать, общую дирекцію. Когда идетъ дѣло объ интересѣ всѣхъ членовъ, онъ беретъ на себя общее управленіе и дирижируетъ все, по разъ принятому плану. Въ стачкахъ союзъ принимаетъ только косвенное участіе: его роль въ этомъ случаѣ ограничивается почти исключительно ролью посредника въ передачѣ пособій. Рѣшеніе — сдѣлать стачку или нѣтъ — предоставлено вполне каждому окружному обществу. Тѣмъ не менѣе у комитета ассоціаціи пропасть дѣла. Г. Макъ-Дональдъ рассказываетъ, что втеченіе семи лѣтъ, впродолженіи которыхъ онъ былъ президентомъ — сначала шотландскихъ рудокоповъ, потомъ національной ассоціаціи — онъ былъ на 1600 собраніяхъ, проѣхалъ 230,000 миль и написалъ 17,000 писемъ. Окружныя общества или мѣстные союзы иногда сами по себѣ доходятъ до почтенныхъ размѣровъ. Такъ южно-йоркшэйрская ассоціація рудокоповъ, основанная въ 1858 году, раздѣляется на сорокъ восемь вѣтвей и считаетъ 7000 членовъ, которые платятъ входный взносъ въ 10 шиллинговъ и кромѣ того вносятъ еженедѣльно отъ девяти пенсовъ до 1 шил. Ланкашэйрская ассоціація, образовавшаяся въ 1862 году, состоитъ также изъ 7000

членовъ. Она взимаєть по девяти пенсовъ въ недѣлю. Работники въ стачкѣ, по ея статутамъ, имѣють право на 9 и 10 шиллинговъ въ недѣлю. На похороны члена назначается 5 и 6 фунтовъ ($31\frac{1}{4}$ и $37\frac{1}{2}$ руб.).

Добившись уменьшенія часовъ работы и запрещенія работать въ рудоконныхъ женщинамъ и дѣтямъ, рудокопы стремятся теперь особенно къ тому, чтобъ сколь возможно предохранить себя отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ во время своей работы. Самые частые и самые страшные изъ этихъ несчастныхъ случаевъ—обвалы и взрывы рудничнаго газа. Для предупрежденія послѣднихъ, извѣстный химикъ Дэви изобрѣлъ лампу, которой онъ и далъ свое имя и про которую, вѣроятно, слышалъ всякій. Но эта лампа далеко не вполне предохранительное средство. Ея металлическая оболочка часто накаляется до красна и тѣмъ производитъ взрывъ. Несчастные случаи въ рудоконныхъ служатъ немалымъ поводомъ къ обоюднымъ пререканіямъ между патронами и работниками. Патроны говорятъ, что работники мѣшаютъ всякому санитарному контролю съ ихъ стороны, потому что, изъ духа независимости, не пускають въ рудоконни хозяйскихъ надсмотрщиковъ. Работники, напротивъ, утверждаютъ, что патроны мало обращаютъ вниманія на самыя необходимыя мѣры предосторожности и слишкомъ уже полагаются на лампу Дэви.

Англійскій парламентъ также занимался вопросомъ о санитарномъ контролѣ въ рудоконныхъ. Въ 1850 году были назначены особые санитарные инспекторы для рудокопнень. Но ихъ надзоръ не могъ принести существенной пользы, потому что имъ невозможно было часто посѣщать копи. Вслѣдствіе этого обстоятельства работникамъ пришла въ голову мысль установить свой собственный контроль. Они предложили парламенту издать законъ, по которому всякая дирекція рудокопни была бы обязана имѣть въ своей средѣ санитарнаго надзирателя изъ работниковъ. При этомъ углекопы соглашались, чтобъ жалованье надзирателя брали изъ ихъ заработной платы. Буржуазная палата общинъ возмущалась этимъ предложеніемъ и законъ не былъ пропущенъ.

Мы не будемъ разсматривать здѣсь второстепенныхъ отраслей труда, организованнаго въ болѣе или менѣе значительныя ассоціаціи, потому что развитіе ихъ идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и главныхъ ассоціацій. У нихъ тѣже недостатки и тѣже хорошія стороны, какъ и у первыхъ. Замѣтимъ только, что сила соединенія совершенно пропорціональна силѣ гнета, лежащаго на той или

другой отрасли труда, т. е. чѣмъ хуже положеніе извѣстной категоріи рабочихъ, тѣмъ они охотнѣе соединяются въ союзы и тѣмъ энергичнѣе отстаиваютъ свои интересы.

Изъ представленнаго нами очерка англійскихъ рабочихъ ассоціацій читатель видитъ, что онѣ составляютъ постепенно-возрастающее движеніе къ будущему социальному перевороту, послѣднимъ словомъ котораго будетъ та или другая организація труда. Ихъ будущее обезпечено вполне, какія бы политическія реформы ни ожидали страну. Имъ недостаетъ еще многого—имъ нужна болѣе крѣпкая внутренняя организація, имъ нужны болѣе широкія умственныя и матеріальныя средства, но и то, что онѣ имѣютъ, даетъ имъ неотъемлемое право на существованіе. Но на этой формѣ развитія, конечно, человѣческая мысль не остановится, много еще предстоитъ впереди другихъ реформъ въ экономическомъ мірѣ...

Ами.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Контрастъ между Англїей и континентальной Европой.—Способность англїчанъ вести общее дѣло.—Сила общественнаго мнѣнія въ Англїи ломаетъ старыя традиціи.—Затруднительное положеніе католическаго духовенства въ Ирландїи вслѣдствіе церковнаго билля.—Эпидемія пропаганды.—Широкіе размѣры дѣятельности партїи секуляристовъ.—Ея успѣхи.—Замѣчательный ораторъ и политическій дѣятель Брадло.—Борьба шабашниковъ съ лигерами воскресенья.—Противодѣйствіе со стороны общественнаго мнѣнія пуризму читателей воскреснаго дня.—Отраженіе въ Англїи событій европейскаго континента.—Демократизированіе англїйской палаты общинъ.—Сближеніе англїйскихъ высшихъ классовъ съ рабочими.—Ужасное устройство рабочихъ домовъ.—Дѣтоубійство и самоубійство въ виду безвыходной нищеты.—Мудрые епископы.—Перенолохъ бонапартистовъ.—Статья Бичеръ-Стоу о Байронѣ.—
Паденіе вѣры въ Индіи.

Путешественника иностранца, переѣхавшаго проливъ Па-де-Кале и высадившагося на англїйскій берегъ невольно поражаетъ громаднѣйшая разница, существующая между Англїей и континентальной Европой. Все здѣсь другое: и люди, и строенія, и цвѣтъ неба, а главное дѣятельность, проявляющаяся въ удивительныхъ размѣрахъ. Прѣзжаетъ ли путешественникъ черезъ города, черезъ деревни, пересѣкаетъ ли поле или въѣзжаетъ въ лѣсъ — вездѣ и всюду идетъ неустанная работа, вездѣ замѣтна высокая культура. Англїйскія поля обработаны несравненно лучше, чѣмъ въ континентальной Европѣ; скотъ, пасущійся на тучныхъ зеленыхъ лугахъ, крупнѣе и красивѣе; фабрики и заводы похожи на большіе города, а огромные города кажутся сплошною фабрикою или заводомъ.

Но изумительное дѣло: никто изъ трудящихся не кажется особенно занятымъ, никто не суетится; всякій дѣлаетъ свою работу спойно, не спѣша, какъ автоматъ, котораго движенія управляются общимъ механизмомъ. Всякій просто, безъ затѣй, исполняетъ работу, специально ему порученную, поэтому усилія каждого удивительнымъ образомъ согласуются съ усиліями всѣхъ и общее дѣло совершается быстро, разумно, согласно съ предназначенною цѣлью. Такія качества немислимы еще въ континентальной Европѣ.

Англичанинъ серьезно предается труду, онъ любитъ его; свое занятіе онъ изучаетъ до тонкости, до совершенства, онъ почти всегда специалистъ въ своемъ дѣлѣ; немудрено, что при такихъ условіяхъ англійская ремесленная и заводская промышленность стоятъ на такой высокой степени совершенства.

Хотящее мнѣніе, что англичане народъ хладнокровный по преимуществу, что они не склонны къ увлеченію, — положительно ошибочно. Правда, нѣкоторые джентльмены избрали своимъ идеаломъ человѣка, который ничему не удивляется, котораго ничто не можетъ взволновать, но большинство англичанъ увлекается до крайнихъ границъ энтузіазма и въ этомъ отношеніи оставляетъ далеко позади себя даже французовъ, которыхъ считаютъ вообще самымъ увлекающимся народомъ въ цивилизованномъ мірѣ. Краснорѣчіе оратора, быстрота лошади на скачкѣ, ловкій ударъ боксера, — все это вызываетъ въ слушателяхъ и присутствующихъ взрывы самаго яростнаго энтузіазма, раздаются неистовые крики и аплодисменты. Степень увлеченія англичанъ лучше всего изучать на выборахъ, гдѣ оно доходитъ до крайняго своего проявленія; кандидатамъ почти всегда приходится выносить много ругательствъ, случается даже и хуже; извѣстно, что выборные дни въ Англии часто обращаются въ дни потасовокъ. Для сравненія возьмите, на примѣръ, Францію, гдѣ система официальныхъ кандидатуръ и злоупотребленія, присутія тамошнему избирательному механизму, казалось, должны бы были вызывать увлеченіе, и что же? — здѣсь голосованіе почти всегда совершается мирнымъ образомъ.

Всякое обобщеніе опасно; нужна большая смѣлость, чтобы судить

о цѣломъ народѣ, не принимая въ расчетъ отдѣльныя личности и ихъ безчисленныя различія между собою; однакожь, имѣя въ рукахъ средніе статистическіе выводы, можно рискнуть и на такое обобщеніе. Основываясь на статистическихъ данныхъ и сравнивая континентальныхъ европейцевъ съ англичанами, можно вывести заключеніе, что первые обладаютъ лучшими способностями, а англичане отличаются большимъ запасомъ знаній, страстью къ ихъ пріобрѣтенію и сильно развитою волей. У англичанъ, можетъ быть, меньше развита способность къ изобрѣтательности, но если они поняли дѣло, если пустили въ ходъ машину, она идетъ у нихъ правильно и безостановочно. Они дѣлаютъ свое дѣло методически, можно сказать, религиозно; когда они становятся бакалейщиками, они поднимаютъ „колоніальный продуктъ на высоту принципа“; когда торгуютъ кожами, они повторяютъ съ убѣжденіемъ: „ничто не сравнится съ кожей“. И такъ во всякомъ дѣлѣ. Какъ велико будетъ развитіе англійскаго народа и какъ далеко онъ шагнетъ по пути прогресса, когда къ своей жаждѣ знаній, къ своей настойчивости онъ присоединитъ еще силу, какую дастъ просвѣщеніе, когда онъ усвоитъ болѣе широкія идеи соціального устройства!

Однакожь какъ ни великъ контрастъ между англичанами и континентальными европейцами, онъ мало-по-малу сглаживается и теперь уже далеко не тотъ, какимъ былъ 10, 20 лѣтъ тому назадъ. Развитію солидарности между различными народами много помогаютъ путешествія. Болѣе полумилліона англичанъ ежегодно переѣзжаетъ каналъ Па-де-Кале и путешествуетъ по разнымъ частямъ Европы; съ другой стороны, такое же, если еще не большее число континентальныхъ европейцевъ ѣздитъ въ Англію; сотни тысячъ англичанъ селятся на продолжительное время въ континентальной Европѣ, такое же число европейцевъ заживается въ промышленныхъ городахъ Англій. Этимъ путемъ сближенія между націями сглаживаются національныя предрасудки, утверждается симпатія между народами. Национальная ненависть почти исчезла; слово „иностранецъ“ перестало быть какъ нѣкогда синонимомъ выраженія „врагъ“. Континентально-европейскіе изгнанники находятъ теперь въ Англій новое

отечество, ихъ принимаютъ дружески, совѣмъ не такъ, какъ принимали послѣ 1848—1852 годовъ.

Этой внѣшней пережвѣнъ соответствуетъ пережвѣна въ идеяхъ. Всѣ тѣ, которые не могутъ вѣрить, что все идетъ прекрасно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ; всѣ тѣ, которые жаждутъ нововведеній въ церкви, въ политикѣ, въ обществѣ,—всѣ такіе люди въ Англіи научились дѣйствовать общими силами и ищутъ поддержки въ новаторахъ на континентѣ. А нѣкогда англійскимъ реформаторамъ недоставало именно умѣнья дѣйствовать вмѣстѣ, совокупными силами. Въ то время они занимались только одной какой нибудь специальной реформой и во всемъ остальномъ объявляли себя консерваторами; они считали бы себя серьезно оскорбленными, еслибъ кто нибудь обозвалъ ихъ революціонерами. Кооператоры въ то время отталкивали социалистовъ; социалисты относились несочувственно къ республиканцамъ; республиканцы гнушались атеистами, а эти послѣдніе относились недовѣрчиво ко всему, что имѣло въ виду исключительно политическія цѣли. Эмансипированныя женщины составляли совершенно объединенную группу и видѣли въ своей специальной реформѣ конечную цѣль человѣческаго благополучія. Еще не такъ давно миссъ Эмилиа Фейсфель, одна изъ самыхъ энергическихъ бойцовъ за равенство половъ, притянула къ суду одного журналиста, по ошибкѣ помѣстившаго ея имя въ числѣ послѣдователей секуляризма. Дѣйствуя такимъ разъединяющимъ образомъ, передовые люди того времени не замѣчали, сколько они приносятъ вреда дѣлу, которому служатъ. Цѣль у нихъ у всѣхъ была одинаковая, но они расходились, и по большей части весьма мало, въ средствахъ, которыми можно было придти къ этой цѣли. Споря между собой, новаторы не замѣчали, что этой бесплодной борьбой они только отдалаютъ время торжества своихъ идей. Но наконецъ они поняли свою прежнюю ошибку и нынче въ Англіи новаторы сплотились въ небольшіе разбросанные во всей странѣ дружные батальоны, изумительно дисциплинированные, стоящіе твердо одни за другихъ. Совѣмъ не то на континентѣ Европы; здѣсь новаторы, надо правду сказать, представляютъ огромную толпу, дѣйствующую безъ всякаго

порядка и неизмѣющую понятія о дисциплинѣ. Англичане научились теперь соединять свои небольшія группы въ большія массы, дѣйствующія совокупно для достиженія цѣли, къ которой они стремятся. Всѣ совершившіяся въ послѣднее время и имѣющія совершиться перемѣны въ политическомъ и социальномъ строѣ Англiи, явились результатомъ этого единенiя и политическаго такта передовыхъ людей.

Рѣшенiе англійскаго парламента по вопросу объ ирландской церкви составляетъ событiе величайшей важности и принадлежитъ къ числу знаменiй нашего времени. Если Гладстонъ и его друзья рѣшились сломать старое зданiе англиканизма въ Ирландiи; если палата общинъ, большинствомъ ста голосовъ, съ энтузиазмомъ поддержала своего предводителя въ дѣлѣ разрушенiя; наконецъ, если палата лордовъ согласилась пойти рука объ руку съ разрушителями, — все это сдѣлано никакъ не во имя подобающей справедливости католикамъ, составляющимъ четыре пятыхъ ирландскаго населенiя. Нѣтъ. Аристократы и англичане уступили давленiю англійскаго народа, — ирландцы тутъ почти не причемъ, — уступили силѣ общественнаго мнѣнiя Англiи. Не желая дѣлать уступокъ подданнымъ папы, они нашлись вынужденными сдѣлать ихъ секуляристамъ, т. е. партiи, къ которой принадлежатъ всѣ желающiе уничтоженiя всевозможныхъ официальныхъ церквей, — католической или протестантской — это все равно. Конечно, въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ, враги и защитники билля не осмѣлились признать истинную причину, которая заставила ихъ наложить руку на основное учрежденiе; они изобрѣтали разные религиозные предлоги, подводили тексты, но въ глубинѣ души очень хорошо понимали, что они работаютъ для разрушенiя официальной церкви не въ одной Ирландiи, но и во всей Великобританiи. Одинъ только пэръ — и ему

сильно аплодировали дамы, занимавшія верхнія галлерей палаты пэровъ — лордъ Винчельси объявилъ, что онъ скорѣе понесетъ свою голову на плаху, чѣмъ согласится на принятіе мѣры, сколько революціонной, столько же и противной божественной морали. Но его сотоварищи вовсе не желали надѣть на себя мученическій вѣнецъ и, со стыдомъ и грустью, приняли законъ, постаравшись насколько было возможно его урѣзать. „Законъ этотъ несправедливъ, онъ вреденъ, говорилъ ихъ корифей лордъ Шэфтсбери, — но народъ его хочетъ и мы съ большой печалью въ сердцѣ уступаемъ.“ Другими словами этотъ лицемѣръ признался: „мы станемъ повиноваться людямъ скорѣе, чѣмъ Богу.“

Католики могутъ принять также „съ печалью на сердцѣ“ предложенный имъ подарокъ. Также, какъ и англикане, они могутъ бояться полученной свободы. Феніане, т. е. ирландскіе республиканцы, въ союзѣ съ своими американскими братьями, уже разорвали всякую связь съ своими священниками; народная масса не замедлитъ послѣдовать ихъ примѣру, когда послѣ преобразенія преслѣдованій, священники перестанутъ имѣть въ ея глазахъ ореолъ страдалцевъ. Католическая церковь въ Ирландіи будетъ по прежнему собирать пожертвованія для бѣдныхъ, по прежнему будетъ отсылать въ бѣднѣйшія хижины опредѣленное количество картофеля, кукурузы и даже виски. Но она уже больше не будетъ защитницей притѣсненныхъ; сама свободная, она, въ Ирландіи, употребитъ всю свою дѣятельность на оглупнѣніе и обѣдненіе своей паствы, которую ей будетъ расчетъ держать въ нищетѣ и невѣжествѣ. Католическіе и англиканскіе патеры, — бывшіе враги, — станутъ теперь соучастниками.

Мѣра, принятая противъ англиканской церкви въ Ирландіи, вслѣдъ за собой должна вызвать другія подобныя. Оффиціальная церковь должна быть уничтожена и на островѣ Уэльскомъ, потому что большинство тамошнихъ жителей принадлежитъ къ диссидентскимъ сектамъ. Точно также въ отдаленной Ямайкѣ, гдѣ баптисты и методисты численностію своею въ двадцать разъ превышаютъ англиканъ, правительство будетъ обязано произвести радикальную

реформу. И все это однакожь будутъ не болѣе, какъ приготовительныя работы. Прежде, чѣмъ примутся разбирать главное зданіе, обыкновенно сносятъ сараи и другія небольшія хозяйственныя пристройки. Епископы, засѣдающіе въ палатѣ лордовъ, очень хорошо знакомы съ такимъ обыкновеіемъ. Они понимаютъ, что за ирландскими епископами настанетъ ихъ очередь, что уже начинаютъ добираться и до ихъ крѣпко-насиженныхъ теплыхъ мѣстъ. Затѣмъ... но что будетъ затѣмъ, они не рѣшаются предсказывать. Правда и сами реформаторы, ведущіе атаку противъ официальной церкви, едва ли отдають себѣ ясный отчетъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ должна привести ихъ дѣятельность. Они идутъ, не сознавая ясно своей цѣли и выставляютъ передъ собой, въ качествѣ предводителей, Брайта, квакера, и Гладстона, ревностнаго церковника, который въ своей первой книгѣ, высказалъ такую торжественную фразу: „внѣ церкви нѣтъ спасенія!“

Видѣтъ съ нападкама на официальную церковь явились нападки и на самыя догматы католической и протестантской религіи со всеми ея сектами. И Лоу и англиканская церковь и диссентеры, и ортодоксальные и гетеродоксальные проповѣдники, — всѣ рѣшились принять энергическія мѣры, одни чтобы отвратить опасность, грозящую церкви, другіе для приобрѣтенія себѣ прозелитовъ; всѣ партіи пустили въ ходъ проповѣдниковъ, захватывающихъ народъ вездѣ — въ тавернахъ, мастерскихъ, на площадяхъ, — вездѣ, гдѣ только народъ веселится, отдыхаетъ и работаетъ. Въ одномъ только Лондонѣ двѣсти миссіонеровъ проходятъ по всемъ кварталамъ, останавливаясь на углахъ улицъ, подъ арками виадуковъ, подлѣ различныхъ увеселительныхъ заведеній. Они поютъ гимны и имъ подтягиваетъ обыкновенно нѣсколько старухъ, а иногда и стариковъ, вышедшихъ изъ сосѣднихъ домовъ; проповѣдникъ становится на колѣни на мостовой и громкимъ голосомъ умоляетъ небо помиловать вора, находящагося здѣсь въ толпѣ, проститутку, которая проходитъ мимо. Съ дикимъ краснорѣчіемъ, наводящимъ иногда ужасъ, говорятъ они о смерти, о будущемъ судѣ, о неугасимомъ огнѣ; ихъ цѣль — заставить дрожать своихъ слушателей, все-

лить въ нихъ ужасъ, который побудилъ бы ихъ возвратиться къ церкви. Пѣніе гимновъ они сопровождаютъ вздохами и слезами, и часто случается, что имъ удается достигнуть своей цѣли: но тогда пробѣжала дрожь, она взволновалась и съ разныхъ угловъ въ отвѣтъ энергическому проповѣднику слышатся громкія рыданія.

Подобно протестантскимъ проповѣдникамъ, переходящимъ изъ улицы въ улицу для произнесенія назидательныхъ рѣчей народу, и католическіе патеры, освобожденные отъ преслѣдованій, пользуются предоставленною имъ свободой, такимъ же путемъ стараются набирать себѣ прозелитовъ. Конечно они имѣютъ меньше успѣха, чѣмъ проповѣдники методистскіе и другихъ диссентерскихъ сектъ; въ своихъ проповѣдяхъ имъ приходится бросаться въ полемику и защищать отъ иновѣрческихъ нападокъ догматы о непогрѣшимости папы, а такіа разглагольствованія не особенно нравятся англичанамъ; кромѣ того паписты не могутъ опираться на національныя традиціи, не могутъ посылать своихъ слушателей къ воспоминаніямъ безгрѣшнаго дѣтства;—однакожь и вокругъ нихъ постоянно толпятся слушатели, но болѣе изъ любопытства и никогда не случается, чтобы ихъ воззванія производили сильное впечатлѣніе и вызывали рыданія.

И секуляристы, опираясь на общественное мнѣніе и на законы, позволяющіе каждому англичанину собирать митинги, — съ своей стороны, посылаютъ пропагандистовъ на улицы и площади, и тѣ ревностно нападаютъ какъ на католическую, такъ и на протестантскую церковь. Правда, законъ считаетъ преступленіемъ подобныя нападенія, относя ихъ къ кощунству и наказываетъ его очень строго, но, какъ извѣстно, въ Англіи законъ уже пересталъ существовать съ той поры, какъ онъ осужденъ обычнымъ правомъ. Въ Англіи очень рѣдко уничтожаютъ старыя законоположенія; теоретически на бумагѣ онѣ продолжаютъ еще существовать, тогда какъ практика давно ужъ изгнала ихъ изъ употребленія. Законъ о кощунствѣ изданъ въ феодальныя времена и составляетъ теперь достояніе антикваріевъ, да развѣ иногда адвокаты, желающіе показать свое знаніе исторіи англійскаго законодательства, упоми-

нуть о немъ между прочимъ въ своихъ рѣчахъ. Въ настоящее время въ Англии немислимъ судья, который рѣшился бы принять этотъ отвергнутый общественнымъ мнѣніемъ законъ. А потому свободно, среди бѣлаго дня, мужчины и даже женщины, взмостившись на тумбу или на пьедесталь статуи, нападаютъ на церковь, нападаютъ на библію, на догматъ предопредѣленія и пр. Въ первое время такіе пропагандисты не разъ подвергались серьезной опасности; частенько простосердечные слушатели, недовольные ихъ рѣчами, кидали въ нихъ грязью, боксеры подбивали кулаками, а женщины провожали оскорбленіями. Не одинъ разъ самая краснорѣчивая ораторша партіи секуляристовъ, г-жа Лоу, должна была прибѣгать къ защитѣ своего мужа и его друзей отъ угрожающихъ и оскорбительныхъ выходовъ раздраженныхъ слушателей. Но мало-по-малу секуляристы овладѣли позиціей и теперь вокругъ ихъ ораторовъ всегда собирается многочисленная толпа слушателей и они служатъ предметомъ преимущественнаго вниманія всего населенія. Иногда случается, что на одной и той же площади собирается нѣсколько различныхъ кучекъ. Каждая изъ нихъ слушаетъ особаго оратора, каждый ораторъ является представителемъ особой церкви. Вотъ здѣсь расположились методисты, подлѣ нихъ, подальше, ирландскіе католики, а еще дальше секуляристы. Отдѣльныя кучки не мѣшаютъ одна другой и каждая спокойно слушаетъ своего оратора. Но случается иногда, что мало талантливый проповѣдникъ наскучитъ своимъ слушателямъ, они, освиставъ его, бросаются къ той кучкѣ, откуда слышатся рукоплесканія и, увлекшись новымъ ораторомъ, дѣлаются его прозелитами и продолжаютъ ходить ужъ къ нему, а не къ прежнему своему наставнику. Самымъ большимъ успехомъ въ послѣднее время пользовались секуляристы.

Благодаря значительнымъ средствамъ, какими оно располагаетъ, *евангелическое христіанское общество*, имѣющее своимъ предсѣдателемъ лорда Шефтсбэри, посредствомъ широко развитой благотворительности всегда легко можетъ приобрѣтать и приобрѣтаетъ прозелитовъ. Во всѣхъ лондонскихъ кварталахъ находятся пекарни, гдѣ за дешевую цѣну или даже даромъ матери семействъ мо-

гутъ получать хлѣбъ для себя и своихъ дѣтей, но около пекарни всегда сидитъ проповѣдникъ, который не пропуститъ ни одного бѣдняка, чтобы не побесѣдовать съ нимъ о спасеніи его души, чтобы не рассказать ему объ адскихъ мукахъ, чтобы не пригласить его помолиться и пропѣть съ нимъ вмѣстѣ гимнъ или псаломъ. Кромѣ того каждое воскресенье и часто вечеромъ въ будніе дни въ пекарнѣ идетъ специальная церковная служба и каждая изъ благотворимыхъ непременно должна присутствовать на ней. Кто же не пожелаетъ молиться, тотъ лишается пособія. Точно также въ школахъ для оборвышей (ragged schools): если кто изъ дѣтей опоздаетъ на молитву или не явится на уроки библіи, того лишаютъ награды или совсѣмъ исключаютъ изъ школы.

Суровые методисты выступили съ религіозной пропагандой, преобразовавшись въ артистовъ. Они наняли театры, украсили сцену цвѣтами и увили колонны зеленью. Но вмѣсто Розамунды или Офелии на сценѣ появлялся мужчина, съ ногъ до головы одѣтый въ черное, взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ, съ приличными случаю жестами, онъ напоминалъ собравшейся публикѣ о спасеніи души, объ опасности, грозящей вѣрѣ. Ему рукоплескали, значить все обстояло благополучно. Секуляристы не отставали отъ методистовъ, и они нанимали театры, только не лондонскіе — они слишкомъ бѣдны для такой роскоши — а провинціальныя. Тамъ ихъ главнѣйшіе ораторы читали историческіе курсы или разсуждали о различныхъ научныхъ вопросахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ многіе профессора, и въ числѣ ихъ знаменитые Тиндаль и Гексли, желая разсѣять мракъ предрасудковъ, застѣвшій въ головахъ рабочихъ, точно также читали имъ популярныя лекціи по естественнымъ наукамъ. Свои чтенія секуляристы устраивали въ воскресенье, когда строгіе послѣдователи англиканства и другихъ исповѣданій, строго исполняющихъ воскресный день, считаютъ обязанностію ничего не дѣлать. Это произвело рѣшительный скандалъ въ средѣ консерваторовъ высокой и низкой церкви, которые, примѣнивъ какую-то легальную кляузу, успѣли подвести секуляристовъ подъ осужденіе. Чтобы продолжать свое дѣло, секуляристы, изъ

партіи реформистской лиги, рѣшились назвать свои бесѣды „религіозными рекреаціями“ (Recreative religionist). Съ этихъ поръ никто уже не смѣлъ ихъ трогать, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ глазахъ своей публики они явились нѣсколько въ комическомъ видѣ.

Лучше разумѣющая дѣло, главная сила арміи секуляристовъ, предводимая легистомъ Брадло, поняла, что для успѣшной борьбы прежде всего необходимо дѣлать дѣло въ своемъ собственномъ домѣ, въ этой сильнѣйшей крѣпости англичанъ. Въ центральной части Лондона они основали огромное зданіе *народной науки*; здѣсь профессора, хозяева въ своей собственной квартирѣ, преподають науки ученикамъ, которые въ тоже время ихъ товарищи по ассоціаціи; здѣсь, въ воскресенье, Брадло и его друзья трактуютъ, безъ всякаго опасенія, всѣ религіозные, политическіе и соціальные вопросы. Брадло еще молодъ, онъ высокъ ростомъ, нѣжнаго сложенія, взглядъ у него привѣтливый, голосъ звучный; онъ, по всей справедливости, долженъ считаться однимъ изъ величайшихъ ораторовъ Англіи и цѣлаго свѣта. Въ его рѣчи поперебѣнно звучитъ то самая пылкая страсть, то язвительная иронія; онъ волнуетъ свою аудиторію, которая отдается ему всѣмъ своимъ существомъ; то взрывы смѣха, то аплодисменты сопровождаютъ сначала и до конца его рѣчь; онъ прямо идетъ къ цѣли, называетъ вещи собственными именами, нападаетъ смѣло, рѣшительно; всѣ идолы въ его глазахъ имѣють равную цѣну: простой ли чурбанъ или изящно-размазанная фигура, одѣтая въ золото и драгоценные камни; онъ возстаетъ противъ всякаго идолопоклонства, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось. Если этотъ человекъ счумѣетъ себя сохранить чистымъ, если онъ не дастъ овладѣть собой тщеславію и останется простымъ и безъискусственнымъ, несмотря на безмѣрное удивленіе, какое онъ возбуждаетъ въ своихъ друзьяхъ и послѣдователяхъ (демократическая Англія имѣетъ право рассчитывать на такого человѣка, какъ онъ); если онъ не умретъ слишкомъ рано, этотъ человекъ, по всей вѣроятности, оставитъ глубокой слѣдъ въ исторіи своей страны.

По словамъ лорда Шэфтсбери, огромное большинство рабочаго

населенія Лондона и большихъ городовъ почти совсѣмъ перестало посѣщать церковную службу въ воскресенье; есть даже такіе приходы въ центрѣ Лондона, гдѣ въ церковь приходятъ только два человѣка изо ста. Чтобы помочь горю и возвратити бѣглецовъ, ретивые ханжи, которыхъ въ Англіи называютъ *шабашниками*, предложили возвратиться къ старинѣ и запретить въ воскресные дни всякія развлечения, т. е. чтобы никто не смѣлъ забавляться по своему вкусу, пѣть въ полное свое удовольствіе, ходить въ театры и пр. Дѣйствительно было время, когда въ воскресный день запрещались всякія, самыя невинныя развлечения и втеченіе всѣхъ двадцати четырехъ часовъ этого дня царствовала мрачная пуританская тишина. Но постепенно общественное мнѣніе вырывало уступки: сначала послѣ полудня стали открывать будто бы исключительно для религіозныхъ потребностей садъ Кью, Гэмptonъ-коуртъ; потомъ стали пускать гуляющихъ въ Риджентъ-паркъ, въ паркъ Викторія, гдѣ нѣмецкіе артисты играютъ оперныя увертюры, — вальсы, польки и вообще музыка для танцевъ остаются пока запрещенными; при этомъ постановлено, что публика можетъ слушать музыку, но только съ условіемъ скромнаго молчанія, приличнаго праздничному дню, не выражая ни знаковъ одобренія, ни знаковъ порицанія: права аплодировать въ воскресенье англичане до сей поры не добились.

Великимъ полемъ битвы между *шабашниками* и *лигерами воскресенья* явился Хрустальный дворецъ. Одни во что бы то ни стало хотѣли, чтобы дворецъ былъ запертъ въ воскресные дни; другіе, напротивъ, желали отдавать его въ этотъ день для потребностей народнаго образованія. Недавно еще дворецъ — частная собственность извѣстнаго числа акціонеровъ — конечно былъ открытъ для своихъ хозяевъ во всѣ дни недѣли; но ханжи, засѣдающіе въ совѣтѣ, нашли, что акціонеры даютъ худой примѣръ, прогуливаясь въ воскресенье въ своемъ собственномъ саду и въ этотъ день посѣщая свой собственный музей. Чтобы одержать побѣду въ общемъ собраніи, они скупили множество акцій и роздали ихъ *шабашникамъ*, съ условіемъ, чтобы тѣ подали голосъ за строгое поч-

тѣніе воскреснаго дня. И, въ самомъ дѣлѣ, сами акціонеры, огромнымъ большинствомъ, рѣшили не допускать въ Хрустальный дворецъ въ воскресенье не только публику, но и самихъ членовъ. На сторонѣ шабашниковъ было 35,000 акцій, противъ нихъ 9,000.

Лишенные Хрустальнаго дворца „лигеры воскресенья“, въ счастію, имѣли въ своемъ распоряженіи природу, парки, лѣса, морскіе берега; ихъ центральный совѣтъ обратился къ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ съ просьбою понизить плату за проѣздъ на треть или на четверть; компаніи не могли отказать, потому что ихъ собственный интересъ заключался въ принятіи предложенія: они пріобрѣтали тысячи новыхъ пассажировъ. Въ первое же воскресенье въ Гастингсъ поѣхало болѣе 15,000 пассажировъ. Они рѣшительно завладѣли городомъ: разсыпались по площадямъ, наполнили улицы, вездѣ устроили импровизированныя кафедры и, въ великой горести ортодоксальныхъ патеровъ, народъ массами бѣжалъ слушать живыя и страстныя рѣчи секуляристовъ, столь ненавистныхъ для защитниковъ привилегій оффиціальной церкви. Въ слѣдующее воскресенье секуляристы отправились въ другой городъ и во время выборнаго сезона переѣзжали съ мѣста на мѣсто, вездѣ вербуя себѣ приверженцевъ. Иногда, впрочемъ, „лигеры“ дѣлали поѣздки для собственнаго удовольствія, а не для пропаганды. Многие изъ большихъ сеньеровъ, ищущіе, можетъ статься, популярности, приглашали этихъ оскорбителей воскресенья провести время въ ихъ провинціальныхъ замкахъ. Подъ купами деревьевъ накрывался обѣденный столъ, а послѣ сытнаго обѣда молодые люди танцевали на мягкой муравѣ, играли въ разныя игры, импровизировали концерты, группировались около ораторовъ. Молодожь веселилась, забывая о воскресномъ днѣ и, безъ сомнѣнія, много выигрывала противъ строгихъ почитателей воскресенья, слоняющихся безцѣльно изъ угла въ уголъ, не зная, чѣмъ спастись отъ скуки и возсылая мольбу, чтобы на слѣдующее воскресенье была дурная погода, туманъ, дождь или буря—все не такъ будетъ грустно.

Этому очевидному прогрессу англійскаго общества, начинающему отрѣшаться отъ средневѣковыхъ предразсудковъ, соотвѣтствуетъ замѣтный прогрессъ его въ политическомъ и социальномъ отношеніяхъ. На массы повѣяла новая жизнь, въ нихъ возбудились надежды на лучшее будущее и они стали сплачиваться въ прочные союзы. Относительно англійскаго народа въ наукѣ и литературѣ существуетъ ошибочное мнѣніе, будто онъ въ своей исторіи шелъ особнякомъ отъ прочаго человечества, будто политическія и социальныя движенія на континентѣ почти или совѣтъ не отражались на Англии. Но факты говорятъ иное. Въ восемнадцатомъ столѣтіи и Англія имѣла своихъ энциклопедистовъ; произведенія Болингброка, Шэфтсбери и ихъ послѣдователей произвели на англійское общество такое же вліяніе, какое производили во Франціи творенія Вольтера, Руссо, д'Аламбера, Дидро, Гольбаха и др. И первая французская революція отразилась на Англии, гдѣ множество новаторовъ пытались, хотя и тщетно, насильственно двинуть англійское общество на путь философскаго прогресса; кое-гдѣ проявилось было замѣтное движеніе, но вскорѣ стихло, и въ то время, какъ Наполеонъ утвердилъ во Франціи свой военный деспотизмъ и старался уничтожить все, что пахло революціей, — въ Англии знаменитый Питтъ, скорѣе союзникъ, а не врагъ Наполеона, какимъ его считали — принималъ суровыя мѣры противъ прогрессивнаго движенія. Послѣ паденія французской имперіи, какъ во Франціи, такъ и въ Англии стали обращать болѣе вниманія на общественное мнѣніе страны и нѣсколько расширили свободу. Съ этихъ поръ духъ свободомыслія сталъ развиваться въ обѣихъ странахъ и сама либеральная буржуазія начала толковать о радикальныхъ реформахъ. Розыгралась буря 1848 года на европейскомъ континентѣ и заключилась въ Англии сильнымъ движеніемъ чартистовъ. Іюльскія и декабрскія событія во Франціи не прошли безслѣдно и для Англии; правда, въ большихъ городахъ Англии не лилась кровь; правительство не проявляло тамъ никакихъ жестокостей, оно не доходило до разстрѣливанія безоружныхъ гражданъ, но тѣмъ не менѣе буржуазныя стремленія одержали верхъ и начавшееся движеніе при-

остановилось. Революціонные дѣятели, оставленные своими послѣдователями, не желая доставить торжество своимъ противникомъ, пытавшимся посадить ихъ на скамью обвиняемыхъ, удалились изъ Англіи: кто уѣхалъ въ Австралію и въ Канаду, а кто и въ Соединенные штаты. Въ этихъ странахъ, на тысячи миль удаленныхъ отъ ихъ отечества, они не сидѣли сложа руки. Они познакомили нашихъ антиподовъ съ западно-европейскими прогрессивными идеями и тѣмъ много способствовали скорѣйшему введенію реформъ, улучшившихъ положеніе англійскихъ колоній. Но для самой Англіи эти люди были потеряны и дѣятельность ихъ тамъ ничѣмъ болѣе не обнаруживалась.

Но выросло новое поколѣніе людей; демократическая партія въ Англіи преобразовалась и явилась на поле дѣйствія, опираясь на огромную народную армію. Правда, ни въ кружкѣ Брадло, ни въ ланкашѣйрскихъ и йоркшѣйрскихъ кружкахъ, принадлежащихъ къ самымъ крайнимъ, нигдѣ не было упомянуто слово „республика;“ но дѣло вовсе не въ словѣ, въ особенности въ Англіи, странѣ дѣла по преимуществу. Великобританія считается монархіей, она имѣетъ палату пэровъ, но въ сущности она управляется олигархіей, понимаемой въ широкомъ значеніи этого слова. Ряды англійской олигархіи съ каждымъ годомъ расширяются болѣе и болѣе; въ нее постоянно входитъ демократическій элементъ, который и теперь уже начинаетъ пересиливать узкія олигархическія стремленія. Палата лордовъ съ каждымъ годомъ теряетъ инициативу, ей прежде принадлежавшую; она взяла привычку уступать во всемъ, искренно или посредствомъ компромисовъ, а еслибъ она не уступала, то дни ея давно бы ужъ были сочтены. Ирландскій билль особенно въ яркомъ свѣтѣ показалъ какъ слабость этой палаты, такъ и отношеніе къ ней общественнаго мнѣнія страны. Когда въ Англіи узнали о нерѣшительности палаты пэровъ, о желаніи ея сопротивляться принятію билля, на всѣхъ многочисленныхъ митингахъ, собиравшихся во всѣхъ углахъ Англіи, весьма категорически былъ поставленъ вопросъ: „къ чему существуетъ палата лордовъ — зачѣмъ она?“

Въ то же самое время палата общинъ, дѣйствительная предста-

вительница страны, съ каждымъ новыми выборами дѣлалась демократичнѣе. Замѣчательная вещь, въ палату, составленную послѣ изданія новаго выборнаго закона, вошли, за малыми исключеніями, тѣ же самые члены, которые засѣдали въ старой палатѣ, дѣйствующей до изданія новаго закона, но рѣчь ихъ дышетъ уже новыми принципами, она стала несравненно либеральнѣе: люди остались тѣ же, но умы измѣнились. Они вотировали почти безъ возраженій билль, дающій право женщинамъ подавать голосъ въ вопросахъ муниципальныхъ; они не противились понятію кѣрръ для дароваго и обязательнаго обученія; они отбросили, какъ ненужную ветошь, старую колониальную политику; они предоставили Канадѣ, Австраліи и Новой Зеландіи право управляться самимъ собою; они не побоялись даже нарушить принципъ собственности въ отношеніи телеграфныхъ компаній, они пошли на выкупъ желѣзныхъ дорогъ въ Ирландіи и Индіи, и въ обоихъ этихъ случаяхъ они поставили общественное благо выше традиціонныхъ предразсудковъ. Еще болѣе, устами Гладстона и Брайта они обѣщаютъ провести билль, которымъ ирландскіе земледѣльцы получаютъ право на обладаніе землями, ими воздѣланными и удобренными.

Вмѣстѣ съ этимъ палата пошла на уступки по рабочему вопросу. Рабочіе союзы (trades-unions) она признала полезными общественными учрежденіями и приняла временной билль, которымъ гарантировала ихъ капиталы отъ всякаго захвата втѣченіи нынѣшняго года (До сихъ поръ эти союзы стояли внѣ закона и кассиръ общества, стянувшій кассу, не могъ быть судимъ великобританскими судами). Сверхъ того правительство обѣщало представить окончательный билль, признающій легальнымъ существованіе рабочихъ союзовъ. Вышее общество не захотѣло отстать отъ палаты и бароны, герцоги и герцогини составили комитетъ, на который возложили обязанность приглашать послѣдовательно однихъ за другими всѣхъ рабочихъ, членовъ лиги реформы, и ихъ семейства и принимать ихъ въ особо-отведенныхъ на эти случаи большихъ зданійхъ. Многіе члены парламента и лорды-жеры нѣкоторыхъ горо-

довъ участвовали на митингахъ рабочихъ и были избираемы въ президенты этихъ собраній.

Это сближеніе высшихъ классовъ англійскаго населенія съ рабочими даетъ право рассчитывать на скорое принятіе палатой общинъ мѣръ къ улучшенію быта этого класса и къ уничтоженію ужасной нищеты, развѣдающей населеніе большихъ городовъ Великобританіи, принужденное искать убѣжища даже въ такихъ ужасныхъ мѣстахъ, какъ рабочіе дома (workhouse). Рабочіе дома, которые по мысли ихъ основателей, должны были представлять собою національныя мастерскія, съ теченіемъ времени обратились въ настоящія тюрьмы, болѣе тягостныя, чѣмъ тюрьмы оффиціальныя. Въ нихъ заперто около милліона мужчинъ и женщинъ. Въ одномъ только Лондонѣ болѣе 125 тысячъ несчастныхъ томится въ этихъ зловонныхъ ямахъ, откуда нѣтъ почти возврата. Слово workhouse дѣйствуетъ потрясающимъ образомъ на англичанина, съ рабочимъ домою онъ связываетъ мысль о самомъ безотрадномъ существованіи; тысячи людей, которые могли бы остаться честными, рѣшаются жить воровствомъ; тысячи женщинъ, которыя могли бы остаться чистыми, соглашаются жить проституціей скорѣе, чѣмъ идти искать убѣжища подъ крышей рабочаго дома—этой тюрьмы, устроенной богатыми для бѣдныхъ.

Припомнимъ извѣстную печальную исторію Дегана и его семейства. Всѣхъ ихъ было восемь человѣкъ: мужъ и жена, нѣжно любившіе другъ друга, и шестеро дѣтей, трое мальчиковъ и трое дѣвочекъ. Родители дали дѣтямъ тщательное воспитаніе, сдѣлали ихъ добрыми, честными, опрятными, счумѣли поставить ихъ въ дружескія братскія отношенія между собою. Это многочисленное семейство жило ничтожнымъ поденнымъ заработкомъ мужа, да жена, время отъ времени, получала по нѣскольку копѣекъ за услугу въ сосѣднихъ домахъ. Но Деганъ заболѣлъ и вскорѣ понялъ, что болѣзнь его смертельна. У него развилась чахотка. Хозяинъ замѣтилъ это и поспѣшилъ рассчитать его. Бѣдняга пытался отыскать другое занятіе, но нигдѣ не находилъ. Что дѣлать? Что станется съ его семействомъ, когда онъ умретъ, а жена его должна будетъ искать пріюта въ какомъ нибудь заведеніи для нищихъ? Ихъ по-

ложеиіе будетъ ужасно, ужаснѣе всякаго описанія. И вотъ онъ и жена его рѣшились избавить любимыхъ дѣтей отъ мрачнаго будущаго. Дѣти, пока еще счастливыя, не должны были знать объ этомъ страшномъ рѣшеніи. Въ одинъ хорошій вечеръ родители повели ихъ на мостъ черезъ Темзу, чтобы оттуда показать имъ великолѣпіе Лондона, корабли, нагруженные богатствами, воду, быстро бѣгущую къ морю, и величественный закатъ солнца. Возвратясь домой, дѣтей уложили спать. Ночью, родители, не разбудивъ дѣтей, влили имъ въ ротъ быстро дѣйствующій ядъ и въ остальную часть ночи обмыли тѣла бѣдныхъ погибшихъ малютокъ, одѣли ихъ и положили рядкомъ. Окончивъ это дѣло, мать, въ свою очередь, покончила съ собой, а за нею и несчастный отецъ выпилъ остатокъ яда. Конечно судъ и пресса слишкомъ быстро и легко произнесли свое сужденіе по этому дѣлу, они характеризовали его словомъ „временное помѣшательство.“ Между тѣмъ Дегана можно было упрекать во всемъ, но только ужъ никакъ не въ отсутствіи здраваго смысла.

Одинъ англійскій журналистъ, передавая рассказъ о смерти Дегана, заключилъ его такими словами: „нѣкогда убивали слабыхъ, теперь они оказываютъ намъ услугу, убивая себя сами.“

Смерть Дегана, послужившая великимъ укоромъ обществу, среди котораго могло случиться такое трагическое событіе, какъ нельзя лучше показала англійскимъ рабочимъ слабость ихъ одиночныхъ усилій въ этой борьбѣ за существованіе и лучше всякихъ теорій указала имъ пользу и значеніе ассоціаціи, дружнаго сплоченія ихъ интересовъ.

Кстати, католическіе епископы, въ глубинѣ души очень недовольные уничтоженіемъ владычества англиканской церкви на ихъ островѣ, протестуютъ противъ предположенія открыть дублинскій университетъ для всѣхъ молодыхъ людей безъ различія вѣроиспо-

вѣданій. Они хотятъ, чтобы Англія на свои деньги устроила имъ университетъ исключительно католическій. Господа ирландскіе епископы, еслибъ вы знали, какое удовольствіе доставили вы намъ своею выходкой.

Французскій императоръ болѣнъ. Ослабленіе его организма совпало съ разрушеніемъ политическаго зданія, надъ которымъ онъ и его преданные слуги работали восемнадцать лѣтъ. Зданіе поправить еще можно, хотя за него придется взяться другимъ архитекторамъ, что же касается до организма, то тутъ ужъ никакіе архитекторы не помогутъ. Втеченіи двадцати дней силы больного постепенно ослабѣвали, что произвело страшный переполохъ въ средѣ постоянныхъ посѣтителей Тюльери, однакожь послѣ трехнедѣльнаго кризиса здоровье императора возстановилось и организмъ его укрѣпился. Тѣмъ не менѣе медики опасаются возвращенія болѣзни и въ такомъ случаѣ не ручаются за жизнь, которая, можетъ быть, протянется четыре, пять и ни коимъ образомъ не болѣе шести мѣсяцевъ. По ихъ словамъ, физическая болѣзнь императора усложняется моральнымъ потрясеніемъ, умственныя способности его находятся въ не совсѣмъ нормальномъ положеніи, мысли путаются. При такихъ извѣстіяхъ успокоившіеся было приверженцы бонапартовскаго режима и мастера второй имперіи повѣсили носы и потеряли голову. А давно ли они такъ надменно носили ее, давно ли они сулили Франціи всѣ блага міра, если она довѣрчиво отдастъ свои судьбы въ руки второй имперіи. Да, они увидѣли теперь, что Францію нельзя уже поймать красивыми фразами, что прошли тѣ времена, когда разные Фаллу, Тьеры, Дюпены и Монталамберы могли увлечь за собой довѣрчивыхъ простаковъ, дорого заплатившихъ за свое увлеченіе; что Франція помнитъ декабрскіе дни, помнитъ выстрѣлы артиллеріи, сабли драгунъ, помнитъ кровь и убій-

ства, опозорившія ея исторію. — Они поняли шаткость своего положенія и дрожатъ теперь за свою будущность. Да и какъ не дрожать? Ихъ же газета еще такъ недавно разразилась такой изумительной тирадой:

„Тридцать восемь милліоновъ французовъ тѣсно и неразрывно связаны съ этимъ человѣкомъ (Наполеономъ III) и его сыномъ... Франціи нечего заботиться о составленіи, дополненіи и передѣлываніи своей конституціи, достаточно ей знать, что эти два человѣка чувствуютъ себя хорошо!..“

Ну, а если они почувствуютъ себя душно? Если одинъ изъ нихъ умретъ? — Что тогда? Но такіе вопросы, конечно, не приходили въ голову официальнаго публициста и онъ не далъ на нихъ никакого отвѣта.

Не приходили они въ голову и никому изъ героевъ государственнаго переворота. А теперь по неволѣ приходится давать на нихъ отвѣтъ. Сила событій неотразима. Ударъ для нихъ непредвидѣнный — хотя всякій разумный человѣкъ всегда могъ предвидѣть его — разразился и они волей-неволей должны дать отвѣтъ.

И они дадутъ его, дадутъ робко, нерѣшительно, какъ люди въ себѣ неувѣренные. Въ Сен-Клу, въ Тюльери, въ сенатѣ, въ министерствахъ, — вездѣ составляются планы, пишется куча проектовъ. Одни хотятъ, чтобы императоръ отрекся отъ престола, когда сыну его исполнится четырнадцать лѣтъ, т. е. черезъ шесть мѣсяцевъ, и назвался бы регентомъ; другіе же — и такихъ болѣе большинство — боятся, что машина ужь слишкомъ испорчена и пожалуй перестанетъ дѣйствовать ранѣе этого времени... Партія императрицы сильно возбуждена, также какъ и партія Плон-плон. Оба кандидата на регенство и теперь уже смотрятъ одинъ на другого подозрительными глазами, что же будетъ послѣ? Друзья принца Наполеона не стѣсняются высказывать вслухъ свою затаенную мысль. Они говорятъ то, что другія партіи — республиканцы, орлеанисты, легитимисты, бонапартисты — думаютъ: „развѣ нельзя измѣнить завѣщанія, развѣ мы обязаны исполнять его?“ — Все это такъ, но кто же, кромѣ личныхъ друзей принца Плон-плонъ станетъ беспокоиться

о его судьбѣ, гдѣ та партія, которая пойдетъ за нимъ? Не одни друзья принца, а вся Франція не чувствуетъ особеннаго расположенія къ императрицѣ и она не настолько наивна, чтобы серьезно признавать маленькаго императорскаго принца за будущаго распорядителя своихъ судебъ.

Передѣлка конституціи совершена сенатомъ посреди совершеннѣйшаго равнодушія публики. Одинъ изъ сенаторовъ, по простотѣ душевной, сказалъ такіа замѣчательныя слова: „Сегодняшнее чрезмѣрное развитіе либерализма не измѣняетъ ничего во вчерашней автократіи... Императоръ былъ владыкой и остается имъ (исключая того времени, когда онъ лежитъ въ обморокѣ на своей кровати). Императоръ, имѣя въ своемъ распоряженіи нашихъ вѣрныхъ солдатъ, слишкомъ силенъ для того, чтобы поддержать свои права и уничтожить всѣхъ несговорчивыхъ, неумолимыхъ и непримиримыхъ... Наши солдаты сьумѣютъ исполнить свой долгъ, несмотря на то, что нѣкоторые господа, называющіе себя друзьями (Плонъ-плонъ) императора, его сына и даже императрицы, волнуютъ и мечтаютъ совратить ихъ съ пути преданности...“ Мы вполне соглашаемся съ вами, господинъ сенаторъ, получающій тридцать тысячъ франковъ жалованья, что сегодняшняя конституція осталась той же, какой была вчера; она неспособна къ усовершенствованію, такъ какъ она родилась совершенной въ своемъ родѣ. Ее невозможно улучшить; надобно брать имперію втораго декабря за то, что она есть, а есть она то, чѣмъ была всегда.

Темное небо стоитъ надъ Франціей. Надъ Парижемъ скопились густыя облака; въ ихъ темной массѣ носятся громы и молніи, трескъ и градъ.

На обѣихъ сторонахъ Атлантическаго океана множество толковъ возбудила послѣдняя статья автора романа „Жизина дяди Тома“. Толки продолжались чуть не цѣлый мѣсяцъ. Г-жа Бичеръ-Стой

опубликовала тайны, повѣренныя ей леди Байронъ; оказывается, что будто бы ссора между авторомъ Манфреда и его женой произошла оттого, что великій англійскій поэтъ чувствовалъ незаконную любовь къ одной слишкомъ близкой къ себѣ особѣ. Англійская и американская пресса одинаково пришли въ сильное волненіе. По строгому обсужденіи фактовъ, сплетня оказывается мало вѣроятною и слишкомъ походить на бредъ разстроеннаго воображенія; но еслибъ даже этотъ романъ существовалъ въ дѣйствительности—теплѣе или холоднѣе намъ отъ этого?

Замѣчательная новость. Въ Индіи, колыбели религій, въ нынѣшнемъ году не нашлось достаточнаго количества фанатиковъ, готовыхъ везти на себѣ колесницу Браммы, и эта ужасная повозка осталась на полѣ, завязнувъ въ землѣ.

Жакъ Лефрэнъ.

ЧТО ДѢЛАЮТЪ И ЧТО МОГУТЪ ДѢЛАТЬ ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ОБЩЕСТВА И ИХЪ ИЗДАНІЯ.

Прошло уже восемь лѣтъ съ того рокового дня, какъ состоялся высочайшій указъ о приведеніи въ дѣйствіе крестьянской реформы. Въ этотъ значительный промежутокъ времени, какъ говорится, много утекло воды. Хозяйства ех-помѣщиковъ пошатнулись отъ даннаго имъ реформою толчка; нѣкоторые изъ нихъ устояли, благодаря помощи запасныхъ матеріальныхъ средствъ и держатся до поры до времени болѣе или менѣе крѣпко; другіе рухнули всею своею неуклюжею тяжестію вслѣдствіе разрушенія барщиннаго фундамента; наконецъ большая часть хозяйствъ еще шатается и не можетъ прійти въ равновѣсіе, не зная, гдѣ отыскать точку опоры, чтобъ избѣгнуть конечнаго паденія.

Крестьянская реформа 1861 года произвела сельско-хозяйственный кризисъ; кризисъ требуетъ безусловно и неотлагаемо усиленія и измѣненія дѣятельности всѣхъ передовыхъ силъ и въ особенности силы, заключающейся въ экономическихъ обществахъ и могущей сдѣлаться громадною при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, на которыя мы рѣшились обратить вниманіе въ настоящей статьѣ.

Г. Вешняковъ въ «Обзорѣ сельско-хозяйственныхъ учрежденій Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи и Италіи» говоритъ, что «если правительства принимаютъ на себя заботу о развитіи и огражденіи хозяйственныхъ интересовъ народа съ пожертвованіемъ извѣстной доли государственныхъ доходовъ и если въ этихъ пожертвованіяхъ участвуютъ въ нѣкоторой степени и самыя мѣстныя земскія учрежденія, то тѣмъ не менѣе главными и наиболѣе дѣятельными двигателями сельскаго хозяйства являются во всѣхъ странахъ частныя агрономическія общества».

Слѣдовательно, чтобъ переломъ нашей устарѣлой сельско-хозяйственной болѣзни привелъ къ утѣшительному исходу, между прочими условіями *sine qua non*, дѣятельность экономическихъ нашихъ обществъ должна удесяттериться и измѣнить свое направленіе, оказавшееся по вѣковому опыту несостоятельнымъ, въ согласіи съ современными потребностями нашихъ потрясенныхъ въ основаніи земледѣльческихъ хозяйствъ.

При совершенномъ почти отсутствіи не только между крестьянами, но и въ средѣ образованныхъ землевладѣльцевъ, сельско-хозяйственныхъ знаній, мы ждемъ въ настоящее время отъ экономическихъ обществъ свѣта и разума, а отъ періодическихъ изданій ихъ практическихъ указаній къ измѣненію того порядка, который былъ созданъ крѣпостнымъ правомъ. Руководящія свѣденія, необходимыя для насъ въ настоящую трудную пору, должны касаться главнымъ образомъ основъ современныхъ хозяйственныхъ преобразованій и улучшеній, — перестройки фундамента, разрушеннаго крестьянскою реформою, который нужно воздвигнуть изъ праха въ новомъ, твердомъ и лучшемъ видѣ для возведенія на немъ новаго зданія; не нужны намъ тѣ мелочныя подробности, конечно, не лишнія при исполненіи существеннаго, но несоставляющія пока главныхъ условій жизни нашихъ хозяйствъ, — между тѣмъ этимъ-то мелочами и занимаются преимущественно наши общества и ихъ періодическія изданія, упуская изъ вида предметы первой необходимости.

Если бы кто нибудь серьезно задался вопросомъ: для чего и для кого существуютъ наши сельско-хозяйственныя общества и во главѣ ихъ Вольное Экономическое—для собственнаго удовольствія членовъ или для пользы и блага того народа, на счетъ котораго они существуютъ? — то на подобный вопросъ не легко было бы отвѣчать. Земледѣльческое сословіе, потребностямъ котораго они прежде всего должны были бы удовлетворять, не только не сочувствуетъ имъ, но и не ожидаетъ отъ нихъ ничего. Рутиннаго нашего сельскаго хозяйства продолжаетъ идти своимъ заведеннымъ изъ вѣка въ вѣкъ порядкомъ, и этотъ порядокъ какъ будто нисколько не касается обществъ и общества не оказываетъ на него ни малѣйшаго вліянія. Это каждый изъ насъ видитъ, каждый знаетъ, и все-таки дѣло остается безъ всякаго измѣненія, даже безъ всякаго желанія измѣнить его. Всматриваясь въ это явленіе нашей жизни, мы убѣждаемся, что во всевозможныхъ нашихъ обществахъ—Географическихъ, Техническихъ, Экономическихъ—ничего нѣтъ об-

щественнаго въ собственномъ значеніи этого слова; что это тѣ же канцеляріи, которыя вовсе не претендуютъ на общественную дѣятельность, съ тѣмъ же бюрократическимъ механизмомъ, отъ котораго мы не въ правѣ требовать ни знанія жизни, ни прогрессивнаго направленія ея. Отчасти это сознаютъ и сами общества; по крайней мѣрѣ, они по временамъ напоминаютъ о себѣ тѣмъ, что сами себя защищаютъ отъ упрековъ въ своей дѣятельности.

Такъ мы читаемъ курьезную тираду въ журналѣ, издаваемомъ Вольнымъ Экономическимъ обществомъ подъ названіемъ «Труды», тираду, защищающую будто бы важныя заслуги всѣхъ экономическихъ обществъ Россіи.

Вотъ эта курьезная тирада:

«Какую силу имѣютъ сельско-хозяйственныя общества и какъ онѣ поэтому (?) разрослись почти во всѣхъ государствахъ Европы, мы знаемъ это изъ второй статьи разбора книги г. Вешнякова, помѣщенной въ этомъ же выпускѣ «Трудовъ». (Sic! составитель апологін даже не потрудился прочесть самаго сочиненія, а удовольствовался рецензіей г. Астаурова). Чтобы у насъ могло быть что нибудь похожее, надоно, чтобы агрономическія общества занимались (Почему же не занимаются?) разработкой вопросовъ, близкихъ къ интересамъ) русскаго хозяйства. А какъ знать обществамъ самыя насущныя потребности русскаго хозяйства, когда не будетъ никакого единенія между земскими собраніями и обществами? (Вотъ что! А нѣсколько сотъ членовъ для чего красуются въ спискахъ обществъ?) Послѣднія и по уставу, и по характеру должны имѣть преимущественно направленіе научное (?). Земскія же собранія стоятъ на почвѣ опыта, среди жизни народа. Первыхъ обязанность—слѣдить за наукою (и только?); долгъ вторыхъ—изучать мѣстныя нужды и потребности; а это дѣло, разбиваясь на множество мелочей, можетъ поглотить все время благороднаго дѣятеля (?!!!), между тѣмъ прямое назначеніе агрономическихъ обществъ—разрабатывать вопросы, подлежащіе ихъ вѣденію (а вопросъ о хозяйственныхъ нуждахъ развѣ не подлежит ихъ вѣденію?). Понятно поэтому, какая сила могла бы возникнуть изъ сближенія науки съ опытомъ (100 лѣтъ за немѣннимъ земскихъ собраній невозможно было, по мнѣнію автора, сблизить науку съ опытомъ, а потому общества мало и дѣлали!) Если у насъ любятъ относиться холодно и съ сомнѣніемъ въ полезности къ дѣятельности сельско-хозяйственныхъ обществъ, то вина здѣсь лежитъ не въ обществахъ, а въ самой средѣ ихъ окружающей».

(А кто, смотри дальше!) Намъ еще никогда не доводилось слышать, что напр. Вольное Экономическое общество отнеслось холодно къ какому нибудь, даже и небольшой важности, обращенію не только цѣлаго собранія» (земскаго? Желательно бы знать, много ли было этихъ обращеній?), но даже и отдѣльнаго лица, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ случаевъ, гдѣ ясно обнаруживалась исключительно личная выгода, а не общее благо (отчего и для личной выгоды не оказать содѣйствія, если это не будетъ въ ущербъ общему благу?). Нѣтъ, наши хозяева хотятъ, чтобы у сельско-хозяйственныхъ обществъ было нѣчто въ родѣ чутья, даже предвѣденія. (Едва ли они этого хотятъ, разумѣя, что и безъ чутья у обществъ есть средства имѣть всѣ необходимыя свѣденія); но вызвать на дѣло общество къ чему нибудь существенно-полезному для нихъ же самихъ, большинство не имѣетъ никакой охоты; меньшинство вызывало, а общества ничего не дѣлали), а отъ этого и выходитъ, что иногда и самая усердная дѣятельность бываетъ невпопадъ (такъ оправдывать себя можетъ только одно лицо, а не общество, состоящее изъ многихъ сотенъ членовъ!) По нашему мнѣнію такой разладъ представителей опыта съ людьми науки (?) происходитъ главнымъ образомъ оттого, что у насъ еще нѣтъ или очень мало вѣры въ науку (развѣ наукѣ нужна вѣра?)... Но какъ ни мало среди нашихъ хозяевъ довѣрія къ сельско-хозяйственнымъ обществамъ, оно все-таки есть. Къ этимъ обществамъ сельско-хозяйственная публика успѣла немного попривыкнуть (И то хорошо, что немного!), можетъ быть потому, что нѣкоторыя общества существуютъ уже долгое время» (чего же лучше).

Въ этой, нѣсколько туманно-изложенной филиппикѣ, сочиненной, вѣроятно, г. редакторомъ журнала Вольнаго Экономическаго общества, сверхъ ошибочности въ цѣломъ, заключаются два важныхъ пункта, которые необходимо было подкрѣпить болѣе убѣдительными доводами, а не выдавать голословно за истину произведенія розыгравшагося воображенія. Первый пунктъ, что экономическія общества суть общества ученыхъ; второй,— что если сельскіе хозяева относятся холодно къ дѣятельности экономическихъ обществъ, то въ этомъ вина самихъ хозяевъ, которые не вызываютъ общества на полезную дѣятельность.

Утверждая, что сельско-хозяйственныя общества суть общества ученыхъ, и что члены ихъ суть люди науки преимущественно, защитникъ высказалъ такую нелѣпость, что ее съ трудомъ можно принять въ серьезномъ смыслѣ. Но сознавая, что журналъ «Труды

Вольнаго Экономическаго общества» есть органъ, проводящій въ публлку убѣжденія п вообще всѣ результаты дѣятельности многочисленныхъ членовъ этого общества, и что онъ слѣдовательно не подходитъ по назначенію своему къ такимъ изданіямъ, въ которыхъ позволительно употребленіе газетныхъ утокъ или остротъ на подобіе издѣлій «Занозы», «Весельчака» и тому подобныхъ увеселительныхъ листковъ, мы считаемъ долгомъ обратить на это мнѣніе вниманіе самого Вольнаго Экономическаго общества или лучше тѣхъ членовъ его, которые могутъ имѣть вліяніе на направленіе дѣятельности общества.

Мы не думаемъ, чтобы между членами не было людей, которые бы сознавали истинное назначеніе общества, основаннаго назадь тому сто лѣтъ. Въ рескриптѣ основательницы его Екатерины II ясно говорится, что цѣль этого общества заключается въ «исправленіи земледѣлія и домостроительства», слѣдоват. не въ однихъ ученыхъ трудахъ, но и въ практической разработкѣ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. Можно указать безчисленное множество даже такихъ случаевъ въ сельско хозяйственной практикѣ, гдѣ наука или совѣтъ не нужна, или пока при настоящемъ ея развитіи безсильна. Такимъ образомъ, конечно, гораздо вѣрнѣе заключить, что для исполненія своего назначенія, для успѣха въ трудахъ своихъ, экономическія общества въ равной степени имѣютъ нужду какъ въ людяхъ науки, такъ и въ людяхъ опыта, ибо послѣдніе проводятъ въ практику всѣ результаты ученыхъ трудовъ первыхъ; Л. де-Лавернь въ своей «Economie rurale d'Angleterre etc.» говоритъ: «Если практика, желающая обойтись безъ теоріи, жалка, то и теорія безъ практики никуда не годится». Поэтому, мысль апологета касательно разверстанія ученыхъ и практическихъ дѣятелей,—первыхъ къ экономическимъ обществамъ, вторыхъ къ земству, должна показаться дикою и неотвѣчающею потребностямъ обонихъ учреждений.

Этотъ приведенный нами примѣръ относится къ дѣламъ давно минувшихъ дней. Возьмемъ изъ новѣйшей исторіи и укажемъ на главу 1-го, высочайше утвержденнаго въ 28 день прошлаго іюня, 1868 года, Устава Императорскаго Казанскаго Экономическаго общества, гдѣ прямою цѣлю учрежденія постановлено: содѣйствовать развитію сельско-хозяйственной и мануфактурной промышленности, для чего назначать совѣщанія и бесѣды о предметахъ, относящихся до сельскаго хозяйства и промышленности и до наукъ, находящихся съ ними въ тѣсной связи (науки здѣсь поставлены

на задній планъ, какъ и должно быть), распространять различными мѣрами теоретическія и практическія свѣденія и т. д. Конечно, при распространеніи практическихъ свѣденій, общество Казанское имѣеть въ виду, что одна часть членовъ его будутъ люди науки, другая будетъ состоять изъ лицъ знакомыхъ не только съ сельско-хозяйственной практикой, но и съ положеніемъ дѣлъ въ той мѣстности, для которой общество учреждено, а слѣдовательно и со всѣми потребностями въ улучшеніяхъ сельскаго хозяйства и промышленности, необходимыхъ и возможныхъ, судя по времени и мѣсту. И только при совокупной и дружной дѣятельности людей теоріи и практики всякое экономическое общество можетъ выполнять свое назначеніе. Но если бы мы даже и согласились съ тѣмъ, что сельско-хозяйственныя общества обязаны преимущественно слѣдить за наукою, то гдѣ же результаты ученыхъ трудовъ ихъ членовъ? Можетъ быть впрочемъ, что защитникъ здѣсь разумѣлъ буквально, то есть что общества въ отношеніи науки обязаны только слѣдить за тѣмъ, что дѣлають другіе; оно, кажется, такъ и было на дѣлѣ. Когда рѣшилось Вольное Экономическое Общество приняться за ученый трудъ испытанія искусственныхъ удобреній, подъ руководствомъ ученаго профессора химіи, то на первыхъ же порахъ доказало de facto, что кромѣ знанія теоретической химіи, нужны знаніе земледѣльческой химіи и опытность въ практическомъ земледѣліи,—это мы доказывали въ нашей статьѣ «Земл. Газета» 1868 года № 3, оставшейся безъ отзыва со стороны общества. Далѣе, если бы Вольное Экономическое общество имѣло единственной цѣлью разработку однихъ научныхъ свѣденій по части сельскаго хозяйства и промышленности, то и журналъ его не трактовалъ бы никогда о чисто-практическихъ вопросахъ, да и члены общества, всѣ безъ исключенія, должны были бы избираться только изъ лицъ, принадлежащихъ къ ученому сословію. Между тѣмъ мы видимъ, что журналъ «Труды Вольнаго Экономическаго Общества» преимущественно наполненъ статейками практическаго содержанія, а въ спискѣ членовъ и корреспондентовъ общества находимъ много лицъ даже изъ крестьянскаго сословія, едва ли знакомыхъ въ большинствѣ случаевъ съ элементарными предметами общаго образованія, кромѣ русской грамоты, т. е. чтенія и письма. Спрашивается, какую роль эти послѣднія лица могутъ играть въ дѣлѣ людей науки?

Итакъ первое положеніе апологіи окончательно нужно признать ошибочнымъ. Его впрочемъ опровергаетъ далѣе самъ авторъ, ука-

зывая агрономическимъ обществамъ на занятія вопросами, близкими къ интересамъ русскаго хозяйства, по невниманію къ которымъ до сего времени, онѣ, даже при вѣковомъ существованіи, не достигли той силы, какую имѣютъ заграничныя общества.

Въ отношеніи занятій вопросами, близкими къ интересу русскаго хозяйства, мы съ удовольствіемъ соглашаемся съ мнѣніемъ автора, которое и признаемъ правильнымъ, сожалья только о томъ, что эта мысль не проявилась въ средѣ общества нѣсколько ранѣ явленія апологіи. Дѣйствительно, если бы наши общества соображали настоящія потребностивсѣхъ частей нашего обширнаго отечества; если бы они стремились и съ своей стороны, подавать помощь въ перестройкѣ и въ улучшеніи того, въ чемъ настоятъ крайняя нужда, если бы, наконецъ, настойчиво и логически преслѣдовали свои разумныя начинанія, вызванныя дѣйствительными хозяйственными потребностями, и неуклонно добивались бы благодѣтельныхъ результатовъ, устраняя встрѣчающіяся при исполненіи плановъ препятствія, то, конечно, г. редактору „Трудовъ“ не представилось бы повода завидовать популярности и распространенію вліянія заграничныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ.

Что же касается связи земства съ экономическими обществами, то она непремѣнно требуется въ интересахъ преуспѣянія народнаго хозяйства и нужно надѣяться, что союзъ этотъ осуществится и будетъ крѣпкимъ и плодотворнымъ по своимъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ. Только при этомъ намъ кажется, что обществамъ нельзя возлагать великихъ надеждъ на то, что земскія учрежденія могутъ образовать изъ себя нѣчто въ родѣ клюки для хромого, или руководителя для слѣпого. Извѣстно, что у земства, кромѣ нѣкоторыхъ обязанностей относительно развитія земледѣлія и промышленности, есть много столько же важныхъ другихъ заботъ; между тѣмъ, какъ экономическія общества имѣютъ хозяйственный прогрессъ своей единственной цѣлью и только тогда имѣютъ какой нибудь общественный смыслъ, когда удовлетворяютъ этой цѣли. Въ противномъ случаѣ, распределеніе занятій земства и обществъ будетъ походить на слѣдующій случай: земство обязывается добыть муки, масла, соли и дрожжей, смѣшать всѣ эти вещества въ должной пропорціи, истопить печь своими дровами и затѣмъ уже обратиться къ сельско-хозяйственному обществу съ покорнѣйшей просьбой—слѣдить научно затѣмъ, какъ земство будетъ загребать жаръ своими руками, ставить хлѣбъ и, наконецъ, какъ оно будетъ раздавать хлѣбъ нуждающимся и по сколь-

ну, пользуясь при этомъ указаніями ученыхъ членовъ экономическаго общества. Нѣтъ спора, что при подобныхъ трудахъ обществъ, занятія ихъ членовъ не могутъ быть утомительными и не поглощаютъ всего времени благороднаго дѣятеля, какъ выразился г. редакторъ; но не того слѣдуетъ желать людямъ, понимающимъ дѣйствительные интересы русскаго общества.

Обратимся теперь къ прошлому и посмотримъ, много ли шаговъ сдѣлало наше сельское хозяйство со времени основанія перваго нашего экономическаго общества и далеко ли оно ушло въ своемъ прогрессивномъ движеніи? Для разрѣшенія этого вопроса приведемъ нѣсколько правдивыхъ словъ изъ статьи «Въ земледѣліи ли наша сила», помѣщенной въ № 2 журнала «Дѣло» за 1866 годъ. Авторъ этой статьи говоритъ:

«Въ удѣльный періодъ у насъ явилось удобреніе земли навозомъ. Конечно, шагъ впередъ на пути земледѣльческаго прогресса; но обратите вниманіе хотя на тѣ мѣстности, которыя прилегаютъ къ желѣзнымъ дорогамъ, всмотритесь въ ихъ земледѣліе хоть изъ оконъ вагона и вы увидите вотъ что. Крестьянинъ пахать сохой, перевязанной мычками да веревкой; желѣзная борона рѣдкость; уровень поля въ своемъ первобытномъ состояніи; гдѣ были мочевники, тамъ они остались до сихъ поръ, гдѣ застаивались лужи, тамъ застаиваются онѣ и нынче, гдѣ прежде валялись каменья, тамъ они и теперь. Удобреніе навозомъ, этотъ внѣшній признакъ втораго періода развитія земледѣлія, дѣлаетъ видъ русскаго поля еще печальнѣе. Кое гдѣ разставленнымъ микроскопическимъ кучкамъ навоза, сухого, какъ пыль, больше похожимъ на муравейныя кучи, русскій земледѣлецъ придаетъ всемогущее значеніе, нисколько и до сихъ поръ не подозрѣвая, что услуга, оказываемая этой навозной пылью его полю, не стоитъ хлопотъ и труда на его собираніе и вывозку. Приведите факты, которыми бы доказывалось, что русскій земледѣлецъ понимаетъ нынче лучше явленія природы, вліяющія вредно или полезно на успѣхъ его земледѣльческихъ трудовъ, что русскій человекъ научился бороться съ природой и побѣждать ее и что онъ превратилъ ее изъ господина въ покорнаго слугу. Если вы это докажете, то докажете и то, что наше земледѣліе уже выросло изъ того періода развитія, въ которомъ оно находилось въ удѣльный періодъ. А этого доказать невозможно».

Конечно, нарисованная авторомъ картина не особенно улыбается и не много говоритъ въ пользу столѣтнихъ трудовъ всѣхъ нашихъ

экономическихъ обществъ; но нельзя не согласиться, что въ ней отражается вѣрно, какъ въ зеркалѣ, образъ нашего настоящаго земледѣльческаго хозяйства.

Что касается второго пункта защитительной рѣчи, т. е. жалобы на то, что сельскіе хозяева не вызываютъ обществъ на полезную для самихъ же хозяевъ дѣятельность, то несправедливость жалобы такъ ясна, что легко опровергается нѣсколькими словами.

Очень естественна и всякому извѣстна истина, которой мы выучиваемся на школьной скамьѣ, что не ученикъ задаетъ уроки учителю, а наоборотъ, — и слѣдовательно не передовые люди и общества имѣютъ право требовать отъ темныхъ людей, земледѣльцевъ, указаній для ихъ полезной дѣятельности, — а наоборотъ. Даже и не при такой жалкой умственной культурѣ, какъ наша, простой сельскій хозяинъ не обращается съ своими совѣтами и наставленіями къ представителямъ агрономическихъ званій, а ожидаетъ этихъ званій отъ нихъ. Наши хозяева, большею частію жители медвѣжьихъ угловъ, живутъ весь свой вѣкъ вдали отъ мѣстностей, гдѣ они могли бы наглядно узнать пользу всякаго рода улучшеній, гдѣ они могли бы, такъ сказать, рукою осязать всѣ доставляемыя улучшеніями матеріальныя выгоды, на мѣру и на вѣсь опредѣлить какихъ, громадныхъ результатовъ можно достигнуть помощію разумныхъ, цѣлесообразныхъ и отвѣчающихъ мѣстнымъ обстоятельствамъ измѣненій въ образѣ хозяйствованія. Большая часть нашихъ сельскихъ хозяевъ пока неспособны даже подать голоса, ясно выражающаго ихъ бѣдствія и нужды, подобно ребенку, который плачетъ, а что ему нужно должна разумѣть мать.

Во вниманіи къ такому безпомощному положенію сельскихъ хозяевъ большей части нашего отечества и вообще какъ существенно важною и необходимою мѣрою, безъ которой немислимо усовершенствованіе нашего земледѣлія, — мѣрою, которая можетъ быть приведена легко въ исполненіе совокупными средствами земства и экономическихъ обществъ, необходимо признать устройство частныхъ образцовыхъ фермъ, съ постепенно расширяемыми улучшенными способами веденія всѣхъ частей хозяйства. При сравнительно незначительныхъ субсидіяхъ или ссудахъ, на которыя найдутся средства въ распоряженіи земства и обществъ, легко выищутся свѣдущіе въ сельскомъ хозяйствѣ землевладѣльцы и согласятся на устройство при своихъ имѣніяхъ образцовыхъ фермъ, съ отводомъ для нихъ удобныхъ участковъ. Для вызова желающихъ у насъ есть печатное слово и другія средства, а для оцѣн-

ки способности будущихъ директоровъ образцовыхъ хозяйствъ могутъ служить представляемые ими программы, въ которыхъ, кромѣ общаго плана хозяйственнаго устройства, должны быть указаны всѣ научныя и практическія основанія для всѣхъ даже мельчайшихъ хозяйственныхъ операцій. Эти фермы послужатъ наглядной школой для окрестныхъ сельскихъ хозяевъ; а наглядная школа при очевидной выгодѣ рациональнаго хозяйства будетъ вліятельнѣе на общій прогрессъ всѣхъ энциклопедій сельско-хозяйственныхъ знаній, о которыхъ много преній потрагилось въ засѣданіяхъ Вольнаго Экономическаго общества.—Остановимся пока на этомъ, такъ какъ подробныя соображенія о пользѣ и устройствѣ образцовыхъ фермъ потребовали бы отъ насъ надолго уклониться отъ главнаго предмета настоящей статьи. Въ 1860 году мы лично представили нашъ проэктъ о фермахъ одному высоко-стоявшему въ администраціи лицу, но тогда мысль объ устройствѣ фермъ частными лицами была еще слишкомъ передовою и поэтому наше дѣло такъ и замерло. Прошло же 1867 года г. Бардо-Сисоевъ сообщилъ свой проэктъ съ очень выгодными условіями въ совѣтъ Вольнаго Экономическаго общества и, несмотря на пробудившееся въ настоящее время сочувствіе къ этому дѣлу, проэктъ пока остается неизвѣстно въ чьемъ портфельѣ. Прибавимъ, наконецъ, что, кажется, относительно полезности образцовыхъ хозяйствъ, Вольное Экономическое общество расходится съ нами во взглядѣ, такъ какъ мы лично въ 1859 году ознакомились съ жалкимъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніемъ охтенской фермы, принадлежащей обществу и сданной арендатору, конечно, во избѣженіе лишннихъ и бесполезныхъ хлопотъ; можетъ быть, въ десять послѣднихъ лѣтъ все измѣнилось къ лучшему, но за неимѣніемъ свиденій о хозяйствѣ этой фермы, рѣшительно непростительныхъ такому журналу, какъ «Труды», мы остаемся въ полнѣйшемъ невѣденіи. А кажется, гдѣ бы и учиться практическому дѣлу разнаго рода улучшеній, какъ не на фермѣ Вольнаго Экономическаго Общества, отстоящей не болѣе 7 верстъ отъ дома, на Царскосельскомъ проспектѣ, гдѣ происходятъ собранія нашихъ учителей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства и промышленности?

Revenons à nos moutons. Пересматривая съ полнымъ вниманіемъ многія статьи по большей части не-членовъ общества, помѣщенныя въ «Трудахъ», нельзя не замѣтить, что въ этихъ статьяхъ можно найти очень много весьма дѣльныхъ и зрѣло обдуманыхъ воззрѣній на многіе вопросы, которые должны въ настоящую

пору стоять на первомъ планѣ въ занятіяхъ экономическихъ обществъ. Всѣ эти полезныя указанія авторовъ, принадлежащихъ безъ исключенія къ сословію практическихъ сельскихъ хозяевъ, слѣдовательно къ числу лицъ, на которыхъ г. редакторъ «Трудовъ» жаловался въ своей апологіи, остаются безъ всякаго движенія. Общество даже не даетъ себѣ труда затрогивать подобныя статьи въ своихъ засѣданіяхъ, не только что рѣшиться на обсужденіе поднимаемыхъ или развиваемыхъ авторами вопросовъ и за тѣмъ давать имъ надлежащій ходъ, содѣйствуя всѣми зависящими мѣрами, чтобъ всякая здравая мысль не пропадала для дѣла прогресса, а могла бы хоть черепашьимъ ходомъ подвигаться къ своему осуществленію. Къ сожалѣнію, у насъ видно совсѣмъ противное; вся процедура ограничивается благосклоннымъ помѣщеніемъ статей на страницахъ «Трудовъ Вольнаго Экономическаго общества» и изрѣдка въ подстрочномъ примѣчаніи лестнымъ отзывомъ редактора журнала, отзывающимся похвалою въ родѣ того: хорошо, мальчикъ, трудись, — когда нибудь вырастешь и будешь умница! *) Такимъ образомъ статьи печатаются, номеръ журнала выходитъ ровно въ 5 печатныхъ листовъ по положенію, а члены общества въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій, находя книгу въ порядкѣ, принимаются за безконечныя пренія насчетъ напр., покупки другого дома для общества, ближайшаго къ центру города, связывая съ этимъ вопросомъ причину малолюдности въ засѣданіяхъ отдѣленій и общаго собранія. Увы! это послѣднее убѣжденіе, намъ кажется, можно отнести къ самообольщенію. Если бы домъ общества очутился и въ самомъ центрѣ Петербурга, то недостаточность и чаще полное отсутствіе какого-либо интереса въ предметахъ, обсуждаемыхъ обществомъ, не привлечетъ никогда мно-

*) Примѣръ этому статья г. Жорскаго «О распространеніи сельско-хозяйственнаго образованія,» помѣщенная въ журналѣ «Труды» за прошедшій годъ въ вып. 2, тома 1. Г. редакторъ отозвался, что «хотя со всѣми взглядами автора на земледѣліе Россіи согласиться нельзя, тѣмъ не менѣе его энергическія убѣжденія въ необходимости принятія мѣръ къ сельско-хозяйственному образованію заслуживаютъ полнаго вниманія, особенно потому, что тотъ же самый вопросъ разрабатываютъ и наши экономическія общества.» Во-1-хъ, отчего г. редакторъ поскромничалъ и не ознакомилъ насъ съ собственнымъ взглядомъ на предметъ, а это было бы очень поучительно; во-2-хъ, отчего г. редакторъ, признавая, что убѣжденія г. Жорскаго относительно распространенія сельско-хозяйственнаго образованія заслуживаютъ полнаго вниманія, не передалъ соображеній автора на обсужденіе членовъ своего отдѣленія или въ то общество, которое этимъ вопросомъ спеціально занимается.

гочисленной публики, даже изъ числа членовъ общества, неимѣющихъ обязанности непремѣннаго присутствіи въ засѣданіяхъ. Если мы примемъ на себя трудъ прослѣдить хотя за одинъ годъ журналы засѣданій, то убѣдимся, что весьма рѣдко удается встрѣтиться съ обсужденіемъ вопроса, существенно близкаго къ улучшенію народнаго благосостоянія; большая же часть засѣданій поражаетъ полнѣйшимъ безцѣльностью, безцвѣтностью и бесполезностью словопреній, вращающихся около предметовъ иногда отнюдь не касающихся цѣли учрежденія экономического общества.

Итакъ дѣло даже не за отсутствіемъ побужденій и внушеній со стороны сельскихъ хозяевъ, къ чему относилъ г. Совѣтовъ причину малой полезности сельско-хозяйственныхъ обществъ и сонливой дѣятельности членовъ ихъ, а въ непонятной апатіи обществъ, съ которой онѣ относятся къ собственнымъ обязанностямъ, не внимая обращеніямъ ни г. Жорскаго, ни многихъ другихъ, тщетно предлагавшихъ вниманію обществъ свои задушевные, иногда въ высшей степени полезныя совѣты. Что же остается послѣ этого дѣлать сельскимъ хозяевамъ? Они взывали прежде, взываютъ и теперь о многихъ благодѣтельныхъ мѣрахъ, исполненіе которыхъ или даже только поощреніе находятся въ полномъ распоряженіи обществъ относительно ихъ матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ; но ихъ мнѣнія только печатались и... затѣмъ хоронились въ кучѣ старыхъ печатныхъ грѣховъ Общества. При неудачѣ многихъ подобныхъ попытокъ, конечно, сельскимъ хозяевамъ приходится наконецъ приложить къ губамъ палецъ молчанія и предоставить обществамъ, когда онѣ того пожелаютъ, самимъ по себѣ войти въ разслѣдованіе нуждъ земледѣлія и промышленности. Слѣдовательно не правъ вполне ратующій защитникъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Имѣяя уши слышати, да слышати!

Но если бы и не слышали общества, какъ увѣряетъ приведенная нами тирада, заявленій о хозяйственныхъ нуждахъ, если бы земледѣльцы наконецъ совѣтъ перестали высказывать свои мысли и желанія, то и при этомъ дѣло не должно быть потеряно. У экономическихъ обществъ находится въ рукахъ всѣ средства знать до мельчайшихъ подробностей все, гдѣ и какая именно требуется матеріальная или нравственная помощь. Для этой именно цѣли общества имѣютъ своихъ многочисленныхъ членовъ и корреспондентовъ, разсѣянныхъ по всему лицу русской земли и, если нужно, могли бы имѣть вдвое и втрое болѣе. Сообразивъ, на что могутъ быть пригодны эти спящія пока силы, общества экономическія вѣроятно

не ожидали бы для своей дѣятельности постороннихъ заявленій, а постарались бы вызвать на производительный трудъ свои внутреннія громадныя силы. Отъ всѣхъ этихъ членовъ и корреспондентовъ при незначительныхъ усиліяхъ со стороны центральныхъ управленій обществъ могутъ получаться рѣшительно всѣ вѣрныя данныя, необходимыя для обсужденія всѣхъ безъ исключенія вопросовъ, относящихся до настоящаго положенія вещей и для соображенія о рациональныхъ мѣрахъ, необходимыхъ для успѣшнаго развитія сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ богатствъ всѣхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи.

Послѣ всего вышезложеннаго намъ кажется умѣстнымъ сдѣлать теперь одинъ практическій выводъ изъ теоретическаго воззрѣнія обществъ самихъ на себя. Обращаясь опять къ нашей выдержкѣ изъ «Трудовъ», которую мы старались разобрать критически со всѣхъ сторонъ, еще одно первой важности обстоятельство должно обратить на себя полное вниманіе. Какъ въ апологіи, такъ и вездѣ, гдѣ коснется рѣчь, подъ именемъ Экономическаго общества обыкновенно разумѣютъ тѣхъ немногихъ членовъ (числомъ отъ 10—30 человѣкъ), которые посѣщаютъ изрѣдка засѣданія и принимаютъ участіе въ преніяхъ отдѣленій и общаго собранія. Но безпристрастный взглядъ на дѣло не находитъ въ этомъ маленькомъ кружкѣ членовъ достаточнаго основанія, чтобъ видѣть въ немъ цѣльное общество, призванное къ рѣшенію судебъ прогресса агрономическаго и промышленнаго, всей Русской Земли. Находя даже страннымъ видѣть въ тахішмъ, 30 членовъ всю суть экономическаго общества, является самъ собою вопросъ, гдѣ же находятся у насъ Вольное Экономическое, Московское и всѣ другія общества, неужели каждое изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ заключается только въ тѣхъ нѣсколькихъ членахъ, которые собираются по временамъ въ домахъ обществъ; да въ казначей, секретарѣ общества и редакторѣ журнала (если таковой къ счастью имѣется)? Нѣтъ! наше убѣжденіе, съ которымъ, вѣроятно, согласятся всѣ, кто обратитъ вниманіе на наши строки, состоитъ въ томъ, что общество есть совокупность всѣхъ безъ изыятія лицъ, къ нему принадлежащихъ подъ различными наименованіями почетныхъ, дѣятельныхъ членовъ, корреспондентовъ и сотрудниковъ, движимыхъ общимъ интересомъ—достиженіемъ помощію общихъ трудовъ тѣхъ цѣлей, которыя оно само для себя опредѣлило. Такимъ образомъ, на основаніи нашего опредѣленія, сельско-хозяйственныя общества не могутъ сосредоточиваться ни въ С.-Петербургѣ, ни

въ Москвѣ и ни въ какомъ либо другомъ пунктѣ. Они находятся вездѣ, гдѣ имѣются ихъ члены, — стало быть для Московскаго и для Вольно-Экономическаго Обществъ мѣстомъ пребыванія должна быть вся Русь включительно съ Кавказомъ, Бессарабіей, Сибирью, съ Амурскимъ краемъ и съ среднеазіятскими областями; для Казанскаго — всѣ другія губерніи, для нуждъ которыхъ они учреждены. Въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Казани нѣтъ сельско-хозяйственныхъ обществъ; тамъ находятся только правленія ихъ и удобныя помѣщенія для собраній членовъ и постороннихъ лицъ, интересующихся предметами, обсуждаемыми въ засѣданіяхъ. Но и это послѣднее обстоятельство нельзя признать безусловно обязательнымъ, такъ какъ могутъ встрѣчаться такіе случаи, когда представляются особенно важныя выгоды и удобства во временномъ перенесеніи мѣста засѣданій изъ С.-Петербурга или Москвы въ Харьковъ, Тамбовъ или даже куда нибудь въ село или деревню, подобно тому, какъ окружнымъ судамъ приходится иногда выѣзжать въ тѣ селенія, гдѣ по обстоятельствамъ дѣла имѣются особыя удобства для скорѣйшаго и безошибочнаго разбирательства. Сколько намъ извѣстно, подобнаго примѣра еще не встрѣчалось въ практикѣ нашихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ во все время ихъ существованія; но это зависитъ не отъ бесполезности, а опять отъ того же невниманія обществъ къ собственному дѣлу, въ чемъ даже г. апологетъ сознается, хотя можетъ быть неумышленно.

Изъ этого ясно, что для того, чтобъ какое-либо общество приносило возможно-большую сумму пользы въ достиженіи своихъ благотѣльныхъ цѣлей, оно обязано стараться всѣми силами привлечь всѣхъ своихъ членовъ къ общему совокупному труду, а не основывать своихъ предпріятій на рѣшеніяхъ, принятыхъ 20-ю или 30-ю членами, случайно собравшимися въ С.-Петербургѣ, Москвѣ или въ другомъ официальномъ центрѣ. Мы бы полагали, что рѣшенію послѣднихъ можно предоставить только дѣла самой ничтожной важности, какъ относительно предмета, такъ и тѣхъ средствъ, которыя потребны для исполненія, — и наконецъ тѣхъ чрезвычайно-рѣдкихъ дѣлъ, которыя не допускаютъ ни малѣйшаго отлагательства. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, мы думаемъ, что общества много выиграютъ, если будутъ постановлять свои рѣшенія по приговору большинства своихъ членовъ, съ которыми сношенія облегчены правительствомъ, даровавшимъ экономическимъ обществамъ льготу даровой почтовой пересылки коррес-

понденціи. Касательно упрощенія предлагаемаго порядка дѣлъ, скажемъ еще нѣсколько словъ впоследствии.

При такомъ образѣ дѣйствій экономическихъ обществъ, мы находимъ въ одно время двѣ величайшія выгоды. Первая, въ пословицѣ «умъ хорошо, два лучше,» заключается въ будущемъ устраненіи многихъ ошибокъ въ дѣйствіяхъ обществъ, зависящихъ какъ отъ малолюдности въ собраніяхъ, такъ и отъ неполноты нужныхъ свѣденій, которыми могутъ владѣть немногіе члены, посѣщающіе засѣданія обществъ; вторая—въ томъ, что всѣ члены, пока безгласные и неприносящіе общему дѣлу ни на іоту пользы, будутъ признаны къ обсужденію потребностей хозяйствъ и соотвѣтственныхъ мѣръ улучшеній и, увлекшись исподволь новымъ для нихъ трудомъ, впоследствии примутъ дѣятельное участіе въ томъ, на что каждый найдетъ себя болѣе способнымъ.

Любопытно было бы изслѣдовать, какимъ образомъ водворилось у насъ неправильное присвоеніе названія общества случайному маленькому кружку членовъ, имѣющихъ привилегію жить въ томъ городѣ, гдѣ находится собственный домъ общества. Мы придаемъ этому вопросу, по нашему разумѣнію, совершенно заслуженный интересъ, думая, что одно только измѣненіе господствующаго нынѣ понятія можетъ имѣть капитальное вліяніе на успленіе и лучшее направленіе дѣятельности экономическихъ обществъ, а слѣдовательно и на успѣшное развитіе нашихъ народно-хозяйственныхъ силъ. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что наше опредѣленіе получить права гражданства, тогда явится сама собою слѣдующая метаморфоза: сельско-хозяйственныя общества отъ шахішумъ, а тридцати голосовъ въ одно мгновеніе увеличатся до нѣсколькихъ сотенъ, которые всѣ примутъ участіе въ разработкѣ всѣхъ важныхъ вопросовъ; каждый изъ числа этихъ членовъ, знакомый съ тою мѣстностію, гдѣ онъ вращается, явится полезнымъ органомъ для общаго дѣла, какъ въ отношеніи свѣденій о настоящемъ положеніи той мѣстности, такъ и въ обсужденіи мѣръ, необходимыхъ для существеннаго улучшенія здѣсь сельскаго хозяйства и промышленности. Эта полная и вѣрная картина хозяйственной жизни нашего отечества, конечно, станетъ краеугольнымъ камнемъ для послѣдующихъ сознательныхъ и цѣлесообразныхъ дѣйствій нашихъ экономическихъ обществъ.

Геній Петра I, далеко смотрѣвшій въ даль, вѣрно понялъ главную основу успѣха на поприщѣ сельскаго хозяйства и промышленности. Регламентомъ 11 декабря 1719 года, учреждая камеръ-кол-

легію, онъ опредѣлялъ: «надлежитъ камеръ-коллегіи о состояніи, натурѣ и плодородіи каждой провинціи накрѣпко увѣдомляться; такожъ земледѣліе, скотскіе приплоды и рыбныя ловли вездѣ по возможности умножать, къ приращенію приводить и того ради коллегіумъ съ губернаторы и воеводами прилежно корреспондовать». Путемъ, указаннымъ нами выше, т. е. призывомъ къ дѣлу всѣхъ членовъ своихъ, сельско-хозяйственныя наши общества имѣютъ полную возможность получать всѣ свѣденія, о которыхъ великій преобразователь Россіи считалъ нужнымъ освѣдомляться. Если члены обществъ изъ среды земледѣльческой и не будутъ въ состояніи, какъ не спеціалисты, войти въ сужденіе, напр., о физическихъ и химическихъ свойствахъ почвъ и подпочвъ, то едва ли представится затрудненіе основать при обществахъ станціи для испытанія всѣхъ образцовъ земель, имѣющихъ высылаться членами въ совѣты обществъ или въ подлежащія отдѣленія (вотъ гдѣ откроется поприще для занятій ученыхъ членовъ). Наконецъ, когда всѣ нужныя свѣденія о положеніи страны будутъ различными путями собраны и представляютъ достаточное количество матеріаловъ, можно уже будетъ приступить къ составленію подробнаго и точнаго сельско хозяйственнаго описанія имперіи съ атласомъ, гдѣ изложится все, что нужно для руководства, какъ самихъ агрономическихъ обществъ, такъ и каждаго сельскаго хозяина. Въ этомъ трудѣ, если даже земство признаетъ его для себя излишнимъ, вѣроятно, большое содѣйствіе могутъ оказать губернскіе статистическіе комитеты, имѣющіе сельско-хозяйственную статистику въ числѣ предметовъ, относящихся до ихъ прямыхъ обязанностей.

Уклоненіе нашихъ обществъ отъ этой исходной точки ихъ трудовъ и было до сихъ поръ главною причиною неуспѣха всѣхъ предпринимаемыхъ ими мѣръ и нашего вѣковаго застоя въ сельскомъ хозяйствѣ и связанныхъ съ нимъ промыслахъ. Если бы ктонибудь сталъ утверждать, что сто лѣтъ для прогресса экономическаго страны не составляютъ еще долгаго срока и не могутъ ничего говорить противъ существовавшаго до сихъ поръ направленія дѣятельности нашихъ обществъ, то стоить только сообразить, что сто лѣтъ назадъ всѣ государства западной Европы въ земледѣліи стояли почти на одномъ уровнѣ съ Россіей, гдѣ царствовали тогда и теперь допотопныя орудія обработки, серишъ, ручная молотба, трехпольный зерновой сѣвооборотъ съ скудными урожаями тощаго и сорнаго зерна съ кочковатыми и заросшими бурьяномъ натуральными лугами и съ выгономъ, на которомъ скотъ только набиваетъ

оскомину,—а какъ неизмѣримо далеко въ настоящую минуту осталось позади всѣхъ наше любезное отечество, не можетъ не сознаваться, скрѣпя сердце, самый отъявленный патриотъ-оптимистъ. Въ неуспѣхахъ нашихъ нельзя обвинять ни наше рѣдкое населеніе, ни неразвитость народа, ни суровость климата, ни короткій срокъ для земледѣльческихъ работъ и т. п., если обратимъ вниманіе, что при всѣхъ очень сходныхъ съ приведенными условіяхъ есть страна — живой укоръ нашей апатіи къ трудамъ на пользу процвѣтанія родного края,—это Шотландія. Ни естественныя, ни интеллектуальныя препятствія не помѣшали Шотландіи втеченіи столѣтія встать въ первые ряды между самыми передовыми агрономическими странами. Сто лѣтъ назадъ это была такая же дикая страна съ такимъ же почти негостепріимнымъ климатомъ, какъ нашъ Мурманскій берегъ; народъ былъ грубъ и необразованъ, населеніе относительно пространства ничтожное, земледѣліе было заброшено, какъ у насъ. Прошло сто лѣтъ и страна почти чудесно переродилась; отъ осушки болотъ, отъ увеличенія воздѣланныхъ земель климатъ сдѣлался умѣреннѣе, сельское хозяйство и промыслы цвѣтутъ, богатство народа съ каждымъ годомъ возвышается быстрыми шагами, по образованію Шотландія по крайней мѣрѣ поровнялась съ Англіей, Бельгіей и Соединенными Штатами. Не помѣшали ей тѣ препятствія, указывая на которыя, мы утѣшаемъ себя въ нашей неподвижности, напротивъ, самыя кажущіяся съ перваго взгляда неудобства были обращены силою воли дѣятельнаго и умнаго населенія въ средства къ развитію сельскаго хозяйства; на примѣръ, при недостаткѣ рабочихъ рукъ, шотландцы достигли высочайшаго усиленія производительности страны распространеніемъ усовершенствованныхъ машинъ и орудій. А. де-Лавернь говоритъ: «la plus grande superiorité de l'économie rurale écossaise c'est le petit nombre de ses travailleurs grâce aux instruments et aux machines qui font la force de la culture en Ecosse». Въ эти сто лѣтъ, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ данъ былъ тамъ первый толчокъ къ прогрессивному движенію, производство продуктовъ земледѣлія увеличилось ровно въ десятеро; сдѣлано же это не магическимъ жезломъ, а только разумно-направленною дѣятельностію шотландскаго экономическаго общества при помощи многочисленныхъ членовъ онаго, обладающихъ, какъ говоритъ Маколей, постоянствомъ, хладнокровіемъ, дальновидностію и всѣми другими качествами, ведущими къ успѣхамъ во всѣхъ предпріятіяхъ.

Изъ этого примѣра видно, что для прогресса какой либо страны

не можетъ существовать ни одного настолько значительнаго препятствія, котораго не могли бы преодолѣть разумный трудъ, наука, постоянство и терпѣніе. Но этихъ-то необходимыхъ для успѣха помощниковъ и не было у нашихъ экономическихъ обществъ, и поэтому во сто лѣтъ мы не тронулись съ мѣста и остались далеко назади отъ всѣхъ даже скудно надѣленныхъ судьбою народовъ Европы.

Къ этой бѣдѣ присоединяется еще слишкомъ большая доза ни на чемъ неоснованнаго самомиѣнія, нетерпящаго никакихъ стороннихъ совѣтовъ и съ общинымъ пренебреженіемъ оставляющая безъ вниманія всѣ добросовѣстныя и основательныя указанія на ошибочность какихъ либо дѣйствій обществъ. Приведемъ одинъ примѣръ изъ многихъ, что наши собственныя соображенія и доводы о необходимости устройства въ различныхъ пунктахъ государства депо сельско-хозяйственныхъ сѣмянъ и складовъ машинъ и орудій, изложенныя между прочимъ въ статьѣ о сельско-хозяйныхъ опытахъ, потерѣли подобную участь; Вольное Экономическое общество сочло болѣе соотвѣтствующимъ его достоинству пройти молчаніемъ наши указанія, несмотря на нѣсколько напоминаній редакціи «Земледѣльческой Газеты», желавшей вызвать членовъ общества на обсужденіе предмета.

Пусть же рѣшатъ теперь, положа руку на сердце, сами гг. члены Вольнаго Экономическаго общества, въ силу какихъ особенныхъ достоинствъ они могутъ вызвать сочувствіе тѣхъ, на равнодушіе которыхъ они сваливаютъ свое собственное умственное убожество. Какими особенными мѣрами они отличили впродолженіи послѣднихъ лѣтъ свою дѣятельность отъ дѣятельности истекшаго столѣтія, чѣмъ охарактеризовали новое направленіе своихъ трудовъ, согласное съ новыми условіями экономическаго быта Россіи?—Никакихъ слѣдовъ до сихъ поръ въ улучшеніи порядка дѣлъ ни въ средѣ Вольнаго Экономическаго, ни въ средѣ всѣхъ другихъ обществъ сельскаго хозяйства! Все идетъ по прежнему вяло, неохотно, безцѣльно, безосновательно и безцвѣтно; предметы обсужденій въ засѣданіяхъ, касаясь или верховъ или боковъ сторонъ главнаго дѣла, не имѣютъ ни малѣйшаго интереса; пренія отличаются пустотою, миѣнія членовъ неподготовленностію, скороспѣлостію и необдуманностію, въ рѣшеніяхъ проглядываетъ болѣею частію невниманіе къ дѣлу, неразумніе истинныхъ и прямыхъ пользъ и весьма нерѣдко безграничное довѣріе къ личному достоинству, къ авторитету одного

изъ членовъ, пользующагося главнѣйшимъ образомъ большею храбростію или возлогласованіемъ.

О Всероссійскомъ Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства за недостаточностію данныхъ ограничимся на этотъ разъ самымъ краткимъ воззрѣніемъ на его дѣятельность. Труды его членовъ на пользу отечественнаго хозяйства, при отсутствіи его собственнаго печатнаго органа, до настоящаго 1869 года были темною водою во облацѣхъ и потому, не входя въ подробности о его дѣятельности, выскажемъ только наше мнѣніе о степени того значенія, которое оно можетъ имѣть хотя въ будущемъ для преуспѣянія хозяйственнаго на всемъ пространствѣ Россіи.

Можетъ быть, мы и ошибаемся, но намъ кажется, что Московское общество сельскаго хозяйства въ качествѣ общества всероссійскаго, при существованіи съ нимъ рядомъ старѣйшаго общества Вольнаго Экономическаго, представляетъ собою не болѣе какъ анахронизмъ и при ошибочности своего начала оно не могло прежде, не можетъ и въ будущемъ быть настоятельно необходимымъ. Если труды его и были по временамъ нѣсколькихъ оживляемы, то это происходило на подобіе лихорадочныхъ пароксизмовъ отъ случайнаго соединенія въ средѣ общества нѣсколькихъ талантливыхъ и ревностныхъ дѣятелей; такъ, напримѣръ, при исполненіи г. Анненковымъ обязанностей редактора журнала Московскаго общества, журналъ этотъ съ интересомъ читался любознательными хозяевами; но какъ только г. Анненковъ, вслѣдствіе перемѣны въ его служебномъ поприщѣ, долженъ былъ отказаться отъ редактированія, прекратилось и самое существованіе журнала, что кажется ясно доказываетъ неимѣніе въ средѣ общества прочнаго жизненнаго элемента.

Какъ Московское, такъ и Вольное Экономическое общества областію своей дѣятельности опредѣляютъ все пространство Россіи безъ всякаго разграниченія между собою предметовъ вѣденія, присвоивъ себѣ наименованіе всероссійскихъ. Вотъ фундаментъ, а чтобы доказать, что по крайней мѣрѣ для одного изъ нихъ онъ непроченъ—не будетъ особенной трудности.

Изъ этого сосуществованія двухъ всероссійскихъ обществъ весьма просто вытекаетъ убѣжденіе, что оба общества самостоятельны и независимы одно отъ другого, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, но въ своихъ трудахъ по разнообразнымъ предметамъ сельскаго хозяйства и промышленности они неминуемо должны безпрестанно приходить въ невыгодное для успѣховъ общаго ихъ дѣла столкно-

веніе. Такъ какъ негѣпо было бы допустить, чтобы въ отношеніи всѣхъ предметовъ своей обширной дѣятельности, оба эти общества могли постоянно сходиться въ своихъ убѣжденіяхъ, то прямымъ послѣдствіемъ такого ненормальнаго порядка отношеній ихъ къ дѣлу и другъ къ другу должно оказаться, что всѣ ихъ многочисленныя мѣропріятія при одинаково-благой цѣли и даже при равной полезности въ ожидаемыхъ результатахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ, если не всегда, то очень часто быть взаимно-противоположными и при совмѣстномъ употребленіи ихъ могутъ только мѣшать однѣ другимъ въ принесеніи тѣхъ добрыхъ плодовъ, какіе онѣ могли бы обѣщать при отдѣльной дѣятельности того или другого общества. Поэтому всѣ благія ожиданія обществъ, основанныя даже на совершенно правильныхъ соображеніяхъ, но только при дѣйствіи на одномъ общемъ полѣ, неминуемо иногда могутъ обратиться или во вредъ обоюднымъ отношеніямъ обществъ или во вредъ общему для нихъ дѣлу, — а слѣд. и всѣ труды обонхъ обществъ пропадутъ безъ слѣда для прогресса страны.

Трудно объяснить, почему съ основанія Московскаго общества и до сихъ поръ назначеніе его дѣйствовать въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ не бросилось въ глаза своею ясною несообразностію, неимѣющею себѣ пособія ни въ одномъ изъ государствъ Европы. Если бы намъ сообщили, что гдѣ-либо учреждается, напр., два министерства финансовъ или внутреннихъ дѣлъ, то конечно мы ни секунды не задумались бы отнести эту вѣсть къ области мистификацій. Отчего же происходитъ то, что мы смотримъ до сихъ поръ на стоящія рядомъ два всероссійскихъ общества сельскаго хозяйства, какъ на фактъ, неимѣющій въ себѣ ничего страннаго; отчего при самомъ основаніи Московскаго общества сельскаго хозяйства никто не подумалъ, что при существованіи Вольнаго Экономическаго общества, новое всероссійское общество излишняя роскошь и должно или представить собою противника старѣйшему или обратиться впоследствии въ полномѣсный нуль, если только при усиленіи одного общества вслѣдствіе какихъ либо причинъ въ ущербъ значенію другого, это послѣднее не подчинится хотя нравственно первому, что безъ сомнѣнія было бы выгоднѣе для дѣла и составило бы счастливое событіе. Вспомнимъ при этомъ встати одно правило народной русской мудрости, что у «семи нянекъ дитя безъ глазу», а также извѣстную басню Крылова: Лебедь, ракъ и щука.

Обращаясь къ періодическимъ изданіямъ экономическихъ обществъ,

мы находимъ ихъ въ совершенномъ согласіи съ неподвижностію самыхъ обществъ. Всѣ заботы гг. редакторовъ ограничиваются выпускомъ книжекъ непремѣнно въ положенномъ правилими количествѣ листовъ, а о достоинствѣ журналовъ въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ, при наполненіи ихъ безъ разбора всѣми попавшими въ редакторскія руки статьями заботится благодѣтельная фортуна. Но и при этомъ условіи изъ числа всѣхъ нашихъ обществъ, одно только Вольное Экономическое уже много лѣтъ безъ перерыва продолжаетъ издавать свои (?) «Труды».

Чтобы опредѣлить достоинство этого до 1869 г. почти единственнаго печатнаго органа всѣхъ передовыхъ дѣятелей нашихъ, изложимъ предварительно нашъ взглядъ на цѣль и условія періодическихъ изданій. Журналъ спеціальный, по нашему разумѣнію, есть такое періодическое изданіе, которымъ проводятся въ массу публики новѣйшіе результаты полезныхъ трудовъ въ извѣстной области знаній. Направленіе журналовъ опредѣляется цѣлію изданія, современной степенью развитія въ области науки или искусства и наконецъ образомъ воззрѣнія на дѣло того лица, которое завѣдуетъ редакціей. Безъ направляющихъ твердыхъ основаній, всякое періодическое изданіе не можетъ представить что-либо цѣльное, стройное, связанное одною руководящею нитью, а естественно образуетъ уродливую массу разнокалиберныхъ, разнохарактерныхъ и потому мало-полезныхъ грубыхъ матеріаловъ, могущихъ, слѣдовательно, представлять интересъ только для читателей въ родѣ гоголевскаго Петрушки, которымъ нѣтъ никакого дѣла до внутренняго смысла. Итакъ, кѣмъ бы ни издавался журналъ, направленіемъ его должны руководить извѣстные принципы, которые могутъ принадлежать или одному лицу или какому-либо учрежденію, правительственному или частному. Въ первомъ случаѣ, честь принесенія своей доли пользы для общества и отвѣтственность за бесполезность или вредность изданія предъ судомъ закона, общественнаго мнѣнія и собственной совѣсти лежатъ на одномъ лицѣ редактора; во второмъ случаѣ, лицо редактора, дѣйствующаго вполне согласно съ данными ему инструкціями, не можетъ быть отвѣтственно въ недостиженіи изданіемъ своей задачи, а похвалы и порицанія относятся къ тому учрежденію, которому принадлежитъ печатный органъ по праву владѣнія.

Къ послѣднему разряду періодическихъ изданій принадлежитъ и журналъ «Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго общества», въ которомъ достоинство помѣщаемыхъ статей, правильность

практическихъ и научныхъ взглядовъ и вообще все, что касается мѣры полезности изданія, есть результатъ заботъ самого общества, его совѣта и тѣхъ отдѣленій, вѣденія которыхъ касаются помѣщающіяся въ журналѣ сочиненія; если же пока отдѣленія Вольнаго Экономическаго общества и были устранены отъ вліянія на редакцію журнала, то это нельзя отнести къ явленіямъ нормальнымъ.

Въ § 71 устава Имп. Вольн. Экон. общества, высочайше утвержденнаго въ 27-й день февраля 1859 года, говорится: «на обязанность совѣта возлагается попеченіе о періодическихъ изданіяхъ общества и наблюденіе какъ за своевременнымъ выходомъ въ свѣтъ, такъ и за достоинствомъ въ ученое и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ». Далѣе въ 5-мъ пунктѣ правилъ для повременныхъ изданій общества, утвержденныхъ въ февралѣ 1857 года общимъ собраніемъ, опредѣлено: «редакторъ обязанъ заботиться о томъ, чтобъ журналъ и газета общества издавались по принятой программѣ, и какъ въ литературномъ, такъ и въ ученое отношеніяхъ, вполнѣ соответствовали своему назначенію и достоинству общества, представляя не сборникъ случайно доставшихся редакціи статей, а просвѣщенную лѣтопись по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій общества, въ ихъ современномъ движеніи и развитіи». Наконецъ въ октябрѣ 1859 г. эти правила нѣсколько исправлены и дополнены; между прочимъ, пунктъ 14-й, по новой редакціи 12-й, дополненъ такъ: «въ случаѣ же неисполненія со стороны редактора принятыхъ имъ на себя обязанностей, отъ усмотрѣнія совѣта зависитъ уволить его отъ должности».

Вникая въ приведенныя нами подлинныя слова устава и правилъ, относящіяся до повременныхъ изданій Вольнаго Экономическаго Общества, возможно усмотрѣть, чего недостаетъ еще для того, чтобы за журналомъ «Труды» было полное обезпеченіе въ прочномъ, рациональномъ его устройствѣ. Совѣтъ общества, принимая на себя заботы о достоинствѣ журнала въ ученое и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, къ сожалѣнію, не призналъ необходимымъ сообщать сочиненія, присылаемыя авторами въ редакцію, на предварительныя обсужденія въ специальныхъ отдѣленіяхъ общества, къ области вѣденія которыхъ эти сочиненія относятся по содержанію; такимъ образомъ, совѣтъ, состоящій согласно § 75 устава, кромѣ предсѣдательствующаго и секретаря, минимумъ изъ трехъ только членовъ, по одному отъ каждаго отдѣленія, принимаетъ на себя рѣшать безапелляціонно о достоинствахъ сочиненій,

касающихся множества разнородныхъ предметовъ по отдѣламъ сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ знаній. Если не считать предсѣдателя и секретаря въ числѣ специалистовъ, такъ какъ они могутъ быть таковыми только въ исключительно-личныхъ случаяхъ, ибо выбираются болѣе для административныхъ, чѣмъ для специальныхъ занятій по обществу, то слѣдовательно сужденія о достоинствахъ сочиненій предоставляется уставомъ единственно рѣшенію трехъ членовъ отъ отдѣленій; а если принять, что каждый изъ этихъ членовъ можетъ быть компетентнымъ судьей только по предметамъ, относящимся до своего отдѣленія, котораго представителемъ онъ служить въ совѣтѣ, то опредѣленіе достоинствъ сочиненій, назначаемыхъ къ напечатанію въ журналѣ, будетъ зависѣть поэтому отъ одноличнаго сужденія, которое конечно рѣдко можетъ претендовать на непогрѣшимость.

Такъ какъ этотъ предметъ въ высочайшей степени важенъ по своему вліянію, какъ въ отношеніи интереса журнала для публики, такъ и для быстрого и правильнаго движенія общаго прогресса страны,—то на это нельзя не обратить особенно серьезнаго вниманія; когда мы видимъ, что кромѣ изданія «Трудовъ», Вольное Экономическое общество не предпринимаетъ ровно никакихъ другихъ мѣръ для содѣйствія, съ своей стороны, къ поднятію общаго экономическаго уровня, то необходимо убѣдиться, что если при этомъ общество мало еще обращаетъ вниманія на цѣлесообразное устройство своего печатнаго органа, то, слѣдовательно, оно ровно ничего не дѣлаетъ для достиженія своихъ главныхъ цѣлей.

Принимая за аксіому, что прогрессъ народа состоитъ въ поднятіи общаго уровня сельско-хозяйственной и промышленной производительности на всемъ пространствѣ страны, отрывочныя и случайныя мелкія дѣйствія нашихъ экономическихъ обществъ представляются не болѣе, какъ дѣтской игрошкой, способной потѣшать тѣхъ, кто не смотритъ на экономическое развитіе съ точки зрѣнія общаго и повсемѣстнаго развитія благосостоянія. Въмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая, что въ рукахъ одного Вольнаго Экономическаго общества даже тѣ матеріальныя и умственныя силы, которыми оно можетъ располагать (около 400 тысячъ рублей чистыхъ денегъ и множество членовъ и корреспондентовъ), находятся подъ спудомъ, не давая даже ничтожныхъ процентовъ для процвѣтанія земледѣлія и промысловъ,—то, конечно, на журналъ «Труды» нужно смотрѣть, какъ на сподручное цѣлебное средство для больного экономическаго тѣла. Поэтому никакія, повидимому, мелочныя заботы, никакія

маловажныя мѣры, которыми можно возвысить достоинство изданія, не должны быть пренебрегаемы со стороны центрального управленія дѣлами Вольнаго Экономическаго общества.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мы считаемъ прямымъ долгомъ русскаго землевладѣльца подать свой голосъ, каково бы впрочемъ ни удѣлено было ему вниманіе со стороны общества, касательно незначительныхъ по формѣ, но безконечно-важныхъ въ сущности поправокъ устава и правилъ для поврежденныхъ изданій. Мы думаемъ, что было бы очень полезно ранѣе рѣшеній совѣта о допущеніи къ печатанію въ журналѣ сочиненій, передавать ихъ всѣ, безъ исключенія, на разсмотрѣніе спеціальныхъ отдѣленій и затѣмъ уже черезъ совѣтъ дѣлать распоряженіе о печатаніи, съ замѣчаніями отдѣлений или безъ оныхъ, смотря по необходимости въ разъясненіяхъ или дополненіяхъ статей. Этимъ средствомъ можно устранить вѣрнѣе всего ошибочность въ выборѣ полезныхъ статей для журнала, причѣмъ достоинство журнала конечно возвысится и полезное вліяніе его на развитіе нашихъ хозяйственныхъ дѣлъ приобрѣтетъ ему и, тщетно пока ожидаемую, популярность. Невозможно сомнѣваться, чтобы при улучшеніи изданія безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ, неотвѣчающихъ, по мнѣнію г. Ходнева, важности учрежденія (см. Исторію стол. В. Э. Общ.), количество 800 подписчиковъ на «Труды» не увеличилось бы въ десять разъ болѣе, такъ какъ дѣльный хозяйственный журналъ необходимъ всякому, мало-мальски грамотному земледѣльцу. Мы увѣрены, что всеобщей распространенности изданія Вольнаго Экономическаго общества противодѣйствуетъ единственно его неудовлетворительность; а разительнымъ примѣромъ этого можетъ служить большая часть книжекъ журнала за прошедшій 1868 годъ, въ которыхъ цѣлкомъ не представляется не только ни одной вполне интересной и примѣнимой для дѣла статьи, но даже ни одной новой, цѣлесообразной мысли»

Заключая нашу статью о сельско-хозяйственныхъ обществахъ и ихъ періодическихъ изданіяхъ, мы резюмируемъ все, чего мы касались въ нашихъ соображеніяхъ, излагая въ нѣкоторомъ порядкѣ наши мысли о томъ, что могутъ дѣлать наши общества, принявъ новыя основанія для своей дѣятельности, согласныя съ новымъ экономическимъ устройствомъ быта Россіи и съ настоящими потребностями сельско-хозяйственной публики. Такимъ образомъ, для достиженія обществами благодѣтельныхъ цѣлей своихъ, намъ кажется, что онѣ должны:

1) Окончательно отдѣлиться отъ явно-ошибочнаго мнѣнія, что онѣ принадлежатъ къ обществамъ ученыхъ. Это ошибочное понятіе о значеніи обществъ явилось въ очень недавнее время, но къмъ оно пущено въ ходъ ко вреду вліянія обществъ, мы не можемъ опредѣлить. Достаточно прибавить къ тому, что уже нами сказано по этому предмету, что даже первые основатели общества въ 7 й статьѣ начального устава, утвержденного 15 іюня 1765 постановили, что «труды должны быть практическіе»; слѣд. даже 100 лѣтъ назадъ понимали, что въ дѣлѣ споспѣшествованія развитію сельскаго хозяйства и промышленности теорія и практика должны идти рука объ руку, а существованіе экономическаго общества чисто-уче-наго есть нелѣпость.

2) Всегда и во всякомъ случаѣ помнить, что экономическія общества состоятъ не изъ тѣхъ только членовъ, которые имѣютъ возможность жить въ тѣхъ городахъ, гдѣ общества имѣютъ центральныя управленія, и посѣщаютъ засѣданія,—но что главная и существенная сила заключается въ томъ большинствѣ членовъ, которое разсѣяно по всей русской землѣ. Весь успѣхъ, возможный для дѣятельности обществъ, зависитъ отъ дружныхъ и согласныхъ трудовъ всей совокупности членовъ и корреспондентовъ.

3) Въ избраніи президентовъ, вице-президентовъ и непремѣнныхъ секретарей обществъ допустить къ участію всеобщую подачу голосовъ въ самомъ обширномъ размѣрѣ. Для достиженія этой цѣли могутъ служить печатные органы обществъ, въ которыхъ должно публиковать о срожѣ присылки членами закрытыхъ записокъ объ избраніи; чтобъ избѣжать затрудненій въ выборѣ, можно сообщать въ журналахъ списки членовъ, проживающихъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ находятся правленія обществъ, съ поясненіемъ, кто и на какую должность изъявляетъ желаніе быть избраннымъ. При этомъ несомнѣнно, что тотъ, кто слѣдитъ за дѣятельностью обществъ и членовъ, имѣетъ уже достаточныя для безошибочнаго выбора должностныхъ лицъ свѣденія о личныхъ способностяхъ, заслугахъ и ревности къ дѣлу. Всеобщая подача голосовъ въ выборѣ президента, вице-президента и непремѣннаго секретаря, а также составленіе управленій обществъ изъ депутатовъ, послужать къ тѣсному сближенію всѣхъ членовъ обществъ, къ сплоченію ихъ въ одно цѣлое и, наконецъ, придавъ каждому отдѣльному члену общества внутреннее убѣжденіе, что его личность составляетъ существенное звѣно въ общей цѣпи, обратятъ къ ревностному труду большинство членовъ изъ спящей нынѣ общей массы ихъ.

4) Сознать, что они не имѣютъ никакого права ожидать отъ сельскихъ хозяевъ и промышленниковъ указаній для своей полезной дѣятельности, имѣя полную возможность при пособіи своихъ многочисленныхъ членовъ *d'être au courant des affaires du jour*; напротивъ, дѣло самихъ обществъ собирать всѣ необходимыя для нихъ свѣденія и прибѣгать всюду съ разумной помощью, какая требуется мѣстными обстоятельствами. При этомъ великимъ пособіемъ могутъ служить тѣ, иногда дѣльныя, статьи, которыя печатаются въ ихъ періодическихъ изданіяхъ, — стоитъ только желать пользоваться этими матеріалами.

Но самымъ необходимымъ средствомъ къ рациональному направлению дѣятельности экономическихъ обществъ, безъ котораго можно было дѣлать дѣло только ощупью или наугадъ, какъ до сихъ поръ и было, слѣдуетъ признать:

5) Составленіе подробнѣйшихъ хозяйственно-статистическихъ описаній *statu quo* для всѣхъ частей нашего отечества. Для достиженія этой цѣли, составляющей краеугольный камень возможнаго для насъ прогресса, быстрого, разумнаго преобразованія всего хозяйственнаго строя, главными пособниками могутъ быть, какъ и было уже сказано, губернскіе статистическіе комитеты, которые нынѣ затрудняются только въ свѣденіяхъ о предметахъ, имѣющихъ входить въ составъ описаній, и иногда въ небольшихъ денежныхъ средствахъ. Поэтому сообщеніе въ статистическіе комитеты программъ для руководства въ собраніи данныхъ и незначительныя субсидіи, нимало необременительныя для капиталовъ обществъ, дадутъ быстрое движеніе дѣйствіямъ статистическихъ комитетовъ и поведутъ къ скорому завершенію ихъ трудовъ по этому предмету. Для повѣрки и пополненія свѣденій, собранныхъ послѣдними, съ несомнѣнною пользою послужатъ и тѣ данныя, которыя общества могутъ собрать отъ своихъ членовъ, а равно данныя, разбросанныя по разнымъ періодическимъ и неперіодическимъ изданіямъ. Это составленіе хозяйственно-статистическихъ описаній имѣетъ такую громадную важность, что заслуживаетъ исключительныхъ и коллективныхъ усилій всѣхъ обществъ и употребленія всѣхъ матеріальныхъ средствъ, какія возможны для нихъ, если бы эти издержки повлекли не только ограниченіе, но и временное прекращеніе всѣхъ ассигновокъ по другимъ предметамъ занятій обществъ.

Вмѣстѣ съ занятіями по составленію хозяйственно-статистическаго описанія россійской имперіи необходимо въ тоже время озаботиться составленіемъ

6) карты почвенныхъ. Этотъ предметъ требуетъ основанія при обществахъ сельскаго хозяйства, или съ пособіемъ ихъ при университетахъ, хозяйственно-химическихъ лабораторій, куда бы могли поступать отъ членовъ и другихъ лицъ со всѣхъ концовъ Россіи образцы почвъ и подпочвъ для производства анализовъ и физическихъ изслѣдованій. Порученіе этого дѣла частнымъ лабораторіямъ, кромѣ вѣроятной потребности въ болѣе значительныхъ расходахъ, не представитъ того ручательства въ безошибочности испытанія, какого можно ожидать при учрежденіи собственныхъ лабораторій и при наблюденіи за производствами работъ спеціально ученыхъ членовъ обществъ или при занятіяхъ въ университетскихъ лабораторіяхъ, подъ руководствомъ профессоровъ химіи и физики. Всѣ эти анализы и изслѣдованія могутъ заноситься по мѣрѣ успѣха въ работахъ на картахъ губерній, и наконецъ представлять полную и вѣрную картину всего пространства царства русскаго, съ точными данными химическихъ и физическихъ свойствъ нашихъ культурныхъ и способныхъ къ разработкѣ земель.

Наконецъ для возможно полнаго знакомства съ хозяйственнымъ положеніемъ страны необходимы

7) подробныя климатологическія карты. Для этого стоитъ только имѣть изъ числа членовъ обществъ—наблюдателей по всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ городамъ. Щепетильная забота о величайшей точности цифръ совершенно на первое время излишня; поэтому для производства метеорологическихъ наблюдений не требуется громадныхъ издержекъ на покупку и устройство дорогихъ приборовъ, особенно, если примемъ въ соображеніе, что ширѣ при всѣхъ почти гимназіяхъ наблюденія уже производятся.

Изъ соединенія въ одно цѣлое карты, помѣяутыхъ въ двухъ послѣднихъ пунктахъ, составитсѣ полный хозяйственный атласъ,—необходимое дополненіе къ статистическому описанію. Этотъ плодотворный трудъ, конечно, окажется безмѣрно полезнымъ не только экономическимъ обществамъ, но и каждому просвѣщенному и здравомыслящему хозяину или промышленнику. Экономическимъ обществамъ хозяйственная статистика дастъ возможность знать край, знать нужды земледѣлія и промышленности, а на основаніи этихъ свѣденій направлять свои труды согласно всѣмъ разнообразнымъ мѣстнымъ условіямъ.

Въ отношеніи изданій экономическихъ обществъ, по нашему разумѣнію, полезно бы придерживаться слѣдующихъ основаній:

а) смотрѣть на эти изданія, какъ на одну изъ важнѣйшихъ

мѣръ къ распространенію въ сельско-хозяйственной публикѣ здравыхъ понятій объ общихъ прогрессивныхъ улучшеніяхъ хозяйства и объ особенныхъ, представляющихся въ каждомъ частномъ случаѣ;

б) неустанно слѣдить со стороны управленій обществъ за достоинствомъ помѣщаемыхъ въ періодическихъ изданіяхъ сочиненій, относительно ихъ научной и, главное, практической полезности; съ этой цѣлю во всей строгости держаться постановленій, изложенныхъ въ уставахъ и въ особыхъ правилахъ для повременныхъ изданій, не устраняя отъ вліянія на редакцію специальныхъ отдѣленій общества;

в) ограничить права редакторовъ, оставивъ на ихъ обязанности только распорядительныя и хозяйственныя заботы, а также исправленіе сочиненій въ отношеніи правильности языка.

Вотъ все, что мы имѣли изложить о направленіи дѣятельности обществъ и относительно ихъ періодическихъ изданій. Если мы даже во многомъ ошибались, то оправданіемъ послужитъ горячее наше сочувствіе всякому успѣху въ развитіи земледѣльческихъ и промышленныхъ богатствъ Россіи. Утѣшаемся мыслию, что, можетъ быть, нашъ голосъ не пропадетъ безъ слѣда, а послужитъ началомъ къ общимъ всестороннимъ обсужденіямъ этой важнѣйшей задачи, составляющей насущную, жизненную потребность настоящей хозяйственной эпохи. *Quid potui feci, faciant meliora potentes.*

Н. Тимашевъ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ.

Въ Разбродѣ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Гл. V—IX).	<i>А. Михайлова.</i>
Между молотомъ и наковальней. Романъ. (Окончаніе)	<i>Фр. Шпилъгагена.</i>
* * Стихотвореніе	<i>С. А—дина.</i>
Историческія судьбы женщины. (Статья первая).	<i>С. С. Шапкова.</i>
Поѣздка льва. (Изъ Фрейлиграта). Стихо- твореніе	<i>П. И. Веймберга.</i>
Опыты превращенія новыхъ людей въ ста- рыхъ. (Парагвай)	<i>Эли Реклю.</i>
Золото. (Изъ Т. Гуда). Стихотвореніе . . .	<i>Д. Д. Минаева.</i>
Община и ея жизнь въ русскомъ острогѣ. Записки, веденныя въ тюрьмѣ. (Гл. III—IV).	<i>Н. Семилужинскаго.</i>
Роковыя контрасты. (Изъ Барри Корнуэля). Стихотвореніе	<i>Д. Д. Минаева.</i>
Жизнь. (Изъ Лонгфело). Стихотвореніе . .	<i>Д. Свѣяжскаго.</i>
Передъ Могилой. Стихотвореніе	<i>А. III.</i>

· СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Люди сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ. *Н. III.*

(Люди сороковыхъ годовъ. Романъ Писемскаго, «Заря» 1869 г.)

Новыя книги.

Голосъ изъ земства. А. Кошелева. Москва 1869 г.—Исторія цивилизаціи Германіи. I. Шерра, переводъ съ 3-го изданія А. Невѣдомскаго и Д. Писарева. Спб. 1869 г.—Римскіе папы, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Соч. Леопольда Ранке, переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1869 г. 2 тома.

Н. В. Шелунова.

Психо-физиологическія этюды А. Бэна, профессора логики въ эбердинскомъ университетѣ. Пер. съ англ. Ф. Резенера. Изд. «Русской книжной торговли». Спб. 1869 г.

Журналистика 1869 года *Ок—рица.*

(Новые романы старыхъ романистовъ. Статья I).

Организація труда *Ами.*

(Les associations ouvrières en Angleterre (trades-unions), Par M. le comte de Paris. Paris, in—8°, 1869).

Политическая и общественная хроника. . . *Жака Лефрениа.*

Контрастъ между Англіей и континентальной Европой.—Способность англичанъ вести общее дѣло. — Сила общественного мнѣнія въ Англіи ломаетъ старыя традиціи.—Затруднительное положеніе католическаго духовенства въ Ирландіи вслѣдствіе церковнаго билля.—Эпидемія пропаганды. — Широкіе размѣры дѣятельности партій секуляристовъ.—Ея успѣхи. — Замѣчательный ораторъ и политическій дѣятель Брэдло.—Борьба шабашниковъ съ лигерами воскресенья. — Противодѣйствіе со стороны общественного мнѣнія нуризму чтителей воскреснаго дня. — Отраженіе въ Англіи событій европейскаго континента.—Демократизированіе англійской палаты общинъ. — Сближеніе англійскихъ высшихъ классовъ съ рабочими. — Ужасное устройство рабочихъ домовъ.—Дѣтоубійство и самоубійство въ виду безвыходной нищеты.—Мудрые епископы.—Переполюхъ бонапартистовъ. — Статьи Бичеръ-Стоу о Байронѣ.—Паденіе вѣры въ Индіи.

Что дѣлаютъ и что могутъ дѣлать экономическія общества и ихъ изданія? *Н. Тимасова.*

ИЗДАНІЯ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

А. МЮНКСА въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

на Невскомъ проспектѣ домъ № 14.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ХИМІЯ,

соч. Р. Гофмана.

СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ КАСАТЕЛЬНО РОССІИ.

проф. А. Энгельгардта.

С.-Петербургъ 1868. 500 стр. со многими рисунками въ текстѣ.
ЦѢНА 2 р. СЪ ПЕРЕС. 2 р. 40 к.

Изъ предисловія. Земледѣльческая химія настоящаго времени преслѣдуетъ практическое направленіе, не теряя при этомъ изъ виду науку; она старается, съ должнымъ вниманіемъ къ сельско-хозяйственному опыту, примирить практику съ теоріею и сдѣлать полезными для сельскаго хозяина уроки земледѣльческой химіи, не гоняясь за эффектными выводами.

Такое направленіе земледѣльческой химіи принято во вниманіе и въ настоящемъ сочиненіи. Сочиненіе это предназначено для практиковъ и должно, минуя гипотезы, теоретическіе выводы и спорные вопросы, дать въ сжатой формѣ объясненіе того, что мы дѣйствительно знаемъ въ области земледѣльческой химіи и кромѣ того что открыто и требуетъ еще изслѣдованія. Она должна служить пособіемъ для сельскаго хозяина, совѣтчикомъ, у котораго онъ можетъ найти объясненіе, какъ примѣнить на практикѣ то, что наука предлагаетъ ему за вѣрное въ настоящее время.

Руководство къ сельско-хозяйственному химическому анализу съ спеціальнымъ указаніемъ изслѣдованія важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ для употребленія при практическихъ работахъ въ химической лабораторіи.

Соч. д-ра **Вронера**,

переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей
профессора ЭНГЕЛЬГАРДТА,

Цѣна 80 к., съ перес. 1 руб. сер.

КАРТИНЫ

ИЗЪ

ЖИЗНИ НАСѢКОМЫХЪ

СОСТАВИЛЪ

А. ГАНИКЪ

съ 174 рисунками.

Цѣна 2 р. 50 коп. съ перес. 3 р. с.

УЧЕБНИКЪ ГАРМОНИИ

сост. **Э. Ф. Рихтеръ**

перевелъ съ 6-го нѣмецк. изданія

Александръ ФАМИНЦЫНЪ

Цѣна 1 р. 50 коп. съ перес. 1 р. 75 коп.

Изъ предисловія переводчика:

Предлагаемый переводъ сдѣланъ мною съ цѣлью: 1) способствовать къ пополненію большого пробѣла въ нашей музыкальной литературѣ, 2) установить печатно, насколько возможно, до сихъ поръ еще очень шаткую теоретически-музыкальную номенклатуру на русскомъ языкѣ.

Выборъ мой, для перевода, именно учебника Рихтера, достаточно оправдывается съ одной стороны полезною, долготѣною дѣятельностью его автора, какъ профессора Лейпцигской консерваторіи, съ другой — множествомъ изданій, выдержанныхъ самимъ сочиненіемъ.

Л. ШАНДОРА.

ВЪ 1869-ОМЪ ГОДУ ВО ВСѢХЪ СТРАНАХЪ

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ

ШАНДОРИНО - ГАЗОВЫЯ СВѢЧИ

БЕЗЪ СВѢТИЛЬНИ

И

БЕЗЪ ИГЛЫ

продаются оптомъ и въ розницу

въ магазинахъ Л. ШАНДОРА

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, большая Конюшенная д. № 17.

**Въ МОСКВѢ, на углу большой Никитской и Газетнаго
переулка, д. княгини Вадбольской.**

и у всѣхъ моихъ въ газетахъ объявленныхъ агентовъ.

цѣна Шандорину

**для шандоринovýchъ лампъ
въ С.-ПетербургѢ 11 к. за фунтъ.**

„ Москвѣ 11 „ „ „

Л. ШАНДОРЪ

**Американскій гражданинъ.
Контрагентъ для столичнаго
освѣщенія.**

Отъ главной конторы журнала

„ДѢЛО“.

(По Троицкому переулку, д. Гассе, № 13.)

СПИСОКЪ ЖАЛОБЪ НА НЕПОЛУЧЕНІЕ КНИЖЕКЪ „ДѢЛА“:

1. Г. Боголюбовъ, изъ Козьмодемьянска, не получилъ 4 кн. «ДѢла» за 1869 годъ.
2. Г. Жученко, изъ Полтавы, не получилъ 6 кн. «ДѢла» за 1869 годъ.
3. Г. Чертороговъ, изъ Уральска, не получилъ 6 кн. «ДѢла» за 1869 годъ.
4. Б-ка Забайкальскаго Обл. Статист. Комитета въ Читѣ, не получила 1 кн. «ДѢла», которая выслана ей *вторично*.
5. Г. Марковичъ, изъ Сосницы, не получилъ 6 кн. «ДѢла» за «ДѢла» 1869 годъ.
6. Г. Нѣмчиновъ изъ Кяхты не получилъ ни одной книжки за 1869 годъ.
7. Г. Полубояриновъ, изъ Нижняго Ломова, не получилъ 4 кн. «ДѢла» за 1869 годъ.
8. Г. Игумновъ, изъ Лебедянки, не получилъ 6 кн. «ДѢла» за 1869 годъ.
9. Г. Полторацкій, изъ Илецкаго Городка, не получилъ 4 кн. «ДѢла за 1869 годъ.

Всѣ эти жалобы сообщены Газетной Экспедиціи и потребованы отъ нея объясненія, такъ какъ книжки, на неполученіе которыхъ здѣсь выписаны жалобы, были редакціею своевременно сданы на почту.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

(Въ С.-Петербургѣ, по Троицкому переулку, д. Гассе).

Вышло и продается новое сочиненіе Дж. Ст. Милля

О ПОДЧИНЕНІИ ЖЕНЩИНЫ.

Перев. съ англійскаго подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова.

Съ приложеніемъ въ концѣ книги статьи Юг. Шерра

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЖЕНСКІЕ ТИПЫ.

Цѣна изданію 1 руб. сер. безъ перес. Съ перес. 1 р. 20 к.

Около 10 будущаго октября выйдетъ и поступить въ продажу отдѣльнымъ изданіемъ романъ Фр. Шпильгагена:

МЕЖДУ МОЛОТОМЪ И НАКОВАЛЬНОЙ

въ 2-хъ томахъ, около 50-ти печатныхъ листовъ. Цѣна 2 р. безъ пересылки и 2 р. 30 к. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ и подписчикамъ на журналъ «ДЪЛО» уступается 20%, и если покупается не менѣе 25 экз.—25%.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

въ 1870 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной
конторѣ редакціи, въ Троицкомъ переулкѣ,
домъ Гассе № 13, и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Воль-
фа, въ Гостиномъ дворѣ, №№ 18, 19 и
20.—

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Со-
ловьева бывш. Баунова на Стра-
стномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

На годъ:

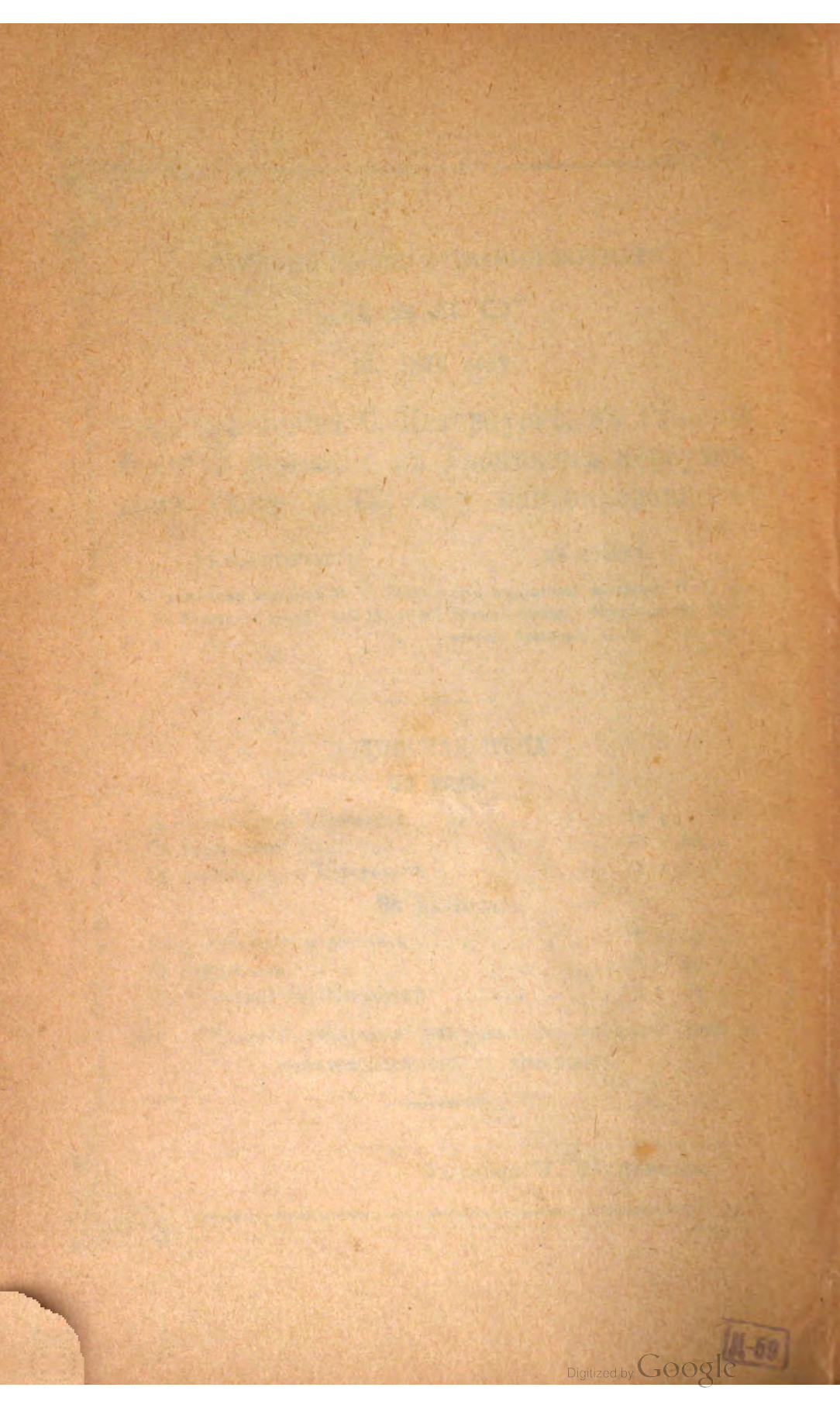
Безъ пересылки и доставки	14 р.
Съ пересылкою иногородн.	15 » 50 к.
Съ доставкою въ Петербургѣ	15 »

На полгода:

Безъ пересылки и доставки	7 р. 50 к.
Съ пересылкою	8 » 50 »
Съ доставкой въ Петербургѣ	8 » 25 »

*Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за
поручительствомъ и. казначеевъ.*

Редакторъ Н. Шульгинъ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 301 735

